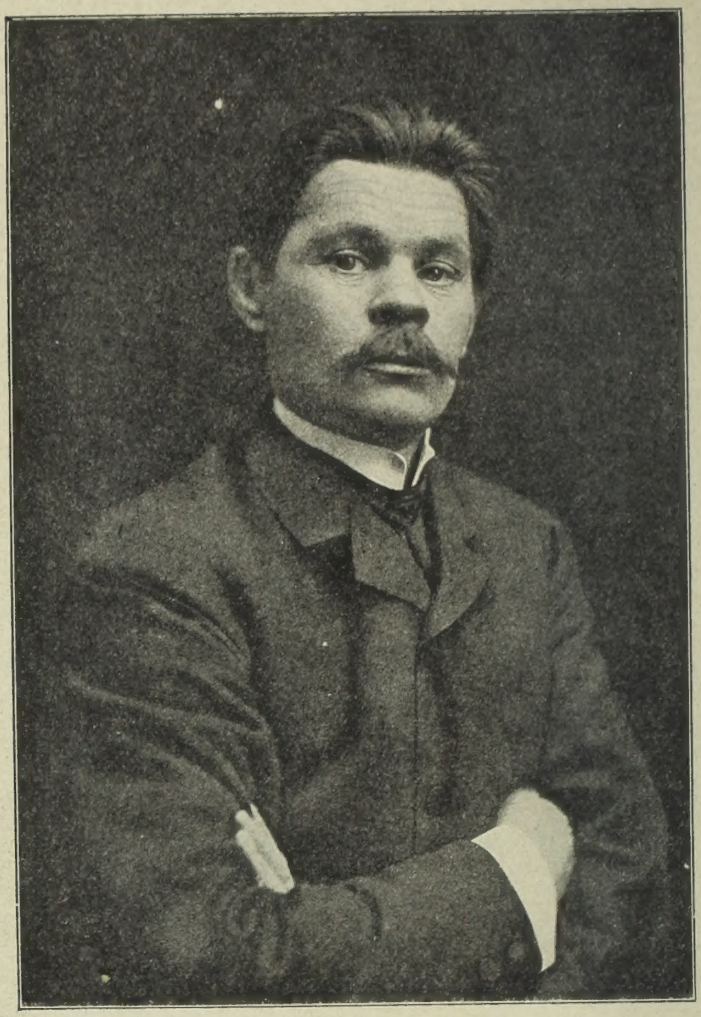
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso11gork



М. Горький

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Gorkiĭ, Maksim

М. ГОРЬКІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ▫ ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1917 г

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

891.73
S 667
Г-1

МАКАРЪ ЧУДРА.

Съ моря дулъ влажный и холодный вѣтеръ, разнося по степи задумчивую мелодію плеска набѣгавшей на берегъ волны и шелеста прибрежныхъ кустовъ. Изрѣдка его порывы приносили съ собой иззябшіе, сморщенные и желтые листья и бросали ихъ въ костеръ, раздувая пламя, отчего окружавшая насъ мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на мигъ слѣва—безграничную степь, справа—безконечное море и прямо противъ меня—большую фигуру Макара Чудры, стараго цыгана, сторожившаго коней своего табора, раскинутаго шагахъ въ пятидесяти отъ насъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что холодныя волны вѣтра, распахнувъ чекмень, обнажили его волосатую бронзовую грудь и безжалостно бьютъ ее, онъ полулежалъ въ красивой, свободной и сильной позѣ, лицомъ ко мнѣ, методически потягивалъ изъ своей громадной трубки, выпускалъ изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставивъ глаза куда-то черезъ мою голову въ мертво молчавшую темь степи, разговаривалъ со мной, не умолкая и не дѣлая ни одного движенія къ защитѣ отъ рѣзкихъ ударовъ вѣтра.

— Такъ ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбралъ себѣ, соколъ. Такъ и надо: ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай—вотъ и все!

— Жизнь? Иные люди?—продолжалъ онъ, скептически выслушавъ мое возраженіе на его „такъ и надо“.—Эге! А тебѣ что до этого? Развѣ ты самъ не жизнь? А другіе люди живутъ безъ тебя и проживутъ безъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты кому-то нуженъ? Ты не хлѣбъ и не палка, ну, и не нужно тебя никому.

„Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться

сдѣлать людей счастливыми? Нѣтъ, не можешь. Ты посѣдѣй сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякій знаетъ, что̀ ему нужно. Которые умнѣе, тѣ берутъ что̀ есть, которые поглупѣе—тѣ ничего не получаютъ, и всякій самъ учится...

„Смѣшные они, тѣ твои люди. Сбились въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько,—онъ широко повелъ рукой на степь.—И все работаютъ. Зачѣмъ? Кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источитъ на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ.

„Что̀ же онъ, родился за тѣмъ, что ли, чтобъ поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы самому себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ степной волны веселитъ ему сердце? Эге! Онъ рабъ—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Что̀ онъ съ собой можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного.

„А я вотъ, смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагѣ, такъ въ тысячу такихъ торбъ, какъ у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я не былъ? И не скажешь. Ты и не знаешь такихъ краевъ, гдѣ я бывалъ. Такъ нужно жить: иди, иди—и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ—чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобъ не разлюбить ея. А задумаешься—разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ. И со мной это было. Эге! Было, соколъ.

„Въ тюрьмѣ я сидѣлъ, въ Галичинѣ. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ?—помыслилъ я какъ-то разъ со скуки,—скучно въ тюрьмѣ, соколъ, э, какъ скучно!—и взяла меня тоска за сердце, какъ посмотрѣлъ я изъ окна на поле, взяла и сжала его, какъ клещами. Кто скажетъ, зачѣмъ онъ живетъ? Никто не скажетъ, соколъ! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тутъ. И похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда. Я тогда чуть не удавился поясомъ, вотъ какъ!

„Хе! Говорилъ я съ однимъ человѣкомъ. Строгій человѣкъ изъ вашихъ, русскихъ. Нужно, говоритъ онъ, жить не такъ, какъ ты самъ хочешь, а такъ, какъ сказано въ Божьемъ словѣ. Богу покоряйся, и Онъ дастъ тебѣ все, что̀

попросишь у Него. А самъ онъ весь въ дырьяхъ, рваный. Я и сказалъ ему, чтобы онъ себѣ новую одежду попросилъ у Бога. Разсердился онъ и прогналъ меня, ругаясь. А до того говорилъ, что надо прощать людей и любить ихъ. Вотъ бы и простилъ мнѣ, коли моя рѣчь обидѣла его милость. Тоже учитель! Учатъ они меньше ѣсть, а сами ѣдятъ по десять разъ въ сутки".

Онъ плюнулъ въ костеръ и замолчалъ, снова набивая трубку. Вѣтеръ вылъ о чемъ-то жалобно и тихо, во тьмѣ ржали кони, и изъ табора плыла нѣжная и страстная пѣсня-думка. Это пѣла красавица Нонка, дочь Макара. Я зналъ ея голосъ густого грудного тембра, всегда какъ-то странно недовольно и требовательно звучавшій—пѣла ли она пѣсню, говорила ли „здравствуй". На ея смугломъ матовомъ лицѣ замерла надменность царицы, а въ подернутыхъ какой-то тѣнью темно-карихъ глазахъ сверкало сознаніе неотразимости ея красоты и презрѣніе ко всему, что не она сама.

Макаръ подалъ мнѣ трубку.

— Кури! Хорошо поетъ дѣвка? То-то! Хотѣлъ ты, чтобъ такая тебя полюбила? Нѣтъ? Хорошо! Такъ и надо—не вѣрь дѣвкамъ и держись отъ нихъ дальше. Дѣвкѣ цѣловаться лучше и пріятнѣй, чѣмъ мнѣ трубку курить, а поцѣловалъ ее—и умерла воля въ твоемъ сердцѣ. Привяжетъ она тебя къ себѣ чѣмъ-то, чего не видно, а порвать нельзя, и отдашь ты ей всю душу. Вѣрно! Берегись дѣвокъ! Лгутъ всегда, гадюки! Люблю, говоритъ, больше всего на свѣтѣ, а ну-ка, уколи ее булавкой, и она разорветъ тебѣ сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, соколъ, хочешь, скажу одну быль? А ты ее запомни и, какъ запомнишь, вѣкъ свой будешь свободной птицей.

„Былъ на свѣтѣ Зобаръ, молодой цыганъ, Лойко Зобаръ. Вся Венгрія, и Чехія, и Славонія, и все, что кругомъ моря, знало его,—удалый былъ малый! Не было по тѣмъ краямъ деревни, въ которой бы пятокъ-другой жителей не давалъ Богу клятвы убить Лойко, а онъ себѣ жилъ, и ужъ коли ему понравился конь, такъ хоть полкъ солдатъ поставь сторожить того коня—все равно Зобаръ на немъ гарцовать станетъ! Эге! развѣ онъ кого боялся? Да приди къ нему сатана со всей своей свитой такъ онъ бы, коли бъ не пустилъ въ него ножа, то навѣрно бы крѣпко поругался, а что чертямъ подарилъ бы по пинку въ рыла—это ужъ какъ разъ!

„И всѣ таборы его знали или слыхали о немъ. Онъ любилъ только коней и ничего больше, и то не долго—поѣздитъ да и продастъ, а деньги, кто хочетъ, тотъ и возьми.

У него не было завѣтнаго—нужно тебѣ его сердце, онъ самъ бы вырвалъ его изъ груди да тебѣ и отдалъ, только бы тебѣ отъ того хорошо было. Вотъ онъ какой былъ, соколъ!

„Нашъ таборъ кочевалъ въ то время по Буковинѣ,—это годовъ десять назадъ тому. Разъ, ночью весенней, я помню, было, сидимъ мы: я вотъ, Данила солдатъ, что̀ съ Кошутомъ воевалъ вмѣстѣ, и Нуръ старый, и всѣ другіе, и Радда, Данилова дочка.

„Ты Нонку мою знаешь? Царица-дѣвка! Ну, а Радду съ ней ровнять нельзя—много чести Нонкѣ! О ней, этой Раддѣ, словами и не скажешь ничего. Можетъ-быть, ея красоту можно бы на скрипкѣ сыграть да и то тому, кто эту скрипку, какъ свою душу, знаетъ.

„Много посушила она сердецъ молодецкихъ, ого, много! На Моравѣ одинъ магнатъ, старый, чубатый, увидалъ ее и остолбенѣлъ. Сидитъ на конѣ и смотритъ, дрожа, какъ въ огневицѣ. Красивъ онъ былъ, какъ чортъ въ праздникъ, жупанъ шитъ золотомъ, на боку сабля, какъ молнія, сверкаетъ, чуть конь ногой топнетъ... вся эта сабля въ камняхъ драгоцѣнныхъ и голубой бархатъ на шапкѣ, точно неба кусокъ, важный былъ господарь старый! Смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и говоритъ Раддѣ: „Гей! Поцѣлуй, кошель денегъ дамъ“. А та отвернулась въ сторону, да и только!—„Прости, коли обидѣлъ, взгляни хоть поласковѣй“,—сразу сбавилъ спеси старый магнатъ и бросилъ къ ея ногамъ кошель—большой кошель, братъ! А она его будто невзначай пнула ногой въ грязь, да и все тутъ.

„— Эхъ, дѣвка!—охнулъ онъ, да и плетью по коню—только пыль взвилась тучей.

„А на другой день снова явился.—„Кто ея отецъ?“—громомъ гремитъ по табору. Данила вышелъ.—„Продай дочь, что̀ хочешь возьми!“ А Данила и скажи ему:—„Это только паны продаютъ все, отъ своихъ свиней до своей совѣсти, а я съ Кошутомъ воевалъ и ничѣмъ не торгую!“ Взревѣлъ-было тотъ да и за саблю, но кто-то изъ насъ сунулъ зажженный трутъ въ ухо коню, онъ и унесъ молодца. А мы снялись да и пошли. День идемъ и два, смотримъ—догналъ! „Гей, вы!—говоритъ,—передъ Богомъ и вами совѣсть моя чиста, отдайте дѣвку въ жены мнѣ: все подѣлю съ вами, богатъ я сильно!“ Горитъ весь и, какъ ковыль подъ вѣтромъ, качается въ сѣдлѣ. Мы задумались.

„— А ну-ка, дочь, говори!—сказалъ себѣ въ усы Данила.

„— Кабы орлица къ ворону въ гнѣздо по своей волѣ пошла, чѣмъ бы она стала?—спросила насъ Радда.

„Засмѣялся Данила и всѣ мы съ нимъ.

„— Славно, дочка! Слышалъ, господарь? Не идетъ дѣло! Голубокъ ищи—тѣ податливѣй.

„И пошли мы впередъ.

„А тотъ господарь схватилъ шапку, бросилъ ее оземь и поскакалъ, поскакалъ такъ, что земля задрожала. Вотъ она какова была Радда, соколъ!

„Да! Такъ вотъ разъ ночью сидимъ мы и слышимъ—музыка плыветъ по степи. Хорошая музыка! Кровь загоралась въ жилахъ отъ нея, и звала она куда-то. Всѣмъ намъ, мы чуяли, отъ той музыки захотѣлось чего-то такого, послѣ чего бы и жить ужъ не нужно было, или, коли жить, такъ царями надъ всей землей,—вотъ какая, соколъ!

„А она все ближе. Вотъ изъ темноты вырѣзался конь, а на немъ человѣкъ сидитъ и играетъ, подъѣзжая къ намъ. Остановился у костра, пересталъ играть и, улыбаясь, смотритъ на насъ.

„— Эге, Зобаръ, да это ты!—крикнулъ ему Данила радостно.

„Такъ вотъ онъ, Лойко Зобаръ!

„Усы легли на плечи и смѣшались съ кудрями вороненой стали, очи, какъ ясныя звѣзды, горятъ, а улыбка—цѣлое солнце, ей-Богу! Точно его ковали ковали изъ одного куска желѣза вмѣстѣ съ конемъ. Стоитъ весь, какъ въ крови, въ огнѣ костра и сверкаетъ зубами, смѣясь! Эге, будь я проклятъ, коли я его не любилъ уже, какъ себя, раньше, чѣмъ онъ мнѣ слово сказалъ или просто замѣтилъ, что и я тоже живу на бѣломъ свѣтѣ!

„Вотъ, соколъ, какіе люди бываютъ! Взглянетъ онъ тебѣ въ очи и полонитъ твою душу, и ничуть тебѣ это не стыдно, а еще и гордо для тебя. Съ такимъ чоловѣкомъ ты и самъ лучше становишься сразу же. Мало, другъ, такихъ людей! Ну, такъ и ладно, коли мало. Много хорошаго было бы на свѣтѣ, такъ его и за хорошее не считали бы. Такъ-то! А слушай-ка дальше.

„Радда и говоритъ:—„Хорошо ты, Лойко, играешь! Кто это сдѣлалъ тебѣ скрипку такую звонкую и чуткую?“ А тотъ смѣется:—„Я самъ дѣлалъ! И сдѣлалъ ее не изъ дерева, а изъ груди молодой дѣвушки, которую любилъ крѣпко, а струны изъ ея сердца мною свиты. Вретъ еще немного скрипка, ну, да я умѣю смычокъ въ рукахъ держать исправно!“

„Извѣстно, нашъ братъ старается сразу затуманить дѣвкѣ очи, чтобъ они не зажгли его сердца, а сами подернулись бы по тебѣ грустью, вотъ и Лойко тожъ. Но не на ту по-

палъ. Радда отвернулась въ сторону и, зѣвнувъ, сказала:—„А еще говорили, что Зобаръ уменъ и ловокъ,—вотъ лгутъ люди!“ и пошла прочь.

„— Эге, красавица, у тебя остры зубы!—сверкнулъ очами Лойко, слѣзая съ коня.—Здравствуйте, браты! Вотъ и я къ вамъ!

„— Просимъ гостя!—сказалъ Данила въ отвѣтъ ему. Поцѣловались, поговорили и легли спать... Крѣпко спали. А на утро глядимъ, у Зобара голова повязана тряпкой. Что̀ это? А это конь зашибъ его копытомъ соннаго.

„Э, э, э! Поняли мы, кто этотъ конь, и улыбнулись въ усы, и Данила улыбнулся. Что̀ жъ, развѣ Лойко не стоилъ Радды? Ну, ужъ нѣтъ! Дѣвка какъ ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пудъ золота повѣсь ей на шею, все равно, лучше того, какова она есть, не быть ей. А ну, ладно!

„Живемъ мы да живемъ на томъ мѣстѣ, дѣла у насъ о ту пору хорошія были, и Зобаръ съ нами. Это былъ товарищъ! И мудръ былъ, какъ старикъ, и свѣдущъ во всемъ, и грамоту русскую и венгерскую понималъ. Бывало, пойдетъ говорить—вѣкъ бы не спалъ, слушалъ его! А играетъ—убей меня громъ, коли на свѣтѣ еще кто-нибудь такъ игралъ, какъ Зобаръ! Проведетъ, бывало, по струнамъ смычкомъ—и вздрогнетъ у тебя сердце, проведетъ еще разъ—и замретъ оно, слушая, а онъ играетъ и улыбается. И плакать и смѣяться хотѣлось въ одно время, слушая его пѣсни. Вотъ тебѣ сейчасъ кто-то стонетъ горько изъ-подъ смычка, стонетъ, проситъ помощи и рѣжетъ тебѣ грудь, какъ ножомъ. А вотъ степь говоритъ небу сказки, тихія, печальныя сказки. Плачетъ дѣвушка, провожая добра-молодца. Добрый молодецъ кличетъ дѣвицу въ степь на свиданіе. И вдругъ—гей! Громомъ гремитъ вольная, живая пѣсня, и само солнце, того и гляди, затанцуетъ по небу подъ ту пѣсню. Вотъ какъ, соколъ!

„Каждая жила въ твоемъ тѣлѣ понимала ту пѣсню, и весь ты становился рабомъ ея. И коли бы тогда крикнулъ Лойко: „Въ ножи, товарищи!“, то и пошли бы мы всѣ въ ножи, съ кѣмъ указалъ бы онъ. Все онъ могъ сдѣлать съ человѣкомъ, и всѣ любили его, крѣпко любили, только Радда одна не смотритъ на парня; и ладно, коли бы только это, а то еще и подсмѣивается надъ нимъ. Крѣпко она задѣла за сердце Зобара, то-то крѣпко! Зубами скрипитъ, дергая себя за усъ, Лойко, очи темнѣе бездны смотрятъ, а порой въ нихъ такое сверкаетъ, что за душу страшно становится. Уйдетъ ночью

въ степь далеко удалый Лойко, и плачетъ до утра тамъ его скрипка, плачетъ, хоронитъ Зобарову волю. А мы лежимъ да слушаемъ и думаемъ: какъ быть? И знаемъ, что, коли два камня другъ на друга катятся, становиться между ними нельзя—изувѣчатъ. Такъ и шло дѣло.

„Разъ сидѣли мы всѣ въ сборѣ и говорили о дѣлахъ. Скучно стало. Данила и проситъ Лойко: „Спой, Зобаръ, пѣсенку, повесели душу!“. Тотъ повелъ окомъ на Радду, что̀ неподалеку отъ него лежала кверху лицомъ да смотрѣла въ небо, и ударилъ по струнамъ. Такъ и заговорила скрипка, точно это и вправду дѣвичье сердце было! И запѣлъ Лойко:

Гей-гопъ! Въ груди горитъ огонь,
А степь такъ широка!
Какъ вѣтеръ быстръ мой борзый конь,
Тверда моя рука!

„Повернула голову Радда и, привставъ, усмѣхнулась въ очи пѣвуну. Вспыхнулъ, какъ заря, онъ.

Гей, гопъ-гей! Ну, товарищъ мой!
Поскачемъ, что ль, впередъ?!
Одѣта степь суровой мглой,
А тамъ разсвѣтъ насъ ждетъ!
Гей-гопъ! Летимъ и встрѣтимъ день.
Взвивайся въ вышину!
Да только гривой не задѣнь
Красавицу луну!

„Вотъ пѣлъ! Никто ужъ такъ не поетъ теперь! А Радда и говоритъ, точно воду цѣдитъ:

„— Ты бы не залеталъ такъ высоко, Лойко, неравно упадешь да въ лужу носомъ, усы запачкаешь, смотри.

„Звѣремъ посмотрѣлъ на нее Лойко, а ничего не сказалъ—стерпѣлъ парень и поетъ себѣ:

Гей-гопъ! Вдругъ день придетъ сюда,
А мы съ тобою спимъ.
Эй, гей! Вѣдь мы съ тобой тогда
Въ огнѣ стыда сгоримъ!

„— Это пѣсня!—сказалъ Данила,—никогда не слыхалъ такой пѣсни: пусть изъ меня сатана себѣ трубку сдѣлаетъ, коли вру я!

„Старый Нуръ и усами поводилъ и плечами пожималъ, и всѣмъ намъ по душѣ была удалая Зобарова пѣсня. Только Раддѣ не понравилась.

„— Вотъ такъ однажды комаръ гудѣлъ, орлиный клекотъ передразнивая,—сказала она, точно снѣгомъ въ насъ кинула.

„— Можетъ-быть, ты, Радда, кнута хочешь?—потянулся Данила къ ней, а Зобаръ бросилъ наземь шапку да и говоритъ, весь черный, какъ земля:

„— Стой, Данила! Горячему коню—стальныя удила! Отдай мнѣ дочку въ жены!

„— Вотъ сказалъ рѣчь!—усмѣхнулся Данила,—да возьми, коли можешь!

„— Добро,—молвилъ Лойко и говоритъ Раддѣ:—Ну, дѣвушка, послушай меня немного, да не кичись! Много я вашей сестры видѣлъ, эге, много! А ни одна не тронула моего сердца такъ, какъ ты. Эхъ, Радда, полонила ты мою душу! Ну что̀ жъ? Чему быть, такъ то и будетъ, и... нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самого себя ускакать можно бъ было!.. Беру тебя въ жены передъ Богомъ, своей честью, твоимъ отцомъ и всѣми этими людьми. Но, смотри, волѣ моей не перечь—я все-таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу!—И онъ подошелъ къ ней, стиснувъ зубы и сверкая глазами.

„Смотримъ мы, протянулъ онъ ей руку,—вотъ, думаемъ, и надѣла узду на степного коня Радда! Вдругъ видимъ, взмахнулъ онъ руками и оземь затылкомъ грохъ!

„Что̀ за диво? Точно пуля ударила въ сердце малаго. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги да и дернула къ себѣ,—вотъ отчего упалъ Лойко.

„И снова ужъ лежитъ дѣвка, не шевелясь, да усмѣхается молча. Мы смотримъ, что̀ будетъ, а Лойко сидитъ на землѣ и сжалъ руками голову, точно боится, что она у него лопнетъ. А потомъ всталъ тихо да и пошелъ въ степь, ни на кого не глядя. Нуръ шепнулъ мнѣ: „Смотри за нимъ!“. И поползъ я за Зобаромъ по степи въ темнотѣ ночной. Такъ-то, соколъ!“

Макаръ выколотилъ пепелъ изъ трубки и снова сталъ набивать ее. Я закутался плотнѣе въ чекмень и, лежа, смотрѣлъ на его старое лицо, черное отъ загара и вѣтра. Онъ сурово и строго качалъ головой и что-то шепталъ про себя; густые сѣдые усы шевелились, и вѣтеръ трепалъ ему волосы на головѣ. Онъ былъ похожъ на старый дубъ, обожженный молніей, но все еще мощный, крѣпкій и гордый своей силой. Море шепталось попрежнему съ берегомъ, и вѣтеръ все такъ же носилъ его шопотъ по степи. Нонка уже не пѣла, а собравшіяся на небѣ тучи сдѣлали осеннюю ночь еще темнѣй.

— Шелъ Лойко нога за ногу, повѣся голову и опустивъ руки, какъ плети, и, придя въ балку къ ручью, сѣлъ на камень и охнулъ. Такъ охнулъ, что у меня сердце кровью обли-

лось отъ жалости, но все жъ не подошелъ къ нему. Словомъ горю не поможешь—вѣрно?! То-то! Часъ онъ сидитъ, другой сидитъ и третій не шелохнется—сидитъ.

„И я лежу неподалеку. Ночь свѣтлая, мѣсяцъ серебромъ всю степь залилъ, и далеко все видно.

„Вдругъ вижу: отъ табора спѣшно Радда идетъ.

„Весело мнѣ стало... „Эхъ, важно!—думаю, — удалая дѣвка Радда!“ Вотъ она подошла къ нему, онъ и не слышитъ. Положила ему руку на плечо; вздрогнулъ Лойко, разжалъ руки и поднялъ голову. И какъ вскочитъ, да за ножъ! Ухъ, порѣжетъ дѣвку, вижу я, и ужъ хотѣлъ, крикнувъ до табора, побѣжать къ нимъ, вдругъ слышу:

„— Брось! Голову разобью!

Смотрю: у Радды въ рукѣ пистоль, и она въ лобъ Зобару цѣлитъ. Вотъ сатана-дѣвка! А ну, думаю, они теперь равны по силѣ, что̀ будетъ дальше?

„— Слушай!—Радда заткнула за поясъ пистоль и говоритъ Зобару:—Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай ножъ!

„Тотъ бросилъ и хмуро смотритъ ей въ очи. Дивно это было, братъ! Стоятъ два человѣка и звѣрями смотрятъ другъ на друга, а оба такіе хорошіе, удалые люди. Смотритъ на нихъ ясный мѣсяцъ да я—и все тутъ.

„— Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю!—говоритъ Радда.

„Тотъ только плечами повелъ, точно связанный по рукамъ и ногамъ.

„— Видала я молодцовъ, а ты удалѣй и краше ихъ душой и лицомъ. Каждый изъ нихъ усы себѣ бы сбрилъ—моргни я ему глазомъ, всѣ они пали бы мнѣ въ ноги, захоти я того. Но что̀ толку? Они и такъ не больно-то удалы, а я бы ихъ всѣхъ обабила. Мало осталось на свѣтѣ удалыхъ цыганъ, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чѣмъ тебя. А безъ тебя мнѣ не жить, какъ не жить и тебѣ безъ меня. Такъ вотъ я хочу, чтобы ты былъ моимъ и душой и тѣломъ, слышишь?

„Тотъ усмѣхнулся.

„— Слышу! Весело сердцу слушать твою рѣчь! Ну-ка, скажи еще!

„— А еще вотъ что̀, Лойко: все равно, какъ ты ни вертись, я тебя одолѣю, моимъ будешь. Такъ не теряй же даромъ времени—впереди тебя ждутъ мои поцѣлуи да ласки... крѣпко цѣловать я тебя буду, Лойко! Подъ поцѣлуй мой за-

будешь ты свою удалую жизнь... и живыя пѣсни твои, что такъ радуютъ молодцовъ-цыганъ, не зазвучатъ по степямъ больше—пѣть ты ужъ будешь любовныя, нѣжныя пѣсни мнѣ, твоей Раддѣ... Такъ не теряй даромъ времени,—сказала я это, значитъ, ты завтра покоришься мнѣ, какъ старшему товарищу юнаку. Поклонишься мнѣ въ ноги передъ всѣмъ таборомъ и поцѣлуешь правую руку мою—и тогда я буду твоей женой.

„Вотъ чего захотѣла чортова дѣвка! Этого и слыхомъ не слыхано было; только въ старину у черногорцевъ такъ было, говорили старики, а у цыганъ — никогда! Побратимство съ дѣвкой! Ну ка, соколъ, выдумай что ни то посмѣшнѣе? Годъ поломаешь голову, не выдумаешь!

„Прянулъ въ сторону Лойко и крикнулъ на всю степь, какъ раненый въ грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

„— Ну, такъ прощай до завтра, а завтра ты сдѣлаешь, что я велѣла тебѣ. Слышишь, Лойко!

„— Слышу! Сдѣлаю,—застоналъ Зобаръ и протянулъ къ ней руки. Она и не оглянулась на него, а онъ зашатался, какъ сломанное вѣтромъ дерево, и палъ на землю, рыдая и смѣясь.

„Вотъ какъ замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привелъ его въ себя.

„Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любитъ слушать, какъ стонетъ, разрываясь отъ горя, человѣческое сердце? Вотъ и думай тутъ!..

„Воротился я въ таборъ и разсказалъ обо всемъ старикамъ. Подумали и рѣшили подождать да посмотрѣть, что будетъ изъ всего этого. А было вотъ что. Когда собрались всѣ мы вечеромъ вокругъ костра, пришелъ и Лойко. Былъ онъ смущенъ и похудѣлъ за ночь страшно, глаза ввалились; онъ опустилъ ихъ въ землю и, не подымая, сказалъ намъ:

„— Вотъ какое дѣло, товарищи: смотрѣлъ въ свое сердце этой ночью и не нашелъ мѣста въ немъ старой вольной жизни моей. Радда тамъ живетъ только—и все тутъ! Вотъ она, красавица Радда, улыбается, какъ царица! Она любитъ свою волю больше меня, а я ее люблю больше своей воли, и рѣшилъ я Раддѣ поклониться въ ноги, такъ она велѣла, чтобъ всѣ видѣли, какъ ея красота покорила удалого Лойку Зобара, который до нея игралъ съ дѣвушками, какъ кречетъ съ утками. А потомъ она станетъ моей женой и будетъ ласкать и цѣловать меня, такъ что уже мнѣ и пѣсенъ пѣть вамъ не захочется и воли моей я не пожалѣю! Такъ ли, Радда?

„Онъ поднялъ глаза и сумно посмотрѣлъ на нее. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себѣ на ноги. А мы смотрѣли и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотѣлось, лишь бы не видать, какъ Лойко Зобаръ упадетъ въ ноги дѣвкѣ—пусть эта дѣвка и сама Радда. Стыдно было чего-то, и жалко, и грустно.

„— Ну!—крикнула Радда Зобару.

„— Эге, не торопись, успѣешь, надоѣстъ еще...—засмѣялся онъ. Точно сталь зазвенѣла,—засмѣялся.

„— Такъ вотъ и все дѣло, товарищи! Что̀ остается? А остается попробовать, такое ли у Радды моей крѣпкое сердце, какимъ она мнѣ его показывала. Попробую же,—простите меня, братцы!

„Мы и догадаться еще не успѣли, что̀ хочетъ дѣлать Зобаръ, а ужъ Радда лежала на землѣ, и въ груди у нея по рукоять торчалъ кривой ножъ Зобара. Оцѣпенѣли мы.

„А Радда вырвала ножъ, бросила его въ сторону и, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, улыбаясь, сказала громко и внятно:

„— Прощай, Лойко! Я знала, что ты такъ сдѣлаешь!..—да и умерла...

„Понялъ ли дѣвку, соколъ?! Вотъ какая, будь я проклятъ на вѣки вѣчные, дьявольская дѣвка была!

„— Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!—на всю степь гаркнулъ Лойко, да, бросившись наземь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ.

„Мы сняли шапки и стояли молча.

„Что̀ скажешь въ такомъ дѣлѣ, соколъ? То-то! Нуръ сказалъ-было: „Надо связать его!“. Не поднялись бы руки связать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нуръ зналъ это. Махнулъ онъ рукой да и отошелъ въ сторону. А Данила поднялъ ножъ, брошенный въ сторону Раддой, и долго смотрѣлъ на него, шевеля сѣдыми усами,—на томъ ножѣ еще не застыла кровь Радды, и былъ онъ такой кривой и острый. А потомъ подошелъ Данила къ Зобару и сунулъ ему ножъ въ спину какъ разъ противъ сердца. Тоже отцомъ былъ Раддѣ старый солдатъ Данила!

„— Вотъ какъ!—повернувшись къ Данилѣ, ясно сказалъ Лойко и ушелъ догонять Радду.

„А мы смотрѣли. Лежала Радда, прижавъ къ груди руку съ прядью волосъ, и открытые глаза ея были въ голубомъ небѣ, а у ногъ ея раскинулся удалой Лойко Зобаръ. На лицо его пали кудри, и не видно было его лица.

„Стояли мы и думали. Дрожали усы у стараго Данилы и

насупились густыя брови его. Онъ глядѣлъ въ небо и молчалъ, а Нуръ, сѣдой, какъ лунь, легъ внизъ лицомъ на землю и заплакалъ такъ, что ходуномъ заходили его стариковскія плечи.

„Было тутъ надъ чѣмъ плакать, соколъ! Такъ-то!..

„Идешь ты, ну и иди своимъ путемъ, не сворачивая въ сторону. Прямо и иди. Можетъ, и не загинешь даромъ. Вотъ и все, соколъ!“

Макаръ замолчалъ и, спрятавъ въ кисетъ трубку, запахнулъ на груди чекмень. Накрапывалъ дождь, вѣтеръ сталъ сильнѣе, и море рокотало глухо и сердито. Одинъ за другимъ къ угасающему костру подходили кони и, осмотрѣвъ насъ большими, умными глазами, неподвижно останавливались, окружая насъ плотнымъ кольцомъ.

— Гопъ, гопъ, эгой!—крикнулъ имъ ласково Макаръ и, похлопавъ ладонью шею своего любимаго вороного коня, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: — Спать пора!

Потомъ завернулся съ головой въ чекмень и, могуче вытянувшись на землѣ, умолкъ. Мнѣ не хотѣлось спать. Я смотрѣлъ во тьму степи, и въ воздухѣ передъ моими глазами плавала царственно-красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку съ прядью черныхъ волосъ къ ранѣ на груди, и сквозь ея смуглые, тонкіе пальцы сочилась капля по каплѣ кровь, падая на землю огненно-красными звѣздочками.

А за нею по пятамъ плылъ удалой молодецъ Лойко Зобаръ; его лицо завѣсили пряди густыхъ черныхъ кудрей, и изъ-подъ нихъ капали частыя, холодныя и крупныя слезы...

Усиливался дождь, и море распѣвало мрачный и торжественный гимнъ гордой парѣ красавцевъ-цыганъ—Лойкѣ Зобару и Раддѣ, дочери стараго солдата Данилы.

А они оба кружились во тьмѣ ночи плавно и безмолвно, и никакъ не могъ красавецъ-пѣвунъ Лойко поровняться съ гордой Раддой.

1892.

О ЧИЖѢ, КОТОРЫЙ ЛГАЛЪ, И О ДЯТЛѢ — ЛЮБИТЕЛѢ ИСТИНЫ.

Это очень правдивая исторія, и я начну ее такъ:

...Вдругъ изо всѣхъ пѣвчихъ птицъ той рощи, въ которой произошелъ этотъ любопытный случай, привлекла къ себѣ общее вниманіе одна, запѣвшая пѣсни, исполненныя не только надеждъ, но и увѣренности.

До той поры всѣ птицы, испуганныя внезапно наступившей сѣренькой и хмурой погодой, пѣли пѣсни, которыя только потому и назывались пѣснями, что ихъ пѣли; въ нихъ преобладали унылыя и безнадежныя ноты, и птицы-слушатели сначала называли ихъ хрипѣньемъ умирающихъ, но потомъ понемногу привыкли и даже стали находить въ нихъ разныя красоты, что̀ однако стоило имъ большого труда.

Тонъ всему въ рощѣ давали вороны, птицы по существу своему мизантропическія и, кромѣ болѣе или менѣе громкаго карканья, ни къ чему не способныя. Въ другое время на нихъ бы не обратили вниманія, но теперь, когда ихъ голоса преобладали, ихъ слушали и даже считали очень мудрыми птицами. А онѣ, подмѣчая послѣднее обстоятельство, мрачно распѣвали:

Карр!.. Въ борьбѣ съ суровымъ рокомъ
Намъ, ничтожнымъ, нѣтъ спасенья.
Все, на что ни взглянешь окомъ,—
Боль и горе, прахъ и тлѣнье...
Карр!.. Страшны удары рока!..
Мудрый пусть имъ покорится...

Карр... карр!.. Скучная пѣсня!.. но сильная, ибо она угнетала всю рощу.

И вдругъ зазвучали смѣлыя пѣсни...

Вся роща, много слышавшая пѣсенъ, встрепенулась и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась, удивленно и тихо шелестя вѣтвями. И даже соловьи, которые всегда поютъ недурно, потому что они жрецы чистаго искусства, съ удовольствіемъ слушали и говорили:

— А вѣдь у этого пѣвца есть искорка!..

И, говоря такъ, втайнѣ гордились своимъ безпристрастіемъ.

А пѣвецъ пѣлъ:

Я слышу карканье воронъ,
Смущенныхъ холодомъ и тьмой...
Я вижу мракъ,—но что мнѣ онъ,
Коль бодръ и ясенъ разумъ мой?..
За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой—въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ!

— Сильно спѣто! — комментировали соловьи — Молодо, самонадѣянно, не музыкально, но сильно, — и, глубокомысленно почистивъ носики, они слушали дальше.

Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Палъ тотъ, кто, робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ...
Друзья! и тотъ палъ, кто, боясь
Труда, волненій, боли ранъ,
О битвѣ судитъ, погрузясь
Въ философическій туманъ...

— Гм... у него очень оригинальные взгляды! — отмѣтили соловьи.—Хотѣлось бы знать, что это за птица!.. — полюбопытствовали они.

Друзья! пусть падшіе молчатъ.
Имъ очи съѣлъ сомнѣній дымъ:
Въ сердцахъ ихъ честь и гордость спятъ.
Друзья! давайте, крикнемъ имъ:
Прочь! вашихъ мудрствованій чадъ
Темнѣе сдѣлалъ эту ночь,
И отравляетъ онъ, какъ ядъ,
Умы и души юныхъ... Прочь!..
Прочь!.. Здѣсь объявлена богамъ
За право первенства война!

— Это смѣло!—сказали соловьи.—О, да, это очень смѣлая пѣсня!..

Роща слушала и ощущала нѣчто хорошее и сильное, это ощущеніе наполняло ее тепломъ и свѣтомъ, и даже старыя,

сѣрымъ туманомъ покрытыя вѣтви деревьевъ зашептали о прошлыхъ дняхъ. То были славные весенніе дни, когда въ рощѣ только-что начинали расцвѣтать цвѣты и надежды, когда птицы пѣли звучные гимны солнцу, а свободное отъ тучъ небо казалось безконечно глубокимъ, и точно звало оно птицъ попытать силу крыльевъ—достигнуть его глубины. То были хорошіе дни, когда не нужно было принуждать себя жить, потому что жить хотѣлось, ибо была цѣль и была надежда достичь ее. И эти дни явились передъ рощей и, какъ звѣзды, заблистали въ туманѣ, скрывавшемъ отъ нея небо.

Птицы встрепенулись и ожили. Гдѣ пѣвецъ? Пусть онъ приметъ дань восторга и благодарности! Это, должно-быть, великолѣпная, красивая птица!

Онѣ собрались цѣлой тучей и съ пѣніемъ ринулись туда, откуда навстрѣчу имъ летѣли бодрые и гордые звуки.

Но когда онѣ прилетѣли, то увидали, что это просто чижъ—самый заурядный, маленькій, сѣренькій, съ восковымъ носикомъ чижъ. Онъ сидѣлъ на вѣткѣ орѣшника и былъ смущенъ оказанной ему честью; мизерный, взъерошенный и суетящійся, онъ возбудилъ во всѣхъ недоумѣніе и никому не понравился.

Прочь!.. Здѣсь объявлена богамъ
За право первенства война!

Когда это кричитъ орелъ, соколъ, ястребъ, наконецъ,—это и красиво и мощно; но чижъ... чижъ, объявляющій войну богамъ... тутъ есть нѣкоторое несоотвѣтствіе, что-то странное и смѣшное. И потомъ это прямо-таки обидно для всѣхъ остальныхъ птицъ. Почему именно чижъ, а не щегленокъ, зябликъ, снѣгирь?..

Пораженныя и обиженныя птицы смотрѣли на чижа и думали:—„Что же теперь будетъ?“

И невольно имъ вспомнилась эта смѣшная синица, которая однажды хотѣла зажечь море...

Но тутъ одинъ находчивый щегленокъ спросилъ чижа:

— Послушайте-ка, это вы сейчасъ пѣли?

— Я...—отвѣчалъ чижъ,—да, это я пѣлъ.

— Гм... а чѣмъ вы это докажете? То-есть мы, конечно, не сомнѣваемся въ вашихъ способностяхъ, но...

Чижъ вздрогнулъ, у него встали дыбомъ перья, и онъ запѣлъ:

Во тьмѣ нами созданной ночи
Проносятся сѣрыя совы...

И блещутъ ихъ мрачныя очи,
И злы, и угрюмо-суровы!..
И гулко ихъ крики несутся,
Смѣются они и рыдаютъ,
Проклятья въ нихъ дню раздаются,
И ночь они смѣхомъ встрѣчаютъ...
О, если бы мрака оковы
Съ моей юной рощи упали,
Исчезли бы дикія совы
И соколы только бъ летали!..
Но соколы,—слабы и хилы,—
Забилися робко въ ущелья
И злятся безъ чести и силы
Подъ звуки чужого веселья.
Ихъ крылья уныло повисли,
Постыдно сердца у нихъ дремлютъ,
И голосу чести и мысли
Свободныя птицы не внемлютъ...

Нѣкоторымъ птицамъ эта пѣсня показалась личностью, и онѣ засвистали чижу, а щегленокъ сказалъ:

— Хорошо, этого достаточно для насъ! Но вотъ что̀ скажите: вы, такъ сказать, будите наше сознаніе... гм!.. а какія собственно у васъ права на это? То-есть я хочу сказать— во имя чего поете вы?!

Чижъ изумился и молча смотрѣлъ на публику.

— Мы, видите ли, хотимъ гарантировать себя отъ ошибокъ, которыхъ, вы знаете, у насъ было многонько-таки, и съ этой цѣлью мы хотѣли бы знать ваши исходные и конечные пункты,—знать, куда и зачѣмъ насъ зовутъ?—поставилъ вопросъ щегленокъ и, довольный собой, засвисталъ что-то чужое: у щеглятъ нѣтъ своихъ пѣсенъ, какъ извѣстно.

Чижъ встрепенулся...

— Я исхожу изъ непоколебимаго убѣжденія въ высокомъ призваніи птицъ, какъ конечнаго, самаго сложнаго и мудраго акта въ творчествѣ природы. Мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобъ оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее—это мы, а не слѣпая сила стихій. Путь, по которому мы должны итти, мнѣ не знакомъ, но я увѣренъ, что нужно итти впередъ. Тамъ страна, достойная быть наградой за тѣ труды, которые понесли мы въ пути! Тамъ вѣчный, неизсякаемый свѣтъ, тамъ невѣдомыя намъ чудеса; тамъ мы насладимся созерцаніемъ нашей силы, и весь міръ будетъ ареной нашихъ дѣяній, величіе которыхъ невозможно представить намъ теперь, тамъ мысль наша разрѣшитъ все, и наши чувства, осложненныя до чудеснаго, откроютъ предъ нами новый міръ неиспытанныхъ наслажде-

ній; тамъ она—жизнь, достойная насъ!.. Уважайте и любите другъ друга и, идя гордой и смѣлой дружиной къ побѣдѣ, не сомнѣвайтесь ни въ чемъ, ибо что̀ есть выше васъ?.. Обернитесь назадъ и посмотрите, чѣмъ вы были раньше,—тамъ, на разсвѣтѣ жизни? Вся ваша вѣра тогда не стоила одной капли сомнѣнія—теперь... Научившись такъ страшно сомнѣваться во всемъ, вамъ пришла пора увѣровать въ себя, ибо только великая сущность можетъ дойти до такого сомнѣнія, до какого дошли вы!.. Туда—въ страну счастья! Туда — въ это чудное „впередъ“!..

— Впередъ! — крикнули птицы, ибо въ ихъ сердцахъ загорѣлась гордость собой.

Слезы вдохновенія переполняли глаза чижа, и онъ все говорилъ и звалъ туда—впередъ! И всѣ птицы пѣли, и всѣмъ стало такъ легко, хорошо, и всѣ чувствовали, что въ сердцахъ родилось такое страстное желаніе жизни и счастья.

— Позвольте, позвольте!.. Я прошу слова... Слово мнѣ!..

Это кричалъ дятелъ съ верхушки осины, и когда его услыхали, то ему тотчасъ же дали слово, потому что онъ кричалъ очень громко.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!—заговорилъ дятелъ.—Рекомендуюсь: я дятелъ. Я питаюсь червяками и люблю истину, которой неуклонно служу и которая понуждаетъ меня сказать вамъ, что васъ нагло обманываютъ. Всѣ эти пѣсни и фразы, слышанныя вами здѣсь, милостивые государи, не болѣе, какъ безстыдная ложь, что̀ я и буду имѣть честь доказать вамъ съ фактами въ рукахъ... Съ фактами въ рукахъ, милостивые государи! А спросите господина Чижа, гдѣ тѣ факты, которыми онъ могъ бы подтвердить то, что̀ сказалъ? Ихъ нѣтъ у него, а именно они-то и нужны ему болѣе, чѣмъ мнѣ; они—все, милостивые государи, и всѣ мы—не болѣе, какъ только крошечные факты, подтверждающіе грандіозный фактъ мудрости и мощи природы, которой мы должны подчиняться, какъ дѣти подчиняются матери.

„Разсмотримъ безпристрастно, что̀ есть тамъ—впереди, куда зоветъ насъ господинъ Чижъ. Всѣ вы вылетали на опушку рощи и знаете, что сейчасъ же за нею начинается поле, лѣтомъ голое и сожженное, зимой покрытое холоднымъ снѣгомъ; тамъ, на краю его, стоитъ деревня, и въ ней живетъ Гришка, человѣкъ, занимающійся птицеловствомъ. Вотъ первая станція по пути „впередъ“, о которомъ такъ много наговорилъ здѣсь господинъ Чижъ.

„Предполагая, что мы устремимся впередъ сообразно его желанію,—въ безкорыстіи котораго я позволю себѣ усомниться,

ибо знаю, что чижи, какъ и всѣ другія существа, не прочь отъ популярности, славы и т. п.,—предполагая, что мы благополучно минуемъ сѣти Гришки и пролетимъ мимо деревни, мы опять-таки очутимся въ полѣ; а на концѣ его снова встрѣтимъ деревню, а потомъ снова—поле, деревня, поле... и такъ какъ земля кругла, то мы и должны будемъ необходимо долетѣть до той самой рощи, въ которой въ данный моментъ я имѣю высокую честь говорить съ вами.

„Это ли та страна, въ которой, по словамъ господина Чижа, мы получимъ награду за наши труды?.. Это ли она?!..

„Я знаю васъ, милостивыя государыни и милостивые государи, я знаю, какъ высоко вы летаете, но... какъ ни горько мнѣ говорить вамъ это,—я знаю и то, что никто изъ васъ не взлеталъ и не можетъ взлетѣть выше самого себя.

„Попытка господина Чижа завоевать себѣ ваше вниманіе путемъ отуманиванія васъ блестящими и громкими фразами ясно указываетъ на степень высоты его мнѣнія о васъ, какъ о здравомыслящихъ существахъ... Эта попытка должна быть строго наказана, милостивыя государыни и милостивые государи!..“

И, преисполненный сознанія высоты выполненной имъ общественной обязанности, мудрый дятелъ, окинувъ торжествующимъ взглядомъ слушателей, сталъ долбить кору осины, на вѣтвяхъ которой онъ возсѣдалъ.

Птицы молча смотрѣли на чижа и видѣли, какъ изъ его глазъ одна за другой скатывались слезинки. О чемъ онъ могъ плакать, какъ не о своей винѣ предъ ними?! Такой мизерный, сѣренькій и лживый чижъ!

А онъ понуро смотрѣлъ туда вдаль, и его глазки точно прощались тамъ съ чѣмъ-то.

Молчала роща, и птицы безшумно разлетались по своимъ мѣстамъ. Улетѣлъ и дятелъ, сопровождаемый почтительнымъ преклоненіемъ предъ его мудростью.

День былъ такой грустный; онъ точно расплакаться о чемъ-то собирался.

И вотъ чижъ, который лгалъ, остался одинъ. Неподвижный и подавленный, онъ сидѣлъ на вѣткѣ орѣшника, и только одна сойка съ любопытствомъ поглядывала на него изъ робкой дрожащей листвы осины. Но это ей скоро наскучило, и, насмѣшливо свистнувъ, она улетѣла.

А чижъ остался и, сидя на вѣткѣ орѣшника, думалъ:

„Я солгалъ, да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо!.. Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду,—и вотъ

почему я солгалъ... Онъ, дятелъ, можетъ-быть, и правъ, но на что нужна его правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетать въ небеса?"

И, оглянувшись кругомъ, бѣдный маленькій чижъ нахохлился.

Вотъ и вся исторія... Прочитавъ ее, ты, конечно, увидишь, что чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ; дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но онѣ въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки... Увидавъ это, ты подумаешь, что я невѣрно разсказалъ эту до слезъ смѣшную исторію. Думай такъ, если это тебя утѣшаетъ, думай!..

1892.

ЕМЕЛЬЯНЪ ПИЛЯЙ.

— Ничего больше не остается дѣлать, какъ итти на соль! Солона эта проклятущая работа, а все жъ таки надо взяться, потому что этакъ-то, неровенъ часъ, и съ голоду подохнешь.

Проговоривъ это, мой товарищъ Емельянъ Пиляй въ десятый разъ вынулъ изъ кармана кисетъ и, убѣдившись, что онъ такъ же пустъ, какъ былъ пустъ и вчера, вздохнулъ, сплюнулъ и, повернувшись на спину, посвистывая, сталъ смотрѣть на безоблачное, дышавшее зноемъ небо. Мы съ нимъ лежали на песчаной косѣ верстахъ въ трехъ отъ Одессы, откуда ушли, не найдя работы, и теперь, голодные, обсуждали вопросъ, куда итти. Емельянъ протянулся на пескѣ головой въ степь и ногами къ морю, и волны, набѣгая на берегъ и мягко шумя, мыли его голыя и грязныя ноги. Жмурясь отъ солнца, онъ то потягивался, какъ коть, то сдвигался ниже къ морю, и тогда волна окачивала его чуть не до плечъ. Это ему нравилось, настраивая его на лѣниво-меланхолическій ладъ.

Я взглянулъ въ сторону гавани, гдѣ возвышался сплошной лѣсъ мачтъ, окутанныхъ клубами тяжелаго черно-сизаго дыма и откуда плылъ надъ моремъ нестройный, глухой шумъ якорныхъ цѣпей, свистъ локомотивовъ, подававшихъ грузъ, и оживленные голоса рабочихъ, грузившихъ суда. Я не усмотрѣлъ тамъ ничего, что̀ бы возродило нашу угасшую надежду на заработокъ, и, вставая на ноги, сказалъ Емельяну:

— Ну что̀ жъ, идемъ на соль!

— Такъ... иди!.. А ты сладишь?—вопросительно протянулъ онъ, не глядя на меня.

— Тамъ увидимъ.

— Такъ, значитъ, идемъ?—не шевеля ни однимъ членомъ, повторилъ Емельянъ.

— Ну, конечно!

— Ага! Что̀ жъ, это дѣло... пойдемъ! А эта проклятая Одесса — пусть ее черти проглотятъ! — останется тутъ, гдѣ она и есть. Портовый городъ! Чтобъ те провалиться сквозь землю!

— Ладно, вставай и пойдемъ; руганью не поможешь.

— Куда пойдемъ? Это на соль-то?.. Такъ. Только вотъ видишь ли, братику, на соли этой тоже толку не будетъ, хоть мы и пойдемъ.

— Да вѣдь ты же говорилъ, что нужно туда итти.

— Это вѣрно, я говорилъ. Что̀ я говорилъ, такъ говорилъ; ужъ я отъ своихъ словъ не откажусь. А только не будетъ толку, это тоже вѣрно.

— Да почему?

— Почему? А ты думаешь, что тамъ насъ дожидаются, дескать, пожалуйста, господа Емельянъ да Максимъ, сдѣлайте милость, ломайте ваши кости, получайте наши гроши?.. Ну нѣтъ, такъ-то не бываетъ! Дѣло стоитъ вотъ какъ: теперь ты и я—полные хозяева нашихъ шкуръ...

— Ну ладно, будетъ! Пойдемъ!

— Погоди! Должны мы пойти къ господину завѣдующему этою самою солью и сказать ему со всѣмъ нашимъ почтеніемъ: милостивый господинъ, многоуважаемый грабитель и кровопійца, вотъ мы пришли предложить вашему живоглотію оныя наши шкуры, не благоугодно ли вамъ будетъ содрать ихъ за 60 копеекъ въ суточки! И тогда послѣдуетъ...

— Ну вотъ что̀, ты вставай и пойдемъ. До вечера придемъ къ рыбацкимъ заводамъ, поможемъ выбрать неводъ — накормятъ ужиномъ, можетъ-быть.

— Ужиномъ? Это справедливо. Они накормятъ: рыбачки народъ хорошій. Пойдемъ, пойдемъ... Но ужъ толку, братецъ ты мой, мы съ тобой не отыщемъ, потому — незадача намъ съ тобой всю недѣлю, да и все тутъ.

Онъ всталъ, весь мокрый, потянулся и засунулъ руки въ карманы штановъ, сшитыхъ имъ изъ двухъ мучныхъ мѣшковъ, пошарилъ тамъ и юмористически оглядѣлъ пустыя руки, вынувъ ихъ и поднеся къ лицу.

— Ничего!.. Четвертый день ищу и все — ничего! Дѣла, братецъ ты мой!

Мы пошли берегомъ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями. Ноги вязли въ мягкомъ пескѣ, перемѣшанномъ съ раковинами, мелодично шуршавшими отъ

мягкихъ ударовъ набѣгавшихъ волнъ. Изрѣдка попадались выброшенныя волной студенистыя медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшіе и черные... Съ моря набѣгалъ славный свѣжій вѣтерокъ, опахивалъ насъ прохладой и летѣлъ въ степь, вздымая маленькіе вихри песчаной пыли.

Емельянъ, всегда веселый, видимо унывалъ, и я, замѣчая это, сталъ пытаться развлечь его.

— Ну-ка, Емеля, разскажи что-нибудь, что ли, изъ твоей жизни!

— Разсказалъ бы я тебѣ, братъ, да говорилка слаба стала, потому—брюхо пустуетъ. Брюхо въ человѣкѣ—главное дѣло, и какого хочешь урода найди — а безъ брюха не найдешь, дудки! А какъ брюхо покойно, значитъ, и душа жива; всякое дѣяніе человѣческое отъ брюха происходитъ...

Онъ помолчалъ.

— Эхъ, братъ, коли бы теперь тысячу рублей море мнѣ швырнуло—бацъ! Сейчасъ открылъ бы кабакъ; тебя въ приказчики, самъ устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ бочонка въ ротъ себѣ трубку провелъ. Чуть захотѣлось испить отъ источника веселья и радости, сейчасъ я тебѣ команду: Максимъ, отверни кранъ!—и... буль-буль-буль... прямо въ горло. Глотай, Емеля! Хо-орошее дѣло, бѣсъ меня удави! А мужика бы этого, черноземнаго барина,—ухъ ты!.. грабь!.. дери шкуру!.. выворачивай наизнанку!.. Придетъ похмеляться: „Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!“—„А?.. Что?.. Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ!“—„Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!“—„Изволь, буду: вези телѣгу—шкаликъ дамъ“. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, пронзилъ!

— Ну, что ужъ ты такъ жестоко! Смотри-ка — вонъ онъ голодаетъ, мужикъ-то.

— Какъ-съ? Голодаетъ?.. Хорошо-съ! Правильно-съ! А я не голодаю? Я, братецъ ты мой, со дня моего рожденія голодаю, а этого въ законѣ не писано. Нда-съ! Онъ голодаетъ... почему? Неурожай? Сомнительно. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ уже на полѣ, вотъ что! Почему въ другихъ прочихъ имперіяхъ неурожая нѣтъ?! Потому, что тамъ у людей головы не за тѣмъ придѣланы, чтобъ можно было въ затылкѣ скрести; тамъ думаютъ,—вотъ что-съ! Тамъ, братъ ты мой, дождь можно отложить до завтра, коли онъ сегодня не нуженъ, и солнце можно на задній планъ отодвинуть, коли оно слишкомъ усердствуетъ. А у насъ какія свои мѣры есть? Никакихъ мѣръ, братецъ ты мой... Нѣтъ, это что! Это все шутки. А вотъ кабы дѣйствительно тысячу рублей и кабакъ, это бы дѣло серьезное...

Онъ замолчалъ и по привычкѣ полѣзъ за кисетомъ, вынулъ его, выворотилъ наизнанку, посмотрѣлъ и, зло плюнувъ, бросилъ въ море.

Волна подхватила грязный мѣшочекъ, понесла-было его отъ берега, но, разсмотрѣвъ этотъ даръ, негодующе выбросила снова на берегъ.

— Не берешь? Врешь, возьмешь! — и, схвативъ мокрый кисетъ, Емельянъ сунулъ въ него камень и, размахнувшись, бросилъ далеко въ море.

Я засмѣялся.

— Ну что ты скалишь зубы-то?.. Люди тоже! Читаетъ книжки, съ собой ихъ носитъ даже, а понимать человѣка не умѣетъ! Кикимора четырехглазая!

Это относилось ко мнѣ, и по тому, что Емельянъ назвалъ меня четырехглазой кикиморой, я заключилъ, что степень его раздраженія противъ меня очень сильна: онъ только въ моменты острой злобы и ненависти ко всему существующему позволялъ себѣ смѣяться надъ моими очками; вообще же это невольное украшеніе придавало мнѣ въ его глазахъ вѣсу и значенія настолько, что въ первые дни знакомства онъ не могъ обращаться ко мнѣ иначе, какъ на „вы“ и тономъ, полнымъ почтенія, несмотря на то, что я въ парѣ съ нимъ грузилъ уголь на какой-то румынскій пароходъ и весь такъ же, какъ и онъ, былъ оборванъ, исцарапанъ и черенъ, какъ сатана.

Я извинился передъ нимъ и, желая его успокоить до нѣкоторой степени, началъ разсказывать о заграничныхъ имперіяхъ, пытаясь доказать ему, что его свѣдѣнія объ управленіи облаками и солнцемъ относятся къ области миѳовъ.

— Ишь ты!.. Вотъ какъ!.. Ну!.. Такъ, такъ...—вставлялъ онъ изрѣдка; но я чувствовалъ, что интересъ его къ заграничнымъ имперіямъ и ходу жизни въ нихъ противъ обыкновенія не великъ, и онъ почти не слушаетъ меня, упрямо глядя въ даль передъ собою.

— Все это такъ, братъ милый,—перебилъ онъ меня, неопредѣленно махнувъ рукою.—А вотъ что я тебя спрошу: ежели бы намъ навстрѣчу теперь попался человѣкъ съ деньгами и большими деньгами,—подчеркнулъ онъ, мелькомъ заглянувъ сбоку подъ мои очки,—такъ ты какъ бы, ради пріобрѣтенія шкурѣ твоей всякаго атрибуту... укокошилъ бы его?

Я вздрогнулъ.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣчалъ я.—Никто не имѣетъ права покупать своего счастья цѣною жизни другого человѣка.

— Угу! Да... Это въ книжкахъ сказано дѣльно, но только для-ради совѣсти, а на самомъ-то дѣлѣ тотъ самый баринъ,

что первый такія слова придумалъ, кабы ему, значитъ, туго пришлось,—навѣрняка бы при удобномъ случаѣ, для сохранности своей, кого-нибудь обездушилъ. Права! Вотъ они права!—У моего носа красовался внушительный жилистый кулакъ Емельяна.—И всякъ человѣкъ только разнымъ способомъ всегда этимъ правомъ и руководствуется. Права тоже!..

Емельянъ нахмурился, спрятавъ глаза глубоко подъ брови, длинныя и выцвѣтшія.

Я молчалъ, зная по опыту, что возражать ему, когда онъ золъ, безполезно.

Онъ швырнулъ въ море попавшійся подъ ногу кусокъ дерева и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Покурить бы теперь...

Взглянувъ направо въ степь, я увидѣлъ двухъ чабановъ, лежавшихъ на землѣ и смотрѣвшихъ на насъ.

— Здорово, панове!—окликнулъ ихъ Емельянъ,—а нѣтъ ли у васъ табаку?

Одинъ изъ чабановъ повернулъ голову къ другому, выплюнулъ изо рта изжеванную имъ былинку и лѣниво проговорилъ:

— Табаку просятъ, э, Михалъ?

Михаилъ взглянулъ на небо, очевидно, испрашивая у него разрѣшенія заговорить съ нами, и обернулся къ намъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ,—гдѣ жъ вы идете?

— Къ Очакову на соль.

— Эге! Что же, туда васъ приглашали!

Мы молчали, располагаясь около нихъ на землѣ.

— А ну, Никита, подбери кишеню, чтобъ ее галки не склевали.

Никита хитро улыбнулся въ усъ и подобралъ кишеню. Емельянъ скрипѣлъ зубами.

— Такъ вамъ табаку надо?

— Давно не курили,—сказалъ я, смущенный пріемомъ и не рѣшаясь сказать прямо.

— Что жъ такъ? А вы бы покурили.

— Гей, ты, чортовъ хохолъ! Цыцъ! Давай, коли хочешь дать, а не смѣйся! Выродокъ! Аль потерялъ душу-то, шляясь по степи? Двину вотъ по башкѣ, и не пикнешь!—гаркнулъ Емельянъ, вращая бѣлками глазъ.

Чабаны дрогнули и вскочили, взявшись за свои длинныя пали и ставъ плотно другъ къ другу.

— Эге, братики, вотъ какъ вы просите!.. А ну, что жъ, идите!..

Чортовы хохлы хотѣли драться, въ чемъ у меня не было

ни малѣйшаго сомнѣнія. Емельянъ, судя по его сжатымъ кулакамъ и горѣвшимъ дикимъ огнемъ глазамъ, тоже былъ не прочь отъ драки. Я не имѣлъ охоты участвовать въ баталіи и попытался примирить стороны:

— Стойте, братцы! Товарищъ погорячился—не бѣда вѣдь! А вы вотъ что̀—дайте, коли не жаль, табаку, и мы пойдемъ себѣ своей дорогой.

Михаилъ взглянулъ на Никиту, Никита—на Михаила, и оба усмѣхнулись.

— Такъ бы сразу и сказать вамъ!

Затѣмъ Михаилъ полѣзъ въ карманъ свиты, выволокъ оттуда объемистый кисетъ и протянулъ мнѣ:

— А ну, забери табаку!

Никита сунулъ руку въ кишеню и затѣмъ протянулъ ее мнѣ съ большимъ хлѣбомъ и кускомъ сала, щедро посыпаннымъ солью. Я взялъ. Михаилъ усмѣхнулся и подсыпалъ еще мнѣ табаку. Никита буркнулъ: „прощайте!“. Я поблагодарилъ.

Емельянъ угрюмо опустился на землю и довольно громко прошипѣлъ:

— Чортовы свиньи!..

Хохлы пошли въ глубь степи тяжелымъ развалистымъ шагомъ, поминутно оглядываясь на насъ. Мы сѣли на землю и, не обращая болѣе на нихъ вниманія, стали ѣсть вкусный полубѣлый хлѣбъ съ саломъ. Емельянъ громко чавкалъ, сопѣлъ и почему-то старательно избѣгалъ моихъ взглядовъ.

Вечерѣло. Вдали надъ моремъ родился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флеромъ мелкую зыбь. Въ той же дали, казалось, со дна моря, поднялась гряда желто-лиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе сгущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ, далеко-далеко на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ, и море—тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно-красиво и мощно.

— Теперь покуримъ! Чортъ васъ, хохловъ, растаскай!—И, очевидно, покончивъ съ хохлами, Емельянъ свободно вздохнулъ.—Мы дальше пойдемъ или тутъ заночуемъ?

Мнѣ было лѣнь итти дальше.

— Заночуемъ!—рѣшилъ я.

— Ну и заночуемъ,—и онъ растянулся на землѣ, разглядывая небо.

Воцарилось молчаніе. Емельянъ курилъ и поплевывалъ; я

смотрѣлъ кругомъ и молча наслаждался дивной картиной вечера. По степи звучно плылъ монотонный плескъ волнъ о берегъ.

— А клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ—что̀ ни говори—пріятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить,—неожиданно проговорилъ Емельянъ.

— Будетъ тебѣ болтать,—раздраженно замѣтилъ я.

— Болтать?! Чего тутъ болтать! Это дѣло будетъ сдѣлано, вѣрь моей совѣсти! 47 лѣтъ мнѣ, и лѣтъ двадцать я надъ этой операціей голову ломаю. Какая моя жизнь? Собачья жизнь. Нѣтъ ни конуры ни куска,—хуже собачьей! Человѣкъ я развѣ? Нѣтъ, братъ, не человѣкъ, а хуже червя и звѣря! Кто можетъ меня понимать? Никто не можетъ! А ежели я знаю, что люди могутъ хорошо жить, то почему же мнѣ не жить? Э? Чортъ васъ возьми, дьяволы!

Онъ вдругъ повернулся ко мнѣ лицомъ и быстро проговорилъ:

— Знаешь, однажды я чуть-чуть было не того... да не удалось малость... будь я, анаѳема, проклятъ, дуракъ былъ, жалѣлъ. Хочешь, разскажу?

Я торопливо изъявилъ свое согласіе, и Емельянъ, закуривъ, началъ:

— Было это, братецъ ты мой, въ Полтавѣ... лѣтъ восемь тому назадъ. Жилъ я въ приказчикахъ у одного купца, лѣсомъ онъ торговалъ. Жилъ съ годъ ничего себѣ, гладко; потомъ вдругъ запилъ, пропилъ рублей шестьдесятъ хозяйскихъ. Судили меня за это, законопатили въ арестантскія роты на три мѣсяца и прочее такое—по положенію. Вышелъ я, отсидѣвъ срокъ,—куда теперь? Въ городѣ знаютъ, въ другой перебраться не съ чѣмъ и не въ чемъ. Пошелъ къ одному знакомому темному человѣчку; кабакъ онъ держалъ и воровскія дѣла завершалъ, укрывая разныхъ молодчиковъ и ихъ дѣлишки. Малый хорошей души, честнѣющій на диво и съ умной головой. Книжникъ былъ большой, многое множество читалъ и имѣлъ очень большое понятіе о жизни. Такъ я, значитъ, къ нему: а ну, молъ, Павелъ Петровъ, вызволи!—„Ну, что̀ жъ, говоритъ, можно! Человѣкъ человѣку, коли они одной масти, помогать долженъ. Живи, пей, ѣшь, присматривайся“. Умная башка, братецъ ты мой, этотъ Павелъ Петровъ! Я къ нему имѣлъ большое уваженіе, и онъ меня тоже очень любилъ. Бывало, днемъ сидитъ онъ за стойкой и читаетъ книгу о французскихъ разбойникахъ... у него всѣ книги были о разбойникахъ; слушаешь-слушаешь... дивные ребята были, дивныя дѣла дѣлали—и непремѣнно провалились съ тре-

скомъ. Ужъ, кажется, голова и руки—ахъ ты мнѣ! а въ концѣ книги вдругъ—подъ судъ—цапъ! и баста! все прахомъ пошло.

„Сижу я у этого Павла Петрова мѣсяцъ и другой, слушая его чтеніе и разные разговоры. И смотрю—ходятъ темные молодчики, носятъ свѣтлыя вещички: часики, браслеты и прочее такое, и вижу—толку на грошъ нѣтъ во всѣхъ ихъ операціяхъ. Слямзитъ вещь—Павелъ Петровъ дастъ за нее половину цѣны,—онъ, братъ, честно платилъ,—сейчасъ гей! давай!.. Пиръ, шикъ, крикъ и—ничего не осталось! Плевое дѣло, братецъ ты мой! То одинъ попадетъ подъ судъ, то другой угодитъ туда же...

„Изъ-за какихъ такихъ важныхъ причинъ? По подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, при чемъ украдено на сто рублей! Сто рублей! Развѣ человѣческая жизнь сто рублей стòитъ? Дубье!.. Вотъ я и говорю Павлу Петрову:—„Все это, Павелъ Петровъ, глупо и не заслуживаетъ приложенія рукъ“. — „Гм! какъ тебѣ сказать? — говоритъ. — Съ одной, говоритъ, стороны, курочка по зернышку клюетъ, а съ другой—дѣйствительно, во всѣхъ дѣлахъ уваженія къ себѣ самому нѣтъ; вотъ въ чемъ суть! Развѣ, говоритъ, человѣкъ, понимающій себѣ цѣну, позволитъ свою руку пачкать кражею двугривеннаго со взломомъ?! Ни въ какомъ разѣ! Теперь, говоритъ, хоть бы я, человѣкъ, прикосновенный моимъ умомъ къ образованію Европы, и продамъ себя за сто рублей?“ И начинаетъ онъ мнѣ показывать на примѣрахъ, какъ долженъ поступать понимающій себя человѣкъ. Долго мы говорили въ такомъ родѣ. Потомъ я говорю ему:— „Давно, молъ, у меня, Павелъ Петровъ, есть въ мысляхъ попытать счастья на этой дорогѣ, и вотъ, молъ, вы человѣкъ опытный въ жизни, помогите мнѣ совѣтомъ, какъ, значитъ, и чтò“.—„Гм!—говоритъ,—это можно! А не оборудовать ли тебѣ какое ни то дѣльце на свой рискъ и по своему расчету, безъ помочей? Такъ, напримѣръ... Обаимовъ-то, говоритъ, съ лѣсного двора черезъ Ворсклу въ единственномъ числѣ на бѣговыхъ возвращается; а какъ тебѣ извѣстно, при немъ всегда есть деньжонки, да и на лѣсномъ отъ приказчика онъ получаетъ выручку. Выручка недѣльная; въ день торгуютъ они на три сотни и больше. Чтò ты можешь на это сказать?“ Я задумался. Обаимовъ—это тотъ самый купецъ, у котораго я служилъ въ приказчикахъ. Дѣло дважды хорошее: и отместка ему за поступокъ со мной, и смачный кусокъ урвать можно.—„Нужно обмозговать“, говорю.—„Не безъ этого“,—отвѣчаетъ Павелъ Петровъ“

Онъ замолчалъ и медленно сталъ вертѣть папироску. Закатъ почти угасъ, только маленькая розовая лента, съ каждой секундой все болѣе блѣднѣя, чуть окрашивала край пуховаго облака, точно въ какой-то истомѣ неподвижно застывшаго въ потемнѣвшемъ небѣ. Въ степи было такъ тихо и грустно, и непрерывно лившійся съ моря ласковый плескъ волнъ какъ-то еще болѣе оттѣнялъ своимъ монотоннымъ и мягкимъ звукомъ эту грусть и тишь. Со всѣхъ сторонъ вставали странныя длинныя сѣрыя тѣни и беззвучно плыли къ намъ по гладкой, утомленной дневнымъ зноемъ и крѣпко спавшей степи. А надъ моремъ одна за другой ярко вспыхивали звѣздочки, такія чистенькія, новенькія, точно вчера только сдѣланныя для украшенія этого глубокаго бархатнаго южнаго неба.

— Н-да, братокъ, покумекалъ я надъ этимъ дѣломъ и въ ту же ночь въ кусты около Ворсклы залегъ, имѣя съ собой пикворень желѣзный, фунтовъ въ двѣнадцать вѣсомъ. Дѣло-то было въ октябрѣ, помню, въ концѣ. Ночь—самая подходящая: темно, какъ въ душѣ человѣческой... Мѣсто—лучше желать не надо. Сейчасъ тутъ мостъ, и на самомъ съѣздѣ съ него доски выбиты,—значитъ, поѣдетъ шагомъ. Лежу, жду. Злобы, братъ ты мой, въ ту пору у меня хватило бы хоть на десять купцовъ. И такъ я себѣ это дѣло просто представилъ, что проще и нельзя: стукъ!—и баста!..

Емельянъ всталъ на ноги.

— Н-да!.. Такъ вотъ и лежу, знаешь, и все у меня готово. Разъ!—и получи денежки. Такъ-то. Бацъ! значитъ, и все тутъ!

„Ты, можетъ, думаешь, что человѣкъ въ себѣ воленъ? Дудки, братокъ! Разскажи-ка мнѣ, что̀ ты завтра сдѣлаешь? Ерунда! Никакъ ты не можешь сказать, направо или налѣво пойдешь завтра. Н-да!.. Лежалъ я и ждалъ одного, а вышло совсѣмъ не то. Совсѣмъ несообразное дѣло вышло!

„Вижу: отъ города идетъ кто-то... пьяный какъ будто, шатается... въ рукахъ палка. Бормочетъ что-то; нескладно бормочетъ и плачетъ... слышу—всхлипываетъ... Еще ближе подошелъ, смотрю—баба! Тьфу тебѣ, треклятая! Намылю шею, думаю, подойди-ка! А она идетъ къ мосту прямо и вдругъ какъ крикнетъ: „Милый, за что?!“. Ну, братъ, и крикнула!.. Я такъ и вздрогнулъ. Что̀ за притча?—думаю. А она претъ прямо на меня. Лежу, прижался къ землѣ, дрожу весь... куда моя злоба дѣвалась! Вотъ-вотъ наѣзетъ, ногой наступитъ сейчасъ! А она опять какъ завопитъ: „За что?! за что?!“, и бухъ наземь, какъ стояла, почти рядомъ со мной. И заре-

вѣла она тутъ, братецъ ты мой, такъ, что я и сказать тебѣ не могу—сердце рвалось, слушая. Лежу однако, ни гугу. А она реветъ. Тоска меня взяла. Бѣгу, думаю себѣ, прочь. А тутъ мѣсяцъ вышелъ изъ тучи, да таково ясно и свѣтло, просто страхъ. Приподнялся я на локоть и глянулъ на нее... И тутъ, братъ, все и пошло прахомъ, всѣ мои планы и полетѣли къ чертямъ! Смотрю—такъ сердце и екнуло: ма-аленькая дѣвчоночка, дитё совсѣмъ... бѣленькая, кудряжки на щечкахъ, глазенки большіе такіе—смотрятъ такъ... и плечики дрожатъ-дрожатъ... а изъ глазъ-то слезы крупнущія одна за другой такъ и бѣгутъ и бѣгутъ.

„Жалость меня, братъ ты мой, забрала. Вотъ я, значитъ, и давай кашлять: кхе! кхе! кхе!—какъ она крикнетъ: „Кто это? Кто? Кто тутъ?!“... Испугалась, значитъ... Ну, я сейчасъ тово... на ноги всталъ и говорю:—„Это, молъ, я“.—„Кто вы?“—говоритъ. А глаза-то у самой во какіе сдѣлались и вся такъ, какъ студень, дрожитъ. „Кто вы?“—говоритъ“

Онъ засмѣялся.

— Кто я-то, молъ? Вы прежде всего не бойтесь меня, барышня, я вамъ худа не сдѣлаю. Я—такъ себѣ человѣкъ, изъ босовой команды, молъ, я. Да. Совралъ, значитъ, ей; не говорить же вѣдь, чудакъ ты, что я, молъ, купца убить залегъ тутъ! А она мнѣ въ отвѣтъ:—„Все, говоритъ, мнѣ равно, я топиться пришла сюда“. И такъ это она сказала, что меня ажъ ознобъ взялъ—серьезно ужъ очень, братецъ ты мой. Ну, что̀ тутъ дѣлать?

Емельянъ сокрушенно развелъ руками и смотрѣлъ на меня, широко и добродушно улыбаясь.

— И вдругъ тутъ, братецъ ты мой, заговорилъ я. О чемъ заговорилъ—не знаю; но такъ заговорилъ, что ажъ самъ себя заслушался; больше всего насчетъ того, что она молодая и такая красавица. А что она красавица, такъ это ужъ такъ, то-есть раскрасавица. Эхъ, ты, братъ ты мой! Ну ужъ! А звали Лизой. Такъ вотъ я, значитъ, и говорю; а что̀—кто его знаетъ—что̀? Сердце говорило. Да! А она все смотритъ, серьезно такъ и пристально, и вдругъ какъ улыбнется!... — заоралъ Емельянъ на всю степь со слезами въ голосѣ и на глазахъ и потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками.—Какъ улыбнулась, такъ я и растаялъ; хлопъ передъ ней на колѣни: барышня, говорю. барышня! и все тутъ! А она, братецъ ты мой, взяла меня за голову руками, глядитъ мнѣ въ лицо и улыбается, какъ на картинѣ; шевелитъ губами—сказать хочетъ что-то; а потомъ осилилась и говоритъ: „Милый вы мой, вы тоже несчастный, какъ и я! Да? Скажите,

хорошій мой!..“ И-да, другъ ты мой, вотъ оно что! Да не ... еще, а и поцѣловала она меня тутъ въ лобъ, братъ... ... какъ! Чуешь? Ей-Богу! Эхъ, ты, голубь! Знаешь, лучше ... у меня въ жизни-то за всѣ 47 лѣтъ ничего не было! ... То-то! А зачѣмъ я пошелъ? Эхъ, ты, жизнь!..

Онъ замолчалъ, кинувъ голову на руки. Подавленный странностью разсказа, я молчалъ и смотрѣлъ на море, чудно колыхавшееся и похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую въ крѣпкомъ снѣ.

— Ну, а потомъ она встаетъ и говоритъ мнѣ: „Проводите меня домой“. Пошли мы. Я иду—ногъ подъ собой не чую, а она мнѣ все разсказываетъ, какъ и что̀. Понимаешь ... она одна дочь была у родителей, купцы же они были, ... и того, значитъ, балованная; а потомъ тутъ студентъ пріѣхалъ и сталъ, значитъ, ее тамъ учить, и влюбились они другъ въ друга. Онъ потомъ уѣхалъ, а она стала его ждать—какъ, дескать, кончитъ тамъ свою науку, чтобы пріѣхалъ вѣнчаться; уговоръ у нихъ такой былъ. А онъ не пріѣхалъ, и послалъ ей письмо: дескать, ты мнѣ не пара. Дѣвкѣ, конечно, обидно. Вотъ она было и того, значитъ. Ну, разсказываетъ она это мнѣ, и дошли мы такимъ манеромъ съ ней до дома, гдѣ она жила.—„Ну, говоритъ, голубчикъ, прощайте! Завтра я, говоритъ, уѣду отсюда. Вамъ денегъ, можетъ-быть, надо? Скажите, не стѣсняйтесь“.—„Нѣтъ, говорю, барышня, не надо, спасибо вамъ!“—„Ну, добрый вы мой, не стѣсняйтесь, скажите, возьмите!“—пристаетъ она. А я такой оборванный былъ, ... нако говорю:—„Не надо, барышня“. Знаешь, братъ, какъ-то не до того было, не до денегъ. Простились мы съ ней. Она такъ ласково говоритъ: „Никогда-де я не забуду тебя; совсѣмъ, дескать, ты чужой человѣкъ, а такой мнѣ...“

— Ну, это наплевать,—оборвалъ Емельянъ, снова принимаясь закуривать.

„Ушла она. Сѣлъ я на скамью у воротъ. Грустно мнѣ стало. Ночной сторожъ идетъ. „Ты, говоритъ, чего тутъ торчишь, али слямзить хочешь чего ни то?“ Крѣпко эти самыя слова взяли меня за сердце! Я его въ морду—рразъ! Крикъ, свистъ... въ часть! Ну что̀ жъ, въ часть такъ въ часть! вали хоть во всю цѣлую—мнѣ все равно; я какъ двину его снова! Сѣлъ на лавочку и бѣжать не хотѣлъ. Ночевалъ, поутру отпустили. Иду къ Павлу Петрову. „Гдѣ погуливалъ?“—спрашиваетъ, усмѣхаясь. Поглядѣлъ я на него—человѣкъ, какъ и вчера; но какъ будто что-то новое вижу. Ну, конечно, разсказалъ ему все, какъ и что̀. Слушалъ онъ серьезно такова, а потомъ сказалъ мнѣ: „Вы, говоритъ, Емельянъ Ни-

китичъ—дуракъ и болванъ; и не угодно ли, говоритъ, вамъ убраться вонъ!“ Ну, что̀ жъ тутъ? Али онъ не правъ? Я ушелъ и все тутъ... Такъ-то вотъ было дѣльце, братокъ!“

Онъ замолчалъ и растянулся на землѣ, закинувъ руки подъ голову и глядя на небо—бархатное и звѣздное. И кругомъ все молчало. Шумъ прибоя сталъ еще мягче, тише, онъ долеталъ до насъ слабымъ, сонлымъ вздохомъ.

1893.

ДѢДЪ АРХИПЪ И ЛЕНЬКА.

Ожидая паромъ, они оба легли въ тѣнь отъ берегового обрыва и долго молча смотрѣли на быстрыя и мутныя волны Кубани, плескавшіяся у ихъ ногъ. Ленька задремалъ, а дѣдъ Архипъ, чувствуя тупую, давящую боль въ груди, не могъ уснуть. На темно-коричневомъ фонѣ земли ихъ отрепанныя и скорченныя фигуры едва выдѣлялись двумя жалкими комками, одинъ—побольше, другой—поменьше; и ихъ утомленныя усталостью и зноемъ, загорѣлыя и пыльныя физіономіи были совсѣмъ подъ цвѣтъ бурымъ лохмотьямъ, покрывавшимъ ихъ тѣла.

Костлявая и длинная фигура дѣдушки Архипа вытянулась поперекъ узкой полоски песку, что желтой лентой тянулась вдоль берега, между обрывомъ и рѣкой, а задремавшій Ленька свернулся калачикомъ сбоку его. Ленька былъ маленькій, хрупкій, въ своихъ лохмотьяхъ казавшійся корявымъ сучкомъ, отломленнымъ отъ дѣда—стараго, изсохшаго дерева, принесеннаго и выброшеннаго сюда на песокъ холодными и сильными волнами рѣки,—сбоку его свернулся калачикомъ.

Дѣдъ, приподнявъ на локтѣ голову, смотрѣлъ на противоположный берегъ, залитый солнцемъ и бѣдно окаймленный рѣдкими кустами ивняка, изъ котораго въ одномъ мѣстѣ высовывался черный бортъ парома. Тамъ было скучно и пусто. Сѣрая полоса дороги уходила отъ рѣки вглубь степи; она была какъ-то безпощадно-пряма и суха и этимъ наводила на дѣда уныніе.

Его тусклые и воспаленные глаза, съ красными, опухшими вѣками, безпокойно и жалобно моргали, а испещренное морщинами лицо замерло въ выраженіи томительной тоски и боли. Онъ то и дѣло сдержанно кашлялъ и, безпокойно по-

глядывая на внука, прикрывалъ ротъ рукой. Кашель былъ хриплъ, удушливъ, заставлялъ дѣда приподниматься съ земли и выжималъ на его глазахъ крупныя капли слезъ.

Кромѣ его кашля да тихаго шороха волнъ о песокъ, въ степи не было никакихъ звуковъ... Она лежала по обѣ стороны рѣки, громадная, бурая, сожженная солнцемъ, и только тамъ, далеко на горизонтѣ, еле видное старческимъ глазамъ, пышно волновалось золотое море пшеницы, и прямо въ него падало ослѣпительно яркое небо. На немъ вырисовывались три стройныя фигуры далекихъ тополей; казалось, что они то уменьшаются, то становятся выше, а небо и пшеница, накрытая имъ, колеблются, поднимаясь и опускаясь... или вдругъ все скрывалось за блестящей, серебряной пеленой степного марева...

Эта пелена, струистая, яркая и обманчивая, иногда притекала изъ дали почти къ самому берегу рѣки, и тогда сама она была какъ бы рѣкой, вдругъ излившейся съ неба, такой же чистой и спокойной, какъ оно, и появившейся затѣмъ, чтобы оживить измученную зноемъ степь.

Тогда дѣдъ Архипъ, незнакомый съ этимъ явленіемъ, какъ великороссъ, раньше не бывавшій въ степи и вытиснутый въ нее голодомъ,—потиралъ свои глаза и тоскливо думалъ про себя, что эта жара да степь отнимаютъ у него и зрѣніе, какъ отняли остатки силы въ ногахъ.

Сегодня ему было болѣе плохо и тошно, чѣмъ всегда за послѣднее время. Онъ чувствовалъ, что скоро умретъ, и хотя относился къ этому совершенно равнодушно, безъ думъ, какъ къ необходимой повинности, но ему бы хотѣлось умереть далеко, не здѣсь, а на родинѣ, и еще его сильно смущала мысль о внукѣ... Куда дѣнется Ленька?..

Онъ ставилъ передъ собой этотъ вопросъ по нѣскольку разъ въ день, и всегда при этомъ въ немъ что-то сжималось, холодѣло и становилось такъ тошно, скверно, что ему хотѣлось сейчасъ же воротиться домой, въ Россію..

Но—далеко итти въ Россію... Все равно не дойдешь и умрешь же гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Здѣсь, по Кубани, подаютъ милостыню щедро; народъ все зажиточный, хотя тяжелый и насмѣшливый. Не любятъ нищихъ, потому что богаты...

Можно придумать для Леньки другое что-нибудь. Все равно, онъ сирота.

И, остановивъ на внукѣ увлаженный слезой взглядъ, дѣдъ осторожно погладилъ своей шершавой рукой его голову.

Тотъ зашевелился и поднялъ на него голубые глаза, большіе, глубокіе, не по-дѣтски вдумчивые и казавшіеся еще

большие на его худомъ, изрытомъ оспой личикѣ, съ тонкими, безкровными губами и острымъ носомъ..

— Идетъ?—спросилъ онъ и, приложивъ щиткомъ руку къ глазамъ, посмотрѣлъ на рѣку, холодно отражавшую лучи солнца.

— Нѣтъ еще, не идетъ. Стоитъ. Чего ему здѣсь? Не зоветъ никто, ну и стоитъ онъ...—медленно заговорилъ Архипъ, продолжая гладить внука по головѣ.—Дремалъ ты?

Ленька неопредѣленно покрутилъ головой и вытянулся на пескѣ. Они помолчали.

— Кабы я плавать умѣлъ, купаться бы сталъ,—пристально глядя на рѣку, заявилъ Ленька.—Быстра больно рѣка-то! Нѣтъ у насъ такихъ рѣкъ. Чего треплетъ? Бѣжитъ, точно опоздать боится...

И Ленька недовольно отвернулся отъ воды.

— А вотъ что̀,—заговорилъ дѣдъ, подумавъ,—давай распояшемся, пояски-то свяжемъ, я тебя за ноги прикручу, ты и лѣзь, купайся...

— Ну-у!..—резонно протянулъ Ленька.—Чего выдумалъ! Али ты думаешь, не стащитъ она тебя? И утонемъ оба.

— А вѣдь вѣрно! Стащитъ. Ишь какъ претъ... Чай, весной-то разольется—ухъ ты!.. И покосу тутъ бѣда! Безъ краю покосу!

Ленькѣ не хотѣлось говорить, и онъ оставилъ слова дѣда безъ отвѣта, взявъ въ руки комъ сухой глины и разминая его пальцами въ пыль, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

Дѣдъ смотрѣлъ на него и о чемъ-то думалъ, щуря глаза.

— Вѣдь вотъ...—тихо и монотонно заговорилъ Ленька, стряхивая съ рукъ пыль.—Земля эта теперь... взялъ я ее въ руки, растеръ—и стала пыль... крохотные кусочки одни только, чуть глазомъ видно...

— Ну такъ что̀ жъ?—спросилъ Архипъ и закашлялся, посматривая сквозь выступившія слезы въ большіе, сухо-блестящіе глаза внука.—Ты къ чему это?—добавилъ онъ, когда прокашлялся.

— Такъ...—качнулъ головой Ленька.—Къ тому, что, молъ, вся-то она эвона какая!..—онъ махнулъ рукой за рѣку.—И всего на ней понастроено... Сколько мы съ тобой городовъ прошли! Страсть! А людей вездѣ сколько!

И, не умѣя уловить свою мысль, Ленька снова молча задумался, посматривая вокругъ себя.

Дѣдъ тоже помолчалъ немного и потомъ, плотно подвинувшись къ внуку, ласково заговорилъ:

— Умница ты моя! Правильно сказалъ ты—пыль все... и города, и люди, и мы съ тобой—пыль одна. Эхъ, ты, Ленька, Ленька!.. Кабы грамоту тебѣ!.. Далеко бы ты пошелъ. Точно ты взрослый человѣкъ обо всемъ разсуждаешь... Зябликъ ты, птичка Божія!.. И что̀ съ тобой только будетъ?..

Дѣдъ прижалъ голову внука къ себѣ и поцѣловалъ ее.

— Погоди...—высвобождая свои льняные волосы изъ корявыхъ, дрожащихъ пальцевъ дѣда, немного оживляясь, крикнулъ Ленька.—Какъ ты говоришь? Пыль? Города и все?

— А такъ ужъ устроено Богомъ, голубь. Все земля, а сама земля—пыль. И все умираетъ на ней... Вотъ какъ! И долженъ потому человѣкъ жить въ трудѣ и смиреніи. Вотъ и я тоже умру скоро...—перескочилъ дѣдъ и тоскливо добавилъ:—Куда ты тогда пойдешь безъ меня-то?

Ленька часто слышалъ отъ дѣда этотъ вопросъ, и ему уже порядкомъ надоѣло разсуждать на тему о смерти, а потому онъ молча отвернулся въ сторону, сорвалъ былинку, положилъ ее въ ротъ и сталъ медленно жевать.

Но у дѣда это было больное мѣсто.

— Что̀ жъ ты молчишь? Какъ, молъ, ты безъ меня-то будешь?—тихо спросилъ онъ, наклоняясь къ внуку и снова кашляя.

— Говорилъ ужъ...—разсѣянно и недовольно произнесъ Ленька, искоса взглядывая на дѣда.

Ему не нравились эти разговоры еще и потому, что зачастую они кончались ссорою. Дѣдъ подолгу распространялся по поводу близости своей смерти. Ленька сначала слушалъ его сосредоточенно, пугался представлявшейся ему новизны положенія, плакалъ, но постепенно утомлялся—и наступала реакція: онъ не слушалъ дѣда, отдаваясь своимъ мыслямъ, а дѣдъ, замѣчая это, сердился и начиналъ говорить о томъ, что онъ, Ленька, глупъ, не любитъ дѣда, не цѣнитъ его заботъ, и наконецъ доходилъ до того, что упрекалъ Леньку въ желаніи скорѣйшаго наступленія его, дѣдовой, смерти.

— Что̀ говорилъ? Глупенькій ты еще, не можешь ты понимать своей жизни. Сколько тебѣ отъ роду? Одиннадцатый годъ только. И хилъ ты, негодный къ работѣ. Куда жъ ты пойдешь? Добрые люди, думаешь, помогутъ? Кабы у тебя вотъ деньги были, такъ они бы помогли тебѣ прожить ихъ,—это такъ. А милостыню-то собирать не сладко и мнѣ старику. Каждому поклонись, каждаго попроси. И ругаютъ тебя, и колотятъ часомъ, и гонятъ... Разѣ, ты думаешь, человѣкомъ считаютъ нищаго-то? Никто! Десять лѣтъ по міру хожу—знаю. Кусокъ-то хлѣба въ тыщу рублей цѣнятъ. Подастъ

да и думаетъ, что ужъ ему сейчасъ же райскія двери отворятъ. Ты думаешь, подаютъ зачѣмъ больше? Чтобы совѣсть свою успокоить; вотъ зачѣмъ, другъ, а не изъ жалости! Ткнетъ тебѣ кусокъ, ну, ему и не стыдно самому-то ѣсть. Сытый человѣкъ—звѣрь. И никогда онъ не жалѣетъ голоднаго. Враги другъ другу—сытый и голодный, вѣки вѣчные они сучкомъ въ глазу другъ у друга будутъ. Потому и невозможно имъ жалѣть и понимать другъ друга... И для сытаго нищій, какъ грязь.

Дѣдушка воодушевился злобой и тоской. Отъ этого у него тряслись губы, и старческіе тусклые глаза быстро шмыгали въ красныхъ рамкахъ рѣсницъ и вѣкъ, а морщины на темномъ лицѣ выступили рѣзче.

Ленька не любилъ его такимъ и немного боялся чего-то.

Вотъ я тебя и спрашиваю, что̀ ты станешь дѣлать съ міромъ? Ты—хилый ребеночекъ, а міръ-то—звѣрь. И проглотитъ онъ тебя сразу. А я не хочу этого... Люблю вѣдь я тебя дитятко!.. Одинъ ты у меня, и я у тебя одинъ... Какъ же буду умирать-то? Невозможно мнѣ умереть, а ты чтобъ остался... На кого?.. Господи!.. За что Ты не возлюбилъ раба Твоего?! Жить мнѣ не въ мочь, и умирать мнѣ нельзя, потому дитё... оберечь долженъ. Пестовалъ семь годовъ... на рукахъ моихъ... старыхъ... Господи, помоги мнѣ!..

Дѣдушка сѣлъ и заплакалъ, уткнувъ голову въ колѣни дрожащихъ ногъ. И плечи у него вздрагивали отъ рыданій, хриплыхъ и неровно вырывавшихся изъ больной груди.

Рѣка торопливо катилась вдаль и звучно плескалась о берегъ, точно желая заглушить этимъ плескомъ рыданія старика. Ярко улыбалось безоблачное небо, изливая изъ себя жгучій зной, и, улыбаясь, спокойно слушало мятежный шумъ мутныхъ волнъ

— Будетъ, не плачь, дѣдушка,—глядя въ сторону, почему-то суровымъ тономъ проговорилъ Ленька и, повернувъ къ дѣду лицо, насупленное и мрачное, добавилъ:—говорили обо всемъ ужъ вѣдь. Не пропаду. Поступлю въ трактиръ куда ни то...

— Забьютъ...—сквозь слезы простоналъ дѣдъ.

— Можетъ, и не забьютъ. А вотъ какъ не забьютъ!—съ нѣкоторымъ задоромъ вскричалъ Ленька,—тогда что̀? Вотъ тогда и выйду на дорогу. Не больно-то я и дамся каждому!

Но тутъ Ленька вдругъ почему-то осѣкся и, задумчиво помолчавъ, тихонько сказалъ:

— А то въ монастырь уйду...

— Кабы въ монастырь!—вздохнулъ дѣдъ, оживляясь, и снова началъ корчиться въ припадкѣ удушливаго кашля.

Надъ ихъ головами раздался крикъ и скрипъ колесъ...

— Паро-о-мъ!.. Паро-о... гей!—сотрясала воздухъ чья-то могучая глотка.

Собесѣдники вздрогнули и вскочили на ноги, подбирая котомки и палки.

Пронзительно скрипя, на песокъ въѣхала двухколесная арба. Въ ней стоялъ казакъ и, закинувъ голову въ мохнатой, надвинутой на одно ухо шапкѣ, приготовлялся гикнуть, вбирая въ себя широко открытымъ ртомъ воздухъ, отчего его широкая, выпяченная впередъ грудь выпячивалась еще болѣе. Бѣлые зубы ярко сверкали въ шелковой рамѣ черной бороды, начинавшейся отъ глазъ, широко раскрытыхъ и отъ напряженія налитыхъ кровью. Изъ-подъ разстегнутой рубахи и чохи, небрежно накинутой на плечи, виднѣлось волосатое, загорѣлое на солнцѣ тѣло. И отъ всей его фигуры, прочной и большой, какъ и отъ лошади, мясистой, пѣгой и тоже уродливо большой, отъ колесъ арбы, высокихъ, стянутыхъ толстыми шинами,—разило сытостью, силой, здоровьемъ.

— Гей!.. Гей!..

Дѣдъ и внукъ стащили со своихъ головъ шапки и низко поклонились.

— Здравствуйте!—гулко отрубилъ пріѣхавшій и, посмотрѣвъ на тотъ берегъ, гдѣ изъ кустовъ выползалъ медленно и неуклюже черный паромъ, сталъ пристально оглядывать нищихъ.—Изъ Россіи?

— Изъ нея, милостивецъ!—съ поклономъ отвѣтилъ Архипъ.

— Голодно тамъ у васъ, а?

Онъ спрыгнулъ съ арбы на землю и сталъ что-то подтягивать въ упряжкѣ.

— И тараканы съ голода мрутъ.

— Хо-хо! И тараканы мрутъ? Значитъ, ажъ крошекъ не осталось, все поѣли? Ловко ѣдите. А вотъ работаете, должно, погано. Потому, какъ хорошо работать станешь, не будетъ голоду.

— Тутъ, кормилецъ, главная причина—земля. Упирается, не родитъ. Высосали землю-то мы.

— Земля? — тряхнулъ казакъ головой. — Земля всегда должна родить, на то она и дана человѣку. Говори: не земля, а руки. Руки плохи. Отъ хорошихъ рукъ камень не отобьется, родитъ. Въ Черноморьѣ бывалъ? Тамъ, дѣдъ, и камни пашутъ!

Подъѣхалъ паромъ.

Двое здоровыхъ краснорожихъ казаковъ, флегматично упираясь толстыми ногами въ полъ парома, съ трескомъ ткнули

его о берегъ, покачнулись, бросили изъ рукъ канатъ и, взглянувъ другъ на друга, стали отдуваться.

— Жарко?—оскалилъ зубы пріѣхавшій, вводя на паромъ свою лошадь и дотрагиваясь рукой до шапки.

— Эге!—отвѣтилъ одинъ изъ паромщиковъ, глубоко засунувъ руки въ карманы шароваръ, и, подойдя къ арбѣ, заглянулъ на нее и повелъ носомъ, сильно втянувъ въ себя воздухъ.

Другой сѣлъ на полъ и, кряхтя, сталъ снимать сапогъ.

Дѣдъ и Ленька вошли на паромъ и прислонились къ борту, посматривая на казаковъ.

— Ну, ѣдемъ!—скомандовалъ хозяинъ арбы.

— А ты не ве ешь ничего съ собой попить?—спросилъ у него тотъ, что̀ осматривалъ арбу. Его товарищъ снялъ сапогъ и, прищуривъ глазъ, смотрѣлъ въ голенище.

— Ничего. А что̀? Развѣ въ Кубани воды мало?

— Воды!.. Я не о водѣ.

— А о горилкѣ? Не везу горилки.

— Какъ же это ты не везешь?—задумался спрашивавшій, уставивъ глаза въ полъ парома.

— Ну-ну, ѣдемъ!

Казакъ поплевалъ на руки и взялся за канатъ. Переѣзжавшій сталъ помогать ему.

— А ты, дѣдъ, что̀ же не поможешь?—обратился паромщикъ, возившійся съ сапогомъ, къ Архипу.

— Гдѣ мнѣ, родной!—жалобнымъ тономъ и качая головой, пропѣлъ тотъ.

— И не надо имъ помогать. Они и одни управятся!

И, какъ бы желая убѣдить дѣда въ истинѣ своихъ словъ, онъ грузно опустился на колѣни и легъ на палубѣ парома.

Его товарищъ лѣниво ругнулъ его и, не получивъ отвѣта, громко затопалъ ногами, упираясь въ палубу.

Отбиваемый теченіемъ, съ глухимъ шумомъ, плескавшимъ о его бока, паромъ вздрагивалъ и качался, медленно подвигаясь впередъ.

Глядя на воду, Ленька чувствовалъ, что у него сладко кружится голова и глаза, утомленные быстрымъ бѣгомъ волнъ, дремотно слипаются. Глухой шопотъ дѣда, скрипъ каната и сочный плескъ волнъ убаюкивали его; онъ хотѣлъ опуститься на палубу въ дремотной истомѣ, но вдругъ что-то качнуло его такъ, что онъ упалъ.

Широко раскрывъ глаза, онъ смотрѣлъ кругомъ. Надъ нимъ смѣялись казаки, причаливая паромъ за обгорѣлый пень на берегу.

— Что, заснулъ? Хилый ты. Садись въ арбу, довезу до станицы. И ты, дѣдъ, садись.

Благодаря казака монотоннымъ, гнусавымъ голосомъ, дѣдъ кряхтя влѣзъ въ арбу. Ленька тоже прыгнулъ туда, и они поѣхали въ клубахъ мелкой черной пыли, заставлявшей дѣда то и дѣло задыхаться отъ кашля.

Казакъ затянулъ пѣсню. Пѣлъ онъ странными звуками, отрывая ноты въ серединѣ и доканчивая ихъ свистомъ. Казалось, онъ развиваетъ звуки съ клубка, какъ нитки, и, когда ему встрѣчается узелъ, обрываетъ ихъ.

Колеса жалобно скрипѣли, вилась пыль; дѣдъ, тряся головой, не переставая кашлялъ, а Ленька думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ пріѣдутъ они въ станицу и нужно будетъ гнусавымъ голосомъ пѣть подъ окнами: Господи, Іисусе Христе... Снова станичные мальчики будутъ задирать его, а бабы надоѣдать разспросами о Россіи и о многомъ другомъ... Нехорошо въ эту пору смотрѣть и на дѣда, который кашляетъ чаще, горбится ниже, отчего ему самому неловко и больно, и говоритъ такимъ жалобнымъ голосомъ, то и дѣло всхлипывая и разсказывая о томъ, чего нигдѣ и никогда не было... Говоритъ, напримѣръ, что въ Россіи на улицахъ мретъ народъ да такъ и валяется, и убрать некому, потому что всѣ люди обалдѣли отъ голода... Ничего этого они съ дѣдомъ не видали нигдѣ. А нужно все это для того, чтобы больше подавали. Но куда ее, милостыню, здѣсь дѣнешь? Дома—тамъ можно всегда продать по 40 копеекъ и даже по полтинѣ за пудъ, а здѣсь никто не покупаетъ. Потомъ приходится эти куски, иногда очень вкусные, выбрасывать изъ котомокъ въ степи.

— Сбирать пойдете? — спросилъ казакъ, оглядывая черезъ плечо двѣ скорченныя фигуры.

— Ужъ конечно, почтенный человѣкъ! — со вздохомъ отвѣтилъ ему дѣдъ Архипъ.

— Встань на ноги, дѣдъ, покажу, гдѣ живу,—ночевать ко мнѣ придете.

Дѣдъ попробовалъ встать, но упалъ, ударившись бокомъ о край арбы, и глухо застоналъ.

— Эхъ, ты, старый!..—буркнулъ казакъ, соболѣзнуя.—Ну, все равно, не гляди; придетъ пора на ночлегъ итти, спроси Чернаго, Андрея Чернаго, это я и есть. А теперь слѣзай. Прощайте!

Дѣдъ и внукъ очутились передъ кучкой тополей и осокорей. Изъ-за ихъ стволовъ виднѣлись крыши, заборы, повсюду—направо и налѣво—къ небу вздымались такія же

кучки. Ихъ зеленая листва была одѣта сѣрой пылью, а кора толстыхъ, прямыхъ стволовъ потрескалась отъ жары.

Прямо передъ нищими между двухъ дощатыхъ заборовъ тянулся узкій переулокъ, въ который скрылся привезшій ихъ казакъ, и они направились въ этотъ проулокъ усталой, развалистой походкой много ходившихъ пѣшкомъ людей.

— Ну, какъ мы, Леня, пойдемъ—вмѣстѣ или порознь?—спросилъ дѣдъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—вмѣстѣ бы лучше—мало больно тебѣ подаютъ. Не умѣешь ты просить-то...

— А куда много-то надо? Все равно вѣдь не поѣдаешь...—хмуро отвѣтилъ Ленька, оглядываясь вокругъ.

- Куда? Чудашка ты!.. А вдругъ подвернется человѣкъ да и купитъ? Вотъ-те и куда!.. Деньги дастъ. А деньги дѣло большое; ты съ ними, небось, не пропадешь, какъ умру-то я.

И, ласково усмѣхаясь, дѣдъ погладилъ внука рукой по головѣ.

— Ты знаешь ли, сколько я за путину-то скопилъ? А?

— А сколько?—равнодушно спросилъ Ленька.

— Одиннадцать съ полтиной!.. Видишь?!

Но на Леньку не произвели впечатлѣнія эта сумма и ликующій тонъ дѣда.

— Эхъ, ты, малышъ, малышъ!—вздохнулъ дѣдъ.—Такъ порознь, что ли, идемъ?

— Порознь...

— Ну... Къ церкви приходи, буде.

— Ладно.

Дѣдъ свернулъ въ проулокъ налѣво, а Ленька пошелъ дальше. Сдѣлавъ шаговъ десять, онъ услыхалъ дребезжащій возгласъ: „Благодѣтели и кормильцы!..“. Этотъ возгласъ былъ похожъ на то, какъ бы по разстроеннымъ гуслямъ провели ладонью съ самой густой до тонкой струны. Ленька вздрогнулъ и прибавилъ шагу. Всегда, когда слышалъ онъ просьбы дѣда, ему становилось непріятно и какъ-то тоскливо, а когда дѣду отказывали, онъ даже робѣлъ, ожидая, что вотъ сейчасъ разревется дѣдушка.

До слуха его еще долетали дрожащія, жалкія ноты дѣдова голоса, плутавшія въ сонномъ и знойномъ воздухѣ надъ станицей. Кругомъ было все такъ тихо, точно ночью. Ленька подошелъ къ плетню и сѣлъ въ тѣни отъ свѣсившихся черезъ него на улицу вѣтвей вишни. Гдѣ-то гулко жужжала пчела...

Сбросивъ котомку съ плечъ, Ленька положилъ на нее голову и, немного посмотрѣвъ въ небо сквозь листву надъ его

лицомъ, крѣпко заснулъ, укрытый отъ взглядовъ прохожихъ густымъ бурьяномъ и рѣшетчатой тѣнью плетня...

Проснулся онъ, разбуженный странными звуками, колебавшимися въ воздухѣ, уже посвѣжѣвшемъ отъ близости вечера. Кто-то плакалъ неподалеку отъ него. Плакали по-дѣтски—задорно и неугомонно. Звуки рыданій замирали въ тонкой, минорной нотѣ и вдругъ снова и съ новой силой вспыхивали и лились, все приближаясь къ нему. Онъ поднялъ голову и черезъ бурьянъ поглядѣлъ на дорогу.

По ней шла дѣвочка лѣтъ семи, красивая, чисто одѣтая, съ краснымъ и вспухшимъ отъ слезъ лицомъ, которое она то и дѣло вытирала подоломъ бѣлой ситцевой юбки. Шла она медленно, шаркая босыми ногами по дорогѣ, вздымая густую пыль, и, очевидно, не знала, куда и зачѣмъ идетъ. У нея были большіе черные глаза, теперь обиженные, грустные и влажные, и маленькія тонкія розовыя ушки, шаловливо выглядывавшія изъ прядей каштановыхъ волосъ, растрепанныхъ и падавшихъ ей на лобъ, щеки и плечи.

Она показалась Ленькѣ очень смѣшной, несмотря на свои слезы,—смѣшной и веселой... И озорница, должно-быть!..

— Ты чего плачешь? — спросилъ онъ, вставая на ноги, когда она поровнялась съ нимъ.

Она вздрогнула и остановилась, сразу переставъ плакать, но все еще потихоньку всхлипывая. Потомъ, когда она нѣсколько секундъ посмотрѣла на него, у нея снова дрогнули губы, сморщилось лицо, грудь колыхнулась, и, снова громко зарыдавъ, она пошла.

Ленька почувствовалъ, какъ у него что-то сжалось внутри, и вдругъ тоже пошелъ за ней.

— А ты не плачь. Большая ужъ... стыдно, чай!..—заговорилъ онъ, еще не поровнявшись съ ней, и потомъ, когда догналъ ее, заглянулъ ей въ лицо и переспросилъ снова:—Ну, чего ты разревѣлась?

— Да-а!.. — протянула она. — Кабы тебѣ... — и вдругъ опустилась въ пыль на дорогу, закрывъ лицо руками, и отчаянно заныла.

— Ну!—пренебрежительно махнулъ рукой Ленька.—Баба!.. Какъ есть баба. Фу ты!..

Но это не помогло ни ей ни ему. Ленькѣ, глядя, какъ между ея тонкими розовыми пальцами струились одна за другой слезинки, стало тоже грустно и захотѣлось плакать. Онъ наклонился надъ нею и, осторожно поднявъ руку, чуть дотронулся до ея волосъ; но тотчасъ же, испугавшись своей смѣлости, отдернулъ руку прочь. Она все плакала и ничего не говорила.

— Слышь!..—помолчавъ, началъ Ленька, чувствуя настоятельную потребность помочь ей.—Слышь!.. Чего ты это? Поколотили, что ли?.. Такъ вѣдь пройдетъ!.. А то, можетъ, другое что? Ты скажи! Дѣвочка... а? Потеряла, что ли, чего? Поискали бы вмѣстѣ...

Дѣвочка, не отнимая рукъ отъ лица, печально качнула головой и наконецъ сквозь рыданія медленно отвѣтила ему, поводя плечами:

— Платокъ... потеряла!.. Батька съ базара привезъ... голубой, съ цвѣтками, а я надѣла... и потеряла. — И заплакала снова сильнѣе и громче, всхлипывая и стонущимъ голосомъ выкликая странное: о-о-о!

Ленька почувствовалъ себя безсильнымъ помочь ей и, робко отодвинувшись отъ нея, задумчиво и грустно посмотрѣлъ на потемнѣвшее небо. Ему было тяжело и очень жаль дѣвочку.

— Не плачь!.. Можетъ, найдется какъ ни то... — тихонько прошепталъ онъ, но, замѣтивъ, что она не слышитъ его утѣшенія, отодвинулся еще дальше отъ нея и подумалъ, что, навѣрное, отъ отца достанется ей дома за эту потерю. И тотчасъ же ему представилось, что отецъ, большой и черный казакъ, колотитъ ее, а она, захлебываясь слезами и вся дрожа отъ страха и боли, валяется у него въ ногахъ...

Онъ всталъ и пошелъ прочь, но, отойдя шаговъ пять, снова круто повернулся, остановился противъ нея, прижавшись къ плетню, и старался вспомнить что-нибудь такое ласковое и доброе...

— Ушла бы ты съ дороги, дѣвочка! Да ужъ перестань, что ли, плакать-то! Пойди домой да и скажи все, какъ было. Потеряла, молъ... Что ужъ больно?..

Онъ началъ говорить это тихимъ, соболѣзнующимъ голосомъ и, кончивъ возмущеннымъ восклицаніемъ, обрадовался, видя, что она поднимается съ земли.

— Вотъ и ладно!.. — улыбаясь и оживленно продолжалъ онъ. — Иди-ка вотъ. Хочешь, я съ тобой пойду и разскажу все? Заступлюсь за тебя, не бойся!

И Ленька гордо повелъ плечами, оглянувшись вокругъ себя.

— Не надо...—прошептала она, медленно отряхивая пыль съ платья и все всхлипывая.

— А то пойду? — съ полнѣйшей готовностью громко заявилъ Ленька и сдвинулъ себѣ на ухо картузъ.

Теперь онъ стоялъ передъ ней, широко разставивъ ноги, отчего надѣтыя на немъ лохмотья какъ-то храбро заер-

шились. Онъ твердо постукивалъ палкой о землю и смотрѣлъ на нее упорно, а его большіе и грустные глаза свѣтились гордымъ и смѣлымъ чувствомъ.

Дѣвочка искоса посмотрѣла на него, размазывая по своему личику слезы, и, снова вздохнувъ, сказала:

— Не надо... не ходи... Мамка не любитъ нищихъ-то.

И пошла отъ него прочь, два раза оглянувшись назадъ.

Ленькѣ сдѣлалось скучно. Онъ незамѣтно, медленными движеніями измѣнилъ свою рѣшительную, вызывающую позу, снова сгорбился, присмирѣлъ и, закинувъ за спину свою котомку, висѣвшую до этою на рукѣ, крикнулъ вслѣдъ дѣвочкѣ, когда она уже скрылась за поворотомъ проулка:

— Прощай!

Она обернулась къ нему на ходу и исчезла.

Приближался вечеръ, и въ воздухѣ стояла та особенная, тяжелая духота, которая предвѣщаетъ грозу. Солнце уже было низко, и вершины тополей зардѣлись легкимъ румянцемъ. Но отъ вечернихъ тѣней, окутавшихъ ихъ вѣтви, они, высокіе и неподвижные, стали гуще, выше... Небо надъ ними тоже темнѣло, дѣлалось бархатнымъ и точно опускалось ниже къ землѣ. Гдѣ-то далеко говорили люди и еще гдѣ-то дальше, но въ другой сторонѣ — пѣли. Эти звуки, тихіе, но густые и безпрерывно колебавшіеся въ воздухѣ, казалось, тоже были пропитаны духотой

Ленькѣ стало еще скучнѣе и даже боязно чего-то. Онъ захотѣлъ пойти къ дѣду, оглянулся вокругъ себя и быстро пошелъ впередъ по переулку. Просить милостыню ему совсѣмъ не хотѣлось. Онъ шелъ и чувствовалъ, что у него въ груди сердце бьется такъ часто-часто, и что ему какъ-то особенно лѣнь итти и думать... Но дѣвочка не выходила изъ его памяти, и ему думалось о томъ, что съ ней теперь? Пришла ли она домой? Богатая она?.. Коли она изъ богатаго дома, будутъ ее бить: всѣ богачи—скряги; а коли бѣдная, то, можетъ, и не будутъ... Въ бѣдныхъ домахъ ребятъ-то больше любятъ, потому что отъ нихъ работы ждутъ. Одна за другой думы назойливо шевелились въ его головѣ, и съ каждой минутой томительное и щемящее чувство тоски, какъ тѣнь сопровождавшее его думы, становилось тяжелѣе и овладѣвало имъ все болѣе.

И тѣни вечера становились удушливѣе, гуще. Навстрѣчу Ленькѣ попадались казаки и казачки и проходили мимо, не обращая на него вниманія, уже успѣвъ привыкнуть къ наплыву голодающихъ изъ Россіи. Онъ тоже лѣниво скользилъ потускнѣвшимъ взглядомъ по ихъ сытымъ, крупнымъ фигу-

рамъ и быстро шелъ къ церкви, крестъ которой сіялъ за зеленью деревьевъ впереди его.

Навстрѣчу ему несся рѣзвый шумъ возвращавшагося стада. Вотъ и церковь, низенькая и широкая, съ пятью главами, выкрашенными голубой краской, обсаженная кругомъ тополями, вершины которыхъ переросли ея кресты, облитые лучами заката и сіявшіе сквозь зелень розоватымъ золотомъ.

Вотъ и дѣдъ труситъ къ паперти, согнувшись подъ тяжестью котомки, и озирается по сторонамъ, приставивъ ладонь ко лбу.

За дѣдомъ тяжелой, развалистой походкой шагаетъ станичникъ въ шапкѣ, низко надвинутой на лобъ, и съ палкой въ рукѣ.

— Что̀, пуста котомка-то? — спросилъ дѣдъ, подходя къ внуку, остановившемуся, ожидая его, у церковной ограды.— А я вонъ сколько!.. — И, кряхтя, онъ свалилъ съ плечъ на землю свой холщевый, туго набитый мѣшокъ.

— Ухъ!.. хорошо здѣсь подаютъ! Ахти, хорошо!.. Ну, а ты чего такой надутый?

— Голова болитъ... — тихо молвилъ Ленька, опускаясь на землю рядомъ съ дѣдомъ, прижавшимся спиной къ кучѣ сложенныхъ кирпичей и съ выраженіемъ жадности и удовольствія гладившимъ рукой по собранной милостынѣ.

— Ну?.. Усталъ... Сморился!.. Вотъ ночевать пойдемъ сейчасъ. Какъ казака-то того звать? А?

— Андрей Черный.

— Вѣрно, Черный! Вотъ мы и спросимъ: а гдѣ, молъ, тутъ Черный Андрей? Вотъ къ намъ человѣкъ идетъ... у него и спросимъ, Да... Хорошій народъ, сытый! И все пшеничный хлѣбъ ѣдятъ. Здравствуйте, добрый человѣкъ!

Казакъ подошелъ къ нимъ вплоть и медленно проговорилъ въ отвѣтъ на привѣтствіе дѣда:

И вы здравствуйте!

Затѣмъ, широко разставивъ ноги и остановивъ на нищихъ большіе, но ничего не выражавшіе глаза, молча почесался.

Ленька смотрѣлъ на него пытливо, дѣдъ моргалъ своими старческими глазами вопросительно, казакъ все молчалъ и наконецъ, высунувъ до половины языкъ, сталъ ловить имъ конецъ своего уса. Удачно кончивъ эту операцію, онъ втащилъ усъ въ ротъ, пожевалъ его, снова вытолкнулъ изо рта языкомъ и наконецъ прервалъ молчаніе, уже ставшее томительнымъ, лѣниво проговоривъ:

— Ну... пойдемте въ сборную.

— Зачѣмъ?—встрепенулся дѣдъ.

У Леньки дрогнуло что-то внутри.

— А надо... Велѣно. Ну!

Онъ поворотился къ нимъ спиной и повелъ-было, но, оглянувшись назадъ и видя, что оба они не трогаются съ мѣста, снова и уже сердито крикнулъ:

— Чего жъ еще!

Тогда дѣдъ и Ленька быстро встали на ноги и пошли за нимъ.

Ленька упорно смотрѣлъ на дѣда и, видя, что у него трясутся губы и голова и что онъ, боязливо озираясь вокругъ себя, быстро шаритъ у себя за пазухой, чувствовалъ, что дѣдъ опять нашалилъ чего-то, какъ и тогда въ Тамани. Ему стало боязно и тошно, когда онъ представилъ себѣ ту таманьскую исторію. Тамъ дѣдъ стянулъ со двора бѣлье и его поймали съ нимъ.

Смѣялись, ругали, били даже и наконецъ ночью выгнали вонъ изъ станицы. Ночь была такая темная... Они ночевали съ дѣдомъ гдѣ-то на берегу пролива въ пескѣ, и море всю ночь грозно урчало... Песокъ скрипѣлъ, передвигаемый набѣгавшими на него волнами... А дѣдъ всю ночь стоналъ и шопотомъ молился Богу, называя себя воромъ и прося прощенія.

— Ленька...

Ленька вздрогнулъ отъ толчка въ бокъ и посмотрѣлъ на дѣда. У того лицо вытянулось, стало суше и сѣрѣе и все дрожало.

Казакъ шелъ впереди шаговъ на пять, курилъ трубку, обивалъ палкой головки репейника и не оборачивался на нихъ.

— На вотъ, возьми!.. брось... въ бурьянъ... да замѣть, гдѣ бросишь!.. чтобы взять послѣ... — чуть слышно прошепталъ дѣдъ и, плотно прижавшись на ходу къ внуку, сунулъ ему въ руку какую-то тряпицу, свернутую въ комокъ.

Ленька отстранился, дрогнувъ отъ страха, сразу наполнившаго холодомъ все его существо, и подошелъ ближе къ забору, около котораго густо разросся бурьянъ. Напряженно глядя на широкую спину казака-конвоира, онъ протянулъ въ сторону руку и, посмотрѣвъ на нее, бросилъ тряпку въ бурьянъ... Бросилъ и остановился, пораженный.

Падая, тряпка развернулась, и въ глазахъ Леньки промелькнулъ голубой съ цвѣтами платокъ, моментально заслоненный образомъ маленькой плачущей дѣвочки. Она встала передъ нимъ, какъ живая, заслонивъ собой и казака, и дѣда, и все окружающее... Звуки ея рыданій снова ясно раздались

въ ушахъ Леньки, и ему показалось, что передъ нимъ на землю падаютъ свѣтлыя капельки слезъ, закрывая отъ него весь міръ и наполняя его грудь тоскливымъ холодомъ...

Въ этомъ, почти невмѣняемомъ состояніи онъ пришелъ позади дѣда въ сборную, слышалъ глухое гудѣніе, разобрать которое не могъ и не хотѣлъ, точно сквозь туманъ видѣлъ, какъ изъ котомки дѣда высыпали куски на большой столъ, и эти куски, падая глухо и мягко, стучали о столъ... Затѣмъ надъ ними склонилось много головъ въ высокихъ шапкахъ; головы и шапки были хмуры и мрачны и сквозь туманъ, облекавшій ихъ, качаясь, грозили чѣмъ-то страшнымъ... Потомъ вдругъ дѣдъ, хрипло бормоча что-то, какъ волчокъ, завертѣлся въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ...

— Напрасно, православные!.. Не повиненъ, видитъ Господь...—пронзительно взвизгнулъ дѣдъ.

Ленька, заплакавъ, опустился на полъ.

Тогда подошли и къ нему. Подняли, посадили на лавку и обшарили всѣ лохмотья, покрывавшія его маленькое тѣльце.

— Брешетъ Даниловна, чортова баба!—громыхнулъ кто-то, точно ударивъ по ушамъ Леньки своимъ густымъ и раздраженнымъ голосомъ.

— А можетъ, они спрятали гдѣ? — крикнули въ отвѣтъ еще громче.

Ленька чувствовалъ, что всѣ эти звуки точно бьютъ его по головѣ, и ему стало такъ больно, что онъ потерялъ сознаніе, вдругъ точно нырнувъ въ какую-то черную яму, раскрывшую передъ нимъ бездонный зѣвъ.

А когда онъ очнулся, то почувствовалъ, что его голова лежитъ на колѣняхъ дѣда, и увидѣлъ, что прямо надъ лицомъ его наклонилось дѣдово лицо, жалкое и сморщенное болѣе, чѣмъ всегда, и изъ дѣдовыхъ глазъ, испуганно моргавшихъ, капаютъ на его, Лепькинъ, лобъ маленькія мутныя слезы и очень щекотятъ, скатываясь по щекамъ на шею...

— Оклемался ли, родной?!. Пойдемъ-ка отсюда. Пойдемъ,— отпустили проклятые!

Ленька поднялся съ колѣнъ дѣда и сѣлъ рядомъ съ нимъ, чувствуя, что въ его головѣ налито что-то тяжелое и что она вотъ-вотъ упадетъ съ плечъ... Онъ взялъ ее руками и закачалъ изъ стороны въ сторону, тихо стоная.

— Болитъ головонька-то? Родненькій ты мой!.. Измучили они насъ съ тобой... Звѣри! Кинжалъ пропалъ вишь ты, да платокъ дѣвчонка потеряла, ну, они и навалились на насъ!.. Охъ, Господи Боже!.. за что наказуешь?!..

Скрипучій голосъ дѣда какъ-то царапалъ Леньку, и онъ

чувствовалъ, что внутри его разгорается такая острая искорка, которая заставляетъ его отодвинуться отъ дѣда дальше.

Онъ отодвинулся и хмуро посмотрѣлъ въ его лицо, изъ морщинъ котораго на Леньку, казалось ему, смотрятъ маленькія, поганыя, лживыя змѣйки... Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ вокругъ...

Они съ дѣдомъ сидѣли у выхода изъ станицы, подъ густой тѣнью вѣтвей коряваго осокоря. Уже настала ночь, взошла луна, и ея молочно-серебристый свѣтъ, обливая ровное и широкое степное пространство, сдѣлалъ его какъ бы уже, чѣмъ оно было днемъ, уже и еще пустыннѣй и грустнѣй. Издалека, со степи, слитой съ небомъ, вздымались лиловыя тучки и тихо плыли надъ ней, закрывая луну и бросая на землю густыя тѣни. Тѣни плотно ложились на землю, медленно, задумчиво ползли по ней и вдругъ пропадали, точно уходя въ землю черезъ трещины отъ жгучихъ ударовъ солнечныхъ лучей... Изъ станицы доносились голоса, и кое-гдѣ въ ней вспыхивали огоньки, точно перемигиваясь съ ярко-золотыми звѣздами въ небѣ.

— Пойдемъ, милый!.. Итти надо,—сказалъ дѣдъ.

— Посидимъ еще!..—тихо сказалъ Ленька.

Ему нравилась степь. Днемъ, идя по ней, онъ любилъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ сводъ неба, казалось, опирается на ея широкую грудь... И тамъ онъ представлялъ себѣ большіе чудные города, населенные такими невиданными имъ добрыми людьми, у которыхъ не нужно будетъ просить хлѣба—сами дадутъ безъ просьбъ... И когда она, все шире развертываясь передъ его глазами, вдругъ выдвигала изъ себя станицу, уже знакомую ему и похожую строеніями и людьми на всѣ тѣ, которыя онъ видѣлъ прежде, ему дѣлалось грустно и обидно за этотъ обманъ.

Но степь на другой день снова развертывалась передъ ними широко и свободно и снова заставляла его рисовать себѣ невиданные города, скрытые тамъ далеко на краю...

И теперь онъ задумчиво смотрѣлъ вдаль, откуда выползали медленно тучи. Онѣ казались ему дымомъ тысячъ трубъ того города, который такъ ему хотѣлось видѣть... Его созерцаніе прервалъ сухой кашель дѣда.

Ленька пристально взглянулъ въ смоченное слезами лицо дѣда, жадно глотавшаго воздухъ.

Освѣщенное луной и перекрытое странными тѣнями, падавшими на него отъ лохмотьевъ шапки, отъ бровей и бороды, это лицо, съ судорожно двигавшимся ртомъ и широко раскрытыми глазами, свѣтившимися какимъ-то затаеннымъ вос-

торгомъ — было и страшно, и жалко, и возбуждало въ Ленькѣ то новое для него чувство, что̀ заставляло его отодвинуться отъ дѣда подальше...

— Ну, посидимъ, посидимъ!.. — бормоталъ онъ и, глупо ухмыляясь, шарилъ за пазухой.

Ленька отвернулся и снова сталъ смотрѣть вдаль.

— Ленька!.. Погляди-ка!..—вдругъ всхлипнулъ дѣдъ восторженно и, весь корчась отъ удушливаго кашля, протянулъ внучку что-то длинное и блестящее. — Въ серебрѣ! серебро вѣдь!.. полсотни сто̀итъ!..

Руки и губы у него дрожали отъ жадности и боли, и все лицо передергивалось.

Ленька вздрогнулъ и оттолкнулъ его руку.

— Спрячь скорѣй!.. Ахъ, дѣдушка, спрячь!.. — умоляюще прошепталъ онъ, быстро оглядываясь кругомъ.

— Ну... чего ты, дурашка? боишься, милый?.. Заглянулъ я въ окно, а онъ виситъ... я его цапъ да и подъ полу... а потомъ спряталъ въ кустахъ. Шли вонъ изъ станицы, я будто шапку уронилъ, наклонился и взялъ его... Дураки они!.. И платокъ взялъ... вотъ онъ гдѣ!..

И, выхвативъ изъ своихъ лохмотьевъ дрожащими руками платокъ, дѣдъ потрясъ имъ передъ лицомъ Леньки.

Передъ глазами Леньки разорвалась какая-то туманная завѣса и встала такая картина. Онъ и дѣдъ быстро, насколько могутъ, идутъ по улицѣ станицы, избѣгая взглядовъ встрѣчныхъ людей, идутъ пугливо, и Ленькѣ кажется, что каждый, кто хочетъ, въ правѣ бить ихъ обоихъ, плевать на нихъ, ругаться... Все окружающее—заборы, дома, деревья—въ какомъ-то странномъ туманѣ и колеблются, точно отъ вѣтра... и гудятъ чьи-то суровые, сердитые голоса... Этотъ тяжелый путь безконечно дологъ, и выходъ изъ станицы въ поле не виденъ за плотной массой шатающихся домовъ, которые то придвигаются къ нимъ, точно желая раздавить ихъ, то уходятъ куда-то, смѣясь имъ въ лицо темными пятнами своихъ оконъ... И вдругъ изъ одного окна звонко раздается: „Воришки! Воришки! Воришка, воренокъ!..“. Ленька украдкой бросаетъ взглядъ въ сторону и видитъ въ окнѣ ту дѣвочку, которую давеча онъ видѣлъ плачущей и хотѣлъ защищать... Она поймала его взглядъ и высунула ему языкъ, а ея синіе глазки сверкали зло и остро и кололи Леньку, какъ иглы.

Эта картина воскресла въ памяти мальчика и моментально исчезла, оставивъ по себѣ злую улыбку, которую онъ бросилъ въ лицо дѣду.

Дѣдъ все говорилъ что-то, говорилъ, прерывая себя кашлемъ, махалъ руками, радостно улыбнулся чему-то, трясъ головой и отиралъ потъ, крупными каплями выступавшій въ морщинахъ его лица.

Тяжелая, изорванная и лохматая туча закрыла луну, и Ленькѣ почти не видно было лица дѣда... Но онъ поставилъ рядомъ съ нимъ плачущую дѣвочку, вызвавъ ея образъ передъ собой, и мысленно какъ бы измѣрялъ ихъ обоихъ. Немощный, скрипучій, жадный и рваный дѣдъ рядомъ съ ней, обиженной имъ, плачущей, но здоровой, свѣжей, красивой, показался ему ненужнымъ и почти такимъ же злымъ и дряннымъ, какъ Кощей въ сказкѣ. Какъ это можно? За что онъ обидѣлъ ее? Онъ не родной ей...

А дѣдъ скрипѣлъ:

— Кабы сто рублей... скопить!.. Умеръ бы я тогда покойно...

— Ну!..—вдругъ вспыхнуло что-то въ Ленькѣ.—Молчи ужъ ты! Умеръ бы, умеръ бы... А не умираешь вотъ... Воруешь!..—взвизгнулъ Ленька и вдругъ, весь дрожа, вскочилъ на ноги.—Воръ ты старый!.. У-у!—и, сжавъ маленькій, сухой кулачокъ, онъ потрясъ имъ передъ носомъ внезапно замолкшаго дѣда и снова грузно опустился на землю, продолжая сквозь зубы:—У дити укралъ... Ахъ, хорошо!.. Старый, а туда же... Не будетъ тебѣ на томъ свѣтѣ прощенья за это!

Вдругъ вся степь всколыхнулась и, охваченная ослѣпительно-голубымъ свѣтомъ, расширилась... Одѣвавшая ее мгла дрогнула и исчезла на моментъ... Грянулъ ударъ грома и, рокоча, покатился надъ степью, сотрясая и ее и небо, по которому теперь быстро летѣла густая толпа черныхъ тучъ, утопившая въ себѣ луну.

Стало темно. Далеко гдѣ-то еще молча, но грозно, сверкнула молнія и, спустя секунду, снова слабо рыкнулъ громъ... Потомъ наступила тишина, которой, казалось, не будетъ конца.

Ленька крестился. Дѣдъ сидѣлъ неподвижно и молча, точно онъ сросся съ стволомъ дерева, къ которому прислонился спиной.

— Дѣдушка!.. — прошепталъ Ленька, въ мучительномъ страхѣ ожидая новаго удара грома.—Идемъ въ станицу!

Небо снова дрогнуло и, снова вспыхнувъ голубымъ пламенемъ, бросило на землю могучій металлическій ударъ. Какъ будто тысячи листовъ желѣза сыпались на землю, ударяясь другъ о друга...

— Дѣдушка!..—крикнулъ Ленька.

Крикъ его, заглушаемый отзвукомъ грома, прозвучалъ, какъ ударъ въ маленькій, разбитый колоколъ.

— Что ты... внучекъ мой... Боишься...—хрипло проговорилъ дѣдъ, не шевелясь.

Въ его словахъ звучали горечь и боль и насмѣшка. Ленькѣ они показались произнесенными чужимъ.

Стали падать крупныя капли дождя, и ихъ шорохъ звучалъ такъ таинственно, точно предупреждалъ о чемъ-то... Вдали онъ уже выросъ въ сплошной, широкій звукъ, похожій на треніе громадной щеткой по сухой землѣ,—а тутъ, около дѣда и внука, каждая капля, падая на землю, звучала коротко и отрывисто и умирала безъ эха. Удары грома все приближались, и небо вспыхивало чаще.

— Не пойду я въ станицу! Пусть меня, стараго пса и вора... здѣсь дождь потопитъ... и громъ убьетъ!..—задыхаясь, говорилъ дѣдъ.—Не пойду!.. Иди одинъ... Вотъ она, станица... Иди!.. Не хочу я, чтобы ты сидѣлъ тутъ... пошелъ!.. Иди, иди!.. Иди!..

Дѣдъ уже кричалъ глухо и сипло.

— Дѣдушка!.. прости!.. — придвигаясь къ нему, взмолился Ленька.

— А!.. Не пойду... Не прощу... Семь лѣтъ я тебя нянчилъ!.. Все для тебя... и жилъ... для тебя. Разѣ мнѣ надо что?.. Умираю вѣдь я... Умираю... а ты говоришь—воръ... Для чего воръ? Для тебя... вѣдь для тебя это все... Вотъ возьми... возьми... бери... На жизнь твою... на всю... копилъ... ну, и воровалъ... Богъ видитъ все... Онъ знаетъ... что воровалъ... знаетъ... Онъ меня накажетъ. О-онъ не помилуетъ меня, стараго пса... за воровство. И наказалъ ужъ... Господи! наказалъ Ты меня!.. а? наказалъ?.. Рукой ребенка убилъ Ты меня!.. Вѣрно, Господи!.. Правильно!.. Справедливъ Ты, Господи!.. Иду на судъ Твой... Пошли по душу мою... Охъ!.. вотъ и все!..

Голосъ дѣда поднялся до пронзительнаго визга, вселившаго въ грудь Леньки холодный ужасъ.

Удары грома, сотрясая степь и небо, рокотали теперь такъ гулко и торопливо, точно каждый изъ нихъ хотѣлъ сказать землѣ что-то необходимо нужное для нея, и всѣ они, перегоняя одинъ другого, ревѣли почти безъ паузъ. Раздираемое молніями небо дрожало, дрожала и степь, то вся вспыхивая синимъ огнемъ, то погружаясь въ холодный, тяжелый и тѣсный мракъ, странно суживавшій ее. Иногда молнія освѣщала даль. Эта даль, казалось, торопливо убѣгаетъ отъ шума и рева...

Полилъ дождь, и его капли, блестя, какъ сталь, при блескѣ молніи, скрыли собой привѣтно мигавшіе огоньки станицы.

Ленька замиралъ отъ ужаса, холода и какого-то тоскливаго чувства вины, рожденнаго крикомъ дѣда. Онъ уставилъ передъ собою широко открытые глаза и, боясь моргнуть ими даже и тогда, когда капли воды, стекая съ его вымоченной дождемъ головы, попадали въ нихъ, прислушивался къ голосу дѣда, тонувшему въ морѣ могучихъ звуковъ.

Ленька чувствовалъ, что дѣдъ сидитъ неподвижно, но ему казалось, что онъ долженъ пропасть, уйти куда-то и оставить его тутъ одного. Онъ, незамѣтно для себя, понемногу придвигался къ дѣду и, когда коснулся его локтемъ, вздрогнулъ, ожидая чего-то страшнаго...

Разорвавъ небо, молнія освѣтила ихъ обоихъ, рядомъ другъ съ другомъ, скорченныхъ, маленькихъ, обливаемыхъ потоками воды съ вѣтвей дерева...

Дѣдъ махалъ рукой въ воздухѣ и все бормоталъ что-то, уже уставая и задыхаясь.

Взглянувъ ему въ лицо, Ленька крикнулъ отъ страха... При синемъ блескѣ молніи оно казалось мертвымъ, а вращавшіеся на немъ тусклые глаза были безумны.

— Дѣдушка!.. Пойдемъ!.. — взвизгнулъ онъ, ткнувъ свою голову въ колѣни дѣда.

Дѣдъ склонился надъ нимъ, обнявъ его своими руками, тонкими и костлявыми, крѣпко прижалъ къ себѣ и, тиская его, вдругъ взвылъ сильно и пронзительно, какъ волкъ, схваченный капканомъ.

Доведенный этимъ воемъ чуть не до сумасшествія, Ленька вырвался отъ него, вскочилъ на ноги и стрѣлой помчался куда-то впередъ, широко раскрывъ глаза, ослѣпляемый молніями, падая, вставая и уходя все глубже въ тьму, которая то исчезала отъ синяго блеска молніи, то снова плотно охватывала обезумѣвшаго отъ страха мальчика.

А дождь, падая, шумѣлъ такъ холодно, монотонно, тоскливо... и наконецъ казалось, что въ степи ничего и никогда не было, кромѣ шума дождя, блеска молніи и раздраженнаго грохота грома.

Поутру другого дня, выбѣжавъ за околицу, станичные мальчики тотчасъ же воротились назадъ и сдѣлали въ станицѣ тревогу, объявивъ, что видѣли подъ осокорью вчерашняго нищаго, и что онъ, должно-быть, зарѣзанъ, такъ какъ около него брошенъ кинжалъ.

Но когда старшіе казаки пришли смотрѣть, такъ ли это, то оказалось, что не такъ. Старикъ былъ живъ еще. Когда

къ нему подошли, онъ попытался подняться съ земли, но п
могъ. У него отнялся языкъ, какъ оказалось, и онъ спраши
валъ всѣхъ о чемъ-то слезящимися глазами и все искал
ими въ толпѣ, но ничего не находилъ и не получалъ ника
кого отвѣта.

Къ вечеру онъ умеръ, и зарыли его тамъ же, гдѣ взяли
подъ осокорью, находя, что на погостѣ его хоронить не слѣ
дуетъ: во-первыхъ—онъ чужой, во-вторыхъ—воръ, а вт
третьихъ—умеръ безъ покаянія. Около него въ грязи нашл
кинжалъ и платокъ.

А черезъ два или три дня нашелся Ленька.

Надъ одной степной балкой, недалеко отъ станицы, стал
кружиться стаи воронъ, и, когда пошли посмотрѣть туда
нашли мальчика, который лежалъ, раскинувъ руки и лицом
внизъ, въ жидкой грязи, оставшейся послѣ дождя на дн
балки.

Сначала рѣшили похоронить его на погостѣ, потому чт
онъ еще ребенокъ, но, подумавъ, положили рядомъ съ дѣ
домъ, подъ той же осокорью. Насыпали холмъ земли и н
немъ поставили грубый каменный крестъ.

1894.

ЧЕЛКАШЪ.

Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море, точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами веселъ, пароходныхъ винтовъ, острыми килями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленныя громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, бьются и ропщутъ, вспѣненныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ, металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающихъ на камень мостовой, глухой стукъ дерева, дребезжаніе извозчичьихъ телѣгъ, свистки пароходовъ, то пронзительно-рѣзкіе, то глухо ревущіе, крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ солдатъ, — всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ. А къ нимъ вздымаются съ земли все новыя и новыя волны—то глухія, рокочущія, онѣ сурово сотрясаютъ все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, рвутъ пыльный, знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, дерево, мостовая гавани, суда и люди—все дышитъ мощными звуками бѣшено-страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышные въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки, пыльныя, оборванныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ, суетливо бѣгаютъ то туда, то сюда въ тучахъ пыли,

въ морѣ зноя и звуковъ, и такъ они ничтожны, малы по сравненію съ окружающими ихъ желѣзными колоссами, грудами товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигурамъ людей, ползавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ слѣпны были длинныя вереницы грузчиковъ, носившихъ на плечахъ своихъ тысячи пудовъ хлѣба въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего жедудка. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестѣвшія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностью машины, созданныя этими людьми,—машины, которыя въ концѣ концовъ приводились въ движеніе все-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи.

Шумъ подавлялъ, пыль, раздражая ноздри, слѣпила глаза, зной пекъ тѣло, изнурялъ его, и все кругомъ казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, теряющимъ терпѣніе, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко, на землѣ воцарится тишина, а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ...

Раздалось двѣнадцать мѣрныхъ и звонкихъ ударовъ въ колоколъ. Когда послѣдній мѣдный звукъ замеръ, дикая музыка труда уже звучала тише почти на половину. Черезъ минуту еще она превратилась въ глухой недовольный ропотъ. Теперь голоса людей и плескъ моря стали слышнѣй. Это—наступило время обѣда.

I.

Когда грузчики, бросивъ работать, разсыпались по всей гавани шумными группами, покупая себѣ у торговокъ разную снѣдь и усаживаясь обѣдать тутъ же на мостовой, въ тѣнистыхъ уголкахъ, среди нихъ появился Гришка Челкашъ, старый травленый волкъ, хорошо знакомый гаванскому люду,

какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ. Онъ былъ босъ, въ старыхъ вытертыхъ плисовыхъ штанахъ, безъ шапки, въ грязной ситцевой рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ, открывавшимъ его подвижныя, сухія и угловатыя кости, обтянутыя коричневой кожей. По всклоченнымъ чернымъ съ просѣдью волосамъ и смятому, острому, хищному лицу было видно, что онъ только-что проснулся. Въ одномъ буромъ усѣ у него торчала соломина, другая соломина запуталась въ щетинѣ лѣвой бритой щеки, а за ухо онъ заткнулъ себѣ маленькую, только-что сорванную вѣтку липы. Длинный, костлявый, немного сутулый, онъ медленно шагалъ по камнямъ и, поводя своимъ горбатымъ, хищнымъ носомъ, кидалъ вокругъ себя острые взгляды, поблескивая холодными сѣрыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиковъ. Его бурые усы, густые и длинные, то и дѣло вздрагивали, какъ у кота, а заложенныя за спину руки потирали одна другую, нервно перекручиваясь длинными, кривыми и цѣпкими пальцами. Даже и здѣсь, среди сотенъ такихъ же, какъ онъ, рваныхъ и рѣзкихъ босяцкихъ фигуръ, онъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ степнымъ ястребомъ, своей хищной худобой и этой прицѣливающейся походкой, плавной и покойной съ виду, но внутренно возбужденной и зоркой, какъ летъ той хищной птицы, которую онъ напоминалъ.

Когда онъ поровнялся съ одной изъ группъ босяковъ-грузчиковъ, расположившихся въ тѣни подъ грудой корзинъ съ углемъ, ему навстрѣчу всталъ коренастый малый съ глупымъ, въ багровыхъ пятнахъ лицомъ и поцарапанной шеей, должно-быть, недавно избитый. Онъ всталъ и пошелъ рядомъ съ Челкашомъ, вполголоса говоря:

— Флотскіе двухъ мѣстъ мануфактуры хватились... Ищутъ. Слышь, Гришка?

— Ну?—спросилъ Челкашъ, спокойно смѣривъ его глазами.

— Чего—ну? Ищутъ, молъ. Больше ничего.

— Меня, что ли, спрашивали, чтобъ помогъ поискать?

И Челкашъ съ острой улыбкой посмотрѣлъ туда, гдѣ помѣщается пакгаузъ Добровольнаго флота.

— Пошелъ инъ къ чорту!

Товарищъ повернулъ назадъ.

— Эй, погоди! Кто это тебя изукрасилъ? Ишь какъ испортили вывѣску-то... Мишку не видалъ здѣсь?

— Давно не видалъ!—крикнулъ тотъ, уходя къ своимъ товарищамъ.

Челкашъ пошелъ дальше, встрѣчаемый всѣми, какъ человѣкъ хорошо знакомый. Но онъ, всегда веселый и ѣдкій,

былъ сегодня, очевидно, не въ духѣ и отвѣчалъ на разспросы отрывисто и рѣзко.

Откуда-то изъ-за бунта товара вывернулся таможенный сторожъ, темно-зеленый, пыльный и воинственно-прямой. Онъ загородилъ дорогу Челкашу, вставъ передъ нимъ въ вызывающей позѣ, схватившись лѣвой рукой за ручку кортика, а правой пытаясь взять Челкаша за воротъ.

— Стой! Куда идешь?

Челкашъ отступилъ шагъ назадъ, поднялъ глаза на сторожа и сухо улыбнулся.

Красное, добродушно-хитрое лицо служиваго пыталось изобразить грозную мину, для чего надулось, стало круглымъ, багровымъ, двигало бровями, таращило глаза и было очень смѣшно.

— Сказано тебѣ—въ гавань не смѣй ходить, ребра изломаю! А ты опять?—грозно кричалъ сторожъ.

— Здравствуй, Семенычъ! Мы съ тобой давно не видались,—спокойно поздоровался Челкашъ и протянулъ ему руку.

— Хоть бы вѣкъ тебя не видать! Иди, иди!..

Но Семенычъ все-таки пожалъ протянутую руку.

— Вотъ что̀ скажи,—продолжалъ Челкашъ, не выпуская изъ своихъ цѣпкихъ пальцевъ руки Семеныча и пріятельски-фамильярно потряхивая ее:—ты Мишку не видалъ?

— Какого еще Мишку? Никакого Мишки не знаю! Пошелъ, братъ, вонъ! А то пакгаузный увидитъ, онъ те...

— Рыжаго, съ которымъ я прошлый разъ работалъ на „Костромѣ“,—стоялъ на своемъ Челкашъ.

— Съ которымъ воруешь вмѣстѣ, вотъ какъ скажи! Въ больницу его свезли, Мишку твоего, ногу отдавило чугунной штыкой. Пойди, братъ, пока честью просятъ, пойди, а то въ шею провожу!..

— Ага, ишь ты! А ты говоришь — не знаю Мишки... Знаешь вотъ. Ты чего же такой сердитый, Семенычъ?..

— Вотъ что̀, Гришка: ты мнѣ зубы не заговаривай, а иди!..

Сторожъ началъ сердиться и, оглядываясь по сторонамъ, пытался вырвать свою руку изъ крѣпкой руки Челкаша. Челкашъ спокойно посматривалъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей, улыбался себѣ въ усы и, не отпуская его руки, продолжалъ разговаривать:

— Ты не торопи меня. Я вотъ наговорюсь съ тобой вдосталь и уйду. Ну, сказывай, какъ живешь?.. жена, дѣтки—здоровы?—И, зловѣще сверкая глазами, онъ, оскаливъ зубы насмѣшливой улыбкой, добавилъ: — Въ гости къ тебѣ собираюсь, да все времени нѣтъ—пью все вотъ...

— Ну... ну... ты это брось! Ты... не шути, дьяволъ костлявый! Я, братъ, въ самомъ дѣлѣ... Али ты ужъ по домамъ, по улицамъ грабить собираешься?

— Зачѣмъ? И здѣсь на нашъ съ тобой вѣкъ добра хватитъ. Ей-Богу, хватитъ, Семенычъ! Ты, слышь, опять два мѣста мануфактуры слямзилъ?.. Смотри, Семенычъ, осторожнѣй! Не попадись какъ-нибудь!..

Возмущенный нахальствомъ Челкаша, Семенычъ весь затрясся, брызгая слюной и пытаясь что-то сказать. Челкашъ отпустилъ его руку и спокойно зашагалъ длинными ногами назадъ къ воротамъ гавани. Сторожъ, неистово ругаясь, двинулся за нимъ.

Челкашъ повеселѣлъ; онъ тихо посвистывалъ сквозь зубы и, засунувъ руки въ карманы штановъ, шелъ медленной походкой свободнаго человѣка, отпуская направо и налѣво колкіе смѣшки и шутки. Вслѣдъ ему платили тѣмъ же.

— Ишь ты, Гришка, начальство-то какъ тебя оберегаетъ!— крикнулъ кто-то изъ толпы грузчиковъ, уже пообѣдавшихъ и валявшихся на землѣ, отдыхая.

— Я босый, ну такъ вотъ Семенычъ слѣдитъ, какъ бы мнѣ ногу не напороть,—отвѣтилъ Челкашъ.

Подошли къ воротамъ. Два солдата ощупали Челкаша и легонько вытолкнули его на улицу.

— Не пускайте вы его!—крикнулъ Семенычъ, оставшійся во дворѣ гавани.

Челкашъ перешелъ черезъ дорогу и сѣлъ на тумбочку противъ дверей кабака. Изъ воротъ гавани съ грохотомъ выѣзжала вереница нагруженныхъ телѣгъ. Навстрѣчу имъ неслись порожнія телѣги съ извозчиками, подпрыгивавшими на нихъ. Гавань изрыгала воющій громъ и ѣдкую пыль...

Въ этой бѣшеной сутолокѣ, возбужденный сценой съ Семенычемъ, Челкашъ чувствовалъ себя прекрасно. Впереди ему улыбался солидный заработокъ, требовавшій немного труда и много ловкости. Онъ былъ увѣренъ, что ловкости хватитъ у него, и, щуря глаза, мечталъ о томъ, какъ загуляетъ завтра поутру, когда все будетъ справлено и въ его карманѣ явятся кредитныя бумажки... Затѣмъ ему вспомнился товарищъ Мишка, который очень пригодился бы сегодня ночью, если бы не сломалъ себѣ ногу. Челкашъ про себя обругался, думая, что одному ему, безъ Мишки, пожалуй, и не справиться со всѣмъ этимъ. Какова-то будетъ ночь?.. Онъ посмотрѣлъ на небо и вдоль по улицѣ.

Шагахъ въ шести отъ него, у тротуара, на мостовой, прислонясь спиной къ тумбочкѣ, сидѣлъ молодой парень въ

синей пестрядиной рубахѣ, въ такихъ же штанахъ, въ лаптяхъ и въ оборванномъ рыжемъ картузѣ. Около него лежала маленькая котомка и коса безъ черенка, обернутая въ жгутъ изъ сѣна, аккуратно перекрученный веревочкой. Парень былъ широкоплечъ, коренастъ, русъ, съ загорѣлымъ и обвѣтреннымъ лицомъ и съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими на Челкаша довѣрчиво и добродушно.

Челкашъ оскалилъ зубы, высунулъ языкъ и, сдѣлавъ страшную рожу, упорно уставился на него вытаращенными глазами.

Парень, сначала недоумѣвая, смигнулъ, но потомъ вдругъ расхохотался, крикнулъ сквозь смѣхъ: „ахъ, чудакъ!“, и, почти не вставая съ земли, неуклюже перевалился отъ своей тумбочки къ тумбочкѣ Челкаша, волоча свою котомку по пыли и постукивая пяткой косы о камни.

— Что̀, братъ, погулялъ, видно, здорово!..—обратился онъ къ Челкашу, дернувъ его штанину.

— Было дѣло, сосунокъ, было этакое дѣло!—улыбаясь, сознался Челкашъ. Ему сразу понравился этотъ здоровый, добродушный парень съ ребячьими свѣтлыми глазами.—Съ косовицы, что ли?

— Какъ же!.. Косили версту—выкосили грошъ. Плохи дѣла-то! Нар-роду—уйма! Голодающій этотъ самый приплелся... цѣну сбили, хоть не берись. Шесть гривенъ въ Кубани платили. Дѣла!.. А раньше-то, говорятъ, три цѣлковыхъ цѣна, четыре, пять!..

— Раньше!.. Раньше-то за одно поглядѣнье на русскаго человѣка тамъ трёшну платили. Я вотъ годовъ десять тому назадъ этимъ самымъ и промышлялъ. Придешь въ станицу—русскій, молъ, я!.. Сейчасъ тебя поглядятъ, пощупаютъ, подивуются и—получи три рубля! Да напоятъ, накормятъ. И живи, сколько хочешь!

Парень, слушая Челкаша, сначала широко открывалъ ротъ, выражая на круглой физіономіи недоумѣвающее восхищеніе, но потомъ, понявъ, что этотъ оборванецъ вретъ, шлепнулъ губами и захохоталъ. Челкашъ сохранялъ серьезную мину, скрывая улыбку въ своихъ усахъ.

— Чудакъ, говоришь будто правду, а я слушаю да вѣрю... Нѣтъ, ей-Богу, раньше тамъ...

— Ну, а я про что? Вѣдь и я говорю, что, молъ, тамъ раньше...

— Поди ты!..—махнулъ рукой парень.—Сапожникъ, что ли? Али портной?.. Ты-то?

— Я-то?—переспросилъ Челкашъ и, подумавъ, сказалъ:—Рыбакъ я...

— Рыба-акъ! Ишь ты! Что̀ же, ловишь рыбу?..

— Зачѣмъ рыбу? Здѣшніе рыбаки не одну рыбу ловятъ. Больше утопленниковъ, старые якорья, потонувшія суда— все! Удочки такія есть для этого...

— Ври, ври!.. Изъ тѣхъ, можетъ, рыбаковъ, которые про себя поютъ:

Мы закидываемъ сѣти
По сухимъ берегамъ,
Да по амбарамъ, по клѣтямъ!..

— А ты видалъ талихъ?—спросилъ Челкашъ, съ усмѣшкой поглядывая на него и думая, что этотъ славный парень очень глупъ.

— Нѣтъ, видать гдѣ же! Слыхивалъ...

— Нравятся?

— Они-то? Какъ же!.. Ничего ребята, вольные... свободные...

— А что̀ тебѣ... свобода?.. Ты развѣ любишь свободу?

— Да вѣдь какъ же? Самъ себѣ хозяинъ, пошелъ—куда хошь, дѣлай—что̀ хошь... Еще бы? Коли сумѣешь себя въ порядкѣ держать, да на шеѣ у тебя камней нѣтъ,—первое дѣло! Гуляй знай, какъ хошь, Бога только помни...

Челкашъ презрительно сплюнулъ и прервалъ свои вопросы, отвернувшись отъ парня.

— Сейчасъ вотъ мое дѣло...—вдругъ вдохновился тотъ.— Какъ отецъ у меня умеръ, хозяйство малое, мать старуха, земля вся высосана, что̀ я долженъ дѣлать? Жить надо. А какъ? Неизвѣстно. Пойду я въ зятья въ хорошій домъ. Ладно. Кабы выдѣлили дочь-то!.. Нѣтъ вѣдь—тесть-дьяволъ не выдѣлитъ. Ну, и буду я ломать на него... долго... года. Вишь какія дѣла-то! А кабы мнѣ рублей ста полтора заробить, сейчасъ бы я это на ноги всталъ и Антипу-то на-ко-ся, выкуси! Хошь выдѣлить Марѳу? Нѣтъ? Не надо! Слава Богу, дѣвокъ въ деревнѣ не одна она. И былъ бы я, значитъ, совсѣмъ свободенъ, самъ по себѣ... Н-да!—Парень вздохнулъ.— А теперь ничего не подѣлаешь иначе, какъ въ зятья итти. Думалъ-было я: вотъ, молъ, на Кубань-то пойду, рублевъ два ста тяпну,—шабашъ! баринъ!.. Анъ оно и тю-тю!.. не выгорѣло. Ну, и пойдешь въ зятья! Въ батраки... Потому своимъ хозяйствомъ не исправлюсь я... ни въ какомъ разѣ! Эхе-хе!..

Парню сильно не хотѣлось итти въ зятья. У него даже лицо потускнѣло и сдѣлалось печальнымъ. Онъ тяжело заерзалъ на землѣ и вывелъ Челкаша изъ раздумья, въ которое тотъ погрузился подъ его рѣчи.

Челкашъ почувствовалъ, что ему уже не хочется разговаривать, но почему-то все-таки спросилъ еще:

— Теперь куда жъ ты?

— Да вѣдь куда? Извѣстно, домой.

— Ну, братъ, мнѣ это неизвѣстно... Можетъ, ты въ Турцію собрался...

— Въ Ту-урцію!..—протянулъ парень.—Кто жъ это туда ходитъ изъ православныхъ? Сказалъ тоже!..

— Экій ты дуракъ!—вздохнулъ Челкашъ и снова отворотился отъ собесѣдника, на этотъ разъ почувствовавъ полное нежеланіе кинуть ему хотя бы слово. Въ немъ этотъ здоровый деревенскій парень что-то будилъ...

Смутное, медленно назрѣвавшее досадливое чувство копошилось гдѣ-то глубоко и мѣшало ему сосредоточиться и обдумать все то, что̀ нужно было сдѣлать въ эту ночь.

Обруганный парень бормоталъ что-то вполголоса, изрѣдка бросая на босяка косые взгляды. У него смѣшно надулись щеки, оттопырились губы, и суженные глаза какъ-то черезчуръ часто и смѣшно помаргивали. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что его разговоръ съ этимъ усатымъ оборванцемъ кончится такъ быстро и обидно.

Оборванецъ не обращалъ больше на него вниманія. Онъ задумчиво посвистывалъ, сидя на тумбочкѣ и отбивая по ней тактъ голой грязной пяткой.

Парню хотѣлось поквитаться съ нимъ.

— Эй, ты, рыбакъ! Часто это ты запиваешь-то?—началъ-было онъ, но въ этотъ моментъ рыбакъ быстро обернулъ къ нему лицо, спросивъ его:

— Слушай, сосунъ! Хочешь сегодня ночью работать со мной? А? Говори скорѣй!

— Чего работать?—недовѣрчиво спросилъ парень.

— Ну, чего!.. Чего заставлю... Рыбу ловить поѣдемъ. Грести будешь...

— Такъ... Что̀ же? Ничего. Работать можно. Только вотъ... не влетѣть бы во что съ тобой. Больно ты закомуристъ... теменъ ты...

Челкашъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ ожога въ груди и съ холодной злобой вполголоса проговорилъ:

— А ты не болтай, чего не смыслишь. Я те вотъ долбану по башкѣ-то, такъ тогда у тебя въ ней просвѣтлѣетъ...

Онъ соскочилъ съ тумбочки, дернулъ лѣвой рукой свой усъ, а правую сжалъ въ твердый, жилистый кулакъ и заблестѣлъ глазами.

Парень испугался. Онъ быстро оглянулся вокругъ и, робко

моргая, тоже вскочилъ съ земли. Мѣряя другъ друга глазами, они молчали.

— Ну?—сурово спросилъ Челкашъ

Онъ кипѣлъ и вздрагивалъ отъ оскорбленія, нанесеннаго ему этимъ молоденькимъ теленкомъ, котораго онъ во все время разговора съ нимъ презиралъ, а теперь сразу возненавидѣлъ за то, что у него такіе чистые голубые глаза, здоровое загорѣлое лицо, короткія крѣпкія руки, за то, что онъ имѣетъ гдѣ-то тамъ деревню, домъ въ ней, за то, что его приглашаетъ въ зятья зажиточный мужикъ, за всю его жизнь, прошлую и будущую, а больше всего за то, что онъ, этотъ ребенокъ по сравненію съ нимъ, Челкашомъ, смѣетъ любить свободу, которой не знаетъ цѣны и которая ему не нужна. Всегда непріятно видѣть, что человѣкъ, котораго ты считаешь хуже и ниже себя, любитъ или ненавидитъ то же, что̀ и ты, и такимъ образомъ становится похожимъ на тебя.

Парень смотрѣлъ на Челкаша и чувствовалъ въ немъ хозяина.

— Вѣдь я...—заговорилъ онъ,—не прочь... Я радъ. Работы вѣдь и ищу. Мнѣ все равно, у кого работать, у тебя или у другого. Я только къ тому сказалъ, что не похожъ ты на рабочаго человѣка... больно ужъ тово... драный. Ну, я вѣдь знаю, что это со всякимъ можетъ быть. Господи, разѣ я не видѣлъ пьяницъ! Эхъ, сколько!.. Да еще и не такихъ, какъ ты.

— Ну, ладно, ладно! Такъ согласенъ?—уже мягче переспросилъ Челкашъ.

— Я-то? Айда!.. Съ моимъ удовольствіемъ! Говори цѣну.

— Цѣна у меня по работѣ. Какая работа будетъ. Какой уловъ, значитъ... Пятитку можешь получить. Понялъ?

Но теперь дѣло касалось денегъ, а тутъ крестьянинъ хотѣлъ быть точнымъ и требовалъ той же точности отъ своего нанимателя. У парня вновь вспыхнуло недовѣріе и подозрительность.

— Это мнѣ не рука, братъ! Мнѣ бы синицу въ руки...

Челкашъ вошелъ въ роль:

— Не толкуй, погоди! Идемъ въ трактиръ!

И они пошли по улицѣ рядомъ другъ съ другомъ, Челкашъ—съ важной миной хозяина, покручивая усы, парень—съ выраженіемъ полной готовности подчиниться, но все-таки полный недовѣрія и боязни.

— А какъ тебя звать?—спросилъ Челкашъ.

— Гаврилой!—отвѣтилъ парень.

Когда они пришли въ грязный и закоптѣлый трактиръ, Челкашъ, подойдя къ буфету, фамильярнымъ тономъ завсег-

датая заказалъ бутылку водки, щей, поджарку изъ мяс чаю, и, перечисливъ требуемое, коротко бросилъ буфетчику „въ долгъ все!“, на что буфетчикъ молча кивнулъ головой Тутъ Гаврила сразу преисполнился уваженіемъ къ своем хозяину, который, несмотря на свой видъ жулика, пользуетс такой извѣстностью и довѣріемъ.

— Ну, вотъ мы теперь закусимъ и поговоримъ толкомъ Пока ты посиди, а я схожу кое-куда.

Онъ ушелъ. Гаврила осмотрѣлся кругомъ. Трактиръ помѣ щался въ подвалѣ: въ немъ было сыро, темно, и весь онъ былъ полонъ удушливымъ запахомъ перегорѣлой водки, табач наго дыма, смолы и еще чего-то остраго. Противъ Гаврилы за другимъ столомъ, сидѣлъ пьяный человѣкъ въ матросскомъ костюмѣ, съ рыжей бородой, весь въ угольной пыли и смолѣ Онъ урчалъ, поминутно икая, пѣсню, всю изъ какихъ-то пе ревранныхъ и изломанныхъ словъ, то страшно шипящихъ то гортанныхъ. Онъ былъ, очевидно, не русскій.

Сзади его помѣстились двѣ молдаванки, оборванныя, черно волосыя, загорѣлыя и тоже скрипѣвшія какую-то пѣсню пьяными голосами.

Потомъ изъ тьмы выступали еще какія-то фигуры, всѣ странно растрепанныя, всѣ полупьяныя, крикливыя, безпо койныя...

Гаврилѣ стало жутко тутъ одному. Ему захотѣлось, чтобы хозяинъ воротился скорѣе. А шумъ въ трактирѣ сливался въ одну ноту, и казалось, что это рычитъ какое-то огромное животное. Оно обладаетъ сотней разнообразныхъ голосовъ раздраженно, слѣпо рвется вонъ изъ этой каменной ямы и не находитъ выхода на волю... Гаврила чувствовалъ, какъ въ его тѣло всасывается что-то опьяняющее и тягостное, отъ чего у него кружилась голова и туманились глаза, любо пытно и со страхомъ бѣгавшіе по трактиру...

Пришелъ Челкашъ, и они стали ѣсть и пить, разгова ривая. Съ третьей рюмки Гаврила опьянѣлъ. Ему стало ве село и хотѣлось сказать что-нибудь пріятное своему хозяину, который,—славный парень!—ничего не видя, такъ вкусно уго стилъ его. Но слова, цѣлыми волнами подливавшіяся ему къ горлу, почему-то не сходили съ языка, вдругъ отяжелѣвшаго.

Челкашъ смотрѣлъ на него и, насмѣшливо улыбаясь, гово рилъ:

— Наклюкался!.. Э-эхъ, тюря! съ пяти рюмокъ!.. Какъ работать-то будешь?..

— Другъ!..—лепеталъ Гаврила.—Не бойсь! Я тебѣ уважу!.. то-есть вотъ какъ!.. Дай поцѣлую тебя!.. а?..

— Ну, ну!.. На, еще клюкни!

Гаврила пилъ и дошелъ наконецъ до того, что у него въ глазахъ все стало колебаться ровными, волнообразными движеніями. Это было непріятно и отъ этого тошнило. Лицо у него сдѣлалось глупо-восторженное. Пытаясь сказать что-нибудь, онъ смѣшно шлепалъ губами и мычалъ. Челкашъ, пристально поглядывая на него, точно вспоминалъ что-то, крутилъ свои усы и все улыбался, теперь уже хмуро и зло.

А трактиръ ревѣлъ пьянымъ шумомъ. Рыжій матросъ спалъ, облокотясь на столъ.

— Ну-ка, идемъ!—сказалъ Челкашъ, вставая.

Гаврила попробовалъ подняться, но не смогъ и, крѣпко обругавшись, засмѣялся безсмысленнымъ смѣхомъ пьянаго.

— Развезло!—молвилъ Челкашъ, снова усаживаясь противъ него на стулъ.

Гаврила все хохоталъ, тупыми глазами поглядывая на хозяина. И тотъ смотрѣлъ на него пристально, зорко и задумчиво. Онъ видѣлъ передъ собою человѣка, жизнь котораго попала въ его волчьи лапы. Онъ, Челкашъ, чувствовалъ себя въ силѣ повернуть ее и такъ и этакъ. Онъ могъ разломать ее, какъ игральную карту, и могъ помочь ей установиться въ прочныя крестьянскія рамки. Чувствуя себя господиномъ другого, онъ наслаждался и думалъ о томъ, что этотъ парень никогда не изопьетъ такой чаши, какую судьба дала испить ему, Челкашу... И онъ завидовалъ и сожалѣлъ объ этой молодой жизни, подсмѣивался надъ ней и даже огорчался за нее, представляя, что она можетъ еще разъ попасть въ такія руки, какъ его... И всѣ чувства въ концѣ концовъ слились у Челкаша въ одно—нѣчто отеческое и хозяйственное. Малаго было жалко, и малый былъ нуженъ. Тогда Челкашъ взялъ Гаврилу подъ мышки и, легонько толкая его сзади колѣномъ, вывелъ на дворъ трактира, гдѣ сложилъ на землю въ тѣнь отъ полѣнницы дровъ, а самъ сѣлъ около него и закурилъ трубку. Гаврила немного повозился, помычалъ и заснулъ.

II.

— Ну, готовъ?—вполголоса спросилъ Челкашъ у Гаврилы, возившагося съ веслами.

— Сейчасъ! Уключина вотъ шатается,—можно разокъ вдарить весломъ?

— Ни-ни! Никакого шуму! Надави ее руками крѣпче, она и войдетъ себѣ на мѣсто.

Оба они тихо возились съ лодкой, привязанной къ кормѣ

одной изъ цѣлой флотиліи парусныхъ барокъ, нагруженныхъ дубовой клепкой, и большихъ турецкихъ фелюгъ, наполовину разгруженныхъ, наполовину еще занятыхъ пальмой, сандаломъ и толстыми кряжами кипариса.

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ, и море было спокойно, черно и густо, какъ масло. Оно дышало влажнымъ соленымъ ароматомъ и ласково звучало, плескаясь о борта судовъ, о берегъ и чуть-чуть покачивая лодку Челкаша. На далекое пространство отъ берега съ моря подымались темные остовы судовъ, вонзая въ небо острыя мачты съ разноцвѣтными фонарями на вершинахъ. Море отражало огни фонарей и было усѣяно массой желтыхъ пятенъ. Они красиво трепетали на его бархатной груди, мягкой, матово-черной и такъ ровно, могуче вздымавшейся. Море спало здоровымъ, крѣпкимъ сномъ работника, который сильно усталъ за день.

— Ѣдемъ!—сказалъ Гаврила, спуская весла въ воду.

— Есть!—Челкашъ сильнымъ ударомъ руля вытолкнулъ лодку въ полосу воды между барками, она быстро поплыла по скользкой водѣ, и вода подъ ударами веселъ загоралась голубоватымъ фосфорическимъ сіяніемъ. Длинная лента такого сіянія, мягко сверкая, вилась за кормой лодки.

— Ну, что̀ голова? болитъ?—ласково спросилъ Челкашъ.

— Страсть!.. какъ чугунъ гудитъ... Намочу ее водой сейчасъ.

— Зачѣмъ? Ты на-ка вотъ нутро помочи, можетъ, скорѣе очухаешься,—и онъ протянулъ Гаврилѣ бутылку.

— Ой ли? Господи, благослови!..

Послышалось тихое бульканье.

— Эй, ты! радъ?.. Будетъ!—остановилъ его Челкашъ.

Лодка помчалась снова, безшумно и легко вертясь среди судовъ... Вдругъ она вырвалась изъ ихъ толпы, и море—безконечное, могучее, блестящее—развернулось передъ ними, уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ—лилово-сизыхъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленоватыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ свинцовыхъ тучъ, что̀ бросаютъ отъ себя такія тоскливыя, тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна за другою и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ. Казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и что онѣ всегда будутъ

такъ равнодушно всползать на небо, задавшись тупо злой цѣлью не позволять ему никогда больше блестѣть надъ соннымъ моремъ милліонами своихъ золотыхъ очей—разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательно сіяющихъ, возбуждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорогъ ихъ чистый блескъ.

— Хорошо море?—спросилъ Челкашъ.

— Ничего! Только боязно въ немъ,—отвѣтилъ Гаврила, ровно и сильно ударяя веслами по водѣ. Вода чуть слышно звенѣла и плескалась подъ ударами длинныхъ веселъ, плескалась и все блестѣла теплымъ голубымъ свѣтомъ фосфора.

— Боязно! Экая дура!..—насмѣшливо проворчалъ Челкашъ.

Онъ, воръ и циникъ, любилъ море. Его кипучая нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной, свободной и мощной. И ему было обидно слышать такой отвѣтъ на свой вопросъ о красотѣ того, что̀ онъ любилъ. Сидя на кормѣ, онъ рѣзалъ рулемъ воду и смотрѣлъ впередъ спокойно, полный желанія ѣхать долго и далеко по этой бархатной глади.

На морѣ въ немъ всегда поднималось широкое, теплое чувство, охватывавшее всю его душу и немного очищавшее ее отъ житейской скверны. Онъ цѣнилъ это и любилъ видѣть себя лучшимъ тутъ, среди воды и воздуха, гдѣ думы о жизни и сама жизнь всегда теряютъ: первыя—остроту, вторая—цѣну. По ночамъ надъ моремъ плавно носится мягкій шумъ его соннаго дыханія, этотъ необъятный звукъ вливаетъ въ душу человѣка спокойствіе и, ласково укрощая ея злые порывы, родитъ въ ней могучія мечты...

— А снасть-то гдѣ?—вдругъ спросилъ Гаврила, безпокойно оглядывая лодку.

Челкашъ вздрогнулъ.

— Снасть? Она у меня на кормѣ.

— Какая же это снасть?—снова съ подозрѣніемъ въ голосѣ освѣдомился Гаврила.

— Какая?.. Подпуска и...

Но Челкашу стало стыдно врать передъ этимъ мальчишкой, скрывая истинныя свои задачи, и ему было жаль тѣхъ думъ и чувствъ, которыя уничтожилъ этотъ парень своимъ вопросомъ. Онъ разсердился. Знакомое ему острое жженіе въ груди и у горла передернуло его, и онъ внушительно и жестко сказалъ Гаврилѣ:

— Ты вотъ что̀, сидишь, ну и сиди! А не въ свое дѣло носа не суй. Наняли тебя грести, ты и греби. А коли будешь языкомъ трепать, будетъ плохо. Понялъ?..

На минуту лодка дрогнула и остановилась. Весла остались въ водѣ, вспѣнивая ее, и Гаврила безпокойно завозился на скамьѣ.

— Греби!

Рѣзкое ругательство потрясло воздухъ. Гаврила взмахнулъ веслами. Лодка точно испугалась и пошла быстрыми, нервными толчками, съ шумомъ разрѣзая воду.

— Ровнѣй!..

Челкашъ привсталъ съ кормы, не выпуская весла изъ рукъ и воткнувъ свои холодные глаза въ блѣдное, съ трясущимися губами, лицо Гаврилы. Изогнувшійся, наклоняясь впередъ, онъ походилъ на кошку, готовую прыгнуть. Слышно было злое скрипѣніе зубовъ и робкое пощелкиваніе какими-то костяжками.

— Кто кричитъ?—раздался съ моря суровый окрикъ.

— Ну, дьяволъ, греби же!.. тише веслами!.. убью собаку!.. Ну же, греби!.. Разъ, два! Ну! Пикни только!.. Рразорву!..—шипѣлъ Челкашъ.

— Богородице... Дѣво...—шепталъ Гаврила, дрожа и изнемогая отъ страха и усилій.

Лодка плавно повернулась и пошла назадъ къ гавани, гдѣ огни фонарей столпились въ разноцвѣтную группу и видны были стволы мачтъ.

— Эй! кто оретъ?—донеслось снова.

Теперь голосъ былъ дальше, чѣмъ въ первый разъ. Челкашъ успокоился.

— Самъ ты, другъ, и орешь!—сказалъ онъ по направленію криковъ и затѣмъ обратился къ Гаврилѣ, все еще шептавшему молитву:—Ну, братъ, счастье твое! Кабы эти дьяволы погнались за нами—конецъ тебѣ. Чуешь? Я бы тебя сразу... къ рыбамъ!..

Теперь, когда Челкашъ говорилъ спокойно и даже добродушно, Гаврила, все еще дрожащій отъ страха, взмолился:

— Слушай, отпусти ты меня! Христомъ прошу, отпусти! Высади куда-нибудь! Ай-ай-ай!.. Про-опалъ я совсѣмъ!.. Ну, вспомни Бога, отпусти! Что̀ я тебѣ? Не могу я этого!.. Не бывалъ я въ такихъ дѣлахъ... Первый разъ... Господи! Пропаду вѣдь я! Какъ ты это, братъ, обошелъ меня? а? Грѣшно тебѣ!.. Душу вѣдь губишь!.. Ну, дѣла-а...

— Какія дѣла?—сурово спросилъ Челкашъ.—А? Ну, какія дѣла?

Его забавлялъ страхъ парня, и онъ наслаждался и страхомъ Гаврилы и тѣмъ, что вонъ какой онъ, Челкашъ, грозный человѣкъ.

— Темныя дѣла, братъ... Пусти для Бога!.. Что̀ я тебѣ?.. а?.. Милый...

— Ну, молчи! Не нуженъ былъ бы ты, такъ я тебя не бралъ бы. Понялъ?—ну и молчи!

— Господи!—рыдая, вздохнулъ Гаврила.

— Ну-ну!.. куксись у меня!—оборвалъ его Челкашъ.

Но Гаврила теперь уже не могъ удержаться и, тихо всхлипывая, плакалъ, сморкался, ерзалъ по лавкѣ, но гребъ сильно, отчаянно. Лодка мчалась стрѣлой. Опять на дорогѣ встали темные корпуса судовъ, и лодка опять потерялась въ нихъ, волчкомъ вертясь въ узкихъ полосахъ воды между бортами.

— Эй, ты! слушай! Буде спроситъ кто о чемъ—молчи, коли живъ быть хочешь! Понялъ?

— Эхма!..—безнадежно вздохнулъ Гаврила въ отвѣтъ на суровое приказаніе и горько добавилъ:—судьбина моя пропащая!..

— Не вой!—внушительно шепнулъ Челкашъ.

Гаврила отъ этого шопота потерялъ всякую способность соображать что-либо и помертвѣлъ, охваченный холоднымъ предчувствіемъ бѣды. Онъ машинально опускалъ весла въ воду, откидывался назадъ, вынималъ ихъ, бросалъ снова и все время упорно смотрѣлъ на свои лапти.

Сонный шумъ волнъ гудѣлъ угрюмо и былъ страшенъ. Вотъ гавань... За ея гранитной стѣной слышались людскіе голоса, плескъ воды, пѣсня и тонкіе свистки.

— Стой!—шепнулъ Челкашъ.—Бросай весла! Упирайся руками въ стѣну! Тише, чортъ!..

Гаврила, цѣпляясь руками за скользкій камень, повелъ лодку вдоль стѣны. Лодка двигалась безъ шороха, скользя бортомъ по наросшей на камнѣ слизи.

— Стой!.. Дай весла! Дай сюда! А паспортъ у тебя гдѣ? Въ котомкѣ? Дай котомку! Ну, давай скорѣй! Это, милъ другъ, для того, чтобы ты не удралъ... Теперь не удерешь. Безъ веселъ-то ты бы кое-какъ могъ удрать, а безъ паспорта побоишься. Жди! Да смотри, коли ты пикнешь—на днѣ моря найду!..

И вдругъ, уцѣпившись за что-то руками, Челкашъ поднялся на воздухъ и исчезъ на стѣнѣ.

Гаврила вздрогнулъ... Это вышло такъ быстро. Онъ почувствовалъ, какъ съ него сваливается, сползаетъ та проклятая тяжесть и страхъ, который онъ чувствовалъ при этомъ усатомъ, худомъ ворѣ... Бѣжать теперь!.. И онъ, свободно взмахнувъ, оглянулся кругомъ. Слѣва отъ него возвышался черный

корпусъ безъ мачтъ, какой-то огромный гробъ, безлюдный и пустой... Каждый ударъ волны въ его бока родилъ въ немъ глухое, гулкое эхо, похожее на тяжелый вздохъ. Справа надъ водой тянулась сырая каменная стѣна мола, какъ холодная и тяжелая змѣя. Сзади виднѣлись тоже какіе-то черные остовы, а спереди, въ отверстіе между стѣной и бортомъ этого гроба, видно было море, молчаливое, пустынное, съ черными надъ нимъ тучами. И онѣ медленно двигались, огромныя, тяжелыя, источая изъ тьмы своей ужасъ и готовыя раздавить человѣка тяжестью своей. Все было холодно, черно, зловѣще. Гаврилѣ стало страшно. Этотъ страхъ былъ хуже страха, навѣяннаго на него Челкашомъ; онъ охватилъ грудь Гаврилы крѣпкимъ объятіемъ, сжалъ его въ робкій комокъ и приковалъ къ скамьѣ лодки...

А кругомъ все молчало. Ни звука, кромѣ вздоховъ моря. Тучи ползли по небу такъ же медленно и скучно, какъ и раньше, но ихъ все больше вздымалось изъ моря, и можно было, глядя на небо, думать, что и оно тоже море, только море взволнованное и опрокинутое надъ другимъ, соннымъ, покойнымъ и гладкимъ. Тучи походили на волны, ринувшіяся на землю внизъ кудрявыми сѣдыми хребтами, и на пропасти, изъ которыхъ вырваны эти волны вѣтромъ, и на зарождавшіеся валы, еще не покрытые зеленоватой пѣной бѣшенства и гнѣва.

Гаврила чувствовалъ себя раздавленнымъ этой мрачной тишиной и красотой и чувствовалъ, что онъ хочетъ видѣть скорѣе хозяина. А какъ онъ тамъ останется?.. Время шло медленно, медленнѣе, чѣмъ ползли тучи по небу... И тишина, отъ времени, становилась все зловѣщѣй... Но вотъ за стѣной мола послышался плескъ, шорохъ и что-то похожее на шопотъ. Гаврилѣ показалось, что онъ сейчасъ умретъ...

— Эй! Спишь? Держи!.. осторожно!.. — раздался глухой голосъ Челкаша.

Со стѣны спускалось что-то кубическое и тяжелое. Гаврила принялъ это въ лодку. Спустилось еще одно такое же. Затѣмъ поперекъ стѣны вытянулась длинная фигура Челкаша, откуда-то явились весла, къ ногамъ Гаврилы упала его котомка, и тяжело дышавшій Челкашъ усѣлся на кормѣ.

Гаврила радостно и робко улыбался, глядя на него.

— Усталъ?—спросилъ онъ.

— Не безъ того, теля! Ну-ка, гребни добре! Дуй во всю силу!.. Хорошо ты, братъ, заработалъ! Полъ-дѣла сдѣлали. Теперь только у чертей между глазъ проплыть, а тамъ—получай денежки и ступай къ своей Машкѣ. Машка-то есть у тебя? Эй, дитятко?

— Н...нѣту!

Гаврила старался во всю силу, работая грудью, какъ мѣхами, и руками, какъ стальными пружинами. Вода подъ лодкой рокотала, и голубая полоса за кормой теперь была шире. Гаврила сразу весь облился пòтомъ, но продолжалъ грести во всю силу. Переживъ дважды въ эту ночь такой страхъ, онъ теперь боялся пережить его въ третій разъ и желалъ одного: скорѣй кончить эту проклятую работу, сойти на землю и бѣжать отъ этого человѣка, пока онъ въ самомъ дѣлѣ не убилъ или не завелъ его въ тюрьму. Онъ рѣшилъ не говорить съ нимъ ни о чемъ, не противорѣчить ему, дѣлать все, чтò онъ велитъ, и, коли удастся благополучно развязаться съ нимъ, завтра же отслужить молебенъ Николаю Чудотворцу... Изъ его груди готова была вылиться страстная молитва... Но онъ сдерживался, пыхтѣлъ, какъ паровикъ, и молчалъ, исподлобья кидая взгляды на Челкаша.

А тотъ, сухой, длинный, нагнувшійся впередъ и похожій на птицу, готовую летѣть куда-то, смотрѣлъ во тьму впередъ лодки своими ястребиными очами и, поводя хищнымъ, горбатымъ носомъ, одной рукой цѣпко держалъ ручку руля, а другой теребилъ свой усъ, вздрагивавшій отъ улыбокъ, то и дѣло кривившихъ его тонкія губы. Челкашъ былъ доволенъ своей удачей, собой и этимъ парнемъ, такъ сильно запуганнымъ имъ и превратившимся въ его раба. Онъ смотрѣлъ, какъ старался Гаврила, и ему стало жалко, захотѣлось ободрить его.

— Эй!—усмѣхаясь, тихо заговорилъ онъ.—Чтò, здорово ты перепугался? а?

— Н...ничего!..—выдохнулъ Гаврила и крякнулъ.

— Да ужъ теперь ты не очень наваливайся на весла-то. Теперь шабашъ. Вотъ еще только одно бы мѣсто пройти... Отдохни-ка...

Гаврила послушно пріостановился, вытеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица и снова опустилъ весла въ воду.

— Ну, греби тише. Чтобы вода не разговаривала. Воротца одни надо миновать. Тише, тише... А то, братъ, тутъ народы серьезные... Какъ разъ изъ ружья пошалить могутъ. Такую шишку на лбу набьютъ, что и не охнешь.

Лодка теперь кралась по водѣ почти совершенно беззвучно. Только съ веселъ капали голубыя капли, и, когда онѣ падали въ море, на мѣстѣ ихъ паденія вспыхивало ненадолго тоже голубое пятнышко. Ночь становилась все темнѣе и молчаливѣй. Теперь небо уже не походило на взволнованное море,— тучи расплылись по немъ и покрыли его ровнымъ, тяжелымъ

пологомъ, низко опустившимся надъ водой и неподвижнымъ. А море стало еще спокойнѣй, чернѣй и сильнѣе пахло теплымъ, соленымъ запахомъ и ужъ не казалось такимъ широкимъ, какъ раньше.

— Эхъ, кабы дождь пошелъ!—прошепталъ Челкашъ.— Такъ бы мы и проѣхали, какъ за занавѣской.

Слѣва и справа отъ лодки изъ черной воды поднялись какія-то зданія—баржи, неподвижныя, мрачныя и тоже черныя. На одной изъ нихъ двигался огонь, кто-то ходилъ съ фонаремъ. Море, гладя ихъ бока, звучало просительно и глухо, а онѣ отвѣчали ему эхомъ, гулкимъ и холоднымъ, точно спорили, не желая уступить ему въ чемъ-то.

— Кордоны!..—чуть слышно шепнулъ Челкашъ.

Съ момента, когда онъ велѣлъ Гаврилѣ грести тише, Гаврилу снова охватило острое выжидательное напряженіе. Онъ весь подался впередъ, во тьму, и ему казалось, что онъ растетъ,—кости и жилы вытягивались въ немъ съ тупой болью, голова, заполненная одной мыслью, болѣла, кожа на спинѣ вздрагивала, а въ ноги вонзались маленькія, острыя и холодныя иглы. Глаза ломило отъ напряженнаго разсматриванья тьмы, изъ которой онъ ждалъ—вотъ-вотъ встанетъ нѣчто и гаркнетъ на нихъ: „Стой, воры!..“

Теперь, когда Челкашъ шепнулъ: „кордоны!“, Гаврила дрогнулъ: острая, жгучая мысль прошла сквозь него, прошла и задѣла по туго натянутымъ нервамъ,—онъ хотѣлъ крикнуть, позвать людей на помощь къ себѣ... Онъ уже открылъ ротъ и привсталъ немного на лавкѣ, выпятилъ грудь, вобралъ въ нее много воздуха и открылъ ротъ... но вдругъ, пораженный ужасомъ, ударившимъ его, какъ плетью, закрылъ глаза и свалился съ лавки.

...Впереди лодки, далеко на горизонтѣ, изъ черной воды моря поднялся огромный огненно-голубой мечъ, поднялся, разсѣкъ тьму ночи, скользнулъ своимъ остреемъ по тучамъ въ небѣ и легъ на грудь моря широкой голубой полосой. Онъ легъ, и въ полосу его сіянія изъ мрака выплыли невидимыя до той поры суда, черныя, молчаливыя, обвѣшанныя пышной ночной мглой. Казалось, они долго были на днѣ моря, увлеченныя туда могучей силой бури, и вотъ теперь поднялись оттуда по велѣнію огненнаго меча, рожденнаго моремъ,— поднялись, чтобы посмотрѣть на небо и на все, что поверхъ воды... Ихъ такелажъ обнималъ собой мачты и казался цѣпкими водорослями, поднявшимися со дна вмѣстѣ съ этими черными гигантами, окутанными ихъ сѣтью. И онъ опять поднялся кверху съ моря, этотъ странный голубой мечъ, под-

нялся, сверкая, снова разсѣкъ ночь и снова легъ уже въ другомъ направленіи. И опять тамъ, гдѣ онъ легъ, всплыли изъ мрака остовы судовъ, невидимыхъ до его появленія.

Лодка Челкаша остановилась и колебалась на водѣ какъ бы недоумѣвая. Гаврила лежалъ на днѣ, закрывъ лицо руками, а Челкашъ толкалъ его ногой и шипѣлъ бѣшено, но тихо:

— Дуракъ, это крейсеръ таможенный... Это фонарь электрическій!.. Вставай, дубина! Вѣдь на насъ свѣтъ бросятъ сейчасъ!.. Погубишь, чортъ, и себя и меня! Ну!..

И наконецъ, когда одинъ изъ ударовъ каблукомъ сапога сильнѣе другихъ опустился на спину Гаврилы, онъ вскочилъ, все еще боясь открыть глаза, сѣлъ на лавку и, ощупью схвативъ весла, двинулъ лодку.

— Тише! Убью вѣдь! Ну, тише!.. Эка дуракъ, чортъ тебя возьми!.. Чего ты испугался? Ну? Харя!.. Фонарь да зеркало— только и всего. Тише веслами!.. Кислый чортъ!.. Наклоняютъ зеркало такъ и этакъ и освѣщаютъ море, чтобъ видѣть—не плывутъ ли гдѣ такіе, какъ мы съ тобой. За контрабандой это слѣдятъ. Насъ не задѣнутъ—далеко отплыли они. Не бойся, парень, не задѣнутъ. Теперь мы...—Челкашъ торжествующе оглянулся кругомъ. — Кончено, выплыли!.. Фу-у!.. Н-ну, счастливъ ты, дубина стоеросовая!..

Гаврила молчалъ, гребъ и, тяжело дыша, искоса смотрѣлъ туда, гдѣ все поднимался и опускался этотъ огненный мечъ. Онъ никакъ не могъ повѣрить Челкашу, что это только фонарь. Холодное голубое сіяніе, разрубавшее тьму, заставляя море свѣтиться серебрянымъ блескомъ, имѣло въ себѣ нѣчто необъяснимое, и Гаврила опять впалъ въ гипнозъ тоскливаго страха. Онъ гребъ, какъ машина, и все сжимался, точно ожидалъ удара сверху, и ничего, никакого желанія не было уже въ немъ—онъ былъ пустъ и бездушенъ. Волненія этой ночи выглодали наконецъ изъ него все человѣческое.

А Челкашъ снова торжествовалъ: полная удача!.. Его привычные къ потрясеніямъ нервы уже успокоились. У него сладострастно вздрагивали усы и въ глазахъ разгорался радный огонекъ. Онъ чувствовалъ себя великолѣпно, посвистывалъ сквозь зубы, глубоко вздыхалъ въ себя влажный воздухъ моря, оглядывался кругомъ и добродушно улыбался, когда его глаза останавливались на Гаврилѣ.

Вѣтеръ пронесся и разбудилъ море, вдругъ заигравшее чистой зыбью. Тучи сдѣлались какъ бы тоньше и прозрачнѣй, но все небо было обложено ими. Несмотря на то, что вѣтеръ, хотя еще легкій, свободно носился надъ моремъ, тучи были неподвижны и точно думали какую-то сѣрую, скучную думу.

— Ну, ты, братъ, очухайся! пора ужъ! Ишь, тебя какъ— точно изъ кожи-то твоей весь духъ выдавили, одинъ мѣшокъ костей остался! Другъ милый!.. Конецъ ужъ всему. Эй!..

Гаврилѣ все-таки было пріятно слышать человѣческій голосъ, хоть это и говорилъ Челкашъ.

— Я слышу,—тихо сказалъ онъ.

— То-то! Мякишъ... Ну-ка, садись на руль, а я въ весла усталъ вѣдь, поди!

Гаврила машинально перемѣнилъ мѣсто. Когда Челкашъ мѣнялся съ нимъ мѣстами, взглянулъ ему въ лицо и замѣтилъ, что онъ шатается на дрожащихъ ногахъ, ему стало еще больше жаль парня. Онъ хлопнулъ его по плечу.

— Ну, ну, не робь! Заработалъ зато хорошо. Я те, братъ, награжу богато. Четвертной билетъ хочешь получить? а?

— Мнѣ... ничего не надо. Только на берегъ бы...

Челкашъ махнулъ рукой, плюнулъ и принялся грести, далеко назадъ забрасывая весла своими длинными руками.

Море проснулось. Оно играло маленькими волнами, рождая ихъ, украшая бахромой пѣны, сталкивая другъ съ другомъ и разбивая въ мелкую пыль. Пѣна, тая, шипѣла и вздыхала,— и все кругомъ было заполнено музыкальнымъ шумомъ и плескомъ. Тьма какъ бы стала живѣе.

— Ну, скажи мнѣ... — заговорилъ Челкашъ:—придешь ты въ деревню, женишься, начнешь землю копать, хлѣбъ сѣять, жена дѣтей народитъ, кормовъ не будетъ хватать; ну, будешь ты всю жизнь изъ кожи лѣзть... Ну, и что̀? Много въ этомъ смаку?

— Какой ужъ смакъ!—робко и вздрагивая отвѣтилъ Гаврила: — чего тутъ...

Кое-гдѣ вѣтеръ прорывалъ тучи, и изъ разрывовъ смотрѣли голубые кусочки неба съ одной-двумя звѣздочками на нихъ. Отраженныя играющимъ моремъ, эти звѣздочки прыгали по волнамъ, то исчезая, то вновь блестя.

— Правѣе держи! — сказалъ Челкашъ. — Скоро ужъ, чай, пріѣдемъ. Н-да!.. Кончили. Работка важная! Вотъ видишь какъ?.. Ночь одна—и полтысячи я тяпнулъ! А? Какъ это?

— Полтысячи?!—недовѣрчиво протянулъ Гаврила, но сейчасъ же испугался и быстро спросилъ, толкая ногой тюки въ лодкѣ:—а это что̀ же будетъ за вещь?

— Это — кружева. Дорогая вещь. Все-то, коли по цѣнѣ продать, такъ и за тысячу хватитъ. Ну, я не дорожусь... Ловко это?

— Н-да-а?.. — вопросительно протянулъ Гаврила. — Кабы мнѣ такъ-то вотъ!—вздохнулъ онъ, сразу вспомнивъ деревню

свое убогое хозяйство, его нужды, свою мать и все то далекое родное, ради чего онъ ходилъ на работу, ради чего такъ измучился въ эту ночь. Его охватила волна воспоминаній о своей деревенькѣ, сбѣгавшей по крутой горѣ внизъ, къ рѣчкѣ, скрытой въ лѣсу березъ, ветелъ, рябинъ, черемухи... Эти воспоминанія вдохнули въ него нѣчто теплое и немного ободрили его.—Эхъ, важно бы!..—грустно вздохнулъ онъ.

— Н-да!.. Я думаю, ты бы сейчасъ по чугункѣ домой... Ужъ и полюбили бы тебя дѣвки дома, а-ахъ какъ!.. Любую бери! Домъ бы себѣ сгрохалъ... ну, для дома денегъ, положимъ, маловато...

— Это вѣрно... для дому нехватка... У насъ дорогъ лѣсъ-то.

— Ну-къ что жъ? Старый бы поправилъ. Лошадь какъ, есть?

— Лошадь? Она и есть, да больно стара... чортъ.

— Ну, значитъ, лошадь. Ха-арошую лошадь! Корову... Овецъ... Птицы разной... А?

— Не говори!.. Кабы этакъ-то! Охъ, Ты, Господи! вотъ ужъ пожилъ бы!

— Н-да, братъ, житьишко было бы ничего себѣ... Я тоже понимаю толкъ въ этомъ дѣлѣ. Было когда-то свое гнѣздо... Отецъ-то былъ изъ первыхъ богатеевъ въ селѣ...

Челкашъ гребъ медленно. Лодка колыхалась на волнахъ, шаловливо плескавшихся о ея борта, еле двигалась по темному морю, а оно играло все рѣзвѣй и рѣзвѣй. Двое людей мечтали, покачиваясь на водѣ и задумчиво поглядывая вокругъ себя. Челкашъ началъ наводить Гаврилу на мысль о деревнѣ, желая немного ободрить и успокоить его. Сначала онъ говорилъ, скептически посмѣиваясь себѣ въ усы, но потомъ, подавая реплики собесѣднику и напоминая ему о радостяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ самъ давно разочаровался, забылъ о нихъ и вспоминалъ только теперь — онъ постепенно увлекся и вмѣсто того, чтобы разспрашивать парня о деревнѣ и ея дѣлахъ, незамѣтно для себя сталъ самъ разсказывать ему:

— Главное въ крестьянской жизни — это, братъ, свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ—грошъ ему цѣна, да онъ твой. У тебя земля своя—всего итого ея горсть, да она твоя! Король ты на своей землѣ!.. У тебя есть лицо... Ты можешь отъ всякаго требовать уваженія къ тебѣ... Такъ ли?—воодушевленно закончилъ Челкашъ.

Гаврила глядѣлъ на него съ любопытствомъ и тоже воодушевлялся. Онъ во время этого разговора успѣлъ уже забыть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и видѣлъ предъ собой такого же

крестьянина, какъ и самъ онъ, прилѣпленнаго навѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, связаннаго съ ней воспоминаніями дѣтства, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе.

— Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ гляди-ка на себя, что̀ ты теперь такое безъ земли? ага!.. Землю, братъ, какъ мать, не забудешь надолго.

Челкашъ задумался... Онъ почувствовалъ это раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе—самолюбіе безшабашнаго удальца—бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

— Замололъ!..—сказалъ онъ свирѣпо:—ты, можетъ, думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире!

— Да чудакъ-человѣкъ!..—снова оробѣлъ Гаврила.—Развѣ я про тебя говорю? Чай, такихъ-то, какъ ты — много! Эхъ, сколько несчастнаго народу на свѣтѣ!.. Шатающихъ...

— Садись, тюлень, въ весла! — кратко скомандовалъ Челкашъ, почему-то сдержавъ въ себѣ цѣлый потокъ горячей ругани, хлынувшей ему къ горлу.

Они опять перемѣнились мѣстами, причемъ Челкашъ, перелѣзая на корму черезъ тюки, ощутилъ въ себѣ острое желаніе дать Гаврилѣ пинка, чтобы онъ слетѣлъ въ воду.

Короткій разговоръ смолкъ, но теперь даже отъ молчанія Гаврилы на Челкаша вѣяло деревней... Онъ вспоминалъ прошлое, забывая править лодкой, повернутой волненіемъ и плывшей куда-то въ море. Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цѣль, и, все выше подбрасывая ее, легко играли ею, вспыхивая подъ веслами своимъ ласковымъ голубымъ огнемъ. А передъ Челкашомъ быстро неслись картины прошлаго, далекаго прошлаго, отдѣленнаго отъ настоящаго цѣлой стѣной изъ одиннадцати лѣтъ босяцкой жизни. Онъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину съ добрыми сѣрыми глазами, отца—рыжебородаго гиганта съ суровымъ лицомъ; видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анѳису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую... снова себя красавцемъ, гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работой, и мать, морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ и картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ Григоріемъ, усатымъ здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ... Память, этотъ бичъ несчастныхъ, оживляетъ даже камни прошлаго и даже въ ядъ, выпитый нѣкогда, подливаетъ капли меда...

Челкашъ чувствовалъ себя овѣяннымъ примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и солидныя рѣчи истоваго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только-что оттаявшей, только-что вспаханной и только-что покрытой изумруднымъ шелкомъ озими... И онъ чувствовалъ себя одинокимъ, вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что̀ течетъ въ его жилахъ.

— Эй! а куда же мы ѣдемъ? — спросилъ вдругъ Гаврила.

Челкашъ дрогнулъ и оглянулся тревожнымъ взоромъ хищника.

— Ишь, чортъ занесъ!.. Ничего... Гребни-ка погуще... Сейчасъ пріѣдемъ.

— Задумался?—улыбаясь, спросилъ Гаврила.

— Усталъ... Да и качаетъ...

— Покачиваетъ, это вѣрно... Такъ теперь мы, значитъ, ужъ не попадемся съ этимъ?—Гаврила тѣнулъ ногой въ тюки.

— Нѣтъ... Будь покоенъ. Сейчасъ вотъ сдамъ и денежки получу... Н-да!..

— Пять сотенъ?

— Не меньше, чай...

— Это тово... сумма! Кабы мнѣ, горюну!.. Эхъ, и сыгралъ бы я пѣсенку съ ними!..

— По крестьянству?

— Никакъ больше! Сейчасъ бы...

И Гаврила понесся на крыльяхъ мечты. А Челкашъ молчалъ. Усы у него обвисли, правый бокъ, захлестанный волнами, былъ мокръ, глаза ввалились и потеряли блескъ. Все хищное въ его фигурѣ какъ-то обмякло, стушеванное приниженной задумчивостью, смотрѣвшей даже изъ складокъ его грязной рубахи.

— А усталъ и я здорово... Сморился! — сказалъ Гаврила.

— Вотъ сейчасъ пріѣдемъ... Вонъ гдѣ...

Челкашъ круто повернулъ лодку и направилъ ее къ чему-то черному, высовывавшемуся изъ воды.

Небо снова все покрылось тучами, и посыпался дождь, мелкій, теплый, весело звякавшій, падая на хребты волнъ.

— Стой! тише!—скомандовалъ Челкашъ.

Лодка стукнулась носомъ о корпусъ барки.

— Спятъ, что ли, черти?.. — ворчалъ Челкашъ, цѣпляясь багромъ за какія-то веревки, спускавшіяся съ борта.— Грапъ давай!.. Дождь пошелъ еще... не могъ раньше-то! Эй, вы, губки!.. Эй!..

— Селкашъ это?—раздалось сверху ласковое мурлыканье.

— Ну, спускай трапъ!

— Калимера, Селкашъ!

— Спускай трапъ, копченый дьяволъ!—взревѣлъ Челкашъ.

— О, сердитій пришелъ сегодня... Элоу!

— Лѣзь, Гаврила!—обратился Челкашъ къ товарищу.

Въ минуту они были на палубѣ, гдѣ три темныхъ бородатыхъ фигуры, оживленно болтая другъ съ другомъ на странномъ сюсюкающемъ языкѣ, смотрѣли за бортъ въ лодку Челкаша. Четвертый, завернутый въ длинную хламиду, подошелъ къ нему и молча пожалъ его руку, потомъ подозрительно оглянулъ Гаврилу.

— Припаси къ утру деньги, — коротко сказалъ ему Челкашъ. — А теперь я спать иду. Гаврила, идемъ! Ѣсть хочешь?

— Спать бы...—отвѣтилъ Гаврила и черезъ пять минутъ храпѣлъ въ грязномъ трюмѣ барки, а Челкашъ, сидя рядомъ съ нимъ, примѣрилъ себѣ на ногу чей-то сапогъ и, задумчиво сплевывая въ сторону, злобно и грустно свистѣлъ сквозь зубы. Потомъ онъ вытянулся рядомъ съ Гаврилой и, заложивъ руки подъ голову, сталъ сосредоточенно смотрѣть на палубу, поводя усами.

Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобнымъ звукомъ, дождь мягко сыпался на палубу, и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, не имѣющей надеждъ на счастье своего сына...

Челкашъ, оскаливъ зубы, приподнялъ голову, оглядѣлся вокругъ... и, прошептавъ что-то, снова улегся... Раскинувъ ноги, онъ сталъ похожъ на большія ножницы.

III.

Онъ проснулся первымъ, тревожно оглянулся вокругъ, сразу успокоился и посмотрѣлъ на Гаврилу, еще спавшаго. Тотъ сладко всхрапывалъ и во снѣ улыбался чему-то всѣмъ своимъ дѣтскимъ, здоровымъ, загорѣлымъ лицомъ. Челкашъ вздохнулъ и полѣзъ вверхъ по узкой веревочной лѣстницѣ. Въ отверстіе трюма смотрѣлъ свинцовый кусокъ неба. Было свѣтло, но по-осеннему скучно и сѣро.

Челкашъ вернулся часа черезъ два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху, на губахъ сіяла добродушно-веселая улыбка. Онъ былъ одѣтъ въ длинные крѣпкіе сапоги, въ куртку, въ кожаные штаны и походилъ на охотника. Весь его костюмъ былъ потертъ, но крѣпокъ и очень

шелъ къ нему, дѣлая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный видъ.

— Эй, теленокъ, вставай!..—толкнулъ онъ ногой Гаврилу.

Тотъ вскочилъ и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкашъ захохоталъ.

— Ишь ты какой!..—широко улыбнулся наконецъ Гаврила.—Бариномъ сталъ!

— У насъ это скоро. Ну, и пугливъ же ты! ай-ай! Сколько разъ умирать-то вчера ночью собирался? а? Скажи-ка?

— Да вишь ты, самъ посуди, впервой я на такое дѣло! Вѣдь можно было душу загубить на всю жизнь!

— Ну, а еще разъ поѣхалъ бы? а?

— Еще?.. Да вѣдь... это... какъ тебѣ сказать? Изъ-за какой корысти?.. вотъ что̀!

— Ну, ежели бы двѣ радужныхъ?

— Два ста рублевъ, значитъ? Ничего... Это можно...

— Стой! А какъ душу-то загубишь?..

— Да вѣдь, можетъ... и не загубишь!—улыбнулся Гаврила.—Не загубишь, а человѣкомъ на всю жизнь сдѣлаешься.

Челкашъ весело хохоталъ.

— Ну, ладно! Будетъ шутки шутить. Ѣдемъ на берегъ... Собирайся!

— Да мнѣ чего же? Я готовъ...

И вотъ они снова въ лодкѣ. Челкашъ на рулѣ, Гаврила на веслахъ. Надъ ними небо, сѣрое, ровно затянутое тучами, и лодкой играетъ мутно-зеленое море, шумно подбрасывая ее на волнахъ, пока еще мелкихъ, весело бросающихъ въ борта свѣтлыя соленыя брызги. Далеко по носу лодки видна желтая полоса песчанаго берега, а за кормой уходитъ вдаль свободное, игривое море, все изрытое бѣгающими стаями волнъ, кое-гдѣ уже убранныхъ пышной и бѣлой бахромой пѣны. Тамъ же, вдали, видно много судовъ, качающихся на груди моря; далеко влѣво—цѣлый лѣсъ мачтъ и бѣлыя груды домовъ города. Оттуда по морю льется глухой гулъ, рокочущій и вмѣстѣ съ плескомъ волнъ создающій хорошую, сильную музыку... И на все наброшена тонкая пелена пепельнаго тумана, отдаляющаго предметы другъ отъ друга...

— Эхъ, разыграется къ вечеру-то добре!—кивнулъ Челкашъ головой на море.

— Буря?—спросилъ Гаврила, мощно бороздя волны веслами.

Онъ былъ уже мокръ съ головы до ногъ отъ этихъ брызгъ, разбрасываемыхъ по морю вѣтромъ.

— Эге!..—подтверждалъ Челкашъ.

Гаврила пытливо посмотрѣлъ на него...

— Ну, сколько жъ тобѣ дали? — спросилъ онъ наконецъ, видя, что Челкашъ не собирается начать разговора.

— Вотъ!—сказалъ Челкашъ, протягивая Гаврилѣ что-то вынутое изъ кармана.

Гаврила увидалъ радужныя бумажки, и все въ его глазахъ приняло яркіе, радужные оттѣнки.

— Эхъ, ты!.. А я вѣдь думалъ: вралъ ты мнѣ!.. Это... сколько?

— Пятьсотъ сорокъ! Ловко!

— Л-ловко!..—прошепталъ Гаврила, жадными глазами провожая пятьсотъ сорокъ, снова спрятанные въ карманъ.— Э-эх-ма!.. Кабы этакія деньги!..—И онъ угнетенно вздохнулъ.

— Гульнемъ мы съ тобой, парнюга! — съ восхищеніемъ вскрикнулъ Челкашъ. — Эхъ, хватимъ... Не думай, я тебѣ братъ, отдѣлю... Сорокъ отдѣлю! а? Доволенъ? Хочешь, сейчасъ дамъ?

— Коли... не обидно тебѣ... что̀ же? Я приму!

Гаврила весь трепеталъ отъ ожиданія и еще отъ чего-то остраго и сосавшаго ему грудь.

— Ха-ха-ха!.. Ахъ, ты, чортова кукла! Приму! Прими братъ, пожалуйста! Очень я тебя прошу, прими! Не знаю я куда мнѣ такую кучу денегъ дѣвать! Избавь ты меня прими-ка, па!..

Челкашъ протянулъ Гаврилѣ нѣсколько красныхъ бумажекъ. Тотъ взялъ ихъ дрожащей рукой, бросилъ весла и сталъ прятать куда-то за пазуху, жадно сощуривъ глаза и шумно втягивая въ себя воздухъ, точно онъ пилъ что-то жгучее. Челкашъ съ насмѣшливой улыбкой поглядывалъ на него. А Гаврила уже снова схватилъ весла и гребъ нервно, торопливо, точно пугаясь чего-то и опустивъ глаза внизъ. У него вздрагивали плечи и уши.

— А жаденъ ты!.. Нехорошо... Впрочемъ, что̀ же?.. Крестьянинъ...—задумчиво сказалъ Челкашъ.

— Да вѣдь съ деньгами-то что̀ можно сдѣлать!..—воскликнулъ Гаврила, вдругъ весь вспыхивая страстнымъ возбужденіемъ.

И онъ отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли, съ лету хватая слова, заговорилъ о жизни въ деревнѣ съ деньгами и безъ денегъ. Почетъ, довольство, веселье!..

Челкашъ слушалъ его внимательно, съ серьезнымъ лицомъ и съ глазами, сощуренными какой-то думой. По временамъ онъ улыбался довольной улыбкой.

— Пріѣхали!—прервалъ наконецъ Челкашъ рѣчь Гаврилы. Волна подхватила лодку и ловко ткнула ее въ песокъ.

— Ну, братъ, теперь кончено. Лодку нужно вытащить подальше, чтобы не смыло. Придутъ за ней. А мы съ тобой— прощай!.. Отсюда до города верстъ восемь. Ты что̀, опять въ городъ вернешься? а?

На лицѣ Челкаша все сіяла добродушно-хитрая улыбка, и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, задумавшаго нѣчто весьма пріятное для себя и неожиданное для Гаврилы. Засунувъ руку въ карманъ, онъ шелестѣлъ тамъ бумажками.

— Нѣтъ... я... не пойду... я...—Гаврила задыхался и давился чѣмъ-то. Въ немъ бурлила цѣлая тьма желаній, словъ, чувствъ, взаимно поглощавшихъ другъ друга и палившихъ его, какъ огнемъ.

Челкашъ посмотрѣлъ на него, недоумѣвая.

— Что̀ это тебя корчитъ?—спросилъ онъ.

— Такъ это...

Но лицо Гаврилы то краснѣло, то дѣлалось сѣрымъ, и онъ мялся на мѣстѣ, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый инымъ желаніемъ, исполнить которое ему было трудно.

Челкашу сдѣлалось не по себѣ при видѣ такого возбужденія въ этомъ парнѣ. Онъ ждалъ, чѣмъ оно разразится.

Гаврила началъ какъ-то странно смѣяться смѣхомъ, похожимъ на рыданіе. Голова его была опущена, выраженія его лица Челкашъ не видалъ, смутно видны были только уши Гаврилы, то краснѣвшія, то блѣднѣвшія.

— Ну тя къ чорту!—махнулъ рукой Челкашъ.—Влюбился ты въ меня, что̀ ли?.. Мнется, какъ дѣвка!.. Али разставанье со мной тошно?.. Эй, сосунъ! Говори, что̀ ты? А то уйду я!..

— Уходишь!?—звонко крикнулъ Гаврила.

Песчаный и пустынный берегъ дрогнулъ отъ его крика, и намытыя волнами моря желтыя волны песку точно всколыхнулись. Дрогнулъ и Челкашъ. Вдругъ Гаврила сорвался съ своего мѣста, бросился къ ногамъ Челкаша, обнялъ ихъ своими руками и дернулъ къ себѣ. Челкашъ пошатнулся, грузно сѣлъ на песокъ и, скрипнувъ зубами, рѣзко взмахнулъ въ воздухѣ своей длинной рукой, сжатой въ кулакъ. Но онъ не успѣлъ ударить, остановленный стыдливымъ и просительнымъ шопотомъ Гаврилы:

— Голубчикъ!.. Дай ты мнѣ... эти деньги!.. Дай, Христа ради!.. Что̀ онѣ тебѣ?.. Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ—года нужны... Дай... молиться за тебя буду! Вѣчно... въ трехъ церквахъ... о спасеніи души твоей!.. Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ!.. Вѣдь что̀ въ нихъ тебѣ?.. Али тебѣ дорого? Ночь одна... и богатъ!

Сдѣлай доброе дѣло! Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!

Челкашъ, испуганный, изумленный и озлобленный, сидѣлъ на пескѣ, откинувшись назадъ и упираясь въ него руками, сидѣлъ, молчалъ и страшно таращилъ глаза на парня, уткнувшагося головой въ его колѣни и шептавшаго, задыхаясь, свои мольбы. Онъ оттолкнулъ его наконецъ, вскочилъ на ноги и, сунувъ руку въ карманъ, бросилъ въ Гаврилу радужныя бумажки.

— На! Жри... — крикнулъ онъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ.—Самъ я хотѣлъ тебѣ больше дать. Разжалобился вчера я... вспомнилъ деревню... Подумалъ: дай помогу парню. Ждалъ я, что̀ ты сдѣлаешь, попросишь—пѣтъ? А ты... Эхъ, войлокъ! Нищій!.. Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ! Жадные черти!.. Себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаете!.. а?..

— Голубчикъ!.. Спаси Христосъ тебя! Вѣдь это теперь у меня что̀?.. тысячи!.. я теперь... богачъ!..—визжалъ Гаврила въ восторгѣ, весь вздрагивая и пряча деньги за пазуху.— Эхъ, ты, милый!.. Вовѣкъ не забуду!.. Никогда!.. И женѣ и дѣтямъ закажу... молись!

Челкашъ слушалъ его радостные вопли, смотрѣлъ на сіявшее, искаженное восторгомъ жадности лицо и чувствовалъ, что онъ—воръ, гуляка, оторванный отъ всего родного—никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!.. И эта мысль и ощущеніе, наполняя его сознаніемъ своей свободы и удали, удерживали его около Гаврилы на пустынномъ морскомъ берегу.

— Осчастливилъ ты меня!—кричалъ Гаврила и, схвативъ руку Челкаша, тыкалъ ею себѣ въ лицо.

Челкашъ молчалъ и по-волчьи скалилъ зубы. Гаврила все изливался:

— Вѣдь я что̀ думалъ? Ѣдемъ мы сюда... я деньги... видѣлъ... думаю... хвачу я его... тебя... весломъ... разъ!.. денежки себѣ, его въ море... тебя-то... а? Кто, молъ, его хватится? И найдутъ, не станутъ допытываться—какъ, да кто его... это убилъ-то! Не такой, молъ, онъ человѣкъ, чтобъ изъ-за него шумъ подымать!.. Ненужный онъ на землѣ! Кому за него встать?

— Дай сюда деньги!..—рявкнулъ Челкашъ, хватая Гаврилу за горло...

Гаврила рванулся разъ, два... другая рука Челкаша змѣей

обвилась вокругъ него... трескъ разрываемой рубахи—и Гаврила лежалъ на пескѣ, безумно вытаращивъ глаза, цапаясь пальцами рукъ за воздухъ и взмахивая ногами. Челкашъ, прямой, сухой, хищный, зло оскаливъ зубы, смѣялся дробнымъ, ѣдкимъ смѣхомъ, и его усы нервно прыгали на угловатомъ, остромъ лицѣ. Никогда за всю жизнь его не били такъ больно и никогда онъ не былъ такъ озлобленъ.

— Что̀, счастливъ ты?—сквозь смѣхъ спросилъ онъ Гаврилу и, повернувшись къ нему спиной, пошелъ прочь, по направленію къ городу. Но онъ не сдѣлалъ двухъ шаговъ, какъ Гаврила кошкой изогнулся, сталъ на одно колѣно и, широко размахнувшись въ воздухѣ, бросилъ въ него круглый камень, злобно крикнувъ:

— Рразъ!..

Челкашъ крякнулъ, схватился руками за затылокъ, качнулся впередъ, повернулся къ Гаврилѣ и упалъ лицомъ въ песокъ. Гаврила замеръ, глядя на него. Вотъ онъ шевельнулъ ногой, попробовалъ поднять голову и вытянулся, вздрогнувъ, какъ трупа. Тогда Гаврила бросился бѣжать вдаль, гдѣ надъ туманной степью висѣла мохнатая черная туча и было темно. Волны шуршали, взбѣгая на песокъ, сливаясь съ нимъ и снова взбѣгая. Пѣна шипѣла, и брызги воды летали по воздуху.

Посыпался дождь. Сначала рѣдкій, онъ быстро перешелъ въ плотный, крупный, лившійся съ неба тонкими струйками. Онѣ сплетали цѣлую сѣть изъ нитокъ воды—сѣть, сразу закрывшую собой даль степи и даль моря. Гаврила исчезъ за ней. Долго ничего не было видно, кромѣ дождя и длиннаго человѣка, лежавшаго на пескѣ у моря. Но вотъ изъ дождя снова появился бѣгущій Гаврила; онъ летѣлъ птицей и, подбѣжавъ къ Челкашу, упалъ передъ нимъ и сталъ ворочать его на землѣ. Его рука окунулась въ теплую красную слизь... Онъ дрогнулъ и отшатнулся съ безумнымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Братъ, встань-ка-сь! — шепталъ онъ подъ шумъ дождя въ ухо Челкашу.

Челкашъ очнулся и толкнулъ Гаврилу отъ себя, хрипло сказавъ:

— Поди... прочь!..

— Братъ! Прости!.. Дьяволъ это меня...—дрожа шепталъ Гаврила, цѣлуя руку Челкаша.

— Иди... Ступай...—хрипѣлъ тотъ.

— Сними грѣхъ съ души!.. Родной! Прости!..

— Про... уйди ты!.. Уйди къ дьяволу!—вдругъ крикнулъ Челкашъ и сѣлъ на пескѣ. Лицо у него было блѣдное, злое,

глаза мутны и закрывались, точно онъ сильно хотѣлъ спать.— Чего тебѣ... еще? Сдѣлалъ... свое дѣло... и иди! Пошелъ!— И онъ хотѣлъ толкнуть убитаго горемъ Гаврилу ногой, но не смогъ и снова свалился бы, если бы Гаврила не удержалъ его, обнявъ за плечи. Лицо Челкаша было теперь въ уровень съ лицомъ Гаврилы. Оба были блѣдны и страшны.

— Тьфу!—плюнулъ Челкашъ въ широко открытые глаза своего работника.

Тотъ смиренно вытерся рукавомъ и прошепталъ:

— Что̀ хошь дѣлай... Не отвѣчу словомъ. Прости для Христа!

— Гнусъ!.. И блудить-то не умѣешь!..—презрительно крикнулъ Челкашъ, сорвалъ изъ-подъ своей куртки рубаху и молча, изрѣдка поскрипывая зубами, сталъ обвязывать себѣ голову.— Деньги взялъ?—сквозь зубы процѣдилъ онъ.

— Не бралъ я ихъ, братъ! Не надо мнѣ!.. бѣда отъ нихъ!..

Челкашъ сунулъ руку въ карманъ своей куртки, вытащилъ пачку денегъ, одну радужную бумажку положилъ обратно въ карманъ, а все остальное кинулъ Гаврилѣ.

— Возьми и ступай!

— Не возьму, братъ... Не могу! Прости!

— Берри, говорю!..—взревѣлъ Челкашъ, страшно вращая глазами.

— Прости!.. Тогда возьму...—робко сказалъ Гаврила и палъ въ ноги Челкаша на сырой песокъ, щедро поливаемый дождемъ.

— Врешь, возьмешь, гнусъ!—увѣренно сказалъ Челкашъ, и, съ усиліемъ поднявъ его голову за волосы, онъ сунулъ ему деньги въ лицо.—Бери! бери! Не даромъ работалъ, чай. Бери, не бойсь! Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узна̀ютъ. На̀, бери! Никто ничего не узна̀етъ о твоемъ дѣлѣ, а награды оно сто̀итъ. Ну, вотъ!..

Гаврила видѣлъ, что Челкашъ смѣется, и ему стало легче. Онъ крѣпко сжалъ деньги въ рукѣ.

— Братъ! а простишь меня? Не хошь? а?—слезливо спросилъ онъ.

— Родимый!..—въ тонъ ему отвѣтилъ Челкашъ, подымаясь на ноги и покачиваясь.—За что? Не за что! Сегодня ты меня, завтра я тебя...

— Эхъ, братъ, братъ!..—скорбно вздохнулъ Гаврила, качая головой.

Челкашъ стоялъ передъ нимъ и странно улыбался, а тряпка на его головѣ, понемногу краснѣя, становилась похожей на турецкую феску.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Море глухо роптало, и волны бились о берегъ теперь бѣшено и гнѣвно.

Два человѣка помолчали.

— Ну, прощай!—насмѣшливо и холодно сказалъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ шатался, у него дрожали ноги, и онъ такъ странно держалъ голову, точно боялся потерять ее.

— Прости, братъ!..—еще разъ попросилъ Гаврила.

— Ничего!—холодно отвѣтилъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ пошелъ, пошатываясь и все поддерживая голову ладонью лѣвой руки, а правой тихо дергая свой бурый усъ.

Гаврила смотрѣлъ ему вслѣдъ до поры, пока онъ не исчезъ въ дождѣ, все гуще лившемъ изъ тучъ тонкими, безконечными струйками и окутывавшемъ степь непроницаемой стального цвѣта мглой.

Потомъ Гаврила снялъ свой мокрый картузъ, перекрестился, посмотрѣлъ на деньги, зажатыя въ ладони, свободно и глубоко вздохнулъ, спряталъ ихъ за пазуху и широкими, твердыми шагами пошелъ берегомъ въ сторону, противоположную той, гдѣ скрылся Челкашъ.

Море выло, швыряло большія тяжелыя волны на прибрежный песокъ, разбивая ихъ въ брызги и пѣну. Дождь ретиво сѣкъ воду и землю... вѣтеръ ревѣлъ... Все кругомъ наполнялось воемъ, ревомъ, гуломъ... За дождемъ не видно было ни моря ни неба.

Скоро дождь и брызги волнъ смыли красное пятно на томъ мѣстѣ гдѣ лежалъ Челкашъ, смыли слѣды Челкаша и слѣды молодого парня на прибрежномъ пескѣ... И на пустынномъ берегу моря не осталось ничего въ воспоминаніе о маленькой драмѣ, разыгравшейся между двумя людьми.

1894—95.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ.

I.

Я слышалъ эти разсказы подъ Аккерманомъ, въ Бессарабіи, на морскомъ берегу.

Однажды вечеромъ, кончивъ дневной сборъ винограда, партія молдаванъ, съ которой я работалъ, ушла на берегъ моря, а я и старуха Изергиль остались подъ густой тѣнью виноградныхъ лозъ и, лежа на землѣ, молчали, глядя, какъ таютъ въ глубокой мглѣ ночи и темной зелени листвы силуэты тѣхъ людей, что̀ пошли къ морю.

Они шли, пѣли и смѣялись; мужчины—бронзовые, съ пышными черными усами и густыми кудрями до плечъ, въ короткихъ курткахъ и широкихъ шароварахъ; женщины и дѣвушки—веселыя, гибкія, какъ лозы, съ темно-синими глазами, тоже бронзовыя. Ихъ волосы, шелковые и черные, были распущены, и вѣтеръ, теплый и легкій, играя ими, звякалъ монетами, вплетенными въ нихъ. Вѣтеръ текъ широкой, ровной волной, но иногда онъ точно прыгалъ черезъ что-то невидимое и, рождая сильный порывъ, развѣвалъ волосы женщинъ въ фантастическія гривы, вздымавшіяся вокругъ ихъ головъ. Это дѣлало женщинъ странными и сказочными. Онѣ уходили все дальше отъ насъ, а ночь и фантазія одѣвали ихъ все прекраснѣе.

Кто-то игралъ на скрипкѣ... Дѣвушка пѣла мягкимъ контральто, слышался смѣхъ... и воображеніе рисовало всѣ звуки гирляндой разноцвѣтныхъ лентъ, рѣявшихъ въ воздухѣ надъ темными фигурами людей, поглощаемыхъ мглой.

Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ, тутъ—мягкіе,

какъ клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, тамъ—рѣзкіе, какъ обломки скалъ, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестѣли темно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звѣздъ. И все это—звуки и запахи, тучи и люди—было волшебно-красиво, но грустно, казалось началомъ чудной сказки. Все было дивно и гармонично, но казалось остановившимся въ своемъ ростѣ и умирающимъ, такъ какъ мало было шума, живого, нервнаго шума, пылающаго отъ времени все ярче; шумъ же, который былъ—былъ слабъ, часто прерывался и все гасъ, удаляясь, онъ перерождался въ печальные вздохи сожалѣнія о чемъ-то.

Я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пыль и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ; хотѣлось разлиться теплой рѣкой по степи, вливаться въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ; хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ... и было грустно почему-то.

— Что̀ ты не пошелъ съ ними? — кивнувъ головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло ее пополамъ, черные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ея сухой голосъ звучалъ странно, онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями.

— Не хочу,—отвѣтилъ я ей.

— У!.. стариками родитесь вы, русскіе. Мрачные всѣ, какъ демоны... Боятся тебя наши дѣвушки... А вѣдь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Ея дискъ былъ великъ, кроваво-красенъ, и она казалась вышедшей изъ нѣдръ этой степи, которая на своемъ вѣку такъ много поглотила человѣческаго мяса и выпила крови, отчего, навѣрное, и стала такой жирной и щедрой. На насъ упали кружевныя тѣни отъ листвы, я и старуха покрылись ими, какъ сѣтью, и онѣ дрожали. И по степи, влѣво отъ насъ, поплыли тѣни отъ облаковъ, пропитанныхъ голубымъ сіяніемъ луны и ставшихъ прозрачнѣй и свѣтлѣй. Чуть-чуть долетали до насъ звуки съ моря: то плакала скрипка, то смѣялась дѣвушка, то парень пѣлъ гибкимъ баритономъ, и все это мѣшалось съ тихимъ, ровнымъ плескомъ волнъ о берегъ.

— Смотри, вонъ идетъ Ларра!

Я смотрѣлъ туда, куда старуха указывала своей дрожащей рукой съ кривыми пальцами, и видѣлъ: тамъ плыли тѣни, ихъ было много, и одна изъ нихъ, темнѣй и гуще, чѣмъ другія, плыла быстрѣй и ниже сестеръ, потому что она па-

дала отъ клочка облака, которое было ниже къ землѣ, чѣмъ другія, и неслось скорѣе, чѣмъ они.

— Никого нѣтъ тамъ!—сказалъ я.

— Ты слѣпъ больше меня, старухи. Смотри—вонъ онъ, темный, бѣжитъ степью.

Я посмотрѣлъ еще и снова не видѣлъ ничего, кромѣ тѣни.

— Это тѣнь! Почему ты зовешь ее Ларра?

— Потому что это—онъ. Онъ уже сталъ теперь какъ тѣнь,—пора! Онъ живетъ тысячи лѣтъ, солнце высушило его тѣло, кровь и кости, и вѣтеръ распылилъ ихъ. Вотъ что можетъ сдѣлать Богъ съ человѣкомъ за гордость!..

— Разскажи мнѣ, какъ это было!—попросилъ я старуху, чувствуя впереди одну изъ славныхъ сказокъ, сложенныхъ въ степяхъ.

И она разсказала мнѣ эту сказку.

— Многія тысячи лѣтъ прошли съ той поры, какъ случилось это. Далеко за моремъ, на восходъ солнца, есть страна большой рѣки, и въ той странѣ каждый древесный листъ и стебель травы даетъ столько тѣни, сколько нужно человѣку, чтобъ свободно укрыться въ ней отъ солнца, которое жестокожарко тамъ.

„Вотъ какая щедрая земля въ той странѣ!

„Тамъ жило могучее племя людей, имѣвшихъ стада и на охоту за звѣрями тратившихъ свою силу и мужество. Они пировали послѣ охоты, пѣли пѣсни и играли съ дѣвушками, которыя тамъ хороши, какъ огонь.

„Однажды, во время пира, одну изъ нихъ, черноволосую и нѣжную, какъ ночь, унесъ орелъ, спустившись съ неба. Стрѣлы, пущенныя въ него мужчинами племени, упали, жалкія, обратно на землю. Тогда пошли искать дѣвушку, но не нашли ея. И забыли о ней, какъ забываютъ обо всемъ на землѣ“.

Старуха вздохнула и замолчала. Ея скрипучій голосъ звучалъ такъ, какъ будто это роптали всѣ забытые вѣка, воплотившись въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо аккомпанировало началу одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ-быть, создались на его берегахъ.

— Но черезъ 20 лѣтъ она сама пришла, измученная и изсохшая, а съ нею былъ юноша, красивый и сильный, какъ сама она двадцать лѣтъ назадъ. И когда ее спросили, гдѣ была она, она разсказала, что орелъ унесъ ее въ горы и жилъ съ нею тамъ, какъ съ женой. Вотъ его сынъ, а отца нѣтъ ужъ больше, ибо когда онъ сталъ слабѣть, то поднялся въ послѣдній разъ высоко въ небо и, сложивъ крылья, тя-

жело упалъ оттуда на острые уступы горы, упалъ и на смерть разбился о нихъ.

„Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на сына орла и видѣли, что онъ ничѣмъ не лучше ихъ, только глаза его были холодны и горды, какъ у царя птицъ. И разговаривали съ нимъ, а онъ отвѣчалъ, если хотѣлъ, или молчалъ, и, когда пришли старѣйшіе мужи племени, онъ говорилъ съ ними, какъ съ равными себѣ. Это оскорбило ихъ, и они, назвавъ его неоперенной стрѣлой съ неотточеннымъ наконечникомъ, сказали ему, что ихъ чтутъ и имъ повинуются тысячи такихъ, какъ онъ, и тысячи вдвое старше его. А онъ, смѣло глядя на нихъ, отвѣчалъ, что такихъ, какъ онъ, нѣтъ больше; если всѣ чтутъ ихъ—онъ не хочетъ дѣлать этого. О!.. тогда ужъ совсѣмъ разсердились они. Разсердились и сказали:

„— Ему нѣтъ мѣста среди насъ! Пусть идетъ, куда хочетъ.

„Онъ засмѣялся и пошелъ, куда захотѣлось ему,—къ одной красивой дѣвушкѣ, которая пристально смотрѣла на него, пошелъ къ ней и, подойдя, обнялъ ее. А она была дочь одного изъ старѣйшинъ, осудившихъ его. И, хотя онъ былъ красивъ, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его да и пошла прочь отъ него, а онъ ударилъ ее и, когда она упала, всталъ ногой на ея грудь, всталъ такъ, что изъ ея устъ кровь брызнула къ небу и она вздохнула тяжко, извилась змѣей и умерла.

„Всѣхъ, кто видѣлъ это, сковалъ страхъ, такъ какъ первый разъ на глазахъ ихъ такъ убивали женщину. И долго всѣ молчали, глядя на нее, лежавшую съ открытыми глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, безмолвно просившими мести, и на него, который стоялъ одинъ противъ всѣхъ, рядомъ съ ней, и былъ такъ холоденъ и гордъ, что не опустилъ своей головы и какъ бы вызывалъ на нее кару. Потомъ, когда одумались, то схватили, связали и такъ оставили, находя, что убить его сейчасъ же—слишкомъ просто, не унизительно для него и не удовлетворитъ ихъ“.

Ночь росла и крѣпла и, наполняясь странными, тихими звуками, принимала все болѣе фантастическій колоритъ. Въ степи печально посвистывали суслики, въ листвѣ винограда дрожалъ стеклянный стрекотъ кузнечиковъ, листва вздыхала и шепталась, и полный дискъ луны, раньше кроваво-красный, блѣднѣлъ, удаляясь отъ земли, блѣднѣлъ и все обильнѣе лилъ на степь голубоватую мглу...

— И вотъ они собрались, чтобы придумать казнь, достойную его преступленія... Хотѣли разорвать его лошадьми—и это казалось имъ мало; думали пустить въ него всѣмъ по стрѣлѣ,

но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дымъ костра не позволилъ бы видѣть его мученій; предлагали много—и не находили ничего настолько хорошаго, чтобы понравилось всѣмъ и удовлетворило ихъ. А его мать стояла передъ ними на колѣняхъ и молчала, не находя слезъ и словъ, чтобы умолять ихъ о пощадѣ. Долго говорили они, и вотъ одинъ мудрецъ сказалъ, подумавъ долго:

„— Спросимъ его, почему онъ сдѣлалъ это?

„И они спросили его объ этомъ. Онъ сказалъ:

„— Развяжите меня! Я не буду говорить съ вами связанный.

„А когда развязали его, онъ спросилъ:—„Что̀ вамъ нужно?“— спросилъ такъ, точно они были рабы...

„— Ты слышалъ...—сказалъ мудрецъ.

— Зачѣмъ я буду объяснять вамъ мои поступки?

„— Чтобъ быть понятымъ нами. Ты, гордый, слушай! Все равно, ты умрешь вѣдь... Дай же намъ понять то, что̀ ты сдѣлалъ. Мы остаемся жить, и намъ полезно знать больше, чѣмъ мы знаемъ...

„— Хорошо, я скажу, хотя я, можетъ-быть, самъ невѣрно понимаю то, что̀ случилось. Я убилъ ее потому, мнѣ кажется, что меня оттолкнула она... А мнѣ было нужно ее.

„— Но она не твоя!—сказали ему.

„— Развѣ вы пользуетесь только своимъ? Я вижу, что каждый человѣкъ имѣетъ свою только рѣчь, руки и ноги... а владѣетъ онъ животными, женщинами, землей... и многимъ еще...

„Ему сказали на это, что за все, что̀ человѣкъ беретъ, онъ платитъ собой: своимъ умомъ и силой, своей свободой и жизнью. А онъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранить себя цѣлымъ.

„Долго говорили съ нимъ и наконецъ изъ его отвѣтовъ увидѣли, что онъ считаетъ себя первымъ на землѣ и что, кромѣ себя, онъ не видитъ ничего. Всѣмъ даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество онъ обрекалъ себя. У него не было ни племени, ни матери, ни подвиговъ, ни скота, ни жены, и онъ не хотѣлъ ничего этого“.

На берегу смѣялась дѣвушка славнымъ, веселымъ смѣхомъ и пѣлъ кто-то высокимъ тенoромъ. Иногда ему подтягивали нѣсколько человѣкъ сразу. Стая звуковъ вылетала на воздухъ и вдругъ пропадала, точно ее схватывалъ кто-то всю сразу, схватывалъ и пряталъ...

— Когда всѣ тѣ люди увидали, что не будетъ ему ничего свыше, они снова принялись судить о томъ, какъ наказать его. Но теперь не долго они говорили, ибо тотъ мудрый, не мѣшавшій пока имъ говорить, заговорилъ самъ:

„— Стойте! наказаніе есть. Это страшное наказаніе; вы не выдумаете такого въ тысячу лѣтъ! Наказаніе ему въ немъ самомъ! Пустите его, пусть онъ будетъ свободенъ. Вотъ его наказаніе.

„И тутъ произошло великое. Грянулъ громъ съ неба, на которомъ не было тучъ. Это силы подтверждали рѣчь мудраго. Всѣ поклонились и разошлись. А онъ, этотъ юноша, который теперь уже имѣлъ имя Ларра, что̀ значитъ: отверженный, выкинутый вонъ,—этотъ юноша громко смѣялся вслѣдъ людямъ, которые бросили его, смѣялся и оставался одинъ, свободный, какъ отецъ его. Но отецъ его не былъ человѣкомъ... А этотъ—былъ человѣкъ. И вотъ онъ сталъ жить, вольный, какъ птица. Онъ приходилъ въ племя и похищалъ скотъ, дѣвушекъ,—все, что̀ хотѣлъ. Въ него стрѣляли, но стрѣлы не могли пронзить его тѣла, обвитаго невидимымъ человѣку покровомъ высшей кары. Онъ былъ ловокъ, хищенъ, силенъ, жестокъ и не встрѣчался съ людьми лицомъ къ лицу. Издали видѣли только его. И всякій, кто видѣлъ, всегда пускалъ въ него столько стрѣлъ, сколько желалъ. И долго онъ, одинокій, такъ вился около людей, долго, не одинъ десятокъ длинныхъ годовъ. Но человѣкъ не можетъ всю жизнь дѣлать одно и то же. Нельзя всегда наслаждаться—потеряешь цѣну наслажденію и захочется страдать... И вотъ однажды онъ подошелъ близко къ людямъ, и, когда они бросились на него, онъ не тронулся съ мѣста и ничѣмъ не показалъ, что будетъ защищаться. Тогда одинъ изъ людей догадался и крикнулъ быстро и громко:

„— Не троньте его! Онъ хочетъ умереть!

„И всѣ остановились, не желая облегчить участь того, кто дѣлалъ имъ зло, не желая убивать его. Остановились и смѣялись надъ нимъ. А онъ дрожалъ, слыша этотъ смѣхъ, и все искалъ чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдругъ онъ бросился на людей, поднявъ камень. Но они, уклоняясь отъ его ударовъ, не нанесли ему ни одного, и когда онъ, утомленный, съ тоскливымъ крикомъ упалъ на землю, то отошли въ сторону и наблюдали за нимъ. И вотъ онъ всталъ и, поднявъ потерянный кѣмъ-то въ борьбѣ съ нимъ ножъ, ударилъ имъ себя въ грудь. Но сломался ножъ, точно въ камень ударили имъ. И снова онъ упалъ на землю и долго бился головой объ нее. Но земля отстранялась отъ него, углубляясь отъ ударовъ его головы.

„— Онъ не можетъ умереть,—съ радостью сказали тѣ, что̀ видѣли все это.

„И они ушли, оставивъ его одного. Онъ лежалъ кверху

лицомъ и видѣлъ—высоко въ небѣ черными точками плавал могучіе орлы. Онъ лежалъ, и въ его глазахъ было столь тоски, что можно было бы отравить ею всѣхъ людей міра. И такъ, съ той поры остался онъ одинъ, свободный и ищущі смерти. И вотъ онъ ходитъ, ходитъ повсюду... Видишь, он сталъ уже какъ тѣнь и такимъ онъ будетъ вѣчно. Онъ н понимаетъ ни рѣчи людей ни ихъ поступковъ — ничего. И все ищетъ, ходитъ, ходитъ... Ему нѣтъ жизни, и смерть н улыбается ему. И нѣтъ ему мѣста среди людей... Вотъ как былъ пораженъ человѣкъ за гордость!"

Старуха вздохнула, замолчала, и ея голова, опустившис на грудь, нѣсколько разъ странно качнулась.

Я посмотрѣлъ на нее. Старуху одолѣвалъ сонъ, показалос мнѣ. Мнѣ стало почему-то вдругъ страшно жалко ея. Конец разсказа она вела такимъ возвышеннымъ, чему-то угрожающимъ тономъ, а все-таки въ этомъ тонѣ звучала боязлива рабская нота.

На берегу запѣли,—странно запѣли. Сначала раздалс контральто,—онъ пропѣлъ двѣ-три ноты, и раздался друго голосъ, начавшій пѣсню сначала, а первый все лился вперед его... третій, четвертый, пятый вступили въ пѣсню въ том же порядкѣ. И вдругъ ту же пѣсню, опять-таки съ начала запѣлъ хоръ мужскихъ голосовъ.

Получилось что-то удивительно оригинальное. Каждый го лосъ женщинъ звучалъ совершенно отдѣльно, всѣ они каза лись разноцвѣтными ручьями и, точно скатываясь откуда-т сверху по уступамъ, прыгая и звеня, вливаясь въ густу волну мужскихъ голосовъ, плавно лившуюся кверху, пото нули въ ней, вырывались изъ нея, заглушали ее и снов одинъ за другимъ взвивались, чистые и сильные, высок вверхъ. И мелодія была оригинальна: мужчины пѣли без вибрацій, и могучіе звуки ихъ голосовъ гудѣли глухо, как бы разсказывая о чемъ-то печальномъ, а голоса женщин догоняя другъ друга, точно торопились разсказать то ж самое прежде мужчинъ и звенѣли колокольчиками весело живо, съ массой смѣющихся трелей.

Шума волнъ не слышно было за голосами...

II.

— Слышалъ ли ты, чтобъ гдѣ-нибудь еще такъ пѣли?— спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь своимъ без зубымъ ртомъ.

— Не слыхалъ. Никогда не слыхалъ...—шепнулъ я ей.

— Ага! и не услышишь. Мы любимъ пѣть. И красивы м

всѣ. Только красавцы могутъ хорошо пѣть,—красавцы, которые любятъ жить. Мы любимъ жить. Смотри-ка, развѣ не устали за день тѣ, которые поютъ тамъ? Съ восхода по закатъ работали, взошла луна, и уже поютъ. Тѣ, которые не умѣютъ жить, легли бы спать. Тѣ, которымъ жизнь мила и которые дорожатъ ею, вотъ—поютъ.

— Но здоровье...—началъ-было я.

— Здоровья всегда хватитъ на жизнь. Здоровье! Развѣ ты, имѣя деньги, не тратилъ бы ихъ? Здоровье то же золото. Знаешь ты, что̀ я дѣлала, когда была молодой? Я ткала ковры съ восхода по закатъ, не вставая почти. Я, какъ солнечный лучъ, живая была и вотъ должна была сидѣть неподвижно, какъ камень. И сидѣла до того, что, бывало, всѣ кости у меня трещатъ. А какъ придетъ ночь, я бѣжала къ тому, кого любила, цѣловаться съ нимъ. Девять верстъ было до него. И обратно, значитъ—девять же. Знаешь, сколько это выходитъ?.. И такъ вотъ я бѣгала три мѣсяца, пока была любовь; всѣ ночи этого времени бывала у него. И вотъ до какой поры дожила—хватило крови! А сколько любила! Сколько поцѣлуевъ взяла и дала!..

Я посмотрѣлъ ей въ лицо. Ея черные глаза были все-таки тусклы, ихъ не оживило воспоминаніе. Луна ясно освѣщала ея черное, сморщенное лицо, и я видѣлъ сухія, потрескавшіяся губы, провалившійся внутрь заостренный подбородокъ съ сѣдыми волосами на немъ и сморщенный носъ, загнутый, какъ клювъ совы. На мѣстѣ щекъ были черныя ямы, и въ одной изъ нихъ лежала прядь пепельно-сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ красной тряпки, которою была обмотана ея голова. Кожа на лицѣ, шеѣ и рукахъ была тонка, вся изрѣзана морщинами, и при каждомъ движеніи старой Изергиль можно было ждать, что сухая кожа разорвется вся, развалится кусками, и предо мной явится голый скелетъ съ тусклыми черными глазами.

— Разскажи мнѣ, какъ ты любила!—попросилъ я ее.

Тогда она снова начала разсказывать своимъ хрустящимъ голосомъ:

— Я жила съ матерью подъ Фальми, на самомъ берегу Бырлата; и мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда онъ явился къ нашему хутору въ лодкѣ. Былъ онъ такой высокій, гибкій, черноусый, веселый. Сидитъ въ лодкѣ и такъ звонко кричитъ онъ намъ въ окна: „Эй, нѣтъ ли у васъ вина... и поѣсть мнѣ?“ Я посмотрѣла въ окно сквозь ясеней и вижу: рѣка вся голубая отъ луны, а онъ, въ бѣлой рубахѣ и въ широкомъ кушакѣ съ распущенными на боку концами,

стоитъ себѣ одной ногой въ лодкѣ, а другой на берегу. И покачивается и что-то поетъ. Увидалъ меня, говоритъ: „Вотъ какая красавица живетъ тутъ!.. А я и не зналъ про это!“ Точно онъ ужъ зналъ всѣхъ красавицъ до меня! Я дала ему вина и вареной свинины... А черезъ четыре дня дала уже и всю себя... Мы все катались съ нимъ въ лодкѣ по ночамъ. Онъ пріѣдетъ и посвиститъ тихо, какъ сусликъ, а я выпрыгну какъ рыба, въ окно на рѣку. И ѣдемъ... Онъ былъ рыбакомъ съ Прута, и потомъ, когда мать узнала про все и побила меня, уговаривалъ все меня уйти съ нимъ въ Добруджу и дальше, въ дунайскія гирла. Но мнѣ ужъ не нравился онъ тогда—только поетъ да цѣлуется, ничего больше. Скучно это было уже. Въ то время гуцулы шайкой ходили по тѣмъ мѣстамъ, и у нихъ были любезныя тутъ... Такъ вотъ тѣмъ все село было. Иная ждетъ-ждетъ своего карпатскаго молодца, думаетъ, что онъ уже въ тюрьмѣ или убитъ гдѣ-нибудь въ дракѣ,—и вдругъ онъ одинъ, а то съ двумя-тремя товарищами, какъ съ неба, упадетъ къ ней. Подарки подносилъ богатые—легко же вѣдь доставалось все ему!—и пируетъ у нея и хвалится ею передъ своими товарищами. А ей любо это. Я и попросила одну подругу, у которой былъ гуцулъ, показать мнѣ ихъ... Какъ ее звали? Забыла, какъ... Все стала забывать теперь. Лѣтъ семь десятковъ прошло съ той поры, все забудешь! Она меня познакомила съ молодцомъ. Былъ хорошъ... Рыжій былъ, весь рыжій—и усы и кудри. Огненная голова была у него... И былъ онъ такой печальный, ласковый иногда, а иногда, какъ звѣрь, ревѣлъ и дрался. Разъ ударилъ меня въ лицо... А я, какъ кошка, вскочила ему на грудь да и впилась зубами въ щеку... Съ той поры у него на щекѣ стала ямка, и онъ любилъ, когда я цѣловала ее...

— А рыбакъ куда дѣвался?—спросилъ я.

— Рыбакъ?—А онъ... тутъ... Онъ присталъ къ нимъ, къ гуцуламъ. Сначала все уговаривалъ меня и грозилъ бросить въ воду, а потомъ—ничего, присталъ къ нимъ и другую завелъ... Ихъ обоихъ и повѣсили вмѣстѣ—и рыбака и этого гуцула. Гуцула звали „Клёстъ“ за его рыжіе волосы. Я ходила смотрѣть, какъ ихъ вѣшали. Въ Добруджѣ это было. Рыбакъ шелъ на казнь блѣдный и плакалъ, а гуцулъ трубку курилъ. Идетъ себѣ и куритъ, руки въ карманахъ, одинъ усъ на плечѣ лежитъ, а другой на грудь свѣсился. Увидалъ меня, вынулъ трубку и кричитъ: „прощай!“... Я цѣлый годъ жалѣла его. Эхъ!.. Это ужъ тогда съ ними было, какъ они хотѣли уйти въ Карпаты къ себѣ. На прощанье пошли къ

одному румыну въ гости, тамъ ихъ и поймали. Двоихъ только, а нѣсколькихъ убили, а остальные ушли... Все-таки румыну заплатили послѣ... Хуторъ сожгли и мельницу, и хлѣбъ весь. Нищимъ сталъ.

— Это ты сдѣлала?—наудачу спросилъ я.

— Много было друзей у гуцуловъ, не одна я... Кто былъ ихъ лучшимъ другомъ, тотъ и справилъ имъ поминки...

Пѣсня на берегу моря уже умолкла, и старухѣ вторилъ теперь шумъ морскихъ волнъ; задумчивый, мятежный шумъ былъ славной второй разсказу о мятежной жизни. Чуть слышно доносился съ морского берега смутный говоръ и смѣхъ людей. Все мягче становилась ночь, и все больше разрождалось въ ней голубого сіянія луны, а неопредѣленные звуки хлопотливой жизни ея невидимыхъ обитателей становились тише, заглушаемые возраставшимъ шорохомъ волнъ... ибо усиливался вѣтеръ.

— А то еще турка любила я. Въ гаремѣ у него была, въ Скутари. Цѣлую недѣлю жила,—ничего... Но скучно стало... все женщины, женщины... Восемь было ихъ у него... Цѣлый день ѣдятъ и спятъ и болтаютъ глупыя рѣчи... Или ругаются, квохчутъ, какъ курицы... Онъ былъ ужъ немолодой, этотъ турокъ. Сѣдой почти и такой важный, богатый. Говорилъ—какъ владыка... Глаза были черные... Прямые глаза... Смотрятъ прямо въ душу. Очень онъ любилъ молиться. Я его въ Букурешти увидала... Ходитъ по рынку, какъ царь, и смотритъ такъ важно-важно. Я ему улыбнулась. Въ тотъ же вечеръ меня схватили на улицѣ и привезли къ нему. Онъ сандалъ и пальму продавалъ, а въ Букурешти пріѣхалъ купить что-то. „Ѣдешь ко мнѣ?“ говоритъ.—„О, да, поѣду!“—„Хорошо!“ И я поѣхала. Богатый онъ былъ, этотъ турокъ. И сынъ у него уже былъ—черненькій мальчикъ, гибкій такой... Ему лѣтъ шестнадцать было. Съ нимъ я и убѣжала отъ турка... Убѣжала въ Болгарію, въ Ломъ-Паланку... Тамъ меня одна болгарка ножомъ ударила въ грудь за жениха или за мужа своего—уже не помню.

„Хворала я долго въ монастырѣ одномъ. Женскій это былъ монастырь. Ухаживала за мной одна дѣвушка, полька... и къ ней изъ монастыря другого,—около Арцеръ-Паланки, помню,—ходилъ братъ, тоже монашекъ... Такой... какъ червякъ, все извивался предо мной... И когда я выздоровѣла, то ушла съ нимъ... въ Польшу его“.

— Погоди!.. А гдѣ маленькій турокъ?

— Мальчикъ? Онъ умеръ, мальчикъ. Отъ тоски по дому или отъ любви... но сталъ сохнуть онъ такъ, какъ не окрѣп-

пее деревцо, которому слишкомъ много перепало солнца... такъ и сохъ все... помню, лежитъ, весь уже прозрачный и голубоватый, какъ льдинка, а все еще въ немъ горитъ любовь... И все проситъ наклониться и поцѣловать его... Я любила его и, помню, много цѣловала... Потомъ ужъ онъ совсѣмъ сталъ плохъ—не двигался почти. Лежитъ и такъ жалобно, какъ нищій милостыни, проситъ меня лечь съ нимъ рядомъ и грѣть его. Я ложилась. Ляжешь съ нимъ... онъ сразу загорится весь. Однажды я проснулась, а онъ ужъ холодный... мертвый... Я плакала надъ нимъ. Кто скажетъ? Можетъ, вѣдь это я и убила его. Вдвое старше его я была тогда ужъ. И была такая сильная, сочная... а онъ что же?.. мальчикъ!..

Она вздохнула и—первый разъ я видѣлъ это у нея—перекрестилась трижды, шепча что-то сухими губами.

— Ну,—подсказалъ я ей, видя, что она молчитъ,—отправилась ты въ Польшу...

— Да... съ тѣмъ маленькимъ полячкомъ. Онъ былъ смѣшной и подлый. Когда ему нужна была женщина, онъ ластился ко мнѣ, какъ котъ, и съ его языка горячій медъ текъ, а когда онъ меня не хотѣлъ, то щелкалъ меня словами, какъ кнутомъ. Разъ какъ-то шли мы по берегу рѣки, и вотъ онъ сказалъ мнѣ свое гордое, обидное слово. О! о!.. я разсердилась! Я закипѣла, какъ смола! Я взяла его на руки и, какъ ребенка,—онъ вѣдь былъ маленькій,—подняла вверхъ, сдавивъ ему бока такъ, что онъ посинѣлъ весь. И вотъ я размахнулась и бросила его съ берега въ рѣку. Онъ кричалъ все... Смѣшно такъ кричалъ. Я смотрѣла на него сверху, а онъ барахтался тамъ, въ водѣ. Я ушла тогда. И больше не встрѣчалась съ нимъ. Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно какъ бы съ покойниками.

Старуха замолчала, вздыхая. Я представлялъ себѣ воскрешаемыхъ ею людей. Вотъ онъ, огненно-рыжій, усатый гуцулъ, который идетъ умирать, спокойно покуривая трубку, сильный, рѣшительный малый... У него навѣрное были холодные голубые глаза, которые на все смотрѣли сосредоточенно и твердо. Вотъ рядомъ съ нимъ черноусый рыбакъ съ Прута; онъ плачетъ, не желая умирать, и на его лицѣ, блѣдномъ отъ предсмертной тоски, потускнѣли веселые глаза, и усы, смоченные слезами, печально обвисли по угламъ искривленнаго рта. Вотъ онъ, старый, важный турокъ, навѣрное фаталистъ и деспотъ, и рядомъ съ нимъ его сынъ, блѣдный и хрупкій цвѣтокъ Востока, отравленный поцѣлуями. А вотъ тщеславный полякъ, галантный и жестокій, краснорѣчивый и голод-

ный... И всѣ они только блѣдныя тѣни, а та, которую они цѣловали, сидитъ рядомъ со мной живая, но изсушенная временемъ, безъ тѣла и безъ крови, съ сердцемъ безъ желаній, съ глазами безъ огня... тоже почти тѣнь.

А она продолжала говорить:

— Въ Польшѣ стало трудно мнѣ. Тамъ живутъ холодные и лживые люди. Я не знала ихъ змѣинаго языка. Всѣ шипятъ... Что̀ шипятъ? Это Богъ далъ имъ такой змѣиный языкъ за то, что они лживы. Шла я тогда, не зная куда, и видѣла, какъ они собирались бунтовать съ вами, русскими. И наконецъ я дошла до города Бохніи. Жидъ одинъ купилъ меня; не для себя купилъ, а чтобы торговать мною. Я согласилась на это. Чтобы жить, надо умѣть что-нибудь дѣлать. Я ничего не умѣла и вотъ за это платила собой. Но я подумала тогда, что вѣдь, если я достану немного денегъ, чтобы воротиться къ себѣ на Бырлатъ, я порву цѣпи, какъ бы онѣ крѣпки ни были. И жила я тамъ. Ходили ко мнѣ богатые паны и пировали со мной и у меня. Это имъ дорого стоило. Дрались изъ-за меня они, разорялись. Одинъ добивался меня долго и разъ вотъ что̀ сдѣлалъ: пришелъ, а слуга за нимъ идетъ съ мѣшкомъ. Вотъ панъ взялъ въ руки тотъ мѣшокъ и опрокинулъ его надъ моей головой. Золотыя монеты стукали меня по головѣ, и мнѣ весело было слушать ихъ звонъ, когда онѣ падали на полъ. Но я все-таки выгнала пана. У него было такое толстое, сырое лицо и животъ, какъ большая подушка. Онъ смотрѣлъ, какъ сытая свинья. Да, выгнала я его, хотя онъ и говорилъ, что продалъ всѣ земли свои и дома и коней, чтобы осыпать меня золотомъ. Я тогда любила одного достойнаго пана съ изрубленнымъ лицомъ. Все лицо было у него изрублено крестъ-накрестъ саблями турокъ, съ которыми онъ незадолго передъ тѣмъ воевалъ за грековъ. Вотъ человѣкъ!.. Что̀ ему греки, если онъ полякъ? А онъ пошелъ, бился рядомъ съ ними противъ ихъ враговъ. Изрубили его, у него вытекъ одинъ глазъ отъ ударовъ, и два пальца на лѣвой рукѣ были тоже отрублены. Что̀ ему греки, если онъ полякъ? А вотъ что̀: онъ любилъ подвиги. А когда человѣкъ любитъ подвиги, онъ всегда сумѣетъ ихъ сдѣлать и найдетъ, гдѣ это можно. Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ просто лѣнтяи, или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней. И тогда она не пожирала бы людей безслѣдно... О, этотъ рубленый былъ хорошій чело-

вѣкъ! Онъ готовъ былъ итти на край свѣта, чтобы дѣлать что-нибудь. Навѣрное, ваши убили его во время бунта. А зачѣмъ вы ходили бить венгровъ? Ну-ну, молчи!..

И, приказывая мнѣ молчать, старая Изергиль, вдругъ замолчала сама и задумалась.

— Знала также я и венгра одного. Онъ однажды ушелъ отъ меня,—зимой это было,—и только весной, когда стаялъ снѣгъ, нашли его въ полѣ съ простреленной головой. Вотъ какъ! Видишь—не меньше чумы губитъ любовь людей; коли посчитать—не меньше... Что̀ я говорила? О Польшѣ... Да, тамъ я сыграла свою послѣднюю игру. Встрѣтила одного шляхтича... Вотъ былъ красивъ! Какъ чортъ. Я же стара ужъ была, эхъ, стара! Было ли мнѣ четыре десятка лѣтъ? Пожалуй, что и было... А онъ былъ еще и гордъ, и избалованъ нами, женщинами. Дорого онъ мнѣ сталъ... да. Онъ хотѣлъ сразу такъ себѣ взять меня, но я не далась. Я не была никогда рабой ничьей. А съ жидомъ я уже кончила, много денегъ дала ему... И уже въ Краковѣ жила. Тогда у меня все было, и лошади, и золото, и слуги... Онъ ходилъ ко мнѣ, гордый демонъ, и все хотѣлъ, чтобъ я сама кинулась ему въ руки. Мы поспорили съ нимъ... Я даже,—помню, —дурнѣла отъ этого. Долго это тянулось... Я взяла свое: онъ на колѣняхъ упрашивалъ меня... Но только взялъ, какъ ужъ и бросилъ. Тогда поняла я, что стала стара... Охъ, это было мнѣ не сладко! вотъ ужъ не сладко!.. Я вѣдь любила его, этого чорта... а онъ, встрѣчаясь со мной, смѣялся мнѣ... подлъ онъ былъ! И другимъ онъ смѣялся надо мной, а я все это знала. Ну, ужъ горько было мнѣ, скажу. Но онъ былъ тутъ, близко, и я все-таки любовалась имъ. А какъ вотъ ушелъ онъ биться съ вами, русскими, тошно стало мнѣ. Ломала я себя, но не могла сломать... И рѣшила поѣхать за нимъ. Онъ около Варшавы былъ, въ лѣсу.

„Но когда я пріѣхала, то узнала, что ужъ побили ихъ ваши... и что онъ въ плѣну, недалеко въ деревнѣ.

„Значитъ,—подумала я,—не увижу уже его больше. А видѣть хотѣлось. Ну, стала стараться увидать... Нищей одѣлась, хромой, и пошла, завязавъ лицо, въ ту деревню, гдѣ былъ онъ. Вездѣ казаки и солдаты... дорого мнѣ стоило быть тамъ! Узнала я, гдѣ они, поляки, сидятъ, и вижу, что трудно попасть туда. А нужно мнѣ это было. И вотъ ночью подползла я къ тому мѣсту, гдѣ они были. Ползу по огороду между грядъ и вижу: часовой стоитъ на моей дорогѣ... А ужъ слышно мнѣ—поютъ поляки и говорятъ громко. Поютъ пѣсню одну... къ Матери Бога... И тотъ тамъ же поетъ...

Аркадэкъ мой. Мнѣ горько стало, какъ подумала я, что раньше за мной ползали... а вотъ оно пришло время—и я за человѣкомъ поползла змѣей по землѣ и, можетъ, на смерть свою ползу. А этотъ часовой уже слушаетъ, выгнулся впередъ. Ну, что же мнѣ? Встала я съ земли и пошла на него. Ни ножа у меня нѣтъ, ничего, кромѣ рукъ да языка. Жалѣю, что не взяла ножа. Шепчу: „погоди!..“. А онъ, солдатъ этотъ, уже приставилъ къ горлу мнѣ штыкъ. Я говорю ему шопотомъ: „Не коли, погоди, послушай, коли у тебя душа есть! Не могу тебѣ ничего дать, а прошу тебя“... Онъ опустилъ ружье и также шопотомъ говоритъ мнѣ: „Пошла прочь, баба! пошла! Чего тебѣ?“ Я сказала ему, что сынъ у меня тутъ запертъ... „Ты понимаешь, солдатъ,—сынъ! Ты вѣдь тоже чей-нибудь сынъ, да? Такъ вонъ посмотри на меня—у меня есть такой же, какъ ты, и вонъ онъ гдѣ! Дай мнѣ посмотрѣть на него, можетъ, онъ умретъ скоро... и можетъ, тебя завтра убьютъ... будетъ плакать твоя мать о тебѣ? И вѣдь тяжко будетъ тебѣ умереть, не взглянувъ на нее, твою мать? И моему сыну тяжко же. Пожалѣй же себя и его, и меня—мать!..“

„Охъ, какъ долго говорила я ему! Шелъ дождь и мочилъ насъ. Вѣтеръ вылъ и ревѣлъ, и толкалъ меня то въ спину, то въ грудь. Я стояла и качалась передъ этимъ каменнымъ солдатомъ... А онъ все говорилъ: „нѣтъ!“. И каждый разъ, какъ я слышала его холодное слово, еще жарче во мнѣ вспыхивало желаніе видѣть того, Аркадэка... Я говорила и мѣрила глазами солдата—онъ былъ маленькій, сухой и все кашлялъ. И вотъ я упала на землю передъ нимъ и, охвативъ его колѣни, все упрашивая его горючими словами, свалила солдата на землю. Онъ упалъ въ грязь. Тогда я быстро повернула его лицомъ къ землѣ и придавила его голову въ лужу, чтобъ онъ не кричалъ. Онъ не кричалъ, а только все барахтался, стараясь сбросить меня со своей спины. Я же обѣими руками втискивала его голову глубже въ грязь. Онъ и задохнулся... Тогда я бросилась къ амбару, гдѣ пѣли поляки. „Аркадэкъ!..“—шептала я въ щели стѣнъ. Они догадливые, эти поляки,—и, услыхавъ меня, перестали пѣть. Вотъ его глаза противъ моихъ. „Можешь ты выйти отсюда?“—„Да, черезъ полъ!“ сказалъ онъ.—„Ну, иди же“. И вотъ четверо ихъ вылѣзло изъ-подъ этого амбара: трое и Аркадэкъ мой. „Гдѣ часовые?“—спросилъ Аркадэкъ.—„Вонъ лежитъ!..“ И они пошли тихо-тихо, согнувшись къ землѣ. Дождь шелъ, вѣтеръ вылъ громко. Мы ушли изъ деревни и долго молча шли лѣсомъ. Быстро такъ шли. Аркадэкъ дер-

жалъ меня за руку, и его рука была горяча и дрожала. О!.. мнѣ такъ хорошо было съ нимъ, пока онъ молчалъ. Послѣднія это были минуты—хорошія минуты моей жадной жизни. Но вотъ мы вышли на лугъ и остановились. Они благодарили меня всѣ четверо. Охъ, какъ они долго и много говорили мнѣ что-то! Я все слушала и смотрѣла на своего пана. Что же онъ сдѣлаетъ мнѣ? И вотъ онъ обнялъ меня и сказалъ такъ важно... Не помню, что онъ сказалъ, но такъ выходило, что теперь онъ въ благодарность за то, что я увела его, будетъ любить меня... И сталъ онъ на колѣни предо мной, улыбаясь, и сказалъ мнѣ: „моя королева!“. Вотъ какая лживая собака была это!.. Ну, тогда я дала ему пинка ногой и ударила бы его въ лицо, да онъ отшатнулся и вскочилъ. Грозный и блѣдный стоитъ онъ предо мной... Стоятъ и тѣ трое, хмурые всѣ. И всѣ молчатъ. Я посмотрѣла на нихъ... Мнѣ тогда стало—помню—только скучно очень, и такая лѣнь напала на меня... Я сказала имъ: „идите!“. Они, псы, спросили меня: „Ты воротишься туда указать нашъ путь?“ Вотъ какіе подлые! Ну, все-таки ушли они. Тогда и я пошла... А на другой день взяли меня ваши, но скоро отпустили. Тогда увидѣла я, что пора мнѣ завести гнѣздо, будетъ жить кукушкой! Ужъ тяжела стала я, и ослабѣли крылья, и перья потускнѣли... Пора, пора! Тогда я уѣхала въ Галицію, а оттуда въ Добруджу. И вотъ уже около трехъ десятковъ лѣтъ живу здѣсь. Былъ у меня мужъ, молдаванинъ, умеръ съ годъ тому времени. И живу я вотъ! Одна живу... Нѣтъ, не одна, а вонъ съ тѣми“.

Старуха махнула рукой къ морю. Тамъ все было тихо. Иногда рождался какой-то краткій, обманчивый звукъ и умиралъ тотчасъ же.

— Любятъ они меня. Много я разсказываю имъ разнаго. Имъ это надо. Еще молодые все... И мнѣ хорошо съ ними. Смотрю и думаю: вотъ и я, было время, такой же была... Только тогда, въ мое время, больше было въ человѣкѣ силы и огня, и оттого жилось веселѣе и лучше... Да!..

И она замолчала. Я смотрѣлъ на нее пристально и долго. Мнѣ грустно было рядомъ съ ней. Она же дремала, качая головой, и тихо-тихо шептала что-то... можетъ-быть, молилась.

Съ моря поднималась туча—черная, тяжелая, суровыхъ очертаній, похожая на горный хребетъ. Она ползла въ степь. Съ ея вершины срывались клочья облаковъ, неслись впередъ ея и гасили звѣзды одну за другой. Море шумѣло. Недалеко отъ насъ, въ лозахъ винограда, цѣловались, шептали и взды-

хали. Глубоко въ степи выла собака... Воздухъ становился удушливымъ и раздражалъ нервы страннымъ запахомъ, щекотавшимъ ноздри. Отъ облаковъ падали на землю густыя стаи тѣней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... Луна погасла, на ея мѣстѣ осталось только мутное опаловое пятно, и оно иногда совсѣмъ закрывалось сизымъ клочкомъ облака. И въ степной дали, теперь уже черной и страшной, какъ бы притаившейся и скрывшей въ себѣ что-то, вспыхивали маленькіе голубые огоньки. То тамъ, то тутъ они на мигъ являлись и гасли, точно нѣсколько людей, разсыпавшихся по степи далеко другъ отъ друга, искали въ ней что-то, зажигая спички, которыя вѣтеръ тотчасъ же гасилъ. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшіе на что-то сказочное.

— Видишь ты искры?—спросила меня Изергиль.

— Вонъ тѣ, голубыя?—указывая ей на степь, сказалъ я.

— Голубыя? Да, это онѣ... Значитъ, летаютъ все-таки! Ну-ну... Я ужъ вотъ не вижу ихъ больше. Не могу я теперь многаго видѣть.

— Откуда эти искры?—спросилъ я старуху.

Я слышалъ кое-что раньше о происхожденіи этихъ искръ, но мнѣ хотѣлось послушать, какъ разскажетъ о томъ же старая Изергиль.

— Эти искры отъ горящаго сердца Данко. Было на свѣтѣ сердце, которое однажды вспыхнуло огнемъ... И вотъ отъ него эти искры. Я разскажу тебѣ про все это... Тоже старая сказка... Старое, все старое! Видишь ты, сколько въ старинѣ всего?.. А теперь вотъ нѣтъ ничего такого—ни дѣлъ, ни людей, ни сказокъ такихъ, какъ въ старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что̀ ты знаешь? Что̀ вы знаете всѣ, молодые? Эхе-хе!.. Смотрѣли бы въ старину зорко—тамъ всѣ отгадки найдутся... А вотъ вы не смотрите и не умѣете жить оттого... Я не вижу развѣ жизнь? Охъ, все вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живутъ люди, а все примѣряются, примѣряются и кладутъ на это всю свою жизнь. И когда обворуютъ сами себя, истративъ время, то начнутъ плакаться на судьбу. Что̀ же тутъ судьба? Каждый самъ себѣ судьба! Всякихъ людей я нынче вижу, а вотъ сильныхъ нѣтъ! Гдѣ жъ они?.. И красавцевъ становится все меньше.

Старуха задумалась о томъ, куда дѣвались изъ жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала темную степь, какъ бы ища въ ней отвѣта.

Я ждалъ ея разсказа и молчалъ, боясь, что, если спрошу

ее о чемъ-либо, она опять отвлечется въ сторону. Я зналъ, что, когда она отправляется въ бурное море своихъ воспоминаній, оно вѣетъ на нее философіей, и часто случалось, что конецъ той или иной легенды гибъ подъ гнетомъ этой философіи, свободной и простой, но въ изложеніи старой Изергиль представлявшей собою какой-то странный клубокъ разноцвѣтныхъ нитокъ, хитро перепутанныхъ временемъ.

III.

И вотъ она начала разсказывать:

— Жили на землѣ въ старину одни люди, гдѣ—не знаю. Знаю, что большіе непроходимые лѣса окружали съ трехъ сторонъ таборы этихъ людей, а съ четвертой была степь. Были это веселые, сильные и смѣлые люди, не желавшіе многаго... И вотъ пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иныя племена и прогнали прежнихъ въ глубь лѣса. Тамъ были болота и тьма, потому что лѣсъ былъ старый, и такъ густо переплелись его вѣтви, что сквозь нихъ не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себѣ дорогу до болотъ сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болотъ, то подымался смрадъ, и отъ него люди гибли одинъ за другимъ. Тогда стали плакать жены и дѣти этого племени, а отцы задумались и впали въ тоску. Нужно было уйти изъ этого лѣса, и для того были двѣ дороги: одна—назадъ,—тамъ были сильные и злые враги, другая—впередъ,—тамъ стояли великаны-деревья, плотно обнявши другъ друга могучими вѣтвями и опустивъ свои узловатые корни глубоко въ цѣпкій илъ болота. Эти деревья стояли молчаливо и неподвижно, какъ каменныя, днемъ въ сѣромъ сумракѣ и еще плотнѣе сдвигались вокругъ тѣхъ людей по вечерамъ, когда загорались костры. И всегда, днемъ и ночью, вокругъ тѣхъ людей было кольцо крѣпкой тьмы, которое точно собиралось раздавить ихъ, привыкшихъ къ степному простору и свѣту. А еще страшнѣй было тогда, когда вѣтеръ билъ по вершинамъ деревьевъ и весь лѣсъ глухо гудѣлъ, точно грозилъ и пѣлъ похоронную пѣсню тѣмъ людямъ, что укрылись въ немъ отъ враговъ. Это были все-таки сильные люди и могли бы они пойти биться на смерть съ тѣми, что однажды побѣдили ихъ, но они не могли умереть въ бояхъ, потому что у нихъ были завѣты, и коли бъ умерли они, то пропали бъ съ ними изъ жизни и завѣты тѣ. И потому они сидѣли и думали въ длинныя ночи, подъ глухой шумъ лѣса, въ ядовитомъ смрадѣ болота. Они сидѣли, а тѣни отъ костровъ прыгали вокругъ нихъ въ безмолвной пляскѣ, и всѣмъ

казалось, что это не тѣни пляшутъ, а торжествующіе злые духи лѣса и болота... Люди все сидѣли и думали. Но ничто— ни работа ни женщины не изнуряютъ тѣла и души людей такъ, какъ изнуряютъ тоскливыя думы, что̀ сосутъ сердце, какъ змѣи. И ослабли отъ думъ люди... Страхъ родился среди нихъ, сковалъ имъ крѣпкія руки, ужасъ родили женщины своимъ плачемъ надъ трупами умершихъ отъ смрада и надъ судьбой скованныхъ страхомъ живыхъ,—и трусливыя слова стали слышны въ лѣсу, сначала робкія и тихія, а потомъ все громче и громче... Уже хотѣли итти къ врагу и принести ему въ даръ себя и волю свою, и никто ужъ, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тутъ явился Данко и спасъ всѣхъ одинъ.

Старуха, очевидно, часто разсказывала о горящемъ сердцѣ Данко: фразы являлись длинными и гладкими лентами. Она говорила пѣвуче, и голосъ ея, скрипучій и глухой, ясно рисовалъ предо мной шумъ того лѣса, среди котораго умирали отъ ядовитаго дыханія болота несчастные, загнанные люди...

— Данко—это одинъ изъ тѣхъ людей, молодой красавецъ. Красивые—всегда смѣлы. И вотъ онъ говоритъ имъ, своимъ товарищамъ:

„— Не своротить камня съ пути думою. Кто ничего не дѣлаетъ, съ тѣмъ ничего не станется. Что̀ мы тратимъ силы на думу да тоску? Вставайте, пойдемъ въ лѣсъ и пройдемъ его сквозь, вѣдь имѣетъ же онъ конецъ—все на свѣтѣ имѣетъ конецъ! Идемте! Ну! Гей!..

„Посмотрѣли на него и увидали, что онъ лучшій изъ всѣхъ, потому что въ очахъ его свѣтилось много силы и живого огня.

„— Веди ты насъ!—сказали они.

„Тогда онъ повелъ...“

Старуха помолчала и посмотрѣла въ степь, гдѣ все густѣла тьма. Искорки горящаго сердца Данко вспыхивали гдѣ-то далеко и казались голубыми воздушными цвѣтами, расцвѣтавшими только на мигъ.

— Повелъ ихъ Данко. Дружно всѣ пошли за нимъ—вѣрили въ него. Трудный путь это былъ! Темно было, и на каждомъ шагу болото разѣвало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стѣной. Переплелись ихъ вѣтки между собой, какъ змѣи, протянулись всюду корни, и каждый шагъ много стоилъ пота и крови тѣмъ людямъ. Долго шли они... Все гуще становился лѣсъ, все меньше было силъ! И вотъ они стали роптать на Данко, говоря, что напрасно онъ, молодой и неопытный, повелъ ихъ куда-то. А онъ шелъ впереди ихъ и былъ бодръ и ясенъ.

„Но однажды гроза грянула надъ лѣсомъ, и зашептали деревья глухо и грозно. И стало тогда въ лѣсу такъ темно, точно въ немъ собрались сразу всѣ ночи, сколько ихъ было на свѣтѣ съ той поры, какъ онъ родился. Шли маленькіе люди, между большихъ деревьевъ и въ грозномъ шумѣ молній шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипѣли и гудѣли сердитыя пѣсни, а молніи, летая надъ вершинами лѣса, освѣщали его на минутку синимъ холоднымъ огнемъ и исчезали такъ же быстро, какъ и являлись, пугая людей. И деревья, освѣщенныя холоднымъ огнемъ молній, казались живыми, простирающими вокругъ людей, уходившихъ изъ плѣна тьмы, корявыя, длинныя руки, сплетая ихъ въ густую сѣть и пытаясь остановить людей. А изъ тьмы вѣтвей смотрѣло на идущихъ что-то страшное, темное и холодное. Это былъ трудный путь, и люди, утомленные имъ, пали духомъ. Но имъ стыдно было сознаться себѣ въ безсиліи, и вотъ они въ злобѣ и гнѣвѣ обрушились на Данко, человѣка, который шелъ впереди ихъ. И стали они упрекать его въ неумѣніи управлять ими,—вотъ какъ!

„Остановились они и подъ торжествующій шумъ лѣса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

„— Ты,—сказали они,—ничтожный и вредный человѣкъ для насъ! Ты повелъ насъ и утомилъ, и за это ты погибнешь!

„И молніи и громъ подтвердили ихъ приговоръ.

„— Вы сказали: веди!—и я повелъ!—крикнулъ Данко, становясь противъ нихъ грудью.—Во мнѣ есть мужество вести, вотъ потому я повелъ васъ! А вы? Что сдѣлали вы въ помощь себѣ? Вы только шли и не умѣли сохранить мужество на путь болѣе долгій! Вы только шли, шли себѣ, какъ стадо овецъ!

„Но эти слова разъярили ихъ еще болѣе.

„— Ты умрешь! Ты умрешь!—ревѣли они.

„А лѣсъ все гудѣлъ и гудѣлъ, вторя ихъ крикамъ, и молніи разрывали тьму въ клочья. Данко смотрѣлъ на тѣхъ, ради которыхъ онъ понесъ трудъ, и видѣлъ, что они—какъ звѣри. Много людей стояло вокругъ него, но не было на лицахъ ихъ благородства, и нельзя было ему ждать пощады отъ нихъ. Тогда и въ его сердцѣ вскипѣло негодованіе, но отъ жалости къ людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и думалъ, что, можетъ-быть, безъ него они погибнутъ. И вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь, и тогда въ его очахъ засверкали лучи того могучаго огня. А они, увидавъ это, подумали, что

онъ разсвирѣпѣлъ, отчего такъ ярко и разгорѣлись очи его, и они насторожились, какъ волки, ожидая, что онъ будетъ бороться съ ними, и стали плотнѣе окружать его, чтобы легче имъ было схватить и убить Данко. А онъ уже понялъ ихъ думу, оттого еще ярче загорѣлось въ немъ сердце, ибо эта ихъ дума родила въ немъ тоску.

„А лѣсъ все пѣлъ свою мрачную пѣсню, и громъ все гремѣлъ, и лилъ дождь...

„— Что̀ сдѣлаю я для людей!?—сильнѣе грома крикнулъ Данко.

„И вдругъ онъ разорвалъ себѣ руками грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой.

„Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тьма разлетѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ лѣсу, дрожащая, пала въ гнилой зѣвъ болота. Люди же, изумленные, стали, какъ камни.

„— Идемъ!—крикнулъ Данко и бросился впередъ на свое мѣсто, высоко держа горящее сердце и освѣщая имъ путь людямъ.

„Они бросились за нимъ, любопытные и очарованные. Тогда лѣсъ снова зашумѣлъ, удивленно качая вершинами, но его шумъ былъ заглушенъ топотомъ бѣгущихъ людей. Всѣ бѣжали быстро и смѣло, увлекаемые чудеснымъ зрѣлищемъ горящаго сердца. И теперь гибли, но гибли безъ жалобъ и слезъ. А Данко все былъ впереди, и сердце его все пылало, пылало!

„И вотъ вдругъ лѣсъ разступился передъ нимъ, разступился и остался сзади, плотный и нѣмой, а Данко и всѣ тѣ люди сразу окунулись въ цѣлое море солнечнаго свѣта и чистаго воздуха, промытаго дождемъ. Гроза была тамъ, сзади нихъ, надъ лѣсомъ, а тутъ сіяло солнце, вздыхала степь, блестѣла трава въ брильянтахъ дождя, и золотомъ сверкала рѣка... Былъ вечеръ, и отъ лучей заката рѣка казалась красной, какъ та кровь, что̀ била горячей струей изъ разорванной груди Данко.

„Кинулъ взоръ впередъ себя на ширь степи гордый умирающій смѣльчакъ Данко,—кинулъ онъ радостный взоръ на свободную землю и засмѣялся гордо. А потомъ упалъ и— умеръ.

„Тихо шептали удивленныя деревья, оставшіяся позади, и трава, смоченная кровью Данко, вторила имъ.

„Люди же, радостные и полные надеждъ, не замѣтили смерти его и не видали, что еще пылаетъ рядомъ съ трупомъ Данко

его смѣлое сердце. Только одинъ осторожный человѣкъ замѣтилъ это и, боясь чего-то, наступилъ на гордое сердце ногой... И вотъ оно, разсыпавшись въ искры, угасло...

„Вотъ откуда онѣ, голубыя искры степи, что̀ являются передъ грозой!“

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, въ степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смѣльчака Данко, который сжегъ для людей свое сердце и умеръ, не просл у нихъ ничего въ награду себѣ. Прислонясь спиной къ корзинѣ съ виноградомъ, старуха дремала. Я смотрѣлъ на нее и думалъ: сколько еще сказокъ и воспоминаній осталось въ ея памяти? И думалъ о великомъ горящемъ сердцѣ Данко, и о человѣческой фантазіи, создавшей столько красивыхъ и сильныхъ легендъ, о старинѣ, въ которой были герои и подвиги, и о печальномъ времени, бѣдномъ сильными людьми и крупными событіями, богатомъ холоднымъ недовѣріемъ, смѣющимся надо всѣмъ,—жалкомъ времени мизерныхъ людей съ мертворожденными сердцами.

Дунулъ вѣтеръ и обнажилъ изъ-подъ лохмотьевъ сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крѣпче. Я прикрылъ ея старое тѣло и самъ легъ на землю около нея. Въ степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумѣло глухо и печально.

1895.

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ.

...Однажды осенью мнѣ привелось стать въ очень непріятное и неудобное положеніе: въ городѣ, куда я только-что пріѣхалъ и гдѣ у меня не было ни одного знакомаго человѣка,—я очутился безъ гроша въ карманѣ и безъ квартиры.

Продавъ въ первые дни все то изъ костюма, безъ чего можно было обойтись, я ушелъ изъ города въ мѣстность, называемую „Усть", гдѣ были пароходныя пристани и въ навигаціонное время кипѣла бойкая трудовая жизнь, а теперь было пустынно и тихо, ибо дѣло происходило въ послѣднихъ числахъ октября.

Шлепая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его съ желаніемъ открыть въ немъ какіе-нибудь остатки питательныхъ веществъ, я бродилъ одиноко среди пустынныхъ зданій и торговыхъ ларей и думалъ о томъ, какъ хорошо быть сытымъ...

При данномъ состояніи культуры голодъ души можно удовлетворить скорѣе, чѣмъ голодъ тѣла. Вы бродите по улицамъ, васъ окружаютъ зданія, недурныя по внѣшности и—можно безошибочно сказать—недурно обставленныя внутри,—это можетъ возбудить у васъ отрадныя мысли объ архитектурѣ, о гигіенѣ и еще о многомъ другомъ, мудромъ и высокомъ; вамъ встрѣчаются удобно и тепло одѣтые люди,—они вѣжливы, всегда сторонятся отъ васъ, деликатно не желая замѣчать печальнаго факта вашего существованія. Ей-Богу, душа голоднаго человѣка всегда питается лучше и здоровѣе души сытаго,—вотъ положеніе, изъ котораго можно сдѣлать очень остроумный выводъ въ пользу сытыхъ!..

...Наступалъ вечеръ, шелъ дождь, и съ сѣвера порывисто дулъ вѣтеръ. Онъ свистѣлъ въ пустыхъ ларяхъ и лавчонкахъ, билъ онъ въ заколоченныя досками окна гостиницъ,

и волны рѣки отъ его ударовъ пѣнились, шумно плескались на песокъ берега, высоко взметывая свои бѣлые хребты, и неслись одна за другой въ мутную даль, стремительно прыгая другъ черезъ друга... Казалось, что рѣка чувствовала близость зимы и въ страхѣ бѣжала куда-то отъ оковъ льда, которыя могъ въ эту же ночь набросить на нее сѣверный вѣтеръ. Небо было тяжело и мрачно, съ него неустанно сыпались еле видныя глазомъ капельки дождя, а печальную элегію въ природѣ вокругъ меня подчеркивали двѣ обломанныя и уродливыя ветлы и опрокинутая вверхъ дномъ лодка у ихъ корней.

Опрокинутый челнъ съ проломленнымъ дномъ и ограбленныя холоднымъ вѣтромъ деревья жалкія и старыя.. Все кругомъ разрушено, безплодно и мертво, а небо точитъ неизсякаемыя слезы. Пустынно и мрачно было вокругъ—казалось, все умираетъ, скоро останусь въ живыхъ я одинъ, и меня тоже ждетъ холодная смерть.

А мнѣ тогда было восемнадцать лѣтъ—хорошая пора!

Я ходилъ, ходилъ по холодному и сырому песку, выбивая зубами трели въ честь голода и холода, и вдругъ въ тщетныхъ поискахъ съѣстного, зайдя за одинъ изъ ларей, увидалъ за нимъ скорченную на землѣ фигуру въ женскомъ платьѣ, мокромъ отъ дождя и плотно приставшемъ къ склоненнымъ плечамъ. Остановившись надъ ней, я всмотрѣлся въ то, что она дѣлала. Оказалось, она роетъ руками яму въ пескѣ, подкапываясь подъ одинъ изъ ларей.

— Это зачѣмъ тебѣ?—спросилъ я, присаживаясь на корточки около нея.

Она тихо вскрикнула и быстро вскочила на ноги. Теперь, когда она стояла и смотрѣла на меня широко раскрытыми сѣрыми глазами, полными боязни, я видѣлъ, что это дѣвушка моихъ лѣтъ, съ очень миловиднымъ личикомъ, къ сожалѣнію, украшеннымъ тремя большими синяками Это его портило, хотя синяки были расположены съ замѣчательной пропорціональностью — по одному, равной величины, подъ глазами и одинъ—побольше—на лбу, какъ разъ надъ переносицей. Въ этой симметріи была видна работа артиста, очень изощрившагося въ дѣлѣ порчи человѣческихъ физіономій.

Дѣвушка смотрѣла на меня, и боязнь въ ея глазахъ постепенно гасла... Вотъ она отряхнула руки отъ песка, поправила ситцевый платокъ на головѣ, поежилась и сказала:

— Ты, чай, тоже ѣсть хочешь?.. Ну-ка, рой... у меня руки устали. Тамъ,—она кивнула головой на ларь,—навѣрно хлѣбъ есть... Этотъ ларь терпуетъ еще...

Я сталъ рыть. Она же, немного подождавъ и посмотрѣвъ на меня, присѣла рядомъ и стала помогать мнѣ...

Мы работали молча. Я не могу сказать теперь, помнилъ ли я въ этотъ моментъ объ уголовномъ кодексѣ, о морали и о собственности и прочихъ вещахъ, о которыхъ, по мнѣнію многихъ свѣдущихъ людей, слѣдуетъ помнить во всѣ моменты жизни. Желая быть возможно ближе къ истинѣ, я долженъ признаться,—кажется, я былъ настолько углубленъ въ дѣло подкопа подъ ларь, что совершенно позабылъ обо всемъ прочемъ, кромѣ того, что̀ могло оказаться въ этомъ ларѣ...

Вечерѣло. Тьма—сырая, мозглая, холодная—все болѣе сгущалась вокругъ насъ. Волны шумѣли какъ бы глуше, чѣмъ раньше, а дождь барабанилъ о доски ларя все звучнѣе и чаще... Гдѣ-то ужъ продребезжала трещетка ночного сторожа...

— Есть у него полъ или нѣтъ?—тихо спросила моя помощница. Я не понялъ, о чемъ она говоритъ, и промолчалъ.

— Я говорю—есть полъ у ларя? Коли есть, такъ мы напрасно ломаемся. Подроемъ яму,—а тамъ, можетъ, толстыя доски еще... Какъ ихъ отдерешь? Лучше замо̀къ сломать... замо̀къ-то плохенькій...

Хорошія идеи рѣдко посѣщаютъ головы женщинъ; но, какъ вы видите, онѣ все-таки посѣщаютъ ихъ... Я всегда цѣнилъ хорошія идеи и всегда старался пользоваться ими по мѣрѣ возможности.

Найдя замо̀къ, я дернулъ его и вырвалъ вмѣстѣ съ кольцами!.. Моя соучастница мгновенно изогнулась и змѣей вильнула въ открывшееся четырехугольное отверстіе ларя. Оттуда раздался ея одобрительный возгласъ:

— Молодецъ!

Одна маленькая похвала женщины для меня дороже цѣлаго диѳирамба со стороны мужчины, будь онъ краснорѣчивъ, какъ всѣ древніе и новые ораторы, взятые вмѣстѣ. Но тогда я былъ настроенъ менѣе любезно, чѣмъ теперь, и, не обративъ вниманія на комплиментъ дѣвушки, кратко и со страхомъ спросилъ ее:

— Есть что-нибудь?

Она монотонно принялась перечислять мнѣ свои открытія.

— Корзина съ бутылками... Мѣшки пустые... Зонтикъ... Ведро желѣзное.

Все это было не съѣдобно. Я почувствовалъ, что мои надежды гаснутъ... Но вдругъ она оживленно крикнула:

— Ага! вотъ онъ...

— Кто?

— Хлѣбъ... Коровай... Только мокрый... Держи!

Къ ногамъ моимъ выкатился коровай и за нимъ она, моя доблестная подруга. Я уже отломилъ кусочекъ, засунулъ его въ ротъ и жевалъ...

— Ну-ка, дай мнѣ... Да тоже отсюда надо и уходить. Куда бы намъ итти?—Она пытливо посмотрѣла во тьму на всѣ четыре стороны... Было темно, мокро, шумно...—Вонъ тамъ лодка опрокинута.. айда-ка туда?

— Идемъ!

И мы пошли, обламывая на ходу нашу добычу и набивая ею рты... Дождь усиливался, рѣка ревѣла, откуда-то доносился протяжный насмѣшливый свистокъ, — точно это нѣкто большой и никого не боящійся освистывалъ всѣ земные порядки, и этотъ скверный осенній вечеръ, и насъ, двухъ его героевъ... Сердце болѣзненно ныло отъ этого свиста; тѣмъ не менѣе я жадно ѣлъ, въ чемъ мнѣ не уступала и дѣвушка, шедшая съ лѣвой стороны отъ меня.

— Какъ тебя зовутъ?—зачѣмъ-то спросилъ я ее.

— Наташа!—отвѣчала она, звучно чавкая.

Я посмотрѣлъ на нее—у меня больно сжалось сердце, я посмотрѣлъ во тьму впереди меня, и мнѣ показалось, что ироническая рожа моей судьбы улыбается мнѣ загадочно и холодно...

...По дереву лодки неугомонно стучалъ дождь, и мягкій шумъ его наводилъ на грустныя мысли, и вѣтеръ свистѣлъ, влетая въ проломленное дно—въ щель, гдѣ билась какая-то щепочка, билась и трещала безпокойнымъ и жалобнымъ звукомъ. Волны рѣки плескались о берегъ и звучали такъ монотонно и безнадежно, точно разсказывали о чемъ-то невыносимо скучномъ и тяжеломъ, надоѣвшемъ имъ до отвращенія, о чемъ-то такомъ, отъ чего имъ хотѣлось бы убѣжать и о чемъ имъ все-таки необходимо говорить. Шумъ дождя сливался съ ихъ плескомъ, и надъ опрокинутой лодкой плавалъ какъ бы вздохъ—протяжный, безконечный, тяжелый вздохъ земли, обиженной и утомленной этими вѣчными стѣнами яркаго и теплаго лѣта—осенью холодной, туманной и сырой. И вѣтеръ все носился надъ пустыннымъ берегомъ и вспѣненной рѣкой, носился и пѣлъ унылыя пѣсни...

Помѣщеніе подъ лодкой было лишено какого-либо комфорта: въ немъ было тѣсно, сыро, въ пробитое дно сыпались мелкія, холодныя капли дождя... врывались струи вѣтра... Мы сидѣли молча и страдали отъ холода. Мнѣ хотѣлось спать, помню. Наташа прислонилась спиной къ борту лодки, скорчившись въ маленькій комокъ. Обнявъ руками колѣни и

положивъ на нихъ подбородокъ, она упорно смотрѣла на рѣку, широко раскрывъ свои глаза... на бѣломъ пятнѣ ея лица они казались громадными отъ синяковъ подъ ними. Она не двигалась, и эта неподвижность и молчаніе—я чувствовалъ—постепенно родитъ во мнѣ страхъ передъ моей сосѣдкой... Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней, но я не зналъ, съ чего начать.

Она заговорила сама.

— Экая окаянная жизнь!..—внятно, раздѣльно, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ тонѣ произнесла она.

Но это не была жалоба. Въ этихъ словахъ было слишкомъ много равнодушія для жалобы. Просто человѣкъ подумалъ, какъ умѣлъ, подумалъ и пришелъ къ извѣстному выводу, который и высказалъ вслухъ и на который я не могъ возразить, не противорѣча себѣ. Поэтому я молчалъ. А она, какъ бы не замѣчая меня, продолжала сидѣть неподвижно.

— Хоть бы сдохнуть, что ли...—снова проговорила Наташа, на этотъ разъ тихо и задумчиво. И снова въ ея словахъ не звучало ни одной ноты жалобы. Видно было, что человѣкъ, подумавъ про жизнь, посмотрѣлъ на себя и спокойно пришелъ къ убѣжденію, что для охраненія себя отъ издѣвательствъ жизни онъ не въ состояніи сдѣлать что-либо другое, кромѣ того, какъ именно „сдохнуть“.

Мнѣ стало невыразимо тошно и больно отъ такой ясности мышленія, и я чувствовалъ, что если буду молчать еще, то навѣрное заплачу... А это было бы стыдно предъ женщиной, тѣмъ болѣе, что вотъ—она не плакала. Я рѣшилъ заговорить съ ней.

— Кто это тебя избилъ?—спросилъ я, не придумавъ ничего умнѣе.

— Да все Пашка же...—ровно и громко отвѣтила она.

— А онъ кто?..

— Любовникъ... Булочникъ одинъ...

— Часто онъ тебя бьетъ?..

— Да какъ напьется, такъ и бьетъ... Часто!

И вдругъ, придвинувшись ко мнѣ, она начала разсказывать о себѣ, Пашкѣ и существующихъ между ними отношеніяхъ. Она—„дѣвица изъ гуляющихъ, которыя“... а онъ булочникъ съ рыжими усами и очень хорошо играетъ на гармоникѣ. Ходилъ онъ къ ней въ „заведеніе“, и ей очень понравился, потому что человѣкъ онъ веселый и одѣвается чисто. Поддевка въ пятнадцать рублей и сапоги съ „наборомъ“ у него... По этимъ причинамъ она въ него влюбилась, и онъ сталъ ея „кредитнымъ“. А когда онъ сталъ ея „кре-

дитнымъ, то занялся тѣмъ, что отбиралъ у нея тѣ деньги, которыя ей давали другіе гости на конфеты, и, напиваясь на эти деньги, сталъ бить ее,—это бы еще ничего,—а сталъ „путаться“ съ другими дѣвицами на ея глазахъ.

— Али это мнѣ не обидно? Я не хуже другихъ прочихъ... Значитъ, это онъ издѣвается надо мной, подлецъ. Третьягодня я вотъ отпросилась у хозяйки гулять, пришла къ нему, а у него Дунька пьяная сидитъ. И онъ тоже подъ шефе. Я говорю ему: „Подлецъ ты, подлецъ! Жуликъ ты!“ Онъ избилъ меня всю. И пинками и за волосы—всячески... Это бы еще ничего! А вотъ порвалъ всю... это какъ теперь? Какъ я къ хозяйкѣ явлюсь? Все порвалъ: и платье и кофточку—новенькая еще совсѣмъ... пятишницу дали за нее!.. и платокъ сдернулъ съ головы... Господи! Какъ мнѣ теперь быть?—вдругъ взвыла она тоскующимъ, надорваннымъ голосомъ.

И вѣтеръ вылъ, становясь все крѣпче и холоднѣе... У меня снова зубы принялись танцовать. А она тоже ежилась отъ холода, придвинувшись настолько близко ко мнѣ, что я уже видѣлъ сквозь тьму блескъ ея глазъ...

— Какіе всѣ вы мерзавцы, мужчины. Растоптала бы я васъ всѣхъ, изувѣчила. Издыхай который изъ васъ... плюнула бы въ морду ему, а не пожалѣла! Подлыя хари!.. Канючите, канючите, виляете хвостомъ, какъ подлыя собаки, а поддастся вамъ дура, и готово дѣло! Сейчасъ вы ее и подъ ноги себѣ... Шематоны паршивые...

Ругалась она очень разнообразно, но въ ругательствахъ ея не было силы: ни злобы ни ненависти къ „паршивымъ шематонамъ“ не слышалъ я въ нихъ. Вообще тонъ ея рѣчи былъ несоотвѣтственно содержанію спокоенъ и голосъ грустно бѣденъ нотами.

Но все это дѣйствовало на меня сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ пессимистическихъ книгъ и рѣчей, которыхъ я слышалъ немало и раньше и позднѣе, и по сей день слышу и читаю. И это потому, видите ли, что агонія умирающаго всегда гораздо естественнѣе и сильнѣе самыхъ точныхъ и художественныхъ описаній смерти.

Мнѣ было скверно,—навѣрное, больше отъ холода, чѣмъ отъ рѣчей моей сосѣдки по квартирѣ. Я тихонько застоналъ и заскрипѣлъ зубами, И почти въ то же мгновеніе ощутилъ на себѣ двѣ холодныя маленькія руки,—одна изъ нихъ коснулась моей шеи, другая легла мнѣ на лицо, и вмѣстѣ съ тѣмъ прозвучалъ тревожный, тихій, ласковый вопросъ:

— Ты что?

Я готовъ былъ подумать, что это спрашиваетъ меня кто-то

другой, а не Наташа, только-что заявившая, что всѣ мужчины мерзавцы, и желавшая всѣмъ имъ гибели. Но она заговорила уже быстро и торопливо...

— Что̀ ты? а? Холодно, что ли? Смерзаешь? Ахъ, ты какой! Сидитъ и молчитъ... какъ сычъ! Да ты бы давно сказалъ мнѣ, что холодно, молъ... Ну... ложись на землю... протягивайся... и я лягу... вотъ! Теперь обнимай меня руками крѣпче... Ну вотъ, и должно быть тебѣ тепло теперь... А потомъ—спинами другъ къ другу ляжемъ... Какъ-нибудь скоротаемъ ночь-то... Ты что̀, запилъ, что ли? Съ мѣста прогнали?.. Ничего!..

Она меня утѣшала... Она меня ободряла...

Будь я трижды проклятъ! Сколько было ироніи надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте! Вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски-мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ, я въ то время всячески старался приготовить изъ себя „крупную активную силу“. И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны, и которому я не догадался помочь раньше, чѣмъ она мнѣ помогла сама, а если бъ и догадался, то едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ-либо.

Ахъ, я готовъ былъ подумать, что все это происходитъ со мной во снѣ, въ нелѣпомъ снѣ, въ тяжеломъ снѣ.

Но—увы!—мнѣ нельзя было этого подумать, ибо на меня сыпались холодныя капли дождя, крѣпко къ моей груди прижималась грудь женщины, въ лицо мнѣ вѣяло ея теплое дыханіе, хотя и съ легонькимъ букетомъ водки... но—такое живительное... Вылъ и стоналъ вѣтеръ, стучалъ дождь о лодку, плескались волны, и оба мы, крѣпко сжимая другъ друга, все-таки дрожали отъ холода. Все это было вполнѣ реально, и, я увѣренъ, никто не видалъ такого тяжелаго и сквернаго сна, какъ эта дѣйствительность.

А Наташа все говорила о чемъ-то, говорила такъ ласково и участливо, какъ только женщины могутъ говорить. Подъ вліяніемъ ея рѣчей, наивныхъ и ласковыхъ, внутри меня тихо затеплился нѣкій огонекъ, и отъ него что-то растаяло въ моемъ сердцѣ.

Тогда изъ моихъ глазъ градомъ полились слезы, смывшія съ сердца моего много злобы, тоски, глупости и грязи, накипѣвшей на немъ предъ этой ночью... Наташа же уговаривала меня:

— Ну, полно, миленькій, не реви! Полно! Богъ дастъ, поправишься, опять на мѣсто поступишь... и все такое...

И все цѣловала меня... много, безъ счета, горячо...

Это были первые женскіе поцѣлуи, преподнесенные мнѣ жизнью, и это были лучшіе поцѣлуи, ибо всѣ послѣдующіе страшно дорого стоили и рѣшительно ничего не давали мнѣ.

— Ну, не реви же, чудакъ! Я тебя завтра устрою, коли тебѣ некуда дѣваться...—какъ сквозь сонъ слышалъ я тихій, убѣдительный шопотъ...

...До разсвѣта мы лежали въ объятіяхъ другъ друга...

А когда разсвѣло, вылѣзли изъ-подъ лодки и пошли въ городъ... Потомъ дружески простились и болѣе не встрѣчались никогда, хотя я съ полгода разыскивалъ по всѣмъ трущобамъ эту милую Наташу, съ которой провелъ описанную мною ночь однажды осенью...

Если она уже умерла—какъ это хорошо для нея!—въ мирѣ да почіетъ! А если жива—миръ въ душѣ ея! Да не проснется въ душѣ ея сознаніе паденія... ибо это было бы страданіемъ излишнимъ и безплоднымъ для жизни...

1895.

ОШИБКА.

Эпизодъ.

Сельскій учитель не у дѣлъ, Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, опершись локтями о столъ и туго сжавъ виски ладонями, смотрѣлъ тупыми глазами на разсыпанныя предъ нимъ статистическія карточки и пытался выдавить изъ своихъ утомленныхъ работой мозговъ представленіе о томъ, что̀ же надлежитъ теперь дѣлать съ этими четырехугольными листами бумаги?

Это никакъ не удавалось ему. Въ головѣ глухо шумѣло, и ему казалось, что она налита чѣмъ-то густымъ и тяжелымъ, что̀ больно давитъ изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры съ карточекъ то вдругъ исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидѣтельствовали о чемъ-то; иногда онѣ уменьшались до крохотныхъ, неясныхъ каракулекъ и вдругъ вырастали въ крупныя, странныя и поджарыя фигуры. Кириллъ Ивановичъ слѣдилъ за ихъ игрой и чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то глубоко, вырастаетъ и формируется тяжелая и безпокойная мысль. Она еще была неясна ему, но она непремѣнно появится, и тогда ему будетъ еще хуже и больнѣе, чѣмъ теперь.

Послѣднее время его стали все чаще и чаще преслѣдовать эти мысли, гнетущія душу. Окрашивая все въ темный цвѣтъ, сырыя и холодныя, какъ осеннія тучи, онѣ оставляли за собой на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко всему. Было что-то роковое въ этой медленности, съ которой онѣ формировались въ сознаніи, и никогда и ничѣмъ ему не удавалось задержать ихъ ростъ и развитіе. Онъ дѣлалъ такія попытки: вставалъ изъ-за стола, ходилъ по комнатѣ и пѣлъ, или шелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, но онѣ заглушали пѣсню и всюду ползли за нимъ, не оставляя его и внѣ дома.

Сначала онъ упорно боролся съ ними, но потомъ увидалъ, что эта борьба не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій кромѣ утомленія души, и всегда ведетъ къ тому, что онѣ давятъ его сильнѣе, становясь сами образнѣе и ярче отъ его сопротивленія имъ. Тогда онъ уступалъ, и ужъ если чувствовалъ, что вотъ онѣ идутъ, то прямо ложился на диванъ и заложивъ руки подъ голову, безъ борьбы отдавалъ себя во власть имъ.

Такъ оставался онъ часа по два, по три, а иногда и по цѣлымъ ночамъ, какъ бы расколотый на двѣ части, причемъ одна, отъ времени становившаяся все меньше, жалобно и безпомощно слѣдила за другой, которою овладѣли эти тяжелыя думы, перетиравшія, подобно жерновамъ, все хорошее и свѣтлое, что̀ есть въ жизни, и все, чѣмъ надѣляетъ ее мечта, въ сухую, безцвѣтную, ѣдкую пыль.

Онъ лежалъ, упорно глядя въ потолокъ да слушая біеніе своего сердца и звукъ маятника часовъ въ комнатѣ квартирной хозяйки. Такъ-такъ! такъ-такъ!—мѣрно билъ маятникъ и точно подтверждалъ своимъ увѣреннымъ и твердымъ звукомъ справедливость того, что̀ навязывали думы сознанію Кирилла Ивановича. Наконецъ онъ привыкъ къ нимъ и только чувствовалъ смутный страхъ, когда онѣ давали знать о томъ, что идутъ на него. Потомъ этотъ страхъ временно исчезалъ, подавленный ихъ работой, и вдругъ черезъ нѣкоторое время являлся снова.

Но онъ являлся уже въ новой формѣ—въ формѣ тоскливой, чего-то ожидающей, неотвязной боязни, которая все возрастала и все напряженнѣе ждала какого-то страшнаго факта. Кириллу Ивановичу казалось, что вотъ появится нѣчто суровое и торжествующее, появится, станетъ у дивана и, грозя, ехидно скажетъ:

— А вѣдь я вижу, о чемъ вы это думаете. Вижу. Я все вижу; самомалѣйшій изгибъ вашего мозга мнѣ ясенъ. Какъ же вы рѣшаетесь думать о томъ, что̀ не подлежитъ вѣдѣнію вашему,—вѣдѣнію человѣка, къ жизни непричастнаго и отъ нея отторгнутаго, а? Какъ же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это васъ можно...—И онъ покажетъ, что̀ за „это“ можно сдѣлать съ человѣкомъ.

Представляя себѣ такую картину, Кириллъ Ивановичъ вздрагивалъ и жалобно смотрѣлъ на дверь.

Дверь была тоненькая и хлибкая, а крючокъ проволочный. Отъ посѣщенія этого всезнающаго существа она не оградитъ, и ничто не оградитъ отъ его посѣщенія. Кириллу Ивановичу казалось, что оно проникло бы и сквозь каменныя стѣны. И

въ ожиданіи его онъ страдалъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ и подозрительно присматриваясь къ каждому незнакомому человѣку,—страдалъ и чувствовалъ, что эта тоскливая боязнь съ каждымъ своимъ возрожденіемъ становится все сильнѣе и охватываетъ его все крѣпче, и вотъ-вотъ она возрастетъ, поглотитъ его... и тутъ ужъ воображеніе останавливалось передъ чѣмъ-то темнымъ и полнымъ леденящаго душу ужаса.

„Какъ избавиться отъ всего этого? — думалъ Кириллъ Ивановичъ въ болѣе свѣтлые моменты и отвѣчалъ себѣ:— Подчиниться. Пусть оно совершенно охватитъ меня, и тогда я перестану его чувствовать...“

И въ этотъ разъ онъ тоже хотѣлъ-было лечь на диванъ, но вдругъ услыхалъ торопливый скрипъ двери за своею спиной, быстрые шаги и утомленный голосъ:

— Вы дома? Ну, наконецъ нашелъ одного!.. Ф-фу!

Кириллъ Ивановичъ обернулся на стулѣ и увидалъ одного изъ знакомыхъ статистиковъ, котораго въ бюро прозвали Минорнымъ. Онъ сѣлъ на стулъ и, держа въ одной рукѣ бѣлую фуражку, другою вытиралъ со лба крупный потъ. Лицо у него было блѣдно и измято, глаза воспалены, и весь онъ производилъ впечатлѣніе человѣка крайне уставшаго.

Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ нему и крѣпко, молча, съ удовольствіемъ пожалъ ему руку. Этотъ человѣкъ своимъ появленіемъ отдалялъ приступъ думъ.

— Бѣгалъ по жарѣ, какъ сумасшедшій,—никого!—говорилъ Минорный, иначе —Петръ Васильевичъ Бабкинъ, съ неудовольствіемъ поджимая губы, и, зажмуривъ глаза, нервно провелъ по нимъ пальцемъ, какъ бы смахивая съ рѣсницъ что-то.

— А кого вамъ нужно?—хотѣлъ спросить Кириллъ Ивановичъ, но не успѣлъ.

— Вотъ видите что̀... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу ужъ. Двѣ ночи напролетъ возился, будетъ! Это свинство со стороны Ляхова и всѣхъ другихъ... Да, вѣдь я не сказалъ вамъ, въ чемъ дѣло... Этотъ... какъ его?.. Кравцовъ! Сошелъ съ ума... да. Третій день вотъ... Все, знаете, говоритъ, говоритъ, чортъ не разберетъ, что̀ такое! Впрочемъ, иногда очень сознательныя и умныя вещи. Ну, такъ вотъ... я былъ при немъ кряду два дня и больше не могу... Страшно усталъ. Онъ буенъ, если ему противорѣчить, лѣзетъ драться, а давать ему волю нельзя. Ерундитъ страшно! Началъ мазать стѣны ваксой... Раздѣлся донага и давай себѣ чистить щеткой голую грудь. Воображаетъ себя геніемъ добра и дерется. Смѣшно и жалко... И

утомительно. Бываетъ докторъ. Хлопочутъ о помѣщеніи в больницу, но все такъ медленно. А главное, возмутительн формальны и черствы мы всѣ! Приходятъ, знаете, посмотрят на него въ дверную щель, посочувствуютъ и удерутъ. Всѣм некогда, у всѣхъ какія-то дѣла явились. Я больше не могу увѣряю васъ! Пойдите вы, голубчикъ, а? Тамъ теперь Лы жинъ... Вы, я знаю, мало знакомы были съ этимъ несчаст нымъ; но развѣ это теперь не все равно? Не такъ ли? Вы пойдете?

— Да, я... конечно. Я могу... хоть сейчасъ!—медленно про тянулъ Кириллъ Ивановичъ.

— Именно сейчасъ!—внушительно и торопливо воскликнул Минорный и пояснилъ:—Этотъ Лыжинъ и остался тамъ толь на условіи, что его часа черезъ два смѣнятъ... Вотъ и пре красно... идите-ка! Вы сильный, вамъ это будетъ не трудн И какъ это я не догадался давеча прямо къ вамъ махнуть? Не измаялся бы такъ... Ну, такъ вы идете?

— Хорошо... идемте.

Минорный поднялся со стула, быстрымъ жестомъ бросил себѣ на голову фуражку, поправилъ ее и, отворивъ двер оглянулся на Кирилла Ивановича.

Послѣдній задумчиво и медленно натягивалъ на себя пальто закусивъ нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорнаго

— Знаете что̀, Ярославцевъ?—живо заговорилъ тотъ.— Вѣдь вамъ извѣстна его квартира? Такъ идите, милый, одинъ а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не повѣрите ну, чортъ знаетъ, до чего я...

Но заключительныхъ словъ его фразы Кириллъ Иванович уже не слыхалъ—Минорный унесъ ихъ съ собой въ глуб сѣней, и тамъ они были заглушены тонкимъ, взбудоражи вшимъ нервы Кирилла Ивановича визгомъ двери. Отъ этог визга онъ вздрогнулъ, скорчилъ болѣзненную гримасу и опу стился на стулъ, побужденный къ этому гнетущею тяжестью упавшею на него изъ сообщенія Минорнаго о печальном фактѣ.

Какъ только Минорный сказалъ фамилію Кравцова, Ки риллъ Ивановичъ воспроизвелъ передъ собой фигуру чело вѣка средняго роста, сухого, угловатаго, нервнаго, съ чер ными, всегда вздрагивавшими усами и съ горящимъ, блу ждающимъ взглядомъ миндалевидныхъ черныхъ же глазъ. П морщинистому бѣлому лбу этого человѣка страшно двигалис густыя брови, то вползая къ жесткимъ ершистымъ волосам то вдругъ спрыгивая внизъ и совершенно закрывая впадин глазъ. Въ разговорѣ онъ иногда удерживалъ одну бровь—

лѣвую, прижимая ее длиннымъ пальцемъ лѣвой же руки; это не мѣшало другой брови всползать къ волосамъ, и тогда все лицо говорившаго перекашивалось и принимало мучительно-острое выраженіе напряженнаго желанія проникнуть куда-то недосягаемо для другихъ, глубоко, и постичь что-то, непостижимое никому. Глаза же въ это время метали искры, и въ нихъ было цѣлое море не то тоски, не то мучительнаго восторга.

Давно уже всѣ считали его человѣкомъ ненормальнымъ, и онъ каждый день подтверждалъ такой взглядъ на себя, высказывая сегодня желаніе учиться математикѣ, чтобы постичь тонкости астрономіи; завтра—уйти въ деревню, чтобы обрѣсти тамъ равновѣсіе души; уѣхать въ Америку и бродить тамъ въ степяхъ, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочихъ теоріи соціализма; учиться музыкѣ, ремеслу, рисованію. Необходимость для себя всего этого онъ доказывалъ всегда увѣренно и ясно, а если его оспаривали—съ бѣшеною горячностью. Главнымъ источникомъ своихъ желаній онъ выставлялъ чувство самосохраненія.

„Ничего не дѣлая, погибнешь черезчуръ глупо для человѣка. Всѣ скоты дѣлаютъ нѣчто, я же человѣкъ и долженъ творить!“—вспомнилъ Кириллъ Ивановичъ двѣ его фразы. Принято было называть его „метафизикомъ“ за такія и другія въ этомъ же родѣ рѣчи. Онъ никогда не умѣлъ привести строго-логическихъ доводовъ въ пользу того или другого изъ своихъ воззрѣній, поступковъ, желаній и всегда отдѣлывался краткими афоризмами въ догматическомъ тонѣ, и за пристрастіе къ такимъ афоризмамъ считался человѣкомъ, живущимъ, прежде всего, для громкаго слова. Къ нему привыкли и не обращали на него особеннаго вниманія. Ляховъ—очень образованный и умный человѣкъ, крупный чиновникъ въ акцизѣ—говорятъ, любилъ его и считалъ за талантливаго человѣка, но безъ почвы и равновѣсія психическихъ рессурсовъ съ желаніями. Кириллъ Ивановичъ тоже не обращалъ на него вниманія и, встрѣчаясь съ нимъ, никогда не пытался ясно представить себѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, вполнѣ полагаясь на чуткость и вѣрность взгляда тѣхъ людей, которые дали Кравцову эпитетъ ненормальнаго и психопата.

Но теперь этотъ Кравцовъ вдругъ сталъ мучительно-интересенъ. Дней пять тому назадъ Кириллъ Ивановичъ вмѣстѣ съ нимъ катался въ лодкѣ, говорилъ и ничего особеннаго не замѣтилъ за нимъ. Кажется, онъ былъ даже меньше возбужденъ, чѣмъ обыкновенно. И вотъ этотъ-то самый человѣкъ

сошелъ съ ума. А тогда они сидѣли въ лодкѣ рядомъ, и онъ своимъ отрывистымъ стилемъ, но вѣско и вполнѣ ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывалъ, что демонизмъ, символизмъ и иныя болѣзненныя формы мысли есть бѣшеная, но необходимая реакція противъ распространенія матеріализма, и что кредитъ матеріализма скоро и непремѣнно будетъ подорванъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Кириллъ Ивановичъ снова вспомнилъ металлически-звенѣвшія фразы:

„Причина современнаго шатанія мысли — въ оскудѣніи идеализма. Тѣ, что̀ изгнали изъ жизни весь романтизмъ, раздѣли насъ донага; вотъ отчего мы стали другъ къ другу сухи, другъ другу гадки. Еще мы не настолько психически окрѣпли, чтобъ безъ вреда для себя до конца выслушивать правду. Кто знаетъ, можетъ-быть, высшая истина не только невыгодна, но и прямо-таки вредна намъ?“

„А что̀ же теперь говоритъ этотъ человѣкъ,—теперь, когда онъ сумасшедшій? И что̀ такое быть сумасшедшимъ?“

Кириллъ Ивановичъ вспомнилъ, что кто-то опредѣлилъ сумасшествіе, какъ преобладаніе дѣятельности какого-нибудь одного изъ свойствъ психики надъ всѣми другими, а еще кто-то—какъ пораженіе памяти какимъ-либо однимъ фактомъ или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружиннаго механизма: массы спиральныхъ пружинъ сокращаются и расширяются, взаимно сообщая другъ другу силу и движеніе, и изъ этого движенія рождается мысль. Вдругъ одна изъ пружинъ почему-то начинаетъ сокращаться сильнѣе другихъ—полная путаница среди остальныхъ, пока онѣ не возьмутъ новаго такта, или пока она не возьметъ стараго такта. Или вдругъ въ ихъ систему вторгается извнѣ нѣчто тяжелое, поражающее, и падаетъ какъ разъ на ту пружину, что̀ записываетъ прошедшее, и вотъ она, пораженная ударомъ, не можетъ уже больше отмѣтить чего-либо иного и вѣчно пишетъ одну и ту же мысль, воспроизводитъ одно и то же явленіе.

„Все это очень просто и очень жалко. Зачѣмъ нужно, чтобъ человѣкъ сходилъ съ ума? Развѣ на его долю мало всѣхъ иныхъ болѣзней и несчастій?“—подумалъ Кириллъ Ивановичъ и вспомнилъ, что ему нужно итти туда, къ больному.

Но онъ не всталъ и не пошелъ, а продолжалъ думать, сидя на стулѣ, въ пальто и фуражкѣ.

А вдругъ онъ сталъ теперь геніемъ?.. Вѣдь было доказано, что геніи—сумасшедшіе. Никто не разсказалъ, какъ создаются геніи. Можетъ-быть, сходя съ ума, т.-е. отдаваясь въ рабство идеѣ или порабощая идею...

Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣскольку разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, въ родѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ, и отъ этого получается рѣчь.

— Однако какъ это все просто!—и онъ довольно засмѣялся.— Декаденты—тонкіе люди. Тонкіе и острые, какъ иглы,—они глубоко вонзаются въ неизвѣстное,—съ удовольствіемъ, щелкнувъ пальцами, произнесъ онъ.

Дверь отворилась, и въ отверстіе просунулась голова квартирной хозяйки.

— Сидитъ одѣтый и смѣется и разговариваетъ самъ съ собой... Тоже занятіе! Самоваръ подавать, али уходите куда?

Хозяйка говорила ворчливо, а смотрѣла ласково. Глаза у нея были маленькіе, но живые; отъ нихъ къ вискамъ легли складки тонкихъ морщинокъ, и это придавало имъ улыбающійся блескъ.

Отъ ея рѣчи Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ себя какъ бы только-что возвратившимся откуда-то и очень утомленнымъ.

— Самоваръ? Нѣтъ... не надо!—и онъ махнулъ рукой.— Я ухожу... можетъ-быть, до утра. Знаете, одинъ мой знакомый сошелъ съ ума. Какъ вы полагаете, это что̀ такое?

— Чтой-то, Господи! Одинъ недавно пристрѣлился, другой сошелъ съ ума... ну, дружки у васъ!... ай-ай!... Что̀ такое—говорите? Извѣстно что̀—Божья воля.

— Божья воля?—задумчиво произнесъ Кириллъ Ивановичъ и зачѣмъ-то снялъ съ головы фуражку.—Это странно, знаете... очень странно... да!

— Который это сошелъ, русый, трепаный, въ сѣрыхъ штанахъ, или тотъ—веселый, въ золотомъ пенснэ?—спросила хозяйка.

На ея толстомъ, морщинистомъ лицѣ и въ тонѣ ея вопроса звучало много жалости, отчего Кириллу Ивановичу стало грустно.

— Нѣтъ, не эти, а знаете—черный, въ крылаткѣ, съ тростью и съ прыгающими бровями,—серьезно и тихо отвѣчалъ Кириллъ Ивановичъ и почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлѣ и на глазахъ навертываются слезы.

— Не примѣтила такого. Видно, рѣдко бывалъ, не встрѣ-

чала. Идите-инъ. Да долго-то не надо тамъ торчать... Самъ-то вонъ какой желтый сталъ!—сурово говорила хозяйка.

Кириллъ Ивановичъ снова надѣлъ фуражку, всталъ и молча пошелъ изъ комнаты, полный грустнаго чувства и утомленія.

— Дверь-то заприте!—крикнула вслѣдъ ему хозяйка.

— Не надо!—печально кивнулъ онъ головой.

Было уже около шести часовъ вечера, но іюльскій зной еще не растаялъ—имъ дышали и камни мостовой, и стѣны зданій, и безоблачное небо. Пыльные листья деревьевъ, перевѣшиваясь черезъ заборы, не шелестѣли; все было неподвижно и казалось напряженнымъ и ожидающимъ какого-то толчка.

Изъ открытыхъ оконъ бѣлаго дома на Кирилла Ивановича хлынула волна растрепанныхъ и негармоничныхъ звуковъ рояля; они безтолково запрыгали въ воздухѣ надъ его головой; онъ вздрогнулъ, остановился и оглянулся вокругъ, какъ бы желая посмотрѣть, что̀ сдѣлается съ улицей отъ этого шума. Но все оставалось неподвижнымъ, а звуки уже исчезли такъ же безсмысленно, какъ и явились.

„Кратко бытіе звука!“ — мелькнула у Кирилла Ивановича посторонняя мысль, и, какъ бы въ видѣ эха ея, въ немъ разлилось острое желаніе взять высокимъ фальцетомъ нѣсколько переливчатыхъ нотъ: а-о-э-о-а!—какъ это дѣлаютъ пѣвцы изъ народа. Но онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и пошелъ дальше, наклонивъ голову подъ наплывомъ стаи новыхъ мыслей и стараясь формировать ихъ въ слова, сообразно съ тактомъ шаговъ. Отъ этого каждое слово раздавалось гдѣ-то внутри его, какъ ударъ въ большой барабанъ. Эти думы въ тактъ шаговъ вызывали за собой ощущеніе пріятной легкости и пустоты въ груди, въ животѣ, во всемъ тѣлѣ. Казалось, что мускулы растаяли отъ жары, и остались только тонкіе, упругіе нервы, настроенные меланхолически-спокойно, но выжидательно, какъ и все кругомъ.

„О чемъ онъ теперь говоритъ и какъ думаетъ? — размышлялъ Кириллъ Ивановичъ о Кравцовѣ.—И что̀ я съ нимъ буду дѣлать? Понимать его, навѣрно, нельзя... Зачѣмъ же я при немъ буду?.. И съ какими моральными фондами? Съ любопытствомъ? или мнѣ его жалко, или такъ, по обязанности?.. Сумасшествіе—это почти смерть. Если онъ еще не совсѣмъ сошелъ съ ума, то я буду присутствовать при его агоніи. Замѣчательно, почему человѣкъ возбуждаетъ къ себѣ больше вниманія, когда онъ погибаетъ, а не тогда, когда онъ здравъ и въ безопасности? Иногда мы при жизни совер-

енно не замѣчаемъ человѣка, нимало не интересуемся имъ, вдругъ, услыхавъ, что онъ при смерти или померъ уже, алѣемъ, говоримъ о немъ.... Точно смерть или ея приблиеніе сближаютъ и насъ другъ съ другомъ. Тутъ, навѣрное, ть глубокій смыслъ... Если только тутъ нѣтъ крупной лжи, стари привычной намъ и поэтому незамѣтной для насъ. А жетъ, наблюдая чужую гибель, мы вспоминаемъ о необхомости погибнуть и самимъ намъ и вотъ жалѣемъ себя въ цѣ другого. Въ этомъ есть нѣчто хитрое и, пожалуй, поыднос... А впрочемъ, и все обыденное въ этой жизни— трое и постыдное... А вотъ сожалѣніе—жестоко... Жалость жестокость!.. Да вѣдь это два совершенно однородныя слова!.. дивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что о—синонимы по смыслу! Надо написать объ этомъ статью... усть одной ошибкой будетъ меньше".

Параллельно со своимъ открытіемъ, Кириллъ Ивановичъ зстановилъ въ памяти нѣкоторый случай изъ своей жизни деревнѣ. Какъ-то разъ у одного изъ крестьянъ упала въ рагъ телка и сломала себѣ обѣ переднія ноги. Чуть не вся ревня сбѣжалась смотрѣть на нее... А она, такая жалкая, жала на днѣ оврага и, жалобно мыча, смотрѣла на всѣхъ льшими влажными глазами и все пыталась встать, но снова дала. Толпа стояла вокругъ нея и больше съ любопытвомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями слушала ея стоны. И онъ тоже смотрѣлъ, хотя это было интересно и очень грустно. Вдругъ откуда-то появился знецъ Матвѣй, высокій, черный, суровый и выпачканный лями. Рукава у него были засучены, и въ одной рукѣ онъ жалъ тяжелую полосу желѣза. Вотъ онъ обвелъ всѣхъ рогимъ, тяжело укоряющимъ взглядомъ черныхъ глазъ, поотрѣлъ и на него, Кирилла Ивановича, и, нахмуривъ брови вдругъ качнувъ головой, громко сказалъ:

— Дураки! чѣмъ любуетесь?

А потомъ взмахнулъ своею желѣзиной и ударилъ телку по ловѣ! Ударъ прозвучалъ глухо и мягко, но черепъ все-таки скололся, и это было очень страшно. Телка больше не мыла и не жаловалась на боль своими большими и влажными азами... А Матвѣй спокойно ушелъ.

„Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ-быть, такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадежно больмъ. Морально это или не морально?"

— Ярославцевъ! стойте, вы куда? — раздался звучный рикъ.

Кириллъ Ивановичъ вздрогнулъ и оглянулся. На крыльцѣ

хорошенькаго домика стоялъ Лыжинъ, засунувъ руки въ к
маны, и улыбнулся. Тогда Кириллъ Ивановичъ сообрази
что вѣдь тутъ именно и живетъ Кравцовъ.

— Я къ вамъ... то-есть къ нему...

— Ага! Ну, вотъ спасибо, что поторопились, а то у ме
знаете, работищи безъ конца, и все спѣшно, никуда не
хожу даже. Это вотъ Минорный вытащилъ меня, соску
впись слушать премудрости Кравцова. Все, знаете, говори
Только сейчасъ задремалъ. Докторъ опредѣлилъ, что п
все это не опасно, просто сильное нервное возбужденіе
только; по-моему—тоже. Говоритъ онъ, право, не безсмысл
нѣе, чѣмъ всегда говорилъ, но вотъ много черезчуръ—
такъ. Ну, такъ вы мнѣ позвольте улетучиться. Придетъ,
вѣрное, Ляховъ; скажите ему: докторъ былъ и рекомендов
кали, кали и кали... До свиданія.

Онъ протянулъ Ярославцеву руку, тотъ молча стиснулъ
и, задержавъ въ своей рукѣ, шопотомъ спросилъ:

— Отчего это онъ, по-вашему?

— Отчего? Гм... Какъ это скажешь? Знаете, всегда в
онъ былъ съ зайцемъ въ головѣ... Навѣрное, данъ рѣшите
ный толчокъ... Какой? Кто знаетъ?.. Захочетъ пить—дава
изъ бутылки на окнѣ, это тоже какая-то умиротворяю
спеція, въ родѣ кали. Ну-съ, иду! Addio!

Онъ перекинулъ на руку пальто и пошелъ. Кириллу И
новичу хотѣлось крикнуть вслѣдъ ему: „Погодите!“, но Л
жинъ въ это время самъ обернулся на ходу и почему-то
улыбкой произнесъ:

— Завтра, навѣрное, все оформится и его отправятъ.

И, снова перекинувъ пальто съ руки на руку, быстро
шагалъ по улицѣ.

Ярославцевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ сооб
жать, что̀ ему теперь дѣлать: итти въ комнату, гдѣ лежи
тотъ, или ожидать здѣсь, когда онъ проснется и заговори
Ему представлялось, что какъ только Кравцовъ проснет
такъ сейчасъ же выкрикнетъ высокую, звонкую ноту, всл
за ней начнетъ говорить быстро и громко, такъ, какъ го
рятъ бойкія бабы-торговки, и такъ, что это будетъ поход
на барабанную дробь.

Онъ думалъ и шелъ, наклонивъ голову, не отдавая с
отчета въ томъ, куда идетъ, вдругъ объятый какимъ-то
талистическимъ спокойствіемъ. Всѣ его думы вдругъ к
бы сгорѣли, и на душу ему осыпался ихъ пепелъ,—о
пался и покрылъ ее теплымъ пластомъ тихой печали
чемъ-то...

Скверный аптечный запахъ заставилъ ее очнуться въ то ремя, когда онъ стоялъ передъ дверью въ маленькую комату, въ которой царилъ хаотическій безпорядокъ: стулья ыли сдвинуты на середину и стояли неправильнымъ полуругомъ передъ койкой; на полу валялись рваныя бумажки, ниги, грязные черепки тарелки, красный вязаный шарфъ кожаная сумка. Передъ койкой стоялъ круглый столъ съ птечными бутылками и стаканомъ жидкаго чая. Изъ-за доки этого стола не видно было головы человѣка, спокойно ытянувшагося, вверхъ грудью, на койкѣ. Одно изъ двухъ конъ комнаты было завѣшено синею тряпкой, другое затавлено банками цвѣтовъ, и сквозь нихъ видны были куты шиповника, акаціи и спрени въ палисадникѣ.

Быстро осмотрѣвъ все это, Кириллъ Ивановичъ поднялся а цыпочки, поднявъ кверху указательный палецъ правой уки, какъ бы предостерегая отъ чего-то самъ себя, и двиулся къ койкѣ, плавно взмахивая въ тактъ своихъ движеій лѣвой рукой. Подойдя къ столу, онъ нагнулся черезъ его и, удерживая дыханіе, заглянулъ въ лицо больного.

Оно очень похудѣло съ той поры, какъ Кириллъ Иваноичъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, но и только. Вообще же но было спокойно, какъ у всѣхъ спящихъ людей. Кириллъ Івановичъ облегченно вздохнулъ. Онъ представлялъ себѣ, то эта болѣзнь наложила на лицо Кравцова какой-нибудь родливый отпечатокъ, искривила, изломала его. И онъ отоіелъ прочь, улыбаясь, въ высшей степени довольный своей шибкой. Ему нравилось, что все это такъ просто.

Но вдругъ, обернувшись въ сторону, онъ увидалъ, что со тѣны на него смотритъ чье-то искривленное странной улыбой лицо, блѣдное, съ прищуренными глазами и все дрожадее отъ сдерживаемаго возбужденія. Въ уровень съ этимъ ицомъ была поднята рука съ вытянутымъ указательнымъ альцемъ,—она какъ бы грозила Кириллу Ивановичу и вмѣгѣ съ лицомъ была полна ехиднаго торжества надъ нимъ.

По жиламъ Кирилла Ивановича вмѣстѣ съ кровью проілась холодная тоска, сжавшая ему сердце предчувствіемъ его-то неотразимаго и рокового, и, подавленный ею, онъ ихо опустился на стулъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что одъ кожей лѣваго бока у него вздуваются и тотчасъ же опаются какіе-то пузырьки, отчего ему стало холодно и такъ оскливо-непріятно. Онъ снова всталъ, стараясь не смотрѣть а ту стѣну, съ которой ему грозили, и съ гнетущимъ ужаомъ вспоминая, гдѣ онъ видѣлъ раньше это исковерканное ицо, въ которомъ есть черты, очень близко знакомыя ему?

„Неужели это оно... то существо, которому все извѣстно
Передъ Кирилломъ Ивановичемъ вдругъ распахнулась те
ная пропасть безъ дна и края, полная безформеннаго гн
тущаго мрака. Онъ заглянулъ въ нее и отшатнулся въ ужас
крѣпко зажмуривъ глаза. Его тянуло внизъ, и онъ почу
ствовалъ, что если не откроетъ глазъ, то сейчасъ же пол
титъ туда и будетъ летѣть безъ конца, замирая отъ стра
и съ каждою секундой все сильнѣе ощущая его.

Онъ дрогнулъ, быстро взглянулъ передъ собой и вздохну
свободно и легко: онъ былъ тутъ, въ комнатѣ Кравцова,
подъ ногами у него былъ полъ, твердый полъ, въ чемъ К
риллъ Ивановичъ и убѣдился, сильно надавивъ его ного
Тогда ему снова страстно захотѣлось еще разъ взглянуть ту
на стѣну... Осторожно приподнимаясь со стула и въ то
время поворачиваясь назадъ, онъ увидалъ его, это лицо;
теперь оно было только жалко и, выражая напряженное
боязливое ожиданіе чего-то, замерло въ этой минѣ. Тутъ о
узналъ себя, ибо это онъ былъ весь исполненъ ожиданія
боязни.

„Это зеркало... Д-да-а!“—догадался онъ и увидѣлъ, ч
рама зеркала была сверху, справа и слѣва закрыта повѣше
нымъ на него бѣлымъ полотенцемъ, а снизу ее скрыва
рамки карточекъ; обои комнаты были тоже бѣлые,—во
почему зеркало было незамѣтно и такъ напугало его. Но а
открытіе не убило въ немъ тоскливаго предчувствія, даже е
принесло съ собой нѣчто, подчеркивающее это предчувств
Кириллъ Ивановичъ, глядя на свое отраженіе, задумался.

„А вѣдь это я самъ схожу съ ума!“—вдругъ проник
онъ весь острою мыслью, вызвавшею во всемъ его сущест
холодную дрожь и тихую, ноющую боль, точно всѣ его м
скулы сразу напитались промозглою и влажною сыростью п
греба. Ему захотѣлось кричать, звать себѣ на помощь, и о
почувствовалъ, что уже оторвался отъ земли и падаетъ куд
то сквозь палящіе зноемъ слои воздуха. Въ его груди несте
пимо-непріятно заныло; онъ схватился за нее руками и ста
крѣпко растирать ее. А въ головѣ билась уничтожающ
мысль и, не затемняя ея, кружились еще какіе-то обрыв
мыслей, воспоминаній, цѣлый вихрь, точно въ его мозга
все было разорвано, разбито, исковеркано и въ ужасѣ ра
бѣгалось передъ нею, передъ этою мыслью о сумасшестві
деспотически поработившей все, что было до нея. Онъ о
крылъ ротъ, глубоко вздохнулъ и, вобравъ въ себя страш
много пахучаго воздуха комнаты, напрягъ грудь, что
крикнуть.

— Дуракъ! Противная рожа!—раздался презрительный и насмѣшливый голосъ.—Что̀ ты строишь себѣ гримасы, когда ты самъ есть не болѣе, какъ гнусная гримаса природы? Шпіонъ! Что̀ можетъ быть пакостнѣе? Ф-фа!..

Кириллъ Ивановичъ быстро обернулся съ выпяченною впередъ грудью. Съ койки, упершись локтями въ подушку и подпирая подбородокъ ладонями, смотрѣлъ на него Кравцовъ воспаленными глазами, полными ядовитой ироніи и лихорадочнаго блеска. Усы его ехидно вздрагивали, и брови медленно всползали кверху, къ щетинистымъ волосамъ, столвшимъ на головѣ ершомъ. Губы были искривлены въ сардоническую улыбку; онъ поводилъ ноздрями; все лицо его неустанно содрогалось, образуя тутъ и тамъ кривые узоры морщинъ, и онъ былъ уродливъ и страшенъ.

„Вотъ кто сумасшедшій!“ — вспыхнулъ новою мыслью Кириллъ Ивановичъ, и эта новая мысль уничтожила ту, которая угнетала его до этого момента.

Онъ выдохнулъ изъ себя цѣлый столбъ воздуха и почувствовалъ, что весь холодъ и ужасъ, сковавшіе его мозгъ, исчезли. Ему было невыразимо пріятно смотрѣть на искаженное лицо Кравцова, и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ ярче сознавалъ себя, легче становилось въ его груди.

„Вотъ что̀ значитъ—сумасшедшій!—воскликнулъ онъ внутренно. — На кого онъ похожъ?.. На того дьявола, котораго одинъ святой поймалъ въ своемъ рукомойникѣ и запечаталъ его тамъ на мученія своимъ крестнымъ знаменіемъ!“

Это сравненіе еще болѣе подняло Кирилла Ивановича въ своихъ глазахъ, и онъ сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, съ глубокой вѣрою въ себя и съ восхищеніемъ подумалъ:

„Развѣ это не вѣрно? Развѣ человѣкъ съ мыслью, затемненной безуміемъ, способенъ на такой широкій шагъ въ прошлое за образомъ, нужнымъ его мысли?“

А Кравцовъ все говорилъ ѣдкія слова, не сводя пылающихъ глазъ съ Кирилла Ивановича.

— Слушай, ты—шпіонъ!

Кириллъ Ивановичъ взялъ стулъ, подвинулъ его къ койкѣ и съ пріятной улыбкой сѣлъ на него, протягивая руку Кравцову и говоря:

— Маркъ Даниловичъ, что̀ съ вами? Это же я!

— Ну да, это ты! Я знаю, ты -это ты, шпіонъ, и пришелъ наблюдать, какъ я думаю. Ха-ха! Ты не узнаешь, не откроешь ни одной моей мысли. А я спасу ихъ всѣхъ, ибо знаю, что̀ имъ нужно... Я понялъ!

— Маркъ Даниловичъ! — убѣдительно, ласково и радостно говорилъ Ярославцевъ.—Развѣ вы меня забыли?

— Тебя? Забыть? Нѣтъ, васъ нельзя забыть, вы—всюду... Вы—это мухи, вы—это тараканы, клопы, блохи, пыль, камни стѣнъ! Вамъ прикажутъ — и вы принимаете на себя всѣ формы, воплощаетесь во все, изслѣдуете все... и слѣдите какъ, о чемъ и зачѣмъ люди думаютъ. Но вы все-таки слабы. Я же—могучъ! Во мнѣ пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта, выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышится. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну, гдѣ воздухъ слишкомъ чистъ для васъ и гдѣ поэтому вы не можете жить. Тамъ я напою моихъ братій изъ кастальскаго источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни подвиговъ... къ жизни всепрощенія и возсозданія человѣка! А вы, какъ египтяне, погонитесь за нами и исчезнете, потонете, захлебнетесь въ морѣ собственной гнусности и найдете смерть! Ибо вы въ себѣ носите смерть!

„Это онъ о чемъ?“ — думалъ Кириллъ Ивановичъ, понемногу теряя свою радость подъ торжественныя и громкія рѣчи Кравцова, глаза котораго испускали острые, свѣтлые лучи, коловшіе Кирилла Ивановича въ лицо и грудь тонкими палящими уколами.

„А! онъ вѣдь читалъ отцовъ церкви... зачѣмъ-то... Августина и Оригена... и Златоуста... да... Зачѣмъ онъ это читалъ? Развѣ нечего читать кромѣ? Значитъ, онъ давно ужъ... того... Очень смѣшной человѣкъ!.. О чемъ онъ говоритъ? Ба!— внезапно просіялъ Кириллъ Ивановичъ. — Онъ меня называетъ шпіономъ,—значитъ, у него манія преслѣдованія! Онъ говоритъ про себя: „Я, какъ Моисей!“—значитъ, у него манія величія! Господи, какъ все это просто! Наука! Вотъ наука. Она всегда, какъ факелъ. Бѣдный человѣкъ!“

И Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ сейчасъ заплачетъ отъ жалости къ Кравцову, снова охваченный теплымъ и радостнымъ сознаніемъ правильности своей мысли.

А съ его бѣдною мыслью творилось что-то странное: то она опускалась въ какой-то мрачный ухабъ, теряя горизонты, то вдругъ поднималась куда-то высоко и свободно охватывала собой огромное пространство; то текла медленно и лѣниво, какъ бы изнемогая; то быстро стремилась къ чему-то, задѣвая по дорогѣ массу разнообразныхъ предметовъ; и снова точно падала внизъ и исчезала. Тогда Кириллъ Ивановичъ чувствовалъ только тревожное біеніе своего сердца и больше ничего.

Кравцовъ вдругъ весь извился змѣей и сѣлъ на койкѣ, въ одномъ бѣльѣ, съ раскрытою грудью, возбужденный и мрачно-торжественный.

— Ты, слушай! Я пойду и созову всѣхъ ихъ въ поле. Тамъ соберемся всѣ мы, нищіе духомъ, и грустно уйдемъ отъ жизни нищіе духомъ! Но не радуйся! И всѣ твои—пусть они не радуются нашему пораженію, хотя мы и признаёмъ его, ибо уходимъ изъ жизни съ разбитыми щитами надеждъ въ рукахъ и безъ брони вѣры, потерянной нами въ битвахъ. Мы воротимся, богатые силой творить и вооруженные крѣпкою вѣрою въ себя, ея же нѣтъ крѣпче оружія! Ты понялъ? И мы укроемся свѣжими цвѣтами мечты о счастьѣ. Ты пустишь меня на этотъ подвигъ? За то я, по возвращеніи въ жизнь, прощу тебя перваго и первому тебѣ въ гнусное сердце дуну духомъ возрожденія. Эй, ты, камень! Пусти меня!

„Кого онъ хочетъ спасать и обновлять?“ — медленно вертѣлись мысли въ головѣ Кирилла Ивановича.

Ему уже снова не жалко было Кравцова, онъ даже немного злился на него за то, что онъ, не переставая, говорилъ свои торжественныя слова, и они, звеня въ головѣ Кирилла Ивановича, мѣшаютъ ему уловить нѣкоторую важную мысль. Дѣло въ томъ, что въ головѣ Кирилла Ивановича все вдругъ окрасилось въ разные цвѣта, онъ ясно почувствовалъ и видѣлъ это: передъ его глазами плавали и кружились круглыя пятна — желтыя, синія, красныя. Ихъ было много, всѣ они быстро вертѣлись, и изъ нихъ выбивалось и никакъ не могло выбиться одно, ярко-зеленое и многообѣщающее. Это непремѣнно что-нибудь о вѣрѣ. Но голосъ Кравцова сотрясалъ воздухъ, и все дрожало, сливалось, путалось между собой.

„Ахъ, какъ онъ громко! — съ тоской воскликнулъ про себя Кириллъ Ивановичъ.—Чего онъ хочетъ? Э, уродъ! Что такое—вонъ изъ жизни?“

Кириллъ Ивановичъ вспомнилъ какую-то картинку, на ней былъ изображенъ человѣкъ съ дудочкой во рту. Онъ стоялъ на берегу рѣки и игралъ на своей дудочкѣ, а къ нему со всѣхъ сторонъ бѣжали крысы и мыши. Въ этомъ человѣкѣ было что-то общее съ Маркомъ Кравцовымъ. Смѣшно! И Кириллъ Ивановичъ вдругъ расхохотался, качаясь на стулѣ изъ стороны въ сторону.

Кравцовъ откинулся назадъ, оперся спиной о стѣну и замолчалъ, наклонивъ на грудь голову.

— Вотъ... торжествуетъ Іуда! — громко прошепталъ онъ, исподлобья глядя на Кирилла Ивановича.

Тотъ дрогнулъ и испуганно уставился на Кравцова. Они

долго молча разсматривали другъ друга—Кириллъ Ивановичъ выжидательно и робко, а Кравцовъ—пытливо и угрюмо. Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ, что лучистые глаза больного притягиваютъ его къ себѣ, и, наклонясь на стулѣ, облокотился у ногъ Кравцова о койку.

Стало тихо. На улицѣ уже стемнѣло, и отъ кустовъ палисадника на стекла окопъ и подоконники легли вечернія тѣни. Наконецъ Кравцовъ вдругъ улыбнулся и тихо сказалъ:

— А вѣдь я васъ знаю.

— Конечно,—утвердительно кивнулъ головой Кириллъ Ивановичъ и добавилъ почти шопотомъ:—Вы бы говорили. А то очень страшно... уже ночь.

— Говорить? Съ вами? Вѣдь я васъ знаю! Вы—Ярославцевъ, статистикъ? Вамъ теперь стыдно?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего. Но страшно.

— Да! Это такъ! Страшно! Бойтесь будущаго! Въ немъ вашъ итогъ.

Они оба теперь говорили шопотомъ и оба старались сказать каждую новую фразу еще тише, чѣмъ предыдущую. Несмотря на сумракъ въ комнатѣ, Кириллъ Ивановичъ еще видѣлъ лицо Кравцова и сардоническую улыбку на немъ. Его все сильнѣе тянуло къ этому человѣку съ лучистыми глазами.

— Итогъ, вы говорите?—спросилъ онъ, помолчавъ.—Это что же?

— Это подсчетъ всѣмъ мерзостямъ вашей жизни. Безпристрастный подсчетъ,—внушительно прошепталъ Кравцовъ.—Вы думаете, что вашею статистикой и ограничивается все, да?.. Нѣтъ, вы ошиблись, человѣкъ! Есть еще статистика совѣсти, ею управляю я! Я не даю пощады... и знаю цѣну факта! Я васъ уже подсчиталъ!

— Не надо пугать человѣка!—жалобно попросилъ Кириллъ Ивановичъ собесѣдника.

— Человѣка—да, но шпіона—надо! Зачѣмъ вы шпіонъ? Зачѣмъ вы слѣдите, какъ я думаю? Боже мой, вѣдь я только думаю! Отъ этого вредно мнѣ и только мнѣ! Думать—это даже благонамѣренно, потому что отъ думъ человѣкъ погибаетъ самъ, и вы не тратите своихъ копеекъ на то, чтобы погубить его!

Шопотъ Кравцова вдругъ порвался, и металлически звякнуло громкое слово:

— День-ги! А, да... вы хотите денегъ за мою свободу думать? Вы продаетесь? Сколько?

— Послушай!—сказалъ убѣдительно, но все-таки шопо-

томъ Кириллъ Ивановичъ.—Не кричи, услышатъ! Они всегда близко!

— Услышатъ?.. А ты тоже боишься? Почему же? Вѣдь ты мерзавецъ, и тебѣ можно говоритъ громко, а?.. Слушай, пусти меня! Я иду дѣлать простое и полезное дѣло. Оно легально, увѣряю тебя. Я хочу вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свои пятна, есть все-таки самые свѣтлые люди въ жизни... Они погибаютъ отъ тоски одиночества и вашего гоненія на нихъ. Они, видишь ли, задыхаются въ смрадѣ жизни, которымъ ты дышишь легко. Это твоя стихія... но они... Дай мнѣ спасти ихъ!—крикнулъ онъ громко.

Кирилла Ивановича охватила волна ѣдкой злобы. Онъ всталъ передъ койкой и тихо, оскорбительно-ясно зашипѣлъ въ лицо Кравцову:

— Ты не кричи! Я тебѣ скажу... Ты—сумасшедшій, вотъ что! Понимаешь? Ты со-шелъ съ у-ма! Да... Спасти!.. кого? Я Ярославцевъ, Кириллъ Ярославцевъ, а ты—сошелъ съ ума!.. Лягъ! Понялъ?! Ну?!.. И все...

Онъ снова опустился на стулъ, тяжело дыша и часто моргая глазами. Кравцовъ схватилъ себя за голову и страшно закачался изъ стороны въ сторону.

Снова стало внушительно и пугающе тихо. Взошла луна, и въ душный сумракъ комнаты черезъ окно влился голубой свѣтъ и легъ полосой на полу.

Вспышка злобы ослабила Кирилла Ивановича, а страхъ передъ будущей минутой все росъ въ немъ. Въ тишинѣ и глубокомъ полумракѣ комнаты безмолвно совершалось нѣчто таинственное и стройное—происходила какая-то разрушительная работа.

На голубую полосу луннаго свѣта, лежавшую на полу, пали узоры тѣней отъ цвѣтовъ на окнѣ, и вмѣстѣ это походило на нѣкоторую хартію, исчерченную мрачными іероглифами, говорившими о глубокихъ тайнахъ жизни и о безсиліи ума передъ ними. Кириллъ Ивановичъ взглянулъ на это и быстро отвернулся, ощущая въ груди какіе-то толчки.

— Все кончается! —тихо прошепталъ онъ, и ему стало невыразимо грустно.

Кравцовъ поднялъ голову и молча посмотрѣлъ на него, двинувъ бровями. Кириллъ Ивановичъ вдругъ заплакалъ, обнялъ его ноги, крѣпко сжалъ ихъ и гнулся въ нихъ своею головой, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Мнѣ... страшно..

— Будущаго?—тихимъ и торжествующимъ восклицаніемъ

спросилъ Кравцовъ, нагибаясь надъ нимъ и весь вздрагивая мелкою дрожью.

— Говорите все съ начала... говорите!—шепталъ Кириллъ Ивановичъ.

— Ага! Я побѣдилъ еще одного!—тоже шепталъ Кравцовъ, отдирая его голову отъ своихъ ногъ.—Это хорошо... Побѣда... съ перваго шага!.. Ты каешься, да?.. Садись... иди сюда, я разскажу тебѣ все.

Онъ пытался отнять руки Кирилла Ивановича отъ своихъ ногъ, стиснутыхъ ими, и поднять его голову, но Кириллъ Ивановичъ не уступалъ ему, все крѣпче прижимаясь и что-то бормоча сквозь рыданія.

Наконецъ Кравцовъ оставилъ его въ покоѣ; наклонясь надъ нимъ, онъ уперся руками въ койку и заговорилъ тихо, но торжественно и важно:

— Ты знаешь людей въ плѣну жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они нѣкогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами... Вотъ о нихъ-то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать... И вотъ ихъ я соберу воедино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія. Ты видишь—будка, а не коммуна, не фаланстеръ—это легально, не правда ли? А я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что̀ знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для знанія, ибо я знаю всѣ ихъ плюсъ—мое знаніе!.. Мы источимъ по каплѣ соки наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроивъ зданіями счастья! Среди насъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія, и на вершинѣ ея, подъ стеклянным колпакомъ, буду вѣчно вращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что̀ вручены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески справедливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ одну обязанность—творить. Твори, ибо ты человѣкъ!—прикажу я каждому. Это будетъ грандіозно! И когда мы создадимъ свое царство, въ которомъ все будетъ въ гармоніи, то созовемъ всѣхъ шпіоновъ и всѣхъ сильныхъ земли, и всѣ глупые народы созовемъ, и скажемъ имъ: „Вотъ—вы гнали насъ, а мы создали вамъ вѣчный образъ жизни! Вотъ вамъ онъ, слѣдуйте ему! Мы же, возрожденные изъ пепла, идемъ творить, вѣчно творить... Вотъ

наша задача". И мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ крезовъ богатствомъ духа и силы жить. Побѣда!.. Тогда я скажу всему міру: „Люди, одѣнѣтесь въ свѣтлое, ибо ночь исчезла и не придетъ больше". Вотъ какую идею родилъ я изъ несчастій и мукъ моей жизни, я, гонимый и затравленный, я, измученный. Ты хочешь быть?—твори новое! Дай что-нибудь людямъ, дай имъ, ибо они—жалки и бѣдны! Тогда какъ ты—со мной, значитъ—ты объединился съ истиной. Ты будешь первый ученикъ мой—не плачь! Мы вмѣстѣ будемъ творить! Эй, ты, ребенокъ, ты слабъ еще! Ты тоже оскорбленъ? Ничего! Скоро ты возродишься къ жизни новой, къ жизни, въ которой мы будемъ принимать участіе и будемъ вслухъ, громко, безъ боязни говорить обо всемъ, о чемъ хотимъ, а? Ты не вѣришь мнѣ, человѣкъ? Вѣрь!.. Хотя это кажется и несбыточнымъ, но вѣрь все-таки. Я твой добрый геній, я орелъ будущаго! Ручаюсь тебѣ, что всѣ слова твоего сердца и ума получатъ жизнь, ихъ услышатъ, надъ ними будутъ думать, ихъ поймутъ, и ты получишь должное—славу человѣка, который жилъ для жизни и людей. Вѣрь мнѣ, мы напьемся изъ полной чаши жизни и всѣ наши чувства будутъ звучать звуками удовлетворенія. Знаешь ты, что̀ сказалъ Григорій Богословъ о Юліанѣ, который и есть отвлеченная формула отступленія отъ истины и угнетенія вѣры? И ты, можетъ-быть, какъ всѣ, тоже думалъ, что Юліанъ—это цезарь? Голубчикъ! Не вѣрь этой пошлой истинѣ, она стара: возьми изъ нея идею, но забудь о ней. Жизнь—въ будущемъ, и тамъ она наша. Въ прошломъ только идеи, тамъ нѣтъ лицъ. А мы съ тобой есть лица и потому возьмемъ идеи, которыя нужны намъ для ступенекъ къ лѣстницѣ счастья, по которой мы войдемъ въ вѣчное блаженство, какъ ангелы во снѣ Іакова, какъ творцы жизни, обновители духа!

Его торжественный шопотъ превратился наконецъ въ потокъ словъ, все рѣже и рѣже оживлявшійся мыслью, и наконецъ просто въ слова безъ смысла, связанныя между собой, казалось, только единствомъ звука. Онъ говорилъ возбужденно и внушительно, сверкая глазами на Кирилла Ивановича.

— Спасеніе... Паскаль... пока...

Кириллъ Ивановичъ давно уже поднялъ голову и сталъ передъ койкой на колѣни, все обнимая ноги Кравцова. Теперь онъ закинулъ голову немного назадъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ въ лицо Кравцова, не отрываясь ни на секунду отъ него.

На полу все еще лежала эта голубая хартія луны и тѣней, но начертанные на ней іероглифы измѣнились, стали проще

формой, но еще темнѣе цвѣтомъ. Вся комната была заполнена волнующимися звуками торжественнаго шопота. Тихая и темная ночь смотрѣла въ окно.

Двѣ человѣческія фигуры, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, не обращали вниманія на то, что въ дверь поочередно заглядывали то голова женщины въ черномъ платкѣ, то голова мужчины въ шапкѣ и съ черной бородой. За дверью тоже слышался шопотъ. А Кравцовъ, все такъ же упираясь руками въ койку, склонился къ лицу Кирилла Ивановича и все говорилъ, говорилъ. Это продолжалось почти до разсвѣта. И уже когда мгла за окномъ посѣрѣла, онъ, измученный, свалился на подушку и сразу замеръ.

Кириллъ Ивановичъ быстро всталъ, пугливо оглянулся и подскочилъ къ нему. Разсвѣтало. Онъ сдернулъ съ себя пальто, занавѣсилъ имъ окно и, снова подойдя къ койкѣ, прошепталъ:

— Ничего, говори!

Но Кравцовъ, должно-быть, уже не могъ говорить; онъ только кивнулъ головой и, вздохнувъ, отвернулся къ стѣнѣ. Тогда Кириллъ Ивановичъ сѣлъ у него въ ногахъ на койку и, обнявъ свои колѣни руками, сталъ смотрѣть глазами любви и восторга на созидателя будки всеобщаго спасенія.

На четырехугольномъ бѣломъ пятнѣ подушки его черная голова сначала выдѣлялась рѣзко, а потомъ стала таять и растаяла. Тогда на мѣстѣ ея появилась желтая, безбрежная и сухая пустыня, и въ ней все трупы... много труповъ людей, лежащихъ въ разныхъ позахъ и отдыхающихъ отъ утомленія въ пути. А далеко на краю пустыни сіялъ кроваво-красный шаръ, спускаясь куда-то внизъ, а съ неба падали мягкія и темныя тѣни, окутывая усталыхъ людей... Потомъ наступила ночь, явился сонъ, и раздался въ тишинѣ пустыни бредъ спящихъ. Среди нихъ одинъ человѣкъ не спалъ, стоя среди нихъ и зорко глядя въ небо, гдѣ было много звѣздъ, а ниже ихъ неподвижно стояли въ воздухѣ три черныя точки. Это были орлы пустыни, и человѣкъ смотрѣлъ на нихъ подозрительно и въ ожиданіи.

И потомъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ дорогу, заполненную исходящими изъ плѣна жизни людьми. Ихъ было много. Среди нихъ были и дѣти; они плакали на рукахъ матерей и отцовъ. А отцы и матери молча шли въ пыли и въ рубищахъ, и черезъ ихъ глаза Кириллъ Ивановичъ видѣлъ ихъ души въ тоскѣ и въ лохмотьяхъ, изорванныя, изношенныя души много страдавшихъ людей. Впереди всѣхъ шелъ онъ, великій человѣкъ, котораго всѣ слушались и на котораго

смотрѣли съ надеждой, а рядомъ съ нимъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ себя. Являлась тьма и все скрывала собой.

И онъ, Кириллъ Ивановичъ, видѣлъ работу созиданія будки всеобщаго спасенія... и снова тьму... И видѣлъ торжественное возвращеніе въ жизнь... И снова тьму... И наконецъ только тьму, которой не было края и дна и которая дышала на него, въ лицо ему и въ душу печальнымъ холодомъ. Отъ дуновенія тьмы онъ качался, чувствовалъ, что вотъ сейчасъ онъ оторвется отъ земли и полетитъ куда-то, и жилъ этимъ острымъ чувствомъ, мѣшавшимъ ему сдѣлать малѣйшее движеніе. И ему было такъ тоскливо-больно, холодно, страшно...

Все крѣпче сжимаясь въ комокъ, онъ широко раскрывалъ глаза, стараясь увидѣть въ дали тьмы то, что̀ должно было случиться съ нимъ, ибо онъ чувствовалъ, что уже скоро, сейчасъ, въ будущую секунду, явится нѣчто освободить его изъ власти ужаса.

Лучи солнца упали ему въ лицо. Онъ вздрогнулъ, зажмурилъ глаза и улыбнулся блѣдною улыбкой больного ребенка.

И затѣмъ такъ же неподвижно, какъ и раньше, но уже съ раскрытыми глазами, сидѣлъ долго...

Поутру, часовъ въ семь, пришли Ляховъ, Минорный и человѣкъ въ золотыхъ очкахъ и съ самоувѣреннымъ лицомъ. Они вошли въ дверь тихо, по одному, и за ними въ сѣняхъ остались какія-то странныя фигуры людей.

— Ну, что̀? Не буянилъ?—сказалъ Ляховъ, высокій человѣкъ съ печальнымъ и блѣднымъ лицомъ, Кириллу Ивановичу, который при ихъ появленіи спустилъ ноги съ койки и смотрѣлъ на нихъ съ ясною улыбкой.

Кириллъ Ивановичъ пожалъ протянутую ему руку Ляхова и съ тихимъ восторгомъ посмотрѣлъ ему въ лицо:

— Вы уже пришли?.. Значитъ, пора?

— Да...—произнесъ Ляховъ и пристально посмотрѣлъ въ лицо спящаго Кравцова.

— Какъ же, дождемся, когда проснется?—спросилъ Минорный господина въ очкахъ.

— Я полагаю, прямо такъ взять и въ карету. Идите сюда!

Онъ махнулъ рукой къ себѣ, и въ дверь вошли двое здоровыхъ ребятъ въ бѣлыхъ фартукахъ.

— Возьмите осторожно больного!

Тутъ Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ койкѣ, сталъ у ея изголовья такъ, что закрылъ лицо Кравцова, удивленно посмотрѣлъ на всѣхъ и тихо, но внушительно спросилъ:

— Куда взять?.. Его взять? Куда взять?

— Въ домъ, конечно,—сказалъ Минорный.

— Въ лѣчебницу,—одновременно произнесъ докторъ и пристально уставился чрезъ очки въ лицо Кирилла Ивановича.

Кириллъ Ивановичъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы съ усиліемъ вспоминая что-то.

— Д-да!.. Въ лѣчебницу!.. А зачѣмъ же, собственно?.. И кто вы?—И Кириллъ Ивановичъ тихонько дотронулся до рукава доктора.

— Я—докторъ, завѣдующій домомъ для душевно-больныхъ,—сказалъ господинъ въ очкахъ, не переставая разсматривать Кирилла Ивановича.

„Интеллигентный человѣкъ, значитъ!"—сообразилъ Кириллъ Ивановичъ и протянулъ ему руку.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ... и я радъ, что вы тоже идете за нимъ,—кивнулъ онъ на Кравцова.

— Мы пріѣхали въ каретѣ,—вмѣшался Минорный, тоже подозрительно оглядывая Кирилла Ивановича.

— Ну, это напрасно,—махнулъ рукой тотъ,—мы пойдемъ всѣ пѣшкомъ, онъ—особенно.

— Да вѣдь онъ буянить будетъ на улицѣ!—тихо воскликнулъ Минорный.

— То-есть какъ это?—удивился Кириллъ Ивановичъ.

— Да вы что̀, батенька?... Образумьтесь! Или вы тоже, какъ онъ, съ ума сошли?..

— Позвольте!—остановилъ докторъ Минорнаго.

Кириллъ Ивановичъ вспыхнулъ и оглянулъ всѣхъ съ улыбкой недовѣрія и со страхомъ въ глазахъ. Трое людей стояли и смотрѣли на него тоже съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ и догадкой. Кириллъ Ивановичъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ какой-то внутренней работы. Улыбка исчезла изъ его глазъ, и они, странно расширяясь, вдругъ ярко вспыхнули какою-то мыслью.

— Господа!—просительно зашепталъ онъ, сжимая руки и хрустя пальцами.—Господа! Что̀ вы? Это ошибка! Вы считаете его безумнымъ? Это обидная ошибка, господа! Оскорбительная ошибка! Послушайте меня—оставьте его такъ, какъ онъ есть. Дайте ему исполнить задуманное имъ дѣло. Это великое, необходимое дѣло! Вы знакомы съ его идеей? Нѣтъ? Какъ же вы, господа, рѣшаетесь на такое рѣзкое отношеніе къ нему?.. Это... странно! Вы послушайте! Я постигъ его, я усвоилъ его идею. Вѣдь согласитесь, я же разумный человѣкъ. Вотъ Бабкинъ засвидѣтельствуетъ это и господинъ Ляховъ. Да!.. Какъ же вы?.. Это возмутительно! Это недо-

стойно васъ! Вы вникните въ суть его ученія: мы подлѣемъ, умирая морально, мы умираемъ смертью безумія, мы пошло умираемъ физически. Все это отъ тоски по желаніямъ, отъ скорби одиночества, отъ недостатка жизни, въ которой намъ не даютъ мѣста. Развѣ я говорю неразумно? А, господа!.. Намъ запрещено жить. Почему запрещено, господа? Развѣ мы преступны?.. И еще скажите, развѣ онъ, предлагая намъ выйти съ нимъ за границы жизни въ песчаныя, необитаемыя пустыни, развѣ онъ не правъ? Онъ приведетъ насъ обратно сюда... когда мы воскреснемъ духомъ. Господа, господа!.. Что̀ вы хотите дѣлать?.. Вѣдь такъ у васъ всѣ сумасшедшіе, всѣ, кто хочетъ счастья другимъ и кто простираетъ руки помощи... кто горячо жалѣетъ и много любитъ бѣдныхъ, загнанныхъ жизнью и затравленныхъ другъ другомъ людей...

Наконецъ онъ задохнулся и умолкъ, обводя всѣхъ испуганными глазами, изъ которыхъ текли крупныя слезы. Губы у него дрожали. Казалось, вотъ онъ сейчасъ зарыдаетъ. И у Минорнаго тоже дрожали губы.

— Вотъ... видите... какъ оно... заразительно!.. А я двое сутокъ...—шепталъ онъ доктору.

Тотъ почесалъ себѣ пальцемъ переносицу, приподнявъ очки, и, видимо тоже пораженный, пробормоталъ:

— Да-да, знаете... Странный случай!

Ляховъ стоялъ и смотрѣлъ на всѣхъ, странно улыбаясь и все покусывая себѣ губу. Всѣ молчали. Кириллъ Ивановичъ смахивалъ со щекъ слезинки и стоялъ у койки съ убитымъ лицомъ. Въ его глазахъ свѣтилось цѣлое море меланхоліи. Онъ стоялъ и обводилъ глазами комнату. За троими людьми противъ него стояло еще двое въ бѣлыхъ фартукахъ, и за дверью въ сѣняхъ виднѣлись еще головы... И всѣ они упорно и молча ждали чего-то, ждали именно отъ него, ибо всѣ смотрѣли въ его сторону. Кириллъ Ивановичъ печально улыбнулся и робко сказалъ:

— Простите меня, господа! Вы правы, такъ какъ васъ много! Я не спрашиваю ваше право... и я ухожу... если могу?

– Подождите минуточку!—любезнымъ жестомъ остановилъ его докторъ.

— Извольте!—и Кириллъ Ивановичъ покорно сѣлъ на стулъ, согласно указанію доктора.

Проснулся Маркъ Кравцовъ. Онъ быстро поднялся, сѣлъ на койкѣ и, сурово оглянувъ публику, наполнявшую комнату, громко спросилъ:

— Вы кто?

— Слушай, Маркъ, хочешь кататься?—спросилъ его Ляховъ.

— Не обманывай меня, іезуитъ! Ты хочешь чего-то... Я знаю тебя... и всѣхъ васъ!... А! Вы пришли взять меня!.. Но я не дамся безъ борьбы! Нѣтъ!.. Я васъ разсѣю, какъ пыль!.. Меня взять! Нѣтъ!..

Но на него уже накинули какой-то длинный мѣшокъ. Онъ барахтался въ немъ, пока его не спеленали въ немъ, какъ ребенка. Вотъ его подняли на руки и понесли, а онъ, рыдая и извиваясь всѣмъ корпусомъ, кричалъ:

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!..

Въ комнатѣ остался Ляховъ. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея какую-то фотографію и, обратясь къ Кириллу Ивановичу, который съ неподвижною до ужаса сосредоточенностью въ глазахъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ, ласково сказалъ ему:

— Ну, пойдемте и мы!

Кириллъ Ивановичъ покорно всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ.

— Я ворочусь черезъ часъ!—сказалъ Ляховъ какой-то женщинѣ, запирая дверь комнаты Кравцова.

— Я ворочусь черезъ часъ!—какъ эхо повторилъ за нимъ Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, взглянувъ на него своими мертвыми глазами.

Теперь они оба въ лѣчебницѣ—и Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ и Маркъ Даниловичъ Кравцовъ. На выздоровленіе Кравцова есть надежды, на выздоровленіе его ученика—нѣтъ.

Они встрѣчаются другъ съ другомъ на прогулкахъ въ саду заведенія. Когда Кириллъ Ивановичъ издали увидитъ черноусое и всегда пылающее возбужденіемъ лицо Марка Даниловича, онъ мелкими шажками бѣжитъ къ нему и, снимая колпакъ, тихо шепчетъ:

— Говори, учитель!..

Кириллъ Ивановичъ говорилъ очень мало и всегда не иначе, какъ робкимъ шопотомъ. Если Кравцовъ ходитъ, то Кириллъ Ивановичъ, согнувшись, подпрыгивая бѣгаетъ за нимъ, а если онъ сидитъ, то Кириллъ Ивановичъ садится у его ногъ, жалко смотритъ ему въ лицо и изрѣдка просительно шепчетъ:

— Говори, учитель!..

И учитель говоритъ своему ученику возмущенно и строго о гоненіяхъ духа и страданіяхъ духа, торжественно и важно о будкѣ всеобщаго спасенія и съ гордостью о самомъ себѣ, великомъ учителѣ и пророкѣ разбитыхъ жизнью людей.

1895.

МОЙ СПУТНИКЪ.

I.

Встрѣтилъ я его въ одесской гавани. Дня три кряду мое вниманіе останавливала на себѣ его коренастая, плотная фигура, съ лицомъ восточнаго типа, обрамленнымъ красивой бородкой. Онъ то и дѣло мелькалъ предо мной: я видѣлъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ на гранитѣ мола, засунувъ въ ротъ набалдачникъ трости, и тоскливо разглядывалъ мутную воду гавани своими черными миндалевидными глазами; десять разъ въ день онъ проходилъ мимо меня походкой безпечнаго фланера. Кто онъ?.. Я сталъ слѣдить за нимъ. Онъ же, какъ бы нарочно поддразнивая меня, все чаще и чаще попадался мнѣ на глаза, и наконецъ я привыкъ различать издали его модный клѣтчатый свѣтлый костюмъ и черную шляпу, его лѣнивую походку и тупой, скучный взглядъ. Онъ былъ положительно необъяснимъ здѣсь, въ гавани, среди свиста пароходовъ и локомотивовъ, звона цѣпей, криковъ рабочихъ, въ бѣшено-нервной сутолокѣ порта, охватывавшей человѣка со всѣхъ сторонъ. Всѣ люди были озабочены, утомлены, всѣ бѣгали, кричали, ругались въ пыли, въ поту... Среди трудовой сутолоки медленно расхаживала эта странная фигура съ мертвенно-скучнымъ лицомъ, равнодушная ко всему...

Наконецъ, уже на четвертый день, въ обѣдъ, я натолкнулся на него и рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, кто онъ. Расположившись неподалеку отъ него съ арбузомъ и хлѣбомъ, я сталъ ѣсть и разсматривать его, придумывая, какъ бы поделикатнѣе завязать съ нимъ бесѣду.

Онъ стоялъ, прислонясь къ грудѣ цыбиковъ чая, и, безцѣльно поглядывая вокругъ себя, барабанилъ пальцами по своей трости, какъ по флейтѣ.

Мнѣ, человѣку въ костюмѣ босяка, съ лямкой грузчика на спинѣ и перепачканному въ угольной пыли, трудно было вызвать его, франта, на разговоръ. Но, къ моему удивленію, я увидалъ, что онъ не отрываетъ глазъ отъ меня и они разгораются у него такимъ непріятнымъ, жаднымъ, животнымъ огнемъ. Я рѣшилъ, что объектъ моихъ наблюденій голоденъ, и, быстро оглянувшись вокругъ, спросилъ его тихонько:

— Хотите ѣсть?

Онъ вздрогнулъ, алчно оскалилъ чуть не сотню плотныхъ здоровыхъ зубовъ и тоже подозрительно оглянулся.

На насъ никто не обращалъ вниманія. Тогда я сунулъ ему полъ-арбуза и кусокъ пшеничнаго хлѣба. Онъ схватилъ все это и исчезъ, присѣвъ за груду товара. Иногда оттуда высовывалась его голова въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ и открывавшей смуглый потный лобъ. Его лицо блестѣло отъ широкой улыбки, и онъ почему-то все подмигивалъ мнѣ, ни на секунду не переставая жевать. Я сдѣлалъ ему знакъ подождать меня, ушелъ купить мяса, купилъ, принесъ, отдалъ ему и сталъ около ящиковъ такъ, что совершенно загородилъ моего бѣднаго франта отъ постороннихъ взглядовъ. До этого онъ ѣлъ и все хищно оглядывался, точно боялся, что у него отнимутъ кусокъ; теперь онъ сталъ ѣсть спокойнѣе, но все-таки такъ быстро и жадно, что мнѣ стало больно смотрѣть на этого изголодавшагося человѣка, и я повернулся спиной къ нему.

— Благодару! Очэнъ благодару!—Онъ потрясъ меня за плечо, потомъ схватилъ мою руку, стиснулъ ее и тоже жестоко сталъ трясти.

Черезъ пять минутъ онъ уже разсказывалъ мнѣ, кто онъ.

Грузинъ князь Шакро Итадзе, одинъ сынъ у отца, богатаго кутаисскаго помѣщика, онъ служилъ конторщикомъ на одной изъ станцій Закавказской желѣзной дороги и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ. Этотъ товарищъ вдругъ исчезъ, захвативъ съ собой деньги и цѣнныя вещи князя Шакро, и вотъ князь пустился догонять его. Какъ-то случайно онъ узналъ, что товарищъ взялъ билетъ до Батума; князь Шакро отправился туда же. Но въ Батумѣ оказалось, что товарищъ поѣхалъ въ Одессу. Тогда князь Шакро взялъ у нѣкоего Вано Сванидзе, парикмахера,—тоже товарища, однихъ лѣтъ съ собой, но не похожаго по примѣтамъ,—паспортъ и двинулся въ Одессу. Тутъ онъ заявилъ полиціи о кражѣ, ему обѣщали найти, онъ ждалъ двѣ недѣли, проѣлъ всѣ свои деньги, и вотъ уже вторыя сутки не ѣлъ ни крошки.

Я слушалъ его разсказъ, перемѣшанный съ ругательствами, смотрѣлъ на него, вѣрилъ ему, и мнѣ было жалко мальчика. Онъ былъ еще мальчикъ, ему шелъ двадцатый годъ, а по наивности ему можно было дать еще меньше. Онъ часто и съ глубокимъ негодованіемъ упоминалъ о крѣпкой дружбѣ, связывавшей его съ воромъ-товарищемъ, укравшимъ такія вещи, за которыя суровый отецъ Шакро, навѣрное, „зарежетъ" сына „кынжаломъ", если сынъ не найдетъ ихъ. Я подумалъ, что, если не помочь этому малому, жадный городъ засосетъ его. Я зналъ, какія иногда ничтожныя случайности пополняютъ классъ босяковъ; а тутъ для князя Шакро были налицо всѣ шансы попасть въ это почтенное, но не чтимое сословіе. Мнѣ захотѣлось помочь ему. Я предложилъ Шакро пойти къ полицеймейстеру просить билетъ, онъ замялся и сообщилъ мнѣ, что не пойдетъ. Почему? Оказалось, что онъ не заплатилъ денегъ хозяину номеровъ, въ которыхъ стоялъ, а когда съ него потребовали денегъ, онъ ударилъ кого-то; потомъ онъ скрылся и теперь справедливо полагаетъ, что полиція не скажетъ ему спасибо за неплатежъ этихъ денегъ и за ударъ; да кстати, онъ и не твердо помнитъ—одинъ ударъ или два дано имъ, три или четыре.

Положеніе осложнялось. Я рѣшилъ, что буду работать, пока не заработаю достаточно денегъ для него на проѣздъ до Батума, но увы! Оказалось, что это случилось бы не скоро, очень не скоро, ибо проголодавшійся Шакро ѣлъ за троихъ и больше.

Въ то время, вслѣдствіе наплыва „голодающихъ", поденныя цѣны въ гавани стояли низко, и изъ восьмидесяти копеекъ заработка мы вдвоемъ проѣдали шестьдесятъ. Къ тому же, еще до встрѣчи съ княземъ, я рѣшилъ пойти въ Крымъ, и мнѣ не хотѣлось оставаться надолго въ Одессѣ. Тогда я предложилъ князю Шакро пойти со мной пѣшкомъ на такихъ условіяхъ: если я не найду ему попутчика до Тифлиса, то самъ доведу его, а если найду, то мы распростимся.

Князь посмотрѣлъ на свои щегольскіе ботинки, на шляпу, на брюки, погладилъ курточку, подумалъ, вздохнулъ не разъ и наконецъ согласился. И вотъ мы съ нимъ отправились изъ Одессы въ Тифлисъ пѣшкомъ.

II.

Когда мы пришли въ Херсонъ, я зналъ моего спутника, какъ малаго наивно-дикаго, крайне неразвитаго, веселаго—когда онъ былъ сытъ, унылаго—когда голоденъ, какъ сильное и добродушное животное.

Дорогой онъ разсказывалъ мнѣ о Кавказѣ, о жизни помѣщиковъ-грузинъ, о ихъ забавахъ и отношеніи къ крестьянамъ. Его разсказы были интересны, своеобразно-красивы, но рисовали предо мной разсказчика крайне нелестно для него. Разсказываетъ онъ, напримѣръ, такой случай:

Къ одному богатому князю съѣхались сосѣди на пирушку; пили вино, ѣли чурекъ и шашлыкъ, ѣли лавашъ и пилавъ, и потомъ князь повелъ гостей въ конюшню. Осѣдлали коней. Князь взялъ себѣ лучшаго и пустилъ его по полю. Горячій конь былъ! Гости хвалятъ его стати и быстроту, князь снова скачетъ, но вдругъ въ поле выносится крестьянинъ на бѣлой лошади и обгоняетъ коня князя,—обгоняетъ и... гордо смѣется. Стыдно князю передъ гостями!.. Сдвинулъ онъ сурово брови, подозвалъ жестомъ крестьянина, и когда тотъ подъѣхалъ къ нему, то ударомъ шашки князь срубилъ ему голову и выстрѣломъ изъ револьвера въ ухо убилъ коня, а потомъ объявилъ о своемъ поступкѣ властямъ. И его осудили въ каторгу...

Шакро передаетъ мнѣ это тономъ сожалѣнія о князѣ. Я пытаюсь ему доказать, что жалѣть тутъ нечего, но онъ поучительно говоритъ мнѣ:

— Князей мало, крестьянъ много. За одного крестьянина нельзя судить князей. Что такое крестьянинъ? Вотъ!—и Шакро показываетъ мнѣ комокъ земли —А князь—какъ звѣзда!

Мы споримъ, и онъ сердится. Когда онъ сердится, то оскаливаетъ зубы, какъ волкъ, и лицо у него дѣлается острымъ.

— Молчи, Максимъ! Ты не знаешь кавказской жизни,— кричитъ онъ мнѣ.

Мои доводы безсильны предъ его непосредственностью, и то, что для меня было ясно, ему—смѣшно. Когда я ставилъ его втупикъ доказательствами превосходства моихъ взглядовъ, онъ не задумывался, а говорилъ мнѣ:

— Ступай на Кавказъ, живи тамъ. Увидишь, что я сказалъ правду. Всѣ такъ дѣлаютъ, значитъ—такъ нужно. Зачѣмъ я буду тебѣ вѣрить, если ты одинъ только говоришь— это не такъ, а тысячи говорятъ—это такъ?

Тогда я молчалъ, понимая, что нужно возражать не словами, а фактами ему, человѣку, который вѣритъ въ то, что жизнь, какова она есть, вполнѣ законна и справедлива. Я молчалъ, а онъ съ восхищеніемъ, чмокая губами, говорилъ о кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти разсказы, интересуя и увлекая меня, въ то же время возмущали и бѣсили своей жестокостью, поклоненіемъ богатству и грубой силѣ. Какъ-то разъ я спросилъ его: знаетъ ли онъ ученіе Христа?

— Конэчно!—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.

Но когда я разспросилъ его, то оказалось, что знаетъ столько: былъ Христосъ, который возсталъ противъ еврейскихъ законовъ, и евреи распяли Его за это на крестѣ. Но Онъ былъ Богъ, и потому не умеръ на крестѣ, а вознесся на небо и тогда далъ людямъ новый законъ жизни...

— Какой?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшливымъ недоумѣніемъ и спросилъ:

— Ты христіэнинъ? Ну! Я тоже христіэнинъ. На зэмлэ почти всэ христіэнэ. Ну что же ты спрашиваешь? Видишь, какъ всэ живутъ... Это и есть законъ Христа.

Я, возбужденный, сталъ разсказывать ему о жизни Христа. Онъ слушалъ сначала со вниманіемъ, потомъ оно постепенно ослабѣвало и наконецъ заключилось зѣвкомъ.

Видя, что меня не слушаетъ его сердце, я снова обращался къ его уму и говорилъ съ нимъ о выгодахъ взаимопомощи, о выгодахъ знанія, о выгодахъ законности, о выгодахъ, все о выгодахъ... Но мои доводы разбивались въ пыль о каменную стѣну его міропониманія.

— Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ! Ему не нужно учиться, онъ, и слѣпой, найдетъ свой путь,—лѣниво возразилъ мнѣ князь Шакро.

Онъ умѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Это возбуждало во мнѣ уваженіе къ нему; но онъ былъ дикъ, жестокъ, и я чувствовалъ, какъ у меня иногда вспыхивала ненависть къ Шакро. Но я не терялъ надежды найти точку соприкосновенія между нами и почву, на которой мы оба могли бы сойтись и понять другъ друга.

Мы прошли Перекопъ и подходили къ Яйлѣ. Я мечталъ о южномъ берегѣ Крыма, князь, напѣвая сквозь зубы свои грузинскія пѣсни, былъ хмуръ. У насъ вышли всѣ деньги, и заработать пока было негдѣ. Мы стремились въ Ѳеодосію, гдѣ въ то время начинались работы по устройству гавани.

Князь говорилъ мнѣ, что и онъ тоже будетъ работать и что, заработавъ денегъ, мы поѣдемъ моремъ до Батума. Въ Батумѣ у него много знакомыхъ, и онъ сразу найдетъ мнѣ мѣсто дворника или сторожа. Онъ хлопалъ меня по плечу и покровительственно говорилъ, сладко прищелкивая языкомъ:

— Я тэбэ устрою т-такую жизнь! цце, цце! Вино будешь пить — сколько хочэшь, баранины — сколько хочэшь! Жэнишься на грузынкэ, на толстой грузынкэ, цце, цце, цце!.. Она тэбэ будетъ лавашъ печь, дэтэй родить, много дэтэй родить, цце, цце!

Это „цце, цце!“ сначала удивляло меня, потомъ стало раздражать, потомъ уже доводило до тоскливаго бѣшенства. Въ Россіи такимъ звукомъ подманиваютъ свиней, на Кавказѣ имъ выражаютъ восхищеніе, сожалѣніе, удовольствіе, горе.

Шакро уже сильно потрепалъ свой модный костюмъ, и его ботинки лопнули во многихъ мѣстахъ. Трость и шляпу мы продали въ Херсонѣ. Вмѣсто шляпы онъ купилъ себѣ старую фуражку желѣзнодэрожнаго чиновника.

Когда онъ въ первый разъ надѣлъ ее на голову,—надѣлъ сильно набекрень,—то спросилъ меня:

— Идэтъ на мэна? Красыво?

III.

И вотъ мы въ Крыму. Мы прошли Симферополь и направились къ Ялтѣ.

Я шелъ въ нѣмомъ восхищеніи передъ красотой природы этого дивнаго куска земли, отовсюду ласкаемаго моремъ. Князь вздыхалъ, горевалъ и, бросая вокругъ себя печальные взгляды, пытался набивать свой пустой желудокъ какими-то странными ягодами. Знакомство съ ихъ питательными свойствами не всегда сходило ему съ рукъ благополучно, и часто онъ съ злымъ юморомъ говорилъ мнѣ:

— Если мэна вывэрнэтъ наизнанку, какъ пойду далшэ? а? скажи, какъ?

Возможности что-либо заработать намъ не представлялось, и мы, не имѣя ни гроша на хлѣбъ, питались фруктами и надеждами на будущее. А князь Шакро начиналъ уже упрекать меня въ лѣни и въ „роторазэвайствэ“, какъ онъ выражался. Онъ вообще становился тяжелъ, но больше всего угнеталъ меня разсказами о своемъ баснословномъ аппетитѣ. Оказывалось, что онъ, позавтракавъ въ двѣнадцать часовъ „маленкимъ барашкэмъ“, съ тремя бутылками вина, въ два часа могъ безъ особыхъ усилій съѣдать за обѣдомъ три тарелки какой-то „чахахбили“ или „чихиртмы“, цѣлую миску пилава, цѣлый шампуръ *) шашлыка, „сколько хочишь толмы“ и еще много разныхъ кавказскихъ яствъ, и при этомъ выпивалъ вина—„сколько хотэлъ“. Онъ по цѣлымъ днямъ разсказывалъ мнѣ о своихъ гастрономическихъ наклонностяхъ и познаніяхъ,—разсказывалъ, чмокая, съ горящими глазами, оскаливая зубы, скрипя ими, звучно втягивая въ себя и глотая голодную слюну, въ изобиліи брызгавшую изъ его краснорѣчивыхъ устъ.

---

*) Шампуръ—желѣзный прутъ, на которомъ жарятъ шашлыкъ.

Какъ-то разъ, около Ялты, я нанялся вычистить фруктовый садъ отъ срѣзанныхъ сучьевъ, взялъ впередъ за день плату и на всю полтину купилъ хлѣба и мяса. Когда я принесъ купленное, меня позвалъ садовникъ, и я ушелъ на зовъ, сдавъ покупки эти Шакро, который отказался отъ работы подъ предлогомъ головной боли. Возвратившись черезъ часъ, я убѣдился, что Шакро, говоря о своемъ аппетитѣ, не выходилъ изъ границъ правды: отъ купленнаго мной не осталось ни крошки. Это былъ не товарищескій поступокъ, но я смолчалъ—на мое горе, какъ оказалось впослѣдствіи.

Шакро замѣтилъ мое молчаніе и воспользовался имъ по-своему. Съ этого времени началось нѣчто удивительно нелѣпое. Я работалъ, а онъ, подъ разными предлогами отказываясь отъ работы, ѣлъ, спалъ и понукалъ меня. Мнѣ было смѣшно и грустно смотрѣть на него, здороваго парня, алчно смотрѣвшаго на меня, когда я, усталый, возвращался, кончивъ работу, къ нему, гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ дожидавшемуся меня; но еще грустнѣе и обиднѣе было видѣть, что онъ смѣется надо мной за то, что я работаю. Онъ смѣялся, потому что выучился просить и потому что я въ его глазахъ былъ какой-то безжизненной чучелой. Когда онъ началъ сбирать милостыню, то сначала конфузился меня, а потомъ, когда мы подходили къ татарской деревушкѣ, онъ сталъ на моихъ глазахъ приготовляться къ сбору. Для этого онъ опирался на палку и волочилъ ногу по землѣ, какъ будто она у него болѣла, зная, что скупые татары не подадутъ здоровому парню. Я спорилъ съ нимъ, доказывалъ ему постыдность такого занятія... Онъ смѣялся.

— Я нэ умѣю работать!—кратко возражалъ онъ мнѣ.

Ему подавали скудно. Я въ то время начиналъ прихварывать. Путь становился труднѣе день ото дня и мои отношенія съ Шакро все тяжелѣй. Онъ теперь ужъ настоятельно требовалъ, чтобъ я его кормилъ.

— Ты мэнэ вэдешь? Вэди! Развѣ можно такъ далэко мнэ итти пэшкомъ? а? Я нэ привыкъ. Я умэрэть могу отъ этого! Что̀ ты мэнэ мучаишь, убиваишь? Эсли я вумру, какъ будытъ всэ? Мать будытъ плакать, атэцъ будытъ плакать, товарищы будутъ плакать! Сколько это слезъ?

Я слушалъ такія рѣчи, но не сердился на нихъ. Въ то время во мнѣ начала закрадываться странная мысль, побуждавшая меня выносить все это. Бывало—спитъ онъ, а я сижу рядомъ съ нимъ и, разсматривая его спокойное, неподвижное лицо, повторяю про себя, какъ бы догадываясь о чемъ-то:

— Мой спутникъ... спутникъ мой...

И въ сознаніи моемъ порою смутно возникала мысль, что Шакро только пользуется своимъ правомъ, когда онъ такъ увѣренно и смѣло требуетъ отъ меня помощи ему и заботъ о немъ. Въ этомъ требованіи былъ характеръ, была сила. Онъ меня порабощалъ, я ему поддавался и изучалъ его, слѣдилъ за каждой дрожью его физіономіи, пытаясь представить себѣ, гдѣ и на чемъ онъ остановится въ этомъ процессѣ захвата чужой личности. Онъ же чувствовалъ себя прекрасно, пѣлъ, спалъ и подсмѣивался надо мной, когда ему этого хотѣлось. Иногда мы съ нимъ расходились дня на два, на три въ разныя стороны; я снабжалъ его хлѣбомъ и деньгами, если они были, и говорилъ, гдѣ ему ожидать меня. Когда мы сходились снова, то онъ, проводившій меня подозрительно и съ грустной злобой, встрѣчалъ такъ радостно, торжествующе и всегда, смѣясь, говорилъ:

— Я думалъ, ты убэжалъ адынъ, бросилъ мэня. Ха-ха-ха!..

Я давалъ ему ѣсть, разсказывалъ о красивыхъ мѣстностяхъ, которыя видѣлъ, и разъ, говоря о Бахчисараѣ, кстати разсказалъ о Пушкинѣ и привелъ его стихи. На него не производило все это никакого впечатлѣнія.

— Э, стыхи! Это пэсни, не стыхи! Я зналъ одного человэка, грузына, Мато Лежава, тотъ пэлъ пэсни! Это пэсни!.. Запоетъ—ай, ай, ай!.. Громко... очэнъ громко пэлъ! Точно у него въ горлэ кинжаломъ ворочаютъ!.. Онъ зарэзалъ одного духанщика, въ Сибырь тепэръ пошелъ.

Послѣ каждаго возвращенія къ нему я все больше и ниже падалъ въ его мнѣніи, и онъ не умѣлъ скрывать этого отъ меня.

Дѣла наши шли далеко не хорошо. Я еле находилъ возможность заработать рубль-полтора въ недѣлю, и, само собою разумѣется, этого было менѣе чѣмъ мало двоимъ. Сборы Шакро не дѣлали экономіи въ пищѣ. Его желудокъ былъ маленькою пропастью, поглотившей все безъ разбора— виноградъ, дыни, соленую рыбу, хлѣбъ, сушеные фрукты— и съ времени она какъ бы увеличивалась въ объемѣ и все больше требовала жертвъ.

Шакро сталъ торопить меня уходить изъ Крыма, резонно заявляя мнѣ, что скоро ужъ осень, а путь еще далекъ. Я согласился съ нимъ. Къ тому же я успѣлъ посмотрѣть эту часть Крыма, и мы пошли на Ѳеодосію, въ чаяніи „зашибить“ тамъ „деньгу“, которой у насъ все-таки не было. Снова приходилось питаться фруктами и надеждами на будущее...

Бѣдное будущее! Отъ избытка надеждъ, возлагаемыхъ людьми на него, оно теряетъ почти всю свою прелесть, чуть только становится настоящимъ!

Отойдя верстъ двадцать отъ Алушты, мы остановились ночевать. Я уговорилъ Шакро итти берегомъ, хотя это былъ длиннѣйшій путь, но мнѣ хотѣлось надышаться моремъ. Мы разожгли костеръ и лежали около него. Вечеръ былъ дивный. Темно-зеленое море билось о скалы внизу подъ нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокругъ насъ тихо шумѣли ароматическіе кустарники и деревья. Всходила луна. Отъ узорчатой тѣни чинаръ пали тѣни и ползали по камнямъ. Пѣла какая-то птица, пѣла задорно и звучно. Ея серебряныя трели таяли въ воздухѣ, полномъ тихаго и ласковаго шума волнъ, и, когда онѣ исчезли, слышалось первное стрекотанье какого-то насѣкомаго. Костеръ горѣлъ весело, и его огонь казался большимъ пылающимъ букетомъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Онъ тоже рождалъ тѣни, и эти тѣни весело прыгали вокругъ насъ, какъ бы рисуясь своею живостью предъ лѣнивыми тѣнями луны. Широкій горизонтъ моря былъ пустыненъ, небо надъ нимъ безоблачно, и я чувствовалъ себя на краю земли, созерцающимъ пространство — эту чарующую душу загадку... Упоенный торжественной красотой ночи, я какъ бы таялъ въ дивной гармоніи красокъ, звуковъ и ароматовъ, пугливое чувство близости къ чему-то великому наполняло мою душу, и сердце трепетно замирало отъ наслажденія жизнью...

Вдругъ Шакро громко расхохотался:

— Ха-ха-ха!.. Какая у тебя глупая рожа! Савсэмъ какъ у барана! А, ха-ха ха!..

Я испугался, точно надо мной внезапно грянулъ громъ. Но это было хуже. Это было смѣшно, да, но какъ же это было обидно!.. Онъ, Шакро, плакалъ отъ смѣха; я чувствовалъ себя готовымъ плакать отъ другой причины. У меня въ горлѣ стоялъ камень, я не могъ говорить и смотрѣлъ на него дикими глазами, чѣмъ еще больше усиливалъ его смѣхъ. Онъ катался по землѣ, поджавъ животъ, я же все еще не могъ прійти въ себя отъ нанесеннаго мнѣ оскорбленія, ибо мнѣ было нанесено тяжкое оскорбленіе, и тѣ немногіе, которые, я надѣюсь, поймутъ его, — потому что, можетъ быть, сами испытали нѣчто подобное, тѣ снова взвѣсятъ въ своей душѣ эту тяжесть.

— Перестань! — бѣшено крикнулъ я.

Онъ испугался, вздрогнулъ, но все еще не могъ сдержаться, пароксизмы смѣха все еще схватывали его, онъ надувалъ

щеки, таращилъ глаза и вдругъ снова разражался хохотом. Тогда я всталъ и пошелъ прочь отъ него. Я шелъ долг безъ думъ, почти безъ сознанія, полный жгучимъ ядомъ одн ночества и обиды. Я обнималъ всю природу и молча все душой объяснялся ей въ любви, въ горячей любви человѣка который немножко поэтъ... а она, въ лицѣ Шакро, расхох талась надо мной за мое увлеченіе! Я далеко зашелъ бы в составленіи обвинительнаго акта противъ природы, Шакро всѣхъ порядковъ жизни, но за мной раздались быстрые шаг

— Не сэрдысъ! — скопфуженно произнесъ Шакро, т хонько касаясь моего плеча.—Ты молился? Я нэ зналъ. не молюсъ самъ...

Онъ говорилъ робкимъ тономъ напалившаго ребенка, и несмотря на мое возбужденіе, не могъ не видѣть его жал кой физіономіи, смѣшно искривленной смущеніемъ и стра хомъ.

— Я тэбя нэ трону болше. Вэрно! Ныкогда!

Онъ отрицательно трясъ головой.

— Я выжу, ты смырный. Работаэшь. Мэня не заста вляешь. Думаю—почэму? Значитъ—глупый онъ, какъ ба ранъ...

Это онъ меня утѣшалъ! Это онъ извинялся предо мной Конечно, послѣ такихъ утѣшеній и извиненій мнѣ ничего н оставалось болѣе, какъ простить ему не только прошлое, н и будущее.

Черезъ полчаса онъ крѣпко спалъ, а я сидѣлъ рядомъ с нимъ и смотрѣлъ на него. Во снѣ даже сильный человѣк кажется беззащитнымъ и безпомощнымъ, а Шакро былъ жа локъ. Его толстыя губы были полуоткрыты и, вмѣстѣ с подпятыми бровями, нарисовали на его лицѣ чисто-дѣтску мину робкаго удивленія. Дышалъ онъ ровно, спокойно, н иногда возился и бредилъ, говоря просительно и торопли цѣлыя фразы по-грузински. Вокругъ насъ царила та напря женная тишина, отъ которой всегда ждешь чего-то и котора если бъ могла продолжаться долго, сводила бы съ ума чело вѣка своимъ совершеннымъ покоемъ и отсутствіемъ звука этой яркой тѣни движенія. Тихій шорохъ волнъ не долетал до насъ,—мы находились въ какой-то ямѣ, поросшей цѣпким кустарниками и казавшейся мохнатымъ зѣвомъ окаменѣвшаг животнаго. Я смотрѣлъ на Шакро и думалъ:

„Это мой спутникъ... Я могу бросить его здѣсь, но н могу уйти отъ него, ибо имя его—легіонъ... Это спутникъ все моей жизни... онъ до гроба проводитъ меня...“

Ѳеодосія обманула наши ожиданія. Когда мы пришл

амъ было около четырехсотъ человѣкъ, чалвшихъ, какъ и ы, работы и тоже принужденныхъ удовлетвориться ролью рителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, моленцы, полтавцы. Всюду—и въ городѣ и вокругъ него— родили группами сѣрыя, удрученныя фигуры „голодающихъ“ рыскали волчьей рысью азовскіе и таврическіе босяки.

Видя, что тутъ намъ дѣлать нечего и что молъ хотятъ троить безъ насъ, мы пошли въ Керчь.

Мой спутникъ держалъ свое слово и не трогалъ меня; но лъ сильно голодалъ и прямо-таки по-волчьи щелкалъ зубами, идя, какъ кто-нибудь ѣлъ, приводя меня въ ужасъ описаніями олиществъ разной пищи, которую онъ готовъ былъ поглотить. ъ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ вспоминать о женщинахъ. начала вскользь, со вздохами сожалѣнія, потомъ чаще, съ лчными улыбками „восточнаго чэловэка“, онъ наконецъ ошелъ до того, что не могъ уже пропустить мимо себя ни дной особы женскаго пола, какихъ бы лѣтъ и наружности на ни была, чтобъ не подѣлиться со мной какой-нибудь рактически-философской сальностью по поводу той или дру- ой ея статьи. Онъ трактовалъ о женщинахъ такъ свободно, ъ такимъ знаніемъ предмета, и смотрѣлъ на нихъ съ такой дивительно прямой точки зрѣнія, что я только отплевы- ался... Однажды я попробовалъ доказать ему, что женщина— ущество ничѣмъ не худшее его, но, видя, что онъ не только бижается на меня за мои взгляды, а даже готовъ прійти ъ бѣшенство за униженіе, каковому, по его мнѣнію, я под- ергалъ его,—оставилъ мои попытки до поры, пока онъ бу- етъ сытъ.

На Керчь мы шли уже не берегомъ, а степью, въ видахъ окращенія пути, и въ котомкѣ у насъ была всего только дна ячменная лепешка фунта въ три, купленная у тата- ина на послѣдній нашъ пятакъ. Попытки Шакро просить лѣба по деревнямъ не приводили ни къ чему, вездѣ кратко твѣчали: „много васъ!..“. Это была великая истина: дѣйстви- ельно, до ужаса много было людей, искавшихъ куска хлѣба ъ этотъ тяжелый годъ.

Мой спутникъ терпѣть не могъ „голодающихъ“—конку- ентовъ ему въ сборѣ милостыни. Запасъ его жизненныхъ илъ, несмотря на трудность пути и плохое питаніе, не по- волялъ ему пріобрѣсти такого испитого и жалкаго вида, акимъ они, по справедливости, могли гордиться, какъ нѣ- оторымъ совершенствомъ, и онъ, еще издали видя ихъ, оворилъ:

— Опэтъ идутъ! Фу, фу, фу! Чэго ходятъ? Чэго ѣдутъ?

Развэ Россыя тэсна? Нэ понымаю! Очень глупый народъ в Россыи!

И когда я объяснялъ ему причины, побудившія глупы русскій народъ ходить по Крыму въ поискахъ хлѣба, опт недовѣрчиво качая головой, возражалъ:

— Нэ понымаю! Какъ можно!.. У насъ въ Грузіи нэ бы вастъ такихъ глупостэй!

Мы пришли въ Керчь поздно вечеромъ и принуждени были ночевать подъ мостками съ пароходной пристани н берегъ. Намъ не мѣшало спрятаться: мы знали, что из Керчи, незадолго до нашего прихода, былъ вывезенъ вес лишній народъ—босяки, и побаивались, что попадемъ въ по лицію; а такъ какъ Шакро путешествовалъ съ чужимъ пас портомъ, то это могло повести къ серьезнымъ осложненіям въ нашей судьбѣ.

Волны прилива всю ночь щедро осыпали насъ брызгами и на разсвѣтѣ мы вылѣзли изъ-подъ мостковъ мокрые и иззябшіе. Цѣлый день ходили мы по берегу, и все, что уда лось заработать,—это гривенникъ, полученный мною съ ка кой-то попадьи, которой я отнесъ мѣшокъ дынь съ базара.

Теперь нужно было переправиться черезъ проливъ въ Та манъ. Ни одинъ лодочникъ не соглашался взять насъ греб нами на тотъ берегъ, какъ я ни просилъ объ этомъ. Вс были возстановлены противъ босяковъ, незадолго передъ нами натворившихъ тутъ много геройскихъ подвиговъ, а насъ, н безъ основанія, причисляли къ ихъ категоріи.

Когда насталъ вечеръ, я, со зла на свои неудачи и на весь міръ, рѣшился на нѣсколько рискованную штуку и ст наступленіемъ ночи привелъ ее въ исполненіе.

V.

Ночью я и Шакро тихонько подошли къ таможенной брандвахтѣ, около которой стояли три шлюпки, привязанныя цѣпями къ кольцамъ, ввинченнымъ въ каменную стѣну набережной. Было темно, дулъ вѣтеръ, шлюпки толкались одна о другую, цѣпи звенѣли... И мнѣ было легко и удобно раскачать кольцо и выдернуть его изъ камня.

Надъ нами, на высотѣ аршинъ пяти, ходилъ таможенный солдатъ-часовой и насвистывалъ сквозь зубы. Когда онъ останавливался близко къ намъ, я прекращалъ работу, но это было излишней осторожностью; онъ не могъ предположить, что человѣкъ сидитъ по горло въ водѣ, рискуя быть оторваннымъ волной. Къ тому же цѣпи звучали безпрерывно и безъ моей помощи. Шакро уже растянулся на днѣ шлюпки

и шепталъ мнѣ что-то, чего я не могъ разобрать за шумомъ волнъ. Кольцо въ моихъ рукахъ... Волна схватила лодку и сразу отбросила ее саженъ на пять отъ берега. Я держался за цѣпь и плылъ рядомъ съ ней, потомъ влѣзъ въ нее. Мы сняли двѣ настовыя доски и, укрѣпивъ ихъ въ уключинахъ вмѣсто веселъ, поплыли...

Надъ нами летѣли тучи, подъ нами метались волны, и Шакро, сидѣвшій на кормѣ, то пропадалъ изъ моихъ глазъ, проваливаясь вмѣстѣ съ кормой лодки въ водяныя ямы, то подымался высоко надо мной и, крича, почти падалъ на меня. Я посовѣтовалъ ему привязать свои ноги къ скамьѣ лодки и не кричать, коли онъ не хочетъ, чтобы часовой услыхалъ его. Тогда онъ замолчалъ. Я видѣлъ бѣлое пятно на мѣстѣ его лица. Онъ все время держалъ руль. Намъ некогда было перемѣниться ролями, и мы боялись переходить по лодкѣ съ мѣста на мѣсто. Я кричалъ ему, какъ ставить лодку, и онъ, сразу понимая меня, дѣлалъ все такъ быстро, какъ будто родился морякомъ. Доски, замѣнявшія весла, мало помогали мнѣ и только натирали мозоли на рукахъ. Вѣтеръ дулъ въ корму намъ, и я мало заботился о томъ, куда насъ несетъ, стараясь только о томъ, чтобы носъ стоялъ поперекъ пролива. Это было легко установить, такъ какъ еще были видны огни Керчи. Волны заглядывали къ намъ черезъ борта и гнѣвно шумѣли, сталкиваясь другъ съ другомъ; чѣмъ больше выносило насъ въ проливъ, тѣмъ онѣ становились сильнѣе и шумнѣе. Уже слышался какой-то ревъ, дикій, грозный... А лодка все неслась—быстрѣе и быстрѣе, было очень трудно держать курсъ. Мы то и дѣло проваливались въ глубокія ямы и взлетали на водяные бугры, а ночь становилась все темнѣе и тучи опускались ниже. Огни за кормой пропали во мракѣ, и тогда стало страшно. Казалось, что это пространство гнѣвной воды не имѣло уже больше границъ. Ничего не было видно, кромѣ волнъ, летѣвшихъ изъ мрака навстрѣчу лодкѣ. Онѣ вышибли одну доску изъ моей руки, я самъ бросилъ другую на дно лодки и крѣпко схватился обѣими руками за борта. Шакро вылъ дикимъ голосомъ каждый разъ, какъ лодка подпрыгивала вверхъ. Я чувствовалъ себя жалкимъ и безсильнымъ въ этомъ мракѣ, окруженный разгнѣванной стихіей и оглушенный ея шумомъ. Безъ надежды въ сердцѣ, охваченный злымъ отчаяніемъ, я видѣлъ вокругъ себя страшное однообразіе—всюду только эти волны съ бѣловатыми гривами, рассыпавшимися въ соленыя брызги, и тучи надо мной, густыя, лохматыя, тоже были похожи на волны... Я понималъ только одно: все, что творится вокругъ меня,

можетъ быть неизмѣримо сильнѣе и страшнѣе, и мнѣ было обидно, что оно сдерживается и не хочетъ быть такимъ. Смерть неизбѣжна. Но этотъ безстрастный, все нивеллирующій законъ необходимо чѣмъ-нибудь скрашивать, такъ какъ ужъ очень онъ тяжелъ и грубъ. Если бы мнѣ предстояло сгорѣть въ огнѣ или утонуть въ болотной трясинѣ, я постарался бы выбрать первое—все-таки какъ-то приличнѣе...

. . . . . .

— Поставимъ парусъ!—крикнулъ Шакро.

— Гдѣ онъ?—спросилъ я.

— Изъ моего чэкмэня...

— Бросай его сюда! Не выпускай руля!..

Шакро молча завозился на кормѣ.

— Дэржы!..

Онъ бросилъ мнѣ свой чекмень. Кое-какъ ползая по дну лодки, я оторвалъ отъ наста еще доску, надѣлъ на нее рукавъ плотной одежды, поставилъ ее къ скамьѣ лодки, приперъ ногами и только-что взялъ въ руки другой рукавъ и полу, какъ случилось нѣчто неожиданное... Лодка прыгнула какъ-то особенно высоко, потомъ полетѣла внизъ, и я очутился въ водѣ, держа въ одной рукѣ чекмень, а другой уцѣпившись за веревку, протянутую по внѣшней сторонѣ борта. Волны съ шумомъ прыгали черезъ мою голову, и я глоталъ солено-горькую воду. Она наполнила мои уши, ротъ, носъ... Крѣпко вцѣпившись руками въ веревку, я поднимался и опускался на водѣ, стукаясь головой о бортъ, и, вскинувъ чекмень на дно лодки, старался вспрыгнуть на него самъ. Одно изъ десятка моихъ усилій удалось, я осѣдлалъ лодку и тотчасъ же увидѣлъ Шакро, который кувыркался въ водѣ, уцѣпившись обѣими руками за тѣ же веревки, которыя я только-что выпустилъ. Онѣ, оказалось, обходили всю лодку кругомъ, продѣтыя въ желѣзныя кольца, ввинченныя въ борта.

— Живъ!—крикнулъ я ему.

Въ этотъ моментъ онъ высоко подпрыгнулъ надъ водой и также брякнулся на дно лодки. Я подхватилъ его, и мы очутились лицомъ къ лицу другъ съ другомъ. Я сидѣлъ на лодкѣ, какъ на конѣ, всунувъ ноги въ бечевки, какъ въ стремена,—но это было ненадежно: любая волна могла легко выбить меня изъ сѣдла. Шакро уцѣпился руками за мои колѣни и ткнулся головой мнѣ въ грудь. Онъ весь дрожалъ, и я чувствовалъ, какъ тряслись его челюсти. Нужно было что-нибудь дѣлать. Дно было скользко, точно смазанное масломъ. Я сказалъ Шакро, чтобъ онъ спускался снова въ воду и держался за веревки съ одного борта, а я такъ же устроюсь

па другомъ. Вмѣсто отвѣта, онъ началъ толкать меня головой въ грудь. Волны въ дикой пляскѣ то и дѣло прыгали черезъ насъ, и мы еле держались; одну ногу мнѣ страшно рѣзало веревкой. Всюду въ полѣ зрѣнія рождались высокіе бугры воды и съ шумомъ исчезали.

Я повторилъ Шакро сказанное уже тономъ приказанія. Онъ еще сильнѣе сталъ стукать меня своей головой въ грудь. Медлить было нельзя. Я оторвалъ отъ себя его руки одну за другой и сталъ толкать его въ воду, стараясь, чтобъ онъ задѣлъ своими руками за веревки. И тутъ произошло нѣчто, испугавшее меня больше всего въ эту ночь.

— Топишь мэня?—прошепталъ Шакро и взглянулъ мнѣ въ лицо.

Это было дѣйствительно страшно! Страшенъ былъ его вопросъ, еще страшнѣе тонъ вопроса, въ которомъ звучала и робкая покорность факту, и робкая просьба пощады, и послѣдній вздохъ человѣка, потерявшаго надежду избѣжать рокового конца. Но еще страшнѣе были глаза на мертвенно-блѣдномъ мокромъ лицѣ!..

Я крикнулъ ему:

— Держись крѣпче!—и спустился въ воду самъ, держась за веревку. Я ударился о что-то ногой и въ первый моментъ не могъ ничего понять отъ боли. Но потомъ понялъ. Во мнѣ вспыхнуло что-то горячее, я опьянѣлъ и почувствовалъ себя сильнымъ, какъ никогда...

— Земля!—крикнулъ я.

Можетъ-быть, великіе мореплаватели, открывавшіе новыя земли, при видѣ ихъ кричали это слово съ бо̀льшимъ чувствомъ, чѣмъ я, но сомнѣваюсь, чтобъ они могли кричать громче меня. Шакро завылъ, и мы бросились въ воду. Но мы оба быстро охладѣли; воды было еще по грудь намъ, и нигдѣ не видѣлось какихъ-либо болѣе существенныхъ признаковъ сухого берега. Волны здѣсь были слабѣе и уже не прыгали, а лѣниво перекатывались черезъ насъ. Къ счастью, я не выпустилъ изъ рукъ шлюпки. И вотъ мы съ Шакро стали по ея бортамъ и, держась за спасательныя веревки, осторожно пошли куда-то, ведя за собой лодку.

Шакро бормоталъ что-то и смѣялся. Я озабоченно поглядывалъ вокругъ. Было темно. Сзади и справа отъ насъ шумъ волнъ былъ сильнѣе, впереди и влѣво—тише; мы пошли влѣво. Почва была твердая, песчаная, но вся въ ямахъ; иногда мы не доставали дна и гребли ногами и одной рукой, другой держась за лодку; иногда воды было только по колѣно. На глубокихъ мѣстахъ Шакро вылъ, а я дрожалъ

въ страхѣ. И вдругъ, спасеніе!—впереди насъ сверкалъ огонь...

Шакро заоралъ что̀ есть мочи; но я твердо помнилъ, что лодка казенная, и тотчасъ же заставилъ его вспомнить объ этомъ. Онъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ раздались его рыданія. Я не могъ успокоить его—нечѣмъ было.

Воды все становилось меньше... по колѣно... по щиколотки... Воды нѣтъ ужъ больше! Мы съ Шакро все тащили казенную лодку; но тутъ у насъ не стало силъ, и бросили ее. На пути у насъ лежала какая-то черная коряга. Мы перепрыгнули черезъ нее—и оба босыми ногами попали въ какую-то колючую траву. Это было больно и со стороны земли негостепріимно, но мы не обращали на это вниманія и побѣжали на огонь. Онъ былъ въ верстѣ отъ насъ и, весело пылая, казалось, смѣялся навстрѣчу намъ, а тьма страшно колыхалась вокругъ него...

VI.

...Три громадныя, кудластыя собаки, выскочивъ откуда-то изъ тьмы, бросились на насъ. Шакро, все время судорожно рыдавшій, страшно взвылъ и упалъ на землю. Я швырнулъ въ собакъ мокрымъ чекменемъ и наклонился, шаря рукой камня или палки. Ничего не было, только трава колола руки. Собаки дружно наскакивали. Я засвисталъ что̀ есть мочи, вложивъ въ ротъ два пальца. Онѣ отскочили, и тотчасъ же послышался топотъ и говоръ бѣгущихъ людей.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были у костра въ кругу изъ четырехъ чабановъ, одѣтыхъ въ овчины шерстью вверхъ.

Двое сидѣли на землѣ и курили, выпуская дымъ громадными клубами; одинъ—высокій, съ густой черной бородой и въ высокой казацкой папахѣ—стоялъ сзади насъ, опершись на палку съ громадной шишкой изъ корня на концѣ; четвертый, молодой русый парень, помогалъ плакавшему Шакро раздѣваться. Сажепяхъ въ пяти отъ насъ земля на большомъ пространствѣ была покрыта толстымъ пластомъ чего-то густого, сѣраго и волнообразнаго, похожаго на весенній, уже начавшій таять снѣгъ. Только долго и пристально всматриваясь, можно было разобрать отдѣльныя фигуры овецъ, плотно прильнувшихъ одна къ другой. Ихъ было тутъ нѣсколько тысячъ, плотно сдавленныхъ сномъ и мракомъ ночи въ густой, теплый и толстый пластъ, покрывавшій степь. Иногда онѣ блеяли жалобно и пугливо...

Я сушилъ чекмень надъ огнемъ и говорилъ чабанамъ все по правдѣ, разсказалъ и о способѣ, которымъ добылъ лодку.

— Гдѣ жъ она, та лодка?—спросилъ меня суровый сѣдой старикъ, не сводившій съ меня глазъ.

Я сказалъ имъ.

— Поди, Михалъ, взглянь!..

Михалъ, тотъ чернобородый, вскинулъ палку на плечо и направился къ берегу.

Шакро, дрожавшій отъ холода, попросилъ меня дать ему теплый, но еще мокрый чекмень, но старикъ сказалъ:

— Годи! побѣгай прежде, чтобъ разогрѣть кровь. Бѣги вокругъ костра, ну!

Шакро сначала не понялъ, но потомъ вдругъ сорвался съ мѣста и, голый, началъ танцовать невообразимо дикій танецъ, мячикомъ перелетая черезъ костеръ, кружась на одномъ мѣстѣ, топая ногами о землю, крича во всю мочь, размахивая руками. Это была уморительная картина. Двое чабановъ покатывались по землѣ, хохоча во все горло, а старикъ съ серьезнымъ невозмутимымъ лицомъ старался отбивать ладонями тактъ пляски, но не могъ его уловить, присматривался къ танцу Шакро, качая головой и шевеля усами, и все покрикивалъ густымъ басомъ:

— Гай-га! Такъ, такъ! Гай-га! Буцъ, буцъ!

Освѣщенный огнемъ костра, Шакро извивался змѣей, принималъ самыя разнообразныя позы, прыгалъ на одной ногѣ, выбивалъ частую дробь обѣими, и его блестящее въ огнѣ тѣло покрывалось крупными каплями пота. Эти капли отъ огня казались красными, какъ кровь.

Теперь уже всѣ трое чабановъ били въ ладони, а я, дрожа отъ холода, сушился у костра и думалъ, что переживаемое приключеніе сдѣлало бы счастливымъ какого-нибудь поклонника Купера или Жюля Верна: есть и кораблекрушеніе, и остепріимные аборигены, и пляска дикихъ вокругъ костра...

Вотъ Шакро уже сидѣлъ на землѣ, закутанный въ чекмень, и ѣлъ что-то, поглядывая на меня своими черными глазами, въ которыхъ искрилось нѣчто, возбуждавшее во мнѣ непріятное чувство. Его одежда сушилась, повѣшенная на палки, воткнутыя въ землю около костра. Мнѣ тоже дали ѣсть хлѣба и соленаго сала.

Пришелъ Михалъ и молча сѣлъ рядомъ со старикомъ.

— Ну?—спросилъ старикъ.

— Есть лодка!—кратко сказалъ Михалъ.

— Ее не смоетъ?

— Нѣтъ!

И они всѣ замолчали, снова разглядывая меня.

— Что жъ,—спросилъ Михалъ, ни къ кому собственно не

обращаясь,—свести ихъ въ станицу къ атаману?.. А может прямо къ таможеннымъ?

Михалу не отвѣчалъ никто. Шакро ѣлъ себѣ и помалкивал

— Можно къ атаману свести... и къ таможеннымъ тоже И то гарно и другое,—сказалъ, помолчавъ, старикъ.

— Погоди, дѣдъ...—началъ я.

Но онъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

— Вотъ такъ-то! Михалъ! Это штука... Лодка тамъ?

— Эге, тамъ.

— Что̀ жъ... ее не смоетъ вода?

— Ни... не смоетъ.

— Такъ и пускай ее стоитъ тамъ. А завтра лодочни поѣдутъ до Керчи и захватятъ ее съ собой. Что̀ жъ бы из не захватить пустую лодку? Э? Ну, вотъ... А теперь вы хлопцы-рвапцы... того... якъ его?.. Не боялись вы оба? Нѣт те-те!.. А еще бы полверсты, то и быть бы вамъ въ мор Что̀ жъ бы вы подѣлали, коли бъ выкинуло въ море? А Утонули бы, какъ топоры, оба... да! Утонули бы, и все тут

Старикъ замолчалъ и сталъ съ насмѣшливой улыбкой в усахъ смотрѣть на меня.

— Что̀ жъ ты молчишь, парнюга?—спросилъ онъ меня.

Мнѣ надоѣли его разсужденія, которыя я, не понимая, пр нималъ за издѣвательство надъ нами.

— Да вотъ слушаю тебя!—сказалъ я довольно сердито.

— Ну, и что̀ жъ?—поинтересовался старикъ.

— Ну, и ничего.

— А чего жъ ты дразнишься? Развѣ то порядокъ дразни старшаго, чѣмъ самъ ты?

Я промолчалъ.

— А ѣсть ты не хочешь еще?—продолжалъ старикъ.

— Не хочу.

— Ну, не ѣшь. Не хочешь—и не ѣшь. А можетъ, на д рогу взялъ бы хлѣба?

Я вздрогнулъ отъ радости, но не выдалъ себя.

— На дорогу взялъ бы...—спокойно сказалъ я.

— Эге!.. Такъ дайте жъ имъ на дорогу хлѣба и са тамъ... А можетъ, еще что̀ есть? То и этого дайте.

— А развѣ жъ они пойдутъ?—спросилъ Михалъ.

Остальные двое подняли глаза на старика.

— А чего жъ бы имъ съ нами дѣлать?

— Да вѣдь къ атаману мы ихъ хотѣли... а то къ там женнымъ...—разочарованно заявилъ Михалъ.

Шакро завозился около костра и любопытно высунулъ г лову изъ чекменя. Онъ былъ покоенъ.

— Что̀ жъ имъ дѣлать у атамана? Нечего, пожалуй, имъ него дѣлать. Послѣ ужъ они пойдутъ къ нему... коли затятъ.

— А лодка какъ же?—не уступалъ Михалъ.

— Лодка?—переспросилъ старикъ.—Что̀ жъ лодка? Стоитъ а тамъ?

— Стоитъ...—отвѣтилъ Михалъ.

— Ну, и пусть ее стоитъ. А утромъ вотъ Ивашка сгонитъ къ пристани... тамъ ее возьмутъ до Керчи. Больше и него дѣлать съ лодкой.

Я пристально смотрѣлъ на стараго чабана и не могъ улоть ни малѣйшаго движенія на его флегматичномъ, загорѣмъ и обвѣтренномъ лицѣ, по которому прыгали тѣни отъ стра.

— А не вышло бы грѣха какого часомъ... — началъ сдаться Михалъ.

— Коли ты не дашь воли языку, то грѣха не должно бы, жалуй, выйти. А если ихъ довести до атамана, то это, дую я, безпокойно будетъ и намъ и имъ. Намъ надо свое ло дѣлать, имъ—итти... Эй! далеко еще вамъ итти?—спролъ старикъ, хотя я уже говорилъ ему, какъ далеко.

— До Тифлиса...

— Много пути! Вотъ видишь, а атаманъ задержитъ ихъ; коли онъ задержитъ, когда они прійдутъ? Такъ ужъ пусть е они идутъ себѣ, куда имъ дорога. А?

— А что̀ жъ? Пускай идутъ!—согласились товарищи стаіка, когда онъ, кончивъ свои медленныя рѣчи, плотно сжалъ бы и вопросительно оглянулъ всѣхъ ихъ, крутя пальцами ою сивую бороду.

— Ну, такъ идите же къ Богу, ребята! — махнулъ рукой арикъ.—А лодку мы отправимъ на мѣсто. Такъ ли?

— Спасибо тебѣ, дѣдъ!—скинулъ я шапку.

— А за что жъ спасибо?

— Спасибо, братъ, спасибо!—взволнованно повторилъ я.

— Да за что жъ спасибо?.. Вотъ чудно!.. Я говорю—идите ь Богу, а онъ мнѣ — спасибо! Развѣ ты боялся, что я къ яволу тебя пошлю, э?

— Былъ грѣхъ, боялся!..—сказалъ я.

— О!..—и старикъ поднялъ брови. — Зачѣмъ же мнѣ наравлять человѣка по дурному пути? Ужъ лучше я его по ому пошлю, которымъ самъ иду. Можетъ-быть, еще встрѣимся, такъ ужъ знакомы будемъ. Часомъ помочь другъ другу ридется... До свідкі...

Онъ снялъ свою мохнатую баранью шапку и поклонился

намъ. Поклонились и его товарищи. Мы спросили дорогу в Анапу и пошли. Шакро смѣялся надъ чѣмъ-то...

VII.

— Ты чему смѣешься?—спросилъ я его.

Я былъ въ восхищеніи отъ стараго чабана и его жи ненной морали, я былъ въ восхищеніи и отъ свѣжаго пре разсвѣтнаго вѣтерка, вѣявшаго прямо намъ въ грудь, и о того, что небо очистилось отъ тучъ, скоро разсвѣтетъ, и ясное небо выйдетъ солнце, и родится блестящій крас вецъ-день...

Шакро хитро подмигнулъ мнѣ глазомъ и расхохотался ещ сильнѣй. Я тоже улыбался, слыша его веселый, здоровы смѣхъ. Два-три часа, проведенные нами у костра чабанов и вкусный хлѣбъ съ саломъ оставили отъ утомительнаго п тешествія только легонькую ломоту въ костяхъ; но это ощ щеніе не мѣшало нашей радости.

— Ну, чего жъ ты смѣешься? Радъ, что живъ осталс да? Живъ, да еще и сытъ?

Шакро отрицательно мотнулъ головой, толкнулъ меня ло темъ въ бокъ, сдѣлалъ мнѣ гримасу, снова расхохотался наконецъ заговорилъ своимъ ломанымъ языкомъ:

— Нэ панымаишь, почэму смэшно? Нэтъ? Сэчасъ будиш знать! Знаишь, что̀ я сдэлалъ бы, когда бы насъ павэли к этому атаману-таможану? Нэ знаишь? Я бы сказалъ про тэб онъ мэня утопить хотэлъ! И сталъ бы плакать. Тогда бы мэн стали жалэть и не посадыли бы въ турму! Панымаишь?

Я хотѣлъ сначала понять это, какъ шутку, но, увы, он сумѣлъ меня убѣдить въ серьезности своего намѣренія. Он такъ основательно и ясно убѣждалъ меня въ этомъ, что вмѣсто того, чтобы взбѣситься на него за этотъ наивный цн низмъ, преисполнился къ нему чувствомъ глубокой жалост Что̀ иное можно чувствовать къ человѣку, который съ свѣ лѣйшей улыбкой и самымъ искреннимъ тономъ разсказы ваетъ тебѣ о своемъ намѣреніи убить тебя? Что̀ съ ним дѣлать, если онъ смотритъ на этотъ поступокъ, какъ на милу и остроумную шутку?

Я съ жаромъ пустился доказывать ему всю безнравствен ность его намѣренія. Онъ очень просто возражалъ мнѣ, чт я не понимаю его выгодъ, забываю о проживаніи по чужом билету и о томъ, что за это не хвалятъ...

Вдругъ у меня блеснула одна жестокая мысль...

— Погоди,—сказалъ я,—да ты вѣришь въ то, что я, дѣй ствительно, хотѣлъ топить тебя?

— Нэтъ... Когда ты мэня въ воду толкалъ—вэрилъ, когда самъ ты пошелъ—нэ вэрилъ!

— Слава Богу!—воскликнулъ я.—Ну, и за это спасибо!

— Нэтъ, нэ гавари спасыбо! Я тэбэ скажу спасыбо! Тамъ, у костра, тэбэ холодно было, мнѣ холодно было... Чэкмэнь твой,—ты нэ взялъ его сэбэ. Ты его высушилъ и далъ мнѣ. А сэбэ ничэго пэ взялъ. Вотъ тэбэ спасыбо! Ты очэнь харошій человэкъ—я панымаю. Придемъ въ Тыфлысъ, за все получишь. Къ отцу тэбя павэду. Скажу отцу—вотъ человэкъ! Карми его, пои его, а мэня къ ишакамъ въ хлэвъ запры! Вотъ какъ скажу! Жить у насъ будэшь, садовникомъ будэшь, пить будэшь вино, ѣсть чэго хочэшь!.. ахъ. ахъ, ахъ!.. очень харашо будэтъ тэбѣ жить! Очэнь просто!.. Пей, ѣшь изъ адной чашки со мной!..

Онъ долго и подробно рисовалъ прелести жизни, которую собирался устроить мнѣ у себя въ Тифлисѣ. А я подъ его говоръ думалъ о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новой моралью, новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ понимать ихъ... Тяжела жизнь такихъ одинокихъ! Безмолвно носятся они въ воздухѣ... Но они носятся въ немъ, какъ сѣмена добрыхъ злаковъ, хотя и рѣдко сгниваютъ на почвѣ плодотворной...

Свѣтало. Даль моря уже блестѣла розоватымъ золотомъ.

— Я спать хачу!—сказалъ Шакро.

Мы остановились. Онъ легъ въ яму, вырытую вѣтромъ въ сухомъ пескѣ недалеко отъ берега, и, съ головой закутавшись въ чекмень, скоро заснулъ. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ въ море.

Оно жило своей широкой жизнью, полной мощнаго движенія. Стаи волнъ съ шумомъ катились на берегъ и разбивались о песокъ, а онъ слабо шипѣлъ, впитывая воду. Взмахивая бѣлыми гривами, передовыя волны съ шумомъ ударялись грудью о берегъ и отступали, отраженныя имъ, а ихъ уже встрѣчали другія, шедшія поддержать ихъ. Обнявшись крѣпко въ пѣнѣ и брызгахъ, онѣ снова катились на берегъ и били его въ стремленіи расширить предѣлы своей жизни. Отъ горизонта до берега, на всемъ протяженіи моря, рождались эти гибкія и сильныя волны и все шли, шли плотной массой, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ цѣли... Солнце все ярче освѣщало ихъ хребты, и у далекихъ волнъ, на горизонтѣ, онѣ казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропадало безслѣдно въ этомъ титаническомъ дви-

женіи водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной цѣлью и вотъ достигаетъ ея этими широкими, ритмическими ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовыхъ, задорно прыгавшихъ на молчаливый берегъ, и хорошо было смотрѣть, какъ вслѣдъ за ними спокойно и дружно идетъ все море, могучее море, уже окрашенное солнцемъ во всѣ цвѣта радуги и полное сдержаннаго сознанія своей красоты и силы...

Изъ-за мыса, разсѣкая волны, выплылъ громадный пароходъ и, важно качаясь на взволнованномъ лонѣ моря, понесся по хребтамъ волнъ, бѣшено бросавшихся на его борта. Красивый и сильный, блестящій на солнцѣ своимъ металломъ, въ другое время онъ, пожалуй, могъ бы навести на мысль о гордомъ творчествѣ людей, порабощающихъ стихіи... Но рядомъ со мной лежалъ человѣкъ-стихія.

VIII.

Мы шли по Терской области. Шакро былъ растрепанъ и оборванъ на диво и былъ чертовски золъ, хотя уже не голодалъ теперь, такъ какъ заработка было достаточно. Онъ оказался неспособнымъ къ какой-либо работѣ. Однажды попробовалъ стать къ молотилкѣ отгребать солому и черезъ полъ-дня сошелъ, натеревъ граблями кровавыя мозоли на ладоняхъ. Другой разъ стали корчевать держи-дерево, и онъ сорвалъ себѣ мотыгой кожу съ шеи.

Шли мы довольно медленно,—два дня работаешь, а день идешь. Ѣлъ Шакро крайне несдержанно, и, по милости его чревоугодія, я никакъ не могъ скопить столько денегъ, чтобъ имѣть возможность пріобрѣсти ему какую-либо часть костюма. А у него всѣ части были сонмищемъ разнообразныхъ дыръ, кое-какъ связанныхъ разноцвѣтными заплатами.

Однажды въ какой-то станицѣ онъ вытащилъ изъ моей котомки съ большимъ трудомъ, тайно отъ него, скопленные пять рублей и вечеромъ явился въ домъ, гдѣ я работалъ въ огородѣ, пьяный и съ какой-то толстой бабой-казачкой, которая поздоровалась со мной такъ:

— Здравствуй, еретикъ проклятый!

А когда я, удивленный такимъ эпитетомъ, спросилъ ее, почему же я еретикъ?—она съ апломбомъ отвѣтила мнѣ:

— А потому, дьяволъ, что запрещаешь парню женскій полъ любить! Развѣ ты можешь запрещать, коли законъ позволяетъ?.. Анаѳема ты!..

Шакро стоялъ рядомъ съ ней и утвердительно кивалъ головой. Онъ былъ очень пьянъ, и когда дѣлалъ какое-либо дви-

женіе, то весь развинченно качался. Нижняя губа у него отвисла. Тусклые глаза смотрѣли мнѣ въ лицо безсмысленно-упорно.

— Ну, ты, чего же вытаращилъ зѣнки на насъ? Давай его деньги!—закричала храбрая баба.

— Какія деньги?—изумился я.

— Давай, давай! А то я тебя въ войсковую сведу! Давай тѣ полтораста рублей, что̀ взялъ у него въ Одессѣ!

Что̀ мнѣ было дѣлать? Чортова баба съ пьяныхъ глазъ въ самомъ дѣлѣ могла пойти въ войсковую избу, и тогда станичное начальство, строгое къ разному странствующему люду, арестовало бы насъ. Кто знаетъ, что̀ могло выйти изъ этого ареста для меня и Шакро! И вотъ я началъ дипломатически обходить бабу, что̀, конечно, не стоило большихъ усилій. Кое-какъ при помощи трехъ бутылокъ вина я умиротворилъ ее. Она свалилась на землю между арбузовъ и заснула. Я уложилъ Шакро, а рано утромъ другого дня мы съ нимъ вышли изъ станицы, оставивъ бабу съ арбузами.

Полуболной съ похмелья, съ измятымъ и опухшимъ лицомъ, Шакро ежеминутно плевался и тяжко вздыхалъ. Я пробовалъ разговаривать съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ мнѣ и только поматывалъ своей кудластой головой, какъ усталая лошадь.

День становился жаркимъ, и воздухъ былъ наполненъ тяжелыми испареніями сырой почвы, поросшей травой, густой и высокой, чуть не по плечи намъ. Всюду кругомъ насъ неподвижно стояло зеленое бархатное море и дышало въ знойное небо сочными ароматами, отъ которыхъ кружилась голова...

Мы шли узкой тропинкой, по которой взадъ и впередъ ползали маленькія красныя змѣйки, извиваясь у насъ подъ ногами. Тишина, царившая вокругъ, усыпляла и погружала въ мечтательно-дремотное состояніе. Слѣдомъ за нами, по небу медленно двигались черныя густыя стаи тучъ. Сливаясь другъ съ другомъ, онѣ покрыли все небо сзади насъ, тогда какъ впереди оно было еще ясно, хотя уже клочья облаковъ выбѣжали въ него и рѣзво неслись куда-то впередъ, обгоняя насъ и все гуще покрывая небо. Далеко гдѣ-то рокоталъ громъ, и его ворчливые звуки все приближались. Крупныя капли дождя стали падать и ударяться о траву. Трава металлически шелестѣла.

Намъ негдѣ было укрыться. Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть и громче, но какъ-то испуганно. Грянулъ громъ — и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ.

Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось. Молнія, слѣпя глаза, рвала тучи... Въ глубокомъ блескѣ ихъ вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ. Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него съ земли, и земля, казалось, вздрагивала въ страхѣ предъ гнѣвомъ его.

Шакро ворчалъ, какъ испуганная собака. А мнѣ было весело, я какъ-то приподнялся надъ обыкновеннымъ, наблюдая эту могучую, мрачную картину степной грозы. Дивный хаосъ увлекалъ и настраивалъ на героическій ладъ, охватывая душу грозной и дикой гармоніей...

И мнѣ захотѣлось принять участіе въ ней, выразить чѣмъ-нибудь переполнившее меня чувство восхищенія передъ этой тайной силой, сокрушающей тьму и тучи. Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди, и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ предъ грандіозной картиной природы?.. Я запѣлъ — громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувствовалъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками... Я безумствовалъ; это простительно, ибо не вредило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія какъ можно больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ и гроза въ степи!—я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ.

Итакъ, я кричалъ, будучи твердо увѣренъ, что не обезпокою никого такимъ поведеніемъ и никого не поставлю въ необходимость подвергнуть строгой критикѣ мой образъ дѣйствій. Но вдругъ меня сильно дернули за ноги, и я невольно сѣлъ въ лужу...

Въ лицо мнѣ смотрѣлъ Шакро серьезными и гнѣвными глазами.

— Ты сошелъ съ ума? Нэ сошелъ? Нэтъ? Ну, за-амалчи! Нэ крычи! Я тэбэ разорву глотку! Панымаишь?

Я изумился и сначала спросилъ его, чѣмъ я ему мѣшаю?..

— Пугаишь! понялъ? Громъ гремитъ—Богъ гаваритъ, а ты арешь... Что ты о себѣ думаишь?

Я заявилъ ему, что я имѣю право пѣть, если хочу, равно какъ и онъ.

— А я нэ хачу:—категорически заявилъ онъ.

— Не пой!—согласился я.

— И ты нэ пой!—строго внушалъ Шакро.

— Нѣтъ, я ужъ лучше буду...

— Послушай, что̀ ты думаишь? — гнѣвно заговорилъ Шакро.—Кто есть ты такой? Есть у тэбэ домъ? Есть у тэбэ мать? отэцъ? Есть родные? зэмли? Кто ты на зэмлѣ? Ты—человэкъ, думаишь? Это я человэкъ! У мэнэ все есть!..—Онъ постукалъ себя въ грудь.—Я кнэзь!.. А ты... ты—нычего! Нычего нэтъ! А мэнэ знаитъ Кутаисъ, Тыфлысъ!.. Панымаишь? Ты нэ иди протывъ мэнэ! Ты мнѣ служишь? Будышь доволенъ! Я заплачу тэбэ въ дэсять разъ! Ты такъ дэлаешь мнѣ? Ты нэ можишь дэлать иное; ты самъ гаварылъ, что Богъ вэлѣлъ служить всѣмъ бэзъ награды! Я тэбэ награжу! Зачэмъ ты мэнэ мучаишь? учишь, пугаишь? Хочэшь, чтобы я былъ, какъ ты? Это нэхарашо! Нэльзя дѣлать похожимъ на сэбэ!.. Эхъ, эхъ, эхъ!.. Фу, фу!..

Онъ говорилъ, чмокалъ, фыркалъ, вздыхалъ... Я смотрѣлъ ему въ лицо, разинувъ ротъ отъ изумленія. Онъ, очевидно, выливалъ предо мной всѣ возмущенія, обиды и недовольства мною, накопленныя за все время нашего путешествія. Для вящшей убѣдительности онъ тыкалъ мнѣ пальцемъ въ грудь и трясъ меня за плечо, а въ особенно сильныхъ мѣстахъ налѣзалъ на меня всей своей тушей. Насъ поливалъ дождь, надъ нами непрерывно грохоталъ громъ, и Шакро, чтобъ быть услышаннымъ мною, кричалъ во все горло.

Трагикомизмъ моего положенія выступилъ предо мной яснѣе всего и заставилъ меня расхохотаться, что̀ было моихъ силъ...

Шакро, плюнувъ, отвернулся отъ меня.

IX.

...Чѣмъ ближе мы подходили къ Тифлису, тѣмъ Шакро становился сосредоточеннѣе и угрюмѣе. Что-то новое появилось на его исхудаломъ, но все-таки неподвижномъ лицѣ. Недалеко отъ Владикавказа мы зашли въ черкесскій аулъ и подрядились тамъ собрать кукурузу.

Проработавъ два дня среди черкесовъ, почти не говорившихъ по-русски и безпрестанно смѣявшихся надъ нами и ругавшихъ насъ по-своему, мы рѣшили уйти изъ аула, испуганные все возраставшимъ среди аульниковъ враждебнымъ отношеніемъ къ намъ. Мы отошли верстъ десять отъ аула,

когда Шакро вдругъ вытащилъ изъ-за пазухи свертокъ лезгинской кисеи и съ торжествомъ показалъ мнѣ, воскликнувъ:

— Болши нэ надо работать! Продадымъ — купимъ всего! Хватытъ до Тыфлыса! Панымаишь?

Я былъ возмущенъ до бѣшенства и, вырвавъ кисею, бросилъ ее въ сторону и оглянулся назадъ. Черкесы не шутятъ. Незадолго предъ этимъ мы слышали отъ казаковъ такую исторію: одинъ бослкъ, уходя изъ аула, гдѣ работалъ, захватилъ съ собой желѣзную ложку. Черкесы догнали его, обыскали, нашли при немъ эту ложку и, распоровъ ему кинжаломъ животъ, сунули глубоко въ рану ложку, а потомъ спокойно уѣхали, оставивъ его въ степи, гдѣ казаки и подняли его полуживымъ. Онъ разсказалъ это имъ и умеръ на дорогѣ въ станицу. Казаки не разъ и очень строго предостерегали насъ отъ черкесовъ, разсказывая поучительныя исторіи въ этомъ духѣ,—не вѣрить имъ я не имѣлъ основанія.

Я сталъ напоминать Шакро объ этомъ. Онъ стоялъ предо мной, слушалъ и вдругъ молча, оскаливъ зубы и сощуривъ глаза, кошкой бросился на меня. Минутъ пять мы основательно колотили другъ друга, и наконецъ Шакро съ гнѣвомъ крикнулъ мнѣ:

— Будэтъ!..

Измученные, мы долго молчали, сидя другъ противъ друга... Шакро жалобно посмотрѣлъ туда, куда я швырнулъ красную кисею, и заговорилъ:

— За что дрались? Фа, фа, фа!.. Очэнь глупо. Развэ я у тэбэ укралъ? Что тэбэ жалко? Минэ тэбэ жалко, патаму и укралъ... Работаишь ты, я нэ умэю... Что минэ дѣлать? Хотэлъ помочь тэбэ...

Я попытался объяснить ему, что есть кража...

— Пожалуйста, ма-алчи! У тэбэ галава какъ дерево...— презрительно отпесся онъ ко мнѣ и объяснилъ:—Умирать будишь—красть будишь? Ну! А развэ это жизнь? Малчи!

Боясь снова раздражить его, я молчалъ. Это былъ уже второй случай кражи. Еще раньше, когда мы были въ Черноморьѣ, онъ стащилъ у грековъ-рыбаковъ карманные вѣсы. Тогда мы тоже едва не подрались.

— Ну, идемъ дальше?—сказалъ онъ, когда оба мы нѣсколько успокоились, примирились и отдохнули.

Мы пошли дальше. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣй и смотрѣлъ на меня странно, исподлобья. Какъ-то разъ, когда мы уже прошли Дарьяльское ущелье и спускались съ Гудаура, онъ заговорилъ:

— Дэнь - два пройдетъ — въ Тыфлысъ придемъ. Цце, цце,— почмокалъ онъ языкомъ и расцвѣлъ весь удовольствіемъ.— Приду домой,—гдэ былъ? Путэшествовалъ! Въ баню пайду... ага! Ѣсть буду много... ахъ, много! Скажу матэри—очэнь хачу ѣсть. Скажу отцу—просты мэнэ! Я видэлъ много горя и жизнь видэлъ... разнаго рода! Восяки очэнь харрошій народъ! Встрэчу когда, дамъ рубль, павэду въ духанъ, скажу— пей вино, я самъ былъ босякъ! Скажу отцу еще про тэбэ... Вотъ человэкъ,—былъ минэ какъ старшій братъ... Училъ мэнэ. Билъ мэнэ, собака... Кормилъ. И тэпэрь, скажу, корми ты его за это. Годъ корми. Годъ корми—вотъ сколько! Слышишь, Максымъ?

Я любилъ слушать, когда онъ говорилъ такъ; онъ пріобрѣталъ въ такіе моменты нѣчто простое и дѣтское. Такія рѣчи были мнѣ и потому интересны, что я не имѣлъ въ Тифлисѣ ни одного человѣка знакомаго, а близилась зима—на Гудаурѣ насъ уже встрѣтила вьюга. Я надѣялся немного на Шакро.

Мы шли быстро. Вотъ и Мцхетъ—древняя столица Иберіи. Завтра придемъ въ Тифлисъ.

Еще издали, верстъ за пять, я увидалъ столицу Кавказа, сжатую между двухъ горъ. Конецъ пути! Я былъ радъ чему-то, Шакро—равнодушенъ. Онъ тупыми глазами смотрѣлъ впередъ и сплевывалъ въ сторону голодную слюну, то и дѣло съ болѣзненной гримасой хватаясь за животъ. Это онъ неосторожно поѣлъ сырой морковки, нарванной по дорогѣ.

— Ты думаишь, я—грузинскій дварянинъ—пайду въ мой городъ днемъ такой, какъ я есть, рваный и грязный? Нээтъ!.. Мы падаждемъ вэчера. Стой!

Мы сѣли у стѣны какого-то пустого зданія и, свернувъ по послѣдней папироскѣ, дрожа отъ холода, покурили. Съ Военно-Грузинской дороги дулъ рѣзкій и сильный вѣтеръ. Шакро сидѣлъ, напѣвая сквозь зубы какую-то грустную пѣсню... Я думалъ о теплой комнатѣ и о другихъ преимуществахъ осѣдлой жизни предъ жизнью кочевой.

— Идемъ!—поднялся Шакро съ рѣшительнымъ лицомъ.

Стемнѣло. Городъ зажигалъ огни. Это было красиво: огоньки постепенно, одинъ за другимъ, выпрыгивали откуда-то во тьму, глухо окутавшую долину, въ которую спрятался городъ.

— Слушай! Ты дай мэнэ этотъ башлыкъ, чтобъ я закрылъ лицо... а то узнаютъ мэнэ знакомые, можетъ-быть...

Я далъ башлыкъ. Мы идемъ по Ольгинской улицѣ. Шакро насвистывалъ нѣчто рѣшительное.

— Максымъ! Видишь станцію конки — Верійскій мостъ?

Сыди тутъ, жди! Пажалуста, жди! Я зайду въ адынъ домъ, спрошу товарища про своихъ, отца, мать...

— Ты недолго?

— Сэйчасъ! Адынъ моментъ!..

Онъ быстро сунулся въ какой-то темный и узкій переулокъ и исчезъ въ немъ... навсегда.

Я никогда больше не встрѣчалъ этого человѣка—моего спутника въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ жизни, но я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ.

Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ, написанныхъ мудрецами,—ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей.

1896.

ДѢЛО СЪ ЗАСТЕЖКАМИ.

Насъ было трое пріятелей—Семка Каргуза, я и Мишка—бородатый гигантъ съ большими синими глазами, вѣчно ласково улыбавшимися всему и вѣчно опухшими отъ пьянства. Мы обитали въ полѣ, за городомъ, въ старомъ полуразрушенномъ зданіи, почему-то называвшемся „стеклянным заводомъ",—можетъ-быть, потому, что въ его окнахъ не было ни одного цѣлаго стекла,—и брались за разныя работы, не брезгуя ничѣмъ: чистили дворы, рыли канавы, погреба, помойныя ямы, разбирали старыя зданія и заборы и однажды даже попробовали построить курятникъ. Но это намъ не удалось—Семка, всегда относившійся педантически-честно къ взятымъ на себя обязанностямъ, усомнился въ нашемъ знакомствѣ съ архитектурой курятниковъ и однажды въ полдень, когда мы отдыхали, взялъ да и снесъ въ кабакъ выданные намъ гвозди, двѣ новыя доски и топоръ работодателя. За это насъ прогнали съ работы, но, такъ какъ взять съ насъ было нечего, къ намъ не предъявили никакихъ претензій въ удовлетвореніе нанесеннаго нами ущерба. Мы перебивались „съ хлѣба на воду" и всѣ трое ощущали вполнѣ естественное и законное въ такомъ положеніи недовольство нашей судьбой.

Иногда оно принимало острую форму, вызывавшую въ насъ враждебное чувство ко всему окружающему и увлекавшее на подвиги довольно буйственные и предусмотрѣнные „Уложеніемъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями"; но вообще мы были меланхолично-тупы, озабочены пріисканіемъ заработка и крайне слабо реагировали на всѣ тѣ впечатлѣнія бытія, отъ которыхъ нельзя было чѣмъ-либо поживиться.

Мы всѣ трое встрѣтились въ ночлежномъ домѣ недѣли за

двѣ до факта, о которомъ я хочу разсказать, считая его интереснымъ.

Черезъ два-три дня мы были уже друзьями, т.-е. ходили всюду вмѣстѣ, повѣряли другъ другу свои намѣренія и желанія, дѣлили поровну все, что̀ перепадало кому-либо одному изъ насъ, и вообще заключили между собой безмолвный оборонительный и наступательный союзъ противъ жизни, обращавшейся съ нами крайне враждебно.

Мы весьма усердно отыскивали въ теченіе дня возможность что̀ ни то разобрать, распилить, выкопать, перетаскать, и если таковая возможность представлялась, то сначала довольно ревностно принимались за работу.

Но потому, должно-быть, что въ душѣ каждый изъ насъ считалъ себя предназначеннымъ для выполненія болѣе высшихъ функцій, чѣмъ, напримѣръ, копаніе помойныхъ ямъ или чистка ихъ,—что̀ еще хуже, прибавлю для непосвященныхъ въ это дѣло,—часа черезъ два работы намъ она переставала нравиться. Потомъ Семка начиналъ сомнѣваться въ ея надобности для жизни.

— Копаютъ яму... А для чего? Для помоевъ. А просто бы такъ лить на дворъ? Нельзя, вишь. Пахнуть, дескать, будетъ. Ишь ты! Помои будутъ пахнуть! Скажутъ тоже у бездѣлья-то. Выброси, напримѣръ, огурецъ соленый — чѣмъ онъ будетъ пахнуть, коли онъ маленькій? Полежитъ день—и нѣтъ его.. сгнилъ. Это вотъ, ежели человѣка мертваго выбросить на солнце, онъ, дѣйствительно, попахнетъ, потому— гадина крупная.

Такія Семкины сентенціи сильно охлаждали нашъ трудовой пылъ... И это было довольно выгодно для насъ, если работа была взята поденно, но при сдѣльной работѣ всегда выходило такъ, что плата за нее забиралась и проѣдалась нами ранѣе, чѣмъ работа была доведена до конца. Тогда мы шли къ хозяину просить „прибавки"; онъ же въ большинствѣ случаевъ гналъ насъ вонъ и грозилъ съ помощью полиціи заставить насъ докончить трудъ, уже оплаченный имъ. Мы возражали, что голодные мы не можемъ работать, и болѣе или менѣе возбужденно настаивали на прибавкѣ, чего въ большинствѣ случаевъ и достигали.

Конечно, это было непорядочно, но, право же, это было очень выгодно, и мы ни при чемъ, если въ жизни устроено такъ неловко, что порядочность поступка всегда почти стоитъ противъ выгодности его.

Пререканія съ работодателями всегда бралъ на себя Семка и, поистинѣ, артистически-ловко велъ ихъ, излагая доказа-

тельства своей правоты тономъ человѣка, измученнаго работой и изнывающаго подъ тяжестью ея...

А Мишка смотрѣлъ, молчалъ и хлопалъ своими голубыми глазами, то и дѣло улыбаясь доброй, умиротворяющей улыбкой, какъ бы пытаясь сказать что-то и не находя въ себѣ рѣшимости. Онъ говорилъ вообще очень мало и только въ пьяномъ видѣ бывалъ способенъ сказать нѣчто въ родѣ спича.

— Братцы мои!—восклицалъ онъ тогда, улыбаясь, и при этомъ его губы странно вздрагивали, въ горлѣ першило, и онъ нѣсколько времени послѣ начала рѣчи кашлялъ, прижимая горло рукой...

— Н-ну?—досадливо и нетерпѣливо поощрялъ его Семка.

— Братцы вы мои! Живемъ мы, какъ собаки... И даже невпримѣръ хуже... А за что? Неизвѣстно. Но, надо полагать, по волѣ Господа Бога. Все дѣлается по Его волѣ... а, братцы? Ну вотъ... Значитъ, мы достойны собачьяго положенія, потому что люди мы плохіе. Плохіе мы люди, а? Ну вотъ... Я и говорю теперь: такъ намъ, псамъ, и надо. Вѣрно я вѣрю? Выходитъ—это намъ по дѣламъ нашимъ. Значитъ, должны мы терпѣть нашу судьбу... а? Вѣрно?

— Дуракъ!—кратко и равнодушно отвѣчалъ Семка на тревожные и пытливые вопросы товарища.

А тотъ виновато ежился, робко улыбался и молчалъ, моргая слипавшимися отъ опьяненія глазами.

Однажды намъ „пофартило“.

Мы, ожидая спроса на наши руки, толкались по базару и наткнулись на маленькую, сухую старушку съ лицомъ сморщеннымъ и строгимъ. Голова у нея тряслась, и на совиномъ носѣ попрыгивали большія очки въ тяжелой серебряной оправѣ; она ихъ постоянно поправляла, сверкая маленькими, сухо блестѣвшими глазками.

— Вы что — свободны? Работы ищете? — спросила она насъ, когда мы всѣ трое съ вожделѣніемъ уставились на нее.

— Хорошо, — сказала она, получивъ отъ Семки почтительный и утвердительный отвѣтъ.—Вотъ мнѣ надо бы разломать старую баню и вычистить колодецъ... Сколько бы вы взяли за это?

— Надо посмотрѣть, барыня, какая такая будетъ у нихъ, то-есть у баньки вашей, величина...—вѣжливо и резонно сказалъ Семка.—И опять же колодецъ... Разные они бываютъ. Иногда о ень глубокіе...

Насъ пригласили посмотрѣть, и черезъ часъ мы, уже вооруженные топорами и дрекольемъ, лихо раскачивали

строила бани, взявшись разрушить ее и вычистить колодецъ за пять рублей. Баня помѣщалась въ углу стараго запущеннаго сада. Невдалекѣ отъ нея въ кустахъ вишни стояла бесѣдка, и съ потолка бани мы видѣли, что старушка сидитъ въ бесѣдкѣ на скамьѣ и, держа на колѣняхъ большую развернутую книгу, внимательно читаетъ ее... Иногда она бросала въ нашу сторону внимательный и острый взглядъ, книга на ея колѣняхъ шевелилась, и на солнцѣ блестѣли ея массивныя, очевидно, серебряныя застежки...

Нѣтъ работы спорѣе, чѣмъ работа разрушенія...

Мы усердно возились въ клубахъ сухой и ѣдкой пыли, поминутно чихая, кашляя, сморкаясь и протирая глаза; баня трещала и разсыпалась, полусгнившая и старая, какъ ея хозяйка.

— Ну-ка, наляжь, братцы, дружно-о! командовалъ Семка, и вѣнецъ за вѣнцомъ кряхтя падалъ на землю.

— Какая бы это у нея книга? Толстенная такая,—задумчиво спросилъ Мишка, опираясь на стягъ и отирая ладонью потъ съ лица.

Мгновенно превратившись въ мулата, онъ поплевалъ на руки, размахнулся стягомъ, желая всадить его въ щель между бревнами, всадилъ и добавилъ такъ же задумчиво:— Ежели Евангилье—больно толсто будто...

— А тебѣ что?— полюбопытствовалъ Семка.

— Мнѣ-то? Ничего... Люблю я послушать книгу... священную ежели... У насъ въ деревнѣ былъ солдатъ Африканъ, такъ тотъ, бывало, какъ начнетъ псалтырь честь... ровно барабанъ бьетъ... Ловко читалъ!

— Ну такъ что жъ?—снова спросилъ Семка, свертывая папироску...

— Ничего... Хорошо больно... Хоть оно непонятно... а все-таки словно этакое... на улицѣ ты его не услышишь... Непонятно оно, а все-таки чувствуешь, что это слово для души.

— Непонятно ты говоришь... а все-таки видно, что глупъ ты, какъ пень лѣсной...—передразнилъ Семка товарища.

— Извѣстно... ты всегда ругаешься...—вздохнулъ тотъ.

— А съ дураками какъ говорить? Развѣ они могутъ что понимать? Валяй-ка вотъ эту гнилушину... о-о!

Баня разсыпалась, окружаясь обломками и утопая въ тучахъ пыли, отъ которой листья ближайшихъ деревьевъ уже посѣрѣли. Іюльское солнце не щадило нашихъ спинъ и плечъ, распаривая ихъ...

— А книга-то въ серебрѣ,—снова заговорилъ Мишка.

Семка поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ въ сторону бесѣдки.

— Похоже,—кратко изрекъ онъ.

— Значитъ, Евангилье...

— Ну, и Евангилье... Такъ что̀?

— Ничего...

— Этого добра у меня полны карманы. А ты бы, коли священное писаніе любишь, пошелъ бы да и сказалъ ей: почитайте, молъ, мнѣ, бабушка. Намъ, молъ, этого взять неоткуда... Въ церкви мы, по неприличности и грязнотѣ нашей, не ходимъ... а душа, молъ, у насъ тоже... какъ слѣдуетъ... на своемъ мѣстѣ... Подь-ка, ступай!

— А и впрямь... пойду?

— И пойди...

Мишка бросилъ стягъ, одернулъ рубаху, размазалъ ея рукавомъ пыль по рожѣ и спрыгнулъ съ бани внизъ.

— Турнетъ она тебя, лѣшмана... — проворчалъ Семка, скептически улыбаясь, но съ крайнимъ любопытствомъ провожая фигуру товарища, пробиравшагося среди лопуховъ къ бесѣдкѣ. Онъ, высокій, согнувшійся, съ обнаженными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задѣвая за кусты, тяжело двигался впередъ и улыбался смущенно и кротко. Старушка подняла голову навстрѣчу подходившему босяку и спокойно мѣрила его глазами.

На стеклахъ ея очковъ и на ихъ серебряной оправѣ играли лучи солнца.

Она не „турнула“ его, вопреки предположенію Семки. Намъ не слышно было за шумомъ листвы, о чемъ говорилъ Мишка съ хозяйкой; но вотъ мы видимъ, что онъ грузно опускается на землю къ ногамъ старухи и такъ, что его носъ почти касается раскрытой книги. Его лицо степенно и спокойно; онъ—мы видимъ—дуетъ въ свою бороду, стараясь согнать съ нея пыль, возится и наконецъ усаживается въ неуклюжей позѣ, вытянувъ шею впередъ и выжидающе разсматривая сухія маленькія руки старушки, методично перевертывающія листы книги...

— Ишь ты... лохматый песъ!.. Отдыхъ себѣ сдѣлалъ... Айда и мы? Чего такъ-то? Онъ тамъ будетъ прокляждаться, а мы ломи за него. Айда!

Черезъ двѣ-три минуты мы съ Семкой тоже сидѣли на землѣ по оба бока нашего товарища. Старушка ни слова не сказала ввстрѣчу намъ, она только посмотрѣла на насъ пристально и сухо и снова начала перекидывать листы книги, ища въ ней чего-то... Мы сидѣли въ пышномъ зеленомъ кольцѣ свѣжей пахучей листвы, и надъ нами было раскинуто ласковое и мягкое безоблачное небо. Иногда пролеталъ вѣ-

торокъ, и листья начинали шелестѣть тѣмъ таинственнымъ звукомъ, который всегда такъ смягчаетъ душу, родитъ въ ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляетъ задумываться о чемъ-то неясномъ, но близкомъ человѣку, очищающемъ его отъ внутренней грязи или, по меньшей мѣрѣ, заставляющемъ временно забывать о ней и дышать легко и ново...

„Павелъ, рабъ Іисуса Христа...“—раздался голосъ старушки. Онъ старчески дребезжалъ и прерывался, но былъ полонъ благочестія и суровой важности. При первыхъ звукахъ его Мишка истово перекрестился, Семка заерзалъ по землѣ, выискивая болѣе удобную позу. Старушка окинула его глазами, не переставая читать.

„Я весьма желаю увидѣть васъ, чтобы преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему, т.-е. утѣшаться съ вами вѣрою общею, вашею и моею“.

Семка, какъ истинный язычникъ, громко зѣвнулъ, его товарищъ укоризненно вскинулъ на него синими глазами и низко опустилъ свою лохматую голову, всю въ пыли...

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Семку, и это его смутило. Онъ повелъ носомъ, скосилъ глаза и—должно-быть, желая изгладить впечатлѣніе своего зѣвка—глубоко и благочестиво вздохнулъ.

Нѣсколько минутъ прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтеніе дѣйствовало успокоительно.

„Ибо открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое несчастіе и...“

— Что тебѣ нужно?—вдругъ крикнула чтица на Семку.

— А... а ничего! Вы извольте читать,—я слушаю!—смиренно объяснилъ онъ.

— Зачѣмъ ты трогаешь застежки своей грязной ручищей?—сердилась старушка.

— Любопытно... потому—работа очень ужъ тонкая. А я это понимаю—слесарное дѣло мнѣ извѣстно... Вотъ я и пощупалъ.

— Слушай!—сухо приказала старушка.—Скажи мнѣ—о чемъ я тебѣ читала?

— Это извольте. Я вѣдь понимаю...

— Ну, говори...

— Проповѣдь... стало-быть, поученіе насчетъ вѣры, а также и нечестія... Очень просто и... все вѣрно! Такъ за душу и щиплетъ!

Старушка печально потрясла головой и оглядѣла всѣхъ насъ съ укоромъ.

— Погибшіе... Камни вы... Ступайте работать!

— Она, тово... разсердилась будто бы?—виновато улыбаясь, заявилъ Мишка.

А Семка почесался, зѣвнулъ и, посмотрѣвъ вслѣдъ хозяйкѣ, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожкѣ сада, задумчиво произнесъ:

— А застежки-то у книжицы серебряныя...

И онъ улыбнулся во всю рожу, какъ бы предвкушая что-то.

Переночевавъ въ саду около развалинъ бани, уже совершенно разрушенной нами за день, къ полудню другого дня мы вычистили колодецъ, вымочились въ водѣ, выпачкались въ грязи и, въ ожиданіи расчета, сидѣли на дворѣ у крыльца, разговаривая другъ съ другомъ и рисуя себѣ сытный обѣдъ и ужинъ въ близкомъ будущемъ; заглядывать же въ болѣе отдаленное никто изъ насъ не имѣлъ охоты...

— Ну, какого чорта старая вѣдьма не идетъ еще,—нетерпѣливо, но вполголоса возмущался Семка.—Подохла, что ли?

— Экъ онъ ругается! — укоризненно покачалъ головой Мишка.—И чего, напримѣръ, ругается? Старушка—настоящая Божья. А онъ ее ругаетъ. Этакій характеръ у человѣка...

— Разсудилъ... — усмѣхнулся его товарищъ. — Пугало... огородное...

Пріятная бесѣда друзей была прервана появленіемъ хозяйки. Она подошла къ намъ и, протягивая руку съ деньгами, презрительно сказала:

— Получите и... убирайтесь. Хотѣла я вамъ отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Не удостоенные чести распилить баню, въ чемъ, впрочемъ, мы и не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

— Ахъ, ты, старая кикимора!—началъ Семка, чуть только мы вышли за ворота.—На-ко-ся! Не стоимъ! Жаба дохлая!.. Ну-ка, вотъ скрипи теперь надъ своей книгой..

Сунувъ руку въ карманъ, онъ выдернулъ изъ него двѣ блестящія металлическія штучки и, торжествуя, показалъ ихъ намъ.

Мишка остановился, любопытно вытягивая голову впередъ и вверхъ къ поднятой рукѣ Семки.

— Застежки отломалъ?—спросилъ онъ удивленно...

— Онѣ самыя... Серебряныя!.. Кому не надо — рубль дастъ.

— Ахъ, ты! Когда это ты? Спрячь... отъ грѣха...

— И спрячу...

Мы молча пошли дальше по улицѣ.

— Ловко... — задумчиво говорилъ Мишка самъ себѣ. —

Взялъ да и отломилъ... И-да... А книга-то хорошая... Старуха... обидится, чай, на насъ...

— Нѣтъ... что ты! Вотъ она насъ позоветъ назадъ да на чай дастъ...—трунилъ Семка.

— А сколько ты за нихъ хошь?

— Послѣдняя цѣна—девять гривенъ. Ни гроша не уступлю... себѣ дороже... Видишь, ноготь сломалъ!

— Продай мнѣ...—робко спросилъ Мишка.

— Тебѣ? Ты что—запонки хочешь завести себѣ?.. Купи, ха-арошія запонки выйдутъ... какъ разъ къ твоей харѣ.

— Нѣтъ, право, продай! — и Мишка понизилъ тонъ просьбы...

— Купи, говорю... Сколько дашь?

— Бери... сколько тамъ есть на мою долю?

— Рубль двадцать...

— А тебѣ сколь за нихъ?..

— Рубль!..

— Чай, уступи... для друга!..

— Дура нетрепанная! На кой те ихъ дьяволъ?

— Да ужъ ты продавай знай...

Наконецъ торгъ былъ заключенъ, и застежки перешли за девяносто копеекъ въ руки Мишки.

Онъ остановился и сталъ вертѣть ихъ въ рукахъ, наклонивъ кудластую голову и наморщивъ брови и пристально разсматривая два кусочка серебра.

— Нацѣпи ихъ на носъ себѣ...—посовѣтовалъ ему Семка.

— Зачѣмъ?—серьезно возразилъ Мишка.—Не надо. Я ихъ старушкѣ стащу. Вотъ, молъ, мы, старушка, нечаянно захватили эти штуковины, такъ ты ихъ... опять пристрой къ мѣсту... къ книгѣ этой самой... Только вотъ ты ихъ съ мясомъ выдралъ... это какъ теперь?

— Да ты, чортъ, взаправду понесешь? — разинулъ ротъ Семка!

— А какъ?.. Видишь ты, такая книга... нужно, чтобъ она въ полной цѣлости была... ломать отъ нея куски разные негодится... И старушка тоже... обидится... А ей умирать надо... Вотъ я и того... Вы меня, братцы, подождите съ минутку... а я побѣгу назадъ...

И раньше, чѣмъ мы успѣли удержать его, онъ крупными шагами исчезъ за поворотомъ улицы...

— Ну, и мокрица-человѣкъ! Жиделяга грязная!—возмутился Семка, понявъ суть факта и его возможныя послѣдствія.

И, отчаянно ругаясь черезъ два слова въ третье, онъ началъ убѣждать меня:

— Айда, скорѣй! Провалитъ онъ насъ... Теперь сидитъ, чай, поди, руки у него назадъ... А старая корга ужъ и за будочникомъ послала!.. Вотъ-те и водись съ этакимъ пакостникомъ! Да онъ ни за сизо перышко въ тюрьму тебя вопретъ! Нѣтъ, каковъ мерзавецъ-человѣкъ?! Какая подлой души тварь съ товарищемъ такъ поступить можетъ?! Ахъ, ты, Господи! Ну, и люди стали! Айда, чортъ, чего ты растяпился! Ждешь? Жди, чортъ васъ всѣхъ, мошенниковъ, возьми! Тьфу, анаѳемы! Не идешь? Ну, такъ...

Посуливъ мнѣ нѣчто невѣроятно скверное, Семка ожесточенно ткнулъ меня кулакомъ въ бокъ и быстро пошелъ прочь...

Мнѣ хотѣлось знать, что̀ дѣлаетъ Мишка съ нашей бывшей хозяйкой, и я тихонько отправился къ ея дому. Мнѣ не думалось, что я подвергаюсь какой-либо опасности или непріятности.

И я не ошибся.

Подойдя къ дому и приложившись глазомъ къ щели въ заборѣ, я увидѣлъ и услышалъ только слѣдующее: старуха сидѣла на ступенькахъ крыльца, держала въ рукахъ „выдранныя съ мясомъ“ застежки своей библіи и черезъ очки пытливо и строго смотрѣла въ лицо Мишки, стоявшаго ко мнѣ задомъ...

Несмотря на строгій и сухой блескъ ея острыхъ глазъ, по угламъ губъ у нея образовалась мягкая складка кожи; видно было, что старушка хочетъ скрыть добрую улыбку,— улыбку прощенія.

Изъ-за спины старухи смотрѣли какія-то три рожи: двѣ женскія, одна красная и повязанная пестрымъ платкомъ, другая простоволосая, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, а изъ-за ея плечъ высовывалась физіономія мужчины, клинообразная, въ сѣдыхъ бачкахъ и съ вихромъ на лбу... Она то и дѣло странно подмаргивала обоими глазами, какъ бы говоря Мишкѣ:

— Утекай, братъ, скорѣй!

Мишка мямлилъ, пытаясь объясниться:

— ...Такая рѣдкостная книга. Вы, говоритъ, всѣ — скоты и псы... собаки. Я и думаю... Господи, вѣрно! Такъ надо говорить по правдѣ... сволочи мы и окаянные люди... подлецы. И опять же, думаю: барыня—старушка, можетъ, у ней и утѣха одна, что вотъ книга—да и все тутъ... Теперь застежки... много ли за нихъ дадутъ? А ежели при книгѣ, то онѣ—вещь! Я и помыслилъ... дай-ка, молъ, я обрадую

старушку Божію, отнесу ей вещь назадъ... Къ тому же мы, слава те Господи, заработали малу толику на пропитаніе. Счастливо оставаться! Я ужъ пойду.

— Погоди!—остановила его старуха.—Понялъ ты, что я вчера читала?..

— Я-то? Гдѣ мнѣ понять! Слышу—это такъ... да и то — какъ слышу? Развѣ у насъ уши для слова Божія? Намъ оно непонятно... Прощевайте...

— Та-акъ!—протянула старуха.—Нѣтъ, ты погоди...

Мишка тоскливо вздохнулъ на весь дворъ и по-медвѣжьи затоптался на мѣстѣ. Его уже, очевидно, тяготило это объясненіе...

— А хочешь ты, чтобъ я еще почитала тебѣ?

— Мм... товарищи ждутъ...

— Ты плюнь на нихъ... Ты хорошій малый... брось ихъ.

— Хорошо...—тихо согласился Мишка.

— Бросишь? Да?

— Брошу...

— Ну, вотъ... умница!.. Совсѣмъ ты дитя... а борода вонъ какая... до пояса почти... Женатъ ты?..

— Вдовый... померла жена-то...

— А зачѣмъ ты пьешь? Вѣдь ты пьяница?

— Пьяница... пью.

— Зачѣмъ?

— Пью-то? По глупости пью. Глупъ, ну и пью. Конечно, ежели бы человѣку умъ... да разѣ бы онъ самъ себя портилъ?—уныло говорилъ Мишка.

— Вѣрно разсудилъ... Ну вотъ, ты и копи умъ... накопи, да и поправься... ходи въ церковь... слушай Божіе слово... въ немъ вся мудрость.

— Оно конечно...—почти простоналъ Мишка.

— А я еще почитаю тебѣ... хочешь?..

— Извольте...

Старуха достала откуда-то изъ-за себя библію, порылась въ ней, и дворъ огласился ея дрожащимъ голосомъ:

„Итакъ, неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого, ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, дѣлаешь то же!“

Мишка тряхнулъ головой и почесалъ себѣ лѣвое плечо.

„...Неужели думаешь ты, человѣкъ, что избѣжишь суда Божія?“

— Барыня! — плачевно заговорилъ Мишка, — отпустите меня для Бога... Я вдругорядь лучше приду послушаю... а теперь больно мнѣ ѣсть хочется... такъ те вотъ и пучитъ животъ-отъ... Съ вечера мы не ѣмши...

Барыня сильно хлопнула книгой.

— Ступай! Иди! — отрывисто и рѣзко прозвучало на дворѣ...

— Покорнѣйше благодаримъ!.. — И онъ чуть не бѣгомъ направился къ воротамъ...

— Нераскаянныя души... Звѣриныя сердца...—шипѣло по двору вслѣдъ ему...

Черезъ полчаса мы съ нимъ сидѣли въ трактирѣ и пили чай съ калачомъ.

— Какъ буравомъ она меня сверлила...—говорилъ Мишка, ласково улыбаясь мнѣ своими милыми глазами. — Стою я и думаю... Ахъ, ты, Господи! И зачѣмъ только пошелъ я? На муку пошелъ... Гдѣ бы ей взять у меня эти застежки да и отпустить меня,—она разговоръ затѣяла. Экій народъ-чудакъ! Съ ними хочешь по совѣсти поступать, а они свое гнутъ... Я по простотѣ души говорю ей: „Вотъ те, барыня, твои застежки, не жалуйся на меня“... А она говоритъ: „Нѣтъ, погоди, ты разскажи, зачѣмъ ты ихъ мнѣ принесъ?“ И пошла жилы изъ меня тянуть... Я даже взопрѣлъ отъ ея разговору... право, ей-Богу!

И онъ все улыбался своей безконечно-кроткой улыбкой...

Семка, надутый, взъерошенный и угрюмый, серьезно сказалъ ему:

— Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя съ такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съѣдятъ...

— Ну жъ! Ты скажешь слово. Дава-ко выпьемте по стакашку... за окончаніе дѣла!

И мы дружно выпили по стакашку за окончаніе этого курьезнаго дѣла.

1896.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

Море огромное, лѣниво вздыхающее у берега, уснуло и неподвижно въ дали, облитой голубымъ сіяніемъ луны. Мягкое и серебристое, оно слилось тамъ съ синимъ южнымъ небомъ и крѣпко спитъ, отражая въ себѣ прозрачную ткань перистыхъ облаковъ, неподвижныхъ и не скрывающихъ собою золотыхъ узоровъ звѣздъ. Кажется, что небо все ниже наклоняется надъ моремъ, желая понять то, о чемъ шепчутъ неугомонныя волны, сонно вползая на берегъ.

Горы, поросшія деревьями, уродливо изогнутыми нордъостомъ, рѣзкими взмахами подняли свои вершины въ синюю пустыню надъ ними, и сухіе, суровые контуры ихъ округлились, одѣтые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. Съ нихъ на пышные зеленоватые гребни волнъ упали черныя тѣни и одѣваютъ ихъ, какъ бы желая остановить единственное движеніе и заглушить немолчный плескъ воды и вздохи пѣны,—всѣ звуки, которые нарушаютъ тайную тишину, разлитую вокругъ вмѣстѣ съ голубымъ серебромъ сіянія луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ахъ-а-акбаръ!..—тихо вздыхаетъ Надыръ-Рагимъ-Оглы, старый крымскій чабанъ, высокій, сѣдой, сожженный южнымъ солнцемъ, сухой и мудрый старикъ.

Мы съ нимъ лежимъ на пескѣ у громаднаго камня, оторвавшагося отъ родной горы, одѣтаго тѣнью, поросшаго мхомъ,—у камня печальнаго, хмураго. На тотъ бокъ его, который обращенъ къ морю, волны набросали тины и водорослей, и обвѣшанный ими камень кажется привязаннымъ къ узкой песчаной полоскѣ, отдѣляющей море отъ горъ. Пламя нашего костра освѣщаетъ его со стороны, обращенной къ горѣ, оно вздрагиваетъ, и по старому камню, изрѣзанному частой сѣтью глубокихъ трещинъ, бѣгаютъ тѣни.

Мы съ Рагимомъ варимъ уху изъ только-что наловленной ыбы и оба находимся въ томъ настроеніи, когда все ка-ется призрачнымъ, одухотвореннымъ, позволяющимъ про-икать въ себя, когда на сердцѣ такъ чисто, легко, и нѣтъ ныхъ желаній, кромѣ желанія думать.

А море ластится къ берегу, и волны звучатъ такъ ласково, очно просятъ пустить ихъ погрѣться къ костру. Иногда въ бщей гармоніи плеска слышится болѣе повышенная и шало-ливая нота,—это одна изъ волнъ, посмѣлѣе, подползла ближе ъ намъ.

Рагимъ лежитъ грудью на пескѣ, головой къ морю, и думчиво смотритъ въ мутную даль, опершись локтями и по-живъ голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съѣхала му на затылокъ, и съ моря вѣетъ свѣжестью въ его вы-окій лобъ, весь въ мелкихъ морщинахъ. Онъ философ-твуетъ, не справляясь, слушаю ли я его, точно онъ гово-итъ съ моремъ:

— Вѣрный Богу человѣкъ идетъ въ рай. А который не лужитъ Богу и пророку? Можетъ, онъ—вотъ въ этой пѣнѣ... і тѣ серебряныя пятна на водѣ, можетъ, онъ же... кто наетъ?

Темное, могуче размахнувшееся море свѣтлѣетъ, мѣстами а немъ появляются небрежно брошенные блики луны. Она же выплыла изъ-за мохнатыхъ вершинъ горъ и теперь за-умчиво льетъ свой свѣтъ на море, тихо вздыхающее ей австрѣчу, на берегъ и камень, у котораго мы лежимъ.

— Рагимъ!.. Разскажи сказку...—прошу я старика.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Рагимъ, не оборачиваясь ко нѣ.

— Такъ! Я люблю твои сказки.

— Я тебѣ всѣ ужъ разсказалъ... Больше не знаю.

Это онъ хочетъ, чтобы я попросилъ его. Я прошу.

— Хочешь, я разскажу тебѣ пѣсню?—соглашается Рагимъ.

Я хочу слышать старую пѣсню, и унылымъ речитативомъ, тараясь сохранить своеобразную мелодію пѣсни, онъ раз-казываетъ.

I.

„Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ щельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

„Высоко въ небѣ сіяло солнце, а горы зноемъ дышали въ ебо, и бились волны внизу о камень...

„А по ущелью, во тьмѣ и брызгахъ, потокъ стремился на-трѣчу морю, гремя камнями...

„Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гор
и падалъ въ море, сердито воя.

„Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ нес
Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

„Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился груд
въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...

„Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, ч
жизни птицы двѣ-три минуты...

„Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣл
онъ ей прямо въ очи:

„— Что̀, умираешь?“

„— Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко.—
славно пожилъ!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я в
дѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко!.. Эхъ, ты, бѣ
няга!

„— Ну, что̀ же—небо?—пустое мѣсто... Какъ мнѣ там
ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

„Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся
душѣ надъ нею за эти бредни.

„И такъ подумалъ: „Летай иль ползай, конецъ извѣстен
всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ...“

„Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ н
много и по ущелью повелъ очами.

„Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно
ущельѣ темномъ, и пахло гнилью.

„И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ в
силы:

„— О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага пр
жалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей о
кровью!.. О, счастье битвы!..

„А Ужъ подумалъ: „Должно-быть, въ небѣ и въ само
дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!..“

„И предложилъ онъ свободной птицѣ:

„— А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайс
Быть-можетъ, крылья тебя поднимутъ, и поживешь еще н
много въ твоей стихіи.

„И дрогнулъ Соколъ и, гордо крикнувъ, пошелъ къ обры
скользя когтями по слизи камня.

„И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ вс
грудью, сверкнулъ очами и внизъ скатился.

„И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быст
падалъ, ломая крылья, теряя перья...

„Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла
пѣну, умчала въ море.

„А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились...
І трупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ...

II.

„Въ ущельѣ лежа, Ужъ долго думалъ о смерти птицы, о
грасти къ небу.

„И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что̀ вѣчно ласкаетъ
чи мечтой о счастьѣ.

„— А что̀ онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой
езъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, сму-
ают душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что̀ имъ
амъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ
ебо хоть не надолго.

„Сказалъ и—сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись, онъ пря-
улъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

„Рожденный ползать—летать не можетъ!.. Забывъ объ
гомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

„Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ
аденьи!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя,
нѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ
ойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ
амъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гор-
ость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство
воихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла
изни? Смѣшныя птицы!.. Но не обманутъ теперь ужъ
ольше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо...
злеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не
азбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что̀
емлю любить не могутъ, живутъ обманомъ. Я знаю правду.
І ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей
иву я.

„И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

„Блестѣло море все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о
ерегъ бились.

„Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ,
рожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной
ѣсни:

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

„Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни! О, смѣлый
околъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ
ремя—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ
о мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной
аждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умеръ!.. Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ

духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призыво
гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!..“

...Молчитъ опаловая даль моря, пѣвуче плещутъ волны
песокъ, и я молчу, глядя въ даль моря. На водѣ все боль
серебряныхъ пятенъ отъ лунныхъ лучей... Нашъ котело
тихо закипаетъ.

Одна изъ волнъ игриво вскатывается на берегъ и, вы
вающе шумя, ползетъ къ головѣ Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла!—машетъ на нее Рагимъ рук
и она покорно скатывается обратно въ море.

Мнѣ нимало не смѣшна и не страшна выходка Рагим
одухотворяющаго волны. Все кругомъ смотритъ стран
живо, мягко, ласково. Море такъ внушительно-спокойно,
чувствуется, что въ свѣжемъ дыханіи его на горы, еще
остывшія отъ дневного зноя, скрыто много мощной, сдержа
ной силы. По темно-синему небу золотымъ узоромъ звѣз
написано нѣчто торжественное, чарующее душу, смущающ
умъ сладкимъ ожиданіемъ какого-то откровенія.

Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажет
что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепенется и заз
читъ въ стройной гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуко
Эти звуки разскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ у
а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и ув
кутъ съ собой душу высоко въ темно-синюю бездну, отку
навстрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже зазвучатъ диви
музыкой откровенія...

1896.

НА ПЛОТАХЪ.

I.

...Грузныя тучи медленно ползутъ надъ сонной рѣкой; кажется, что онѣ спускаются все ниже и ниже, кажется, что вдали ихъ сѣрые лохмотья коснулись поверхности быстрыхъ и мутныхъ весеннихъ волнъ, и что тамъ, гдѣ они коснулись воды—встала до небесъ непроницаемая стѣна облаковъ, заградившая собою теченіе рѣки и путь плотамъ.

И волны, безуспѣшно подмывая эту стѣну, бьются о нее съ тихимъ, жалобнымъ рокотомъ, бьются и, отброшенныя ею, разбѣгаются вправо и влѣво, гдѣ лежитъ сырая тьма весенней, свѣжей ночи.

Но плоты плывутъ впередъ, и даль отодвигается предъ ними въ пространство, полное тяжелыхъ облачныхъ массъ.

Береговъ не видать—ихъ скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкія волны разлива.

Рѣка—какъ море. И небо надъ нею, все окутанное облаками, тяжело, сыро и скучно.

Ни воздуха ни яркихъ красокъ нѣтъ въ этой сѣрой и мутной картинѣ.

Плоты скользятъ по водѣ быстро и безшумно, а навстрѣчу имъ изъ тьмы выдвигается пароходъ, выбрасывая изъ трубы веселую толпу искръ и глухо ударяя по водѣ плицами колесъ...

Два красныхъ фонаря на отводахъ все увеличиваются, становятся ярче, а фонарь на мачтѣ тихо покачивается изъ стороны въ сторону и таинственно подмигиваетъ тьмѣ.

Пространство наполнено шумомъ разбиваемой воды и тяжелыми вздохами машины.

— По-оглядывай!—раздается на плотахъ сильный грудной окликъ.

У рулевыхъ веселъ, на хвостѣ плота, стоятъ двое: Митя—сынъ сплавщика, русый, хилый, задумчивый парень лѣтъ двадцати двухъ, и Сергѣй—работникъ, хмурый, здоровый дѣтина въ рыжей бородѣ; изъ ея рамки выдаются крѣпкіе крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмѣшливо вздернутой кверху.

— Клади лѣво!—снова сотрясаетъ тьму громкій крикъ спереди плотовъ.

— Знаемъ и сами! Чего орешь? — недовольно ворчитъ Сергѣй и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

— О-ухъ! Вороти крѣпчае, Митюкъ!

Митрій, упираясь ногами въ сырыя брёвна, тянетъ къ себѣ тонкими руками тяжелую жердь—руль—и хрипло кашляетъ.

— Гпи!.. бери лѣвѣй!.. черти, дьяволы!—кричатъ спереди тревожно и озлобленно.

— Ори! Твой-то чахлый сынъ соломину о колѣно не переломитъ, а ты его на руль ставишь, да и орешь потомъ на всю рѣку. Жаль было еще работника нанять кощею-спохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!..

Сергѣй ворчитъ уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышатъ, и даже какъ бы желая этого...

Пароходъ мчится мимо плотовъ, съ ропотомъ выметывая изъ-подъ колесъ пѣнистыя волны. Брёвна раскачиваются на водѣ, и скрученныя изъ сучьевъ связи скрипятъ жалобнымъ и сырымъ звукомъ.

Освѣщенныя окна парохода смотрятъ на рѣку, и плоты, какъ рядъ огромныхъ глазъ, отражаются на взволнованной водѣ свѣтлыми, трепещущими пятнами и исчезаютъ.

Волны сильно плещутъ на плоты, брёвна прыгаютъ, и Митрій, покачиваясь на ногахъ, крѣпко прижимается къ рулю, боясь упасть.

— Ну, ну!—насмѣшливо урчитъ Сергѣй.—заплясалъ. Вотъ отецъ-то гаркнетъ тебѣ опять... А то пойдетъ да всадитъ тебѣ въ бокъ-то раза, тогда не такъ запляшешь! Бери право! Ой-ну! О, о!..

И упругими, какъ стальныя пружины, руками Сергѣй мощно ворочаетъ свое весло, глубоко разрывая имъ воду...

Энергичный, высокій, немного злой и насмѣшливый онъ стоитъ такъ, точно приросъ къ брёвнамъ босыми ногами, и въ напряженной позѣ, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотритъ впередъ.

— Ишь, отецъ-то у тебя какъ обниматъ Марьку-то! Ну-ну, и дьяволы же! Ни стыда ни совѣсти! И чего ты, Митрій,

не уйдешь куда отъ нихъ, чертей поганыхъ?.. а? Слышь, что ли?

— Слышу!—вполголоса говоритъ Митрій, не глядя туда, гдѣ Сергѣй, сквозь тьму, видитъ ето отца.

— Слышу-у! Эхъ, ты, тюря!—дразнится Сергѣй и иронически хохочетъ.—Дѣла!—продолжаетъ онъ, подзадориваемый апатіей Митрія.—Ну, и старикъ—чортъ! Женилъ сына, отбилъ сноху и правъ! Старый галманъ!

Митрій молчитъ и смотритъ назадъ по рѣкѣ, гдѣ тоже образовалась стѣна густыхъ облаковъ.

Теперь облака вездѣ, и кажется, что плоты не плывутъ, а неподвижно стоятъ въ этой густой и черной водѣ, подавленной тяжелыми темно-сѣрыми грудами тучъ, упавшими въ нее съ неба и заградившими ей путь.

Рѣка кажется бездоннымъ омутомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ горами, высокими до неба и одѣтыми густымъ покровомъ тумана.

Кругомъ—томительно-тихо, и вода точно ждетъ чего-то, слабо поплескивая на плоты. Много грусти и какой-то робкій вопросъ слышится въ этомъ бѣдномъ звукѣ, единственномъ среди ночи и еще болѣе оттѣняющемъ ея тишину...

— Вѣтру бы теперь дунуть...—говоритъ Сергѣй.—Нѣтъ, не надо вѣтру—потому онъ дождя нагонитъ,— возражаетъ онъ самъ себѣ и начинаетъ набивать трубку, покряхтывая.

Вспыхиваетъ спичка, слышно хрипѣніе въ засоренномъ чубукѣ, и красный огонекъ, то разгораясь, то угасая, освѣщаетъ какъ бы ныряющее во тьмѣ широкое лицо Сергѣя.

— Митрій!—раздается его голосъ. Теперь онъ менѣе угрюмъ, и въ немъ яснѣе звучитъ смѣшливая нота.

— А?—вполголоса отвѣчаетъ Митрій, не отводя глазъ изъ дали, гдѣ онъ пристально разсматриваетъ что-то своими большими и грустными глазами.

— Какъ же это, братъ ты мой, а?

— Чего?—отзывается Митрій недовольно.

— Женился-то?! Смѣхи! Какъ это было-то? Ну, пошли вы, значитъ, съ женой спать? Ну, какъ же?! Ха-ха-ха!

— Эй, вы! Ржете тамъ! По-оглядыва-ай!—угрожающе пронеслось надъ рѣкой.

— Ишь реветъ, снохачъ анаѳемскій!—съ восхищеніемъ отмѣчаетъ Сергѣй и снова возвращается къ интересующей его темѣ.

— Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи ужъ, чай! а?

— Отстань, Серега! говорилъ ужъ вѣдь!—просительно шепчетъ Митрій; но, должно-быть, зная, что отъ Сергѣя не отвяжешься, торопливо начинаетъ:

— Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: не могу, молъ, я мужевать съ тобой, Марья. Ты дѣвка здоровая, я человѣкъ больной, хилый. И совсѣмъ, молъ, я жениться не желалъ, а батюшка, молъ, силкомъ меня—женись, говоритъ, да и все! Я, молъ, вашу сестру не люблю, а тебя больше всѣхъ. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимаешь... Пакость одна да грѣхъ... Дѣти тоже... За нихъ отвѣтъ Богу дать надо...

— Пакость! — взвизгиваетъ Сергѣй и громогласно хохочетъ.—Ну, и что̀ жъ она, Марька-то? а?

— Ну... Что̀ же, говоритъ, мнѣ дѣлать теперь? Плачетъ сидитъ. Чѣмъ, говоритъ, я тебѣ не по сердцу? Али, говоритъ, я уродина какая? Безстыдница она, Серега!.. и злая. Что̀ же, говоритъ, мнѣ съ моимъ здоровьемъ къ свекру, что ли, итти? Я говорю: какъ хошь, молъ... Куда хошь иди. Мнѣ, молъ, супротивъ души невозможно поступить... Любовь кабы была! А такъ—что̀ же? Дѣдушка Иванъ говорилъ—смертный грѣхъ это дѣло. Скоты мы съ тобой, что ли, молъ? Плачетъ все. Загубили, говоритъ, мою дѣвичью красоту. Жалко ее было мнѣ. Ничего, молъ, какъ-нибудь обойдется. А то, молъ, въ монастырь иди. Она ругаться: дуракъ ты, говоритъ, Митька, подлецъ...

— А, б-батюшки!—восхищеннымъ шопотомъ шипитъ Сергѣй.—Такъ ты ей и отклололъ—въ монастырь?

— Такъ и сказалъ,—просто говоритъ Митя.

— А она тебя—дуракомъ?—повышаетъ тонъ Сергѣй.

— Да... обругала.

— За дѣло, братъ! А-ахъ, и за дѣло! Вздуть бы еще надо!—вдругъ мѣняетъ тонъ Сергѣй. Теперь онъ говоритъ строго и внушительно.—Развѣ ты можешь супротивъ закону итти? А ты—пошелъ! Установлено—ну, значитъ, и шабашъ! Не моги спорить. А ты на-ко-ся! Экъ выворотилъ корягу. Въ монастырь! Дурья голова! Вѣдь дѣвкѣ-то что надо? Али монастырь? Ну, и люди нынче! Ты подумай — что̀ вышло? Самъ ты ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку, дѣвку погубилъ... полюбовницей стариковой стала—старика во грѣхъ снохаческій ввелъ. Сколько ты закона нарушилъ? Го-олова!

— Законъ-то, Сергѣй, въ душѣ. Одинъ законъ про всѣхъ: не дѣлай такого, что̀ противъ души твоей, и никакого ты худа на землѣ не сдѣлаешь,—тихо и умиротворяюще проговорилъ Митрій, тряхнувъ головой.

— А ты вотъ сдѣлалъ!—энергично возразилъ Сергѣй.—Въ душѣ! Экъ тоже... Мало ли что̀ въ душѣ-то есть. Всему запрета не полагать—нельзя. Душа, душа... Ее, братъ, понимать надо, а потомъ ужъ и тово...

— Нѣтъ, ты это не такъ, Сергѣй! — горячо заговорилъ
итрій, точно вспыхнулъ вдругъ. — Душа-то, братъ, всегда
ста, какъ росинка. Въ скорлупкѣ она, вотъ что̀! Глубоко
а. А коли ты къ ней прислушаешься, такъ не ошибешься.
егда по-божески будетъ, коли по душѣ сдѣлано. Въ душѣ
дь Богъ-то, и законъ, значитъ, въ ней. Богомъ она со-
ана, Богомъ въ человѣка вдунута. Нужно только въ нее
глянуть умѣть. Нужно только не жалѣючи себя...

— Эй, вы! Деймоны сонные! Гляди въ оба! — раскатисто
гремѣло и поплыло по рѣкѣ.

По силѣ звука чувствовалось, что кричитъ человѣкъ здо-
вый, энергичный, довольный собой, человѣкъ съ большой и
но сознанной имъ жизнеспособностью. Кричалось не по-
му, что окрикъ былъ вызванъ сплавщиками, а потому, что
ша была полна чѣмъ-то радостнымъ и сильнымъ, и оно—
о радостное и сильное—просилось вонъ, на волю, и вотъ—
рвалось въ этомъ гремящемъ, энергичномъ звукѣ.

— Ишь, какъ тявкнулъ, старый чортъ!—съ удовольствіемъ
мѣтилъ Сергѣй и зорко посмотрѣлъ впередъ, усмѣхаясь.—
илуются голубки! Завидно не бывать, Митька?

Митрій равнодушно посмотрѣлъ туда, къ переднимъ ве-
амъ, гдѣ двѣ человѣческія фигуры перебѣгали по плотамъ
рава налѣво и, останавливаясь близко другъ къ другу,
огда сливались въ одну плотную, темную массу.

— Не завидно, молъ?—повторилъ Сергѣй.

— Что̀ мнѣ? Ихъ грѣхъ—ихъ отвѣтъ,—тихо сказалъ Митя.

— Та-акъ! — иронически протянулъ Сергѣй и подложилъ
баку въ трубку. Снова во тьмѣ заблестѣлъ красный огонекъ.

А ночь становилась все гуще, и сѣрыя тучи, черныя, все
же спускались надъ тихой, широкой рѣкой.

— Гдѣ жъ это ты, Митрій, нахваталъ такой мудрости ве-
кой, а? Али ужъ у тебя это врожденная? Не въ отца ты,
атокъ. Герой у тебя отецъ-отъ. Смотри-ка—48 годовъ ему,
онъ какую кралечку милуетъ! Сокъ одинъ баба. И любитъ
а его—что̀ ужъ тутъ! Любитъ, братъ. Нельзя не любить
зыря такого. Король козырей, бардадымъ отецъ-отъ у тебя.
аботаетъ—любо глядѣть, достатокъ большой: почета хошь
бавляй, и голова на мѣстѣ. Н-да! А ты вотъ ни въ мать
и въ отца. Мить? А что̀ бы отецъ-отъ сдѣлалъ, кабы по-
йница Анѳиса жива была? Чудно! Посмотрѣлъ бы я, какъ
а его... Тоже баба была—бой, матка-то твоя... Подъ пару
лану-то.

Митрій молчалъ, облокотясь на весло и глядя въ воду.

Сергѣй тоже замолчалъ. Спереди плотовъ доносился звон-

кій женскій смѣхъ. Ему вторилъ басовитый смѣхъ мужчин
Заткапныя мглой ихъ фигуры были еле видны Сергѣю, с
любопытствомъ и зорко смотрѣвшему на нихъ сквозь тьм
Можно было видѣть, что мужчина высокъ и стоитъ у весл
широко разставивъ ноги, въ полъ-оборота къ кругленько
маленькой женщинѣ, прислонившейся грудью къ другом
веслу саженяхъ въ полутора отъ перваго. Она грозитъ му
чинѣ пальцемъ, рассыпчато и задорно посмѣиваясь. Серг
отвернулся со вздохомъ сокрушенія и, сосредоточенно помо
чавъ, заговорилъ опять:

— Эхма! И ладно же имъ тамъ. Мило! Мнѣ бы во
такъ-то, бобылю-шаталѣ! Ни въ жисть бы отъ такой баб
не ушелъ! Эхъ, ты! Такѣ бы все и мялъ ее въ рукахъ, и
выпускалъ. На, чувствуй, какъ люблю... Чортъ-те! Не везе
вотъ мнѣ на бабу... Не любятъ, видно, бабы рыжихъ-то. Н-д
Капризная она—баба эта... А шельма! Жадна жить. Мит
Эй, спишь?

— Нѣтъ,—тихо отвѣтилъ Митя.

— То-то! Какъ же ты, братъ, жизнь проходить будеш
Вѣдь, ежели говорить правду — одинъ ты, какъ перстъ. Т
жело! Куда жъ ты себя теперь опредѣлишъ? Житья тебѣ н
стоящаго на людяхъ не найти. Смѣшонъ больно. Али это ч
ловѣкъ, который постоять за себя не умѣетъ! Нужно, брат
зубы да когти. Всякій тебя будетъ забиждать. Разѣ ты м
жешь о'оониться? Чѣмъ тебѣ оборониться? Эхе-хе! Чудеп
Куда жъ ты?

— Я-то?—вновь встрепенулся Митя. — Я уйду. Я, брат
осенью нынѣ—на Кавказъ и—кончено! Господи! Только б
скорѣе отъ васъ! Бездушные! Безбожные вы люди, бѣжа
отъ васъ — одно спасенье! Зачѣмъ вы живете? Гдѣ у вас
Богъ? Слово у васъ одно... Али вы во Христѣ живете? Эх
вы, волки вы! А тамъ иные люди, живы души ихъ во Христ
и сердца ихъ содержатъ любовь и о спасеніи міра страждут
А вы? Эхъ, вы. Звѣри, пакость рыкающіе! Есть иные люд
Видѣлъ я ихъ. Звали меня. Къ нимъ и уйду. Книгу свято
Писанія принесли мнѣ они. Читай, говоритъ, человѣкъ Б
жій, братъ нашъ любезный, читай слово истинно... И чита
я, и обновилась душа моя отъ слова Божія. Уйду. Бро
васъ, волки безумные; отъ плоти другъ друга питаетесь в
Анаѳема вамъ!

Митрій говорилъ это страстнымъ шопотомъ и задыхал
отъ переполнявшаго его чувства презрительной злобы к
безумнымъ волкамъ и отъ жажды тѣхъ людей, души кот
рыхъ мыслятъ о спасеніи міра.

Сергѣй былъ ошеломленъ. Онъ помолчалъ, широко открывъ рть и держа въ рукѣ свою трубку, подумалъ, оглянулся кру-мъ и сказалъ густымъ, угрюмымъ голосомъ:

— Ишь, какъ взъѣлся!.. Злой тоже. Напрасно чёлъ книгу-то. то ё знаетъ, какая тамъ она? Ну... вали, вали, утекай, а о совсѣмъ испортиться можешь. Айда! бѣги, пока не озвѣ-ѣлъ совсѣмъ... А что жъ это за люди тамъ на Кавказѣ? онахи? Аль, можетъ, старовѣры? Они молоканы, что ли? А?

Но Митрій готухъ уже такъ же быстро, какъ и вспых-ылъ. Онъ ворочалъ весломъ, задыхаясь отъ усилій, и что-то епталъ быстро и нервно.

Сергѣй долго ждалъ его отвѣта и не дождался. Его здо-овую, несложную натуру давила эта мрачная, мертвенно-ихая ночь, ему хотѣлось напомнить себѣ самому о жизни, удить эту тишину звуками, всячески тревожить и вспуги-ать это притаившееся созерцательное молчаніе тяжелой массы оды, медленно лившейся въ море, и уныло застывшія въ оздухѣ неподвижныя груды облаковъ. На томъ концѣ плота ити и его возбуждали къ жизни.

Оттуда то и дѣло долеталъ то тихій, довольный смѣхъ, то рывочныя восклицанія, стушеванныя тишиной и тьмой этой очи, полной запаха весны, возбуждавшаго горячее желаніе ить.

— Брось, Митрій, куда воротишь? Ругнетъ старикъ-то, мотри,—замѣтилъ онъ наконецъ, не вынося болѣе молчанія види, что Митрій безцѣльно буравитъ воду весломъ.

Митрій остановился, отеръ вспотѣвшій лобъ и замеръ, при-тонясь грудью къ веслу и тяжело дыша.

— Мало сегодня пароходовъ, чего-то... Кой часъ плывемъ, всего одинъ встрѣтился.

И, видя, что Митрій не собирается отвѣтить на это замѣ-аніе, Сергѣй резонно объяснилъ самъ себѣ:

— Это потому, что навигація еще не открылась. Начи-ается только еще. А живо мы сплывемъ въ Казань-то — дорово тащитъ Волга. Хребетъ у нея богатырскій — все под-иметъ. Ты чего стоишь? Осерчалъ, что ли, а Мить? Эй!

— Ну, что?—недовольно спросилъ Митрій.

— Ничего, чудакъ-человѣкъ... Чего, молъ, молчишь? Ду-аешь все? Брось. Вредно это человѣку. Эхъ, ты, мудрецъ, удришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нѣтъ, это тебѣ невдомекъ! Ха-ха!

И Сергѣй, посмѣявшись, въ сознаніи своего превосходства рѣпко крякнулъ, помолчалъ, засвисталъ-было, но оборвалъ вистъ и продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Думы! Ха! Али это для простого человѣка занятіо? Вон глянь-ка, отецъ-отъ твой не мудритъ—живетъ. Милуетъ тво жену да посмѣиваэтся съ ней надъ тобой, дуракомъ му рымъ. Такъ-то! Чу, какъ они? Ахъ, ты, дуй ихъ горой! Под уже беременна Марька-то! Небось, не въ тебя дитё-то б детъ. Такъ же, надо полагать, ухарь, какъ и самъ Силан Петровъ. А твоимъ вѣдь зачислится ребенокъ-то. Дѣла! Х ха! „Тятька",—скажетъ тебѣ. А ты ему, значитъ, не тятьк а братъ будешь. А тятька-то у него — дѣдушка! Эхъ, т ловко! Эки пакостники! А удальцы народы! а? Такъ вѣд Митя?

— Сергѣй!—раздался страстный, взволнованный, чуть рыдающій шопотъ.—Христа-ради прошу, не рви ты мою душ не жги меня, отстань! Молчи! Христомъ-Богомъ прошу, говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кров Брошусь въ рѣку я, грѣхъ ляжетъ на тебя большой! Душ мою загублю я, не трожь ты меня! Богомъ кляну — прошу

Тишину ночи разорвалъ болѣзненно-визгливый вопль, Митрій, какъ стоялъ, опустился на брёвна, точно его пр шибло что-то тяжелое, упавшее на него сверху изъ угр мыхъ тучъ, нависшихъ надъ черной рѣкой.

— Ну, ну, ну!—боязливо заворчалъ Сергѣй, поглядыва какъ его товарищъ метался по брёвнамъ, точно обожженны огнемъ.—Чудакъ-человѣкъ! Этакій чудакъ... Сказалъ бы, чай коли не тово тебѣ... не этово...

— Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Ворогъ я теб а? ворогъ?—горячо шепталъ Митя.

— Чудакъ ты, братъ! Ахъ, какой чудакъ! — смущенно обиженно бормоталъ Сергѣй. — Разѣ я зналъ что̀? Мнѣ тво душа невѣдома, чай!

— Забыть я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! П зоръ мой... мука лютая... Свирѣпые вы люди! Уйду я! Н вѣкъ уйду... Не въ мочь мнѣ...

— Да уходи!.. — гаркнулъ Сергѣй на всю рѣку, подкр пилъ восклицаніе громоподобнымъ циничнымъ ругательством и сразу осѣкся, какъ-то съежился и присѣлъ, очевидно, то подавленный развернувшейся предъ нимъ душевной драмо не понимать которой теперь—онъ не могъ уже.

— Эй, вы! Вамъ орутъ! Оглохли, что ль?—носился над рѣкой голосъ Силана Петрова.—Что̀ у васъ? Чего ласте? а-э

Должно-быть, Силану Петрову нравилось шумѣть на рѣк среди тяжелаго молчанія своимъ густымъ и крѣпкимъ б сомъ, полнымъ мощнаго здоровья. Окрики слились одинъ з другимъ, сотрясая воздухъ, теплый и сырой, подавляя свое

жизненной силой тщедушную фигуру Митрія, уже снова стоявшаго у весла. Сергѣй, во всю мочь отвѣчая хозяину, въ то же время вполголоса ругалъ его крѣпкой и соленой русской руганью. Два голоса рвали тишину ночи, будили ее, встряхивали и то сливались въ одну густую ноту, сочную, какъ звукъ большой мѣдной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали въ воздухѣ, гасли и гибли. Потомъ снова стало тихо.

Сквозь разрывъ въ тучахъ на темную воду пали желтыя пятна лунныхъ лучей и, посверкавъ съ минуту, исчезли, стертыя сырой тьмой.

Плоты плыли дальше посреди тьмы и молчанія.

II.

У одного изъ переднихъ веселъ стоялъ Силанъ Петровъ, въ широкой красной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, обнажавшимъ его могучую шею и волосатую, прочную, какъ наковальня, грудь. Шапка сивыхъ волосъ нависла ему на лобъ, и изъ-подъ нея усмѣхались большіе, горячіе каріе глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистыя руки, крѣпко державшія весло, и, немного подавшись корпусомъ впередъ, Силанъ что-то зорко высматривалъ въ густой тьмѣ дали.

Марька стояла въ трехъ шагахъ отъ него, къ теченію бокомъ, и съ улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милаго. Оба молчали, занятые наблюденіемъ: онъ—за далью, она—за игрой его живого бородатаго лица.

— Костеръ рыбацкій, должно! — поворотился онъ къ ней лицомъ.—Ничего. Держимъ прямо!.. Охъ!—выдохнулъ онъ изъ себя цѣлый столбъ горячаго воздуха, ровно ударивъ весломъ влѣво и мощно проводя имъ по водѣ.—Не натужься больно-то, Машурка!—замѣтилъ онъ, видя, что и она дѣлаетъ то же ловкое движеніе своимъ весломъ.

Кругленькая, полная, съ черными бойкими глазами и румянцемъ во всю щеку, босая, въ одномъ мокромъ сарафанѣ, приставшемъ къ ея тѣлу,—она повернулась къ Силану лицомъ и, ласково улыбаясь, сказала:

— Ужъ больно ты бережешь меня. Чай, я слава-те Господи!

— Цѣлую—не берегу!—передернулъ плечами Силанъ.

— И не слѣдъ!—вызывающе прошептала она.

Они замолчали, оглядывая другъ друга жадными взглядами.

Подъ плотами задумчиво журчала вода. Справа, далеко гдѣ-то, запѣли пѣтухи.

Чуть замѣтно колыхаясь подъ ногами, плоты плыли впе-

родъ, туда, гдѣ тьма уже рѣдѣла и таяла, а облака принимали болѣе рѣзкія очертанія и свѣтлые оттѣнки.

— Силанъ Петровичъ! Знаешь, чего они тамъ визжали? Я знаю, право-слово, знаю! Это Митрій жалился на насъ Сережкѣ да и проскулилъ такъ-то жалобно съ тоски, а Сережка-то и ругнулъ насъ.

Марья пытливо уставилась въ лицо Силана, теперь, послѣ ея словъ—суровое и холодно-упрямое.

— Ну, такъ что?—коротко спросилъ онъ.

— Такъ, молъ. Ничего.

— А коли ничего, такъ и говорить было нечего.

— Да ты не серчай!

— На тебя-то? И радъ бы иной разъ, да не въ силу.

— Любишь Машку?—шаловливо прошептала она, наклонясь къ нему.

— Э-эхъ! — выразительно крякнулъ Силанъ и, протянувъ къ ней свои сильныя руки, сквозь зубы сказалъ:

— Иди, что ли... Не задорь...

Она изогнулась, какъ кошка, и мягко прильнула къ нему.

— Опять собьемъ плоты-то!—шепталъ онъ, цѣлуя ея лицо, горѣвшее подъ его губами.

— Будетъ ужъ! Свѣтаетъ... Видно насъ съ того конца.

И, кивнувъ головой на задъ плотовъ, она попыталась оттолкнуться отъ него. Но онъ еще крѣпче прижалъ ее одной рукой, а другой взялъ за руль.

— Видно? Пускай видятъ! Пускай всѣ видятъ! Плюю на всѣхъ. Грѣхъ дѣлаю, точно. Знаю. Ну-къ что жъ? Подержу отвѣтъ Господу. А все жъ таки женой ты его не была. Свободная, стало-быть, ты сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мнѣ? Али спохачемъ быть лестно? Хоть оно, положимъ, ты не жена ему... А все жъ! Съ моимъ-то почетомъ—каково мнѣ теперь? А передъ Богомъ не грѣхъ? Грѣхъ! Все знаю! И все преступилъ. Потому — стоитъ! Одинъ разъ на свѣтѣ-то живутъ, и кажинный день умереть можно. Эхъ, Марья! Мѣсяцъ бы мнѣ одинъ погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчасъ бы послѣ смерти Анисы сватовъ я къ тебѣ засылалъ—и шабашъ! Въ законѣ. Безъ грѣха, безъ стыда. Ошибка моя была. Сгрызетъ она мнѣ лѣтъ пятокъ—десятокъ, ошибка эта. Умрешь отъ нея раньше смерти...

— Ну, ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это не разъ ужъ,—прошептала Марья и, тихонько освободившись отъ его объятій, подошла къ своему веслу. Онъ сталъ работать порывисто и сильно, какъ бы желая дать исходъ той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красивое лицо.

Свѣтал...

И тучи, рѣдѣя, лѣниво расползались по небу, какъ бы не желая дать мѣста всходившему солнцу. Вода рѣки стала свѣтлой и пріобрѣла холодный блескъ матовой стали.

— Опять онъ намедни толковалъ. Батюшка, говоритъ, али это не стыдъ-позоръ тебѣ и мнѣ? Брось ты ее, тебя-то го-есть,—усмѣхнулся Силанъ Петровъ,—брось, говоритъ, войди въ міру. Сынъ, молъ, мой милый, отойди прочь, коли живъ быть хошь! Разорву въ куски, какъ тряпицу гнилую. Ничего отъ твоей добродѣтели не останется. На муку, молъ, себѣ родилъ я тебя, выродка. Дрожитъ. Батюшка! Али, говоритъ, и виноватъ? Виноватъ, молъ, комаръ пискливый—потому камень ты на моей дорогѣ. Виноватъ, молъ, потому постоять за себя не умѣешь. Мертвечина, молъ, ты, стерва тухлая. Кабы, молъ, ты здоровъ былъ,—хоть бы убить тебя можно было, а то и этого нѣтъ. Жалко тебя, кикимору несчастную. Воетъ!.. Эхъ, Марья! Плохи люди стали! Другой бы—э-эхма! Выбился бы изъ петли-то скоро. А мы—въ ней! Да, можетъ, такъ и затянемъ другъ друга.

— Это ты о чемъ?—робко спросила Марья, съ испугомъ глядя на него, суроваго, мощнаго и холоднаго.

— Такъ... Умеръ бы онъ... Отъ что. Кабы умеръ... ловко бы! Все бы въ колею вскочило. Отдалъ бы твоимъ землю, замазалъ бы имъ глотку-то, а съ тобой—въ Сибирь... али на Кубань! Кто такая? Жена моя! Поняла? Документъ бы такой достали... бумагу. Лавку бы открылъ въ деревнѣ гдѣ. И жили бы. И грѣхъ нашъ передъ Господомъ замолили бы. Много ли намъ надо? Помогли бы людямъ жить, а они бы помогли намъ совѣсть успокоить... Хорошо? а? Маша!?..

— Да-а!—вздохнула она и крѣпко, зажмуривъ глаза, задумалась о чемъ-то.

Они помолчали... Журчала вода...

— Чахлый онъ... Можетъ, скоро умретъ,—глухо сказалъ Силанъ Петровъ.

— Дай-ка Ты, Господи, поскорѣе бы!—молитвенно произнесла Марья и перекрестилась.

. . . . . .

Брызнули лучи весенняго солнца и заиграли на водѣ золотомъ и радугой. Дунулъ вѣтеръ, все дрогнуло, ожило и замѣялось. Голубое небо между тучъ тоже улыбалось раскрашенной солнцемъ водѣ. А тучи остались уже сзади плотовъ.

Тамъ, собравшись въ тяжелую темную массу, онѣ раздумчиво и неподвижно стояли надъ широкой рѣкой, точно выбирая путь, которымъ скорѣе уйдешь отъ живого солнца

весны, богатаго блескомъ и радостью, и врага имъ, матерям зимнихъ вьюгъ, запоздавшимъ отступить предъ весной.

Впереди плотовъ сіяло чистое, ясное небо, и солнце, ещ холодное по-утреннему, но нестерпимо яркое по-весеннему важно и красиво всходило все выше въ голубую пустын неба изъ пурпурно-золотыхъ волнъ рѣки.

Справа отъ плотовъ былъ виденъ коричневый горный бе регъ въ зеленой бахромѣ лѣса, слѣва — блѣдно-изумрудны коверъ луговъ блестѣлъ брильянтами росы.

Въ воздухѣ поплылъ сочный запахъ земли, только-чт рожденной травы и смолистый ароматъ хвои.

Силанъ Петровъ посмотрѣлъ на заднія вёсла.

Сергѣй и Митрій точно приросли къ нимъ. Но еще трудн было, за далью, видѣть выраженіе ихъ лицъ.

Онъ перевелъ глаза на Марью.

Ей было холодно. Стоя у весла, она сжалась въ комок и стала совсѣмъ круглой. Вся облитая солнцемъ, она смот рѣла впередъ задумчивыми глазами, и на ея губахъ играл та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасиву женщину дѣлаетъ обаятельной и желанной.

— Поглядывай въ оба, ребятушки-и! О-о!.. — во всю моч громыхнулъ Силанъ Петровъ, чувствуя мощный прилив бодрости въ своей широкой груди.

И отъ его крика все кругомъ какъ бы колыхнулось. Долг по горному берегу звучало эхо.

1896.

БОЛЕСЬ.

Одинъ знакомый какъ-то разъ вотъ что̀ разсказалъ мнѣ.

„Когда я былъ въ Москвѣ студентомъ, мнѣ довелось жить рядомъ съ одной изъ „этихъ“... знаешь? Она была полька, звали ее Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, съ черными, сросшимися бровями и съ лицомъ большимъ, грубымъ, точно вырубленнымъ топоромъ — она приводила меня въ ужасъ животнымъ блескомъ своихъ темныхъ глазъ, густымъ, басовитымъ голосомъ, извозчичьими ухватками, всей своей громадной, мускулистой фигурой рыночной торговки... Я жилъ на чердакѣ, и ея дверь была противъ моей. Я, бывало, никогда не отворялъ моей двери, если зналъ, что она дома. Но это, конечно, случалось рѣдко. Иногда мнѣ приходилось встрѣчаться съ ней на лѣстницѣ, на дворѣ, и она улыбалась мнѣ улыбкой, которую я считалъ хищной и циничной. Не разъ я видѣлъ ее пьяной, съ осовѣлыми глазами, растрепанной, улыбающейся какъ-то особенно безобразно... Въ такихъ случаяхъ она говорила мнѣ:

„— Бывайте здоровы, пане студентъ! — и глупо хохотала, увеличивая мое отвращеніе къ себѣ. Я бы съѣхалъ съ квартиры, чтобъ избавиться отъ такихъ встрѣчъ и привѣтствій, но у меня была такая миленькая комнатка съ широкимъ видомъ изъ окна, и такъ тихо было въ этой улицѣ... Я терпѣлъ.

„И вдругъ однажды утромъ лежу я на койкѣ, стараясь найти какія-либо основанія для того, чтобъ не итти на лекціи, — отворяется дверь, и эта отвратительная Тереза возглашаетъ съ порога басомъ:

„— Бывайте здоровы, пане студентъ!

„— Что̀ вамъ угодно? — говорю. Вижу — лицо у нея смущенное, просительное... Необычное для нея лицо.

„— Видите ли, пане, буду я васъ просить объ одномъ дѣлѣ... ужъ вы сдѣлайте мнѣ его!

„Я лежу, молчу и думаю: „Подвохъ! Покушеніе на мою чистоту, ни больше ни меньше. Крѣпись, Егоръ!“

„— Нужно бы мнѣ, видите, письмо послать на родину, — говоритъ она, и такъ умоляюще, тихо, робко.

„Э, думаю, чортъ съ тобой, изволь! Всталъ, сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и говорю:

„— Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

„Она проходитъ, осторожно садится на стулъ и съ виноватымъ видомъ смотритъ на меня.

„— Ну-съ, кому письмо?

„— По Варшавской дорогѣ, въ городъ Свѣнцяны, Болеславу Кашпуту...

„— Что̀ писать?.. Говорите...

„— Милый мой Болесь... сердце мое... Мой вѣрный возлюбленный... Да сохранитъ тебя Матерь Божія! Золотое мое сердце, почему ты такъ давно не писалъ своей тоскующей голубкѣ Терезѣ...

„Я чуть-чуть не расхохотался. „Тоскующая голубка“ двѣнадцати вершковъ роста, съ пудовымъ кулачищемъ и съ такой черной рожей, какъ будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался кое-какъ, спрашиваю:

„— Онъ кто, этотъ Болесть?

„— Болесь, пане студентъ, — какъ будто обидѣлась она на меня за то, что я исковеркалъ имя. — Онъ, Болесь, женихъ мой...

„— Женихъ?!?

„— А чего же панъ такъ удивился? Развѣ жъ у меня, у дѣвушки, не можетъ быть жениха?

„У нея, у дѣвушки?!

„— О, почему же! Все бываетъ... А давно онъ вашъ женихъ?..

„— Шестой годъ...

„Ого-го! — думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вамъ скажу, нѣжное и любовное, что я бы самъ, пожалуй, помѣнялся мѣстомъ съ этимъ Болесемъ, если бъ корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше ея.

„— Вотъ отъ души спасибо вамъ, пане, за услугу! — говоритъ мнѣ Тереза, кланяясь. — Можетъ, и я могу вамъ чѣмъ послужить?

„— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!

„— А можетъ, у пана рубаха или штаны въ дыркахъ?

„Чувствую, что этотъ мастодонтъ въ юбкѣ вогналъ меня въ краску, и довольно рѣзко заявляю, что не нуждаюсь въ ея услугахъ.

„Ушла.

„Прошло недѣли съ двѣ... Вечеръ. Сижу подъ окномъ и свищу, думая, чѣмъ бы мнѣ отвлечь себя отъ себя? Скучно, а погода скверная, итти никуда не хочется, и отъ скуки я занимался самоанализомъ, помню. Это тоже довольно-таки скучно, но больше ничего дѣлать не хотѣлось. Отворяется дверь — слава Богу! кто-то пришелъ...

„— А что̀, панъ студентъ не займуется никакимъ спѣшнымъ дѣломъ?

„Тереза! Гм...

„— Нѣтъ... а что̀?

„— Хотѣла бы попросить пана еще письмо написать...

„— Извольте... Къ Болесю?..

„— Нѣтъ, теперь ужъ отъ него...

„— Что-о?

„— О, глупая женщина! Не такъ я, пане, сказала, простите! Теперь ужъ, видите ли, нужно не мнѣ, а одной подругѣ... т.-е. не подругѣ, а... одному знакомому... Онъ самъ не пишетъ... а у него есть невѣста, какъ я же вотъ... Тереза... Такъ вотъ, можетъ-быть, панъ напишетъ письмо къ той Терезѣ?

„Смотрю я на нее — рожа у нея смущенная, пальцы дрожатъ, путается чего-то — и... догадываюсь!

„— Вотъ что̀, сударыня, — говорю, — никакихъ Болесей и Терезъ у васъ нѣтъ, и все это вы врете. А около меня вамъ не обрыбиться, и въ знакомство вступать я съ вами не хочу... Поняли?

„Она вдругъ какъ-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одномъ мѣстѣ и стала смѣшно шлепать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря. Я жду, что̀ изъ всего этого воспослѣдуетъ, и вижу и чувствую, что, кажется, немного ошибся, заподозрѣвъ ее въ желаніи совратить меня съ путей благочестія. Тутъ какъ будто бы что-то другое.

„— Панъ студентъ... — начала она и вдругъ, махнувъ рукой, круто повернулась къ двери и ушла.

„Я остался съ очень скверным чувствомъ на душѣ, слышу — у нея хлопнула дверь, громко такъ — разсердилась, видно, бабища... Подумалъ и рѣшилъ — пойду къ ней и, позвавъ ее сюда, напишу ей все, что̀ тамъ надо.

„Вхожу въ ея комнату — вижу, она сидитъ у стола, облокотилась на него и голову сжала руками.

„— Послушайте, — говорю...

„... Всегда вотъ, когда я разсказываю эту исторію и дойду до этого мѣста, ужасно нелѣпо чувствую себя... такая глупость! Да-а...

„— Послушайте, говорю...

„Она вскакиваетъ съ мѣста, идетъ на меня, сверкая глазами, и начинаетъ, положивъ мнѣ руки на плечи, шептать... вѣрнѣе, гудѣть своимъ басомъ:

„— Ну что жъ? Ну? Такъ! Нѣтъ никакого Болеся, нѣтъ... И Терезы тоже нѣтъ! А вамъ что? Вамъ трудно поводить перомъ по бумагѣ, да? Эхъ, вы! А еще такой... бѣленькій! Никого нѣтъ, ни Болеся ни Терезы, только я одна есть!.. Ну что жъ! ну?

„— Позвольте, — говорю я, ошеломленный этимъ пріемомъ, — въ чемъ дѣло?.. Болеся нѣтъ?

„— Да, нѣтъ! Такъ что жъ?

„— А Терезы — тоже нѣтъ?

„— И Терезы нѣтъ! Я — Тереза!

„Ничего не понимаю! Таращу на нее глаза и пытаюсь опредѣлить, кто изъ насъ сошелъ съ ума? А она ушла опять къ столу, порылась тамъ, идетъ ко мнѣ и обиженно говоритъ:

„— Если вамъ ужъ такъ трудно было написать Болесю, о вотъ оно, ваше писанье, возьмите! А мнѣ и другіе напишутъ...

„Вижу — въ рукѣ у меня письмо къ Болесю. Ф-фу!

„— Слушайте, Тереза! Что все это значитъ? Зачѣмъ вамъ нужно, чтобы писали другіе, если я вотъ написалъ, а вы его не послали?

„— Куда?

„— А къ этому... къ Болесю?

„— Да его же нѣтъ!

„Рѣшительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

„— Что же? — обиженно заговорила она — Нѣтъ его, такъ и нѣтъ!—И развела руками, какъ бы не понимая — почему же это его нѣтъ. — А мнѣ хочется, чтобъ онъ былъ... Развѣ жъ я не человѣкъ, какъ всѣ? Конечно, я... я знаю... Но вѣдь никому нѣтъ вреда отъ того, что я пишу ему...

„— Позвольте — кому?

„— Да Болесю жъ!

„— Да вѣдь его нѣтъ?

„— Ахъ, Іезусъ-Марія! Ну что же, что нѣтъ, — ну? Нѣтъ,

а будто бы есть!.. Я пишу къ нему, ну, и выходитъ, какъ бы онъ есть... А Тереза — это я, и онъ мнѣ отвѣчаетъ, а я опять ему...

„Я понялъ... Мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга!

„— Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ да читаютъ, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется...

„... Да-съ... Чортъ возьми!.. Ну, я съ той поры аккуратно сталъ два раза въ недѣлю писать письма къ Болесю и отвѣтъ отъ Болеся — Терезѣ. Хорошо я писалъ эти отвѣты... Она, бывало, слушаетъ ихъ и реветъ... басомъ этакимъ ревѣла. И за то, что я вызывалъ у нея письмами къ ней отъ воображаемаго Болеся слезы, она мнѣ безплатно чинила всѣ дырки на носкахъ, рубахахъ и прочемъ... Потомъ, мѣсяца черезъ три послѣ этой исторіи, ее посадили за что-то въ тюрьму. А теперь она, навѣрное, умерла“.

... Мой знакомый сдунулъ пепелъ съ папиросы, задумчиво посмотрѣлъ въ небо и закончилъ:

„Н-да-съ... Чѣмъ больше человѣкъ вкусилъ горькаго, тѣмъ свирѣпѣе жаждетъ онъ сладкаго. А мы этого не понимаемъ, облеченные въ наши ветхія добродѣтели и глядя другъ на друга сквозь дымку самомнѣнія и убѣжденія въ нашей всяческой непогрѣшимости.

„Выходитъ довольно глупо... и очень жестоко. Дескать, падшіе люди... А что̀ такое падшіе люди? Прежде всего — люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣлые вѣка изо дня въ день. А мы слушаемъ и... чортъ знаетъ, какъ это все нелѣпо! Въ сущности, сами-то мы тоже падшіе и, пожалуй, очень даже глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самомнѣнія и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и мозговъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые только менѣе хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притворяться хорошими, чѣмъ мы притворяемся... А впрочемъ, будетъ объ этомъ. Такъ все это старо... что даже совѣстно говорить...“

1896.

ТОСКА.

I.

... Помолившись Богу, Тихонъ Павловичъ медленно раз
дѣлся и, поч сывая спину, подошелъ къ кровати, наглух
закрытой пестрымъ ситцевымъ пологомъ.

— Господи, благослови! — прошепталъ онъ, затѣмъ широк
зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, отдернулъ пологъ и сталъ смот
рѣть на мощную, покрытую мягкими складками простыни
фигуру жены.

Сосредоточенно и подробно разсмотрѣвъ эту неподвижную
задавленную сномъ кучу жирнаго тѣла, Тихонъ Павлович
сурово нахмурилъ брови и вполголоса сказалъ:

— Машина!..

Потомъ отвернулся къ столу, погасилъ лампу и снова за
ворчалъ:

— Сказалъ вѣдь я тебѣ, чорту: идемъ спать на сѣнницу
нѣтъ, не пошла! Колода дубовая! Ну-ка, подвинься малост

И, ткнувъ жену кулакомъ въ бокъ, онъ улегся съ не
рядомъ, не покрываясь пр стыней, а затѣмъ еще разъ крѣпк
толкнулъ жену локтемъ. Она замычала, завозилась, поверну
лась къ нему спиной и снова захрапѣла. Тихонъ Павлович
огорченно вздохнулъ и уставился глазами сквозь щели полог
въ потолокъ, гдѣ дрожали тѣни, рожденныя луной и не
угасимой лампадой, горѣвшей въ углу передъ образомъ Спас
Нерукотвореннаго. Въ раскрытое окно лился изъ сада вмѣст
съ тихимъ и теплымъ ночнымъ вѣтромъ шелестъ листьевъ
запахъ земли и сырой кожи, только-что сегодня утром
содранной съ Гнѣдка и распяленной на стѣнѣ амбара. Донос
сился мягкій звукъ паденія капель воды съ мельничнаг
колеса; въ рощѣ, за плотиной, гукала выпь; мрачный, сто
пущій звукъ тихо плавалъ въ воздухѣ; когда онъ пропадалъ —

листва деревьевъ шумѣла сильнѣе, точно испутанная имъ, и откуда-то доносилась звонкая пѣснь комара.

Послѣдивъ за тѣнями, что̀ дрожали на потолкѣ, Тихонъ Павловичъ перевелъ глаза въ передній уголъ комнаты. Тамъ, колеблемый вѣтромъ, тихо мигалъ огонекъ лампадки; отъ этого темное лицо Спасителя то прояснялось, то темнѣло, и оно показалось Тихону Павловичу думающимъ большую и тяжелую думу. Онъ вздохнулъ и истово перекрестился.

Гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ.

— Неужели двѣнадцать ужъ? — спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ. Прокричалъ другой пѣтухъ, третій... еще и еще. Наконецъ гдѣ-то за стѣной во всю мочь гаркнулъ Рыжій, изъ птичника ему отвѣтилъ Черный, и весь птичникъ всполошился, громко возвѣщая полночъ.

— О, черти, — сердито завозился Тихонъ Павловичъ, — заснуть не могу... чтобъ вамъ треснуть!

Когда онъ обругался, ему стало какъ-то легче: проклятая, непонятная грусть, одолѣвшая его съ послѣдней поѣздки въ городъ, меньше давила его, когда онъ сердился, — а когда онъ сердился сильно, такъ и совсѣмъ пропадала... Но за эти дни дома все шло такъ ровно, гладко, что и поругаться-то хорошенько, чтобъ полностью отвести душу, было нельзя, — не съ кѣмъ и не за что, — всѣ подтянулись, замѣтивъ, что „самъ“ сильно не въ духѣ. Тихонъ Павловичъ видѣлъ, что домашніе боятся его и ждутъ грозы, и — чего раньше съ нимъ никогда не было — чувствовалъ себя виноватымъ предъ всѣми. Ему было стыдно за то, что всѣ такіе хмурые и бѣгаютъ отъ него, и еще больше овладѣвало имъ тяжелое, непонятное чувство, привезенное изъ города.

Даже Кузьма Косякъ, новый засыпка, орловецъ, зубоскалъ и задира, молодой парень, веселый и могучій, съ веселыми и синими глазами и ровнымъ рядомъ мелкихъ и бѣлыхъ, какъ кипень, зубовъ, всегда оскаленныхъ задорной улыбкой, — даже этотъ Кузька, съ которымъ всегда было за что всласть поругаться, и онъ какъ-то увялъ за послѣднее время, сталъ почтителенъ и услужливъ, пѣсенъ, на которыя былъ большой мастеръ, больше не пѣлъ, мѣткими прибаутками во всѣ стороны не сыпалъ, и Тихонъ Павловичъ, замѣчая за нимъ все это, недовольно думалъ про себя: „хорошъ, видно, я чортъ сталъ!“. И, думая такъ, все болѣе подчинялся чему-то, неотвязно сосавшему его сердце.

Тихонъ Павловичъ любилъ чувствовать себя довольнымъ собой и своей жизнью, и когда чувствовалъ такъ, то намѣренно и искусственно усиливалъ свое настроеніе постояннымъ

напоминаніемъ себѣ о своей зажиточности, объ уваженіи къ нему сосѣдей и обо всемъ другомъ, что могло возвысить его въ своихъ глазахъ. Всѣ домашніе знали за нимъ эту слабость, которая могла и не быть честолюбіемъ, а только желаніемъ сытаго и здороваго существа какъ можно полнѣй усладить себя ощущеніемъ своей сытости и здоровья. Это настроеніе порождало у Тихона Павловича нѣкоторую добродушную точку зрѣнія на вещи и хотя не позволяло ему упускать своего, но создало среди знакомыхъ репутацію сердечнаго и широкаго человѣка. И вотъ вдругъ это стойкое, жизнерадостное чувство куда-то провалилось, улетѣло, погасло, и на мѣсто его явилось нѣчто новое, тяжелое и темное.

— Фу, ты, Господи! — прошепталъ Тихонъ Павловичъ, лежа рядомъ съ женой и прислушиваясь къ мягкимъ вздохамъ ночи за окномъ. Отъ согрѣтой пуховой перины ему стало жарко, душно; онъ безпокойно повозился, предалъ супругу анаѳемѣ, спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровать, отирая потное лицо.

Въ Болотномъ, селѣ верстахъ въ пяти отъ мельницы, раздались звуки сторожевого колокола. Унылые мѣдные звуки, слетая съ колокольни, тихо плавали въ воздухѣ и безслѣдно таяли. Въ саду хрустнула вѣтка, а въ рощѣ снова загукала выпь, точно смѣясь надъ чѣмъ-то глухимъ и мрачнымъ смѣхомъ.

Тихонъ Павловичъ всталъ, подошелъ къ окну и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло, недавно купленное имъ за два рубля у разорившейся сосѣдки, старушки-помѣщицы. Когда холодная кожа прикоснулась къ его тѣлу, онъ вздрогнулъ и оглянулся.

Было жутко. Сквозь цвѣты на подоконникѣ и вѣтви клена передъ окномъ проникли въ комнату лучи луны и нарисовали на полу тѣневой дрожащій узоръ. Одно изъ пятенъ, въ центрѣ узора, очень походило на голову хозяйки кресла. Какъ и тогда, при торгѣ, эта голова, въ темномъ, мохнатомъ чепцѣ, укоризненно качается, и старческія губы шамкаютъ ему, мельнику:

— Побойся Бога, батюшка! Кресло покойникъ Ѳедоръ Петровичъ передъ самой смертью купилъ, 18 рублей далъ. А давно ли онъ умеръ-то? Совсѣмъ новая вещь, а ты полтора рубля даешь!..

И покойникъ Ѳедоръ Петровичъ тутъ же, на полу: вотъ его большая, кудластая голова съ густыми хохлацкими усами.

— Господи, помилуй! — вздохнулъ Тихонъ Павловичъ. Потомъ онъ всталъ съ кресла, составилъ цвѣты съ подоконника на полъ, а самъ усѣлся на ихъ мѣсто.

За окномъ было тихо и грустно. Деревья сада стояли неподвижно, слитыя ночью въ сплошную темную стѣну, за которой чудилось что-то страшное. А съ колеса мельницы звонко и монотонно капала вода, точно отсчитывая время. Подъ самымъ окномъ сонно покачивались длинные стебли мальвы. Тихонъ Павловичъ перекрестился и закрылъ глаза. Тогда въ его воображеніи стала медленно формироваться городская исторія, выбившая его изъ колеи.

По пыльной, залитой знойными лучами солнца улицѣ тихо двигается похоронная процессія. Ризы священника и дьякона слѣпятъ глаза своимъ блескомъ; въ рукахъ дьякона позвякиваетъ кадило, маленькіе клубы голубого дыма таютъ въ воздухѣ.

— Свя-я...—тоненькимъ теноромъ выводитъ маленькій, сѣденькій священникъ.

— ... тый!—гробовымъ басомъ гудитъ дьяконъ, высокій мужчина, въ густой шапкѣ черныхъ волосъ и съ большими добрыми глазами.

— ... Бо-о-же,—сливаются оба голоса вмѣстѣ и уносятся въ безоблачную высь къ ослѣпительно сверкающему солнцу, гдѣ такъ пустынно и спокойно.

— ... Безсме-е-ртный!—реветъ дьяконъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ всѣ звуки улицы, дребезгъ пролетокъ, шумъ шаговъ по мостовой и сдержанный говоръ большой толпы, провожающей покойника,—реветъ и, широко раскрывая глаза, поворачиваетъ свое бородатое лицо къ публикѣ, точно хочетъ сказать ей:

— Эхва! Какъ я здорово вывелъ ноту-то!?

Въ гробу лежитъ господинъ въ сюртукѣ, съ худымъ и острымъ лицомъ. На этомъ лицѣ застыла важная, спокойная мина. Гробъ несутъ неровно, и голова покойника сосредоточенно покачивается съ боку на бокъ. Тихонъ Павловичъ взглянулъ на лицо покойника, вздохнулъ, перекрестился и, увлекаемый толпой, пошелъ за гробомъ, посматривая на дьякона, заинтересовавшаго его массивностью голоса и фигуры. Дьяконъ шелъ и пѣлъ, а если не пѣлъ, то разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ. Очевидно, человѣкъ, лежавшій въ гробу, не возбуждалъ у дьякона печальныхъ думъ о томъ, что и онъ подлежитъ этой натуральной повинности, что придетъ время, и его вотъ такъ же понесутъ по улицѣ для того, чтобы зарыть въ землю; а онъ, лежа въ гробу, будетъ вотъ такъ же потряхивать головой и не возьметъ ужъ въ то время ни одной, даже и самой простой ноты.

И Тихону Павловичу стало непріятно смотрѣть на веселаго дьякона; онъ остановился и, пропустивъ мимо себя много публики, спросилъ у какого-то гимназиста:

— Кого это хоронятъ, милый?

Тотъ взмахнулъ на него глазами и ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Это обидѣло Тихона Павловича...

— Такой молоденькій мальчишка и не имѣетъ никакого вниманія къ старшимъ! Драть бы васъ! Ты что думаешь, я не узнаю, что мнѣ надо? Фря какая!

Онъ пошелъ дальше и снова очутился около гроба. Гробъ несли четверо, причемъ шли очень быстро и не въ ногу. У одного изъ нестихъ все сваливалось съ носа пенснэ, и онъ, вскидывая его снова на переносицу, непремѣнно взмахивалъ при этомъ густой гривой рыжихъ волосъ.

„А покойникъ-то, видно, легонькій,—подумалъ Тихонъ Павловичъ:—чиновникъ, надо думать—они больше поджарые...“

Шли такъ быстро, точно человѣкъ, лежавшій въ гробу, еще при жизни успѣлъ всѣмъ страшно надоѣсть и всѣ теперь старались какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него. Тихонъ Павловичъ замѣтилъ это.

— Экъ ихъ гонятъ! Куда торопятся? Тоже люди Божіи! Чай, поди-ка, какъ живъ былъ человѣкъ, такъ и то и се, а умеръ—вали скорѣе въ яму: намъ некогда!

И Тихону Павловичу стало грустно: будетъ время, и его вотъ такъ потащатъ. Можетъ-быть, скоро ужъ—ему сорокъ семь лѣтъ.

— А это что такое?—спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ, увидѣвъ на крышкѣ гроба вѣнки, ленты съ надписями золотыми буквами и цвѣты.— Н-да... Значитъ, персона все-таки важная. А вотъ провожатые—оборвышъ-народъ. Бѣднота все, видно... Кого это хоронятъ?—спросилъ мельникъ поровнявшагося съ нимъ благообразнаго господина въ очкахъ и съ курчавой бородой.

— Писателя...—тихо отвѣтилъ тотъ и, окинувъ фигуру Тихона Павловича взглядомъ, вразумительно добавилъ:—сочинителя...

— Понимаемъ,—быстро откликнулся Тихонъ Павловичъ.— „Ниву“ выписываемъ, доченька читала насчетъ ихъ. Изъ важныхъ будутъ покойные-то?

— Н-нѣтъ... Не изъ важныхъ...—улыбнулся его собесѣдникъ.

— Такъ... Ничего... Все-таки заслуженный міру человѣкъ. Ина слава солнцу, ина слава лунѣ... звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ... Однако вѣнки...

У Тихона Павловича неизвѣстно почему щемило сердце, скверно такъ щемило—то будто ущипнетъ его, то какъ-то сдавитъ.

А голосистый дьяконъ все пѣлъ:

— Свя-тый безсмертный!..

И дребезжащій теноръ священника, чуть пробиваясь сквозь гущу дьяконова баса, робко и тихо просилъ:

— По-омилуй на-асъ...

Глухо топала ногами толпа провожатыхъ, поднимая съ дороги пыль; покойникъ все качалъ головой, и надо всѣмъ этимъ безстрастно сіяло знойное іюльское небо.

И вотъ Тихона Павловича охватило какое-то угнетеніе—не хотѣлось ни думать ни разговаривать. Онъ примѣнился къ шагамъ сосѣдей и, охваченный общимъ смутнымъ настроеніемъ толпы, шелъ съ ней, чувствуя только одно это надоѣдливое нытье гдѣ-то глубоко въ груди и не находя ни силъ ни желанья отдѣлаться отъ него.

Пришли на кладбище, остановились у ямы и поставили гробъ на бугоръ вынутой изъ ямы земли. Сдѣлали это какъ-то неловко, неумѣло. Покойникъ подвалился къ боку гроба, потомъ снова принялъ прежнюю позу; казалось, онъ посмотрѣлъ вокругъ и остался доволенъ тѣмъ, что его перестали трясти и скоро перестанутъ жарить на солнцѣ. Дьяконъ все усердствовалъ, сотрясая воздухъ; священникъ не отставалъ отъ него; кто-то изъ толпы подпѣвалъ глухимъ голосомъ. Звуки носились по кладбищу и, путаясь между крестами да чахлыми деревьями, давили Тихона Павловича.

И вотъ оно—самое главное.

Благообразный господинъ, у котораго Тихонъ Павловичъ спрашивалъ о покойникѣ, подошелъ къ краю могилы и, проведя рукой по волосамъ, сказалъ:

— Господа!..

Онъ такъ это сказалъ, что мельникъ даже вздрогнулъ и уставился на него. Глаза у господина странно сверкали. Онъ то опускалъ ихъ въ гробъ, то оглядывалъ публику, и пауза между его восклицаніемъ и началомъ рѣчи была такъ длинна, что всѣ, кто былъ на кладбищѣ, успѣли притихнуть и замереть въ ожиданіи. И вотъ раздался мягкій, грудной, такой вдумчивый и печальный голосъ. Говорившій плавно помахивалъ рукой въ тактъ своимъ словамъ; его глаза горѣли подъ очками, и хотя Тихонъ Павловичъ плохо понималъ то, что̀ говорилъ этотъ господинъ, однако онъ узналъ изъ его рѣчи, что покойникъ былъ бѣденъ, хотя двадцать лѣтъ онъ неустанно трудился на пользу людей, что у него не было семьи, что при жизни никто имъ не интересовался и никто его не

цѣнилъ, и что онъ умеръ отъ истощенія, въ больницѣ, одинокій, какимъ онъ былъ всю свою жизнь. Тихону Павловичу стало жаль покойника, и ноющая боль въ груди усилилась. Онъ пристально уставился на него, измѣрилъ глазами его худое изможденное лицо, маленькую, тонкую и прямую фигурку и вдругъ нашелъ, что этотъ покойникъ похожъ на гвоздь. Онъ улыбнулся своей мысли. И въ то же время благообразный господинъ, повысивъ голосъ, произнесъ:

„Удары судьбы одинъ за другимъ падали на его голову, и вотъ она наконецъ забила этого человѣка, посвятившаго всего себя неблагодарной, черной подготовительной работѣ по устройству на землѣ хорошей жизни для людей! Для всѣхъ людей, безъ разбора...“

Какъ разъ въ это время глаза оратора остановились на лицѣ Тихона Павловича и, поймавъ его улыбку, сурово сверкнули. Мельникъ смутился и попятился назадъ, чувствуя себя виноватымъ и предъ покойникомъ и предъ тѣмъ человѣкомъ, который разсказывалъ о немъ.

Солнце пекло безпощадно, синее небо смотрѣло спокойно на ниву мертвыхъ, на толпу вокругъ свѣжей могилы, а голосъ оратора все звучалъ, печальный и задушевный.

Тихонъ Павловичъ вертѣлъ головой, разглядывалъ сумрачныя лица слушателей и чувствовалъ, что не его одного, всѣхъ охватываетъ тоска.

„Засыпали мы наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замѣчаемъ, какіе всѣ мы стали деревянные, безчувственные, мертвые. И люди такіе, какъ онъ, непонятны намъ...“— слушалъ Тихонъ Павловичъ.

— Вѣрно!—сказалъ онъ тогда про себя.—Это такъ... Развѣ я не забылъ про свою душу!? Господи!

Тихонъ Павловичъ вздохнулъ и открылъ глаза. Струя теплаго воздуха влилась въ окно изъ сада и обдала замечтавшагося человѣка запахомъ росистой травы, цвѣтовъ и затхлой воды изъ пруда. Тѣни на полу дрожали сильнѣе, точно пробуя подняться и улетѣть. Мельникъ всталъ съ подоконника, снова придвинулъ кресло къ окну и подошелъ къ кровати. Разметавшись по перинѣ, жена сопѣла и всхрапывала, широко раскинувъ пухлыя руки. Эти руки и обнаженная грудь показались Тихону Павловичу чѣмъ-то неумѣстнымъ въ эту ночь и какъ бы задиравшимъ его. Сердито набросивъ на тѣло жены простыню, онъ взялъ подушку и, снова подойдя къ окну, сѣлъ въ кресло, положилъ подушку на подоконникъ, облокотился на нее и сталъ думать.

Ему вдругъ вспомнилась стая бѣлыхъ голубей, плававшая высоко въ небѣ надъ кладбищемъ въ памятный день похоронъ. Онъ, закрывъ глаза, представилъ себѣ эти бѣлыя точки въ голубомъ небѣ... и молча упрекнулъ себя...

— Что̀, братъ, видно, приспичило? Вотъ и живи теперь... майся.

А кругомъ все было такъ отчетливо-ясно и въ то же время боязливо-тихо, точно ждало чего-то. И внѣобиходныя, безпокойныя, тормозящія правильное теченіе жизни думы все шевелились въ непривычной къ нимъ головѣ мельника, одна за другой являлись, исчезали и снова являлись, но уже въ большемъ объемѣ, болѣе тяжелыя. Такъ въ ясный лѣтній день по небу пробѣжитъ легкій обрывокъ облака и скроется, растаявъ, гдѣ-то въ лучахъ солнца... но вотъ еще одинъ... еще... еще... и хмурая грозовая туча, насупясь и глухо ворча, медленно ползетъ надъ землей. У мельника отъ его думъ явилась какая-то особая, незнакомая ему раньше способность все подмѣчать и запоминать и ко всему прилагать вопросъ: „а зачѣмъ это нужно?“.

„Угнетаемъ мы душу!“ — вспомнилъ мельникъ восклицаніе оратора и поежился.

— Вѣрно—не живетъ душа-то. Дѣла̀ все—главная причина; о душѣ-то подумать некогда. А она вдругъ и тово... и возстала, значитъ. Пустой часъ улучила да и воспряла... Вотъ-те и дѣла! И къ чему очень ужъ много дѣловъ затѣвать, коли все равно умрешь? Для чего готовимъ себя, ежели гольемъ жизнь-то взять? Для... смерти... Съ чѣмъ пойдемъ предъ лицо Господа? Вотъ душа-то и напоминаетъ: встрепыхнись, дескать, человѣкъ, потому что часъ твой тебѣ невѣдомъ... Господи, помилуй!—Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ, перекрестился и посмотрѣлъ въ уголъ на ликъ Спасителя. Тѣни отъ лампады все дрожали на немъ, онъ былъ такъ теменъ и строгъ и, казалось, все думалъ свою большую думу. У мельника въ груди стало холодно. А вдругъ онъ сейчасъ вотъ... или нѣтъ, завтра... Вдругъ онъ завтра умретъ! Это бываетъ съ человѣкомъ—сразу, безъ всякой болѣзни упалъ, да и умеръ...

— Анна!—громко зоветъ Тихонъ Павловичъ.—Анна, проснись ты хоть на минутку, ради Бога! Человѣкъ мучается, а она спитъ!

Но жена не слышитъ, подавленная сномъ. И, не дождавшись ея отвѣта, Тихонъ Павловичъ всталъ, одѣлся и, сопровождаемый ея храпомъ, вышелъ изъ комнаты на крыльцо, постоялъ на немъ съ минуту и тихонько отправился въ садъ.

Уже свѣтло. Востокъ блѣднѣлъ, и узкая алая полоса зари лежала на краю сизой тучи, неподвижно застывшей на горизонтѣ. Клены и липы тихонько качали вершинами; роса падала невидимыми глазомъ каплями; гдѣ-то далеко трещалъ коростель, а за прудомъ въ рощѣ грустно посвистывалъ скворецъ, Свѣжо... И скворцу, должно-быть, холодно...

— А и голова у этого барина! Большія у него думы!.. Вотъ бы съ нимъ по душѣ поговорить. Онъ бы мнѣ и объяснилъ, какъ и что... А развѣ я самъ что могу. Совсѣмъ и не къ тому у меня голова приспособлена.

Мельникъ печально поникъ своей неприспособленной къ большимъ думамъ головой и все-таки продолжалъ думать.

— Съѣздить развѣ мнѣ къ учителю въ Ямки? Онъ тоже тово... гвоздь. Попъ Алексѣй говоритъ, что это онъ меня пропечаталъ въ газетѣ. Ишь, желторылый аспидъ!

Тихонъ Павловичъ вспомнилъ, какъ ему было стыдно, когда дочь прочитала въ газетѣ о его удалой операціи съ кирюшинскими мужиками и какъ она, закрывъ лицо газетой, тихонько спросила:

— Папаша, развѣ это такъ было?

Онъ разозлился тогда.

— Развѣ грабитель отецъ-то твой? Такъ было! Дура, чему учишься въ гимназ и-то?

А было-то именно такъ, какъ написалъ учитель. Но не сознаться же въ этомъ передъ дочерью! Чего она понимаетъ? Теперь онъ квитъ съ кирюшинскими: когда у него плотину чуть не размыло и они ее крѣпили—половину своего воротили назадъ: по три цѣлковыхъ за день на рыло содрали съ него. Война! Сплошалъ—и кончено — крышка тебѣ. Да... Учитель-то при этомъ присутствовалъ.

— Что,—говоритъ,—купецъ, и васъ прижали? И смѣется. Лицо у него сухое, желтое, строгое.

— Плохи же вы все-таки, купецъ... Жадны, а плоховаты.

Мельникъ сердится и чувствуетъ—правда! И жаденъ—правда, и плохъ—тоже правда.

— Скоро ли, о, Господи, разсвѣтетъ?—съ тоской подумалъ онъ. Скоро ужъ: алая полоса на краю тучи стала и ярче и шире.

Вотъ гдѣ-то разговариваютъ люди. Мельникъ подошелъ къ плетню и легъ на скамью возлѣ него, чувствуя, что ему неможется отъ безсонницы. А голоса людей, звучно разносясь въ звонкомъ предутреннемъ воздухѣ, все приближались...

— Не проси, Мотря, не теряй попусту словъ—не останусь!

Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ и привсталъ на скамьѣ,

опершись на локоть. Говорили близко, за плетнемъ, въ кустахъ бузины. Это Кузьма Косякъ, засыпка, съ кѣмъ-то.

— Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться; уйду я за Кубань.

— А я-то какъ же, Кузя? Ты подумай, какъ я безъ тебя-то буду? Вѣдь люблю я тебя, соколика, лю-юблю, вольный ты мой!—отвѣчалъ Кузькѣ низкій женскій контральто.

— Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего себѣ—повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ. Да развѣ это онѣ—тѣ самыя, которыхъ я цѣловалъ да миловалъ? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю. Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ...

— А меня-то, Кузя, меня-то? Я-то куда дѣнусь отъ тебя? Подумай-ка! Али ты меня не любишь ужъ? Али ты меня не жалѣешь?

— Тебя-то, тебя-то... А тебя я здѣсь оставлю... за вдоваго Чекмарева замужъ выйдешь... Дѣти у него есть... да ничего, самъ онъ мужикъ хорошій.

— Не лю-юбишь ты меня!..—тихонько сказала женщина.

— Не люблю?.. Видно, вотъ люблю, коли разговариваю. Не любилъ бы, такъ не возился бы. Съ дѣвками потому и время теряютъ, что любятъ ихъ, а ежели ихъ не любить—куда онѣ тогда? И жалко мнѣ тебя... да вѣдь какъ кого ни жалко, а себя всегда жалчѣй. Было бы, поди-ка, гораздо хуже, если бы мы съ тобой поругавшись разстались. Вѣрно вѣдь? А теперь вотъ по душамъ—любовно, ласково все выходитъ. Я, значитъ, въ свою пойду сторону, ты—въ свою, кому куда судьба. Эхма, чего тутъ толковать! Цѣлуй, что ли, еще разокъ, горлинка!

Звуки поцѣлуевъ коснулись слуха Тихона Павловича и растаяли въ шелестѣ листвы. Скворецъ распѣлся громче и веселѣй, пѣтухи за мельницей встрѣчали разсвѣтъ, и онъ быстро шелъ навстрѣчу пробуждавшейся землѣ.

— Охъ, милый ты мой Кузя... хорошій ты мой! Возьми ты меня, горюшу!—снова громко зашептала дѣвушка.

— Вотъ-те и нà! Она опять за свое... Я ее цѣлую, милую, какъ путную, а она мнѣ камнемъ на шею виснетъ. Ну, дѣвка! И всегда вотъ эта канитель съ вами.

— А али я не человѣкъ?..

— Ну, человѣкъ. Ну? А я? Я, значитъ, не человѣкъ? Скажетъ тоже... Сошлись мы съ тобой по-любу... ну, и пришло вотъ время разойтись. Тоже надо по-любу. Тебѣ жить надо, и мнѣ тоже: путать другъ друга намъ не слѣдъ... А ты нюнишь! Дурашка! А ты вспомни: сладко цѣловаться со мной? Ну? Эхъ, ты... оладья...

Снова зазвучали поцѣлуи, прерываемые страстнымъ задыхающимся шопотомъ и глубокими стонущими вздохами.

Вдругъ вершины деревьевъ и все кругомъ и само небо точно дрогнуло и улыбнулось свѣжей, румяной улыбкой—это первый солнечный лучъ глянулъ на землю. И, какъ бы привѣтствуя его, раздался ласковый шумъ пробужденія сочнаго сада, дунулъ вѣтерокъ, свѣжій, бодрящій, полный разнообразныхъ запаховъ.

Звучныя, теноровыя рѣчи Кузьки Косяка, тоскливо-страстный контральто дѣвушки какъ бы смягчили ноющую боль въ груди Тихона Павловича.

— Ахъ, чортъ!—мысленно восклицалъ онъ по адресу засыпки.—Ахъ, ты, ухобака!

И, чувствуя зависть къ этому вольному человѣку, къ его увѣренности въ своей правотѣ, онъ всталъ, вздохнулъ и хотѣлъ пойти домой.

— Пора, Мотря! Пора мнѣ на работу! Смотри, приди ужо!

— Не пришла бы, да не въ мочь мнѣ не прійти-то, соколъ мой!—какъ-то простонала дѣвушка.

— Э, не горюй Время придетъ—слезы утретъ. А до той поры мы еще повидаемся не разъ. Такъ ли? Прощевай!

За спиной Тихона Павловича затрещалъ плетень.

„Какъ по степи вѣтеръ
Носится-играетъ...“

— Эт!.. Добрый день, хозяинъ!

Тихонъ Павловичъ снялъ съ головы картузъ и смущенно посмотрѣлъ на работника.

— Здорово!

Тотъ стоялъ передъ нимъ въ свободно-сильной позѣ: изъ-подъ разстегнутой красной рубахи видна была широкая, смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые, частые зубы сверкали изъ-подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились, и весь Кузьма показался своему хозяину такимъ гордымъ и важнымъ, что мельнику захотѣлось поскорѣе уйти отъ него, чтобъ засыпка не замѣтилъ своего превосходства надъ хозяиномъ.

— Все гуляешь?

— Пока охота да время—чего не гулять? Иное время придетъ—работать буду! Чью нынче засыплю? Домолоть поову рожь али что? Да насчетъ круподерной машины надо бы похлопотать!

— Да, это нужно... Вотъ я тово...—проговорилъ Тихонъ Павловичъ и вдругъ какъ-то помимо воли докончилъ:—А я, братъ, лежалъ тутъ на скамейкѣ, да и слышалъ, какъ ты... съ дѣвкой-то... обходился... Ловко ты съ ними умѣешь...

— Дѣло знакомое!—сказалъ Кузьма.

— Много, чай, ты ихъ, дѣвокъ-то, перепортилъ?

— А не считалъ... Какая порча? Чай, я не увѣчу ихъ...

— Оно такъ, а все-таки... Напримѣръ, неужто тебѣ, Кузьма, не жалко дѣвку-то?..

— Жалко... всегда бываетъ жалко... Ну, а себя все ужалчѣй!

— А ежели, къ примѣру, ребенокъ? Бывало вѣдь, а?

— Чай, бывало,—кто ихъ знаетъ...

Кузьмѣ, очевидно, начиналъ надоѣдать допросъ. Онъ переступалъ съ ноги на ногу и, досадливо сжавъ губы, крякнулъ.

А Тихону Павловичу понравилось то, что работникъ смущается его допросомъ, и онъ, уже строго нахмуривъ брови, продолжалъ:

— А грѣхъ—какъ? Вѣдь грѣхъ, чай!

— Чего грѣхъ?

— А такъ-то дѣйствовать...

— Да вѣдь ребята-то однимъ, поди-ка, порядкомъ родятся, что отъ мужа онъ, что отъ прохожаго,—сказалъ Кузьма и скептически сплюнулъ въ сторону.

— Это ты совсѣмъ напрасно. Отъ мужа—онъ въ законѣ, а ежели отъ тебя—куда его? Она, дѣвка-то, возьметъ да—отъ сраму—въ прудъ дитя-то и сунетъ. А на тебѣ—грѣхъ!—допималъ мельникъ работника, чувствуя при этомъ какое-то удовольствіе.

— Да вѣдь, хозяинъ, коли покрѣпче подумать,—серьезно и сухо заговорилъ Кузьма,—такъ выходитъ, что, какъ ни киви, все грѣшно! И такъ грѣшно и вотъ этакъ грѣшно,—пояснилъ Кузьма, махнувъ рукой вправо и влѣво.—Сказалъ—грѣшно, промолчалъ—грѣшно, сдѣлалъ—грѣшно и не сдѣлалъ—грѣшно. Развѣ тутъ разберешь? Въ монастырь, что ли, итти? Чай, неохота!

Помолчали. Отъ свѣжести утра Кузьма вздрогнулъ

— Веселая у тебя жизнь, братъ, легкая,—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.

— Не жалуюсь,—сказалъ Кузьма, передергивая плечами.

— Жизнь пріятная... да... Ну что же? Иди, засыпай!

— Попову?

— Сынь попову. Я приду тамъ послѣ... Какъ ты это просто разсуждаешь... право! Все грѣшно... Н-да... Легкій ты Кузьма... какъ пузырь.

Кузьма внимательно посмотрѣлъ на хозяина.

— Ей-Богу. Вонъ Митька у меня пускаетъ: надуетъ его на соломинку, а онъ весь этакій—радугой играетъ и летитъ, полетитъ—и лопнетъ.

Кузьма усмѣхнулся.

— Ишь прировняли къ чему.

— Вѣрно вѣдь. А уйдешь ты отъ меня?

— Уйду.

— Да куда тебѣ? Жилъ бы, жалованья-то прибавлю.

— Нѣтъ, не надо. Тошно здѣсь, все равно уйду.

— Жалко мнѣ тебя отпускать-то: работникъ ты хорошій,— задумчиво сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Нѣтъ, я ужъ уйду. И мнѣ тоже васъ будетъ жалко— привыкъ. А уйду, потому тянетъ! Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши— пропалъ человѣкъ.

— Вотъ это вѣрно, Кузьма. Ахъ, вѣрно!—Тихонъ Павловичъ даже вспыхнулъ весь и потрясъ головой, крѣпко зажмуривъ глаза.—Вотъ я тоже... спорю...

— Тихонъ Павлы-ычъ! иди чай пить,—вскричала откуда-то жена.

— Иду! Иди и ты, Кузьма, начинай съ Богомъ.

Кузьма искоса взглянулъ въ лицо хозяина и пошелъ, посвистывая.

Въ просторной, чистой комнатѣ у окна стоялъ столъ съ шумѣвшимъ на немъ самоваромъ, ковригой бѣлаго хлѣба и кринкой молока. За столомъ сидѣла жена, здоровая, свѣжая, румяная, благодушная, и всюду въ комнатѣ было много ласковаго и нежаркаго утренняго солнца.

Тихонъ Павловичъ медленно, покусывая бороду, подошелъ къ столу, держа руки назади и хмуро поглядывая въ спину жены.

— Съ добрымъ утромъ, Павлычъ!—сказала она, оборачивая къ нему голову и привѣтливо улыбаясь.—Что это ты опять сегодня ночью-то не спалъ? Ты бы полѣчился чѣмъ. А то думно ужъ мнѣ стало...

— То-то ты съ думъ-то и гудѣла всю ночь, какъ фабричная труба,—усмѣхнулся мельникъ.

— Ужъ ты скажешь... Слава Господу, хоть улыбнулся, а го ужъ ты послѣдніе-то дни и не смѣешься, совсѣмъ пропалъ смѣхъ-то у тебя... Сердитый все.

— Пропадетъ, небось, отъ такой жизни,—вполголоса сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Али что̀ неладно въ дѣлахъ-то?—тревожно спросила жена.

— Не о хлѣбѣ единомъ, сказано въ Писаніи... Ну, вотъ и оправдалось. Схватило за сердце и сосетъ... и будетъ сосать, пока простора не дашь душѣ... Завалили мы душу-то всякимъ хламомъ, она и стонетъ безъ воздуха-то.

— Въ церковь надо чего ни то пожертвовать—вотъ и пройдетъ все,—посовѣтовала жена.

Мельникъ молчалъ, думая про батюшку Алексѣя. Очень жадный попъ; много разъ онъ подставлялъ ногу мельнику въ его операціяхъ съ окрестными крестьянами...

— А то еще сироту взять...

— Вотъ это пожалуй. У Дябилкиныхъ, къ примѣру.

— Налить еще чаю-то? Ты чего накрылъ стаканъ?

— Не хочу.

Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ въ лицо жены, и она казалась ему такой жирной, приторной, глупой. Чего она улыбается все?

— А доктора все же бы надо позвать. Позвать?

— Поди ты и съ докторомъ вмѣстѣ,—зло сказалъ мельникъ и, выйдя въ другую комнату, наткнулся на сына, спавшаго на полу. Тихонъ Павловичъ остановился надъ нимъ и сталъ пристально смотрѣть на черную курчавую голову, утонувшую въ складкахъ подушки и сбитой въ кучу простыни. На смуглыхъ щекахъ и на лбу ребенка выступили мелкія капельки пота.

„Ишь ты... развалился, — подумалъ Тихонъ Павловичъ. — Спишь... А какая тебѣ въ жизни дорога лежитъ?..“

— Тихонъ Павлы-ычъ! Васъ Кузьма кличетъ!

Это кричитъ съ круподерки косоротая Марѳутка. Мельникъ у нея въ прошломъ году ненарокомъ всю семью разорилъ и теперь вспомнилъ это. Ѳома, Марѳуткинъ отецъ, уходя на заработки куда-то, говорилъ ему, стоя у крыльца:

— Нельзя, значитъ, отсрочку-то? Та-акъ... Ну, инъ ладно. Прощай, значитъ, Павлычъ! Богъ тебѣ судья. Полагать надо, отзовутся тебѣ наши сиротскія слезы, взвоешь, значитъ; и ты, другъ милый! Прощай!

И долго Ѳома стоялъ передъ крыльцомъ, почесывая то бокъ то спину, и, съ напряженнымъ лицомъ повторяя одно

и то же слово по пяти разъ, тянулъ за душу Тихона Павловича.

— Не полагается отсрочки? Та-акъ...

Наконецъ мельникъ его прогналъ...

„Да, разныя дѣла бываютъ,—думалъ онъ теперь.—Иное, дѣйствительно, не по закону. А не сдѣлать его нельзя. Уронъ репутаціи будетъ“.

Но его не успокоило это разсужденіе. Думы, скопляясь, давили грудь все тяжелѣе.

— Поѣду въ Ямки,—вдругъ рѣшилъ онъ.—Мареа, скажи Егору—пусть лошадь заложитъ.

У дверей въ круподерку стоялъ Кузьма, весь сѣдой отъ пыли, и, посвистывая, смотрѣлъ въ небо, гдѣ въ лучахъ солнца таяла маленькая пышная тучка. Въ круподеркѣ что-то бухало и скрипѣло; изъ-за нея съ мельницы летѣли серебряные всплески воды и густой шорохъ. Весь воздухъ былъ наполненъ тяжелыми, охающими звуками и застланъ тонкой дымкой пыли.

— Тихонъ Павлычъ, ремень-то, того гляди, перетрется,—сказалъ Кузьма, сплевывая въ сторону.

— Возьми тамъ у жены новый... Идутъ дѣла?—спросилъ Тихонъ Павловичъ у работника и тотчасъ же замѣтилъ за собой, что никогда онъ раньше не говорилъ съ работникомъ такъ ласково, какъ сегодня.

— Вертятся,—отвѣтилъ Кузьма, исподлобья наблюдая за хозяиномъ.

— Ну, и хорошо... А ты—пузырь, значитъ?

— Ну, пузырь, коли хотите,—неохотно согласился Кузьма и повелъ плечами.

— Легкая у тебя жизнь!.. да...

— А на что она тяжелая-то?

— Вѣрно,—согласился мельникъ и вздохнулъ.

Онъ никакъ не могъ поймать словами ту думу, о которой хотѣлъ спросить у Кузьмы, и чувствовалъ, что, стоя передъ нимъ такъ—молча и съ опущенной головой,—онъ роняетъ въ глазахъ работника свое хозяйское достоинство.

— А ежели... умирать придется... Тогда какъ?

— Придется—ляжемъ и умремъ,—все болѣе подозрительно оглядывая хозяина, отвѣтилъ Кузьма.

— Та-акъ. А другіе-прочіе люди?

— А что̀ другіе? И они умрутъ, придетъ и ихъ время...

— Да-а!—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.—Это такъ—всѣ умрутъ... Грустно это для человѣка...

Кузьма пошевелилъ усами, запустилъ одну руку въ свои

рыжіе волосы, другую сунулъ въ карманъ шароваръ и, переступивъ съ ноги на ногу, вдругъ широко улыбнулся.

— Вы бы, хозяинъ, поѣхали до города да и кутнули тамъ во всю; вотъ оно вамъ и помогло бы! А то у васъ, видно, на душѣ-то, какъ у трубочиста за пазухой. Такъ ли?

И Кузьма дотронулся рукою до плеча хозяина и захохоталъ. Его движеніе и смѣхъ поразили мельника. Онъ какъ бы потерялъ сознаніе своей личности и глупо улыбался работнику, въ то же время чувствуя себя до боли обиженнымъ имъ.

— Ахъ, ты, Кузьма... Какъ ты это? Въ Ямки я поѣду, это точно... къ учителю...

— Валяйте-ка! Тамъ Дуняша Дикова такимъ васъ разговоромъ угоститъ, что изъ васъ всѣ мысли повыскочутъ, какъ блохи изъ огня,—напутствовалъ Кузьма уходившаго отъ него хозяина.

Минутъ черезъ пять сытый гнѣдко Лукичъ солидной развалистой рысцой бѣжалъ по извилистой, мягкой дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ глухо заросшей кустами орѣшника и калины. Гибкія вѣтви задѣвали Тихона Павловича за голову, заглядывали ему въ лицо, и, когда листъ попадалъ въ губы, мельникъ поворачивалъ головой, отплевывался и все думалъ о своей пошатнувшейся жизни.

„Плохо все, плохо,—думалось ему.—Тоже... жизнь! Живешь себѣ, какъ всѣ, и ничего бы... А вдругъ нашла вотъ на тебя этакая раздумчивая полоса, и все перевернулась вверхъ тормашками".

Въ странномъ, прыгающемъ безпорядкѣ осаждали думы голову мельника, и всѣ онѣ непривычны, чужды, новы ему. И ему жалко прежнихъ спокойныхъ дней, когда все было такъ ясно и хорошо.

Бывало, послѣ вечерняго чая, сидя на крыльцѣ, онъ заставлялъ Митьку читать страшные разсказы изъ „Вокругъ Свѣта". Около него все семейство: жена, дочь, а кругомъ такъ тихо, родственно. Душа спокойна, думать не о чемъ. Иногда попадается интересная картинка: изображены на ней деревья съ такими громадными узорчатыми листьями; рѣка течетъ; ширь, даль, просторъ, не наши русскіе—пустынные и скучные,—а такіе заманчивые. И семейство разсуждаетъ: „вотъ бы гдѣ мельницу-то поставить!". Поговоривъ объ этомъ, снова всѣ утонутъ въ чемъ-то такомъ тепломъ и мягкомъ, какъ пуховикъ, и уже говорить не хочется ни о чемъ больше. Такъ бы все и сидѣлъ, молча и не двигаясь.

Показались Ямки. Разсыпанные по пригорку овины, клѣ-

тушки и избенки, казалось, были кѣмъ-то сразу брошены на землю, да такъ и прихилились испуганно и убито, не смѣя выстроиться въ одну ровную линію. Грязно-сѣрые, ничтожные, они казались еще жалче и бѣднѣй подъ покровомъ безстрастнаго, глубокаго неба, раскинувшагося надъ ними задумчиво и важно.

„Ишь ты, тоже человѣческое жилье! — думалъ Тихонъ Павловичъ, подъѣзжая къ нимъ.—Въ каждой такой хо оминѣ тоже человѣческая душа живетъ, даромъ что постройка-то комариная“.

„Къ учителю ѣду... А зачѣмъ? Для разговору... Чудно... Какой же это будетъ разговоръ? Будетъ онъ меня попрекать, скажетъ: „охъ, ты, человѣкъ, подумай о душѣ-то!“—и объяснить мнѣ меня. А я ему — вали, не стѣсняйся!.. Каюсь— грѣшенъ... Въ газеты ты написалъ правильно... объегорилъ я ихъ. И хоть и они меня объегорили, но они меня одинъ разъ, а я ихъ три! Хочешь писать — пиши! Валяй! Но допрежде объясни, почему я раньше жилъ и ничего у меня, никакой дурости не было, а нынѣ вотъ я замотался? Предѣлъ это человѣку или его собственное неразумѣніе? Положено судьбой или самъ онъ выдумалъ?..“

Лукичъ фыркалъ отъ пыли, забившейся ему въ ноздри, помахивалъ головой и, солидно вскидывая ноги, подвозилъ своего грѣшнаго хозяина къ Ямкамъ.

Вотъ и школа, похожая больше на бѣляну, опрокинутую вверхъ дномъ, чѣмъ на храмъ науки. У одного изъ трехъ оконъ сидитъ учитель, строгая ножомъ какую-то палочку, и равнодушно смотритъ на подъѣхавшаго мельника.

— Добраго здравія, Александръ Ивановичъ! Въ гости къ тебѣ прискакалъ; примешь, что ли?

— Милости прошу, — сказалъ учитель и ушелъ отъ окна.

Сухой тонъ учителя и его серьезное, худое, жесткое лицо смутили Тихона Павловича, и его сердце непріятно сжалось.

Онъ долго копался около телѣжки, завязывая вожжи за облучокъ, прежде чѣмъ войти въ школу, а проходя мимо одного окна, увидѣлъ, что учитель ставитъ на полку какую-то толстую книжицу и улыбается, ѣдко такъ улыбается.

— Еще разъ здравствуй!—съ принужденной развязностью сказалъ мельникъ, протягивая руку учителю. — Ф-фу, какъ жарко!

Учитель молча сунулъ ему холодные костлявые пальцы и, кивнувъ головой на лавку, кратко бросилъ:

— Садитесь...

— Сядемъ, — согласился мельникъ и сѣлъ на скамью у

окна, гдѣ прежде сидѣлъ учитель, который теперь, заложивъ руки за спину и покашливая, уже расхаживалъ по комнатѣ, все ускоряя шаги.

Молчаніе. Тихонъ Павловичъ сидѣлъ, независимо потирая лѣвой рукой колѣно, а пальцами правой расчесывалъ себѣ бороду, внимательно глядя въ стѣну.

Учитель подошелъ къ полкѣ и сталъ разсматривать книги на ней, точно желая убѣдиться, тѣ ли это книги, которыя стояли тутъ до пріѣзда гостя. Обоимъ имъ было неловко, и оба они это чувствовали, отчего молчаніе ихъ становилось все тяжелѣе...

— Дѣло какое имѣете до меня? — спросилъ учитель, подходя отъ полки къ гостю и въ упоръ глядя на него.

Лобъ у него наморщился, брови хмуро съежились. Ему хотѣлось кашлять, но онъ почему-то удерживался отъ этого, плотно сжавъ губы. На лицѣ у него явились бурыя пятна, худая, ввалившаяся грудь вздымалась высоко и нервно.

— Хммм...—промычалъ мельникъ, отводя глаза въ сторону отъ учителя, и подумалъ про себя:

„Ледащій какой... Не долго ты, братъ, наскрипишь...“

— Какъ бы тебѣ, Александръ Ивановичъ, сказать?

И, говоря, мельникъ думаетъ:

„Тоже—гвоздь... Въ родѣ того... покойника... Надъ этимъ словъ говорить некому будетъ... Такъ въ одиночку и исхизнетъ. Закопаютъ его мужички въ землю—и вся недолга. И больше ничего... Хоть и онъ тоже пишетъ... однако у него кишка слаба, видно. Пишетъ—и въ деревнѣ живетъ... Какъ бы мнѣ это начать разговоръ?“

— Можетъ, чай станете пить?—спросилъ учитель и наконецъ страшно закашлялся, схватившись за грудь руками. Лицо у него стало сѣрое, весь онъ изгибался, и въ груди что-то свистѣло, бухало, скрипѣло, точно тамъ были спрятаны старые стѣнные часы и теперь они собирались бить.

— Можно и чаю попить,—рѣшилъ Тихонъ Павловичъ.— А здорово ты кашляешь! Кажись, съ чего бы это? Время лѣтнее—тепло... а?

— Такъ ужъ... — говоритъ учитель, опускаясь на стулъ.

Мельникъ почувствовалъ, что на него повѣяло холодной скукой отъ этихъ простыхъ и ничего не говорящихъ словъ.

— Ивановна! Поставьте самоваръ, — крикнулъ учитель въ окно.

Вскорѣ въ сѣняхъ раздался шумъ желѣза. Тихонъ Павловичъ зналъ, что это гремитъ самоварная труба, но не зналъ, съ чего начать разговоръ съ учителемъ.

Тотъ тоже молчитъ, хмуря брови и уставившись лбомъ въ полъ. И снова это молчаніе длится долго и злитъ ихъ обоихъ.

— Труба упала,—сообщаетъ Тихонъ Павловичъ учителю. Тотъ всталъ и, подойдя къ двери, говоритъ:

— Ивановна, труба упала!

— Вижу, чай. Тутъ вѣдь я,—ворчливо отвѣчаютъ ему.

Паденіе трубы какъ бы ободряетъ этихъ двухъ людей, давившихъ другъ друга.

— Ну-съ, такъ вотъ...—говоритъ учитель, потирая лѣвый бокъ.—Вы, значитъ, хотите говорить со мной...

— Это самое...—соглашается мельникъ, кивая головой.

— Хорошо... Я догадываюсь, о чемъ именно...

— Ну?—подымая брови, спрашиваетъ Тихонъ Павловичъ и недовѣрчиво улыбается.

— Конечно, о томъ, что̀ я написалъ про васъ въ газетѣ,—сдвигая брови, говоритъ учитель и зачѣмъ-то озабоченно отдуваетъ щеки и еще суровѣе хмуритъ лобъ.

— Такъ я и думалъ, что это ты писалъ! — воскликнулъ мельникъ. — Ахъ, ты... Непремѣнно, молъ, это онъ! Потому только двое могутъ это... ты да попъ Алексѣй. Онъ тоже сердитъ на меня...

— То-есть какъ же это тоже? Развѣ я на васъ сердитъ?—удивился учитель.

— А то какъ же!

— Да за что?

— А кто тебя знаетъ! Написалъ—да и все; а я понимай, какъ хочу...

— Позвольте! Я писалъ не по личной непріязни къ вамъ, а изъ чувства справедливости,—вздрагивая, проговорилъ учитель и, поднявъ тонъ, добавилъ, вспыхнувъ:—Вы не имѣете никакого права говорить, что я написалъ потому, что былъ сердитъ... да.

— Толкуй!—скептически махнулъ рукой мельникъ.—А зачѣмъ же ты писалъ?

— Затѣмъ, что вы поступили съ кирюшинскими крестьянами... не честно!

— О! вотъ какъ ахнулъ! Не честно! А они, когда у меня плотину прорвало, честно дѣлали? Небось, ты про нихъ не написалъ вотъ!?

— Но позвольте!—все болѣе разгорался учитель.

Лицо у него покрылось красными пятнами, онъ сталъ заикаться, очевидно, желая сказать много и не находя нужныхъ словъ. У него странно вздрагивали уши, сверкали глаза. И мельникъ, глядя на него, тоже закипалъ.

— Чего—позвольте! Про меня написалъ—и про нихъ пишш. Коли я съ ними поступилъ не по совѣсти, такъ ты самъ знаешь, что и они со мной поступили этакъ же; на твоихъ глазахъ было. Однако вотъ ты молчишь! А говоришь — изъ справедливости! Эхъ, ты...

— Ну-съ, дальше что̀ же? — спросилъ учитель и вдругъ, какъ-то весь изогнувшись, кашляя и торопясь, быстро глотая слова, зачастилъ:—Вы не понимаете... я не могъ... то-есть я... Вы подозрѣваете меня чортъ знаетъ въ чемъ! Какая у меня можетъ быть... къ вамъ вражда? То-есть нѣтъ... она есть! Она всегда будетъ!—вдругъ высоко выкрикнулъ онъ.

— Ну, вотъ! Ага! А говоришь: по справедливости! Какъ же по справедливости, коли изъ злобы? Эхъ, ты! И жить-то тебѣ недолго осталось, а ты людей мутишь! Меня дочь какъ этой твоей писулей смазала! Родная дочь—пойми! за что?

— Позвольте!—уже кричалъ учитель.—Какое мнѣ дѣло до вашей дочери? Я не говорю, что къ вамъ лично чувствую вражду, а говорю—къ группѣ, классу.

— Ты мнѣ мудреныхъ словъ не говори, не надо! Я и такъ тебя понимаю хорошо.

— Нѣтъ, я... Вы оскорбляете меня вашими подозрѣніями! Вы можете опровергнуть меня фактами, доказать, что я невѣрно понялъ событія, что я не правъ... но говорить...

— Я все съ тобой могу говорить,—стукнувъ себя въ грудь ладонью и вставая со стула, съ сознаніемъ собственнаго достоинства заявилъ мельникъ.—Я—лицо въ округѣ... Меня на сто верстъ кругомъ знаютъ и уважаютъ, а тебѣ вся цѣна восемнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Я не хочу...

Учитель топнулъ ногой и, весь дрожа, задохнулся отъ волненія и приступа кашля. И пока онъ кашлялъ, со стономъ корчась отъ боли и недостатка воздуха въ пораженныхъ легкихъ, Тихонъ Павловичъ, стоя передъ нимъ въ позѣ побѣдителя, громко и отчетливо, съ краснымъ возбужденнымъ лицомъ и сознаніемъ своей правоты, отчеканивалъ ему:

— Эхъ, ты, справедливый человѣкъ! Обличаешь другого, а самъ себя тоже вотъ обличилъ! Какая тебѣ цѣна послѣ этого? Я было къ тебѣ, какъ къ умному, съ разговоромъ пріѣхалъ... поговорить по душѣ... А ты что̀? Понялъ ты меня? Написалъ! Ну, и что̀ жъ? И написалъ! А кто читалъ? Одинъ попъ читалъ... Я все такой же, какъ былъ, такъ и остался... н-да... Я къ тебѣ пріѣхалъ съ душой, а не съ враждой, а ты гнешь себѣ свое да кричишь на меня. Можешь ты на меня кричать? 18 руб. въ мѣсяцъ получаетъ, живетъ безъ всякаго

закона, одинъ, какъ перстъ, а туда же — справедливость! Э-эхъ! Прощай, братъ! Не обижаюсь я на тебя за твою дерзость, а жаль мнѣ тебя... жаль... Прощай! Плохая твоя жизнь, и мы всѣ умремъ... не надо этого забывать... да!

Тихону Павловичу подъ конецъ его рѣчи сдѣлалось чуть не до слезъ грустно. Учитель, охваченный припадкомъ кашля, сидѣлъ на стулѣ согнувшись и, низко наклонивъ впередъ голову, весь дрожалъ. Одной рукой онъ держался за бокъ, а другой судорожно махалъ въ воздухѣ, должно-быть, желая остановить расходившагося купца.

Мельнику было жалко смотрѣть на него и въ то же время ему хотѣлось сказать что-то такое чувствительное, что̀ затронуло бы сердце учителя тѣмъ же чувствомъ, которымъ полно его, мельниково сердце. Но чувствительныхъ словъ не было, хотя голосъ дрожалъ и переливался нотами низкими и какъ бы плачущими. Мельникъ сознавалъ, что все, что̀ произошло между нимъ и учителемъ, очень обидно для обоихъ, и ему захотѣлось прекратить скорѣе эту тяжелую сцену.

— Прощай! Не поминай лихомъ... предстанешь предъ Господомъ...

И, махнувъ рукой, онъ глубоко напялилъ на голову картузъ и поспѣшно вышелъ вонъ.

— Нѣтъ, позвольте...—ра далось вслѣдъ ему хриплое, возбужденное восклицаніе учателя.

— Ладно!—буркнулъ себѣ подъ носъ мельникъ, отвязывая вожжи.

— Воротитесь... Мы должны...—появился учитель у окна.

Онъ высунулся до половины на улицу, держась одной рукой за косякъ, а другой сильно жестикулируя.

— Никто ничего не долженъ... Всѣ мы—люди... — бормоталъ Тихонъ Павловичъ, занося ногу на подножку телѣжки.

— Воротитесь!—крикнулъ учитель.

Онъ очень странно крикнулъ. Тихонъ Павловичъ обернулся и посмотрѣлъ на него. Лицо у него было страшное, глаза мутные, лобъ въ поту, и горло спазматически сжималось.

Мельника кольнуло что-то.

— Э... вдругорядъ пріѣду! Все равно!

И, отчаянно махнувъ рукой, онъ больно хлестнулъ вожжами Лукича, сразу подхватившаго телѣжку въ бойкую рысь. Учитель что-то кричалъ вдогонку.

— Катай! — крикнулъ Тихонъ Павловичъ, еще разъ ударивъ лошадь и даже скрипнувъ зубами, желая заглушить въ себѣ горькое чувство, наполнявшее его.

Выѣхавъ за деревню, онъ нѣсколько остылъ. Лукичъ быстро

ѣменилъ ногами по извилистой дорогѣ среди золотой пустыни вызрѣвшаго хлѣба. Впереди дороги, на горизонтѣ, собралась туча: темно-сизыя, лохматыя облака сползались въ тяжелую, почти черную массу, и она двигалась навстрѣчу мельнику, бросая отъ себя на землю густую тѣнь. И на душу ему ложились тѣни. Онъ дернулъ вожжами и, не думая, свободтилъ влѣво, на болѣе широкую и убитую колею. Туча осталась теперь справа, а впереди на желтомъ морѣ хлѣба былъ виденъ маленькій, темный островокъ лѣса и кое-гдѣ среди холмистой пустыни, ярко залитой солнцемъ, бросались въ глаза широкія, черныя ленты вспаханной земли, одинокія въ богатой нивѣ, бѣдныя, унылыя. Съ нихъ на душу мельника дѣяло чѣмъ-то родственнымъ ей. Лукичъ бѣжалъ, и навстрѣчу ему, зеленѣя, приближался островокъ лѣса, все рельефнѣе выступая на ярко-желтомъ фонѣ нивы и мутно-голубомъ небѣ.

„А вѣдь это я на станцію ѣду!—подумалъ мельникъ, когда изъ-за холма показалась линія телеграфныхъ столбовъ.—А не поѣхать ли мнѣ въ городъ? Лошадь со станціи домой отошлю съ кѣмъ-нибудь... Н-да. Къ учителю съѣздилъ, поговорилъ. Хе-хе! Учитель! А ты учить-то—учи, да и самъ тоже поучивайся, понимай вокругъ-то себя, какъ и что. Какой ты это лѣшій загналъ меня къ тебѣ, кабы душа къ тому не понудила? И долженъ ты, учитель, всегда на такой точкѣ стоять, чтобы человѣку до тебя, не уродуя себя, взобраться можно было. А то—эка вотъ!—вперся со строгостью-то своей выше печной трубы, да и пошелъ оттуда пророчить... Добродѣтели стопудовыя!“

Чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе становилось, что учитель виноватъ предъ нимъ, и мельнику было пріятно сознавать это...

— Эхъ, люди! Не можете вы обращать вниманія на другого, коли онъ вамъ не нуженъ и вы его не боитесь. А еще учителя! Видно, соблюденіе-то своей строгости дороже вамъ чужой души...

Лукичъ бодро подбѣгалъ къ станціи, а навстрѣчу ему, свистя и разметывая въ воздухѣ толстый жгутъ бѣлаго пара, приближался поѣздъ, наполняя воздухъ тяжелымъ грохотомъ.

И грохоту поѣзда отвѣчали раскаты грома изъ тучи, охватившей мракомъ уже почти двѣ трети неба. Черезъ нѣсколько минутъ Тихонъ Павловичъ сидѣлъ въ вагонѣ и мчался степью, слѣдя глазами за мелькавшими мимо оконъ полосами хлѣба и вспаханной земли.

Черное небо то и дѣло рвали огненныя стрѣлы молніи, и громъ гудѣлъ надъ быстро летѣвшимъ поѣздомъ. Шумъ

колесъ на стыкахъ рельсовъ и лязгъ сцѣпленій пропадали в ревѣ грома, а неуловимо быстрыя молніи мелькали мим оконъ, слѣпили глаза.

— Зачѣмъ мнѣ въ городъ?—тоскливо спрашивалъ себ мельникъ.

Его встряхивало, покачивало; блескъ молніи заставлялъ ем то и дѣло щурить глаза, грохотъ грома—вздрагивать и кр ститься. И наконецъ онъ задремалъ.

II.

— Куда же бы мнѣ пойти? Къ кому?—спросилъ себя Ти хонъ Павловичъ, отходя отъ вокзала два квартала, и почу ствовалъ, что никого изъ знакомыхъ ему не хочется видѣт да и вообще ничего не хочется.

Всю дорогу онъ спалъ; пріѣхавъ въ городъ, пошелъ в гостиницу, ѣлъ тамъ солянку, пилъ чай и смотрѣлъ в окно, какъ шелъ дождь.

Дождь шелъ крупный, и долго онъ шелъ—часа три, и вс эти три часа мельникъ провелъ въ своихъ думахъ, навѣв вшихъ на него какое-то оцѣпенѣніе. Потомъ онъ рѣшил уѣхать обратно домой, но, когда пришелъ на вокзалъ, оказа лось, что поѣздъ уже отправился. Онъ сѣлъ на платформ вокзала и смотрѣлъ, какъ маневрировали поѣзда и суетилис разные чумазые, пахучіе люди—смазчики, составители, сцѣп щики, кондуктора товарныхъ поѣздовъ. Поѣзда приходили уходили, и Тихону Павловичу вся эта суматоха станціонно жизни казалась какой-то неосновательной, непродуманной. За чѣмъ нужно такъ суетиться и хлопотать, такъ много отвозить привозить, коли всѣ люди умрутъ, придетъ время? А он можетъ-быть, завтра придетъ... Нужно бы больше позабо титься о покоѣ... И мельнику снова страшно захотѣлось по коя, глубокаго, соннаго покоя, безъ думъ и безъ заботъ. И это желаніе потянуло его куда-то. Тогда онъ снова пошел въ городъ, и шелъ теперь холодный и безучастный ко всему кромѣ того, что̀ смутно шевелилось въ его душѣ, что̀ был такъ непонятно ему и такъ мѣшало жить.

На улицѣ—тихо и темно. По небу быстро летѣли обрывк тучъ, а по мостовой и по стѣнамъ домовъ ползли густы тѣни. Воздухъ былъ влаженъ и душенъ, пахло свѣжимъ ли стомъ, прѣлой землей и тяжелымъ запахомъ города. Пролета надъ садами, вѣтеръ шелестилъ листвой деревьевъ—тихій мягкій шопотъ носился въ воздухѣ. Улица была узка, пу стынна и подавлена этой задумчивой тишиной, а глухой гро хотъ пролетки, раздававшійся вдали, звучалъ какъ-то оскор

бительно-нахально. Мельникъ шелъ, заложивъ руки за спину, и несъ съ собой свои безформенныя полудумы, полуощущенія, одѣвавшія его сердце въ холодъ и туманъ.

Вдругъ откуда-то вырвалась толпа странныхъ, точно сцѣпившихся между собой нотъ духовой музыки и понеслась надъ городомъ въ бѣшено-громкомъ вальсѣ. Одна нота была такая тяжелая, обрывистая—уфъ, уфъ! Она совсѣмъ не вязалась съ остальными и, тяжело вздыхая, рвалась выше всѣхъ остальныхъ... Казалось, что-то большое и тяжелое грузными прыжками пробуетъ вырваться на волю и не можетъ.

— Зайти, что ли?—спросилъ себя мельникъ, остановившись у отворенныхъ воротъ съ двумя ярко горѣвшими фонарями. Прямо изъ воротъ куда-то вдаль тянулась аллея акацій. И еще не рѣшивъ, слѣдуетъ ему итти въ садъ или не нужно, Тихонъ Павловичъ уже шелъ по ней, глядя на фонари, развѣшенные вдоль аллеи на проволокѣ и бросавшіе на бурую дорожку разноцвѣтныя пятна. Аллея круто повернула направо, и Тихонъ Павловичъ увидѣлъ эстраду, на которой игралъ военный оркестръ, передъ эстрадой—лавочки, на нихъ какія-то темныя фигуры. Ему не захотѣлось итти туда,—онъ сѣлъ на одну изъ скамей, стоявшихъ по бокамъ аллеи.

Шумѣли деревья, и надъ ними по небу, все болѣе очищая его, мчались клочки тучъ. Какая-то женщина прошла мимо Тихона Павловича... Онъ равнодушно посмотрѣлъ ей въ спину, она воротилась и снова прошла мимо. Тогда онъ про себя обругалъ ее... Вдругъ она направилась къ нему, сѣла съ нимъ рядомъ и заглянула ему въ лицо. Передъ нимъ мелькнули темные, пытливые глаза, большія красныя губы и прямой, красивый носъ. Онъ степенно и брезгливо отодвинулся, и ему стало какъ-то еще скучнѣе.

— Скучно, купецъ?—спросила его сосѣдка.

— Да-а...—протянулъ онъ, но сейчасъ же спохватился и хмуро сказалъ ей:—Проваливай... нечего даромъ-то лясы точить... Не таковскій...

Она засмѣялась глубокимъ, груднымъ смѣхомъ.

— Сердитый... Не бойся, не трону... Мнѣ самой скучно, вотъ... я и спросила...

Онъ помолчалъ, ожидая, что она встанетъ и уйдетъ. Но она не уходила, а, позѣвывая, продолжала сидѣть рядомъ съ нимъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на нее и увидалъ, что она еще очень молода и красива. Музыка перестала играть и снова начала, на этотъ разъ что-то уже менѣе шумное.

— Что же ты торчишь тутъ, если тебѣ скучно?—вдругъ какъ-то незамѣтно спросилъ Тихонъ Павловичъ свою сосѣдку.

— А ты?—не глядя на него, кратко бросила она.

— Я пріѣзжій... куда я пойду?..

— Въ номеръ, гдѣ остановился, иди, а то въ трактиръ.

— Ишь ты!—сказалъ Тихонъ Павловичъ и, помолчавъ прибавилъ:—Чай, тамъ тоже скучно одному-то...

— Компанію найди...

— На улицѣ, что ли, мнѣ ее подбирать?

— Въ трактирѣ всегда компанія есть.

— Это, положимъ, такъ...—вздохнулъ мельникъ и подумалъ:—„А что̀, въ самомъ дѣлѣ—не пойти ли мнѣ въ трактиръ? И ее... эту взять съ собой... Можетъ, что̀ и выйдетъ?“—Ты пойдешь со мной въ трактиръ-то?—спросилъ онъ.

Она отвѣтила не сразу, какъ-то замялась.

— Пожалуй... Человѣкъ только тутъ одинъ будетъ искать меня.

— Ну, какой тамъ человѣкъ?

— Нѣтъ, вѣрно... Мастеровой одинъ...

— На что онъ тебѣ? Плюнь, пойдемъ...

Ему положительно стала улыбаться мысль о хорошей пирушкѣ.

— Да я иду..... Онъ, чай, навстрѣчу попадетъ...

— Больно нужно!—сказалъ мельникъ, поднимаясь со скамьи.—Айда!

Она встала и пошла, высокая и стройная, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, рядомъ съ нимъ, кряжистымъ человѣкомъ въ поддевкѣ до пятъ.

— Нѣтъ, кабы встрѣтить его, хорошо бы было,—говорила она и зачѣмъ-то пояснила:—это безрукій...

— Это какъ?

— Оторвало ему руки-то въ машинѣ.

— Такъ на что тебѣ его?—нѣсколько удивился Тихонъ Павловичъ.

— А онъ поетъ больно хорошо.

— Ну?

— Мы съ нимъ сегодня хотѣли на рѣку пойти въ рощу...

— Такъ...—усмѣхнулся мельникъ.—Ну, такъ что̀ же теперь?

— А ничего,—кратко сказала она.

Они вышли изъ сада, и мельникъ, спросивъ, куда надо итти, крикнулъ извозчика. Подпрыгивая по неровной мостовой, пролетка съ дребезгомъ покатилась между двумя рядами домовъ. Было еще не поздно. Изъ оконъ на улицу лился свѣтъ лампъ и звуки голосовъ. Проѣзжая мимо одного маленькаго бѣлаго дома за палисадникомъ, Тихонъ Павловичъ

слыхалъ раскаты басистаго смѣха, которому вторилъ смѣхъ женщины, звонкій и задушевный.

„Живутъ люди... не дурятъ, не мудрствуютъ“,—подумалъ онъ съ огорченіемъ, и ему стало обидно за себя.

— Такъ говоришь—безъ рукъ?—помолчавъ, спросилъ онъ женщину.

Она плотно прижалась къ нему, держась одной рукой за крыло пролетки, а другой за его колѣно.

— Миша-то? Да...—сказала она.

— Такъ. Онъ кто же тебѣ будетъ? Милый другъ, что ли?

— Н-ну! Тоже... Онъ уже старый, больной. Онъ давнишній нашъ знакомый—маленькую меня, бывало, на рукахъ гаскалъ.

— Ишь ты что! А отецъ-то у тебя кто?

— Маляръ былъ.

— Умеръ?

— Въ холеру померъ... Скоро и пріѣдемъ.

— Такъ... А ты до этого чѣмъ занима ась?—любопытствовалъ мельникъ, чувствуя, что когда онъ говоритъ, такъ ему какъ бы легче.

— Швейка,—отвѣтила она.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ углу большого трактирнаго зала. Трактиръ былъ грязный, тѣсный, пахучій. Посреди зала за однимъ изъ столовъ шумѣла компанія пьяныхъ извозчиковъ; у одного изъ оконъ, заставленныхъ горшками герани и фуксій, пили чай два какіе-то подозрительные человѣка: одинъ—лысый, съ ястребинымъ носомъ, поминутно кашлявшій; другой—черный, съ солдатскими усами, меланхолично свистѣвшій сквозь зубы, глядя въ свой стаканъ. Въ углу у изразцовой печки сидѣлъ сѣденькій старичокъ съ благочестивымъ, истомленнымъ лицомъ и сладко прищуренными глазками. Было еще нѣсколько человѣкъ,—всѣ они очень странно были разбросаны по большой, закоптѣлой комнатѣ, и никто не обращалъ вниманія другъ на друга.

Мельникъ со своей подругой усѣлись въ темномъ углу у двери въ маленькую комнатку, и имъ хорошо былъ виденъ весь трактиръ, освѣщенный пятью стѣнными лампами. Ихъ столъ стоялъ у открытаго окна; съ улицы на нихъ вѣялъ теплый вѣтеръ, густой отъ разныхъ смѣшанныхъ запаховъ.

— Тебя какъ звать-то, красавица?

— Анной.

— Ну-ка, Аннушка, выпьемъ для знакомства.

Онъ налилъ изъ поставленной передъ нимъ бутылки двѣ рюмки водки; они чокнулись и выпили. Аннушка сняла

съ головы платокъ и стала красивѣе: волосы у нея были волнистые, каштановые, глаза—продолговатые, каріе. Она то приподнимала ихъ, то открывала, перебирая пальцами полной и бѣлой руки сборки ситцевой кофточки на груди.

— А плясать ты умѣешь?—спросилъ Тихонъ Павловичъ, разсмотрѣвъ ее и найдя, что она должна быть особенно хороша въ пляскѣ, когда идетъ этакъ бокомъ и поводитъ плечомъ, подманивая къ себѣ глазами...

— Пляшу...—отвѣтила она, снова наливая рюмки.

— И выпиваешь-таки, видно?—усмѣхнулся мельникъ.

— А какъ же? Такая жизнь... Намъ не пить нельзя...—спокойно заявила она.

— Развѣ ужъ больно тяжело?—допрашивалъ мельникъ, не скрывая недовѣрія къ ней и все продолжая насмѣшливо улыбаться.

Она отвѣтила не сразу: сначала оправила волосы на головѣ, отломила кусочекъ чернаго хлѣба, понюхала его съ видомъ записной пьяницы, потомъ положила въ ротъ и, медленно пережевывая, заговорила:

— Чай, если и васъ заставить цѣловаться со всякой бабой, какая того отъ васъ захочетъ, такъ и вамъ, даромъ что вы мужчина, противно это станетъ. А наша сестра должна... А вѣдь среди васъ хорошихъ-то больно мало, больше все... такіе... что, того и гляди, стошнитъ. Опять же и грѣхъ... Мы не безчувственныя какія—Бога помнимъ все-таки... совѣстно. Иногда—особенно съ похмелья—такъ жутко станетъ, что вотъ взяла бы да и сунула голову въ петлю... Ну, сейчасъ возьмешь полбутылки, да и оглушишь себя натощакъ-то... И втянешься... Безъ водки на такое дѣло нельзя выходить—не сможешь... затоскуешься....

Еще съ начала ея рѣчи Тихонъ Павловичъ почувствовалъ, что ея глаза какъ-то щиплютъ его за сердце, остановившись на его лицѣ и какъ бы стараясь запомнить его. Когда она сказала свое: „такіе...“ и сдѣлала паузу послѣ этого слова—онъ почувствовалъ, что въ этой паузѣ много обиднаго для него. А потомъ она заговорила о Богѣ. Онъ пригласилъ ее съ собой совсѣмъ не для этого. И тогда въ душѣ его вспыхнуло раздраженіе противъ нея. Онъ строго и вѣско заговорилъ:

— Кому что назначено, тотъ и долженъ нести свою тяжесть... н-да. А вотъ я пріѣхалъ съ тобой сюда для веселья, а не для постныхъ разговоровъ. Разговоръ такой—совсѣмъ ни при чемъ въ нашемъ дѣлѣ. Желаю я разгуляться и чтобы съ трескомъ... понятно? Сто цѣлковыхъ брошу, но чтобы былъ

отдыхъ душѣ. Чтобы вихрь былъ! Можешь ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ способствовать? Дѣйствуй—десятку дамъ! Но чтобы—вотъ какъ было.

Онъ повелъ рукой по шеѣ и мотнулъ головой, зажмуривъ глаза.

Она поняла его и тоже сразу вспыхнула. До этой поры онъ ей казался мямлей, бородачомъ-семьяниномъ, который и согрѣшить желаетъ только до извѣстнаго предѣла; но теперь ей стало ясно, что онъ можетъ развернуться широко. И, блеснувъ глазами, она встала со стула, накидывая на голову платокъ и говоря:

— Такъ бы вы сразу и сказали, а то чешете языкъ, и невозможно понять—зачѣмъ. Посидите, я въ минуту ворочусь. Сейчасъ будетъ гармонистъ, пѣсни будемъ пѣть, спляшемъ... А вы, пока я хожу, переберитесь-ка сюда...—она указала рукой на сосѣднюю комнату,—да закажите чаю, водки еще и закуски... Ну-те-ка, я тяпну еще одну!

Она „тяпнула“ рюмку водки, улыбнулась и исчезла.

А онъ подозвалъ полового, сказалъ ему все, что̀ было нужно, и перешелъ въ сосѣднюю комнату. Въ ней было три окна, всѣ на улицу; въ одномъ простѣнкѣ висѣла картинка, изображавшая охоту на медвѣдя, въ другомъ—голую женщину. Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ на нихъ и сѣлъ за круглый столикъ, стоявшій передъ широкимъ кожанымъ диваномъ, надъ которымъ опять-таки висѣла картина, изображавшая не то луга, не то море въ тихую погоду. Въ центрѣ картины помѣщалось коричневое пятно, которое съ удобствомъ можно было счесть и за избушку и за корабль. По бокамъ рамы горѣли двѣ лампы. Въ сосѣдней комнатѣ гудѣла публика, все прибывавшая, звенѣли стаканы, хлопали пробки.

„Попробуемъ встряхнуться...—думалъ Тихонъ Павловичъ, наливая себѣ водки и проглатывая ее.—Авось послѣ встряски и оживемъ. Будетъ, поваландался съ собой. Кабы можно было мнѣ понимать, какъ и что̀—дѣло другое. Но понимать я не могу. Томитъ меня, а что̀ томитъ?—неизвѣстно это мнѣ. Сосетъ—и все... Ну, положимъ, умеръ человѣкъ—что̀ же такое? Дѣло ясное—жилъ, оттого и умеръ. И я умру... Душу забывать не надо—это точно. Но чего она хочетъ? Кабы я могъ это понимать!—Ему вспомнился Кузька.—Онъ вотъ даетъ просторъ себѣ. Живетъ и знать ничего не хочетъ и никакимъ думамъ не подверженъ. А вѣдь у него тоже душа, ежели правильно разсудить. И у учителя душа. Однако всѣ люди—разные. Вотъ и эта... бабенка говоритъ тоже: жить, говоритъ, совѣстно. А почему совѣстно, ежели судьба? Безъ Божьей воли и волосъ съ твоей головы не падетъ...“

Онъ тяжело вздохнулъ, выпилъ еще и, откинувшись на спинку дивана, прислушался къ себѣ.

Почему-то ему представилась большая труба военной музыки въ саду.

„Уфъ, уфъ“, — рычала она, выбиваясь изъ толпы другихъ нотъ. Потомъ онъ ясно вспомнилъ дребезгъ пролетки, что такъ грубо нарушалъ грустную тишину вечера.

„Развѣ можно самого себя понимать, коли человѣкъ, можно сказать, какъ мельница: цѣлый день разныя разносги перетираетъ своимъ умомъ?“—съ обидой на кого-то подумалъ Тихонъ Павловичъ.

Ему казалось, что онъ какъ бы раздвоился: одна его половинка незамѣтно для другой старается куда-то столкнуть ее, или какъ бы онъ осторожно обходитъ самъ себя, какъ обходилъ онъ разныхъ мужичковъ, вступавшихъ съ нимъ въ сдѣлки.

„Вѣдь развѣ я спорю? — доказывалъ онъ самъ себѣ, хмуря лобъ.—Грѣшенъ и закоснѣлъ—понимаю... Но какъ мнѣ распростаться-то? Придетъ постъ—буду говѣть, а до той поры—ужъ какъ ни то—надо сносить“.

И все-таки въ концѣ концовъ онъ ясно чувствовалъ, что одному ему не годится оставаться здѣсь долго, что его опять понемногу охватываетъ и засасываетъ тоска. Онъ всталъ, налилъ рюмку водки, выпилъ и вышелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ раньше.

„И чего эта чортова кукла провалилась?“—съ негодованіемъ подумалъ онъ.

Передъ нимъ стоялъ высокій человѣкъ въ красной рубахѣ, пустые рукава которой свободно болтались по бокамъ, ниспадая отъ плечъ. Клинообразная русая борода удлиняла его блѣдное, испитое лицо съ лихорадочно блестѣвшими сѣрыми глазами; длинная шея съ изогнутымъ и вытянувшимся впередъ кадыкомъ придавала этой странной фигурѣ что-то журавлиное. На ногахъ у него были валенки и плисовыя шаровары, вытертыя на колѣняхъ. Ему было, навѣрное, лѣтъ подъ пятьдесятъ, но глаза молодили его. Онъ смѣрилъ Тихона Павловича глазами и прошелъ мимо него въ длинную комнату.

— Значитъ, вы и есть купецъ?..—сказалъ онъ, когда увидалъ, что мельникъ вошелъ за нимъ.

— Я...

— Налейте мнѣ рюмочку.

— Изволь.

— И поднесите.

— Могу.

Мельникъ налилъ водки, поднесъ ее къ губамъ безрукаго, и тотъ сразу, потянувъ въ себя воздухъ, съ какимъ-то особеннымъ свистомъ выхлебнулъ ея содержимое все до капли.

— Закуски надо?

— Не употребляю послѣ первой рюмки.

— Налить еще?

— Покорно благодарю...

Онъ говорилъ высокимъ металлическимъ голосомъ, и послѣ двухъ рюмокъ глаза его заблестѣли еще ярче, а на щекахъ вспыхнули два красныхъ пятна. Тихонъ Павловичъ далъ ему кусокъ хлѣба съ какой-то рыбой, тотъ взялъ его губами, сѣлъ на диванъ и наклонивъ голову надъ столомъ, положилъ закуску на край стола и ѣлъ. Кусая, онъ далеко вытягивалъ нижнюю губу и удерживалъ ею пищу отъ паденія на полъ. Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ на него, и ему было жалко этого изуродованнаго человѣка.

— Какъ это руки-то?..—спросилъ онъ съ соболѣзнующей нотой въ тонѣ вопроса.

— Очень просто: попалъ въ пьяномъ видѣ въ приводный ремень—разъ, два!—три мѣсяца въ больницѣ, и—пошелъ въ нищіе!—быстро разсказывалъ калѣка, измѣряя глазами мельника.

— Больно-то, чай, какъ было!—воскликнулъ Тихонъ Павловичъ, чмокая губами.

— Больно... но это прошло. А что̀ прошло, того и нѣтъ. Скверно вотъ то, что̀ есть, а то бы все наплевать.

— То-есть какъ?—не понялъ Тихонъ Павловичъ.

— Очень просто: жить безъ рукъ невозможно. Даже милостыни принять нечѣмъ—вотъ какая подлость! Ртомъ ловить—зубы вышибутъ.

— Это вѣрно,—засмѣялся Тихонъ Павловичъ.

Въ калѣкѣ было что-то живое, бойкое, бодрящее, и его глаза сверкали такъ умно. Тихонъ Павловичъ подумалъ, что, должно-быть, онъ хорошій и веселый парень, даромъ что безъ рукъ.

— Чего вѣрнѣе...—кивнулъ головой безрукій и громко откашлялся.

— А Аннушка скоро?—спросилъ мельникъ.

Безрукій быстро вскинулъ голову и остро посмотрѣлъ въ лицо Тихона Павловича. Тому показалось, что это какой-то особенный, непріязненный взглядъ, и онъ скосилъ глаза въ сторону, немного смущенный.

— Вы гдѣ ее... подцѣпили?—спросилъ безрукій.

— Въ саду... встрѣтились...

— А!..

— А что?

— Такъ...

— Красивая дѣвица...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, чувствуя, что непріязнь къ нему все возрастаетъ у его собесѣдника.

— Тоже калѣка...—кратко бросилъ тотъ.

— То-есть какъ?

— Души нѣтъ. У меня машиной руки вырвало, а у нея душу—жизнью. Жизнь у бѣдныхъ людей проклятая—калѣчитъ безъ всякаго резона. Жестокая жизнь.

Помолчали. Безрукій ерзалъ по дивану, точно разжигаемый какимъ-то нетерпѣніемъ, а Тихонъ Павловичъ, исподлобья поглядывая на него, чувствовалъ себя неловко и злился, и чего-то боялся.

— Еще рюмочку?

— Давайте... Но больше не надо, а то не буду пѣть.

— Въ пѣвчихъ были?

— Я? Всѣмъ былъ—часовыхъ дѣлъ мастеромъ былъ, пѣвчимъ былъ, смазчикомъ на желѣзной дорогѣ былъ, роговыми издѣліями торговалъ, приказчикомъ по лѣсной части... Давно живу!

— Н-да... Вонъ какъ...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, поражаемый бойкостью собесѣдника. Снова помолчали.

— А долго не идетъ она, Аннушка-то!

— Анюта? -какъ-то весь перекосился безрукій.—Придетъ! И онъ сухо засмѣялся.—Непремѣнно придетъ... Вы ей десять цѣлковыхъ хотѣли дать? Придетъ—еще бы! За десять-то цѣлковыхъ, когда она за рр... эхъ!—Онъ, извиваясь своимъ длиннымъ тѣломъ, закашлялся.—Знаете, я эту Анюту съ шести лѣтъ знаю. Н-да... каково-съ? Я ее на рукахъ носилъ, пряники ей покупалъ, а теперь самъ вотъ живу подъ ея охраной... Я ей, бывало, пряники, а она мнѣ теперь хлѣбъ и водку... Времена перемѣнчивы... а люди—скоты. Впрочемъ, все держится въ своихъ законахъ, и человѣкъ на землѣ не болѣе, какъ ничтожная гнида. Все въ порядкѣ, пыть и плакать не стоитъ—ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже—жди смерти! Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ. Поняли? И Анюта, и я, и вы—всѣ мы въ молодости нашей потеряли все, а нашли до сей поры шишъ съ масломъ! Вѣрно-съ! И больше никакихъ. Всякіе разговоры—пустяки и чепуха. Я прежде былъ другого взгляда на жизнь и очень безпокоился за себя и за другихъ—какъ, молъ, и что, и какой смыслъ, и въ чемъ

суть, и зачѣмъ, и почему... Нынче—наплевать! Проходитъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, ну и проходи,—такъ, значитъ, надо, и я тутъ ни при чемъ. Законы-съ; противъ нихъ невозможно итти... И незачѣмъ, потому что даже и тотъ, кто все знаетъ, ничего не знаетъ. Ужъ повѣрьте мнѣ въ этомъ случаѣ, съ умнѣйшими людьми велъ по этимъ дѣламъ бесѣды—со студентами и со многими священнослужителями церкви. Х-хе!

Онъ горѣлъ и кипятился, этотъ безрукій калѣка, кидая одну за другой свои отрывистыя и туманныя фразы Тихону Павловичу. Тонъ его рѣчи былъ страненъ; въ немъ звучала и горькая обида, и безнадежность, и насмѣшка надъ чѣмъ-то или надъ кѣмъ-то, и страхъ предъ этими законами и силами—словами, которыя онъ произносилъ съ какимъ-то особеннымъ подчеркиваніемъ и пониженіемъ голоса.

Тихонъ Павловичъ мало понялъ изъ его рѣчи, но она сообщила ему какую-то нервозную робость, и онъ чувствовалъ, что она что-то объясняетъ ему. И когда безрукій сдѣлалъ паузу, задыхаясь отъ всего сказаннаго, онъ робко и задумчиво спросилъ его:

— Значитъ, человѣку некуда податься?

— Ни на вершокъ!—сверкнувъ глазами, сказалъ безрукій и, подвинувшись всѣмъ корпусомъ въ сторону Тихона Павловича, добавилъ голосомъ сдавленнымъ и строгимъ:—Законы! Тайныя причины и силы—понимаете?—Онъ поднялъ кверху брови и многозначительно качнулъ головой.—Никому ничего неизвѣстно... Тьма!—Онъ съежился, вобравъ въ себя голову, и мельнику представилось, что если бъ его собесѣдникъ имѣлъ руки, то онъ навѣрное погрозилъ бы ему пальцемъ.—И, значитъ, живи, но не жалуйся и корись! Больше ничего...

— Н-да-а!—протянулъ мельникъ, задумчиво теребя бороду и наморщивая лобъ.—Ну, а какъ же душа?

— Душа? Младенцевъ, малыхъ ребятъ въ кабакахъ и другихъ такихъ мѣстахъ видали? Вотъ—душа на землѣ! Испытаніе ей дано...

— Значитъ, какъ же теперь, ежели совѣсть?..

— Вонъ—идутъ...—кивнулъ головой безрукій.

Въ дверяхъ стояла Аннушка, раскраснѣвшаяся и тяжело дышавшая; изъ-за ея плеча высовывалась усатая физіономія въ фуражкѣ, ухарски сдвинутой на ухо, и съ насмѣшливо-прищуренными глазами.

— Михаилъ Антонычъ! Костя пришелъ... А я устала!

— Костя?—встрепенулся безрукій.—Дѣльно! Это значитъ, будетъ восторгъ одинъ! Костя, иди сюда!.. Вотъ, купецъ, человѣкъ, такъ сказать, талантъ! Вотъ душа!

Изъ-подъ локтя Аннушки вынырнулъ худой и желтый юноша, сутулый, съ ввалившейся грудью, съ тонкими губами; онѣ были у него полуоткрыты, и изъ-за нихъ видно было два ряда зубовъ, черныхъ, поврежденныхъ виннымъ камнемъ.

Въ комнатѣ сразу стало шумно—пришедшіе внесли съ собою цѣлую волну разнообразныхъ звуковъ. Усатый человѣкъ съ насмѣшливыми глазами оказался гармонистомъ; онъ сейчасъ же сѣлъ въ уголъ дивана и поставилъ себѣ на колѣни большую гармонику съ безчисленнымъ количествомъ клапановъ и взялъ какой-то чрезвычайно высокій и бойкій аккордъ, послѣ чего побѣдоносно взглянулъ на Тихона Павловича и налилъ себѣ рюмку водки.

Кромѣ Аннушки, пришла еще дѣвица—Таня, какъ назвалъ ее какой-то молодой человѣкъ въ пиджакѣ, не то ремесленникъ „чистякъ", не то мелкій приказчикъ. Они усѣлись къ окну, а Аннушка, гармонистъ, Тихонъ Павловичъ, безрукій и Костя составили группу у стола. Тамъ, въ большой комнатѣ, народу набралось уже много, почти всѣ столы были заняты, и гудѣлъ могучій, пьяный шумъ.

Безрукій и Костя говорили что-то между собой вполголоса; лицо Кости освѣщалось глубоко ввалившимися голубыми глазами, подъ ними были большія темныя пятна. Онъ былъ въ поддевкѣ, въ красной рубахѣ и сапогахъ съ наборомъ. Аннушка что-то шептала гармонисту, лукаво улыбаясь, а тотъ слушалъ ее и равнодушно поглядывалъ на мельника.

Всѣ чувствовали себя нѣсколько стѣсненными, особенно Тихонъ Павловичъ, потерявшійся при видѣ столькихъ незнакомыхъ лицъ. Онъ сразу почувствовалъ себя точно выдернутымъ отгуда-то, и хотя отъ выпитой водки и разговора съ безрукимъ голова у него наполнилась какъ бы туманомъ, однако онъ сообразилъ, что долженъ играть роль хозяина.

Мельникъ крякнулъ, желая обратить на себя вниманіе, и его поняли. Всѣ какъ-то засуетились, сразу сдвинулись плотнѣе къ столу; Аннушка вскочила съ дивана и сѣла рядомъ съ мельникомъ на стулъ; пара отъ окна тоже подошла къ столу.

— Для начала выпьемъ, господа компанія!—возгласилъ Тихонъ Павловичъ, и ему очень понравилось то, что онъ сказалъ эти слова такъ степенно, солидно, вѣско.

Выпили. Безрукому подалъ Костя, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

— Вы, значитъ,—обратился Тихонъ Павловичъ къ безрукому,—какъ человѣкъ этакій...—Онъ замялся, взглянувъ на плечи этого человѣка.—Вы и командуйте всѣмъ. Чтобы было

весело, чтобы ходуномъ ходило все... Выпьемъ еще по одной для развязки!

— Можно,—согласился безрукій. По мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, у него все болѣе расширялись глаза и въ калыкѣ начинало что-то клокотать. — Выпьемъ и споемъ хоромъ! Идетъ? Хорошо будетъ! Ты, Костя, подвывай-подголашивай, Аннушка заведетъ, а вы, Маркъ Иванычъ, подтяните на гармоникѣ.

Всѣ заговорили сразу. Юноша въ пиджакѣ находилъ, что хора не выйдетъ—мало голосовъ; гармонистъ согласился съ нимъ и, очевидно, желая показаться свѣдущимъ, употреблялъ разные спеціальные термины.

— Никакъ не выйдетъ, потому все мажорные, то-есть громкіе голоса, и будетъ одинъ крикъ. Тріе—вотъ это будетъ вразъ, втроемъ, значитъ, нужно пѣть.

Аннушка, выпившая и возбужденная, ластилась, какъ кошка, къ мельнику. Онъ старался сохранить солидность, но уже масляно улыбался и ущипнулъ ее за бокъ. Она тихонько взвизгнула и ударила его по рукѣ. Они увлеклись понемногу, а вокругъ нихъ все горячѣе разгорался споръ о томъ, что̀ и какъ пѣть.

— Маркъ Иванычъ, это не такъ!—съ тоской въ голосѣ восклицалъ безрукій.

— Нѣтъ, такъ!—глухимъ басомъ рубилъ гармонистъ.

Костя не принималъ участія въ спорѣ: отвалившись спиной въ уголъ дивана, онъ выпятилъ грудь, полузакрылъ глаза и вдругъ почему-то поблѣднѣлъ.

— Костюшка, запѣвай!—крикнула Таня высокимъ контральто и облокотилась на столъ, подпоревъ щеку рукой.

Ея кавалеръ началъ что-то шептать ей на ухо, скашивая глаза въ сторону мельника, обнявшаго свою сосѣдку за талію и подносившаго къ ея рту рюмку рябиновой. Она жеманилась, отворачивая голову въ сторону. Таня посмотрѣла на нее лѣнивымъ взоромъ тусклыхъ синихъ глазъ и снова приняла прежнюю позу, кивнувъ гармонисту:

— Будетъ вамъ!

А безрукій, наклонившись къ нему корпусомъ и брызгая слюной, громкимъ звенящимъ голосомъ кричалъ:

— И опять не такъ! Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ, заставить ее прислушаться.

— То-есть это какъ же?—скептически возражалъ гармонистъ, хмуря брови и поводя усами.

— А такъ — она чувствительна къ грусти... Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и закиньте удочку—„Лучинушкой“, къ

примѣру, или „Заходило солнце красное“—она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватите сразу „Чоботами“ али „Во лузахъ“, да съ дробью, съ пламенемъ, съ плясомъ—чтобы жгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство—чего-то хочется и ничего не надо! Тоска и радость—такъ все и заиграетъ радугой!..

Безрукій задыхался отъ возбужденія и странно раскачивалъ корпусомъ, точно собираясь нырнуть на полъ подъ ноги гармониста. Шумъ въ трактирѣ становился все болѣе хаотичнымъ, оглушающимъ, пьянымъ.

И вдругъ въ него впилась высокая теноровая нота, болѣзненно вибрирующая, протяжная, унылая:

„Эхъ, да не въ непогоду-у...“

— Ш-ш-ш!—змѣей зашипѣлъ безрукій, вскинувъ кверху голову и обводя публику широко раскрытыми глазами, съ выраженіемъ въ нихъ и просьбы, и какой-то боязни, и удовольствія. Публика сразу притихла и уставилась на Костю, сидѣвшаго на диванѣ съ блѣднымъ лицомъ и судорожно открытыми губами, изъ которыхъ, взвиваясь все выше, лились красивые печальные звуки...

— Таня, подхвати, голубушка!—шепталъ молящимъ шопотомъ безрукій.

„Вѣтеръ воетъ, завываетъ...“—

сразу перешелъ Костя на речитативъ.

Таня равнодушно, съ видомъ человѣка, говорящаго: „могу,—мнѣ все равно!“, посмотрѣла на Костю и, крѣпче приложивъ руку къ щекѣ, подхватила прежде, чѣмъ Костя кончилъ свой речитативъ:

„А мою голо-овушку...“

— „Злая грусть терзаетъ!..“ — продолжалъ Костя, неподвижный и весь углубившійся въ себя. Маленькій онъ былъ, сухой, желтый. Голосъ Кости, высокій, металлическій теноръ, дрожалъ, какъ бы рыдая, и замиралъ въ тоскѣ, но, прежде чѣмъ онъ прерывался, раздавалось густое контральто Тани. Оно задумчиво и печально плыло изъ ея горла, ровное, безнадежно-спокойное; это дѣлало слова пѣсни еще болѣе грустными. Въ дверяхъ комнаты стояла толпа людей съ красными, возбужденными и потными физіономіями; за ней гдѣ-то тамъ, въ комнатѣ, попрежнему звучали стаканы и гудѣли пьяные

голоса, но они все ослабѣвали, а толпа у дверей протискивалась дальше въ комнату.

„Эхъ, да и пойду я въ степи...“—

грустно разсказывалъ Костя съ красными пятнами на своемъ лицѣ.

„Въ степи-и...“—

подхватила Таня, и голосъ ея звучалъ только какъ равнодушное эхо чужой скорби:

„Поищу тамъ доли...“—

Голоса слились и дружной, теплой струей ровно потекли по комнатѣ, пропитанной запахомъ водки, табаку и пота, вдругъ задрожали, забились, зарыдали, точно имъ стало тѣсно и тошно тутъ. Потомъ голосъ Кости оборвался и умолкъ, а Таня продолжала:

„Матушка-пустыня-а...“

— „Матушка-пустыня!“ — снова вступилъ Костя тоскливымъ крикомъ:

„Пріюти сиротку-у...“

— „Пріюти сиротку“, — вступился третій, новый голосъ. Онъ слился съ голосомъ Кости и, звуча въ униссонъ ему, гибкій, тоже дрожащій, являясь какъ бы эхомъ, тѣнью основного звука, заплакалъ и застоналъ, выпѣвая только однѣ гласныя. Это пѣлъ безрукій, закрывъ глаза и выгнувъ свой кадыкъ. Контральто Тани звучало—низкое, ровное, густое, и оно стало чѣмъ-то въ родѣ широкой полосы бархата, извивавшейся въ пространствѣ, а на немъ, на этомъ бархатѣ, въ фантастическихъ узорахъ дрожали золотыя и серебряныя нити голосовъ безрукаго и Кости.

Публика была подавлена этимъ разсказомъ сироты о поискахъ своей доли. Тихонъ Павловичъ давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ его тоску, но теперь къ ней примѣшивалось ощущеніе ѣдко-сладкое, пріятно коловшее сердце. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его обливало что-то теплое и густое, какъ парное молоко, обливало и, проникая внутрь его существа, наполняло собой всѣ жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая ее и увеличивая, все болѣе смягчало. Въ душѣ мельника выросла странная сладкая боль, точно льдина

тоски, давившая его сердце, таяла, распадалась на куски и они кололи его тамъ, внутри.

Аннушка положила на плечо сосѣда свою голову и замерла въ этой позѣ, потупивъ глаза въ землю. Гармонистъ задумчиво покручивалъ усъ, а человѣкъ въ пиджакѣ отошелъ къ окну и сталъ тамъ, прислонясь къ стѣнѣ и смѣшно вытянувъ голову по направленію къ пѣвцамъ, точно онъ ртомъ ловилъ звуки пѣсни. Толпа въ дверяхъ шуршала платьемъ и глухо ворчала, слившись въ одно большое животное.

Трое пѣвцовъ пѣли, сами себя очаровавъ своей пѣсней, и она звучала, то мрачная и страстная, какъ молитва кающагося грѣшника, то печальная и кроткая, какъ плачъ больного ребенка, то полная отчаянной и безнадежной тоски, какъ всякая хорошая русская пѣсня.

„Э-я сиж у у мо-оря-а...“—

рыдалъ Костя, у котораго отъ напряженія выступилъ потъ на лбу и катился по щекамъ, какъ слезы.

„Эо-а, э-оо-э-о-а!“—

вторилъ ему безрукій однѣми гласными. Онъ плотно зажмурилъ глаза, и ноздри его нервно дрожали, дрожали и губы и подбородокъ.

„Доли себѣ жду-у!“—

голосомъ, полнымъ безнадежности и покачивая головой, пѣла Таня и улыбалась такой тоскливой, острой улыбкой.

„Душу мою...“—

звенѣлъ и плакалъ теноръ Кости.

„Слезы-и-и...
Слезы жгучи моютъ!..“

дрожалъ голосъ безрукаго.

Звуки все плакали, плыли; казалось, что вотъ-вотъ они оборвутся и умрутъ, но они снова возрождались, оживляя умирающую ноту, снова поднимали ее куда-то высоко; тамъ она билась и плакала, падала внизъ; фальцетъ безрукаго оттѣнялъ ея агонію, а Таня все пѣла, и Костя опять рыдалъ, то обгоняя ея слова, то повторяя ихъ, и, должно-быть, не было бы конца у этой плачущей и молящей пѣсни—разсказа о поискахъ доли сиротой-человѣкомъ.

— Братцы! — глухо крикнулъ Тиханъ Павловичъ, вскакивая со стула.—Больше не могу! Христа ради, больше не могу!

Лицо у него было красно и все въ слезахъ, борода, смоченная ими, скомкалась, и въ глазахъ, широко открытыхъ, испуганныхъ, полныхъ болѣзненнаго напряженія, сверкало что-то дикое и восторженное, жалкое и горячее. Вставая, онъ оттолкнулъ Аннушку; она чуть не упала, оправилась и, точно проснувшись, смотрѣла на безрукаго глазами тусклыми и тупыми — тяжелымъ взглядомъ уставшаго животнаго.

— Душу мою пронзили! Будетъ—тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце... то-есть часу у меня такого не было въ жизни!

Таня тупо смотрѣла на него, и изъ ея губъ все лились ровныя, сочныя ноты, теплыя, но безъ огня.

— Братцы! Какъ угли горятъ во мнѣ теперь—вотъ какая тоска! Что̀ теперь я сдѣлаю? На ножъ пойду!—глухо гудѣлъ мельникъ, страшно тараща глаза и растирая грудь обѣими руками.—Кутимъ! Съ трескомъ! Эхъ, ты, жизнь!

Безрукій и Таня оборвали пѣсню. Таня сейчасъ же налила себѣ полстакана воды и выплеснула ее себѣ въ ротъ съ такой быстротой, точно и у нея тамъ угли горѣли и она хотѣла скорѣе потушить ихъ. Взволнованный и уставшій безрукій молча отдувался. Онъ какъ-то сразу осунулся, у него ввалились щеки, и глаза смотрѣли тупо, тускло и безсмысленно.

— Налей-ка мнѣ рябиновой, Маркъ Иванычъ!

— Славно пѣли...—тихо сказалъ гармонистъ, поднося къ его рту стаканъ.

Толпа очнулась, и поднялся хаотическій шумъ и говоръ. Послышались одобрительныя восклицанія, ласковыя ругательства.

„Доля, моя доля, гдѣ жъ ты...“—

вдругъ снова зарыдалъ теноръ Кости.

Онъ все время пѣлъ съ закрытыми глазами и, охваченный своей пѣсней, должно-быть, не слышалъ ничего, сдѣлалъ паузу и вотъ—снова запѣлъ. Раздался хохотъ. Хохотали тѣ, что̀ стояли у двери, и съ ними хохотала Таня. Показалось смѣшнымъ это увлеченіе Кости, и смѣхъ разбудилъ его. Широко открывъ это глаза, горящій и нервный, онъ посмотрѣлъ на смѣющіяся физіономіи, съежился, поблѣднѣлъ и какъ-то сразу погасъ, превратился въ того худого, желтаго паренька, какимъ онъ вошелъ сюда.

— Лапушка, пей!—угощалъ Тихонъ Павловичъ Аннушку.—Пей, гуляй! Кучу̀! Сокрушилъ бы я себя самого...

Гармонистъ взялъ въ руки гармонику, подумалъ, поднявъ голову вверхъ, и заигралъ что-то бойкое.

— Вотъ какъ тронули душу у купца! а!?—толкалъ его безрукій подъ столомъ ногой.

Гармонистъ молча кивалъ головой. Около стола Тихона Павловича появились какія-то нахальныя фигуры и пили его водку. Онъ пилъ со всѣми и быстро пьянѣлъ. И Аннушка пьянѣла.

— Плясать хочу, Маркъ, играй камаринскаго!—кричала она, поводя плечами.

Безрукій, нахмурившись, смотрѣлъ на все съ дивана и кусалъ себѣ губы.

— Ну, Михаилъ Антонычъ, не сердись! Все равно вѣдь!—улыбнулась она ему, замѣтивъ его мину.—Одинъ разъ жить на свѣтѣ...

— Баба, хоть четыре жизни живи, все скотиной будетъ!—зло кинулъ онъ ей.

— Другъ! не ругайся! Она—милая дѣвица, я ее люблю!—бушевалъ мельникъ.— Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя - ахъ, какъ! Въ огонь бы полѣзъ...

— Человѣкъ никуда не долженъ лѣзть... Ты вотъ палей-ка мнѣ!

— Не лѣзть никуда? Это вѣрно! Руку! Да, руки у тебя нѣтъ... Ну, поцѣлуемся.

Онъ обнялъ безрукаго и сталъ цѣловать его. Костя наливалъ себѣ водки и пилъ ее рюмку за рюмкой, видя, что никто за нимъ не слѣдитъ.

— Играй русскую! Хочу плясать! — все еще стояла на своемъ Аннушка.

Гармонистъ грянулъ какой-то удивительный аккордъ и заигралъ „По улицѣ мостовой“.

Уперевъ руки въ боки и поводя плечами, Аннушка, соблазнительно красивая и горящая отъ возбужденія, павой проплыла мимо разгоряченнаго виномъ мельника и вызывающе подмигнула ему глазомъ.

— Ишь ты! Пошелъ и я!—ухарски крикнулъ онъ и, громко топая ногами, пустился вслѣдъ за ней.

Безрукій смотрѣлъ на него, страшно оскаливъ зубы и вращая бѣлками.

Снова собралась толпа и грохотала, глядя на пляшущихъ.

— Загулялъ Тихонъ!—угрожающе выкрикнулъ мельникъ.—Возобновился человѣкъ! Э-охма!

Ночью на пятый день послѣ описаннаго Тихонъ Павловичъ возвращался со станціи домой, на хуторъ.

Съ больной головой, разбитый и мрачный, онъ трясся въ телѣгѣ и чувствовалъ въ груди мерзкій, горькій осадокъ послѣ четырехдневнаго кутежа. Представляя себѣ, какъ жена встрѣ-

тить его и запоетъ: „Что, батюшка, снова сорвался съ цѣпи-то?“ и начнетъ говорить о лѣтахъ, сѣдой бородѣ, дѣтяхъ, стыдѣ, о своей несчастной жизни,—Тихонъ Павловичъ сжимался и озлобленно плевалъ на дорогу, глухо бормоча:

— Н-ну, и жизнь!..

— Что вы-съ? спрашивалъ его возница, словоохотливый „Пантелей со станціи“, именовавшійся такъ въ отличіе отъ другого Пантелея—„пришлаго“.

— Ничего, ничего! Вези, знай!—сердито ворчалъ Тихонъ Павловичъ.

— Ага! Это бываетъ: думаетъ-думаетъ человѣкъ и заговоритъ самъ съ собой вслухъ. Бываетъ это отъ многихъ думъ, ежели...—не унимался возница.

— Помалкивай себѣ!—обрывалъ его Тихонъ Павловичъ.

— Что жъ! Можно и помолчать...—соглашался Пантелей и черезъ нѣсколько времени вновь заговаривалъ.

Хмурая ночь окутала всю степь тяжелымъ мракомъ, и въ небѣ неподвижно стояли еще сѣрыя облака. Въ одномъ мѣстѣ ихъ было бѣлесоватое, странное пятно—это луна хотѣла пробиться сквозь тучи и не могла. Пріѣхали въ плотинѣ.

— Стой!—сказалъ Тихонъ Павловичъ, вышелъ изъ телѣги и посмотрѣлъ кругомъ. Шагахъ въ сорока отъ него темной, угловатой кучей рисовался во мракѣ ночи хуторъ; справа, рядомъ съ нимъ — запруда. Темная вода въ ней была неподвижна и страшила этой неподвижностью. Все кругомъ было такъ тихо и жутко. Густо одѣтыя тѣнью ивы на плотинѣ стояли такъ прямо, строго и сурово. Гдѣ-то падали капли... Вдругъ на запруду налетѣлъ вѣтеръ изъ рощи; вода испуганно всколыхнулась, и раздался тихій, жалобный плескъ... И деревья, стряхивая сонъ, тоже зашумѣли.

Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ, какъ вода, тронутая вѣтромъ, снова засыпала, успокаиваясь постепенно, но еще пока покрытая мелкой рябью и точно дрожавшая, посмотрѣлъ, глубоко вздохнулъ и пошелъ къ хутору, глухо бормоча:

— Жизнь... Колебаніе одно только... рябь.

Но его не успокаивало это бормотаніе, и, чувствуя себя виноватымъ предъ всѣми и предъ самимъ собой, онъ остановился, взялъ въ руки бороду, дернулъ себя за нее, качнулъ головой и громко произнесъ:

— Старый ты чортъ, Тишка!..

— Что-съ?—откликнулся изъ мрака „Пантелей со станціи“.

— Ничего, пшолъ ты...

Гдѣ-то пѣтухи пропѣли.

1896.

КОНОВАЛОВЪ.

Разсѣянно пробѣгая глазами газетный листъ, я встрѣтилъ фамилію—Коноваловъ и, заинтересованный ею, прочиталъ слѣдующее:

„Вчера ночью, въ 3-й камерѣ мѣстнаго тюремнаго замка, повѣсился на отдушинѣ печи мѣщанинъ города Мурома Александръ Ивановичъ Коноваловъ, 40 лѣтъ. Самоубійца былъ арестованъ во Псковѣ за бродяжничество и пересылался этапнымъ порядкомъ на родину. По отзыву тюремнаго начальства, это былъ человѣкъ всегда тихій, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова къ самоубійству, какъ заключилъ тюремный докторъ, слѣдуетъ считать меланхолію“.

Я прочиталъ эту краткую замѣтку и подумалъ, что мнѣ, можетъ-быть, удастся нѣсколько яснѣе освѣтить причину, побудившую этого задумчиваго человѣка уйти изъ жизни, потому что я зналъ его, когда-то жилъ съ нимъ. Пожалуй, я даже и не въ правѣ промолчать о немъ: это былъ славный малый, а ихъ не часто встрѣчаешь на жизненномъ пути.

...Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я встрѣтилъ Коновалова въ первый разъ. Въ то время я работалъ въ хлѣбопекарнѣ, какъ „подручный“ пекаря. Пекарь былъ солдатъ изъ „музыкальной команды“, онъ страшно пилъ водку, часто портилъ тѣсто и, пьяный, любилъ наигрывать на губахъ и выбивать пальцами на чемъ попало различныя пьесы. Когда хозяинъ пекарни дѣлалъ ему внушенія за испорченный или опоздавшій къ утру товаръ, онъ бѣсился и ругалъ хозяина, ругалъ безпощадно и при этомъ всегда указывалъ ему на свой музыкальный талантъ.

— Передержалъ тѣсто!—кричалъ онъ, оттопыривая свои рыжіе, длинные усы и шлепая губами, толстыми и всегда

почему-то мокрыми.—Корка сгорѣла! Хлѣбъ сырой! Ахъ, ты, чортъ тебя возьми, косоглазая кикимора! Да развѣ я для этой работы родился на свѣтъ? Будь ты анаѳема съ твоей работой, я—музыкантъ! Понялъ? Я—бывало, альтъ запьетъ—на альтѣ играю; гобой подъ арестомъ—въ гобой дую; корнетъ-а-пистонъ хворастъ—кто его можетъ замѣнить? Сучковъ? Я! Радъ стараться, ваше благородіе! Тим-тар-рам-да-дди! А ты—м-мужикъ, кацапъ! Давай расчетъ!

А хозяинъ, сырой и пухлый человѣкъ, съ косыми, заплывшими жиромъ глазами и женоподобнымъ лицомъ, колыхая громаднымъ животомъ, топалъ по полу короткими, толстыми ногами и визгливымъ голосомъ вопилъ:

— Губитель! Разоритель! Христопродавецъ Іуда! Господи, за что Ты меня наказалъ такимъ человѣкомъ!—Растопыривъ короткіе пальцы, онъ воздѣвалъ руки къ небу и вдругъ громко, голосомъ, рѣзавшимъ уши, возглашалъ:—А ежели я тебя за твой бунтъ въ полицію?

— Слугу царя и отечества въ полицію?—ревѣлъ солдатъ и уже лѣзъ на хозяина съ кулаками.

Тотъ ретировался, отплевываясь, взволнованно сопя и ругаясь. Это все, что онъ могъ сдѣлать: было лѣто, время, когда въ приволжскомъ городѣ очень трудно найти хорошаго пекаря.

Такія сцены разыгрывались почти ежедневно. Солдатъ пилъ, портилъ тѣсто и игралъ разные марши и вальсы, или „нумера“, какъ онъ говорилъ; хозяинъ скрежеталъ зубами, а мнѣ, въ силу этого, приходилось работать за двоихъ.

И я былъ весьма обрадованъ, когда однажды между хозяикомъ и солдатомъ разыгралась такая сцена.

— Ну, солдатъ,—сказалъ хозяинъ, появляясь въ пекарнѣ съ лицомъ, сіяющимъ и довольнымъ, и съ глазками, сверкавшими ехидной улыбкой,—ну, солдатъ, оттопыривай губы и играй походный маршъ!

— Чего еще?!—мрачно сказалъ солдатъ, лежавшій на ларѣ съ тѣстомъ и, по обыкновенію, полупьяный.

— Въ походъ собирайся, капралъ!—ликовалъ хозяинъ.

— Куда?—спросилъ солдатъ, спуская съ ларя ноги и чувствуя что-то недоброе.

— Куда хочешь...

— Это какъ понимать?—запальчиво крикнулъ солдатъ.

— А такъ и понимай, что больше я тебя держать не стану. Иди наверхъ, получи расчетъ и на всѣ четыре стороны—маршъ!

Солдатъ привыкъ чувствовать свою силу и безвыходность

положенія хозяина, и заявленіе послѣдняго нѣсколько отрезвило его: онъ понималъ, какъ трудно ему, съ его плохимъ знаніемъ ремесла, найти себѣ мѣсто.

— Ну, это ты врешь!..—съ тревогой сказалъ онъ, вставая на ноги.

— Иди-ка, иди...

— Итти?

— Проваливай.

— Наработался, значитъ...—съ горечью мотнулъ головой солдатъ.—Пососалъ ты изъ меня крови, высосалъ и вонъ меня. Ловко! Ахъ, ты... паукъ!

— Я паукъ?—вскипѣлъ хозяинъ.

— Ты! кровососецъ паукъ—вотъ какъ!—убѣдительно сказалъ солдатъ и, пошатываясь, пошелъ къ двери.

Хозяинъ ехидно смѣялся вслѣдъ ему, и его глазки радостно сверкали.

— Поди-ка, вотъ теперь поступи на мѣсто къ кому-нибудь! Н-да. Я тебя, голубчика, вездѣ такъ разрисовалъ, что хоть ты даромъ просись—не возьмутъ! Нигдѣ не возьмутъ... Я позаботился о тебѣ, чертоломина ты снилоголовая!

— Новаго-то пекаря уже наняли?—спросилъ я.

— Новаго? Новый-то—онъ старый. Моимъ подручнымъ былъ. Ахъ, какой пекарь! Золото! Но тоже пьяница и-ихъ! Только онъ запоемъ тянетъ... Вотъ онъ придетъ, возьмется за работу и мѣсяца три-четыре учнетъ ломить, какъ медвѣдь! Сна, покоя не знаетъ, за цѣной не стоитъ—сколько дашь. Работаетъ и поетъ! Такъ онъ, братецъ ты мой, поетъ, что даже слушать невозможно—тягостно дѣлается на сердцѣ. Поетъ, поетъ, потомъ учнетъ снова пить!

Хозяинъ вздохнулъ и безнадежно махнулъ рукой.

— И когда онъ запьетъ—нѣтъ ему тутъ никакого удержу. Пьетъ до тѣхъ поръ, пока не захвораетъ или не пропьется догола... Тогда стыдно ему бываетъ, что ли, онъ и пропадаетъ куда-то, какъ нечистый духъ отъ ладана. А вотъ и онъ... Совсѣмъ пришелъ, Леса?

— Совсѣмъ,—отвѣчалъ съ порога глубокій грудной голосъ.

Тамъ, прислонясь плечомъ къ косяку двери, стоялъ высокій, плечистый мужчина лѣтъ тридцати. По костюму это былъ типичный босякъ, по фигурѣ и лицу—настоящій славянинъ. На немъ была надѣта красная кумачевая рубаха, невѣроятно грязная и рваная, холщевыя широкія шаровары, а на ногахъ—на одной остатки резиноваго ботика, на другой—кожаный опорокъ. Свѣтло-русые волосы на головѣ были спутаны, и въ нихъ торчали щепочки, соломинки, какія-то

бумажки; все это было и въ его роскошной русой же бородѣ, точно вѣеромъ закрывавшей ему грудь. Продолговатое, блѣдное и изнуренное лицо освѣщалось голубыми глазами, большими, задумчивыми и смотрѣвшими на меня съ ласковой улыбкой. И губы у него, красивыя, но немного блѣдныя, тоже улыбались подъ русыми усами. Улыбка была такая, точно онъ хотѣлъ сказать ею: „Вотъ я какой... Не обезсудьте ужъ...“

— Проходи, Сашокъ, вотъ тебѣ подручный,—говоритъ хозяинъ, потирая руки и любовно оглядывая могучую фигуру новаго пекаря. Тотъ молча шагнулъ впередъ, протянулъ мнѣ длинную руку съ богатырски-широкой кистью; мы поздоровались; онъ сѣлъ на скамью, вытянулъ впередъ ноги, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ хозяину:

— Ты мнѣ, Никола Никитичъ, купи двѣ смѣны рубахъ да опорки... Холста еще на колпакъ.

— Все будетъ, не бойсь! Колпаки у меня есть; рубахи и порты вечеромъ будутъ. Знай работай, пока что; я тебя знаю, кто ты есть. Не обижу... Коновалова никто не обидитъ, потому онъ самъ никого не обижаетъ. Развѣ хозяинъ звѣрь? Я самъ тоже работалъ, знаю, какъ рѣдька слезы выжимаетъ... Ну, оставайтесь, значитъ, ребятушки, а я пойду...

Мы остались одни.

Коноваловъ сидѣлъ на скамьѣ и молча, улыбаясь, осматривался вокругъ. Пекарня помѣщалась въ подвалѣ со сводчатымъ потолкомъ, и ея три окна были ниже уровня земли. Свѣта было мало, мало было и воздуха, но зато много было сырости, грязи и мучной пыли. У стѣнъ стояли длинные лари: одинъ съ тѣстомъ, другой еще только съ опарой, третій пустой. На каждый ларь ложилась изъ окна тусклая полоса свѣта. Громадная печь занимала почти треть пекарни; около нея на грязномъ полу лежали мѣшки муки. Въ печи жарко горѣли длинныя плахи дровъ, и отраженное на сѣрой стѣнѣ пекарни пламя ихъ колебалось и дрожало, точно безъ звуковъ разсказывало о чемъ-то. Запахъ квашенаго тѣста и сырости наполнялъ промозглый воздухъ.

Сводчатый, законченый потолокъ давилъ своей тяжестью, и отъ соединенія дневного свѣта съ огнемъ въ печи образовалось какое-то неопредѣленное и утомлявшее глаза освѣщеніе. Въ окна съ улицы лился глухой шумъ и летѣла пыль. Коноваловъ осмотрѣлъ все это, вздохнулъ и, въ полъ-оборота повернувшись ко мнѣ, спросилъ скучнымъ голосомъ:

— Давно здѣсь работаешь?

Я сказалъ. Помолчали, исподлобья осматривая другъ друга.

— Экая тюрьма!—вздохнулъ онъ.—Пойдемъ на улицу к воротамъ, посидимъ?..

Мы вышли къ воротамъ и сѣли на лавку.

— Здѣсь хотя дышать можно. Я къ пропасти этой сраз и не привыкну... не могу. Самъ посуди, отъ моря я при шелъ... въ Каспіѣ на ватагахъ работалъ... и вдругъ сраз съ широты такой—бухъ въ яму!

Онъ съ печальной улыбкой посмотрѣлъ на меня и замол чалъ, пристально вглядываясь въ прохожихъ и въ проѣз жихъ. Въ его голубыхъ, ясныхъ глазахъ свѣтилось мног печали о чемъ-то... Вечеръ наступалъ; на улицѣ было душно шумно, пыльно, и отъ домовъ на дорогу ложились тѣни. Ко поваловъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, сложив руки на груди и перебирая пальцами шелковистые волос своей бороды. Я сбоку смотрѣлъ на его овальное, блѣдно лицо и думалъ: что̀ это за человѣкъ? Но я не рѣшался за говорить съ нимъ, потому что онъ былъ моимъ начальни комъ, и потому еще, что онъ внушалъ мнѣ какое-то странно уваженіе къ себѣ.

Лобъ у него былъ разрѣзанъ тремя тонкими морщинками по по временамъ онѣ разглаживались и исчезали, и мн очень хотѣлось знать, о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ...

— Пойдемъ-ка; пора, чай, ставить третью квашню. Ты мѣси вторую, а я тѣмъ временемъ поставлю, да потомъ бу демъ и короваи валять.

Когда мы съ нимъ развѣсили и разложили одну гору тѣста въ чашки, замѣсили другую и поставили опару для третьей— мы сѣли пить чай, и въ это время Коноваловъ, сунувъ руку куда-то за пазуху, спросилъ меня:

— Ты читать умѣешь? На-ка вотъ, почитай,—и подалъ мнѣ смятый и запачканный листикъ бумаги.

„Дорогой Саша!—читалъ я.—Кланяюсь и цѣлую тебя за очно. Плохо мнѣ и очень скучно живется, не могу дождаться того дня, когда я уѣду съ тобой или буду жить вмѣстѣ с тобой; надоѣла мнѣ эта жизнь проклятая невозможно, хот вначалѣ и нравилась. Ты самъ это хорошо понимаешь, я тоже стала понимать, какъ познакомилась съ тобой. Напиш мнѣ, пожалуйста, поскорѣе; очень мнѣ хочется получить от тебя письмецо. А пока до свиданья, а не прощай, мой милый бородатый другъ моей души. Упрековъ я тебѣ никакихъ не пишу, хоша я тобой и разогорчена, потому что ты свинья— уѣхалъ, со мной не простился. Но все же ничего я отъ тебя кромѣ хорошаго, не видѣла: ты былъ одинъ еще первы такой, и я про это не забуду. Нельзя ли постараться, Саша

о моей выключкѣ. Тебѣ дѣвицы говорили, что я убѣгу отъ тебя, если буду выключена; но это все вздоръ и чистая неправда. Если бы ты только сжалился надо мной, то я послѣ выключки стала бы съ тобой, какъ собака твоя. Тебѣ вѣдь легко это сдѣлать, а мнѣ очень трудно. Когда ты былъ у меня, я плакала, что принуждена такъ жить, хотя я тебѣ этого не сказала. До свиданья. Твоя Капитолина."

Коноваловъ взялъ у меня письмо и задумчиво сталъ вертѣть его между пальцами одной руки, другой покручивая бороду.

— И писать ты умѣешь?

— Могу...

— А чернила у тебя есть?

— Есть.

— Напиши ты ей, Христа ради, письмо, а? Она, чай, поди, мерзавцемъ меня считаетъ, думаетъ—я про нее забылъ... Напиши!

— Изволь. Хоть сейчасъ... Она кто?..

— Проститутка... Чай, видишь самъ—о выключкѣ пишетъ. Это значитъ, чтобы я полиціи далъ обѣщаніе, что женюсь на ней, тогда ей возвратятъ ея паспортъ, а книжку у нея отберутъ, и будетъ она съ той поры свободная! Вникъ?

Черезъ полчаса готово было трогательное посланіе къ ней.

— Ну-ка, почитай, какъ оно вышло?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Коноваловъ.

Вышло вотъ какъ:

„Капа! Не думай про меня, что я подлецъ и забылъ уже о тебѣ. Нѣтъ, я не забылъ, а просто запилъ и весь пропился. Теперь снова поступилъ на мѣсто и завтра возьму у хозяина денегъ впередъ, вышлю ихъ на Филиппа, и онъ тебя выключитъ. Денегъ тебѣ на дорогу хватитъ. А пока—до свиданья. Твой Александръ."

— Гм... — сказалъ Коноваловъ, почесавъ голову,—а пишешь ты не важно. Жалости нѣтъ въ письмѣ у тебя, слезы нѣтъ. И опять же—я просилъ тебя ругать меня разными словами, а ты этого не написалъ...

— Да зачѣмъ это?

— А чтобы она видѣла, что мнѣ передъ ней стыдно и что я понимаю, какъ я передъ ней виноватъ. А такъ что! Точно горохъ просыпалъ—написалъ! А ты слезу подпусти!

Пришлось подпустить въ письмо слезу, что я съ успѣхомъ и выполнилъ. Коноваловъ удовлетворился и, положивъ мнѣ руку на плечо, задушевно проговорилъ:

— Вотъ, теперь славно! Спасибо! Ты парень, видно, хорошій... значитъ, мы съ тобой уживемся.

Я не сомнѣвался въ этомъ и попросилъ его разсказать мнѣ о Капитолинѣ.

— Капитолина? Дѣвочка она... совсѣмъ дитя. Вятская купеческая дочь была... Да вотъ свихнулась. Дальше—больше, и пошла въ такой домъ... знаешь? Я пришелъ—смотрю, ребенокъ еще совсѣмъ! Господи, думаю, развѣ такъ можно? Ну, и познакомился съ ней. Она—плакать. Я говорю: ничего, потерпи! Я-те отсюда вытащу—погоди! И все у меня было готово, т.-е. деньги и все... И вдругъ я запилъ и очутился въ Астрахани. Потомъ вотъ сюда попалъ. Извѣстилъ ее обо мнѣ одинъ человѣкъ, и она написала мнѣ письмо въ Астрахань...

— Что же ты,—спросилъ я его,—жениться хочешь на ней?

— Жениться, гдѣ мнѣ! Ежели у меня запой—какой же я женихъ? Нѣтъ, такъ я это. Выключу ее—и потомъ иди на всѣ четыре стороны. Мѣсто себѣ найдетъ... можетъ, человѣкомъ будетъ.

— Вонъ она съ тобой хочетъ жить...

— Да вѣдь это она такъ, блажитъ только. Онѣ всѣ такія... бабы-то... Я ихъ очень хорошо знаю. У меня много было разныхъ. Даже купчиха одна... богатая! Конюхомъ я былъ въ циркѣ, она меня и выглядѣла. Иди,—говоритъ,—въ кучера. Мнѣ циркъ въ ту пору надоѣлъ, я и согласился, пошелъ. Ну и того... Стала она ко мнѣ ласциться. Домъ это у нихъ, лошади, прислуга—какъ дворяне жили. Мужъ у нея былъ низенькій и толстый, на манеръ нашего хозяина, а сама она такая худая, гибкая, какъ кошка, горячая. Бывало, какъ обниметъ да поцѣлуетъ въ губы—какъ углей каленыхъ въ сердце всыплетъ. Такъ ты весь и задрожишь, даже страшно станетъ. Цѣлуетъ, бывало, а сама все плачетъ: плечи у нея даже ходуномъ ходятъ. Спрошу ее: чего ты, Вѣрунька? А она: ребенокъ,—говоритъ,—ты, Саша, не понимаешь ты ничего. Славная была... А это она вѣ но, что я не понимаю-то ничего—очень я дурковатъ, самъ знаю. Что дѣлаю—не понимаю. Какъ живу—не думаю!

И, замолчавъ, онъ посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами; въ нихъ свѣтился не то испугъ, не то вопросъ, что-то тревожно-вдумчивое, отъ чего красивое лицо его стало еще печальнѣе и еще краше...

— Ну, и какъ же ты съ купчихой-то кончилъ?—спросилъ я.

— А на меня, видишь ты, тоска находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору

жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ, и, кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ—все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди: хоть помирай они—не охну! Болѣзнь это у меня, должно-быть. Съ нея я и пить началъ... раньше не пилъ. Такъ вотъ нашла на меня тоска, я и говорю ей, купчихѣ-то: „Вѣра Михайловна! отпусти меня, больше я не могу!"—„Что,—говоритъ,—надоѣла я тебѣ?" И смѣется, знаешь, да таково нехорошо смѣется. Нѣтъ, молъ, не ты мнѣ надоѣла, а самъ я себѣ не подъ силу сталъ. Сначала она не понимала меня, даже кричать стала, ругаться... Потомъ поняла. Опустила голову и говоритъ: —„Что же, иди!..", заплакала. Глаза у нея черные, и вся она смуглая. Волосы тоже черные и кудрявые. Она не купеческаго роду была, а изъ чиновныхъ... Н-да... Жалко мнѣ ея было, и противенъ я былъ самъ себѣ тогда. Зачѣмъ поддался бабѣ?—неизвѣстно... Ей, конечно, скучно было съ этакимъ-то мужемъ. Онъ совсѣмъ какъ мѣшокъ муки... Плакала она долго—привыкла ко мнѣ... Я ее очень нѣжилъ: возьму, бывало, на руки и укачаю. Она спитъ, а я сижу и смотрю на нее. Во снѣ человѣкъ очень хорошъ бываетъ, такой простой; дышитъ да улыбается, и больше ничего. А то,—на дачѣ когда жили,—бывало, поѣдемъ съ ней кататься,—во весь духъ она любила. Пріѣдемъ, куда ни то въ уголокъ въ лѣсу лошадь привяжемъ, а сами въ холодокъ на траву. Она велитъ мнѣ лечь, положитъ мою голову себѣ на колѣни и читаетъ мнѣ какую-нибудь книжку. Я слушаю, слушаю, да и засну. Хорошія исторіи читала, очень хорошія. Никогда я не забуду одной—о нѣмомъ Герасимѣ и его любимой собакѣ. Онъ, нѣмой-то, гонимый человѣкъ былъ, и никто его, кромѣ собаки, не любилъ. Смѣются надъ нимъ и все такое, онъ сейчасъ къ собакѣ идетъ... Очень это жалостная исторія... да! А дѣло-то было въ крѣпостное время... Барыня и говоритъ ему: „Нѣмой, иди утопи свою собаку, а то она воетъ". Ну, нѣмой и пошелъ... Взялъ лодку, посадилъ въ нее собаку и поѣхалъ... Я, бывало, въ этомъ мѣстѣ дрожью дрожу. Господи! У живого человѣка единственную въ свѣтѣ радость его убиваютъ! Какіе это порядки? Ахъ... удивительная исторія! И вѣрно—вотъ что хорошо! Бываютъ такіе люди, что для нихъ весь свѣтъ въ одномъ въ чемъ-нибудь—въ собакѣ, къ примѣру. А почему въ собакѣ? Потому больше никого нѣтъ, кто бы любилъ такого человѣка, а собака его любитъ. Безъ любви какой-нибудь жить человѣку невозможно: затѣмъ ему и душа дана, чтобы онъ могъ любить... Много она мнѣ разныхъ исторій

читала. Славная была женщина, и посейчасъ жалко мнѣ ея... Кабы не моя планета—не ушелъ бы я отъ нея, пока она сама того не захотѣла бы или мужъ не узналъ про наши съ ней дѣла. Ласковая она была—вотъ что первое, т.-е. не тѣмъ ласковая, что подарки дарила, а такъ... по сердцу своему ласковая. Цѣлуется она со мной и все такое—женщина, какъ женщина... а вотъ иногда найдетъ, бывало, на нее этакій тихій стихъ... удивительно даже, до чего она тогда хорошій человѣкъ была. Смотритъ, бывало, прямо въ душу и разсказываетъ, какъ нянька или мать. Я въ такія времена, бывало, прямо какъ пятилѣтній ребенокъ передъ ней. Но все-таки ушелъ отъ нея—потому тоска! Тянетъ меня куда-то... Прощай, говорю, Вѣра Михайловна, прости меня. Прощай, говоритъ, Саша. И—чудная—обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ! Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ.

Обнаживъ богатырскую, мускулистую руку, бѣлую и красивую, онъ показалъ мнѣ ее, улыбаясь добродушно-печальной улыбкой. На кожѣ руки около локтевого сгиба былъ ясно виденъ шрамъ—два полукруга, почти соединявшіеся концами. Коноваловъ смотрѣлъ на нихъ и, улыбаясь, качалъ головой.

— Чудачка!—повторилъ онъ,—это она мнѣ на память куснула.

Я слышалъ и раньше исторіи въ этомъ духѣ. Почти у каждаго босяка есть въ прошломъ „купчиха“ или „одна барыня изъ благородныхъ“, и у всѣхъ босяковъ эта купчиха и барыня отъ безчисленныхъ варіацій въ разсказахъ о ней является фигурой совершенно фантастической, странно соединяя въ себѣ самыя противоположныя физическія и психическія черты. Если она сегодня голубоглазая, злая и веселая, то можно ожидать, что чрезъ недѣлю вы услышите о ней, какъ о черноокой, доброй и слезливой. И обыкновенно босякъ разсказываетъ о ней въ скептическомъ тонѣ, съ массой подробностей, которыя унижаютъ ее.

Но въ исторіи, разсказанной Коноваловымъ, звучало что-то правдивое, въ ней были незнакомыя мнѣ черты—чтеніе книжекъ, эпитетъ ребенка въ приложеніи къ мощной фигурѣ Коновалова...

Я представилъ себѣ гибкую женщину, спящую у него на рукахъ, прильнувъ головой къ широкой груди—это было красиво и еще болѣе убѣдило меня въ правдѣ его разсказа. Наконецъ его печальный и мягкій тонъ при воспоминаніи о

„купчихѣ“ — тонъ исключительный. Истинный босякъ никогда не говоритъ такимъ тономъ ни о женщинахъ ни о чемъ другомъ—онъ любитъ показать, что для него на землѣ нѣтъ такой вещи, которую онъ не посмѣлъ бы обругать.

— Ты чего молчишь, думаешь, я навралъ?—спросилъ Коноваловъ, и почему-то въ голосѣ его звучала тревога. Онъ раскинулся на мѣшкахъ съ мукой, держа въ одной рукѣ стаканъ чаю, а другой медленно поглаживая бороду. Его голубые глаза смотрѣли на меня пытливо и вопросительно, и морщинки на лбу легли рѣзко...

— Нѣтъ, ужъ ты повѣрь... Чего мнѣ врать? Оно, положимъ, нашъ братъ, бродяга, сказки разсказывать мастеръ... Нельзя, другъ: если у человѣка въ жизни не было ничего хорошаго, онъ вѣдь никому не повредитъ, коли самъ для себя выдумаетъ какую ни то сказку, да и станетъ разсказывать ее за быль. Разсказываетъ и самъ себѣ вѣритъ, будто такъ оно и было,—вѣритъ, ну, ему и пріятно. Многіе живутъ этимъ. Ничего не подѣлаешь... Но я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что̀ особенное есть? Женщина живетъ, и ей скучно, а народъ все замухрыжка... Положимъ, я кучеръ, по женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ—всѣ мужчины... И всѣ передъ ней свиньи, всѣ одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, т.-е. не... тово... не насмѣюсь надъ ней. Женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Онѣ стыдливѣе противъ насъ. Мы свое возьмемъ и хоть на базаръ пойдемъ разсказывать, хвастаться станемъ—вотъ, молъ, какъ мы одну дуру провели!.. А женщинѣ некуда итти, ей грѣха въ удаль никто не ставитъ. Онѣ, братъ, даже самыя потерянныя, и тѣ стыда больше насъ имѣютъ.

Я слушалъ его и думалъ: неужели этотъ человѣкъ вѣренъ самъ себѣ, говоря всѣ эти не подобающія ему рѣчи?

А онъ, задумчиво уставивъ на меня свои по-дѣтски ясные глаза, все говорилъ и все болѣе удивлялъ меня своими рѣчами.

Дрова въ печи сгорѣли, и яркая груда углей отбросила отъ себя на стѣну пекарни розоватое пятно... оно дрожало...

Въ окно смотрѣлъ кусочекъ голубого неба съ двумя звѣздами на немъ. Одна изъ нихъ—большая—блестѣла изумрудомъ, другая, неподалеку отъ нея, была едва видна.

———

Прошла недѣля, и мы съ Коноваловымъ были друзьями.

— Ты тоже простой парень! Хорошо это!—говорилъ онъ мнѣ, широко улыбаясь и хлопая меня своей ручищей по плечу.

Работалъ онъ артистически. Нужно было видѣть, какъ онъ управлялся съ семипудовымъ кускомъ тѣста, раскатывая его въ чашки, или какъ онъ, наклонившись надъ ларемъ, мѣсилъ, по локоть погружая свои могучія руки въ упругую массу, пищавшую въ его стальныхъ пальцахъ.

Сначала, видя, какъ онъ быстро мечетъ въ печь сырые хлѣбы, которые я еле успѣвалъ подкидывать изъ чашекъ на его лопату, я боялся, что онъ насадитъ ихъ другъ на друга; но когда онъ выпекъ три печи, и ни у одного изъ ста двадцати короваевъ—пышныхъ, румяныхъ и высокихъ—не оказалось „притиска", я понялъ, что имѣю дѣло съ артистомъ въ своемъ родѣ. Онъ любилъ работать, увлекался дѣломъ, унывалъ, когда печь пекла плохо или тѣсто медленно всходило, сердился и ругалъ хозяина, если онъ покупалъ сырую муку, и былъ по-дѣтски веселъ и доволенъ, если хлѣбы изъ печи выходили правильно круглые, высокіе, „подъемистые", въ мѣру румяные, съ тонкой хрустящей коркой. Бывало, онъ бралъ съ лопаты въ руки самый удачный коровай и, перекидывая его съ ладони на ладонь, обжигаясь, весело смѣялся, говоря мнѣ:

— Эхъ, какого красавца мы съ тобой сработали...

И мнѣ было пріятно смотрѣть на этого гигантскаго ребенка, влагавшаго всю душу въ работу свою, какъ это и слѣдуетъ дѣлать каждому человѣку во всякой работѣ...

Однажды я спросилъ его:

— Саша, говорятъ, ты поешь хорошо?

— Пою... Только это у меня разами бываетъ... полосой. Начну я тосковать, ну, тогда и пою... И ежели пѣть начну—затоскую. Ты ужъ помалкивай объ этомъ... не дразни. Ты самъ-то не поешь? Ахъ, ты... штука какая! Ты... лучше потерпи до меня... а пока свисти. Потомъ ужъ оба запоемъ, вмѣстѣ. Идетъ?

Я, конечно, согласился и свисталъ, когда хотѣлось пѣть. Но иногда прорывался и начиналъ мурлыкать себѣ подъ носъ, мѣся тѣсто и катая хлѣбы. Коноваловъ слушалъ меня, шевелилъ губами и чрезъ нѣкоторое время напоминалъ мнѣ о моемъ обѣщаніи. А иногда грубо кричалъ на меня:

— Брось! Не стони!

Какъ-то разъ я вынулъ изъ моего сундука книжку и, примостившись къ окну, сталъ читать.

Коноваловъ дремалъ, растянувшись на ларѣ съ тѣстомъ, но шелестъ перевертываемыхъ мною надъ его ухомъ страницъ заставилъ его открыть глаза.

— Про что книжка?

Это были „Поллиновцы“.

— Почитай вслухъ, а?..—попросилъ онъ.

И вотъ я сталъ читать, сидя на подоконникѣ, а онъ усѣлся на ларѣ и, прислонивъ свою голову къ моимъ колѣнямъ, слушалъ... Иногда я черезъ книгу заглядывалъ въ его лицо и встрѣчался съ его глазами—у меня до сей поры они въ памяти—широко открытые, напряженные, полные глубокаго вниманія... И ротъ его тоже былъ полуоткрытъ, обнажая два ряда ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Поднятыя кверху брови, изогнутыя морщинки на высокомъ лбу, руки, которыми онъ охватилъ колѣни, вся его неподвижная, внимательная поза подогрѣвала меня, и я старался какъ можно внятнѣе и образнѣе разсказать ему грустную исторію Сысойки и Пилы.

Наконецъ я усталъ и закрылъ книгу.

— Все ужъ?—шопотомъ спросилъ меня Коноваловъ.

— Меньше половины...

— Всю вслухъ прочитаешь?

— Изволь.

— Эхъ!—Онъ схватилъ себя за голову и закачался, сидя на ларѣ. Ему что-то хотѣлось сказать, онъ открывалъ и закрывалъ ротъ, вздыхая, какъ мѣхи, и для чего-то защурилъ глаза. Я не ожидалъ такого эффекта и не понималъ его значенія.

— Какъ ты это читаешь!—шопотомъ заговорилъ онъ.—На разные голоса... Какъ живые всѣ они... Апроська! Пишшитъ! Пила... дураки какіе! Смѣшно мнѣ было слушать... но удержался... А дальше что̀? Куда они поѣдутъ? Господи Боже! Вѣдь это все правда. Вѣдь это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишные мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса и рожи... Слушай, Максимъ! Посадимъ печь—читай дальше!

Мы посадили печь, приготовили другую, и снова часъ и сорокъ минутъ я читалъ книгу. Потомъ опять пауза—печь испекла, вынули хлѣбы, посадили другіе, замѣсили еще тѣсто, поставили еще опару... все это дѣлалось съ лихорадочной быстротой и почти молча.

Коноваловъ, нахмуривъ брови, изрѣдка кротко бросалъ мнѣ односложныя приказанія и торопился, торопился...

Къ утру мы кончили книгу, и я чувствовалъ, что языкъ у меня одеревянѣлъ.

Сидя верхомъ на мѣшкѣ муки, Коноваловъ смотрѣлъ мнѣ

въ лицо странными глазами и молчалъ, упершись руками въ колѣни...

— Хорошо?—спросилъ я.

Онъ замоталъ головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шопотомъ заговорилъ:

— Кто же это сочинилъ?—Въ глазахъ его свѣтилось неизъяснимое словами изумленіе, и лицо вдругъ вспыхнуло горячимъ чувствомъ.

Я разсказалъ, кто написалъ книгу.

— Ну—человѣкъ онъ! Какъ хватилъ! А? Даже ужасно. За сердце беретъ, то-есть щиплетъ душу—вотъ до чего живо. Что̀ же онъ, этотъ сочинитель, что̀ ему за это было?

— То-есть какъ?

— Ну, напримѣръ, дали ему награду, или что̀ тамъ?

— А за что ему нужно дать награду?—спросилъ я.

— Какъ за что? Книга... въ родѣ какъ бы актъ полицейскій. Сейчасъ ее читаютъ... судятъ: Пила, Сысойка... какіе же это люди? Жалко ихъ станетъ всѣмъ... Народъ темный, невинный... Какая у нихъ жизнь? Ну, и...

— И?..

Коноваловъ смущенно посмотрѣлъ на меня и робко заявилъ:

— Какое-нибудь распоряженіе должно выйти. Люди вѣдь они, и нужно ихъ поддержать.

Въ отвѣтъ на это я прочиталъ ему цѣлую лекцію... Но—увы!—она не произвела того впечатлѣнія, на которое я разсчитывалъ.

Коноваловъ задумался, поникъ головой, закачался всѣмъ корпусомъ и сталъ вздыхать, ни словомъ не мѣшая мнѣ говорить. Я усталъ наконецъ и замолчалъ.

Коноваловъ поднялъ голову и грустно посмотрѣлъ на меня.

— Такъ ему, значитъ, ничего и не дали?—спросилъ онъ.

— Кому?—освѣдомился я, позабывъ о Рѣшетниковѣ.

— Сочинителю-то?

Мнѣ стало досадно. Я не отвѣтилъ ему, чувствуя, что эта досада родитъ во мнѣ раздраженіе противъ моего слушателя, очевидно, не считавшаго себя въ силахъ рѣшать міровые вопросы.

Коноваловъ, не дожидаясь моего отвѣта, взялъ книгу въ свои руки, осторожно повертѣлъ ее, открылъ, закрылъ и, положивъ на мѣсто, глубоко вздохнулъ.

— Какъ все это премудро, Господи,—вполголоса заговорилъ онъ.—Написалъ человѣкъ книгу... бумага и на ней точечки разныя—вотъ и все. Написалъ и... Умеръ онъ?

— Умеръ...—сказалъ я.

— Умеръ, а книга осталась, и ее читаютъ. Смотритъ въ е человѣкъ глазами и гово; итъ разныя слова. А ты слушаешь понимаешь: жили на свѣтѣ люди—Пила и Сысойка и роська... И жалко тебѣ людей, хоть ты ихъ никогда не ви-лъ и они тебѣ совсѣмъ ничего! По улицѣ они такіе, можетъ, сятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь о нихъ ничего... и тебѣ нѣтъ до нихъ дѣла... идутъ они и утъ... А въ книгѣ ихъ нѣтъ... однако тебѣ ихъ жалко до го, что даже сердце щемитъ... Какъ это понимать?.. А со-инитель такъ безъ награды и умеръ? Ничего ему не было?

Я разозлился и разсказалъ ему о наградахъ сочинителямъ... Коноваловъ слушалъ меня, испуганно тараща глаза, и со-лѣзнующе чмокалъ губами.

— Порядки!..—вздохнулъ онъ всей грудью и, закусивъ лѣ-ій усъ, грустно поникъ головой.

Тогда я началъ говорить о роковой роли кабака въ жизни сскаго литератора, о тѣхъ крупныхъ и искреннихъ талан-хъ, что погибли отъ водки—единственной утѣхи ихъ много-удной жизни.

— Да развѣ такіе люди пьютъ?—шопотомъ спросилъ меня оноваловъ. Въ его широко открытыхъ глазахъ сверкало и довѣріе ко мнѣ, и испугъ, и жалость къ тѣмъ людямъ.— ьютъ! Что же они... послѣ того, какъ напишутъ книги, пиваютъ?

Это, по-моему, былъ неумѣстный вопросъ, и я на него не вѣтилъ.

— Конечно, послѣ...—рѣшилъ Коноваловъ.—Живутъ люди смотрятъ въ жизнь, и вбираютъ въ себя чужое горе жизни. аза у нихъ, должно-быть, особенные... И сердце тоже... асмотрятся на жизнь и затоскуютъ... И вольютъ тоску свою книги... Но это уже не помогаетъ, потому—сердце тро-то, и изъ него тоски огнемъ не выжжешь... Остается водкой заливать. Ну, и пьютъ... Такъ я говорю?

Я согласился съ нимъ, и это какъ бы придало ему бод-сти.

— Ну, и по всей правдѣ,—продолжалъ онъ развивать ихологію сочинителей,—слѣдуетъ ихъ за это отличить. ѣрно вѣдь? Потому что они понимаютъ больше другихъ и азываютъ другимъ разные непорядки. Вотъ теперь я, на-имѣръ, что такое? Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый ловѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я иву на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? и угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего этого

даже и охоты нѣтъ, живу и тоскую... Зачѣмъ? Неизвѣстн
Внутренняго пути у меня нѣтъ, понимаешь? Какъ бы э
сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Н
нѣтъ во мнѣ одной штуки—и все тутъ! Понялъ? Вотъ я жи
и эту штуку ищу и тоскую по ней, и что она такое есть—э
мнѣ неизвѣстно...

— Это ты къ чему?—спросилъ я.

Онъ, держась рукой за голову, посмотрѣлъ на меня, и в
лицѣ его отразилось сильное напряженіе—работа мысл
ищущей для себя формы.

— Къ чему? А...къ безпорядку жизни. То-есть... вотъ я жив
молъ, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу прис
путься... и это есть безпорядокъ такая жизнь.

— Ну, и что же дальше?—допытывался я у него пер
пятной мнѣ связи между нимъ и сочинителями.

— Дальше?.. Не могу я тебѣ этого разсказать... Но дума
такъ, что ежели бы какой-нибудь сочинитель присмотрѣл
ко мнѣ, то... могъ бы онъ объяснить мнѣ мою жизнь... а
Ты какъ на этотъ счетъ думаешь?

Я думалъ, что и самъ въ состояніи объяснить ему е
жизнь, и сразу же принялся за это, на мой взглядъ, легк
и ясное дѣло. Я началъ говорить объ условіяхъ и средѣ,
неравенствѣ, о людяхъ—жертвахъ жизни и о людяхъ—вл
дыкахъ ея.

Коноваловъ слушалъ внимательно. Онъ сидѣлъ против
меня, подперши щеку рукой, и его большіе голубые глаз
широко раскрытые, задумчивые и умные, постепенно завол
кивались какъ бы легкимъ туманомъ, на лбу все рѣзче л
жились складки, и онъ, кажется, удерживалъ дыханіе, вес
поглощенный желаніемъ понять мои рѣчи.

Мнѣ льстило все это. Я съ жаромъ расписывалъ ему е
жизнь и доказывалъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что он
таковъ. Онъ—печальная жертва условій, существо, по при
родѣ своей, со всѣми равноправное и длиннымъ рядом
историческихъ несправедливостей сведенное на степень со
ціальнаго нуля. Я заключилъ рѣчь тѣмъ, что сказалъ е
разъ:

— Тебѣ не въ чемъ винить себя... Тебя обидѣли...

Онъ молчалъ, не сводя съ меня глазъ; я видѣлъ, какъ в
нихъ зарождается хорошая, свѣтлая улыбка, и съ нетерпѣ
ніемъ ждалъ, чѣмъ онъ откликнется на мои слова.

Улыбка заиграла у него на губахъ. Вотъ онъ ласков
засмѣялся и, мягкимъ, женскимъ движеніемъ потянувшис
ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо.

— Какъ ты, братъ, легко разсказываешь насчетъ всего
того! Откуда только тебѣ всѣ эти дѣла извѣстны? Все изъ
нигъ? А и много же ты читалъ ихъ, видно... книгъ-то! Эхъ,
жели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!.. Но главная при-
ина—очень ты жалостливо говоришь... Впервые мнѣ такая
ѣчь. Удивительно! Всѣ люди другъ друга винятъ въ своихъ
езадачахъ, а ты—всю жизнь, всѣ порядки. Выходитъ по-
воему, что человѣкъ-то самъ по себѣ и не виноватъ ни въ
емъ, а написано ему на роду быть босякомъ—ну, и потому
нъ босякъ. И тоже вотъ насчетъ арестантовъ очень чудно:
оруютъ потому, что работы нѣтъ, а ѣсть надо... Какъ все
то жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то!..

— Погоди,—сказалъ я,—ты согласенъ со мною? Вѣрно я
оворилъ?

— Тебѣ лучше знать, вѣрно или нѣтъ—ты грамотный...
Оно, пожалуй, ежели взять другихъ, такъ вѣрно... А вотъ
жели я...

— То что?

— Ну, я особливая статья... Кто виноватъ, что я пью?
Павелка, братъ мой, не пьетъ—въ Перми у него своя пе-
арня. А я вотъ работаю не хуже его—однако бродяга и
ьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія ни доли... А вѣдь
ы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ,
то во мнѣ самомъ что-то неладно... Не такъ я, значитъ,
одился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь,
то всѣ люди одинаковые. родился, пожилъ, сколько назна-
ено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я—много
асъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой
орядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и
аконы особые... очень строгіе законы—чтобы насъ искоре-
нять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы
ъ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ
ами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты...
Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы
увствъ не имѣемъ...

Онъ—этотъ большой человѣкъ съ ясными глазами ре-
бенка—съ такимъ легкимъ духомъ выдѣлялъ себя изъ жизни
ъ разрядъ людей, для нея ненужныхъ и потому подлежа-
щихъ искорененію, съ такой смѣющейся грустью, что я былъ
положительно ошеломленъ этимъ самоуничиженіемъ, до той
поры еще невиданнымъ мною у босяка, въ массѣ своей су-
щества отъ всего оторваннаго, всему враждебнаго и надъ
всѣмъ готоваго испробовать силу своего озлобленнаго скеп-
тицизма... Я встрѣчалъ только людей, которые всегда все

винили и на все жаловались, упорно отодвигая самихъ соб въ сторону отъ ряда очевидностей, опровергавшихъ ихъ на стойчивыя доказательства личной непогрѣшимости, и всегд сваливавшихъ свои неудачи на безмолвную судьбу, на злых людей... Коноваловъ судьбу не винилъ и о людяхъ не гово рилъ ни слова. Во всей неурядицѣ своей личной жизни был виноватъ только онъ самъ, и чѣмъ упорнѣе я старался до казать ему, что онъ „жертва среды и условій“, тѣмъ настой чивѣе онъ убѣждалъ меня въ своей виновности передъ самим собою и жизнью за свою печальную долю... Это было ориги нально, но это бѣсило меня. А онъ испытывалъ удовольствіе бичуя себя; именно удовольствіемъ блестѣли его глаза, когд онъ звучнымъ баритономъ кричалъ мнѣ:

— Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ том не повиненъ, ежели я подлецъ есть!

Въ устахъ культурнаго человѣка такія рѣчи не удивил бы меня, ибо еще нѣтъ такой болячки, которую нельзя был бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ именуемомъ „интеллигентъ“. Но въ устахъ босяка, хотя он и интеллигентъ среди обиженныхъ судьбой, голыхъ, голод ныхъ и злыхъ полулюдей, полузвѣрей, наполняющихъ грязн ныя трущобы городовъ,—изъ устъ босяка странно было слы шать эти рѣчи. Приходилось заключить, что Коноваловъ дѣй ствительно—особая статья, но я не хотѣлъ этого.

Съ внѣшней стороны Коноваловъ до мелочей являлся ти пичнѣйшимъ золоторотцемъ; но, чѣмъ больше я присматри вался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло с разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполн достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очен злые и далеко не глупые...

Мы съ нимъ спорили все жарче.

— Да погоди,—кричалъ я,—какъ можетъ человѣкъ устоят на ногахъ, коли на него со всѣхъ сторонъ разная темна сила претъ?

— Упрись крѣпче!—возглашалъ мой оппонентъ, горячас и сверкая глазами.

— Да во что упереться?

— Найди свою точку и упрись!

— А ты чего же не упирался?

— Вотъ я те и говорю, чудакъ-человѣкъ, что я самъ ви новатъ въ моей долѣ!.. Не нашелъ я точки моей! Ищу тоскую—не нахожу!

Однако надо было позаботиться о хлѣбѣ, и мы принялис

а работу, продолжая доказывать другъ другу правильность своихъ воззрѣній. Конечно, ничего не доказали и, оба взволнованные, кончивъ работу, легли спать.

Коноваловъ растянулся на полу пекарни и скоро заснулъ. І лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ, брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало, и въ стёкла оконъ, покрытыя плёнкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо.

Коноваловъ храпѣлъ. Я смотрѣлъ, какъ вздымалась его широкая грудь, и обдумывалъ разные способы наискорѣйшаго обращенія его въ мою вѣру, но ничего не выдумалъ и заснулъ.

Поутру мы съ нимъ встали, поставили опару, умылись и сѣли на ларѣ пить чай.

— Что̀, у тебя есть книжка? — спросилъ Коноваловъ.

— Есть...

— Почитаешь мнѣ?

— Ладно...

— Вотъ хорошо! Знаешь что̀? Проживу я мѣсяцъ, возьму у хозяина деньги и половину—тебѣ!

— На что?

— Купи книжекъ... Себѣ купи, которыя по вкусу тамъ, и мнѣ купи... хоть двѣ. Мнѣ которыя про мужиковъ. Вотъ въ родѣ Пилы и Сысойки... И чтобы, знаешь, съ жалостью было написано, а не смѣха ради... Есть иныя—чепуха совсѣмъ! Панфилка и Филатка—даже съ картинкой на первомъ мѣстѣ—дурость. Пошехонцы... сказки разныя. Не люблю я это все. Я не зналъ, что есть этакія, вотъ какъ у тебя.

— Хочешь про Стеньку Разина?

— Про Стеньку? Хорошо?

— Очень хорошо...

— Тащи!

И вскорѣ я уже читалъ ему Н. Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина". Сначала эта талантливая монографія, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю.

— А почему тутъ разговоровъ нѣтъ?—спросилъ онъ, заглядывая въ книгу. И когда я объяснилъ—почему, онъ даже зѣвнулъ и хотѣлъ скрыть зѣвокъ, но это ему не удалось, и онъ сконфуженно и виновато заявилъ мнѣ:

— Читай... ничего. Это я такъ...

Но по мѣрѣ того, какъ историкъ рисовалъ своей художественной кистью фигуру Степана Тимоѳеевича и „князя волжской вольницы“ выросталъ со страницъ книги, Коноваловъ перерождался. Ранѣе скучный и равнодушный, съ глазами, затуманенными лѣнивой дремотой,—онъ, постепенно и незамѣтно для меня, предсталъ предо мной въ поразительномъ новомъ видѣ. Сидя на ларѣ противъ меня и обнявъ свои колѣни руками, онъ положилъ на нихъ подбородокъ такъ, что его борода закрыла ему ноги, и смотрѣлъ на меня жадными, странно горѣвшими глазами изъ-подъ сурово нахмуренныхъ бровей. Въ немъ не было ни одной черточки той дѣтской наивности, которой онъ всегда удивлялъ меня, и все то простое и женственно-мягкое, что̀ такъ шло къ его голубымъ, добрымъ глазамъ, теперь потемнѣвшимъ и суженнымъ,—исчезло куда-то. Нѣчто львиное, огневое было въ его сжатомъ въ комъ мускуловъ фигурѣ. Я замолчалъ, взглянувъ на него.

— Читай,—тихо, но внушительно сказалъ онъ.

— Ты что̀?

— Читай!—повторилъ онъ, и въ тонѣ его вмѣстѣ съ просьбой звучало раздраженіе.

Я продолжалъ, изрѣдка поглядывая на него и видя, что онъ все болѣе разгорается. Отъ него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня—какой-то горячій туманъ. И вотъ я дошелъ до того, какъ поймали Стеньку.

— Поймали!—рявкнулъ Коноваловъ.

Боль, обида, гнѣвъ, готовность выручить Степана звучали въ его сильномъ возгласѣ.

У него выступилъ потъ на лбу и глаза странно расширились. Онъ соскочилъ съ ларя, высокій и возбужденный, остановился противъ меня, положилъ мнѣ руку на плечо и громко, торопливо заговорилъ:

— Погоди! Не читай... Скажи, что̀ теперь будетъ? Нѣтъ, стой, не говори! Казнятъ его? А? Читай скорѣй, Максимъ!

Можно было думать, что именно Коноваловъ, а не Фролка—родной братъ Разину. Казалось, что какія-то узы крови, не разрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькой, и босякъ со всей силою живого, крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго без „точки“ духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола.

— Да читай, Христа ради!

Я читалъ, возбужденный и взволнованный, чувствуя, как бьется мое сердце, и вмѣстѣ съ Коноваловымъ переживая Стенькину тоску. И вотъ мы дошли до пытокъ.

Коноваловъ скрипѣлъ зубами, и его голубые глаза сверкали, какъ угли. Онъ навалился на меня сзади и тоже не отрывалъ глазъ отъ книги. Его дыханіе шумѣло надъ моимъ ухомъ и сдувало мнѣ волосы съ головы на глаза. Я встряхивалъ головой для того, чтобы отбросить ихъ. Коноваловъ увидалъ это и положилъ мнѣ на голову свою тяжелую ладонь.

„Тутъ Разинъ такъ скрипнулъ зубами, что вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ на полъ...“

— Будетъ!.. Къ чорту!—крикнулъ Коноваловъ и, вырвавъ у меня изъ рукъ книгу, изо всей силы шлепнулъ ее объ полъ и самъ опустился за ней.

Онъ плакалъ, и такъ какъ ему было стыдно слезъ, онъ какъ-то рычалъ, чтобы не рыдать. Онъ спряталъ голову въ колѣни и плакалъ, вытирая глаза о свои грязные тиковые штаны.

Я сидѣлъ передъ нимъ на ларѣ и не зналъ, что̀ сказать ему въ утѣшеніе.

— Максимъ!—говорилъ Коноваловъ, сидя на полу.— Страшно! Пила... Сысойка... А потомъ Стенька... а? Какая судьба!.. Зубы-то какъ онъ выплюнулъ!.. а?

И онъ весь вздрагивалъ въ своемъ волненіи.

Его особенно поразили эти выплюнутые Стенькой зубы, и онъ то и дѣло, болѣзненно передергивая плечами, говорилъ о нихъ.

Мы оба съ нимъ были какъ пьяные подъ вліяніемъ вставшей предъ нами мучительной и жестокой картины пытокъ.

— Ты мнѣ еще разъ прочитай, слышишь?—уговаривалъ меня Коноваловъ, поднявъ съ полу книгу и подавая ее мнѣ.— А ну-ка, покажи, гдѣ тутъ написано насчетъ зубовъ?

Я показалъ ему, и онъ впился глазами въ эти строки.

— Такъ и написано: „зубы свои выплюнулъ съ кровью“? А буквы тѣ же самыя, какъ и всѣ другія... Господи! Какъ ему больно-то было, а? Зубы даже... а въ концѣ тамъ что̀ еще будетъ? Казнь? Ага! Слава Те, Господи, все-таки казнятъ человѣка!

Онъ выразилъ эту радость предъ казнью съ такой страстью, съ такимъ удовлетвореніемъ въ глазахъ, что я вздрогнулъ отъ этого состраданія, такъ сильно желавшаго смерти измученному Стенькѣ.

Весь этотъ день прошелъ у насъ въ странномъ туманѣ: мы все говорили о Стенькѣ, вспоминая его жизнь, пѣсни, сложенныя о немъ, его пытки. Раза два Коноваловъ запѣлъ звучнымъ баритономъ пѣсни и обрывалъ ихъ.

Мы съ нимъ стали еще ближе другъ къ другу съ этого дня.

Я еще нѣсколько разъ читалъ ему „Бунтъ Степана Разина“, „Тараса Бульбу“ и „Бѣдныхъ людей“. Тарасъ тоже очень понравился моему слушателю, но онъ не могъ затемнить яркаго впечатлѣнія отъ книги Костомарова. Макара Дѣвушкина и Варю Коноваловъ не понималъ. Ему казался только смѣшнымъ языкъ писемъ Макара, а къ Варѣ онъ относился скептически.

— Ишь ты, ластится къ старику! Хитрая!.. А онъ... экое чучело! Однако брось ты, Максимъ, эту канитель! Чего тутъ? Онъ къ ней, она къ нему... Портили бумагу... ну ихъ къ свиньямъ на хуторъ! Не жалостно и не смѣшно: для чего писано?

Я напоминалъ ему подлиповцевъ, но онъ не соглашался со мной.

— Пила и Сысойка—это другая модель! Они люди живые, живутъ и бьются... а эти чего? Пишутъ письма... скучно! Это даже и не люди, а такъ себѣ... одна выдумка. Вотъ Тарасъ со Стенькой, ежели бы ихъ рядомъ... Батюшки! Какихъ они дѣловъ натворили бы. Тогда и Пила съ Сысойкой... взбодрились бы, чай?

Онъ плохо понималъ время, и въ его представленіи всѣ излюбленные имъ герои существовали вмѣстѣ, только двое изъ нихъ жили въ Усольѣ, одинъ въ „хохлахъ“, одинъ на Волгѣ... Мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить его, что если бы Сысойка и Пила „съѣхали“ внизъ по Камѣ, они со Стенькой не встрѣтились бы, и если бы Стенька „дернулъ черезъ донскіе казаки въ хохлы“, онъ не нашелъ бы тамъ Бульбы.

Это огорчило Коновалова, когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Я попробовалъ его угостить пугачевскимъ бунтомъ, желая посмотрѣть, какъ онъ отнесется къ Емелькѣ. Коноваловъ забраковалъ Пугачева.

— Ахъ, шельма клейменая,—ишь ты! Царскимъ именемъ прикрылся и мутитъ... Сколько людей погубилъ, пёсъ!.. Стенька?—это, братъ, другое дѣло. А Пугачъ—гнида, и больше ничего. Важное кушанье! Вотъ въ родѣ Стеньки нѣтъ ли книжекъ? Поищи... А этого телячьяго Макара брось—не занимательно. Ужъ лучше ты еще разъ прочти, какъ казнили Степана...

Въ праздники мы съ Коноваловымъ уходили за рѣку, въ луга. Мы брали съ собой немного водки, хлѣба, книгу и съ утра отправлялись „на вольный воздухъ“, какъ называлъ Коноваловъ эти экскурсіи.

Намъ особенно нравилось бывать въ „стеклянномъ заводѣ“. Такъ почему-то называлось зданіе, стоявшее недалеко отъ

города въ полѣ. Это былъ трехъэтажный каменный домъ съ провалившейся крышей, съ изломанными рамами въ окнахъ, съ подвалами, все лѣто полными жидкой пахучей грязи. Зеленовато-сѣрый, полуразрушенный, какъ бы опустившійся, онъ смотрѣлъ съ поля на городъ темными впадинами своихъ изуродованныхъ оконъ и казался инвалидомъ-калѣкой, обиженнымъ судьбой, изгнанутымъ изъ предѣловъ города, жалкимъ и умирающимъ. Въ половодье этотъ домъ изъ года въ годъ подмывала вода, но онъ, весь отъ крыши до основанія покрытый зеленой коркой плѣсени, несокрушимо стоялъ, огражденный лужами отъ частыхъ визитовъ полиціи,—стоялъ и, хотя у него не было крыши, давалъ кровъ разнымъ темнымъ и безпріютнымъ людямъ.

Ихъ всегда было много въ немъ; оборванные, полуголодные, боящіеся солнечнаго свѣта, они жили въ этой развалинѣ, какъ совы, и мы съ Коноваловымъ всегда были среди нихъ желанными гостями, потому что и онъ и я, уходя изъ пекарни, брали по короваю бѣлаго хлѣба, дорогой покупали четверть водки и цѣлый лотокъ „горячаго"—печенки, легкаго, сердца, рубца. На два-три рубля мы устраивали очень сытное угощеніе „стеклянным людямъ", какъ ихъ называлъ Коноваловъ.

Они платили намъ за эти угощенія разсказами, въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самой наивной ложью. Каждый разсказъ являлся предъ нами кружевомъ, въ которомъ преобладали черныя нити,—это была правда, и встрѣчались нити яркихъ цвѣтовъ—ложь. Такое кружево падало на мозгъ и сердце и больно давило и то и другое, сжимая его своимъ жесткимъ, мучительно разнообразнымъ рисункомъ. „Стеклянные люди" по-своему любили насъ—я часто читалъ имъ разныя книги, и почти всегда эти люди внимательно и вдумчиво слушали мое чтеніе.

Знаніе жизни у нихъ, вышвырнутыхъ за бортъ ея, поражало меня своей глубиной, и я жадно слушалъ ихъ разсказы, а Коноваловъ слушалъ ихъ для того, чтобы возражать противъ философіи разсказчика и втянуть меня въ споръ.

Выслушавъ исторію жизни и паденія, разсказанную какимъ-нибудь фантастически разодѣтымъ субъектомъ, съ физіономіей человѣка, которому никакъ уже нельзя положить пальца въ ротъ,—выслушавъ такую исторію, всегда носящую характеръ оправдательно-защитительной реляціи, Коноваловъ задумчиво улыбался и отрицательно покачивалъ головой. Это замѣчали потому, что это дѣлалось открыто.

— Не вѣришь, Леса?—восклицалъ разсказчикъ.

— Нѣтъ, вѣрю... Какъ можно не вѣрить человѣку! Даже и если видишь—вретъ онъ, вѣрь ему, то-есть слушай и старайся понять, почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо... Вѣрно?

— Вѣрно...—соглашается разсказчикъ.—А все-таки ты это къ чему головой-то качалъ?

— Къ чему? А къ тому, что ты неправильно разсуждаешь... Разсказываешь ты такъ, что приходится понимать, будто всю твою жизнь не ты самъ, а шабры дѣлали и разные прохожіе люди. А гдѣ же ты въ это время былъ? И почему ты противъ своей судьбы никакой силы не выставилъ? И какъ это такъ выходитъ, что всѣ мы жалуемся на людей, а сами тоже люди, и, значитъ, на насъ тоже можно жаловаться? Намъ жить мѣшаютъ,—значитъ, и мы тоже кому-нибудь мѣшали, вѣрно? Ну, такъ какъ вотъ это объяснить?

— Нужно такую жизнь строить, чтобъ въ ней всѣмъ было просторно и никто никому не мѣшалъ.—сентенціозно ставятъ Коновалову тезисъ.

— А кто долженъ строить жизнь?—побѣдоносно вопрошаетъ онъ и, боясь, что у него предвосхитятъ отвѣтъ на его вопросъ, тотчасъ же отвѣчаетъ:—Мы! Сами мы! А какъ же мы будемъ строить жизнь, если мы этого не умѣемъ и наша жизнь не удалась? И выходитъ, братцы мои, что вся опора—это мы! Ну, а извѣстно, что̀ такое есть мы...

Ему возражали, оправдывая себя, но онъ настойчиво твердилъ свое: никто ни въ чемъ не виноватъ предъ ними, но каждый изъ насъ во всемъ виноватъ самъ предъ собою.

Крайне трудно было сбить его съ почвы этого положенія и крайне трудно было усвоить его взглядъ на людей. Съ одной стороны, они въ его представленіи являлись вполнѣ правоспособными къ устройству свободной жизни, съ другой—они являлись какими-то слабыми, хлипкими и неспособными рѣшительно ни на что, кромѣ жалобъ другъ на друга.

Весьма часто такіе споры, начатые въ полдень, кончались около полуночи, и мы съ Коноваловымъ возвращались отъ „стеклянныхъ людей“ во тьмѣ и по колѣно въ грязи.

Однажды мы едва не утонули въ какой-то трясинѣ, другой разъ мы попали въ облаву и ночевали въ части вмѣстѣ съ двумя десятками разныхъ пріятелей изъ „стекляннаго завода“, съ точки зрѣнія полиціи оказавшихся подозрительными лично-

стями. Иногда намъ не хотѣлось философствовать, и мы шли далеко въ луга, за рѣку, гдѣ были маленькія озера, изобиловавшія мелкой рыбой, зашедшей въ нихъ во время половодья. Въ кустахъ, на берегу одного изъ такихъ озеръ, мы зажигали костеръ, который былъ намъ нуженъ лишь потому, что увеличивалъ красоту обстановки, и читали книгу или бесѣдовали о жизни. А иногда Коноваловъ задумчиво предлагалъ:

— Максимъ! Давай въ небо смотрѣть!

Мы ложились на спины и смотрѣли въ голубую бездонную бездну надъ нами. Сначала мы слышали и шелестъ листвы вокругъ насъ и всплески воды въ озерѣ, чувствовали подъ собою землю и вокругъ себя все то, что̀ въ ту пору было тутъ... Потомъ постепенно голубое небо, какъ бы притягивавшее насъ къ себѣ, облекало наше сознаніе въ туманъ, мы утрачивали чувство бытія и, какъ бы отрываясь отъ земли, точно плавали въ пустынѣ небесъ, находясь въ полудремотномъ, созерцательномъ состояніи и стараясь не разрушать его ни словомъ ни движеніемъ.

Такъ лежали мы по нѣскольку часовъ кряду и возвращались домой къ работѣ, духовно и тѣлесно обновленные и освѣженные единеніемъ съ природой.

Коноваловъ любилъ ее глубокой, безсловесной любовью, выражавшейся только мягкимъ блескомъ его глазъ, и всегда, когда онъ былъ въ полѣ или на рѣкѣ, онъ весь проникался какимъ-то миролюбиво-ласковымъ настроеніемъ, еще болѣе увеличивавшимъ его сходство съ ребенкомъ. Иногда онъ съ глубокимъ вздохомъ говорилъ, глядя въ небо:

— Эхъ!.. Хорошо!

И въ этомъ восклицаніи всегда было болѣе смысла и чувства, чѣмъ въ риторическихъ фигурахъ многихъ поэтовъ, восхищающихся скорѣе ради поддержанія своей репутаціи людей съ тонкимъ чутьемъ прекраснаго, чѣмъ изъ дѣйствительнаго преклоненія предъ невыразимо ласковой красой природы...

Какъ все, и поэзія теряетъ свою святую простоту и непосредственность, когда изъ поэзіи дѣлаютъ профессію.

День за днемъ прошли два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я съ Коноваловымъ о многомъ переговорилъ и много прочиталъ. „Бунтъ Стеньки“ я читалъ ему такъ часто, что онъ уже свободно разсказывалъ книгу своими словами, страницу за страницей, съ начала до конца.

Эта книга стала для него тѣмъ, чѣмъ становится иногда волшебная сказка для впечатлительнаго ребенка. Онъ назы-

валъ предметы, съ которыми имѣлъ дѣло, именами ея героевъ, а когда однажды съ полки упала и разбилась хлѣбная чашка, онъ огорченно и зло воскликнулъ:

— Ахъ, ты, воевода Прозоровскій!

Неудавшійся хлѣбъ онъ величалъ Фролкой, дрожди именовались „Стенькины думки“: самъ же Стенька былъ синонимомъ всего исключительнаго, крупнаго, несчастнаго, неудавшагося.

О Капитолинѣ, письмо которой я читалъ и сочинялъ отвѣтъ на него въ первый день знакомства съ Коноваловымъ, за все время почти не упоминалось.

Я зналъ, что Коноваловъ посылалъ ей деньги на имя нѣкоего Филиппа съ просьбой къ нему поручиться въ полиціи за дѣвушку, но ни отъ Филиппа ни отъ дѣвушки никакого отвѣта не послѣдовало.

И вдругъ однажды вечеромъ, когда мы съ Коноваловымъ готовились сажать хлѣбы, дверь въ пекарню отворилась, и изъ темноты сырыхъ сѣней низкій женскій голосъ, одновременно робкій и задорный, произнесъ:

— Извините...

— Кого нужно?—спросилъ я, въ то время, какъ Коноваловъ, опустивъ къ ногамъ лопату, смущенно дергалъ себя за бороду.

— Булочникъ Коноваловъ здѣсь работаетъ?

Теперь она стояла на порогѣ, и свѣтъ висячей лампы падалъ ей прямо на голову—въ бѣломъ шерстяномъ платкѣ. Изъ-подъ платка смотрѣло круглое, миловидное, курносое личико съ пухлыми щеками и ямочками на нихъ отъ улыбки пухлыхъ, красныхъ губъ.

— Здѣсь!—отвѣтилъ я ей.

— Здѣсь, здѣсь!—вдругъ и какъ-то очень шумно обрадовался Коноваловъ, бросивъ лопату и широкими шагами направляясь къ гостьѣ.

— Сашенька!—глубоко вздохнула она ему навстрѣчу.

Они обнялись, для чего Коноваловъ низко наклонился къ ней.

— Ну, что? Какъ? Давно? А? Вотъ такъ ты! Свободна? Хорошо! Вотъ видишь? Я говорилъ... теперь у тебя опять есть дорога! Ходи смѣло!—торопливо изъяснялся передъ ней Коноваловъ, все еще стоя у порога и не разводя своихъ рукъ, обнявшихъ ея шею и талію.

— Максимъ... ты, братъ, воюй одинъ сегодня, а я займусь вотъ по дамской части... Гдѣ же ты, Капа, остановилась?

— А я прямо сюда, къ тебѣ...

— Сю-юда? Сюда невозможно... здѣсь хлѣбъ пекутъ и... никакъ нельзя! Хозяинъ у насъ строжайшій человѣкъ. Нужно будетъ пристроиться на ночь въ иномъ мѣстѣ... въ номерѣ, скажемъ. Айда!

И они ушли. Я остался воевать съ хлѣбами и никакъ не ожидалъ Коновалова ранѣе утра, но, къ немалому моему изумленію, часа черезъ три онъ явился. Мое изумленіе еще больше увеличилось, когда, взглянувъ на него въ чаяніи видѣть на его лицѣ сіяніе радости, я увидѣлъ, что оно только кисло, скучно и утомлено.

— Что̀ ты?—спросилъ я, сильно заинтересованный этимъ не подобающимъ событію настроеніемъ моего друга.

— Ничего...—уныло отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, довольно свирѣпо сплюнулъ.

— Нѣтъ, все-таки?..—настаивалъ я.

— Да что̀ тебѣ?—устало отозвался онъ, во весь ростъ растягиваясь на ларѣ.—Все-таки... все-таки... Все-таки—баба! Вотъ те и все.

Мнѣ стоило большого труда добиться отъ него объясненія, и наконецъ онъ далъ мнѣ его такими приблизительно словами:

— Говорю—баба! И когда бы я не былъ дуракомъ, такъ ничего бы этого не было. Понялъ? Ну... Вотъ ты говоришь: и баба человѣкъ! Извѣстно, ходитъ она на однѣхъ заднихъ лапахъ, травы не ѣстъ, слова̀ говоритъ, смѣется... значитъ, не скотъ. А все-таки нашему брату не компанія... Н-да! Почему? А... не знаю! Чувствую, не подходитъ, но понимать не могу—почему... Вонъ она, Капитолина, какую линію гнетъ—хочу, говоритъ, съ тобой, это значитъ—со мной, жить въ родѣ жены. Желаю, говоритъ, быть твоей дворняжкой... Совсѣмъ несообразно! Ну, милая ты дѣвочка, говорю, дуреха ты; ну, разсуди, какъ со мной жить? Первое дѣло—у меня запой, во-вторыхъ, нѣтъ у меня никакого дому, въ-третьихъ, я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить... и прочее такое очень многое... А она—запой наплевать. Всѣ, говоритъ, мастеровые-мужчины горькіе пьяницы, однако жены у нихъ есть; домъ, говоритъ, будетъ, коли будетъ жена, и никуда, говоритъ, ты тогда не побѣжишь... Я говорю: Капа, никакъ я не могу къ этому склониться, потому что я знаю—жизнью такой жить не умѣю я и не научусь. А она—а я, говоритъ, въ рѣчку прыгну! А я ей: ду-урра! А она ругаться, да вѣдь ка-акъ! Ахъ, ты, говоритъ, смутьянъ, безстыжая рожа, обманщикъ, длинный чортъ!.. И почала, и почала... просто такъ-то ли разъярилась на меня, что я чуть не сбѣжалъ. Потомъ начала плакать. Плачетъ и пеняетъ мнѣ: зачѣмъ ты, гово-

ритъ, меня изъ того мѣста вынулъ, коли я тебѣ не нужна? Зачѣмъ ты, говоритъ, меня оттуда сманилъ, и куда, говоритъ, я теперь дѣнусь? Рыжій ты, говоритъ, дуракъ... Ф-фу! Ну, что теперь съ ней дѣлать?

— Да ты ее, въ самомъ дѣлѣ, почему оттуда вытащилъ?— спросилъ я.

— Почему? Вотъ чудакъ! Чай, жалко! Вѣдь угрязаетъ человѣкъ... и всякому мимоидущему его жалко. Но чтобы обзаводиться... и прочее такое, ни-ни! На это я согласиться не могу. Какой я семьянинъ? Да кабы я могъ держаться на этой точкѣ, такъ я бы ужъ давно рѣшился. Какіе резоны были! Могъ бы съ приданымъ и... все такое. Но ежели это не въ моей силѣ, какъ я могу творить такое дѣло? Плачетъ она... это, конечно... тово, нехорошо... Но вѣдь какъ же? Я не могу!

Онъ даже головой замоталъ въ подтвержденіе своего тоскливаго „не могу“, всталъ съ ларя и, обѣими руками ероша бороду и волосы на головѣ, началъ, низко опустивъ голову и отплевываясь, шагать по пекарнѣ.

— Максимъ!—просительно и сконфуженно заговорилъ онъ,— пошелъ бы ты къ ней и какъ-нибудь этакъ сказалъ ей, почему и отчего... а? Пойди, братъ!

— Что же я ей скажу?

— Всю правду говори!.. Не можетъ, молъ, онъ. Не подходящее это ему... А то скажи вотъ что... него, молъ, дурная болѣзнь!

— Да вѣдь это неправда?—засмѣялся я.

— Н-да... неправда... А причина хо-орошая, а? Ахъ, ты, чортъ те возьми! Вотъ такъ каша—жена! А? Да я про это и не думалъ ни разика! Ну куда мнѣ жена?

Онъ съ такимъ недоумѣніемъ и испугомъ развелъ руками при этихъ словахъ, что было ясно—ему совсѣмъ некуда дѣвать жену! И, несмотря на комизмъ его изложенія всей этой исторіи, ея драматическая сторона заставила меня крѣпко задуматься надъ положеніемъ товарища и этой дѣвушки. А онъ все ходилъ по пекарнѣ и говорилъ какъ бы уже самъ съ собою:

— И не понравилась теперь она мнѣ, ну, просто страхъ какъ! Такъ это и засасываетъ меня она, такъ и втягиваетъ куда-то, точно трясина бездонная. Ишь ты, облюбовала себѣ мужа! Не больно умна, а хитрая дѣвочка.

Это въ немъ начиналъ говорить инстинктъ бродяги, возбужденное чувство вѣчнаго стремленія къ свободѣ, на которую было сдѣлано покушеніе.

— Нѣтъ, меня на такого червя не поймаешь, я есть рыба крупная!—хвастливо воскликнулъ онъ.—Я вотъ какъ возьму, да... А что̀, въ самомъ дѣлѣ?—И, остановясь среди пекарни, онъ, улыбаясь, задумался.

Я слѣдилъ за игрой его возбужденной физіономіи и старался предугадать, на чемъ онъ рѣшилъ.

— Максимъ! Айда на Кубань?!

Этого я не ожидалъ. У меня по отношенію къ нему имѣлись нѣкоторыя литературно-педагогическія намѣренія: я питалъ надежду выучить его грамотѣ и передать ему все то, что̀ самъ зналъ въ ту пору. Было бы любопытно посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ... Онъ далъ мнѣ слово все лѣто не двигаться съ мѣста; это облегчало мнѣ мою задачу, и вдругъ...

— Ну, это ужъ ты ерундишь!—нѣсколько смущенно сказалъ я ему.

— Да что̀ жъ мнѣ дѣлать?—воскликнулъ онъ.

Я началъ говорить ему, что, пожалуй, посягательство Капитолины на него совсѣмъ ужъ не такъ рѣшительно-серьезно, какъ онъ его себѣ представляетъ и что надо посмотрѣть и подождать.

И даже, какъ оказалось, ждать-то было недолго.

Мы бесѣдовали, сидя на полу передъ печью спинами къ окнамъ. Время было близко къ полночи, и съ той поры, какъ Коноваловъ пришелъ, прошло часа полтора-два. Вдругъ сзади насъ раздался дребезгъ стеколъ, и на полъ шумно грохнулся довольно увѣсистый булыжникъ. Мы оба въ испугѣ вскочили и бросились къ окну.

— Не попала!—визгливо кричали въ него.—Плохо мѣтила! А ужъ бы...

— П'дё-омъ!—рычалъ звѣрскій басъ.—П'дё-омъ, а я его послѣ.... уважу...

Отчаянный, истерическій и пьяный хохотъ, визгливый, рвавшій нервы, летѣлъ съ улицы въ разбитое окно.

— Это она!—тоскливо сказалъ Коноваловъ.

Я видѣлъ пока только двѣ ноги, свѣшенныя съ панели въ углубленіе предъ окномъ. Онѣ висѣли и странно болтались, ударяя пятками по кирпичной стѣнкѣ ямы, какъ бы ища себѣ опоры.

— Да п'дё-омъ!—лопоталъ басъ.

— Пусти! Не тяни меня, дай отвести душу. Прощай, Сашка! Прощай...—слѣдовала довольно нецензурная брань.

Подойдя ближе къ окну, я увидалъ Капитолину. Наклонившись внизъ, упираясь руками въ панель, она старалась заглянуть внутрь пекарни, и ея растрепанные волосы разсы-

нались по плечамъ и груди. Бѣленькій платокъ былъ сбитъ въ сторону, грудь лифа разорвана. Капитолина была страшно пьяна и качалась изъ стороны въ сторону, икая, ругаясь, истерично взвизгивая, вся дрожащая, вся растрепанная, съ краснымъ, пьянымъ, облитымъ слезами лицомъ...

Надъ ней согнулась высокая фигура мужчины, и онъ, упираясь одной рукой ей въ плечо, а другой въ стѣну дома, все рычалъ:

— П'дё-омъ!..

— Сашка! Погубилъ ты меня... помни! Будь проклятъ, рыжій чортъ! Не видать бы тебѣ ни часу свѣта Божьяго. Надѣялась я... поправиться... насмѣялся ты, злодѣй, надо мной... ладно! Сочтемся! А... Спрятался! Стыдно, харя поганая... Саша... голубчикъ...

— Я не спрятался...—подойдя къ окну и влѣзая на ларь, сказалъ глухо и густо Коноваловъ.—Я не прячусь... а ты напрасно... Я добра вѣдь тебѣ хотѣлъ; добро будетъ—думалъ, а ты понесла совсѣмъ несообразное...

— Сашка! Можешь ты меня убить?

— Зачѣмъ ты напилась? Развѣ ты знаешь, что̀ было бы... завтра...

— Сашка! Саша! Утопи меня!

— Бу-удетъ! П'дё-омъ!

— Мер-рзавецъ! Зачѣмъ ты притворился хорошимъ человѣкомъ?

— Что̀ за шумъ, а? Кто такіе?

Свистокъ ночного сторожа вмѣшался въ этотъ діалогъ, заглушилъ его и замеръ.

— Зачѣмъ я въ тебя, чортъ, повѣрила...—рыдала дѣвушка подъ окномъ.

Потомъ ея ноги вдругъ дрогнули, быстро мелькнули вверхъ и пропали во тьмѣ. Раздался глухой говоръ, возня...

— Не хочу въ полицію! Са-аша!—тоскливо вопила дѣвушка.

По мостовой тяжело затопали ноги.

Свистки, глухое рычаніе, вопли...

— Са-аша! Ми-илый!

Казалось, кого-то немилосердно истязуютъ... Все это удалялось отъ насъ, становилось глуше, тише и пропало, какъ кошмаръ.

Ошеломленные, подавленные этой сценой, разыгравшейся поразительно быстро, мы съ Коноваловымъ смотрѣли на улицу во тьму и не могли опомниться отъ этого плача, рева, ругательствъ, начальническихъ окриковъ, болѣзненныхъ стоновъ. Я вспоминалъ отдѣльные звуки и съ трудомъ вѣрилъ, что

все это было наяву. Страшно быстро кончилась эта маленькая, но тяжелая драма.

— Все!..—какъ-то особенно кротко и просто сказалъ Коноваловъ, прислушавшись еще разъ къ тишинѣ темной ночи, безмолвно и строго смотрѣвшей на него въ окно.

— Какъ она меня!..—съ изумленіемъ продолжалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ, оставаясь въ старой позѣ, на ларѣ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками въ пологій подоконникъ.— Въ полицію попала... пьяная... съ какимъ-то чортомъ. Скоро какъ порѣшила!—Онъ глубоко вздохнулъ, слѣзъ съ ларя, сѣлъ на мѣшокъ, обнялъ голову руками, покачался и спросилъ меня вполголоса:

— Разскажи ты мнѣ, Максимъ, что̀ же это такое тутъ теперь вышло?.. То-есть какое мое теперь во всемъ этомъ дѣло?

Я разсказалъ. Прежде всего нужно понимать то, что̀ хочешь дѣлать, и въ началѣ дѣла нужно уже представлять себѣ его возможный конецъ. Онъ все это не понималъ, не зналъ и— кругомъ во всемъ виноватъ. Я былъ обозленъ имъ—стоны и крики Капитолины, пьяное „п'дё-омъ!..“—все это еще стояло у меня въ ушахъ, и я не щадилъ товарища.

Онъ слушалъ меня съ наклоненной головой, а когда я кончилъ, поднялъ ее, и на лицѣ его я прочиталъ испугъ и изумленіе.

— Вотъ такъ разъ!—восклицалъ онъ.—Ловко! Ну, и... что̀ же теперь? А? Какъ же? Что̀ мнѣ съ ней дѣлать?

Въ тонѣ его словъ было такъ много чисто-дѣтскаго по искренности сознанія своей вины предъ этой дѣвушкой и такъ много безпомощнаго недоумѣнія, что мнѣ тутъ же стало жаль товарища, и я подумалъ, что, пожалуй, ужъ очень рѣзко говорилъ съ нимъ.

— И зачѣмъ я ее тронулъ съ того мѣста!—каялся Коноваловъ.—Эхма! Вѣдь какъ она теперь на меня... Я вотъ что̀... Я пойду туда, въ полицію, и похлопочу... Увижу ее... и прочее такое. Скажу ей... что-нибудь. Итти?

Я замѣтилъ, что едва ли будетъ какой-либо толкъ отъ его свиданія. Что̀ онъ ей скажетъ? Къ тому же она пьяная и, навѣрное, спитъ уже.

Но онъ укрѣпился въ своей мысли.

— Пойду, погоди. Все-таки я ей добра желаю... какъ хошь. А тамъ что̀ за люди для нея? Пойду. Ты тутъ тово... я скоро...

И, надѣвъ на голову картузъ, онъ даже безъ опорокъ, въ въ которыхъ обыкновенно щеголялъ, быстро вышелъ изъ пекарни.

Я отработался и легъ спать, а когда поутру, проснувшись, по привычкѣ взглянулъ на мѣсто, гдѣ спалъ Коноваловъ, его еще не было.

Онъ явился только къ вечеру—хмурый, взъерошенный, съ рѣзкими складками на лбу и съ какимъ-то туманомъ въ голубыхъ глазахъ. Не глядя на меня, подошелъ къ ларямъ, посмотрѣлъ, что̀ мной сдѣлано, и молча легъ на полъ.

— Что̀ же, ты видѣлъ ее?—спросилъ я.

— Затѣмъ и ходилъ.

— Ну такъ что̀ же?

— Ничего.

Было ясно—онъ не хотѣлъ говорить. Полагая, что такое настроеніе не продлится у него долго, я не сталъ надоѣдать ему вопросами. И онъ весь этотъ день молчалъ, только по необходимости бросая мнѣ краткія фразы, относящіяся къ работѣ, расхаживая по пекарнѣ съ понуренной головой и все съ тѣми же туманными глазами, съ какими пришелъ. Въ немъ точно погасло что-то; онъ работалъ медленно и вяло, какъ связанный своими думами. Ночью, когда мы уже посадили послѣдніе хлѣбы въ печь и, изъ боязни передержать ихъ, не ложились спать, онъ попросилъ меня:

— Ну-ка, почитай про Стеньку что-нибудь.

Такъ какъ описаніе пытокъ и казни всего болѣе возбуждало его—я сталъ ему читать именно это мѣсто. Онъ слушалъ, неподвижно растянувшись на полу кверху грудью, и, не мигая глазами, смотрѣлъ въ закопченые своды потолка.

— Умеръ Стенька. Вотъ и порѣшили съ человѣкомъ,— медленно заговорилъ Коноваловъ.—А все-таки въ ту пору можно было жить. Свободно. Было куда податься, можно было душу отвести. Теперь вотъ тишина и смиренство... порядокъ... ежели такъ со стороны посмотрѣть, совсѣмъ даже смирная жизнь теперь стала. Книжки, грамота... А все-таки человѣкъ безъ защиты живетъ и никакого призору за нимъ нѣтъ. Грѣшить ему запрещено, но не грѣшить невозможно... Потому на улицахъ-то порядокъ, а въ душѣ—путаница. И никто никого не можетъ понимать.

— Саша! Ну, такъ какъ же ты съ Капитолиной-то?—спросилъ я.

— А?—встрепенулся онъ.—Съ Капкой? Шабашъ...—Онъ рѣшительно махнулъ рукой.

— Кончилъ, значитъ?

— Я? Нѣтъ... она сама кончила.

— Какъ?

— Очень просто. Стала на свою точку и больше никакихъ...

Все по-старому. Только раньше она не пила, а теперь пить стала... Ты вынь хлѣбъ, а я буду спать.

Въ пекарнѣ стало тихо. Коптила лампа, изрѣдка потрескивала заслонка печи, и корки испеченнаго хлѣба на полкахъ тоже трещали, подсыхая. На улицѣ, противъ нашихъ оконъ, разговаривали ночные сторожа. И еще какой-то странный звукъ порой доходилъ до слуха съ улицы, не то гдѣ-то скрипѣла вывѣска, не то кто-то стоналъ.

Я вынулъ хлѣбы, легъ спать, но мнѣ не спалось, и я, прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ ночи, лежалъ, полузакрывъ глаза. Вдругъ вижу, Коноваловъ безшумно поднимается съ полу, идетъ къ полкѣ, беретъ съ нея книгу Костомарова, раскрываетъ ее и подноситъ къ глазамъ. Мнѣ ясно видно его задумчивое лицо, я слѣжу, какъ онъ водитъ пальцемъ по строкамъ, качаетъ головою, перевертываетъ страницу, снова пристально смотритъ на нее, потомъ переводитъ глаза на меня. Что-то странное, напряженное и вопрошающее отражаетъ отъ себя его задумчивое, осунувшееся лицо, и долго оно остается обращеннымъ ко мнѣ, новое для меня.

Я не могъ сдержать своего любопытства и спросилъ его, что̀ онъ дѣлаетъ.

— А я думалъ, ты спишь...—смутился онъ; потомъ подошелъ ко мнѣ, держа книгу въ рукѣ, сѣлъ рядомъ и, запинаясь, заговорилъ:—Я, видишь ли, хочу тебя спросить вотъ про что... Нѣтъ ли книги какой-нибудь насчетъ порядковъ жизни? То-есть поученія, какъ жить? Поступки бы нужно мнѣ разъяснить, которые вредны и которые ничего себѣ... Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими... Который въ началѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ. Вотъ хоть бы насчетъ Капки.—Онъ перевелъ духъ и продолжалъ съ силой и просительно:—Такъ вотъ поищи-ка, нѣтъ ли книги насчетъ поступковъ? И прочитай мнѣ.

Нѣсколько минутъ молчанія...

— Максимъ!..

— А?

— Какъ меня Капитолина-то раскрашивала!

— Да ладно ужъ... Будетъ тебѣ...

— Конечно, теперь ужъ нечего... А что̀, скажи мнѣ... въ правѣ она?..

Это былъ щекотливый вопросъ, но, подумавъ, я отвѣчалъ на него утвердительно.

— Вотъ и я тоже такъ полагаю... Въ правѣ... да...—уныло протянулъ Коноваловъ и замолчалъ.

Онъ долго возился на своей рогожѣ, постланной прямо на

полъ, нѣсколько разъ вставалъ, курилъ, садился подъ окно, снова ложился.

Потомъ я заснулъ, а когда проснулся, его уже не было въ пекарнѣ, и онъ явился только къ вечеру. Казалось, что весь онъ былъ покрытъ какой-то пылью, и въ его отуманенныхъ глазахъ застыло что-то неподвижное. Кинувъ картузъ на полку, онъ вздохнулъ и сѣлъ рядомъ со мной.

— Ты гдѣ былъ?

— Ходилъ Капку посмотрѣть.

— Ну и что̀?

— Шабашъ, братъ! Вѣдь я те говорилъ...

— Ничего, видно, не подѣлаешь съ этимъ народомъ...— попробовалъ-было я разсѣять его настроеніе и заговорилъ о могучей силѣ привычки и о всемъ прочемъ, что̀ въ этомъ случаѣ было умѣстно. Коноваловъ упорно молчалъ, глядя въ полъ.

— Нѣтъ, это что̀-о! Не въ томъ сила! А просто я есть заразный человѣкъ... Не доля мнѣ жить на свѣтѣ... Несчастный этакій ядовитый духъ отъ меня исходитъ. И какъ я близко къ человѣку подойду, такъ сейчасъ онъ отъ меня и заражается. И для всякаго я могу съ собой принести только горе... Вѣдь ежели подумать — кому я всей моей жизнью удовольствіе принесъ? Никому! А тоже со многими людьми имѣлъ дѣло... Тлѣющій я человѣкъ...

— Это чепуха!..

— Нѣтъ, ужъ вѣрно!.. — убѣжденно кивнулъ онъ головой.

Я разубѣждалъ его, но въ моихъ рѣчахъ онъ еще болѣе черпалъ увѣренности въ своей непригодности къ жизни...

Вообще онъ сталъ быстро и рѣзко измѣняться съ момента происшествія съ Капкой. Сталъ задумчивъ, вялъ, утратилъ интересъ къ книгѣ, работалъ уже не съ прежней горячностью, сталъ молчаливъ и необщителенъ.

Въ свободное отъ работы время онъ ложился на полъ и упорно смотрѣлъ въ своды потолка. Лицо у него осунулось, глаза утратили свой ясный дѣтскій блескъ.

— Саша, ты что̀?—спросилъ я его.

— Запой начинается,—просто объяснилъ онъ. — Скоро я распущусь... то-есть начну водку глушить... Ужъ внутри у меня жжетъ... въ родѣ изжоги, знаешь... Пришло время... кабы не эта самая исторія, я бы, поди-ка, еще протянулъ сколько-нибудь. Но ѣстъ меня это дѣло... Какъ такъ? Желалъ я человѣку оказать добро — и вдругъ... совсѣмъ несообразно! Да, братъ, очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ... И неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, что-

бы всѣ люди дѣйствовали, какъ одинъ, и всѣ другъ друга понимать могли? Вѣдь совсѣмъ нельзя жить на такомъ разстояніи одинъ отъ другого! Неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?.. Э-эхма!

Поглощенный этими думами о необходимости въ жизни порядка, онъ не слушалъ моихъ рѣчей. Я замѣтилъ даже, что онъ какъ бы сталъ чуждаться меня. Однажды, выслушавъ въ сто первый разъ мой проектъ реорганизаціи жизни, онъ какъ бы разсердился на меня.

— Ну тебя.. Слыхалъ я это... Тутъ не въ жизни дѣло, а въ человѣкѣ. Первое дѣло—человѣкъ... понялъ? Ну, и больше никакихъ... Этакъ-то, по-твоему, выходитъ, что, пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все-таки долженъ оставаться, какъ теперь. Тоже... Нѣтъ, ты его перестрой сначала, покажи ему ходы... Чтобы ему было и свѣтло и не тѣсно на землѣ—вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находить свою тропу...

Я возражалъ, онъ горячился или дѣлался угрюмымъ и скучно восклицалъ:

— Э, отстань!

Какъ-то разъ онъ ушелъ съ вечера и не пришелъ ни ночью къ работѣ ни на другой день. Вмѣсто него явился хозяинъ съ озабоченнымъ лицомъ и объявилъ:

— Закутилъ Лексаха-то у насъ. Въ „Стѣпкѣ“ сидитъ. Надо новаго пскаря искать...

— А можетъ, оправится?!..

— Ну, какъ же, жди... Знаю я его...

Я пошелъ въ „Стѣпку“—кабакъ, хитроумно устроенный въ каменномъ заборѣ. Онъ отличался тѣмъ, что въ немъ не было оконъ, и свѣтъ падалъ въ него сквозь отверстіе въ потолкѣ. Въ сущности, это была квадратная яма, вырытая въ землѣ и покрытая сверху тёсомъ. Въ ней пахло землей, махоркой и перегорѣлой водкой, и ее наполняли завсегдатаи—темные люди безъ опредѣленныхъ занятій. Они цѣлыми днями торчали тутъ, ожидая закутившаго мастерового для того, чтобъ донага опить его.

Коноваловъ сидѣлъ за большимъ столомъ, посрединѣ кабака, въ кругу почтительно и льстиво слушавшихъ его пестрыхъ господъ въ фантастически-рваныхъ костюмахъ, съ физіономіями героевъ изъ разсказовъ Гофмана.

Пили пиво и водку вмѣстѣ и закусывали чѣмъ-то, похожимъ на сухіе комья глины...

— Пейте, братцы, пейте, кто сколько можетъ. У меня

есть и деньги и одежа... Дня на три хватитъ всего. Все пропью и... шабашъ! Больше не хочу работать и жить здѣсь не хочу.

— Городъ сквернѣйшій,—сказалъ нѣкто, похожій на Джона Фальстафа.

— Работа?—вопросительно посмотрѣлъ въ потолокъ другой и съ изумленіемъ спросилъ: — Да развѣ человѣкъ для этого на свѣтъ родился?

И всѣ они сразу загалдѣли, доказывая Коновалову его право все пропить и даже возводя это право на степень непремѣнной обязанности — именно съ ними въ компаніи пропить.

— А, Максимъ... и котомка съ нимъ!—скаламбурилъ Коноваловъ, увидавъ меня. — Ну-ка, книжникъ и фарисей— тяпни! Я, братъ, окончательно спрыгнулъ съ рельсъ. Шабашъ! Пропиться хочу до волосъ... Когда одни волосы на тѣлѣ останутся—кончу. Вали и ты, а?

Онъ еще не былъ пьянъ, только голубые глаза его сверкали отчаяннымъ возбужденіемъ и роскошная борода, падавшая на грудь ему шелковымъ вѣеромъ, то и дѣло шевелилась оттого, что его нижняя челюсть дрожала нервной дрожью. Воротъ рубахи былъ разстегнутъ, на бѣломъ лбу сверкали мелкія капельки пота, и рука, протянутая ко мнѣ со стаканомъ пива, тряслась.

— Брось, Саша, уйдемъ отсюда... — сказалъ я, положивъ ему руку на плечо.

— Бросить?.. — Онъ засмѣялся. — Кабы лѣтъ на десять раньше пришелъ ко мнѣ да сказалъ это... можетъ, я и бросилъ бы. А теперь я ужъ лучше не брошу... Чего мнѣ дѣлать? Чего? Вѣдь я чувствую, все чувствую, всякое движеніе жизни... но понимать ничего не могу и пути моего не знаю... Чувствую... и пью, потому что больше мнѣ дѣлать нечего... Выпей!

Его компанія смотрѣла на меня съ явнымъ неудовольствіемъ, и всѣ двѣнадцать глазъ измѣряли мою фигуру далеко не миролюбиво.

Бѣдняги боялись, что я уведу Коновалова—угощеніе, котораго они ждали, быть-можетъ, цѣлую недѣлю.

— Братцы! Это мой товарищъ... ученый, чортъ его возьми! Максимъ, можешь ты здѣсь прочитать про Стеньку?.. Ахъ, братцы, какія книги есть на свѣтѣ! Про Пилу?.. Максимъ, а?.. Братцы, не книга это, а кровь и слезы. А... вѣдь Пилато — это я? Максимъ!.. И Сысойка я... Ей-Богу! Вотъ и объяснилось!

Онъ широко открытыми глазами, съ испугомъ въ нихъ, потрѣлъ на меня, и нижняя его губа странно дрожала. омпанія не особенно охотно очистила мнѣ мѣсто за сто-омъ. Я сѣлъ рядомъ съ Коноваловымъ, какъ разъ въ мо-ентъ, когда онъ хватилъ стаканъ пива пополамъ съ одкой.

Ему, очевидно, хотѣлось какъ можно скорѣе оглушить бя этой смѣсью. Выпивъ, онъ взялъ съ тарелки кусокъ го, что̀ казалось глиной, а было вареным мясомъ, по-потрѣлъ на него и бросилъ черезъ плечо въ стѣну кабака. Компанія вполголоса урчала, какъ стая голодныхъ собакъ адъ костью.

— Потерянный я человѣкъ... Зачѣмъ меня мать съ отцомъ а свѣтъ родили? Ничего неизвѣстно... Темь!.. Тѣснота!.. рощай, Максимъ, коли ты не хочешь пить со мной. Въ екарню я не пойду. Деньги у меня есть за хозяиномъ— олучи и дай мнѣ, я ихъ пропью... Нѣтъ! Возьми себѣ на ниги... Берешь? Не хочешь? Не надо... А то возьми? Свинья ы, коли такъ... Уйди отъ меня! У-уходи!

Онъ пьянѣлъ, и глаза у него звѣрски блеснули.

Компанія была совершенно готова вытурить меня въ ею изъ среды своей, и я, не желая дожидаться этого, шелъ.

Часа черезъ три я снова былъ въ „Стѣнкѣ". Компанія оновалова увеличилась еще на два человѣка. Всѣ они были ьяны, онъ — меньше всѣхъ. Онъ пѣлъ, облокотясь на столъ глядя на небо черезъ отверстіе въ потолкѣ. Пьяницы ъ разнообразныхъ позахъ слушали его и нѣкоторые икали. Пѣлъ Коноваловъ баритономъ, на высокихъ нотахъ пере-одившимъ въ фальцетъ, какъ у всѣхъ пѣвцовъ-мастеровыхъ. одперевъ щеку рукой, онъ съ чувствомъ выводилъ заунывныя рулады, и лицо его было блѣдно отъ волненія, глаза олузакрыты, горло выгнуто впередъ. На него смотрѣли во-омь пьяныхъ, безсмысленныхъ и красныхъ физіономій, и олько порой были слышны бормотанье и икота. Голосъ Ко-овалова вибрировалъ, и плакалъ, и стоналъ, и было до ез жалко видѣть этого славнаго парня поющимъ свою рустную пѣсню.

Тяжелый запахъ, потныя, пьяныя рожи, двѣ коптящія еросиновыя лампы и черныя отъ грязи и копоти доски ѣнъ кабака, его земляной полъ и сумракъ, наполнявшій у яму — все это было мрачно и болѣзненно-фантастично. азалось, что это пируютъ заживо погребенные въ склепѣ и инъ изъ нихъ поетъ въ послѣдній разъ передъ смертью,

прощаясь съ небомъ. Безнадежная грусть, спокойное отчаян безысходная тоска звучали въ пѣснѣ моего товарища.

— Максимъ здѣсь? Хочешь ко мнѣ эсауломъ? Друг иди!—прервавъ свою пѣсню, заговорилъ онъ, протягивая м руку. — Я, братъ, совсѣмъ готовъ... Набралъ шайку себ вотъ она... потомъ еще будутъ люди... Найдемъ! Это и-н чего! Пилу и Сысойку призовемъ... И будемъ ихъ кажд день кашей кормить и говядиной... хорошо? Идешь? Возь съ собой книги... будешь читать про Степьку и про другихъ Другъ! Ахъ, и тошно мнѣ, тошно мнѣ... то-ошно-о!..

Онъ изо всей силы грохнулъ кулакомъ по столу. Загр мѣли стаканы и бутылки, и компанія, очнувшись, сразу наполнила кабакъ страшнымъ шумомъ.

— Пей, ребята! — крикнулъ Коноваловъ. — Пей! Отво душу... дуй во всю!

Я ушелъ отъ нихъ, постоялъ у двери на улицѣ, посл шалъ, какъ Коноваловъ ораторствовалъ заплетающимся яз комъ, и, когда онъ снова началъ пѣть, отправился въ п карню, и вслѣдъ мнѣ долго стонала и плакала въ ночн тишинѣ неуклюжая пьяная пѣсня.

Черезъ два дня Коноваловъ пропалъ куда-то изъ город Мнѣ еще разъ привелось встрѣтиться съ нимъ...

Нужно родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтоб найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этих тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленьких ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, иде наго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словом изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей ум суеты суетъ. Я родился и воспитывался внѣ этого обществ и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принима его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя н которое время, у меня не явилась настоятельная необход мость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько от чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности это быта.

Въ деревнѣ почти такъ же невыносимо тошно и грустн какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться в трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ прост и искренно, или итти гулять по полямъ и дорогамъ родин что весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ н какихъ средствъ, кромѣ хорошихъ, выносливыхъ ногъ.

Лѣтъ пять тому назадъ я предпринялъ именно такую пр

лку и, расхаживая по святой Руси безъ какого-либо опре-
ленного маршрута, попалъ въ Ѳеодосію. Въ то время тамъ
чинали строить молъ, и, въ чаяніи заработать немного
негъ на дорогу, я отправился на мѣсто сооруженія.

Желая сначала посмотрѣть на работу, какъ на картину,
взошелъ на гору и сѣлъ тамъ, глядя внизъ на безкрайное,
гучее море и крошечныхъ людей, строившихъ ему ковы.
Передо мной развернулась широкая картина труда людей:
сь каменистый берегъ передъ бухтой былъ изрытъ, всюду
ы и кучи камня и дерева, тачки, брёвна, полосы желѣза,
ры для битья свай и еще какія-то приспособленія изъ
евенъ, и среди всего этого по всѣмъ направленіямъ сно-
ли люди. Они, разорвавъ гору динамитомъ, дробили ее
рками, расчищая площадь для линіи желѣзной дороги, они
сили въ громадныхъ творилахъ цементъ и, дѣлая изъ
го почти саженные кубическіе камни, опускали ихъ въ
ре, строя въ немъ сплотъ противъ титанической силы его
угомонныхъ волнъ. Они казались маленькими, какъ черви,
фонѣ темно-коричневой горы, изуродованной ихъ руками,
какъ черви, суетливо копошились среди грудъ щебня и
рковъ дерева въ обломкахъ каменной пыли и въ тридцати-
адусномъ зноѣ южнаго дня. Хаосъ вокругъ нихъ и раска-
нное небо надъ ними придавали ихъ суетѣ такой видъ,
къ будто бы они вкапывались въ гору, стремясь уйти въ
дра ея отъ солнечнаго зноя и окружающей ихъ унылой
тины разрушенія.

Въ душномъ воздухѣ стоялъ сильный стонущій ропотъ и
гъ, раздавались удары кирокъ о камень, заунывно пѣли
ёса тачекъ, глухо падала чугунная баба на дерево сваи,
акала „Дубинушка", стучали топоры, обтесывая брёвна, и
всѣ голоса кричали темныя и сѣрыя, хлопотливыя фи-
ки людей...

Въ одномъ мѣстѣ кучка ихъ, громко ухая, возилась съ
льшимъ осколкомъ горы, стараясь сдвинуть его съ мѣста, въ
гомъ—подымали тяжелое бревно и, надрываясь, кричали:
— Бе-е-ри-и!—И гора, изрытая трещинами, глухо повто-
ла: и-и-и!

По ломаной линіи досокъ, набросанныхъ тутъ и тамъ,
ленно двигалась вереница людей, согнувшись надъ тачками,
груженными камнемъ, и навстрѣчу имъ шла другая съ
ожними тачками, шла, медленно растягивая одну минутку
ыха на двѣ... У одного копра стояла густая, пестрая
па народа, и въ ней кто-то протяжно жалобнымъ голо-
мъ выпѣвалъ:

„И-эхъ-ма, бра-атцы, дюже жарко!
И-эхъ-ма! Никому-то насъ не жалко!
О-ой да ду-убинушка,
У-ухнемъ!“

Мощно гудѣла толпа, натягивая тросы, и кусокъ чугу
взлетая вверхъ по дудкѣ копра, падалъ оттуда, раздавал
тупой охающій звукъ, и весь коперъ вздрагивалъ.

На всѣхъ точкахъ площади между горой и моремъ ск
вали маленькіе сѣрые люди, насыщая воздухъ своимъ кр
комъ, пылью и терпкимъ запахомъ человѣка. Среди пи
расхаживали распорядители въ бѣлыхъ кителяхъ съ мета
лическими пуговицами, сверкавшими на солнцѣ, какъ чьи
желтые холодные глаза.

Море спокойно раскинулось до туманнаго горизонта и ти
плещетъ своими прозрачными волнами на берегъ, полн
движенія и шума. Все сіяя въ блескѣ солнца, оно точ
улыбалось добродушной улыбкой Гулливера, сознающаго, ч
если онъ захочетъ, одно движеніе—и вся работа лилипуто
исчезнетъ.

Оно лежало, ослѣпляя глаза своимъ блескомъ, больш
сильное, доброе, и его могучее дыханіе вѣяло на берег
освѣжая истомленныхъ людей, трудящихся надъ тѣмъ, что
стѣснить свободу его волнъ, которыя теперь такъ кротко
звучно ласкаютъ изуродованный берегъ. Оно какъ бы жалѣ
ихъ: вѣка его существованія научили его понимать, что
тѣ злоумышляютъ противъ него, которые строятъ; оно дав
уже знаетъ, что это только рабы, ихъ роль бороться со ст
хіями лицомъ къ лицу, а въ этой борьбѣ готова и мес
стихіи имъ. Они все только строятъ, вѣчно трудятся, и
потъ и кровь—цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но о
ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчно
стремленію сооружать — стремленію, которое создаетъ
землѣ чудеса, но все-таки не даетъ людямъ крова и сли
комъ мало даетъ имъ хлѣба. Они—тоже стихія, и вотъ п
чему море не гнѣвно, а ласково смотритъ на ихъ трудъ, о
котораго имъ нѣтъ пользы. Эти сѣрые маленькіе черви, та
источившіе гору, то же самое, что и его капли, котор
первыми идутъ на неприступныя и холодныя скалы бер
говъ, въ вѣчномъ стремленіи моря расширить свои предѣл
и первыми гибнутъ, разбиваясь о нихъ. Въ массѣ эти кап
тоже родственны ему, тогда онѣ совсѣмъ какъ море, та
же мощны и такъ же склонны къ разрушенію, чуть толь
вѣяніе бури пронесется надъ ними. Морю издревле вѣдо
и рабы, строившіе пирамиды въ пустынѣ, и рабы Ксерк

смѣшного человѣка, который думалъ наказать море тремя стами ударовъ за то, что оно поломало его игрушечные мосты. Рабы всегда были одинаковы, они всегда повиновались, ихъ всегда плохо кормили, и они вѣчно исполняли великое и чудесное, иногда обоготворяя тѣхъ, кто заставлялъ ихъ работать, чаще проклиная ихъ, изрѣдка возмущаясь противъ своихъ владыкъ...

И, улыбаясь спокойной улыбкой титана, сознавшаго свою мощь, море овѣвало своимъ живительнымъ дыханіемъ титана, еще духовно слѣпого, порабощеннаго и жалко ковыряющаго землю, вмѣсто того, чтобъ стремиться къ родству съ небомъ. Тихо взбѣгаютъ волны на берегъ, усѣянный толпой людей, созидающихъ каменную преграду ихъ вѣчному движенію, взбѣгаютъ и поютъ свою звучную, ласковую пѣсню о прошломъ, о всемъ, что̀ въ теченіе вѣковъ видѣли онѣ на берегахъ земли.

...Среди работавшихъ были какія-то странныя, сухія, бронзовыя фигуры въ красныхъ чалмахъ, въ фескахъ, въ синихъ короткихъ курткахъ и въ шароварахъ, узкихъ у голени, но съ широкой мотней. Это, какъ я узналъ послѣ, анатолійскіе турки. Ихъ гортанный говоръ мѣшался съ протяжнымъ, растянутымъ говоркомъ вятичей, съ крѣпкой, быстрой фразой волгарей, съ мягкой рѣчью хохловъ.

Въ Россіи голодали, и голодъ согналъ сюда представителей чуть ли не всѣхъ охваченныхъ несчастіемъ губерній. Они дѣлились на маленькія группы, стараясь держаться землякъ къ земляку, и только космополиты-босяки сразу выдѣлялись и своимъ независимымъ видомъ, и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи, изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ и не забывшихъ о ней. Они были во всѣхъ группахъ: и среди вятичей и среди хохловъ, всюду чувствуя себя на своемъ мѣстѣ, но большинство ихъ собралось у копра, какъ у работы, сравнительно съ работой на тачкахъ и съ киркой, болѣе легкой.

Когда я подошелъ къ нимъ, они стояли, опустивъ руки съ веревкой, дожидаясь, когда нарядчикъ исправитъ что-то въ блокѣ копра, должно-быть, „заѣдавшемъ“ веревку. Онъ копался тамъ вверху деревянной башни, то и дѣло крича оттуда:

— Дерни!

Веревку лѣниво дергали.

— Сто-ой!.. Ищё дерни. Сто-ой! П'шелъ!..

Запѣвала—давно небритый малый, съ рябымъ лицомъ и

солдатской выправкой—повелъ плечами, скосилъ въ сторону глаза, откашлялся и запелъ:

— Ба-аба сваю въ землю гонитъ...

Слѣдующій стихъ не выдержалъ бы даже и самой снисходительной цензуры и вызвалъ единодушный взрывъ хохота, явившись, очевидно, импровизаціей, только-что созданной запѣвалой, который, подъ смѣхъ товарищей, крутилъ себѣ усы съ видомъ артиста, привыкшаго къ такому успѣху у своей публики.

— Поше-елъ! — неистово заоралъ сверху копра нарядчикъ.—Задержали!..

— Не зѣвай, Митричъ, — лопнешь!.. — предупредилъ его одинъ изъ рабочихъ.

Голосъ былъ мнѣ знакомъ, и я гдѣ-то видѣлъ эту высокую, широкоплечую фигуру съ овальнымъ лицомъ и большими голубыми глазами. Это Коноваловъ? Но у Коновалова не было шрама отъ праваго виска къ переносью, разсѣкавшаго высокій лобъ этого парня; волосы Коновалова были свѣтлѣе и не вились такими мелкими кудрями, какъ у этого; у Коновалова была красивая, широкая борода, этотъ же брился и носилъ густые усы концами книзу, какъ хохолъ. И тѣмъ не менѣе въ немъ было что-то хорошо знакомое мнѣ. Я рѣшилъ именно съ нимъ заговорить о томъ, къ кому тутъ нужно обратиться, чтобъ „стать на работу“, и сталъ дожидаться, когда перестанутъ бить сваю.

— О-о-ухъ! о-о-охъ! — могуче вздыхала толпа, присѣдая, натягивая веревки и снова быстро выпрямляясь, какъ бы готовая оторваться отъ земли и взлетѣть на воздухъ. Коперъ скрипѣлъ и дрожалъ, надъ головами толпы поднимались ея обнаженныя, загорѣлыя и волосатыя руки, вытягиваясь вмѣстѣ съ веревкой; ихъ мускулы вздувались шишками, по сорокапудовый кусокъ чугуна взлеталъ вверхъ все на меньшее разстояніе, и его ударъ о дерево звучалъ все слабѣе. Глядя на эту работу, можно было подумать, что это молится толпа идолопоклонниковъ, въ отчаяніи и экстазѣ вздымая руки къ своему молчаливому богу и преклоняясь предъ нимъ. Облитыя потомъ, грязныя и напряженныя лица съ растрепанными волосами, приставшими къ мокрымъ лбамъ, коричневыя шеи, дрожащія отъ напряженія плечи, — всѣ эти тѣла, едва прикрытыя разноцвѣтными рваными рубахами и портами, насыщали воздухъ вокругъ себя своими горячими испареніями и, слившись въ одну тяжелую массу мускуловъ, неуклюже возились во влажной атмосферѣ, пропитанной зноемъ юга и густымъ запахомъ пота.

— Шабашъ!—крикнулъ кто-то злымъ и надорваннымъ голосомъ.

Руки рабочихъ выпустили веревки, и онѣ слабо повисли вдоль копра, а рабочіе грузно опустились тутъ же на землю, отирая потъ, тяжело вздыхая, поводя спинами, щуная плечи и наполняя воздухъ глухимъ ропотомъ, похожимъ на рычаніе большого раздраженнаго звѣря.

— Землякъ!—обратился я къ облюбованному малому.

Онъ лѣниво обернулся ко мнѣ, скользнулъ по моему лицу своими глазами и сощурилъ ихъ, пристально всматриваясь въ меня.

— Коноваловъ!

— Постой...—Онъ запрокинулъ рукой мою голову назадъ, точно собираясь схватить меня за горло, и вдругъ весь вспыхнулъ радостной и доброй улыбкой.

— Максимъ! Ахъ, ты... ан-наѳема! Дружокъ... а? И ты сорвался со стези-то своей? Въ босые приписался? Ну вотъ и хорошо! Отлично! Давно ты? Откуда ты идешь? Мы теперь съ тобою всю землю ошагаемъ! Какая тамъ жизнь... сзади-то? Тоска одна... канитель; не живешь, а гніешь! А я, братъ, съ той самой поры гуляю по бѣлу свѣту. Въ какихъ мѣстахъ бывалъ! Какими воздухами дышалъ... Нѣтъ, какъ ты обрядился ловко... не узнать: по одежѣ—солдатъ, по рожѣ—студентъ! Ну что, хорошо такъ жить... съ мѣста на мѣсто? А вѣдь Стеньку-то я помню... И Тараса и Пилу... все...

Онъ толкалъ меня въ бокъ кулакомъ, хлопалъ своей широкой ладонью по плечу. Я не могъ вставить ни одного слова въ залпъ его вопросовъ и только улыбался, глядя въ его доброе лицо, сіявшее удовольствіемъ встрѣчи. Я былъ тоже радъ видѣть его, очень радъ; встрѣча съ нимъ напомнила мнѣ начало моей жизни которое, несомнѣнно, было лучше ея продолженія.

Наконецъ мнѣ удалось-таки спросить стараго пріятеля, откуда у него шрамъ на лбу и кудри на головѣ.

— А это, видишь ты... исторія одна была. Думалъ-было я пробраться втроемъ съ товарищами черезъ румынскую границу, посмотрѣть хотѣли, какъ тамъ, въ Румыніи. Ну, вотъ и отправились изъ Кагула—мѣстечко этакое есть въ Бессарабіи, около самой границы. Ночью, конечно, потихоньку идемъ себѣ. Вдругъ: стой! Кордонъ таможенный, прямо на него налѣзли. Ну, конечно, бѣжать! Тутъ меня одинъ солдатикъ и съѣздилъ по башкѣ. Не больно важно ударилъ, а все-таки съ мѣсяцъ я провалялся въ госпиталѣ. И какая вѣдь исторія! Солдатъ-то землякомъ оказался! Нашъ, муром-

скій!.. Его тоже скоро въ госпиталь положили — контрабандистъ его испортилъ, ножомъ въ животъ ткнулъ. Очухались мы и разобрались въ дѣлахъ-то. Солдатъ спрашиваетъ у меня: „Это, говоритъ, я тебя полоснулъ?“—„Надо-быть, ты, коли признаёшь“.—„Должно, я, говоритъ; ты, говоритъ, не сердись—служба такая. Мы думали, вы съ контрабандой идете. Вотъ, говоритъ, и меня уважили—брюхо подпороли. Ничего не подѣлаешь: жизнь—игра серьезная“. Ну, мы и подружились съ нимъ. Хорошій солдатикъ—Яшка Мазинъ... А кудри? Кудри? Кудри, братъ ты мой, это послѣ тифа. Тифъ у меня былъ. Посадили меня въ Кишиневѣ въ тюрьму, желая судить за самовольное прохожденіе границы, а тамъ у меня и разыгрался тифъ... Валялся я съ нимъ, валялся, насилу всталъ. Надо-быть, даже и не всталъ бы, да сидѣлка очень ужъ за меня хлопотала. Я, братъ, просто диву дался — возится со мной, какъ съ дитей, а на что я ей нуженъ? „Марья, говорю, Петровна, бросьте вы эту музыку; чай, мнѣ совѣстно“. А она знай себѣ посмѣивается. Добрая дѣвица... Душеспасительное мнѣ читала иногда. Ну, а я-то говорю, нѣтъ ли, молъ, чего этакого. Принесла книгу насчетъ англичанина-матроса, который спасся отъ кораблекрушенія на безлюдный островъ и устроилъ на немъ себѣ жизнь. Интересно, страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо — ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ — на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно. Ты читалъ такую книгу?

— Погоди. Ну, а какъ же ты вышелъ изъ тюрьмы?

— А выпустили. Посудили, оправдали и выпустили. Очень просто... Вотъ что: я сегодня больше не работаю, ну ее къ лѣшему! Ладно, навихлялъ себѣ руки и будетъ. Денегъ у меня есть рубля три, да за сегодняшніе полдня сорокъ копеекъ получу. Вонъ сколько капитала! Значитъ, пойдемъ со мной къ намъ... мы не въ баракѣ, а тутъ поблизости, въ горѣ... дыра тамъ есть такая, очень удобная для человѣческаго жительства. Вдвоемъ мы квартируемъ въ ней, да товарищъ болѣетъ, — лихорадка его скрючила... Ну, такъ ты посиди тутъ, а я къ подрядчику... Я скоро!..

Онъ быстро всталъ и пошелъ, какъ разъ въ то время, когда сваебойцы брались за веревку, начиная работу. Я остался сидѣть на камнѣ, поглядывая на шумную суету, царившую вокругъ меня, и на спокойное синевато-зеленое море.

Высокая фигура Коновалова, быстро шмыгая между людей,

грудъ камня, дерева и тачекъ, исчезала вдали. Онъ шелъ, размахивая руками, одѣтый въ синюю кретоновую блузу, которая была ему коротка и узка, въ холщевые порты и въ тяжелыя опорки. Шапка русыхъ кудрей колыхалась на его большой головѣ. Иногда онъ оборачивался назадъ и дѣлалъ мнѣ руками какіе-то знаки. Весь онъ былъ какой-то новый, оживленный, спокойно-увѣренный, добродушный и сильный. Всюду вокругъ него работали, трещало дерево, раскалывался камень, уныло визжали тачки, вздымались облака пыли, что-то съ грохотомъ падало, и люди кричали, ругались, ухали и пѣли, точно стоная. Среди всей этой путаницы звуковъ и движеній красивая фигура моего пріятеля, удалявшагося куда-то изъ нея твердыми шагами, то и дѣло лавируя изъ стороны въ сторону, очень рѣзко выдѣлялась, являясь какъ бы намекомъ на что-то, объясняющее Коновалова.

Часа черезъ два послѣ встрѣчи мы съ нимъ лежали въ „дырѣ, очень удобной для человѣческаго жительства". На самомъ дѣлѣ „дыра" была весьма удобна—въ горѣ когда-то давно брали камень и вырубили большую четырехугольную нишу, въ которой можно было вполнѣ свободно помѣститься четвѣрымъ. Но она была низка, и надъ входомъ въ нее висѣла глыба камня, изображая собой какъ бы навѣсъ, такъ что для того, чтобы попасть въ дыру, слѣдовало лечь на землю передъ ней и потомъ засовывать себя въ нее. Глубина ея была аршина три, но влѣзать въ нее съ головой не представлялось надобности, да и было рискованно, ибо эта глыба надъ входомъ могла обвалиться и совсѣмъ похоронить насъ тамъ. Мы не хотѣли этого и устроились такъ: ноги и туловища сунули въ дыру, гдѣ было очень прохладно, а головы оставили на солнцѣ, въ отверстіи дыры, такъ что, если бы глыба камня надъ нами захотѣла упасть, то она только раздавила бы намъ черепа.

Больной босякъ весь выбрался на солнце и легъ около насъ шагахъ въ двухъ, такъ что мы слышали, какъ стучали его зубы въ пароксизмѣ лихорадки. Это былъ сухой и длинный хохолъ: „изъ Пілтавы, а мабудь зъ Кіева..."—задумчиво сказалъ онъ мнѣ.

— Человѣкъ такъ много на свѣтѣ живетъ, что не важно, коли онъ забудетъ, де родився... Да и развѣ жъ не все равно? Лиха бѣда родиться, а гдѣ... отъ этого не лучше!..

Онъ катался по землѣ, стараясь плотнѣе закутаться въ сѣрый балахонъ, сшитый изъ однѣхъ дыръ, и очень образно ругался, видя, что всѣ его усилія тщетны, ругался и все-таки продолжалъ кутаться. У него были маленькіе черные глаза,

постоянно прищуренные, точно онъ всегда что-то пристально разсматривалъ.

Солнце невыносимо пекло намъ затылки, и Коноваловъ устроилъ изъ моей солдатской шинели нѣчто въ родѣ ширмъ, воткнувъ въ землю палки и распяливъ на нихъ мой костюмъ. Все-таки было душно. Издали до насъ долеталъ глухой шумъ работъ на бухтѣ, но ея мы не видѣли: справа отъ насъ лежалъ на берегу городъ тяжелыми глыбами бѣлыхъ домовъ, слѣва—море, предъ нами—оно же, уходившее въ неизмѣримую даль, гдѣ въ мягкихъ полутонахъ смѣшались въ фантастическое марево какія-то дивныя и нѣжныя, невиданныя краски, ласкающія глазъ и душу неуловимой красотой своихъ оттѣнковъ...

Коноваловъ смотрѣлъ туда, блаженно улыбался и говорилъ мнѣ:

— Сядетъ солнце, мы запалимъ костеръ, вскипятимъ чаю, есть у насъ хлѣбъ, есть мясо. А пока хочешь дынь или арбуза?

Онъ выкатилъ ногой изъ угла ямы арбузъ, досталъ изъ кармана ножъ и, разрѣзая арбузъ, говорилъ:

— Каждый разъ, какъ я бываю у моря, я все думаю, чего люди мало селятся около него? Были бы они отъ этого лучше, потому оно ласковое и такое... хорошія думы отъ него въ душѣ у человѣка. А ну, разскажи, какъ ты самъ жилъ въ эти годы?

Я сталъ разсказывать ему. Онъ слушалъ; больной хохолъ не обращалъ на насъ никакого вниманія, поджаривая себя на солнцѣ, уже опускавшемся въ море. А море вдали уже покрылось багрецомъ и золотомъ, и навстрѣчу солнцу изъ него поднимались розовато дымчатыя облака мягкихъ очертаній. Казалось, что со дна моря встаютъ горы съ бѣлыми вершинами, пышно убранными снѣгомъ и розовыми отъ лучей заката. Отъ камней и неровностей почвы передъ нами на землю ложились тѣни и, незамѣтно удлиняясь, ползли на насъ.

— Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься,— убѣдительно сказалъ Коноваловъ, выслушавъ мою эпопею.— И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху ни простору, ничего, что человѣку надо. Люди? Люди вездѣ есть...

— Эге!—вставилъ хохолъ, извиваясь по землѣ, какъ ужъ.— Людей вездѣ... богато; человѣку пройти къ своему мѣсту нельзя, чтобъ на ноги имъ не ступать. Вотъ-то безъ счету родятся! Какъ поганки послѣ дождя... да тѣхъ хоть господа ѣдятъ.

Онъ философски сплюнулъ и снова сталъ стучать зубами.

— А насчетъ тебя я опять скажу, — продолжалъ Коноваловъ,—въ городахъ не живи. Чего тамъ? Одно нездоровье и непорядокъ. Книги? Ну, будетъ ужъ, чай, тебѣ книги читать! Не для этого, поди-ка, ты родился... Да и книги—чепуха. Ну, купи ее, положи въ котомку и иди. Хочешь со мной итти въ Ташкентъ? Въ Самаркандъ, или еще куда?.. А потомъ на Амуръ хватимъ... идетъ? Я, братъ, рѣшилъ ходить по землѣ въ разныя стороны—это всего лучше. Идешь и все видишь новое... И ни о чемъ не думается... Дуетъ тебѣ вѣтерокъ навстрѣчу и точно онъ выгоняетъ изъ души разную пыль. Легко и свободно... Никакого ни отъ кого стѣсненія: захотѣлось ѣсть—присталъ, поработалъ чего-нибудь на полтину; нѣтъ работы—попроси хлѣба, дадутъ. Такъ хоть земли много увидишь... красоты всякой... Айда?

Солнце сѣло. Облака надъ моремъ потемнѣли, море тоже стало темнымъ, и съ него повѣяло прохладой. Кое-гдѣ ужъ вспыхивали звѣзды, гулъ работы въ бухтѣ прекратился, лишь порой оттуда тихіе, какъ вздохи, доносились возгласы людей. И когда на насъ дулъ вѣтеръ, онъ приносилъ съ собой меланхоличный звукъ шороха волнъ о берегъ.

Тьма ночная быстро сгущалась, и фигура хохла, за пять минутъ передъ тѣмъ имѣвшая вполнѣ опредѣленныя очертанія, теперь уже представляла собою неуклюжій комъ...

— Костеръ бы...—сказалъ онъ, покашливая.

— Можно...

Коноваловъ откуда-то извлекъ кучку щепъ, подпалилъ ихъ спичкой, и тонкіе язычки огня начали ласково лизать желтое смолистое дерево. Струйки дыма вились въ ночномъ воздухѣ, полномъ влаги и свѣжести моря. А вокругъ становилось все тише: жизнь точно отодвигалась куда-то отъ насъ, и звуки ея таяли и гасли во тьмѣ. Облака разсѣялись, на темно-синемъ небѣ ярко засверкали звѣзды, и на бархатной поверхности моря тоже чуть мелькали огоньки рыбачьихъ лодокъ и отраженныхъ звѣздъ. Костеръ передъ нами расцвѣлъ, какъ большой красно-желтый цвѣтокъ... Коноваловъ сунулъ въ него чайникъ и, обнявъ колѣни, задумчиво сталъ смотрѣть въ огонь. И хохолъ, какъ громадная ящерица, подползъ и легъ къ нему.

— Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь! Нѣтъ, вотъ она жизнь, вотъ какъ мы...

— Ого,—тряхнулъ головой хохолъ,—коли бъ къ ней еще намъ на зиму кожухи добыть, а то теплую хату, то и совсѣмъ

это была бы господская жизнь... — Онъ прищурилъ одинъ глазъ и, усмѣхнувшись, посмотрѣлъ на Коновалова.

— Н-да,—смутился тотъ, — зима—это... треклятое время. Для зимы города дѣйствительно нужны... тутъ ужъ ничего съ ними не подѣлаешь... Но большіе города все-таки ни къ чему... Зачѣмъ народъ сбивать въ такія кучи, когда и двое-трое ужиться между собой не могутъ?.. Я вотъ про что. Оно, конечно, ежели подумать, такъ ни въ городѣ ни въ степи, нигдѣ человѣку мѣста нѣтъ. Но лучше про такія дѣла не думать... ничего не выдумаешь, а душу надорвешь...

До этой поры я думалъ, что Коноваловъ измѣнился отъ бродячей жизни, что наросты тоски, которые были на его сердцѣ въ первое время нашего знакомства, слетѣли съ него, какъ шелуха отъ вольнаго воздуха, которымъ онъ дышалъ въ эти годы; но тонъ его послѣдней фразы возстановилъ предо мной пріятеля все тѣмъ же ищущимъ своей точки человѣкомъ, какимъ я его зналъ. Все та же ржавчина недоумѣнія предъ жизнью и ядъ думъ о ней разъѣдали эту могучую фигуру, рожденную, къ ея несчастью, съ чуткимъ сердцемъ. Такихъ „задумавшихся" людей много въ русской жизни, и всѣ они болѣе несчастны, чѣмъ кто-либо, потому что тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотой ихъ ума. Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на пріятеля, а онъ, какъ бы подтверждая мою мысль, тоскливо воскликнулъ:

— Вспомнилъ я, Максимъ, ту нашу жизнь и все тамъ... что̀ было. Сколько послѣ того исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ... Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!

— А зачѣмъ родился съ такой шеей, на которую ни одинъ хомутъ не подходитъ?—равнодушно спросилъ хохолъ, вынимая изъ огня вскипѣвшій чайникъ.

— Нѣтъ, скажи ты мнѣ,—спрашивалъ Коноваловъ,—почему я не могу быть покоенъ? А? Почему люди живутъ и ничего себѣ, занимаются своимъ дѣломъ, имѣютъ женъ, дѣтей и все прочее?.. Жалуются на жизнь они, но бываютъ и покойны. И всегда у нихъ есть охота дѣлать то, другое. А я—не могу. Тошно. Почему мнѣ тошно?

— Вотъ скулитъ человѣкъ,—удивился хохолъ.—Да развѣ жъ отъ того, что ты поскулишь, тебѣ полегчаетъ?

— Вѣрно...—грустно согласился Коноваловъ.

— Я всегда говорю немного, да знаю, какъ сказать,—съ чувствомъ собственнаго достоинства произнесъ стоикъ, не уставая бороться со своей лихорадкой.

Онъ закашлялся, завозился и сталъ ожесточенно плевать

г костеръ. Вокругъ насъ все было глухо, завѣшено густой
ченой тьмы. Небо надъ нами тоже было темно, луны еще
было. Море скорѣе чувствовалось, чѣмъ было видимо
ить—такъ густа была тьма впереди насъ. Казалось, на
клю спустился черный туманъ. Костеръ гасъ.

— А поляжемте спать,—предложилъ хохолъ.

Мы забрались въ „дыру“ и легли, высунувъ изъ нея го-
вы на воздухъ. Молчали. Коноваловъ, какъ легъ, такъ и
ался неподвиженъ, точно окаменѣлъ. Хохолъ неустанно
зился и все стучалъ зубами. Я долго смотрѣлъ, какъ тлѣли
ли костра: сначала яркій и большой, понемногу уголь ста-
вился меньше, покрывался пепломъ и исчезалъ подъ нимъ.
скоро отъ костра не осталось ничего, кромѣ теплаго за-
ха. Я смотрѣлъ и думалъ:

— Такъ и всѣ мы... Хоть бы разгорѣться ярче!

...Черезъ три дня я простился съ Коноваловымъ. Я шелъ
Кубань, онъ не хотѣлъ. Но мы оба разстались въ увѣ-
нности, что встрѣтимся.

Не пришлось...

1896.

ХАНЪ И ЕГО СЫНЪ.

— Былъ въ Крыму ханъ Мосолайма эль-Асвабъ, и был
него сынъ Толайкъ Алгалла...

Прислонясь спиной къ ярко-коричневому стволу арбуту
слѣпой нищій, татаринъ, началъ этими словами одну
старыхъ легендъ полуострова, богатаго своими воспоми
ніями, а вокругъ разсказчика, на камняхъ-обломкахъ раз
шеннаго временемъ ханскаго дворца,—сидѣла группа тата
въ яркихъ халатахъ и тюбетейкахъ, шитыхъ золотомъ.
черъ былъ, и солнце тихо опускалось въ море; его крас
лучи пронизывали темную массу зелени вокругъ развали
и яркими пятнами ложились на камни, поросшіе мохо
опутанные цѣпкой зеленью плюща. Вѣтеръ шумѣлъ въ ку
старыхъ чинаръ, и листья ихъ такъ шелестѣли, точно
воздухѣ струились невидимые глазомъ ручьи воды.

Голосъ слѣпого нищаго былъ слабъ и дрожалъ, а кам
ное лицо его не отражало въ своихъ морщинахъ ниче
кромѣ покоя; заученныя слова лились одно за другимъ
предъ слушателями вставала картина прошлыхъ, богаты
силой чувства дней.

— Ханъ былъ старъ,—говорилъ слѣпой,—но женщинъ
гаремѣ было много у него. И онѣ любили старика, пото
что въ немъ было еще довольно силы и огня, и ласки
нѣжили и жгли, а женщины всегда будутъ любить того,
умѣетъ сильно ласкать, хотя бы и былъ онъ сѣдъ, хотя
и въ морщинахъ было лицо его—въ силѣ красота, а не
нѣжной кожѣ и румянцѣ щекъ.

Хана всѣ любили, а онъ любилъ одну казачку-полонян
изъ днѣпровскихъ степей и всегда ласкалъ ее охотнѣе, чѣ
другихъ женщинъ гарема, своего большого гарема, гдѣ бы
триста женъ изъ разныхъ земель, и всѣ онѣ были краси

:акъ весенніе цвѣты, и всѣмъ имъ жилось хорошо. Много :кусныхъ и сладкихъ яствъ повелѣлъ готовить для нихъ :анъ и позволялъ имъ всегда, когда онѣ захотятъ, танцовать і играть...

А свою казачку онъ часто звалъ къ себѣ въ башню, изъ :оторой видно было море и гдѣ онъ для казачки имѣлъ все, :тò нужно женщинѣ, чтобы ей весело жилось: сладкую пищу і разныя ткани, и золото, и камни всѣхъ цвѣтовъ, и музыку, і рѣдкихъ птицъ изъ далекихъ странъ, и огненныя ласки :любленнаго хана. Въ этой башнѣ онъ забавлялся съ ней :ѣлые дни, отдыхая отъ трудовъ своей жизни и зная, что :ынъ Алгалла не уронитъ славы ханства, рыская волкомъ по :усскимъ степямъ и всегда возвращаясь оттуда съ богатой :обычей, съ новыми женщинами, съ новой славой, оставляя :амъ, сзади себя, ужасъ и пепелъ, трупы и кровь.

Разъ возвратился онъ, Алгалла, съ набѣга на русскихъ, и :ыло устроено много праздниковъ въ честь его, всѣ мурзы :олуострова собрались на нихъ, и были игры и пиръ, и стрѣляли :зъ луковъ въ глаза плѣнниковъ, пробуя силу руки, и снова :или, славя храбрость Алгаллы, грозы враговъ, опоры хан:тва. А старый ханъ былъ такъ радъ славѣ сына. Хорошо :ыло ему, старику, видѣть въ сынѣ своемъ такого удальца і знать, что, когда онъ, старый, умретъ,—ханство будетъ въ :рѣпкихъ рукахъ.

Хорошо было ему знать это, и вотъ онъ, желая показать :ыну силу любви своей, сказалъ ему при всѣхъ мурзахъ и :екахъ,—тутъ, на пиру, съ чашей въ рукѣ, сказалъ:

— Добрый ты сынъ, Алгалла! Слава Аллаху, и да будетъ :рославлено имя пророка Его!

И всѣ прославили имя пророка хоромъ могучихъ голосовъ. :огда ханъ сказалъ:

— Великъ Аллахъ! Еще при жизни моей онъ воскресилъ :ою юность въ храбромъ сынѣ моемъ, и вотъ вижу я ста:ыми глазами, что, когда скроется отъ нихъ солнце и когда :ерви источатъ мнѣ сердце—живъ буду я въ сынѣ моемъ! :еликъ Аллахъ и Магометъ, истинный пророкъ Его! Хорошій :ынъ у меня есть, тверда его рука, и смѣло сердце, и ясенъ :мъ... Чтò хочешь ты взять изъ рукъ отца твоего, Алгалла? :кажи, и я дамъ тебѣ все по твоему желанію...

И не замеръ еще голосъ хана-старика, какъ поднялся То:айкъ Алгалла и сказалъ, сверкнувъ глазами, черными, какъ :оре ночью, и горящими, какъ очи горнаго орла:

— Дай мнѣ русскую полонянку, повелитель-отецъ.

Помолчалъ ханъ—мало помолчалъ, столько времени, сколько

надо, чтобы подавить дрожь въ сердцѣ—и, помолчавъ, твердо и громко сказалъ:

— Бери! Кончимъ пиръ, и ты возьмешь ее.

Вспыхнулъ весь удалой Алгалла, великой радостью сверкнули его орлиныя очи, всталъ онъ во весь ростъ и сказалъ отцу-хану:

— Знаю я, что ты мнѣ даришь, повелитель-отецъ! Знаю это я... Рабъ я твой—твой сынъ. Возьми мою кровь по каплѣ въ часъ—двадцатью смертями я умру за тебя!

— Не надо мнѣ ничего!—сказалъ ханъ, и поникла на грудь его сѣдая голова, увѣнчанная славой долгихъ лѣтъ и многихъ подвиговъ.

Скоро они кончили пиръ и оба, молча, рядомъ другъ съ другомъ пошли изъ дворца въ гаремъ.

Ночь была темная, и ни звѣздъ ни луны не было видно изъ-за тучъ, густымъ ковромъ покрывшихъ небо.

Долго шли во тьмѣ отецъ и сынъ, и вотъ заговорилъ ханъ эль-Асвабъ:

— Гаснетъ день ото дня жизнь моя—и все слабѣе бьется мое старое сердце, и все меньше огня въ груди моей. Свѣтомъ и тепломъ моей жизни были знойныя ласки казачки. Скажи мнѣ, Толайкъ, скажи, неужели она такъ нужна тебѣ? Возьми сто, возьми всѣхъ моихъ женъ за одну ее!..

Молчалъ Толайкъ Алгалла, вздыхая.

— Сколько дней мнѣ осталось? Мало дней у меня на землѣ... Послѣдняя радость жизни моей—она, эта русская дѣвушка. Она знаетъ меня, она любитъ меня,—кто теперь, когда ея не будетъ, полюбитъ меня, старика, кто? Ни одна изъ всѣхъ, ни одна, Алгалла!..

Молчалъ Алгалла...

— Какъ я буду жить, зная, что ты обнимаешь ее, что тебя цѣлуетъ она? Передъ женщиной нѣтъ ни отца ни сына, Толайкъ! Передъ женщиной всѣ мы—мужчины, мой сынъ... Больно будетъ мнѣ доживать мои дни... Пусть бы лучше всѣ старыя раны открылись на тѣлѣ моемъ, Толайкъ, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережилъ этой ночи, мой сынъ!

Молчалъ его сынъ... Остановились они у дверей гарема и молча, опустивъ на груди головы, стояли долго передъ ней. Тьма была кругомъ, и облака бѣжали въ небѣ, а вѣтеръ, потрясая деревья, точно пѣлъ, шумѣлъ деревьями...

— Давно я люблю ее, отецъ...—тихо сказалъ Алгалла.

— Знаю... и знаю, что она не любитъ тебя...—сказалъ ханъ.

— Рвется сердце мое, когда я думаю про нее.

— А мое старое сердце чѣмъ полно теперь?

И снова они замолчали. Вздохнулъ Алгалла.

— Видно, правду сказалъ мнѣ мудрецъ-мулла,—мужчинѣ женщина всегда вредна: когда она хороша, она возбуждаетъ у другихъ желаніе обладать ею, а мужа своего предаетъ мукамъ ревности; когда она дурна, мужъ ея, завидуя другимъ, страдаетъ отъ зависти; а если она не хороша и не дурна,—мужчина дѣлаетъ ее прекрасной и, понявъ, что онъ ошибся, вновь страдаетъ черезъ нее, эту женщину...

— Мудрость не лѣкарство отъ боли сердца...—сказалъ ханъ.

— Пожалѣемъ другъ друга, отецъ...

Поднялъ голову ханъ и грустно поглядѣлъ на сына.

— Убьемъ ее...—сказалъ Толайкъ.

— Ты любишь себя больше, чѣмъ ее и меня,—подумавъ, тихо молвилъ ханъ.

— Вѣдь и ты тоже.

И опять они помолчали.

— Да! И я тоже,—грустно сказалъ ханъ. Отъ горя онъ сдѣлался ребенкомъ.

— Что же, убьемъ?

— Не могу я отдать ее тебѣ, не могу,—сказалъ ханъ.

— И я не могу больше терпѣть—вырви у меня сердце или дай мнѣ ее...

Ханъ молчалъ.

— Или бросимъ ее въ море съ горы.

— Бросимъ ее въ море съ горы,—повторилъ ханъ слова сына, какъ эхо сынова голоса.

И тогда они вошли въ гаремъ, гдѣ она уже спала на полу, на пышномъ коврѣ. Остановились они предъ ней и смотрѣли; долго они смотрѣли на нее. У стараго хана слезы текли изъ глазъ на его серебряную бороду и сверкали въ ней, какъ жемчужины, а сынъ его стоялъ, сверкая очами, и скрежетомъ зубовъ своихъ, сдерживая страсть, разбудилъ казачку. Проснулась она, и на лицѣ ея, нѣжномъ и розовомъ, какъ заря, расцвѣли ея глаза, какъ васильки. Не замѣтила она Алгаллу и протянула алыя губы хану.

— Поцѣлуй меня, старый орелъ!

— Собирайся... пойдешь съ нами,—тихо сказалъ ханъ.

Тутъ она увидала Алгаллу и слезы на очахъ своего орла, и—умная она была—поняла все.

— Иду,—сказала она.—Иду. Ни тому ни другому—такъ рѣшили? Такъ и должны рѣшать сильные сердцемъ. Иду.

И молча они, всѣ трое, пошли къ морю. Узкими тропинками шли, вѣтеръ шумѣлъ, гулко шумѣлъ...

Нѣжная она была, дѣвушка-то, скоро устала, но и горда была—не хотѣла сказать имъ этого.

И когда сынъ хана замѣтилъ, что она отстаетъ отъ нихъ—сказалъ онъ ей:

— Боишься?

Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу...

— Дай понесу тебя!—сказалъ Алгалла, протягивая къ ней руки.

Но она обняла шею своего стараго орла. Поднялъ ханъ ее на свои руки, какъ перо, и понесъ; она же, сидя на его рукахъ, отклоняла вѣтви отъ его лица, боясь, что онѣ попадутъ ему въ глазъ. Долго они шли, и вотъ уже слышенъ гулъ моря вдали. Тутъ Толайкъ,—онъ шелъ сзади нихъ, по тропинкѣ,—сказалъ отцу:

— Пусти меня впередъ, а то я хочу ударить тебя кинжаломъ въ шею.

— Пройди,—Аллахъ возмѣститъ тебѣ твое желаніе или проститъ—Его воля,—я же, отецъ твой, прощаю тебѣ. Я знаю, что значитъ любить.

И вотъ оно, море, предъ ними, тамъ внизу, густое, черное и безъ береговъ. Глухо поютъ его волны у самаго низа скалы, и темно тамъ внизу, и холодно, и страшно.

— Прощай!—сказалъ ханъ, цѣлуя дѣвушку.

— Прощай!—сказалъ Алгалла и поклонился ей.

Она заглянула туда, гдѣ пѣли волны, и отшатнулась назадъ, прижавъ руки къ груди.

— Бросьте меня,—сказала она имъ...

Простеръ къ ней руки Алгалла и застоналъ, а ханъ взялъ ее въ руки свои, прижалъ къ груди крѣпко, поцѣловалъ и, поднявъ ее надъ своей головой, бросилъ внизъ со скалы.

Тамъ плескались и пѣли волны и было такъ шумно, что оба они не слыхали, когда она долетѣла до воды. Ни крика не слыхали, ничего. Ханъ опустился на камни и молча сталъ смотрѣть внизъ, во тьму и даль, гдѣ море смѣшалось съ облаками, откуда шумно плыли глухіе всплески волнъ, и вѣтеръ пролеталъ, развѣвая сѣдую бороду хана. Толайкъ стоялъ надъ нимъ, закрывъ лицо руками, какъ камень неподвижный и молчаливый. Время шло, и по небу одно за другимъ плыли облака, гонимыя вѣтромъ. Темны и тяжелы они были, какъ думы стараго хана, лежавшаго надъ моремъ на высокой скалѣ.

— Пойдемъ, отецъ,—сказалъ Толайкъ.

— Подожди...—шепнулъ ханъ, точно слушая что-то. И опять прошло много времени, и все плескались волны внизу, а вѣтеръ налеталъ на скалу, шумя деревьями.

— Пойдемъ, отецъ...

— Подожди еще...

Не одинъ разъ говорилъ Толайкъ Алгалла:

— Пойдемъ, отецъ.

Ханъ все не шелъ отъ мѣста, гдѣ потерялъ радость своихъ послѣднихъ дней.

Но—все имѣетъ конецъ!—всталъ онъ, могучій и гордый, всталъ, нахмурилъ брови и глухо сказалъ:

— Идемъ...

Пошли они, но скоро остановился ханъ.

— А зачѣмъ я иду и куда, Толайкъ?—спросилъ онъ сына.—Зачѣмъ мнѣ жить теперь, когда вся моя жизнь въ ней была? Старъ я, не полюбятъ ужъ меня больше, а если никто тебя не любитъ—неразумно жить на свѣтѣ.

— Слава и богатство есть у тебя, отецъ...

— Дай мнѣ одинъ ея поцѣлуй и возьми все это себѣ въ награду. Это все мертвое, одна любовь женщины жива. Нѣтъ такой любви—нѣтъ жизни у человѣка, нищъ онъ, и жалки дни его. Прощай, мой сынъ, благословеніе Аллаха надъ твоей главой да пребудетъ во всѣ дни и ночи жизни твоей.—И повернулся ханъ лицомъ къ морю.

— Отецъ,—сказалъ Толайкъ,—отецъ!..—И не могъ больше сказать ничего, такъ какъ ничего нельзя сказать человѣку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что̀ возвратило бы въ душу его любовь къ жизни.

— Пусти меня...

— Аллахъ...

— Онъ знаетъ...

Быстрыми шагами подошелъ ханъ къ обрыву и кинулся внизъ. Не остановилъ его сынъ, не успѣлъ. И опять ничего не было слышно отъ моря—ни крика, ни шума паденія хана. Только волны все плескали тамъ, да вѣтеръ гудѣлъ дикія пѣсни.

Долго смотрѣлъ внизъ Толайкъ Алгалла и потомъ вслухъ сказалъ:

— И мнѣ такое же твердое сердце дай, о, Аллахъ!

И потомъ онъ пошелъ во тьму ночи...

...Такъ погибъ ханъ Мосолайма эль-Асвабъ и сталъ въ Крыму ханъ Толайкъ Алгалла...

1896.

„ВЫВОДЪ“.

По деревенской улицѣ, среди бѣлыхъ мазанокъ, съ дикимъ воемъ двигается странная процессія.

Идетъ толпа народа, идетъ густо и медленно,—движется, какъ большая волна, а впереди ея шагаетъ лошаденка, юмористически-шероховатая лошаденка, понуро опустившая голову. Поднимая одну изъ переднихъ ногъ, она такъ странно встряхиваетъ головой, точно хочетъ ткнуться шершавой мордой въ пыль дороги, а когда она переставляетъ заднюю ногу, ея крупъ весь осѣдаетъ къ землѣ, и кажется, что она сейчасъ упадетъ.

Къ передку телѣги прикручена веревкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина, почти дѣвочка. Она идетъ какъ-то странно—бокомъ, ея голова, въ густыхъ растрепанныхъ темно-русыхъ волосахъ, поднята кверху и немного откинута назадъ, глаза широко открыты и смотрятъ куда-то вдаль тупымъ, безмысленнымъ взглядомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго... Все тѣло ея въ синихъ и багровыхъ пятнахъ, круглыхъ и продолговатыхъ, лѣвая упругая дѣвическая грудь разсѣчена, и изъ нея сочится кровь... Она образовала пурпуровую полосу на животѣ и ниже по лѣвой ногѣ до колѣна, а на голени ее скрываетъ коричневая короста пыли. Кажется, что съ тѣла этой женщины содрана узкая и длинная полоса кожи, и, должно-быть, по животу этой женщины долго били полѣномъ,—онъ чудовищно вспухъ и весь страшно синій.

Ноги этой женщины, стройныя и маленькія, она ступаютъ по пыли, весь корпусъ странно изогнутъ и качается, и никакъ нельзя понять, почему она еще держится на этихъ ногахъ, сплошь, какъ и все ея тѣло, покрытыхъ синяками, почему она не падаетъ на землю и, вися на рукахъ, не волочится за телѣгой по пыльной и теплой землѣ...

А на телѣгѣ стоитъ высокій мужикъ въ бѣлой рубахѣ, въ черной смушковой шапкѣ, изъ-подъ которой, перерѣзывая

ему лобъ, свѣсилась прядь ярко-рыжихъ волосъ; въ одной рукѣ онъ держитъ вожжи, въ другой—кнутъ и методически хлещетъ имъ разъ по спинѣ лошади и разъ по тѣлу маленькой женщины, и безъ того уже добитой до утраты человѣческаго образа. Глаза рыжаго мужика налиты кровью и блещутъ злымъ торжествомъ. Волосы оттѣняютъ ихъ зеленоватый цвѣтъ. Засученные по локти рукава рубахи обнажили крѣпкія, мускулистыя руки, густо поросшія рыжей шерстью; ротъ его открытъ, полонъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ, и порой мужикъ хрипло вскрикиваетъ:

— Н-ну... вѣ-ѣдьма! Гей! Н-ну! Ага! Разъ!.. Такъ ли, братцы?..

А сзади телѣги и женщины, привязанной къ ней, валомъ валитъ толпа и тоже кричитъ, вотъ, свищетъ, смѣется, улюлюкаетъ... подзадориваетъ... Бѣгутъ мальчишки... Иногда одинъ изъ нихъ забѣгаетъ впередъ и кричитъ въ лицо женщины циничныя слова. Тогда взрывъ смѣха въ толпѣ заглушаетъ всѣ остальные звуки и тонкій свистъ кнута въ воздухѣ... Идутъ женщины съ возбужденными лицами и сверкающими удовольствіемъ глазами... Идутъ мужчины и кричатъ что-то отвратительное тому, что̀ стоитъ въ телѣгѣ... Онъ оборачивается назадъ къ нимъ и хохочетъ, широко раскрывая ротъ. Ударъ кнутомъ по тѣлу женщины... Кнутъ, тонкій и длинный, обвивается около плеча и вотъ онъ захлеснулся подъ мышкой... Тогда мужикъ, который бьетъ, сильно дергаетъ кнутъ къ себѣ; женщина визгливо вскрикиваетъ и, опрокидываясь назадъ, падаетъ въ пыль спиной... Многіе изъ толпы подскакиваютъ къ ней и скрываютъ ее собой, наклоняясь надъ нею.

Лошадь останавливается, но черезъ минуту она снова идетъ, и вся избитая женщина попрежнему двигается за телѣгой. И жалкая лошадь, медленно шагая, все мотаетъ своей шершавой головой, точно хочетъ сказать:

— Вотъ какъ подло быть скотомъ! Во всякой мерзости могутъ заставить принять участіе...

А небо, южное небо, совершенно чисто,—ни одной тучки, и съ него лѣтнее солнце щедро льетъ свои жгучіе лучи...

. . . . . .

Это я написалъ не аллегорическое изображеніе гоненія и истязанія правды—нѣтъ, къ сожалѣнію, это не аллегорія. Это называется—*выводъ*. Такъ наказываютъ мужья женъ за измѣну; это бытовая картина, обычай,—и это я видѣлъ въ 1891-мъ году 15 іюля, въ деревнѣ Кандыбовкѣ, Херсонской губерніи.

1893.

СУПРУГИ ОРЛОВЫ.

...Почти каждую субботу передъ всенощной изъ двухъ оконъ подвала стараго и грязнаго дома купца Петунникова на тѣсный дворъ, заваленный разною рухлядью и застроенный деревянными, покосившимися, отъ времени службами, рвались ожесточенные женскіе крики:

— Стой! Стой, пропойца, дьяволъ!—низкимъ контральто кричала женщина.

— Пусти!—отвѣчалъ ей теноръ мужчины.

— Не пущу, не пущу я тебя, изверга!

— Вр-решь! пустишь!

— Убей меня, не пущу!

— Ты? Вр-решь, еретица!

— Батюшки! Убилъ... Ба-атюшки!

— Пу-устишь!

— Добивай, звѣрь, доколачивай!

— Подождешь... не сразу!

При первыхъ же крикахъ Сенька Чижикъ, ученикъ маляра Сучкова, цѣлыми днями растиравшій краски въ одномъ изъ сарайчиковъ на дворѣ, стремглавъ вылеталъ оттуда и, сверкая глазенками, черными, какъ у мыши, во все горло оралъ:

— Сапожники Орловы стражаются! Ухъ ты!

Страстный любитель всевозможныхъ происшествій, Чижикъ подбѣгалъ къ окнамъ квартиры Орловыхъ, ложился животомъ на землю и, свѣсивъ внизъ свою лохматую, озорную голову съ бойкой, худой рожицей, выпачканной охрой и мумiей, жадными глазами смотрѣлъ внизъ, въ темную и сырую дыру, изъ которой пахло плѣсенью, варомъ и прѣлой кожей. Тамъ, на днѣ ея, яростно возились двѣ фигуры, хрипя, стоная и ругаясь.

— Убьешь вѣдь...—задыхаясь, предупреждала женщина.

— Н-ничего!—увѣренно и съ сосредоточенной злобой успокаивалъ ее мужчина.

Раздавались тяжелые, глухіе удары по чему-то мягкому, вздохи, взвизгиванія, напряженное кряхтѣнье человѣка, ворочающаго большую тяжесть.

— И-эхъ ты! Ка-акъ онъ ее колодкой-то саданулъ!—иллюстрировалъ Чижикъ ходъ событій въ подвалѣ, а собравшаяся вокругъ него публика—портные, судебный разсыльный Левченко, гармонистъ Кисляковъ и другіе любители безплатныхъ развлеченій—то и дѣло спрашивали Сеньку, въ нетерпѣніи дергая его за ноги и за штанишки, пропитанныя жирными красками:

— Ну? А теперь что̀? Какъ онъ ее?

— Сидитъ на ней верхомъ и мордой ее въ полъ тычетъ...—докладывалъ Сенька, сладострастно поеживаясь отъ переживаемыхъ имъ впечатлѣній...

Публика тоже наклонялась къ окнамъ Орловыхъ, охваченная горячимъ стремленіемъ самой видѣть всѣ детали боя; и хотя она уже давно знала пріемы Гришки Орлова, употребляемые имъ въ войнѣ съ женой, но все-таки изумлялась:

— Ахъ, дьяволъ! Разбилъ?

— Весь носъ въ кровь... такъ и текётъ!—захлебываясь, сообщалъ Сенька.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой!—восклицали женщины.—Ахъ, извергъ-мучитель!

Мужчины разсуждали болѣе объективно.

— Безпремѣнно онъ ее долженъ до смерти забить...—говорили они.

А гармонистъ тономъ провидца заявлялъ:

— Помяните мое слово—ножомъ распотрошитъ онъ ее! Устанетъ когда-нибудь возиться вотъ этакимъ манеромъ, да сразу и кончитъ всю музыку!

— Кончилъ!—вскакивая съ земли, вполголоса сообщалъ Сенька и мигомъ отлеталъ отъ оконъ куда-нибудь въ сторону, въ уголокъ, гдѣ занималъ новый наблюдательный постъ, зная, что сейчасъ долженъ выйти на дворъ Гришка Орловъ.

Публика быстро расходилась, не желая попадаться на глаза свирѣпаго сапожника; теперь, по окончаніи сраженія, онъ терялъ въ ея глазахъ всякій интересъ и, вмѣстѣ съ этимъ, былъ не безопасенъ.

Обыкновенно на дворѣ не было уже ни одной живой души, кромѣ Сеньки, когда Орловъ являлся изъ своего подвала. Тяжело дыша, въ разорванной рубахѣ, съ растрепанными волосами на головѣ, съ царапинами на потномъ и возбужден-

номъ лицѣ, онъ исподлобья оглядывалъ дворъ налитыми кровью глазами и, заложивъ руки за спину, медленно шелъ къ старымъ розвальнямъ, лежавшимъ кверху полозьями у стѣны дровяного сарая. Иногда онъ при этомъ ухарски посвистывалъ и такъ смотрѣлъ по сторонамъ, точно имѣлъ намѣреніе вызвать на бой все населеніе дома Петунникова. Затѣмъ онъ садился на полозья розваленъ, отиралъ рукавомъ рубахи потъ и кровь съ лица и замиралъ въ усталой позѣ, тупо глядя на стѣну дома, грязную, съ облѣзлою штукатуркой и съ разноцвѣтными полосами красокъ,—маляры Сучкова, возвращаясь съ работы, имѣли обыкновеніе чистить кисти объ эту часть стѣны.

Орлову было лѣтъ подъ тридцать. Бронзовое нервное лицо съ тонкими чертами украшали маленькіе темные усы, рѣзко оттѣняя его полныя, красныя губы. Надъ большимъ хрящеватымъ носомъ почти срастались густыя брови; изъ-подъ нихъ смотрѣли всегда безпокойно горѣвшіе черные глаза. Средняго роста, немного сутулый отъ своей работы, мускулистый и горячій, онъ, долго сидя на розвальняхъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, разсматривалъ раскрашенную стѣну, глубоко дыша здоровой, смуглой грудью.

Солнце уже сѣло, но на дворѣ душно; пахнетъ масляной краской, дегтемъ, кислой капустой и какой-то гнилью. Изъ всѣхъ оконъ обоихъ этажей дома на дворъ льются пѣсни и брань, иногда чья-нибудь испитая физіономія съ минуту разсматриваетъ Орлова, высунувшись изъ-за косяка, и исчезаетъ, усмѣхаясь.

Являются маляры съ работы; проходя мимо Орлова, они искоса смотрятъ на него, перемигиваются между собой и, наполняя дворъ бойкимъ костромскимъ говоромъ, собираются кто въ баню, кто въ кабакъ. Сверху изъ второго этажа сползаютъ на дворъ портные—народъ полуодѣтый, худосочный и кривоногій,—начинаютъ подтрунивать надъ костромичами-малярами за ихъ горохомъ разсыпающуюся рѣчь. Весь дворъ наполняется шумомъ, бойкимъ и живымъ смѣхомъ, шутками... Орловъ сидитъ въ своемъ углу и молчитъ, ни на кого не глядя. Никто не подходитъ къ нему и никто не рѣшается пошутить надъ нимъ, ибо знаютъ, что теперь онъ—звѣрь лютый.

Онъ сидитъ, весь охваченный глухой и тяжелой злобой, которая давитъ ему грудь, затрудняя дыханіе, и ноздри его порой хищно вздрагиваютъ, а губы искривляются, обнажая два ряда крѣпкихъ и крупныхъ желтыхъ зубовъ. Въ немъ растетъ что-то безформенное и темное, красныя, мутныя пятна

плаваютъ предъ его глазами, тоска и жажда водки сосетъ его внутренности. Онъ знаетъ, что, когда онъ выпьетъ, ему будетъ легче, но пока еще свѣтло, и ему стыдно итти въ кабакъ въ такомъ оборванномъ и истерзанномъ видѣ по улицѣ, гдѣ всѣ знаютъ его, Григорія Орлова.

Онъ знаетъ себѣ цѣну и не хочетъ выходить на всеобщее посмѣшище, но и пойти домой, чтобы одѣться и умыться, онъ тоже не можетъ. Тамъ, на полу, лежитъ избитая жена, а она ему теперь всячески противна.

Она тамъ стонетъ и чувствуетъ, что она мученица и что она права предъ нимъ,—онъ знаетъ это. Онъ знаетъ и то, что она дѣйствительно права, а онъ виноватъ; это еще болѣе усиливаетъ его ненависть къ ней, потому что рядомъ съ этимъ сознаніемъ въ душѣ его кипитъ злобное темное чувство, и оно сильнѣе сознанія. Въ немъ все смутно и тяжело, и онъ безвольно отдается тяжести своихъ внутреннихъ ощущеній, не умѣя разобраться въ нихъ и зная, что только полбутылочки водки могутъ облегчить его.

Вотъ идетъ гармонистъ Кисляковъ. Онъ въ плисовой безрукавкѣ, въ красной шелковой рубашкѣ, въ шароварахъ, заправленныхъ въ щегольскіе сапоги. Подъ мышкой у него гармоника въ зеленомъ мѣшкѣ, черненькіе усики закручены въ стрѣлки, картузъ ухарски надѣтъ набекрень и все лицо сіяетъ удалью и весельемъ. Орловъ любитъ его за удальство, за игру и за веселый характеръ и завидуетъ его легкой, беззаботной жизни.

„Съ по-бѣд-дой, Гриша, поздравляю
„И съ расцар-рапанной щекой!“

Орловъ не сердится на него за эту шутку, хотя онъ уже слышалъ ее разъ пятьдесятъ, да гармонистъ и не со зла говоритъ это, а просто потому, что шутить любитъ.

— Что̀, братъ! Опять Плевна была?—спрашиваетъ Кисляковъ, останавливаясь на минутку передъ сапожникомъ.—Эхъ, ты, Гриня, спѣла дыня! Шелъ бы ты туда, куда всѣмъ намъ дорога... Клюнули бы мы съ тобой.

— Я скоро...—не поднимая головы, говоритъ Орловъ.

— Жду и страдаю по тебѣ...

Вскорѣ за нимъ уходитъ и Орловъ.

Тогда изъ подвала, держась за стѣны, выходитъ маленькая, полная женщина. Голова у нея плотно закутана платкомъ, и изъ отверстія на лицѣ смотритъ только одинъ глазъ, кусокъ щеки и лба. Пошатываясь, она идетъ черезъ дворъ и садится на то мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ сидѣлъ

ея мужъ. Ея появленіе никого не удивляетъ—къ этому привыкли, и всѣ знаютъ, что она просидитъ тутъ до той поры, пока Гришка, пьяный и настроенный на покаянный ладъ, не появится изъ кабака. Она выходитъ на дворъ потому, что въ подвалѣ душно, и для того, чтобы свести съ лѣстницы пьянаго Гришку. Лѣстница—полусгнившая и крутая; однажды Гришка упалъ съ нея и вывихнулъ себѣ руку, такъ что недѣли двѣ не работалъ, и за это время, чтобы прокормиться, они заложили почти всѣ пожитки.

Съ той поры Матрена и караулила его.

Иногда кто-нибудь со двора подсаживается къ ней, чаще всѣхъ Левченко—усатый унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, разсудительный и степенный хохолъ съ гладко остриженной головой и сизымъ носомъ. Онъ садится и, позѣвывая, спрашиваетъ:

— Снова подрались?

— А тебѣ что?—недружелюбно и задорно говоритъ Матрена.

— А ничего!—объясняетъ хохолъ, и послѣ этого оба они долго молчатъ.

Матрена тяжело дышитъ, и въ груди у нея что-то хрипитъ.

— И чего вы все воюете? Чего бъ вамъ дѣлить?—начинаетъ разсуждать хохолъ.

— Наше дѣло...—кратко говоритъ Матрена Орлова.

— Ваше, это такъ...—соглашается Левченко и даже кивается головой въ подтвержденіе сказаннаго.

— Такъ чего же ты лѣзешь ко мнѣ?—резонно заявляетъ Орлова.

— Фу ты... какая! И слова ей не скажи! Какъ посмотрю я на васъ—пара вы съ Гришкой! Батогами бы васъ лупить надо каждый день—разъ поутру и разъ вечеромъ—вотъ что! Были бы тогда оба не такіе ежи...

И, разсерженный, онъ уходитъ прочь отъ нея, чѣмъ она очень довольна: по двору давно уже ходитъ говоръ, что хохолъ не даромъ къ ней ластится, и она зла на него, на него и на всѣхъ людей, которые суются не въ свое дѣло. А хохолъ идетъ въ уголъ двора своей прямой солдатской походкой, бодрый и сильный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

Вотъ откуда-то къ нему подъ ноги подвертывается Чижикъ.

— Она тоже, дяденька, рѣдька, Орлиха-то!—вполголоса сообщаетъ онъ Левченкѣ, хитро подмигивая туда, гдѣ сидитъ Матрена.

— Вотъ я тебѣ такую пропишу, гдѣ нужно, рѣдьку!— усмѣхаясь въ усы, грозитъ хохолъ. Онъ любитъ бойкаго Чижика и внимательно слушаетъ его, зная, что Чижику извѣстны всѣ тайны двора.

— Около нея не обрыбишься,—не обращая вниманія на угрозу, поясняетъ Чижикъ. — Максимка-маляръ пробовалъ, цыкъ она его такъ смазала! Я самъ слышалъ... здорово! Прямо по харѣ... какъ по барабану!

Полуребенокъ, полувзрослый, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, живой и впечатлительный, онъ, какъ губка влагу, жадно впитываетъ въ себя грязь окружающей его жизни, и на лбу у него уже есть тонкая морщинка, указывающая на то, что Ленька Чижикъ думаетъ.

... На дворѣ темно. Надъ нимъ сіяетъ весь въ блескѣ звѣздъ квадратный кусокъ синяго неба, и окруженный высокими стѣнами дворъ кажется глубокой ямой, когда съ него смотришь вверхъ. Въ одномъ углу этой ямы сидитъ маленькая женская фигурка, отдыхая отъ побоевъ и ожидая пьянаго мужа...

Орловы были женаты четвертый годъ. Былъ у нихъ ребенокъ, но, проживъ около полутора года, умеръ; они оба недолго горевали о немъ, быстро успокоившись въ надеждѣ имѣть другого. Подвалъ, въ которомъ они помѣщались, представлялъ собою большую, продолговатую, темную комнату со сводчатымъ потолкомъ. Прямо у двери стояла большая русская печь, челомъ къ окнамъ; между нею и стѣной узенькій проходъ велъ къ квадратъ, освѣщенный двумя окнами, выходившими во дворъ. Свѣтъ падалъ изъ нихъ въ подвалъ косыми, мутными полосами, и въ комнатѣ было сыро, глухо и мертво. Жизнь билась гдѣ-то тамъ далеко наверху, а сюда залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью въ яму къ Орловымъ какими-то безформенными и безцвѣтными хлопьями. Противъ печи по стѣнѣ стояла деревянная двухспальная кровать за ситцевымъ пологомъ, коричневымъ съ розовыми цвѣтами; противъ кровати у другой стѣны—столъ, на которомъ пили чай и обѣдали, а между кроватью и стѣной въ двухъ полосахъ свѣта супруги работали.

По стѣнамъ лѣниво путешествовали тараканы, объѣдая хлѣбный мякишъ, которымъ были приклеены къ штукатуркѣ разныя картинки изъ старыхъ журналовъ; унылыя мухи лежали повсюду, скучно жужжа, и засиженныя ими картинки пестрѣли темными пятнами съ грязно-сѣраго фона стѣнъ.

День Орловыхъ начинался такъ: часовъ въ шесть утра

Матрена просыпалась, умывалась и ставила самоваръ, р
разъ искалѣченный въ пылу дракъ и весь покрытый запла
тами изъ олова. Пока кипѣлъ самоваръ, она убирала ко
нату, ходила въ лавочку, потомъ будила мужа; онъ вставал
умывался, а самоваръ уже стоялъ на столѣ, шипя и курлыка
Садились пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, котораго съѣдал
вдвоемъ фунтъ.

Григорій работалъ хорошо, и работа у него была всегда
за чаемъ онъ распредѣлялъ ее. Онъ дѣлалъ чистую работу
требовавшую руки мастера, жена сучила дратву, подклеивал
поднарядъ, дѣлала набойки на стоптанные каблуки и том
подобныя мелочи. За чаемъ же обсуждался обѣдъ. Зимо
когда надо ѣсть больше, это былъ довольно интересный во
просъ; лѣтомъ изъ экономіи печь топили только по праздни
камъ и то не всегда, питались же преимущественно разным
окрошками изъ кваса, съ добавленіемъ луку, соленой рыбы
иногда мяса, свареннаго у кого-нибудь на дворѣ. Кончив
чай, садились работать: Григорій на квашенку, обитую коже
и съ трещиной на боку, жена рядомъ съ нимъ—на низень
кую скамейку.

Сначала работали молча—о чемъ имъ было говорить? Не
рекинутся парой словъ, относящихся къ работѣ, и молчат
по получасу и больше. Стучитъ молотокъ, шипитъ дратва
продергиваемая сквозь кожу. Григорій иногда зѣвнетъ и не
премѣнно заключитъ зѣвокъ протяжнымъ ревомъ или воемъ
Матрена вздыхаетъ и молчитъ. Иногда Орловъ запѣвал
пѣсню. Голосъ у него былъ рѣзкій, съ металлическимъ тем
бромъ. но пѣть онъ умѣлъ. Слова пѣсни то собирались в
жалобный и быстрый речитативъ и, какъ бы боясь не дого
ворить того, что хотѣли сказать, стремительно рвались из
Гришкиной груди, то вдругъ растягивались въ грустны
вздохи или—съ воплемъ: „эхъ!“—тоскливые и громкіе, летѣл
изъ окна на дворъ. Матрена подтягивала мужу своимъ мяг
кимъ контральто. Лица у обоихъ становились задумчивыми
печальными, темные глаза Гришки подергивались влагой
Жена его, погруженная въ звуки, какъ-то тупѣла, сидя точн
въ полуснѣ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, а иногд
она точно захлебывалась пѣсней, разрывая средину нот
паузой, и снова продолжала вести ее въ унисонъ голоса мужа
Оба они во время пѣнія не чувствовали присутствія друг
друга, стараясь излить въ чужихъ словахъ пустоту и скук
своей темной жизни, хотѣли, быть-можетъ, оформить этим
словами тѣ полусознательныя мысли и ощущенія, которы
зарождались въ ихъ душахъ.

Порой Гришка импровизировалъ:

Э-охъ, ты. жи-изнь... эхъ, да ужъ ты, жизнь моя треклятая...
Да ты, тоска-а! Эхъ, и ты, тоска моя проклятая,
Проклятущая тоска-а-а!..

Матренѣ эти импровизаціи не нравились, и она обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашивала его:

— Чего ты завылъ, какъ пёсъ передъ покойникомъ?

Онъ почему-то тотчасъ же сердился на нее:

— Тупорылая хавронья! Что̀ ты можешь понимать? Кикимора болотная!

— Вылъ, вылъ, да и залаялъ...

— Молчать твое дѣло! Я кто—подмастерье, что ли, твой, что ты мнѣ рацен-то начитывать суешься, а?..

Матрена, видя, что у него напрягаются жилы на шеѣ и что глаза блещутъ гнѣвомъ,—молчала, молчала долго, демонстративно не отвѣчая на вопросы мужа, гнѣвъ котораго гасъ такъ же быстро, какъ и вспыхивалъ.

Она отвертывалась отъ его взглядовъ, искавшихъ примиренія съ ней, ожидавшихъ ея улыбки, и вся была полна трепетнаго чувства боязни, что онъ вновь разсердится на нее за эту игру съ нимъ. Но въ то же время сердиться на него и видѣть его стремленіе къ миру съ ней для нея было пріятно,—вѣдь это значило жить, думать, волноваться...

Оба они—молодые и здоровые люди—любили другъ друга и гордились другъ другомъ... Гришка былъ такой сильный, горячій, красивый, а Матрена—бѣлая, полная, съ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ,—„ядреная баба“, какъ говорили о ней на дворѣ. Они любили другъ друга, но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа—волноваться, думать, горѣть—вообще жить. Ибо при условіи отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній и одухотворяющихъ жизнь интересовъ мужъ и жена—даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа—роковымъ образомъ должны опротивѣть другъ другу. Это законъ, столь же неизбѣжный, какъ и справедливый. Если бъ у Орловыхъ была жизненная цѣль, хоть бы такая узкая, какъ накопленіе денегъ грошъ за грошомъ, тогда, несомнѣнно, имъ жилось бы легче.

Но у нихъ не было и этого.

Постоянно одинъ у другого на глазахъ, они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого.

День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего что развлекало бы ихъ. Иногда, по праздникамъ, они ходил въ гости къ такимъ же нищимъ духомъ, какъ сами, иногд къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, часто—дрались. потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дн какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей жизнь этихъ люде работой, скукой и безмысленнымъ раздраженіемъ другъ про тивъ друга.

Иногда Гришка говорилъ:

— Вотъ такъ жизнь, вѣдьма ея бабушка! И зачѣмъ толь она мнѣ далась? Работища да скучища, скучища да рабо тища...—И, помолчавъ, съ поднятыми къ потолку глазами съ блуждающей улыбкой, онъ продолжалъ:—Родила меня мат по волѣ Божіей... супротивъ этого ничего не скажешь! На учился я мастерству... это вотъ зачѣмъ? Али, кромѣ меня мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что Какое въ этомъ для меня удовольствіе?.. Сижу въ ямѣ шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ от холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтоб я жилъ, шилъ и померъ, а?

Матрена молчала, чувствуя въ словахъ мужа что-то страш ное; но порой она просила его не говорить такихъ слов потому что они противъ Бога, Который ужъ знаетъ, как устроить человѣку жизнь. А иногда, будучи не въ духѣ, он скептически заявляла мужу:

— А ты бы вотъ не пилъ винища-то—и жилось бы теб веселѣе, и не лѣзли бы въ голову-то этакія мысли. Друг живутъ—не жалуются, а копятъ денежки да свои мастер скія на нихъ заводятъ и живутъ потомъ уже сами-то, как господа.

— И выходишь ты за такія деревянныя твои слова—чор това кукла! Раскинь мозгами-то, развѣ я могу не пить, кол въ этомъ моя радость? Другіе! Много ты ихъ, другихъ-то этакихъ удачливыхъ знаешь? А я развѣ до женитьбы тако былъ? Это, ежели по совѣсти говорить, такъ ты меня сосещ и жизнь мнѣ тѣснишь... У, жаба!

Матрена обижалась, но чувствовала, что мужъ ея прав Въ пьяномъ видѣ онъ и веселый и ласковый,—другіе был плодомъ ея фантазіи,—и до женитьбы онъ былъ не таковъ Тогда это былъ весельчакъ, занятный и добрый... А тепер сталъ сущій звѣрь.

„Почему это? Неужто и впрямь я ему тяжела?“—думал она.

Сердце ея сжималось отъ этой горькой думы, ей становилось жаль себя и его: она подходила къ нему и, ласково, любовно заглядывая ему въ глаза, плотно прижималась къ его груди.

— Ну, теперь будетъ лизаться, корова...—угрюмо говорилъ Гришка и показывалъ видъ, что хочетъ оттолкнуть ее отъ себя; но она уже знала, что онъ этого не сдѣлаетъ, и еще ближе, еще крѣпче жалась къ нему.

Тогда у него вспыхивали глаза, онъ бросалъ на полъ работу и, посадивъ жену къ себѣ на колѣни, цѣловалъ ее много и долго, вздыхая во всю грудь и говоря вполголоса, точно боясь, что его подслушаетъ кто-то:

— Э-эхъ, Мотря! Живемъ мы съ тобой ай-ай какъ плохо... Какъ звѣрье грыземся... А почему? Такая звѣзда моя... подъ звѣздой родится человѣкъ, и звѣзда—судьба его!

Но это объясненіе не удовлетворяло его, и, прижавъ жену къ груди, онъ задумывался.

Они подолгу сидѣли такъ въ мутномъ свѣтѣ и спертомъ воздухѣ своего подвала. Она молчала, вздыхая, но иногда въ такіе хорошіе моменты ей вспоминались незаслуженные обиды и побои, понесенные отъ него, и она съ тихими слезами жаловалась ему на него.

Тогда онъ, смущенный ея ласковыми упреками, еще горячѣе ласкалъ ее, а она все болѣе разливалась въ жалобахъ. Это наконецъ опять-таки раздражало его.

— Будетъ скулить! Мнѣ, можетъ-быть, въ тысячу разъ больнѣе, когда я тебя бью. Понимаешь? Ну и помолчи. Вашей сестрѣ дай волю, такъ вы и за горло. Брось разговоры. Что ты можешь сказать человѣку, ежели ему жизнь осточертѣла?

Въ другое время онъ смягчался подъ потокомъ ея тихихъ слезъ и страстныхъ жалобъ и уныло, задумчиво объяснялъ:

— Что я съ моимъ характеромъ подѣлаю? Обижаю я тебя... это вѣрно. Знаю, что ты у меня одна душа... ну, не всегда я это помню. Понимаешь, Мотря, иной разъ глаза бы мои на тебя не смотрѣли! Въ родѣ какъ бы объѣлся я тобой. И подступитъ мнѣ въ ту пору подъ сердце этакое зло—разорвалъ бы я тебя, да и себя заодно. И чѣмъ ты предо мной правѣе, тѣмъ мнѣ больше бить тебя хочется...

Она едва ли понимала его, но кающійся и ласковый тонъ успокаивалъ ее.

— Богъ дастъ, какъ-нибудь поправимся, привыкнемъ,—говорила она, не сознавая, что они уже давно привыкли и исчерпали другъ друга.

— Вотъ ежели бы дитё у насъ родилось—было бы лучше

намъ...—вздыхая, заявляла она иногда.—Была бы у насъ и забава и забота.

— Такъ чего же ты? Рожай...

— Да... вѣдь при такихъ твоихъ побояхъ—не могу я принести. Очень ужъ ты по животу и по бокамъ больно бьешь... Хоть бы ногами-то не билъ...

— Ну,—угрюмо и сконфуженно оправдывался Григорій,—развѣ можно въ этомъ разѣ соображать, чѣмъ, по чему бить надо? Да и я не палачъ какой... и не для удовольствія бью, а отъ тоски...

— И отчего она завелась въ тебѣ, тоска эта?—грустно спрашивала Матрена.

— Судьба такая, Мотря!—философствовалъ Гришка.—Судьба и характеръ души... Гляди, хуже я другихъ, хохла, къ примѣру? Однако хохолъ живетъ и не тоскуетъ. Одинъ онъ, ни жены, никого... Я бы подохъ безъ тебя... А онъ ничего! Онъ куритъ трубку и улыбается; доволенъ, дьяволъ, и тѣмъ, что трубку куритъ. А я такъ не могу... я родился, видно, съ безпокойствомъ въ сердцѣ. Характеръ у меня такой... У хохла онъ—какъ палка, а у меня—какъ пружина; нажмешь на него—дрожитъ... Выйду я, къ примѣру, на улицу, вижу то, другое, третье, а у меня ничего нѣтъ. Это мнѣ обидно. Хохлу—тому ничего не надо, а мнѣ и то обидно, что онъ, усатый чортъ, ничего не хочетъ, а я... и не знаю даже, чего хочу... всего! Н-да... Я сижу вотъ въ ямѣ и все работаю, и ничего нѣтъ у меня. Опять же и ты... Жена ты мнѣ, а что въ тебѣ занятнаго? Баба, какъ баба, со всѣмъ бабьимъ наборомъ... Знаю я все въ тебѣ; какъ ты чихнешь завтра—и то знаю, потому ты ужъ тысячу разъ, можетъ, при мнѣ чихала... Какая же поэтому у меня можетъ быть жизнь и какой интересъ? Нѣтъ интересу. Ну, я и иду въ трактиръ, потому что тамъ весело.

— А ты зачѣмъ же женился?—спрашивала Матрена.

— Зачѣмъ?—Гришка усмѣхался.—Чортъ меня знаетъ зачѣмъ... не надо бы, ежели по совѣсти сказать... Въ босяки бы лучше уйти... Тамъ хоть голодно, да свободно—иди куда хочешь! Шагай по всей землѣ!..

— Такъ иди, а меня отпусти на волю,—заявляла Матрена, готовая разревѣться.

— Это куда?—внушительно спрашивалъ Гришка.

— А мое дѣло.

— Ку-уда?—и глаза у него зловѣще разгорались.

— Не ори,—не боюсь...

— Али присмотрѣла себѣ кого? Говори!

— Пусти!

— Куда пустить?—ревѣлъ Гришка.

Онъ уже держалъ ее за волосы, сбивъ платокъ съ ея го-
вы. Побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое на-
жденіе, возбуждая всю ея душу, и она, вмѣсто того, чтобы
умя словами угасить его ревность, еще болѣе подзадори-
ла его, улыбаясь ему въ лицо странными, многозначитель-
ми улыбками. Онъ бѣсился и билъ ее, безпощадно билъ.
А ночью, когда она, вся изломанная и измятая, стоная,
кала на постели рядомъ съ нимъ, онъ искоса смотрѣлъ
нее и тяжело вздыхалъ. Ему было скверно, совѣсть му-
ла его, онъ понималъ, что его ревность не имѣетъ осно-
ній и что онъ напрасно избилъ ее.

— Ну, будетъ ужъ...—сконфуженно говорилъ онъ.—Али я
новатъ? Да и ты тоже хороша... Вмѣсто того, чтобъ меня
оворить—подзадориваешь. Зачѣмъ это тебѣ надобно?

Она молчала, но она знала зачѣмъ, знала, что теперь ее,
битую и оскорбленную, ожидаютъ его ласки, страстныя и
жныя ласки примиренія. За это она готова была ежедневно
атить болью въ избитыхъ бокахъ. И она плакала уже отъ
ной только радости ожиданія, прежде чѣмъ мужъ успѣвалъ
икоснуться къ ней.

— Ну, полно, Мотря! Ну, голубушка, а? Полно, прости
ъ!—Онъ гладилъ ея волосы, цѣловалъ ее и скрипѣлъ зу-
ми отъ горечи, наполнявшей все его существо.

Окна ихъ были открыты, но небо закрывала капитальная
ѣна сосѣдняго дома, и въ комнатѣ ихъ, какъ и всегда,
ло и темно, и душно, и тѣсно.

— Эхъ, жизнь! Каторга ты великолѣпная!—шепталъ Гришка,
будучи въ состояніи высказать того, что̀ съ болью чув-
вовалъ.—Отъ ямы это, Мотря. Что̀ мы? Въ родѣ какъ бы
ежде смерти въ землю похоронены...

— Переѣдемъ на другую квартиру,—сквозь сладкія слезы
едлагала Матрена, понимая его слова буквально.

— Э-эхъ! Не то, тётенька! Хоть на чердакъ заберись, все
ямѣ будешь... не квартира—яма... жизнь—яма!

Матрена задумывалась и опять говорила:

— Богъ дастъ, можетъ, и поправимся... привыкнемъ.

— Да, поправимся... Часто ты это говоришь. А дѣло-то у
съ, Мотря, не на поправку идетъ... Скандалы-то все чаще,—
нимаешь?

Это было вѣрно. Промежутки между ихъ ссорами все со-
ащались, и вотъ наконецъ каждую субботу еще съ утра
ришка уже настраивался враждебно къ своей женѣ.

— Сегодня вечеромъ пошабашу и въ трактиръ къ Лысом
Напьюсь...—объявлялъ онъ.

Матрена, странно щуря глаза, молчала.

— Молчишь? И ужо вотъ такъ же молчи, цѣлѣе будешь
предупреждалъ онъ.

Въ теченіе дня онъ съ озлобленіемъ, возраставшимъ
мѣрѣ приближенія вечера все болѣе, нѣсколько разъ на
миналъ ей о своемъ намѣреніи напиться, чувствовалъ,
ей больно это слышать, и, видя, какъ она, сосредоточен
молчаливая, съ твердымъ блескомъ въ глазахъ, готовая
роться, ходитъ по комнатѣ, еще болѣе свирѣпѣлъ.

Вечеромъ вѣстникъ ихъ несчастія, Сенька Чижикъ, о
являлъ о „страженіи“.

Избивъ жену, Гришка исчезалъ иногда на всю ночь, ино
не являлся и въ воскресенье. Она, вся въ синякахъ, вст
чала его суровая, молчаливая, но полная скрытой жало
къ нему, оборванному, часто тоже избитому, въ грязи,
налитыми кровью глазами.

Она знала, что ему надо опохмелиться, и у нея уже бы
припасено полбутылки водки. Онъ тоже зналъ это.

— Дай рюмочку...—хрипло просилъ онъ, пилъ двѣ-тр
садился работать...

День проходилъ у него въ угрызеніяхъ совѣсти: часто
не выносилъ ихъ остроты, бросалъ работу и ругался стра
ными ругательствами, бѣгая по комнатѣ или валяясь на
стели. Мотря давала ему время перекипѣть, тогда они
рились.

Раньше это примиреніе имѣло въ себѣ много остраго
сладкаго, но отъ времени все это постепенно выдыхалось,
мирились уже почти только потому, что неудобно же бы
молчать всѣ пять дней вплоть до субботы.

— Сопьешься ты,—вздыхая, говорила Мотря.

— Сопьюсь,—подтверждалъ Гришка и сплевывалъ въ с
рону съ видомъ человѣка, которому рѣшительно все рав
спиться или не спиться.—А ты отъ меня удерешь...—доп
нялъ онъ картину будущаго, пытливо глядя ей въ глаза.

Она съ нѣкоторыхъ поръ стала опускать ихъ, чего раньш
не дѣлала, а Гришка, видя это, зловѣще хмурилъ брови
тихонько скрипѣлъ зубами. Но, тайкомъ отъ мужа, она по
еще ходила къ гадалкамъ и знахаркамъ, принося отъ ни
наговорные корешки и угли. А когда все это не помог
она отслужила молебенъ святому великомученику Вонифат
помогающему отъ запоя, и во все время молебна, стоя
колѣняхъ, горячо плакала, беззвучно двигая дрожащими губа

И все чаще и чаще она чувствовала къ мужу дикую и лодную ненависть, возбуждающую въ ней черныя думы, и е менѣе жалѣла она этого человѣка, три года тому назадъ къ обогатившаго ея жизнь веселымъ смѣхомъ, ласками, бовными рѣчами.

Такъ изо дня въ день жили эти, въ сущности, недурные ди, жили, фатально ожидая чего-то такого, что̀ окончательно въ дребезги разобьетъ ихъ мучительно-нелѣпую жизнь...

Однажды въ понедѣльникъ утромъ, когда чета Орловыхъ лько-что напилась чаю, на порогѣ двери въ ихъ невеселое лище появилась внушительная фигура полицейскаго. Орвъ вскочилъ со своего сидѣнья и, подъ укоризненно-пуглимъ взглядомъ жены пытаясь возстановить въ своей пелъной головѣ событія послѣднихъ дней, молчаливо и упорно тавился на гостя мутными глазами, полный самыхъ скверхъ ожиданій.

— Сюда, сюда,—приглашалъ кого-то полицейскій.

— Темно, какъ въ омутѣ, чортъ бы побралъ купца Петункова,—раздался молодой и веселый голосъ. Потомъ полийскій посторонился, и въ комнату Орловыхъ быстро воелъ студентъ въ бѣломъ кителѣ, съ фуражкой въ рукѣ, адко остриженный, съ большимъ загорѣлымъ лбомъ и велыми карими глазами, смѣшливо сверкавшими изъ-подъ ковъ.

— Здравствуйте!—воскликнулъ онъ еще не окрѣпнувшимъ скомъ.—Честь имѣю представиться—санитаръ! Пришелъ вѣдомиться, какъ поживаете... и понюхать вашъ воздухъ... оздухъ у васъ совсѣмъ скверный!

Орловъ свободно вздохнулъ и радушно, весело улыбнулся. му сразу понравился этотъ шумный студентъ: лицо у него ло такое здоровое, розовое, доброе, покрытое на щекахъ и одбородкѣ русымъ пухомъ. Все оно улыбалось какою-то осонною, свѣжею и ясною улыбкой, отъ которой въ подвалѣ рловыхъ стало какъ бы свѣтлѣе и веселѣе.

— Ну-съ, господа хозяева!—безъ паузъ говорилъ студентъ,—помойку опрастывайте почаще, а то отъ нея идетъ отъ духъ невкусный. Я вамъ, тетенька, посовѣтовалъ бы ыть ее почаще, и еще насыпали бы негашеной извести въ лы для очистки воздуха... а также противъ сырости изсть помогаетъ. А у васъ, дяденька, почему такой скучный дъ?—обратился онъ къ Орлову и тутъ же, схвативъ его за ку, сталъ ощупывать пульсъ.

Бойкость студента какъ-то ошеломила Орловыхъ. Матрена

растерянно улыбалась, молча оглядывая его, Григорій т
улыбался, любуясь его живымъ лицомъ въ русомъ пуху.

— Животики у васъ какъ поживаютъ?—спрашивалъ тотъ
Разсказывайте, не стѣсняясь... дѣло житейское, а ежели ч
что неладно, мы васъ снабдимъ разными кислыми лѣк
ствами, и все какъ рукой сниметъ.

— Мы ничего... въ добромъ здоровьѣ,—сообщилъ на
нецъ Григорій, усмѣхаясь.—А ежели я не того... такъ
одна наружность... потому что, ежели по правдѣ говори
съ похмелья я нѣсколько.

— То-то я чую носомъ-то, что какъ будто бы вы, хозяи
чуть-чуть выпили вчера... самую малость, знаете...

Онъ до того уморительно произнесъ это и такую при это
скорчилъ рожу, что Орловъ такъ и прыснулъ довѣрчивы
и громкимъ смѣхомъ. Матрена тоже смѣялась, закрывая р
передникомъ. Веселѣе и громче всѣхъ смѣялся самъ с
дентъ и онъ же скорѣе всѣхъ и пересталъ. И когда расп
вились складки кожи около его пухлаго рта и около гла
складки, вызванныя смѣхомъ,—лицо его, простое и открыт
стало какъ-то еще проще.

— Выпить рабочему человѣку слѣдуетъ, ежели въ мѣ
но по нынѣшнимъ временамъ лучше совсѣмъ воздержат
отъ выпивки. Слышали, какая болѣзнь-то ходитъ меж
людьми?

И уже съ серьезною миною на лицѣ онъ понятнымъ яз
комъ началъ разсказывать Орловымъ о холерѣ и о мѣра
борьбы съ ней. Онъ говорилъ и расхаживалъ по комнатѣ,
щупая стѣну рукой, то заглядывая за дверь, въ уголъ, и
висѣлъ рукомойникъ и стояла лохань съ помоями, даже н
гнулся къ подпечку и понюхалъ, чѣмъ изъ него пахне
Голосъ у него то и дѣло срывался съ басовыхъ нотъ на
норовыя, и простыя слова его рѣчи какъ-то сами собой, бе
усилій со стороны слушателей, одно за другимъ плотно ук
дывались въ ихъ памяти. Свѣтлые глаза его горѣли, и в
онъ былъ пропитанъ пыломъ своей молодой страсти къ дѣ
которому онъ такъ просто и бодро служилъ.

Григорій съ улыбкой любопытства слѣдилъ за нимъ, М
трена то и дѣло фыркала носомъ, полицейскій исчезъ.

— Такъ насчетъ извести-то позаботьтесь сегодня же,
зяева. Тутъ рядомъ съ вами стройка, такъ каменщики ва
на пятакъ сколько угодно дадутъ. А отъ выпивки, ежели
въ мѣру, нужно воздержаться, хозяинъ... Н-ну, пока до с
данья... Я еще забѣгу къ вамъ...

И онъ исчезъ такъ же быстро, какъ и вошелъ, остави

какъ бы въ видѣ воспоминанія о своихъ смѣющихся глазахъ растерянныя и довольныя улыбки на лицахъ четы Орловыхъ.

Съ минуту они молчали, глядя другъ на друга и еще не умѣя оформить впечатлѣніе, оставленное этимъ внезапнымъ набѣгомъ сознательной энергіи на ихъ темную автоматическую жизнь.

— А-яй!—протянулъ Григорій, качая головой.—Вотъ такъ... химикъ! А про нихъ говорятъ, что они отравляютъ народъ! Да развѣ человѣкъ съ такой рожей будетъ этимъ заниматься? И опять же голосъ! И все прочее... Нѣтъ, тутъ совсѣмъ открытая манера, пришелъ и сразу—нà вотъ, вотъ онъ я! Известка... развѣ это вредно? Лимонная кислота... чтò такое? Просто кислота и больше ничего! И главное—чистота вездѣ, въ воздухѣ, и на полу, и въ лоханкѣ... Развѣ такими средствами можно отравить человѣка? Ахъ, черти! Отравители, говорятъ... Этакій-то рубаха-парень, а? Тьфу! Рабочему, говоритъ, человѣку въ мѣру выпить всегда слѣдуетъ... слышь, Мотря? Ну-ка, нацѣди мнѣ рюмочку... есть, что ли?

Она очень охотно налила ему полчашки водки изъ бутылки, неизвѣстно откуда взятой ею.

— Этотъ-то дѣйствительно хорошій... такой располагающій къ себѣ,—сказала она, улыбаясь при воспоминаніи о студентѣ.—А другіе-прочіе—кто ихъ знаетъ? Можетъ, и впрямь наняты они...

— Да для чего наняты-то и кѣмъ опять же?—воскликнулъ Григорій.

— Для людского истребленія... Говорятъ, что какъ бѣднаго люда очень много, то и вышло распоряженіе—травить лишнихъ,—сообщила Матрена.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ говорятъ... Стряпка отъ маляровъ говорила и другіе многіе...

— И дуры! Да развѣ это выгодно? Ты подумай: лѣчатъ! Это какъ понимать? Хоронятъ! А это развѣ не убытокъ? Тоже нуженъ гробъ, могила и прочее такое... Все идетъ на счетъ казны... Ер-рунда! Ежели бы хотѣли сдѣлать очистку и убавленіе людей, то взяли бы да и сослали ихъ въ Сибирь—тамъ мѣста про всѣхъ хватитъ! Или на необитаемые острова... И сославъ, приказали бы тамъ работать. Работай и плати подать... поняла? Вотъ тебѣ и очистка, и очень даже выгодно... Потому что необитаемый островъ никакого дохода не дастъ, ежели не засадить его людьми. А казнѣ—доходъ первое дѣло, значитъ, морить людей да хоронить ихъ на свой счетъ ей не рука... Поняла? И опять же студентъ... озорникъ

онъ, это точно, но онъ больше насчетъ бунта, а чтобы людей морить... нѣ-ѣтъ, его для такой игры не укупишь за всѣ мѣдныя! Развѣ сразу не видно, что онъ къ этому дѣлу не можетъ быть способенъ? Рыло у него не того калибра...

Цѣлый день они толковали о студентѣ и о всемъ, что онъ сообщилъ имъ. Вспоминали звукъ его смѣха, его лицо, нашли, что у него на кителѣ не хватало одной пуговицы, и едва не разругались изъ-за вопроса: „на какой сторонѣ груди?“. Матрена упорно утверждала, что на правой, ея мужъ говорилъ—на лѣвой—и уже дважды крѣпко ругнулъ ее, но, во-время вспомнивъ, что, наливая водку въ чашку, жена не подняла дно бутылки кверху, онъ уступилъ ей. Потомъ рѣшили съ завтрашняго дня заняться введеніемъ у себя чистоты и снова, овѣянные чѣмъ-то свѣжимъ, продолжали бесѣдовать о студентѣ.

— Нѣтъ, какой вѣдь хлюстъ!—восхищался Григорій.—Пришелъ—точно десять лѣтъ знакомы... Обнюхалъ все, разъяснилъ и... больше ничего! Ни крика ни шума, хотя вѣдь и онъ начальство тоже... Ахъ, раздуй его горой! Понимаешь, Матрена, тутъ, братъ, есть о насъ забота. Сразу видно... Желаютъ насъ сохранить въ цѣлости, а не то что что другое... Это все ерунда, насчетъ мора... бабьи сказки... Животъ, говоритъ, какъ дѣйствуетъ?.. А ежели моръ, такъ на кой ему чортъ дѣйствіе моего живота знать? А какъ онъ ловко разъяснилъ насчетъ этихъ... какъ ихъ? дьяволовъ-то, которые заползаютъ въ кишки, ну?

— Какъ-то въ родѣ небылицы,—усмѣхнулась Матрена.—Чай, это такъ только, для страха, чтобы насчетъ чистоты старался больше народъ...

— Ну, тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ, и правда... отъ сырости черви вѣдь заводятся же. Ахъ, ты, чортъ! Какъ ихъ, этихъ козяковъ? Совсѣмъ не небылицы, а... помню вѣдь какъ!.. На языкѣ вертится слово, а не поймаю...

Они и когда спать легли, такъ все еще говорили о событіи дня съ тѣмъ же наивнымъ воодушевленіемъ, съ какимъ дѣти дѣлятся между собой впервые пережитымъ и сильно поразившимъ ихъ впечатлѣніемъ. Такъ они и заснули среди разговора.

Поутру рано ихъ разбудили. У кровати ихъ стояла дородная стряпка маляровъ, и ея всегда красное, полное лицо противъ обыкновенія было сѣро и вытянуто.

— Что вы прокладаетесь?—торопливо говорила она, какъ-то особенно шлепая толстыми губами.—Холера-то вѣдь на дворѣ у насъ... Посѣтилъ Господь!—и она вдругъ заплакала.

— Ахъ, ты... врешь?—воскликнулъ Григорій.

— А я лоханку-то съ вечера не вынесла,—виновато сказала Матрена.

— Я, милые вы мои, хочу расчетъ взять. Уйду я... Уйду и уйду... въ деревню,—говорила стряпка.

— Да кого забрало-то?—спросилъ Григорій, поднимаясь съ постели.

— Гармониста! Его... Выпилъ, слышь, воды изъ фонтана вчера вечеромъ, въ ночь его и схватило... И схватило, сударики, прямо за животъ, въ родѣ какъ бы отъ мышьяка бываетъ...

— Гармонистъ...—бормоталъ Григорій. Ему не вѣрилось, чтобъ гармониста могла одолѣть какая-нибудь болѣзнь. Такой веселый, удалой парень, вчера онъ прошелъ по двору такимъ же павлиномъ, какъ и всегда.—Пойду, взгляну,—рѣшилъ Орловъ, недовѣрчиво усмѣхаясь.

Обѣ женщины испуганно вскрикнули:

— Гриша, вѣдь зараза!

— Что ты, батюшка, куда ты?

Григорій крѣпко выругался, сунулъ ноги въ опорки и растрепанный, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, пошелъ къ двери. Жена схватила его сзади за плечо, онъ чувствовалъ, что рука его дрожитъ, и вдругъ озлился почему-то.

— Въ морду дамъ! Прочь!—рявкнулъ онъ и ушелъ, толкнувъ жену въ грудь.

На дворѣ было тихо и пусто, и Григорій, идя къ двери гармониста, одновременно чувствовалъ и ознобъ страха, и острое удовольствіе отъ того, что изъ всѣхъ обитателей дома одинъ онъ идетъ къ больному гармонисту. Это удовольствіе еще болѣе усилилось, когда онъ замѣтилъ, что изъ оконъ второго этажа на него смотрятъ портные. Онъ даже засвисталъ, ухарски тряхнувъ головой. Но у двери въ каморку гармониста его ждало маленькое разочарованіе въ образѣ Сеньки Чижика.

Пріотворивъ дверь, онъ сунулъ свой острый носъ въ образовавшуюся щель и, по своему обыкновенію, наблюдалъ, увлеченный до такой степени, что обернулся только тогда, когда Орловъ дернулъ его за ухо.

— Вотъ такъ скрючило его, дяденька Григорій,—шопотомъ заговорилъ онъ, поднявъ на Орлова свою чумазую мордочку, еще болѣе обостренную переживаемымъ впечатлѣніемъ.—И въ родѣ какъ бы разсохся онъ... какъ худая бочка... ей-Богу!

Орловъ, охваченный зловоннымъ воздухомъ, стоялъ и молча слушалъ Чижика, стараясь заглянуть однимъ глазомъ въ щель непритворенной двери.

— Ежели бы воды ему дать напиться, дяденька Григорій?— предложилъ Чижикъ.

Орловъ взглянулъ на лицо мальчика, возбужденное почт до нервной дрожи, и самъ почувствовалъ въ себѣ какъ бы взрывъ возбужденія.

— Ступай, тащи воды!—скомандовалъ онъ Чижику и смѣло распахнувъ дверь, остановился на порогѣ, нѣсколько подавшись назадъ.

Сквозь туманъ въ глазахъ Григорій видѣлъ Кислякова гармонистъ въ своемъ парадномъ костюмѣ лежалъ грудью на столѣ, крѣпко вцѣпившись въ него руками, и его ноги въ лакированныхъ сапогахъ вяло двигались по мокрому полу.

— Кто это?—спросилъ онъ сипло и апатично, точно голосъ его слинялъ, потерялъ всѣ тона.

Григорій оправился и, осторожно шагая по полу, пошелъ къ нему, стараясь говорить бодро и даже шутливо.

— Я, братъ, Митрій Павловъ... А ты что это... переложилъ что ли, вчера?—Онъ внимательно, съ боязнью и любопытствомъ разсматривалъ Кислякова и не узнавалъ его.

Лицо у гармониста все обострилось, скулы торчали двумя рѣзкими углами, глаза глубоко ввалились и, окруженные зеленоватыми пятнами, были страшно неподвижны и мутны. Кожа на щекахъ была такого цвѣта, какою она бываетъ у покойниковъ въ жаркое лѣтнее время. Это было совсѣмъ мертвое, страшное лицо, и только медленное движеніе челюстей доказывало, что оно еще живо. Неподвижные глаза Кислякова долго смотрѣли въ лицо Григорія, и этотъ ихъ мертвый взглядъ наводилъ на него ужасъ. Зачѣмъ-то ощупывая свои бока руками, Орловъ стоялъ шагахъ въ трехъ отъ больного и чувствовалъ, что его точно кто-то схватилъ за горло сырой и холодной рукой, схватилъ и медленно душитъ. И ему захотѣлось скорѣе уйти изъ этой комнатки, прежде такой свѣтлой и уютной, а теперь пропитанной какимъ-то удушающимъ запахомъ гнили и страннымъ холодомъ.

— Ну...—началъ-было онъ, приготовляясь отступать. Но сѣрое лицо гармониста странно задвигалось, губы, покрытыя чернымъ налетомъ, раскрылись, и онъ сказалъ своимъ безъ звучнымъ голосомъ:

— Это... я... умираю...

Глубокое равнодушіе, неизъяснимая апатія трехъ его словъ отдались въ головѣ и груди Орлова, какъ три тупыхъ удара. Съ безсмысленной гримасой на лицѣ, онъ повернулся къ двери, но навстрѣчу ему влетѣлъ Чижикъ, съ ведромъ въ рукѣ, запыхавшійся и весь въ поту.

— Вота... изъ колодца отъ Спиридонова... не давали, черти...

Онъ поставилъ ведро на полъ, бросился куда-то въ уголъ, снова явился и, подавая стаканъ Орлову, продолжалъ тараторить:

— У васъ, говорятъ, холера... Я говорю: ну, такъ что? И у васъ будетъ... теперь ужъ она пойдетъ чесать, какъ въ слободкѣ... Дыкъ онъ меня какъ ахнетъ по башкѣ!..

Орловъ взялъ стаканъ, зачерпнулъ изъ ведра воды и однимъ глоткомъ выпилъ ее. Въ ушахъ его звучали мертвыя слова:

— Это... я... умираю...

А Чижикъ вьюномъ вертѣлся около него, чувствуя себя какъ нельзя болѣе въ своей сферѣ.

— Дайте пить...—сказалъ гармонистъ, двигаясь по полу вмѣстѣ со столомъ.

Чижикъ подскочилъ къ нему и поднесъ къ чернымъ губамъ его стаканъ воды. Григорій, прислонясь къ стѣнѣ у двери, точно сквозь сонъ слушалъ, какъ больной громко втягивалъ въ себя воду; потомъ услыхалъ предложеніе Чижика раздѣть Кислякова и уложить его въ постель, потомъ раздался голосъ стряпки маляровъ. Ея широкое лицо, съ выраженіемъ страха и соболѣзнованія, смотрѣло со двора въ окно, и она говорила плаксивымъ тономъ:

— Дать бы ему сажи голландской съ ромомъ: на стаканъ чайный—сажи двѣ ложки хлебальныхъ, да рому до краевъ.

А кто-то невидимый предложилъ деревяннаго масла съ огуречнымъ разсоломъ и съ царской водкой.

Орловъ вдругъ почувствовалъ, что тяжелая, гнетущая тьма внутри его освѣщается какимъ-то воспоминаніемъ. Онъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы желая усилить яркость этого свѣта, и вдругъ быстро вышелъ вонъ, перебѣжалъ дворъ и исчезъ на улицѣ.

— Батюшки! И сапожника схватило! Въ больницу побѣжалъ, — крикливо-плачущимъ голосомъ комментировала стряпка его бѣгство.

Матрена, стоявшая рядомъ съ ней, посмотрѣла широко открытыми глазами и, поблѣднѣвъ, вся затряслась.

— Врешь ты,—хрипло сказала она, едва двигая бѣлыми губами,—Григорій этой поганой болѣзнью не захвораетъ, не поддастся.

Но стряпка, горестно воя, уже исчезла куда-то, и черезъ пять минутъ на улицѣ около дома купца Петунникова глухо

гудѣла кучка сосѣдей и прохожихъ. На всѣхъ лицахъ чередовались одни и тѣ же чувства: возбужденіе, смѣнявшееся безнадежнымъ унынiемъ, и что-то злое, уступавшее иногда мѣсто дѣланой удали. Со двора къ толпѣ и обратно то и дѣло леталъ Чижикъ, сверкая босыми ногами и сообщая ходъ событій въ комнатѣ гармониста.

Публика, тѣсно сбившись въ кучу, наполняла пыльный и пахучій воздухъ улицы глухимъ гуломъ своего говора, а иногда сквозь него вырывалось крѣпкое ругательство по чьему-то адресу, ругательство такое же злое, какъ и безсмысленное.

— Смотрите... Орловъ-то!

Орловъ подъѣхалъ къ воротамъ на козлахъ бѣлой холщевой фуры, которой правилъ угрюмый человѣкъ, весь одѣтый въ бѣломъ же. Этотъ человѣкъ рявкнулъ глухимъ басомъ:

— Пошелъ съ дороги!

И поѣхалъ прямо на людей, шарахнувшихся во всѣ стороны отъ его окрика.

Видъ этой фуры и окрикъ ея возницы какъ бы придавилъ повышенное настроеніе зрителей—всѣ какъ-то сразу потемнѣли и многіе быстро ушли.

Вслѣдъ за фурой явился откуда-то студентъ, посѣщавшій Орловыхъ. Фуражка у него съѣхала на затылокъ, по лбу струился крупный потъ, на немъ была надѣта какая-то длинная мантія ослѣпительной бѣлизны и спереди на ея подолѣ красовалась большая, круглая дыра съ рыжими краями, очевидно, только-что прожженная чѣмъ-то.

— Ну, Орловъ, гдѣ больной?—громко спрашивалъ онъ, искоса посматривая на публику, собравшуюся въ уголкѣ у воротъ и встрѣтившую его появленіе весьма недоброжелательно, хотя не безъ любопытства слѣдившую за нимъ.

Кто-то громко сказалъ:

— Ишь ты... какой поваръ!

Другой голосъ тише и съ зловѣщимъ оттѣнкомъ пообѣщалъ:

— Погоди, онъ те угоститъ!

Нашелся, какъ всегда, въ толпѣ шутникъ.

— Онъ тебѣ дастъ такой супъ, что у тебя сразу лопнетъ пупъ!

Раздался смѣхъ, но не веселый, затемненный боязливымъ подозрѣніемъ, не живой, хотя лица прояснились нѣсколько.

— Вѣдь вотъ сами-то они не боятся заразы... это какъ понимать?—многозначительно спросилъ человѣкъ съ напряженнымъ лицомъ и взглядомъ, полнымъ сосредоточенной злобы.

И подъ вліяніемъ этого вопроса лица публики снова потемнѣли, а говоръ сталъ глуше...

— Несутъ!

— Орловъ-то! Ахъ, собака!

— Не боится?

— Ему что̀? Онъ пьяница...

— Осторожнѣй, осторожнѣй, Орловъ! Поднимайте выше ноги... такъ! Готово! Поѣзжай, Петръ!—командовалъ студентъ.—Я скоро пріѣду, скажи доктору. Ну-съ, господинъ Орловъ, я прошу васъ помочь мнѣ уничтожить здѣсь заразу... Кстати, на случай, вы выучитесь, какъ это дѣлать... Согласны? Ну-те?

— Могу,—сказалъ Орловъ, оглядываясь вокругъ и чувствуя въ себѣ приливъ гордости.

— И я тоже могу,—заявилъ Чижикъ.

Онъ проводилъ печальную фуру за ворота и вернулся какъ разъ во̀-время для того, чтобы предложить свои услуги. Студентъ черезъ очки посмотрѣлъ на него.

— Ты кто такой есть, а?

— Изъ маляровъ... въ ученикахъ...—объяснилъ Чижикъ.

— А холеры боишься?

— Я?—удивился Сенька.—Вота! Я... ничего не боюсь!

— Н-ну? Ловко! Такъ вотъ что̀, братцы.—Студентъ присѣлъ на бочку, лежавшую на землѣ, и, покачиваясь на ней, сталъ говорить о необходимости для Орлова и Чижика хорошенько вымыться.

Они образовали группу, къ нимъ скоро подошла Матрена, боязливо улыбаясь. За ней кухарка, вытиравшая мокрые глаза сальнымъ передникомъ. Черезъ нѣкоторое время осторожно. какъ кошки къ воробьямъ, къ этой группѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ изъ публики. Около студента собрался тѣсный кружокъ человѣкъ въ десять, и это воодушевило его. Стоя въ центрѣ этихъ людей и быстро жестикулируя, онъ, то вызывая улыбки на лицахъ, то сосредоточенное вниманіе, то острое недовѣріе и скептическіе смѣшки, началъ нѣчто въ родѣ лекціи.

— Главное дѣло во всѣхъ болѣзняхъ—чистота тѣла и воздуха, которымъ вы дышите, господа,—увѣрялъ онъ своихъ слушателей.

— О, Господи!—громко вздыхала стряпка маляровъ.—Отъ нечаянной смерти Варварѣ великомученицѣ надо молиться...

— Господа и въ тѣлѣ и въ воздухѣ живутъ, но однако тоже помираютъ,—заявилъ одинъ изъ слушателей.

Орловъ стоялъ рядомъ со своей женой и смотрѣлъ въ лицо

студента, о чемъ-то глубоко думая. Сбоку его дернули за рубаху.

— Дяденька Григорій!—поднявшись на цыпочки, шепнулъ Сенька Чижикъ, сверкая горящими, какъ угольки, глазами,— теперь вотъ помретъ Митрій-то Павловъ, родныхъ у него нѣту... кому же гармоника достанется?

— Отстань, чертенокъ!—отмахнулся Орловъ.

Сенька отошелъ въ сторону и уставился въ окно комнатки гармониста, ища въ ней чего-то жаднымъ взглядомъ.

— Известка, деготь,—громко перечислялъ студентъ.

Вечеромъ этого безпокойнаго дня, когда Орловы сѣли пить чай, Матрена съ любопытствомъ спросила у мужа:

— Ты давеча куда ходилъ со студентомъ-то?

Григорій посмотрѣлъ ей въ лицо глазами, чѣмъ-то затуманенными, точно чужими, и, не отвѣчая, сталъ выливать чай изъ стакана на блюдечко.

Около полудня, кончивъ мытье комнаты гармониста, Григорій уходилъ куда-то съ санитаромъ, воротился часа въ три задумчивый и молчаливый, легъ на постель и вотъ вплоть до чая лежалъ кверху лицомъ, не вымолвивъ за все это время ни слова, хотя жена много разъ пыталась вызвать его на разговоръ. Онъ даже не обругалъ за приставанье, а это уже было странно, непривычно ей и возбуждало ее.

Инстинктомъ женщины, вся жизнь которой сосредоточилась на мужѣ, она подозрѣвала уже, что мужа ея охватило чѣмъ-то новымъ, ей было боязно чего-то и тѣмъ болѣе страстно хотѣлось знать, что это.

— Тебѣ, можетъ, нездоровится, Гриша?

Григорій слилъ съ блюдца въ ротъ послѣдній глотокъ чая, вытеръ рукой усы, не спѣша подвинулъ женѣ пустой стаканъ и, нахмуривъ брови, заговорилъ:

— Ходилъ я со студентомъ въ баракъ... да...

— Въ холерный?—воскликнула Матрена и тревожно, понизивъ голосъ, спросила:—много тамъ ихъ?

— Пятьдесятъ три человѣка съ нашимъ-то...

— Ну?

— Съ десятокъ поправляются... Ходятъ... Желтые, худые...

— Тоже холерные? Чай, нѣтъ?.. Другихъ какихъ-нибудь сунули туда для оправданія: вотъ-де, смотрите, вылѣчиваемъ мы!

— Ты дура!—рѣшительно сказалъ Григорій и зло блеснулъ глазами.—Всѣ вы тутъ дубьё! Необразованность и глупость—больше ничего! Подохнешь съ вами отъ тоски при

ашемъ невѣжествѣ... Ничего вы не можете понимать...—Онъ
ѣзко подвинулъ къ себѣ вновь налитый стаканъ чаю и за-
олчалъ.

— Гдѣ это ты образовался такъ?—ехидно спросила Матрена
вздохнула.

Мужъ, не обративъ на ея слова никакого вниманія, молчалъ,
адумчивый и неприступно суровый. Потухавшій самоваръ
инулъ пискливую мелодію, полную раздражающей скуки, въ
кна со двора вѣяло запахомъ масляной краски, карболки и
безпокоенной помойной ямы. Полусумракъ, пискъ самовара
запахи—все въ комнатѣ плотно сливалось одно съ другимъ,
бразуя вокругъ Орловыхъ обстановку, похожую на кошмаръ,
черное жерло печи смотрѣло на супруговъ такъ, точно
увствовало себя призваннымъ проглотить ихъ при удобномъ
лучаѣ. Долго тянулось молчаніе. Супруги грызли сахаръ,
гучали посудой, глотали чай. Матрена вздыхала, Григорій
гукалъ пальцемъ по столу.

— Чистота тамъ невиданная!—вдругъ съ раздраженіемъ
аговорилъ онъ.—Всѣ служащіе до послѣдняго—въ бѣломъ,
ворые то и дѣло въ ванны лѣзутъ... Виномъ ихъ поятъ...
есть съ полтиной бутылка! Кушанья... съ одного запаха
ытъ будешь... Уходъ, забота... Обращеніе со всѣми—мате-
инское... и все прочее... Н-да... Извольте понять: живешь на
емлѣ, ни одинъ чортъ даже и плюнуть на тебя не хочетъ,
е то что зайти иногда и спросить—что̀ и какъ, и вообще...
акая жизнь, то-есть, по душѣ она, или по душу человѣку?
сть чѣмъ дышать ему, или нѣту? А какъ начнешь умирать—
е только не позволяютъ, но даже въ изъянъ вводятъ себя.
араки... вино... шесть съ полтиной бутылка! Неужто нѣтъ
людей догадки? Вѣдь бараки и вино большущихъ денегъ
о̀ятъ. Развѣ эти самыя деньги нельзя на улучшеніе жизни
потреблять... каждый годъ по нѣскольку?

Жена не старалась понять его рѣчей, достаточно было
увствовать, что онѣ новы, и безошибочно уже выводить
сюда, что у Григорія въ душѣ творится что-то новое для
ея. Увѣренная въ этомъ, она скорѣе хотѣла узнать, какъ
се это коснется ея. Въ этомъ желаніи была и боязнь, и на-
жда, и что-то враждебное къ мужу.

— Тамъ, чай, ужъ побольше твоего знаютъ,—сказала она,
огда онъ кончилъ, и скептически поджала губы.

Григорій повелъ плечомъ, крякнулъ, искоса взглянулъ на
ре, потомъ, помолчавъ, началъ въ тонѣ еще болѣе повышен-
омъ:

— Знаютъ, не знаютъ—это ихъ дѣло. Но ежели мнѣ, не

видавъ никакой жизни, помирать приходится, объ этомъ могу разсуждать. Я тебѣ вотъ что скажу: такого порядка больше не хочу, то-есть сидѣть да дожидаться, когда приде холера да меня, какъ гармониста, скрючитъ,—я не сог сенъ. Не могу! Петръ Ивановичъ говоритъ: вали навстрѣ Судьба противъ тебя, а ты противъ нея,—чья возьмет Война! Больше никакихъ... Значитъ, что теперь? А поступ я служителемъ въ баракъ—и все тутъ! Поняла? Прямо пасть влѣзу—глотай, а я буду ногами дрыгать!.. Меньше тамъ не заработаю... 20 рублей въ мѣсяцъ жалованья, еще награду могутъ дать... Можно умереть?.. это такъ, здѣсь еще скорѣе сдохнешь. Опять же перемѣна жизни... и возбужденный Орловъ стукнулъ кулакомъ по столу та что вся посуда съ дребезгомъ подпрыгнула.

Матрена въ началѣ рѣчи смотрѣла на мужа съ выражені безпокойства и любопытства, а въ конецъ ея уже вражде прищурила глаза.

— Это студентъ тебѣ посовѣтовалъ?—сдержанно спроси она.

— У меня и свой умъ есть... могу разсудить,—почему уклонился Григорій отъ прямого отвѣта.

— Ну, а какъ же со мной раздѣлаться посовѣтовалъ о тебѣ?—продолжала Матрена.

— Съ тобой?—Григорій нѣсколько смутился—онъ не успѣ еще обсудить этого вопроса. Оно, конечно, можно бабу ос вить на квартирѣ, какъ вообще это дѣлается, но бабы бываю разныя. Матрену—опасно. За ней нуженъ глазъ да гла Остановившись на этой мысли, Орловъ хмуро продолжалъ: Студентъ... что же съ тобой? Будешь тутъ жить... а я бу жалованье получать... н-да...

— Такъ,—кратко и спокойно сказала женщина и усмѣ нулась той много начащей, чисто-женской улыбкой, котор сразу можетъ вызвать у мужчины колющее сердце чувст ревности.

Орловъ, нервозный и чуткій, ощутилъ это, но изъ самол бія, не желая выдавать себя, кратко бросилъ женѣ:

— Квакъ да хрюкъ—всѣ твои рѣчи...—и насторожил ожидая, что еще скажетъ она.

А она снова улыбнулась этой раздражающей улыбкой промолчала.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ Григорій повышенны тономъ.

— Что какъ же?—произнесла Матрена, равнодушно вы рая чашки.

— Ехидна! Не финти... пришибу!—вскипѣлъ Орловъ.—Я, можетъ, на смерть иду.

— Не я тебя посылаю... не ходи...—перебила Матрена.

— Ты бы рада послать, я знаю!—иронически воскликнулъ Орловъ.

Она молчала. Это молчаніе бѣсило его, но онъ сдержался отъ привычнаго ему выраженія чувствъ, вызываемыхъ въ немъ подобными сценами. Онъ сдержался подъ вліяніемъ одной преехидной, какъ ему казалось, мысли, мелькнувшей у него въ головѣ. Онъ даже улыбнулся злорадной улыбкой.

— Я знаю, тебѣ хочется, чтобы я провалился хоть въ Тартарары. Ну, еще посмотримъ, чья возьметъ... да! Я тоже могу сдѣлать такой ходъ—ахъ ты мнѣ!

Онъ вскочилъ изъ-за стола, схватилъ съ окна свой картузъ и ушелъ, оставивъ жену неудовлетворенной ея политикой, смущенной угрозами, съ возрастающимъ въ ней чувствомъ страха предъ будущимъ. Глядя въ окно, она шептала про себя:

— О, Господи! Царица Небесная! Пресвятая Богородица!

Осаждаемая массой тревожныхъ вопросовъ, она долго сидѣла за столомъ, пытаясь предположить, что̀ сдѣлаетъ Григорій. Предъ ней стояла вымытая посуда; на капитальную стѣну сосѣдняго дома, противъ оконъ комнаты, заходящее солнце бросило красноватое пятно; отраженное бѣлой стѣной, оно проникло въ комнату, и край стеклянной сахарницы, стоявшей предъ Матреной, блестѣлъ. Она, наморщивъ лобъ, смотрѣла на этотъ слабый отблескъ, пока не утомились глаза. Тогда, вставъ со стула, она убрала посуду и легла на кровать.

Тошно ей было.

Григорій пришелъ, когда уже было совсѣмъ темно. Еще по его шагамъ на лѣстницѣ она опредѣлила, что онъ въ духѣ. Онъ выругалъ тьму въ комнатѣ, окликнувъ жену, подошелъ къ кровати и сѣлъ на нее. Жена поднялась и сѣла съ нимъ рядомъ.

— Знаешь что̀?—усмѣхаясь, спросилъ Орловъ.

— Ну?

— И ты пойдешь на мѣсто!

— Куда?—дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— Въ одинъ баракъ со мной!—торжественно объявилъ Орловъ.

Она обняла его за шею и, крѣпко сжавъ руками, поцѣловала прямо въ губы. Онъ не того ждалъ и оттолкнулъ ее. Она это притворяется... ей, шельмѣ, совсѣмъ не хочется вмѣстѣ-то съ нимъ. Притворяется, ехидна, за дурака считаетъ мужа...

— Чему рада?—грубо и подозрительно спросилъ онъ, чу
ствуя желаніе сбросить ее на полъ.

— Такъ ужъ!—бойко отвѣтила она.

— Финти! Знаю я тебя!

— Еруслапъ ты мой храбрый!

— Брось, молъ... а то смотри!

— Гришаня ты мой!

— Да ты что въ самомъ дѣлѣ?

Когда ея ласки укротили его нѣсколько, онъ озабочен
спросилъ ее:

— А ты не боишься?

— Чай, вмѣстѣ будемъ,—просто отвѣтила она.

Ему пріятно было слышать это. Онъ сказалъ ей:

— Молодчина!

И въ то же время такъ ущипнулъ ее за бокъ, что он
взвизгнула.

Первый день дежурства Орловыхъ совпалъ съ очень сил
нымъ наплывомъ больныхъ, и двумъ новичкамъ, привыкшим
къ своей медленно двигавшейся жизни, было жутко и тѣсн
среди кипучей дѣятельности, охватившей ихъ. Неловкіе, не по
нимавшіе приказаній, подавленные впечатлѣніями, они сраз
же растерялись, и хотя то и дѣло бѣгали куда-то, пытаяс
работать, но не столько работали, сколько мѣшали другим
Григорій нѣсколько разъ всѣмъ существомъ своимъ чувств
валъ, что заслуживаетъ строгаго окрика или выговора з
свое неумѣнье, но, къ великому его изумленію, на него н
кричали.

Когда одинъ изъ докторовъ, высокій черноусый человѣк
съ горбатымъ носомъ и большущей бородавкой надъ право
бровью, велѣлъ Григорію помочь одному изъ больныхъ сѣст
въ ванну, Григорій съ такимъ усердіемъ дернулъ больно
подъ мышки, что тотъ даже крякнулъ и сморщился.

— А ты, голубчикъ, не ломай его, онъ и цѣликомъ в
ванну уберется...—серьезно сказалъ докторъ.

Орловъ сконфузился; больной же, сухой и длинный верзил
усмѣхнулся черезъ силу и хрипло сказалъ:

— Съ нови... Не привыченъ.

Другой докторъ, старикъ съ острой сѣдой бородой и бл
стящими большими глазами, сказалъ Орловымъ, когда он
пришли въ баракъ, наставленіе, какъ обращаться съ боль
ными, что дѣлать въ томъ и другомъ случаѣ, какъ брат
больныхъ, перенося ихъ; въ заключеніе спросилъ ихъ, был
ли они вчера въ банѣ, и выдалъ имъ бѣлые передники. Го

лось у этого доктора былъ мягкій, говорилъ онъ быстро; онъ очень понравился четѣ супруговъ, но черезъ полчаса они забыли всѣ его наставленія, охваченные бурной жизнью барака. Вокругъ нихъ мелькали люди въ бѣломъ, раздавались приказанія, подхватываемыя прислугой на-лету, хрипѣли, охали и стонали больные, текла и плескалась вода, и всѣ эти звуки плавали въ воздухѣ, до того густо насыщенномъ острыми, непріятно щекочущими ноздри запахами, что, казалось, каждое слово доктора, каждый вздохъ больного тоже пахнутъ, раздирая носъ...

Сначала Орлову казалось, что тутъ царитъ самый безшабашный хаосъ, въ которомъ ему ни за что не найти себѣ мѣста, и что онъ задохнется, оглохнетъ, заболѣетъ... Но прошло нѣсколько часовъ, и Григорій, охваченный вѣяніемъ повсюду разсѣиваемой энергіи, насторожился и проникся сильнымъ желаніемъ скорѣе приспособиться къ дѣлу, чувствуя, что ему будетъ покойнѣе и легче, если онъ завертится вмѣстѣ со всѣми.

— Сулемы!—кричалъ одинъ докторъ.

— Горячей воды еще въ эту ванну!—командовалъ худенькій студентикъ съ красными, опухшими вѣками.

— Вы... какъ васъ? Орловъ... да! Трите-ка ему ноги... Вотъ такъ... понимаете... Та-акъ, та-акъ... Легче,—сдерете кожу... Ой, усталъ я...—приказывалъ и показывалъ Григорію другой студентъ, длинноволосый и рябой.

— Еще больного привезли!—раздавалось сообщеніе.

— Орловъ, идите, тащите его.

Григорій усердствовалъ—весь потный, ошеломленный, съ мутными глазами и съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ. Порой чувство личнаго бытія въ немъ совершенно исчезало подъ давленіемъ массы впечатлѣній, переживаемыхъ имъ въ каждую минуту. Зеленыя пятна подъ мутными глазами на землистыхъ лицахъ, кости, точно обостренныя болѣзнью, липкая, пахучая кожа, страшныя судороги едва живыхъ тѣлъ—все это сжимало ему сердце тоской и вызывало у него тошноту, отъ которой онъ едва сдерживался.

Нѣсколько разъ въ коридорѣ барака онъ мелькомъ видѣлъ жену; она похудѣла, и лицо у нея было сѣрое и растерянное. Онъ охриплымъ голосомъ спросилъ ее:

— Ну что?

Она слабо улыбнулась въ отвѣтъ ему и молча исчезла.

Григорія кольнула совершенно непривычная ему мысль: а пожалуй, онъ напрасно втиснулъ сюда, въ такую пакостную работу, свою бабу. Захвораетъ она еще отъ заразы... И, встрѣтивъ ее другой разъ, онъ строго крикнулъ ей:

— Смотри, чаще руки-то мой... берегись!

— А то что̀ будетъ?—задорно спросила она, оскаливъ свои мелкіе бѣлые зубы.

Это разозлило его. Вотъ нашла мѣсто смѣшкамъ, дура! И до чего онѣ подлы, эти бабы! Но сказать ей онъ ничего не успѣлъ: поймавъ его сердитый взглядъ, Матрена быстро ушла въ женское отдѣленіе.

А онъ черезъ минуту уже несъ знакомаго полицейскаго въ мертвецкую. Полицейскій тихо покачивался на носилкахъ, уставившись въ ясное и жаркое небо стеклянными глазами изъ-подъ искривленныхъ вѣкъ. Григорій смотрѣлъ на него съ тупымъ ужасомъ въ сердцѣ: третьяго-дня онъ этого полицейскаго видѣлъ на посту и даже ругнулъ его, проходя мимо,— у нихъ были маленькіе счеты между собой. А теперь вотъ этотъ человѣкъ, такой здоровякъ и злючка, лежитъ мертвый, весь обезображенный, скорченный судорогами.

Орловъ чувствовалъ, что это нехорошо—зачѣмъ и на свѣтъ родиться, если можно въ одинъ день отъ такой поганой болѣзни умереть? Онъ смотрѣлъ сверху внизъ на полицейскаго и жалѣлъ его. Куда дѣнутся ребята?.. Цѣлыхъ трое. Покойникъ годъ назадъ схоронилъ жену и не успѣлъ еще жениться во второй разъ.

Даже больно ему было гдѣ-то внутри отъ этой жалости. Но вдругъ согнутая лѣвая рука трупа медленно пошевелилась и выпрямилась. Въ то же время и лѣвая сторона искривленнаго рта, раньше полуоткрытая, закрылась.

— Стой!—захрипѣлъ Орловъ, ставя носилки на землю.— Живъ!—шопотомъ заявилъ онъ служителю, который несъ съ нимъ трупъ.

Тотъ обернулся, пристально взглянулъ на покойника и съ сердцемъ сказалъ Орлову:

— Чего врешь? Али не понимаешь, что это онъ для гроба расправляется? Видишь, какъ его изломало?.. Не такъ же въ гробъ-то лечь. Айда, неси!

— Да вѣдь шевелится...—трепеща отъ ужаса, протестовалъ Орловъ.

— Неси, знай, чудакъ-человѣкъ! Что̀ ты словъ не понимаешь? Говорю: выправляется,—ну, значитъ, шевелится. Эта необразованность твоя, смотри, до грѣха тебя можетъ довести... Живъ! Развѣ можно про мертвый трупъ говорить такія рѣчи? Это, братъ, бунтъ... н-да! Понимаешь? Молчи, значитъ, никому ни слова насчетъ того, что они шевелятся,—они всѣ такъ. А то свинья—борову, а боровъ—всему городу, ну и бунтъ вышелъ—живыхъ хоронятъ! Придетъ сюда народъ и разнесетъ

насъ въ дребезги. И тебѣ будетъ на колачи. Понялъ? Сваливай налѣво.

Спокойный голосъ Пронина и его неторопливая походка дѣйствовали на Григорія отрезвляюще.

— Ты, братъ, только духомъ не падай,—привыкнешь. Здѣсь хорошо. Харчъ, обращеніе и всякое другое—все въ аккуратѣ. Всѣ, братъ, мертвецами будемъ; это самое обыкновенное дѣло въ жизни. А пока что̀ живи, знай, не робѣй только—главная причина! Водку пьешь?

— Пью,—сказалъ Орловъ.

— Ну вотъ. Вонъ тутъ въ ямкѣ у меня бутылочка есть на всякій случай, айда-ка, проглотимъ нѣсколько.

Они подошли къ ямкѣ за угломъ барака, выпили, и Пронинъ, наливъ на сахаръ мятныхъ капель, подалъ его Орлову со словами:

— Ѣшь, а то пахнуть водкой будешь. Здѣсь насчетъ водки—строго. Потому вредно пить ее, говорятъ.

— А ты привыкъ тутъ?—спросилъ у него Григорій.

— Еще бы! Я спервоначалу. При мнѣ тутъ народу перемерло—сотни, прямо сказать. Житье здѣсь безпокойное, но хорошее житье, ежели говорить правду. Божье дѣло. Въ родѣ какъ на войнѣ санитары... Ты про санитаровъ и сестеръ милосердія слыхалъ? Я въ турецкую кампанію насмотрѣлся на нихъ. Подъ Ардаганомъ, подъ Карсомъ былъ. Ну, а это, братъ, чище насъ, солдатъ, люди. Мы воюемъ, ружье у насъ есть, пули, штыкъ; а они—безо всего подъ пулями, какъ въ зеленомъ саду гуляютъ. Нашъ, турка—берутъ и тащатъ на перевязочный. А вокругъ нихъ—ж-жи! тію! фить! Иногда ему бѣдному, санитару-то, въ затылокъ—чикъ!—и готово!..

Послѣ этого разговора и здороваго глотка водки Орловъ нѣсколько пріободрился.

— Взялся за гужъ, такъ не бай, что не дюжъ,—усовѣщевалъ онъ себя, растирая ноги больного. За его спиной кто-то жалобно стонущимъ голосомъ просилъ:

— Пи-ить! Ой, голу-убчики-и!

А кто-то гоготалъ:

— Ого-го-го! Погорячѣй!.. Го-го-спонинъ докторъ, помогаетъ! Вотъ вамъ Христосъ,—чувствую! Разрѣшите еще подлить кипяточку!

— Дайте-ка вина!—кричалъ докторъ Ващенко.

Орловъ работалъ, внимательно вслушиваясь въ происходящее вокругъ него, и находилъ, что, въ сущности, все это совсѣмъ ужъ не такъ погано и страшно, какъ казалось ему недавно, и что тутъ—не хаосъ, а правильно дѣйствуетъ боль-

шая разумная сила. Но, вспоминая о полицейскомъ, онъ все-таки вздрагивалъ и искоса посматривалъ въ окно барака на дворъ. Онъ вѣрилъ, что полицейскій мертвъ, но все-таки было что-то неустойчивое въ этой вѣрѣ. А вдругъ выскочитъ и крикнетъ? И ему вспомнилось, что, кажется, кто-то разсказывалъ: однажды гдѣ-то холерные мертвецы выскочили изъ гробовъ и разбѣжались.

Бѣгая по бараку, то растирая, то сажая въ ванну больныхъ, Орловъ чувствовалъ, что въ головѣ у него точно каша кипитъ. Онъ вспоминалъ о женѣ: каково-то ей тамъ? Иногда къ этому примѣшивалось мимолетное желаніе улучить минутку и посмотрѣть на Матрену. Но вслѣдъ за этимъ Орловъ какъ бы конфузился своего желанія и восклицалъ про себя:

„Повертись-ка вотъ этакъ-то, толстомясая! Не бойсь, подсохнешь... Лишишься своихъ намѣреніевъ...“

Онъ всегда подозрѣвалъ, что у жены его имѣются въ душѣ намѣренія очень оскорбительныя для него, какъ мужа, а иногда, восходя въ своихъ подозрѣніяхъ до нѣкотораго объективизма, даже признавалъ, что эти намѣренія имѣютъ основаніе. Жизнь-то у нея тоже желтенькая, и отъ такой жизни всякая дрянь въ голову полѣзетъ. Этотъ объективизмъ обыкновенно перерождалъ на время его подозрѣнія въ увѣренность. Потомъ онъ спрашивалъ себя: а зачѣмъ ему надо было лѣзть изъ своего подвала въ этотъ котелъ кипящій?— и недоумѣвалъ. Но всѣ эти думы вращались гдѣ-то глубоко въ немъ, онѣ были какъ бы отгорожены отъ прямого вліянія на его работу тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ относился къ дѣйствіямъ врачебнаго персонала. Онъ никогда не видалъ, чтобъ въ какомъ-нибудь трудѣ люди убивались такъ, какъ убиваются тутъ, и не разъ подумалъ, глядя на утомленныя лица докторовъ и студентовъ, что всѣ эти люди—воистину не даромъ деньги получаютъ!

Смѣнившись съ дежурства, едва держась на ногахъ, Орловъ вышелъ на дворъ барака и прилегъ у стѣны его подъ окномъ аптеки. Въ головѣ у него шумѣло, подъ ложечкой сосало и ноги болѣли ноющей болью усталости. Ему ни о чемъ уже не думалось и ничего не хотѣлось, онъ просто вытянулся на дернѣ, посмотрѣлъ въ небо, гдѣ стояли пышныя облака, богато украшенныя лучами заката, и уснулъ, какъ убитый.

Приснилось ему, что будто бы онъ съ женой въ гостяхъ у доктора Ващенко въ громадной комнатѣ, уставленной по стѣнамъ вѣнскими стульями. На стульяхъ сидятъ всѣ больные изъ барака. Докторъ съ Матреной ходятъ „русскую“

среди залы, а онъ самъ играетъ на гармоникѣ и хохочетъ, потому что длинныя ноги доктора совсѣмъ не гнутся, и докторъ, важный и надутый, ходитъ по залѣ за Матреной, точно цапля по болоту. И всѣ больные тоже хохочутъ, раскачиваясь на стульяхъ.

Вдругъ въ дверяхъ является полицейскій.

— Ага! — мрачно и грозно кричитъ онъ. — Ты, Гришка, думалъ, что я совсѣмъ умеръ? На гармоникѣ играешь, а меня въ мертвецкую стащилъ! Ну-ка, пойдемъ со мной! Вставай!

Охваченный дрожью, облитый потомъ, Орловъ быстро поднялся и сѣлъ на землѣ. Противъ него сидѣлъ на корточкахъ докторъ Ващенко и укоризненно говорилъ ему:

— Какой же ты, друже, санитаръ, если спишь на землѣ, да еще и брюхомъ на нее легъ, а? А ну ты простудишь себѣ брюхо,—сляжешь вѣдь на койку, да еще, чего добраго, и помрешь... Это, друже, не годится, — для спанья у тебя есть мѣсто въ баракѣ. Что жъ тебѣ не сказали про это? Да ты и потный и зпобитъ тебя. Ну-ка, иди, я тебѣ кое-чего дамъ.

— Я съ устатка,—пробормоталъ Орловъ.

— Тѣмъ хуже. Надо беречь себя—время опасное, а ты человѣкъ нужный.

Орловъ молча прошелъ за докторомъ по коридору барака, молча выпилъ какое-то лѣкарство изъ одной рюмки, выпилъ еще изъ другой, сморщился и плюнулъ.

— Ну, а теперь иди, спи себѣ... До свиданья!—и докторъ началъ переставлять по полу коридора свои длинныя тонкія ноги.

Орловъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вдругъ, широко улыбнувшись, побѣжалъ за нимъ.

— Покорно благодарю, докторъ!

— За что?—остановился тотъ.

— За работу. Теперь я буду стараться для васъ во всю силу! Потому пріятно мнѣ ваше безпокойство... и... что я нужный человѣкъ... и вообще пок-корнѣйше благодаренъ!

Докторъ пристально и съ удивленіемъ смотрѣлъ на взволнованное какой-то радостью лицо барачнаго служителя и тоже улыбнулся.

— Чудачина ты! А впрочемъ, ничего,—это все славно у тебя выходитъ... искренно. Валяй, старайся во всю; это не для меня будетъ, а для больныхъ. Надо намъ человѣка отъ болѣзни отбить, вырвать его изъ ея лапъ—понимаешь? Ну, вотъ и давай стараться во всю силу побѣдить болѣзнь. А пока—спи, иди!

Вскорѣ Орловъ лежалъ на койкѣ и засыпалъ съ пріятнымъ ощущеніемъ ласкающей теплоты въ животѣ. Ему было радостно и онъ былъ гордъ своимъ, такимъ простымъ разговоромъ съ докторомъ.

А заснулъ онъ съ сожалѣніемъ о томъ, что жена не слыхала этого разговора. Разсказать ей завтра... Не повѣритъ, чай, чортова перечница.

— Чай пить иди, Гриша,—разбудила его поутру жена.

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Она улыбалась ему. Гладко причесанная, въ своемъ бѣломъ балахонѣ она была такая чистенькая, свѣжая.

Ему было пріятно видѣть ее такой, и въ то же время онъ подумалъ, что вѣдь и другіе мужчины въ баракѣ ее видятъ такой же.

— То-есть это какой же чай пить? У меня свой чай есть,— куда мнѣ итти?—хмуро сказалъ онъ.

— А ты иди со мной попей,—предложила она, глядя на него ласкающими глазами.

Григорій отвелъ свои глаза въ сторону и кратко сказалъ, что придетъ.

Она ушла, а онъ снова легъ на койку и задумался.

„Ишь ты какая! Чай пить зоветъ, ласковая... Похудѣла однакоже за день-то“. Ему стало жалко ея и захотѣлось сдѣлать для нея что-нибудь пріятное. Купить къ чаю чего-нибудь сладкаго, что ли? Но, умываясь, онъ уже отбросилъ эту мысль,—зачѣмъ бабу баловать? Живетъ и такъ!

Чай пили въ маленькой свѣтлой каморкѣ съ двумя окнами, выходившими въ поле, все залитое золотистымъ сіяніемъ утренняго солнца. На дерпѣ, подъ окнами, еще блестѣла роса, вдали на горизонтѣ въ туманно-розоватой дымкѣ утра стояли деревья почтоваго тракта. Небо было чисто, и съ поля вѣяло въ окна запахомъ сырой травы и земли.

Столъ стоялъ въ простѣнкѣ между оконъ, и за нимъ сидѣло трое: Григорій и Матрена съ товаркой—пожилой, высокой и худой женщиной съ рябымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами. Звали ее Фелицата Егоровна, она была дѣвицей, дочерью коллежскаго асессора, и не могла пить чай на водѣ изъ больничнаго куба, а всегда кипятила самоваръ свой собственный. Объявивъ все это Орлову надорваннымъ голосомъ, она гостепріимно предложила ему сѣсть подъ окномъ и дышать вволю „настоящимъ небеснымъ воздухомъ“, а затѣмъ куда-то исчезла.

— Что, ты устала вчера?—спросилъ Орловъ у жены.

— Просто страсть какъ!—живо отвѣтила Матрена.—Ногъ подъ собой не слышу, головонька кружится, словъ не понимаю, того и гляди, пластомъ лягу. Еле-еле до смѣны дотянула... Все молилась: помоги, Господи, думаю.

— А боишься?

— Покойниковъ — боюсь. Ты знаешь...—она наклонилась къ мужу и со страхомъ шепнула ему: — они послѣ смерти шевелятся... ей-Богу!

— Это я ви-идалъ!—скептически усмѣхнулся Григорій.— Мнѣ вчера Назаровъ полицейскій и послѣ смерти своей чуть-чуть плюху не влѣпилъ. Несу я его въ мертвецкую, а онъ ка-акъ размахнется лѣвой рукой... я едва уберегся... вотъ какъ! — Онъ привралъ немного, но это вышло какъ-то само собой, помимо его желанія.

Очень ужъ ему нравилось это чаепитіе въ свѣтлой и чистой комнатѣ съ окнами въ безграничный просторъ зеленаго поля и голубого неба. И еще что-то ему нравилось—не то жена, не то онъ самъ. Въ концѣ концовъ ему хотѣлось показать себя съ самой лучшей стороны, быть героемъ наступающаго дня.

— Примусь я тутъ работать—даже небу жарко станетъ, вотъ какъ! Потому есть причина у меня на это. Во-первыхъ, люди здѣсь, я тебѣ скажу, — не существующіе на землѣ!

Онъ разсказалъ свой разговоръ съ докторомъ, и такъ какъ онъ опять незамѣтно для себя нѣсколько нафантазировалъ— это обстоятельство еще болѣе усилило его настроеніе.

— Во-вторыхъ, работа сама. Это, братъ, великое дѣло, въ родѣ войны, напримѣръ. Холера и люди—кто кого? Тутъ умъ требуется и чтобы все было въ аккуратѣ. Что такое холера? Это надо понять, и сейчасъ валяй ее тѣмъ, что она не терпитъ! Мнѣ докторъ Ващенко говоритъ: ты, говоритъ, Орловъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ нужный. Не робѣй, говоритъ, и гони ее изъ ногъ въ брюхо больного, а тамъ, говоритъ, я ее кисленькимъ и прищемлю. Тутъ ей и конецъ, а человѣкъ-то ожилъ и весь вѣкъ насъ съ тобой благодарить долженъ, потому кто его у смерти отнялъ? Мы!—И Орловъ гордо выпятилъ грудь, глядя на жену возбужденными глазами.

Она задумчиво улыбалась ему въ лицо, онъ былъ красивъ и очень походилъ теперь на того Гришу, какимъ она видѣла его когда-то давно, еще до свадьбы.

— У насъ въ отдѣленіи тоже всѣ такія работящія и добрыя. Докторша то-олстая, въ очкахъ, а потомъ фельдше-

рицы. Хорошіе люди, говорятъ съ тобой таково просто, и все у нихъ понимаешь.

— Такъ ты, значитъ, ничего, довольна?—спросилъ Григорій, нѣсколько остывъ отъ возбужденія.

— Я-то? Господи, ты посуди: я получаю 12 руб. да ты 20... вѣдь 32 рубля въ мѣсяцъ! На готовомъ на всемъ! Это, ежели до зимы хворать будутъ люди, сколько мы накопимъ?.. А тамъ, Богъ дастъ, и поднимемся изъ подвала-то...

— Н-да, это тоже важная статья... — задумчиво сказалъ Орловъ и, помолчавъ, воскликнулъ съ паѳосомъ надежды, ударивъ жену по плечу: — Эхъ, Матренка, али намъ солнце не улыбнется? Не робѣй, знай!

Она вся загорѣлась.

— Только бы ты стерпѣлъ...

— А про это—молчокъ! По кожѣ шило, по жизни рыло... Иная жизнь, иное и поведенье мое будетъ.

— Господи, кабы это случилось!—глубоко вздохнула женщина.

— Ну, и цыцъ!

— Гришенька!

Они разстались съ какими-то новыми чувствами другъ къ другу, воодушевленные надеждами, готовые работать до изнеможенія, бодрые и веселые.

Прошло дня три-четыре, и Орловъ ужъ заслужилъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ о себѣ, какъ о смѣтливомъ и расторопномъ маломъ, и вмѣстѣ съ этимъ замѣтилъ, что Пронинъ и другіе служители въ баракѣ стали относиться къ нему съ завистью и желаніемъ насолить. Онъ насторожился, и въ немъ тоже возникла злоба противъ толсторожаго Пронина, съ которымъ онъ непрочь былъ вести дружбу и бесѣдовать „по душѣ“. Въ то же время ему дѣлалось какъ-то горько при видѣ явнаго желанія товарищей по работѣ нанести ему какой-либо вредъ. — „Эхъ, злыдари!“ — воскликнулъ онъ про себя и тихонько поскрипывалъ зубами, стараясь не упустить удобнаго случая заплатить врагамъ „за лычко ремешкомъ“. И невольно мысль его останавливалась на женѣ: съ той можно говорить про все, она его успѣхамъ завидовать не будетъ и, какъ Пронинъ, карболкой сапогъ ему не сожжетъ.

Всѣ дни работы были такіе же бурные и кипучіе, какъ первый, но Григорій уже не такъ уставалъ, ибо тратилъ свою энергію съ каждымъ днемъ болѣе сознательно. Онъ научился распознавать запахи лѣкарствъ и, выдѣливъ изъ нихъ запахъ сѣрнаго эѳира, потихоньку, когда удавалось, съ наслажденіемъ нюхалъ его, замѣтивъ, что вдыханіе эѳира

дѣйствуетъ почти такъ же пріятно, какъ добрая рюмка водки. Съ полуслова понимая приказанія медицинскаго персонала, всегда добрый и разговорчивый, умѣвшій развлекать больныхъ, онъ все болѣе и болѣе нравился докторамъ и студентамъ, и вотъ, подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ впечатлѣній новой формы бытія, у него образовалось странное, повышенное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И въ немъ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что̀ обратило бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе, такъ поднявшее его въ своихъ глазахъ. Это было своеобразное честолюбіе существа, которое вдругъ сознало себя человѣкомъ и, еще не увѣренное въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣло подтвердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ; это было честолюбіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстнаго подвига.

Изъ такого побужденія Орловъ совершалъ разныя рискованныя вещи, въ родѣ того, что единолично, не ожидая помощи товарищей и надрываясь, тащилъ коренастаго больного съ койки въ ванну, ухаживалъ за самыми грязными больными, относился съ какимъ-то ухарствомъ къ возможности зараженія, а къ мертвымъ—съ простотой, порою переходившей въ цинизмъ. Но все это не удовлетворяло его: ему хотѣлось чего-то болѣе крупнаго, это желаніе все разгоралось въ немъ, мучило его и наконецъ доводило до тоски. Тогда онъ изливалъ душу женѣ, потому что больше было некому.

Однажды вечеромъ, смѣнившись съ дежурства, попивъ чаю, супруги вышли въ поле. Баракъ стоялъ далеко за городомъ, среди длинной, зеленой равнины, съ одной стороны ограниченной темной полосой лѣса, съ другой—линіей городскихъ зданій; на сѣверѣ поле уходило вдаль и тамъ, зеленое, сливалось съ мутно-голубымъ горизонтомъ; на югѣ его обрѣзывалъ крутой обрывъ къ рѣкѣ, а по обрыву шелъ трактъ и стояли на равномъ разстояніи другъ отъ друга старыя, вѣтвистыя деревья. Заходило солнце, и кресты городскихъ церквей, возвышаясь надъ темной зеленью садовъ, пылали въ небѣ, отражая снопы золотыхъ лучей, и на стеклахъ оконъ крайнихъ домовъ города тоже отражалось красное пламя заката. Гдѣ-то играла музыка; изъ оврага, густо поросшаго ельникомъ, вѣяло смолистымъ запахомъ; лѣсъ тоже разстилалъ въ воздухѣ свой сложный, сочный ароматъ; легкія душистыя волны теплаго вѣтра ласково плыли по городу, и въ полѣ, пустынномъ и широкомъ, было такъ славно, тихо и сладко-печально.

Орловы шли по травѣ и молчали, съ удовольствіемъ вдыхая чистый воздухъ вмѣсто барачныхъ запаховъ.

— Гдѣ это музыка играетъ, въ городѣ или въ лагеряхъ?— тихонько спросила Матрена у задумавшагося мужа.

Она не любила видѣть его думающимъ,—онъ казался чужимъ ей и далекимъ отъ нея въ эти минуты. Послѣднее время имъ и такъ мало приходится бывать вмѣстѣ, и тѣмъ болѣе она дорожила этими моментами.

— Музыка? — переспросилъ Григорій, точно освобождаясь отъ дремы. — А чортъ съ ней, съ этой музыкой! Ты бы послушала, какая въ душѣ у меня музыка... вотъ это такъ!

— А что? — тревожно взглянувъ ему въ глаза, спросила она.

— А я не знаю что... Значитъ, и разсказать не могу тебѣ... да и могъ бы, такъ развѣ ты поймешь? Горитъ у меня душа... Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую необоримую! то-есть если бъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: „Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры“. Больше ничего не надо...

Онъ говорилъ, и лицо его горѣло, а глаза сверкали.

— Силачъ ты мой!—ласково шепнула Матрена, прижимаясь къ нему бокомъ.

— Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой! Чтобъ отъ этого облегченіе вышло жизни. Потому вижу я людей: докторъ Ващенко, студентъ Хохряковъ—работаютъ они, даже удивленіе! Имъ бы давно надо умереть съ устатка... Изъ-за денегъ, думаешь? Изъ-за денегъ такъ работать нельзя! У доктора—слава те, Господи!—есть-таки кое-что и еще немножко... А старикъ захворалъ прошлый разъ, такъ Ващенко за него четверо сутокъ отбарабанилъ, даже домой не съѣздилъ за все время... Деньги тутъ ни при чемъ; тутъ жалость причина. Жалко имъ людей—ну, и не жалѣютъ себя... ради кого, спроси? Ради всякаго... Ради Мишки Усова... Мишкѣ мѣсто въ каторгѣ, потому всякій знаетъ, что Мишка воръ, а можетъ, хуже... Мишку лѣчатъ... И рады, когда онъ всталъ съ койки, смѣются... Вотъ и я хочу эту самую радость испытать.. и чтобы было много ея... задохнуться бы мнѣ въ ней! Потому что смотрѣть на нихъ, какъ они смѣются отъ своей радости,—

заноза мнѣ. Взною весь и загорюсь. Хочу!.. А какъ? Эхъ, ты... чортъ!

Орловъ безнадежно махнулъ рукой и снова глубоко задумался.

Матрена молчала, но сердце у нея билось тревожно—ее пугало это возбужденіе мужа, и въ словахъ его она ясно чувствовала великую страсть его желанія, непонятнаго ей, потому что она и не пыталась понять его. Ей былъ дорогъ и нуженъ мужъ, а не герой.

Они подошли къ краю оврага и сѣли рядомъ другъ съ другомъ... Снизу на нихъ смотрѣли кудрявыя вершины молоденькихъ березокъ, на днѣ оврага уже лежала синеватая мгла, оттуда несло сыростью, гніющими листьями, хвоей. Порой вдоль оврага тихо проносился вѣтеръ, вѣтки березъ колыхались, колыхались и маленькія ели,—весь оврагъ наполнялся трепетнымъ, боязливымъ шопотомъ, казалось, кто-то, нѣжно-любимый и оберегаемый деревьями, заснулъ въ оврагѣ подъ ихъ сѣнью, и они чуть-чуть перешептываются о немъ, боясь разбудить его. А въ городѣ вспыхивали огни, и на темномъ фонѣ его садовъ они выдѣлялись, какъ красноватые цвѣты. И въ небѣ зажигались звѣзды. Орловы сидѣли молча, — онъ задумчиво барабанилъ пальцами по своему колѣну, онъ поглядывала на него и тихонько вздыхала.

И вдругъ, охвативъ его за шею руками, она положила на грудь ему свою голову и шопотомъ заговорила:

— Голубчикъ ты мой, Гришенька! Милый ты мой! Какой ты опять хорошій ко мнѣ сталъ, удалой ты мой! Вѣдь будто тогда... послѣ свадьбы... живемъ мы съ тобой... ни слова обиднаго ты мнѣ не скажешь, разговоры все со мной говоришь, душу открываешь... не зыкаешь на меня.

— А ты соскучилась объ этомъ? Я инъ поколочу, если хочешь,—ласково пошутилъ Григорій, ощущая въ душѣ приливъ нѣжности и жалости къ женѣ.

Онъ сталъ рукой тихо гладить ей голову, и ему нравилась эта ласка, — она была такая отеческая — ласка ребенку. Матрена въ самомъ дѣлѣ похожа была на ребенка: она взобралась уже къ нему на колѣни и сжалась у него на груди въ маленькій, мягкій и теплый комокъ.

— Милый ты мой!—шептала она.

Онъ глубоко вздохнулъ, и на языкъ ему сами собою потекли новыя для него и жены его слова.

— Эхъ, ты, кошечка бѣдная! Ласковая... видишь, какъ никакъ, а нѣтъ друга ближе мужа. А ты все въ сторону норовишь... Вѣдь ежели я иной разъ обижалъ тебя—отъ

тоски это, Мотря. Жили въ ямѣ... Свѣту не видѣли, людей почти не знали. Выбрался изъ ямы и прозрѣлъ, въ родѣ какъ слѣпой былъ насчетъ жизни. И понимаю теперь, что жена, какъ-никакъ, первый въ жизни другъ. Потому люди—змѣи и гады, ежели правду сказать... Все язву желаютъ другому нанести... Къ примѣру—Пронинъ, Васюковъ... Э, ну ихъ къ... Молчокъ, Мотря! Выправимся, не робѣй... Выйдемъ въ люди и заживемъ съ понятіемъ... Ну? Чего ты, дуреха ты моя?

Она плакала сладкими слезами счастія и на вопросъ его отвѣтила поцѣлуями.

— Единственная ты моя! — шепталъ онъ и тоже цѣловалъ ее.

Оба они стирали поцѣлуями слезы другъ друга и оба чувствовали ихъ солоноватый вкусъ. И долго еще говорилъ Орловъ новыми словами.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Небо, пышно расцвѣченное безчисленными роями звѣздъ, смотрѣло на землю съ торжественной грустью, а въ полѣ было тихо, точно въ небѣ.

У нихъ вошло въ привычку пить чай вмѣстѣ. На другое утро послѣ разговора въ полѣ Орловъ явился въ комнату жены чѣмъ-то сконфуженный и хмурый. Фелицата захворала, Матрена была одна въ комнатѣ и встрѣтила мужа съ сіяющимъ лицомъ, но тотчасъ же потемнѣла и тревожно спросила у него:

— Что̀ ты такой? Нездоровится?

— Нѣтъ, ничего,—сухо отвѣтилъ онъ, садясь на стулъ и подвигая къ себѣ уже налитый чай.

— А что̀ же?—добивалась Матрена.

— Не спалось. Все думалъ... Раскудахтались мы съ тобой вчера, смякли... и мнѣ теперь стыдно себя... Ни къ чему все это. Ваша сестра въ такихъ разахъ норовитъ человѣка въ руки взять... н-да... Только ты про это не мечтай—не удастся... Меня ты не обойдешь, и я тебѣ не поддамся... Такъ и знай!

Онъ сказалъ все это очень внушительно, но на жену не смотрѣлъ. Матрена все время не отводила глазъ отъ его лица, и губы его странно искривились.

— Что̀ же, ты каешься въ томъ, что вчера такимъ мнѣ близкимъ былъ?—тихо спросила она.—Каешься, что цѣловалъ да ласкалъ меня? Это, что ли? Обидно мнѣ это слышать... очень горько, рвешь ты мнѣ сердце такими рѣчами. Что̀ тебѣ надо? Скучно тебѣ со мной... не люба я тебѣ, или что̀?

Она смотрѣла не него подозрительно, и въ тонѣ ея звучали и горечь и вызовъ мужу.

— Н-нѣтъ, — смущенно сказалъ Григорій, — я вообще... Жили мы съ тобой въ ямѣ... знаешь сама, что̀ за жизнь! Даже вспоминать тошно. И вотъ теперь поднялись .. и боязно чего-то. Все такъ скоро перемѣнилось... И я самъ себѣ какъ чужой, и ты другая будто бы. Это что̀ такое? И что̀ за этимъ будетъ?

— Что̀ Богъ дастъ, Гриша!—серьезно сказала Матрена.— Ты только не кайся въ томъ, что хорошъ вчера былъ.

— Ладно, брось...—все такъ же смущенно и вздыхая остановилъ ее Григорій.—Я, видишь ли, думаю, что все-таки ничего не выйдетъ у насъ. И прежняя жизнь наша не цвѣтиста, и теперешняя мнѣ не по душѣ. И хоть не пью я, не дерусь съ тобой, не ругаюсь...

Матрена судорожно засмѣялась.

— Некогда тебѣ заниматься-то всѣмъ этимъ.

— Напиться я всегда бы нашелъ время,—улыбнулся Орловъ.—Не тянетъ... вотъ диво! А потомъ мнѣ вообще какъ-то... не то совѣстно чего-то, не то боязно...—Онъ тряхнулъ головой и задумался.

— Господь тебя знаетъ, что̀ съ тобой,—тяжело вздохнувъ, сказала Матрена.—Житье хорошее, хоть работы и много; всѣ доктора тебя любятъ, самъ ты въ аккуратѣ себя держишь... ужъ я не знаю что̀? Безпокойный ты очень.

— Это вѣрно, безпокойный... Вотъ я думалъ ночью: Петръ Ивановичъ говоритъ: всѣ люди равны другъ другу, а я развѣ не человѣкъ, какъ всѣ? Но однако докторъ Ващенко получше меня, и Петръ Ивановичъ получше, и многіе другіе... Значитъ, они мнѣ не равны... и я имъ не ровня, я это чувствую. Они вылѣчили Мишку Усова и рады... А я этого не понимаю. И вообще чему радоваться, коли человѣкъ выздоровѣлъ? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правдѣ. Они понимаютъ это, но рады... И я тоже хотѣлъ бы порадоваться, какъ они, а не могу... Потому что—чему же радоваться опять-таки?

— А они жалѣютъ людей,—возразила Матрена,—охъ какъ жалѣютъ! У насъ тоже... начнетъ поправляться больная, такъ, Господи, что̀ дѣлается! А которая бѣдная идетъ на выписку, такъ ей и совѣтовъ, и денегъ, и лѣкарствъ надаютъ... Даже слеза меня прошибаетъ... добрые люди, жалостливые!

— Вотъ и ты говоришь—слеза... А меня удивленіе беретъ... Больше ничего.—Орловъ повелъ плечами и потеръ себѣ голову, недоумѣвающе поглядѣвъ на жену.

У нея откуда-то явилось краснорѣчіе, и она съ усердіемъ начала доказывать мужу, что люди вполнѣ достойны жалости.

Наклонясь къ нему и глядя въ лицо его ласкающими глазами, она долго говорила ему про людей и тяжесть жизни, а онъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

„Ишь какъ говоритъ! Откуда у нея слова?“

— Вѣдь и самъ ты жалостливый—говоришь, удушилъ бы холеру, ежели бы сила. А для чего? Кому она помѣха? Людямъ, а не тебѣ: тебѣ отъ того, что она явилась, даже лучше жить стало.

Орловъ вдругъ расхохотался.

— А вѣдь вѣрно! И впрямь лучше! Ахъ, ты, дуй его горой! Люди мрутъ, а мнѣ отъ этого жить лучше, а?.. Вотъ такъ жизнь! Тьфу!

Онъ всталъ и, смѣясь, ушелъ на дежурство. Когда онъ шелъ по коридору, у него вдругъ явилось сожалѣніе о томъ, что, кромѣ него, никто не слышалъ рѣчей Матрены. „Ловко говорила! Баба, баба, а тоже понимаетъ кое-что“. И, охваченный какимъ-то пріятнымъ чувствомъ, онъ вошелъ въ свое отдѣленіе навстрѣчу хрипамъ и стонамъ больныхъ.

Матрена, въ свою очередь, всячески старалась расширить свое возрастающее значеніе въ жизни мужа. Трудовая и бойкая жизнь въ баракѣ сильно приподняла ея самооцѣнку,—это случилось незамѣтно для Матрены. Она не думала, не разсуждала, но, вспоминая свою прежнюю жизнь въ подвалѣ, въ тѣсномъ кругу заботъ о мужѣ и хозяйствѣ, она невольно сравнивала прошлое съ настоящимъ, и мрачныя картины подвальнаго существованія постепенно отходили все далѣе и далѣе отъ нея. Барачное начальство полюбило ее за смѣтливость и умѣнье работать, всѣ относились къ ней ласково, въ ней видѣли человѣка, и это было ново для нея оживляло ее...

Однажды, во время ночного дежурства, толстая докторша начала разспрашивать ее объ ея жизни, и Матрена, охотно и открыто разсказывая ей про свою жизнь, вдругъ замолчала, улыбаясь.

— Ты что̀ смѣешься?—спросила докторша.

— Да такъ... очень ужъ плохо жила я... и вѣдь, повѣрите ли, милая моя барыня,—не понимала я этого... вотъ до сего часу не понимала, какъ плохо.

Послѣ этого смотра прошлому въ душѣ Орловой родилось странное чувство къ мужу, она все такъ же любила его, какъ и раньше—слѣпой любовью самки, но ей стало казаться, какъ будто Григорій должникъ ея. Порой она, говоря съ нимъ, принимала тонъ покровительственный, ибо онъ часто возбуждалъ въ ней жалость своими безпокойными рѣчами.

Но все-таки иногда ее охватывало сомнѣніе въ возможности тихой и мирной жизни съ мужемъ, хотя вообще она вѣрила, что Григорій остепенится и погаснетъ въ немъ его тоска.

Роковымъ образомъ они должны были сблизиться другъ съ другомъ и—оба молодые, трудоспособные, сильные—они зажили бы сѣрой жизнью полусытой бѣдности, кулацкой жизнью, всецѣло поглощенной погоней за грошомъ, но отъ этого конца ихъ спасло то, что̀ Гришка называлъ своимъ „безпокойствомъ въ сердцѣ“ и что̀ не могло помириться съ буднями.

тромъ хмураго сентябрьскаго дня на дворъ барака въѣхала фура, и Пронинъ вынулъ изъ нея маленькаго мальчика, перепачканнаго красками, костляваго, желтаго, едва дышавшаго.

— Опять изъ дома Петунникова, съ Мокрой улицы,—сообщилъ возница на вопросъ, откуда больной.

— Чижикъ!—огорченно вскричалъ Орловъ,—ахъ, ты, Господи! Сенька! Чижъ! Ты меня узнаёшь?

— У...узналъ...—съ усиліемъ сказалъ Чижикъ, лежа на носилкахъ и медленно заводя глаза подъ лобъ, чтобы видѣть Орлова, который шелъ у него въ головахъ и склонился надъ нимъ.

— Ахъ, ты... веселая птица! Какъ же это ты сбрендилъ?—спрашивалъ Орловъ. Онъ былъ какъ-то странно встревоженъ видомъ этого мальчугана, измученнаго болѣзнью.—Мальчишку-то за что?—воплотилъ онъ въ одинъ вопросъ свои ощущенія и печально качнулъ головой.

Чижикъ молчалъ и пожимался.

— Холодно,—сказалъ онъ, когда его положили на койку и стали снимать съ него покрашенныя всѣми красками лохмотья.

— А вотъ мы тебя сейчасъ въ горячую воду пустимъ...—обѣщалъ Орловъ.—И вылѣчимъ.

Чижикъ потрясъ головенкой и зашепталъ:

— Не вылѣчишь... Дяденька Григорій... наклонись-ка... ухомъ. Гармонику-то я стащилъ... Она въ дровяникѣ... Третьяго-дня въ первый разъ тронулъ послѣ того, какъ укралъ. А-ахъ, какая! Спряталъ ее... а тутъ и брюхо заболѣло... Вотъ... Значитъ, за грѣхъ это... Она подъ лѣстницей на стѣнкѣ виситъ... и дровами я ее заложилъ... Вотъ... Ты, дяденька Григорій, отдай ее... У гармониста сестра есть... Спрашивала... От-да-ай!...—Онъ застоналъ и началъ корчиться въ судорогахъ.

Съ нимъ сдѣлали все, что̀ могли, но истощенное, худое

тѣльце не крѣпко держало въ себѣ жизнь, и вечеромъ Орловъ несъ его на носилкахъ въ мертвецкую. Несъ и чувствовалъ себя такъ, точно его обидѣли.

Въ мертвецкой Орловъ попробовалъ расправить тѣло Чижика, но ему не удалось. Орловъ ушелъ убитый, хмурый, унося съ собой образъ изувѣченнаго страшною болѣзнью веселаго мальчика.

Его охватило разслабляющее сознаніе своего безсилія передъ смертью и непониманіе ея. Сколько онъ хлопоталъ около Чижика, какъ ревностно трудились надъ нимъ доктора... умеръ мальчикъ! Это обидно... Вотъ и его, Орлова, схватитъ однажды и скрючитъ... И кончено. Ему стало страшно, и рядомъ съ этимъ чувствомъ его охватило одиночество. Поговорить бы съ умнымъ человѣкомъ насчетъ всего этого. Онъ не разъ пробовалъ завести обширный разговоръ съ кѣмъ-либо изъ студентовъ, но никто не имѣлъ времени для философіи. Приходилось итти къ женѣ и говорить съ ней. И онъ пошелъ къ ней, хмурый и печальный.

Она только-что смѣнилась съ дежурства и мылась въ углу комнаты, но самоваръ уже стоялъ на столѣ и наполнялъ воздухъ паромъ и шипѣніемъ.

Григорій молча сѣлъ на стулъ и сталъ смотрѣть на голыя, круглыя плечи жены. Самоваръ бурлилъ, плескалась вода, Матрена фыркала, по коридору взадъ и впередъ быстро бѣгали служителя, и Григорій по походкѣ старался опредѣлить, кто идетъ.

Вдругъ ему представилось, что плечи Матрены такъ же холодны и покрыты такимъ же липкимъ потомъ, какъ у Чижика, когда тотъ корчился въ судорогахъ на больничной койкѣ. Онъ вздрогнулъ и глухо сказалъ:

— Умеръ Сенька-то...

— Умеръ!? Царство небесное новопреставленному отроку Семену!—молитвенно сказала Матрена и вслѣдъ затѣмъ начала свирѣпо плеваться—мыло попало ей въ ротъ.

— Жалко мнѣ его,—вздохнулъ Григорій.

— Озорникъ больно былъ.

— Умеръ и шабашъ! Не твое теперь дѣло, каковъ онъ былъ... А что умеръ—это жалко. Бойкій былъ, шустрый... Гармонику... Гм! Ловкій мальченка... Я иной разъ смотрѣлъ на него и думалъ: взять его къ себѣ въ родѣ какъ въ ученики... Сирота онъ... привыкъ бы и сталъ замѣсто сына намъ... Потому—нѣтъ вотъ у насъ дѣтей-то... Нѣтъ... Здоровенная ты такая, а не родишь... Родила одинъ разъ, да и кончено. Эхъ, ты! Были бы у насъ пискуны этакіе, глядишь, не такъ

скучно жилось бы намъ... А то вотъ живи, работай... А для чего? Для пропитанія своего и твоего... А куда мы... куда намъ пропитаніе? Чтобы работать... Колесо безсмысленное и выходитъ... А ежели были бы дѣти—другой разговорецъ. Н-да...

Онъ говорилъ это, низко опустивъ голову, тономъ грусти и недовольства. Матрена стояла передъ нимъ и слушала, постепенно блѣднѣя.

— Я здоровый, ты здоровая, а дѣтей нѣтъ... Что такое? Почему? Н-да... Думаешь, думаешь этакъ-то и... запьешь.

— Врешь!—твердо и громко сказала Матрена.—Врешь ты! Не смѣй ты мнѣ этихъ подлыхъ твоихъ словъ говорить... слышишь? Не смѣй! Пьешь ты—такъ себѣ, изъ баловства, потому что сдержать себя не можешь, а бездѣтство мое ни при чемъ тутъ; врешь, Гришка!

Григорій былъ ошеломленъ. Онъ откинулся на спинку стула, взглянулъ на жену и не узналъ ея. Никогда раньше онъ не видалъ ея такой разъяренной, никогда не смотрѣла она на него безжалостно-злыми глазами и не говорила съ такой силой въ словахъ.

— Ну, ну?!—вызывающе произнесъ Григорій, вцѣпившись руками въ сидѣнье стула.—Ну-ка, говори еще!

— И скажу! Не сказала бы, но укора твоего такого не могу снести! Не рожу я тебѣ? И не буду! Не могу ужъ... Не рожу!..—рыданіе послышалось въ ея крикѣ.

— Не ори,—предупредилъ ее мужъ.

— Почему не рожу, а? Ну-ка, вспомни, Гриша, сколько ты меня билъ? Сколько пинковъ въ бока мнѣ насыпалъ?.. Сосчитай-ка! Какъ ты мучилъ, истязалъ меня? Знаешь ли ты, сколько крови изъ меня лилось послѣ мучительства твоего? По шею рубаха-то въ крови бывала! Вотъ почему не рожу, мужъ милый! Какъ же ты можешь упреки мнѣ дѣлать за это, а? Какъ же харѣ твоей не совѣстно смотрѣть-то на меня?.. Вѣдь убивецъ ты! Понимаешь ли—убивецъ! Убивалъ ты, самъ убивалъ дѣтокъ-то своихъ! А теперь меня упрекаешь за то, что не рожу... Все я отъ тебя сносила, все я тебѣ прощала,—этакихъ словъ вовѣки не прощу! Умирать буду—вспомню! Неужто ты не понимаешь, что самъ виноватъ, что извелъ ты меня? Неужто я не какъ всѣ женщины—не хочу дѣтей? Не хочу, думаешь!? Многія ночи я, не спамши, Господа Бога молила сохранить дитя въ утробѣ моей отъ тебя, убивца... Вижу дитя чужое—горечью захлебываюсь отъ зависти да жалости къ себѣ... Мнѣ бы... Царица Небесная!.. Семку этого... тихонько ласкала... Что я? Господи! Безплодная...

Она стала задыхаться. Слова прыгали изъ ея рта безъ смысла и безъ связи.

Лицо у нея было все въ пятнахъ, она дрожала и царапала себѣ шею, потому что въ горлѣ ея клокотали рыданія. Крѣпко держась за стулъ, Григорій, блѣдный и подавленный, сидѣлъ противъ нея и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на эту чужую ему женщину. И боялся ея... боялся, что она вцѣпится ему въ горло и задушитъ его. Именно это обѣщали ему ея страшные, горящіе злобой глаза. Она была теперь вдвое сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и трусилъ; не могъ встать и ударить ее, какъ сдѣлалъ бы, если бы не понималъ, что она переродилась, точно впитала въ себя великую силу откуда-то.

— Душу ты мнѣ задѣлъ... Гришка! Великъ твой грѣхъ передо мной! Терпѣла я, молчала... люблю тебя, потому что... но не могу я попрека такого снести!.. Силъ ужъ нѣтъ... Богоданный ты мой! будь ты за слова твои трижды прокл...

— Молчать!—рявкнулъ Гришка, оскаливъ зубы.

— Вы, скандалисты! Забыли, гдѣ вы? Черти проклятые!

У Григорія былъ туманъ въ глазахъ. Не разобралъ онъ, кто стоитъ въ двери и говоритъ басомъ; выругался скверными словами, оттолкнулъ человѣка въ сторону и убѣжалъ въ поле. А Матрена, постоявъ среди комнаты съ минуту, шатаясь и точно слѣпая, протянувъ руки впередъ, подошла къ койкѣ и со стономъ свалилась на нее.

Темнѣло, и уже въ окна комнаты съ неба изъ сизыхъ, рваныхъ тучъ заглядывала любопытно золотистая луна, покрывая полъ тѣнями.

Вскорѣ по стекламъ оконъ и стѣнѣ барака зашуршалъ мелкій частый дождь—предвѣстникъ безконечныхъ, наводящихъ тоску дождей хмурой осени.

Маятникъ часовъ равномѣрно отбивалъ секунды, неустанно били въ стёкла капли дождя. Одинъ за другимъ шли часы и дождь все шелъ, а на койкѣ неподвижно лежала женщина и смотрѣла воспаленными глазами въ потолокъ. Лицо у нея было мрачное, строгое, зубы крѣпко стиснуты, скулы выдались, и въ глазахъ свѣтились страхъ и тоска. А дождь все шуршалъ о стѣны и стёкла; казалось, онъ настойчиво шепчетъ что-то утомительно-однообразное, хочетъ убѣдить кого-то въ чемъ-то, но не имѣетъ достаточно страсти для того, чтобы сдѣлать это быстро, красиво, съ силой, и надѣется достичь своей цѣли мучительною, безконечно-длинною, безцвѣтною проповѣдью, въ которой нѣтъ искренняго паѳоса вѣры.

Дождь шелъ и тогда, когда небо покрылось предразсвѣт-

нымъ колоритомъ, обѣщающимъ ненастный день и такъ похожимъ на цвѣтъ пожа, долго бывшаго въ употребленіи и лишеннаго блеска полировки. А Матрена все еще не могла уснуть. Въ монотонномъ шумѣ дождя она слышала тоскливый и пугавшій ее вопросъ:

— Что-то теперь будетъ? Что-то теперь будетъ?

Онъ неотвязно звучалъ за окнами и отзывался ноющей болью во всемъ существѣ ея.

— Что-то теперь будетъ?

Женщина боялась отвѣчать себѣ, хотя отвѣтъ то и дѣло вспыхивалъ предъ нею въ образѣ пьянаго и звѣрски-свирѣпаго мужа. Но ей было трудно разстаться съ мечтой о спокойной, любовной жизни, она уже сжилась съ этой мечтой и гнала прочь отъ себя угрожающее предчувствіе. И въ то же время у нея мелькало сознаніе, что если это случится—запьетъ Григорій, она уже не сможетъ съ нимъ. Она видѣла его другимъ, сама стала другая, и прежняя жизнь возбуждала въ ней боязнь и отвращеніе—чувства новыя, ранѣе невѣдомыя ей. Но она была женщина и въ концѣ концовъ она стала обвинять себя за эту размолвку съ мужемъ.

— И какъ это все вышло?.. О, Господи!.. Точно я съ крючка сорвалась...

Въ такихъ противорѣчивыхъ, мучительныхъ думахъ прошелъ еще одинъ длинный часъ. Разсвѣло. Въ полѣ клубился тяжелый туманъ, и неба не видно было сквозь его сѣрую мглу.

— Орлова! Дежурить...

Машинально повинуясь этому зову, брошенному въ дверь ея комнаты, она медленно поднялась съ постели, наскоро умылась и пошла въ баракъ, чувствуя себя безсильной и полубольной. Въ баракѣ она вызвала общее недоумѣніе вялостью своихъ движеній и угрюмымъ лицомъ съ погасшими глазами.

— Орлова! Вамъ, кажется, нездоровится?—спросила ее докторша.

— Ничего...

— Да вы скажите, не стѣсняясь! Вѣдь можно замѣнить васъ...

Матренѣ стало совѣстно, ей не хотѣлось выдавать своей боли и страха предъ этимъ хорошимъ, но все-таки чужимъ ей человѣкомъ. И, почерпнувъ изъ глубины своей измученной души остатокъ бодрости, она, усмѣхаясь, сказала докторшѣ:

— Ничего! Съ мужемъ я немножко повздорила... Пройдетъ это... не въ первинку...

— Бѣдная вы!—вздохнула докторша, знавшая ея жизнь.

Матренѣ захотѣлось упасть передъ ней, ткнуться головой въ ея колѣни и заревѣть... Но она сдержалась и только плотно сжала губы да провела рукой по горлу, какъ бы отталкивая готовое вырваться рыданіе назадъ въ грудь.

Смѣнившись съ дежурства, она вошла въ свою комнату и прежде всего посмотрѣла въ окно. По полю къ бараку двигалась фура,—должно-быть, везли больного. Мелкій дождь сыпался изъ сѣрыхъ тучъ... Больше ничего не было тамъ. Матрена отвернулась отъ окна и, тяжело вздохнувъ, сѣла за столъ, занятая своимъ вопросомъ.

— Что-то теперь будетъ?

И сердце ея билось въ тактъ этимъ словамъ...

Долго сидѣла она, одинокая, въ тяжелой полудремотѣ, и каждый разъ шумъ шаговъ въ коридорѣ заставлялъ ее вздрагивать и, привставъ со стула, смотрѣть на дверь...

Но когда наконецъ эта дверь отворилась и вошелъ Григорій, она не вздрогнула и не встала, ибо почувствовала себя такъ, точно осеннія тучи съ неба вдругъ опустились на нее всей своей тяжестью.

А Григорій остановился у порога, бросилъ на полъ свой мокрый картузъ и, громко топая ногами, пошелъ къ женѣ. Съ него текла вода. Лицо у него было красное, глаза тусклые и губы растягивались въ широкую, глупую улыбку. Онъ шелъ, и Матрена слышала, какъ въ сапогахъ его хлюпала вода. Онъ былъ жалокъ и въ этомъ видѣ не представлялся ей.

— Хорошъ!—тихо сказала она.

Григорій глупо мотнулъ головой и спросилъ у нея:

— Хочешь, въ ноги поклонюсь?

Она молчала.

— Не хочешь? Ну, твое дѣло... А я все думалъ: виноватъ я предъ тобой или нѣтъ? Выходитъ—виноватъ. Вотъ я и говорю: хочешь, въ н-ноги поклонюсь?

Она молчала, вдыхая запахъ водки, исходившій отъ него и душу ея разъѣдало горькое чувство.

— Ты вотъ что—ты не кобенься! Пользуйся, пока я смирный,—повышая голосъ, говорилъ Григорій.—Ну, прощаешь?

— Пьяный ты,—сказала Матрена, вздыхая.—Иди-ка спать...

— Врешь, я не пьяный, а усталъ я. Я все ходилъ и думалъ... Я, братъ, много думалъ... о! ты смотри!...

Онъ погрозилъ ей пальцемъ, криво усмѣхаясь.

— Что молчишь?

— Не могу я съ тобой говорить.

— Не можешь? А почему?

Онъ вдругъ весь вспыхнулъ, и голосъ у него сталъ тверже.

— Ты вчера накричала на меня тутъ, налаяла... ну, а я вотъ у тебя же прощенья прошу. Понимай!

Онъ сказалъ это очень зловѣще, у него вздрагивали губы и ноздри раздувались. Матрена знала, что̀ это значитъ, и предъ ней въ яркихъ о̀бразахъ воскресало прежнее: подвалъ, субботнія сраженія, тоска и духота ихъ жизни.

— Понимаю я!—рѣзко сказала она.—Вижу... опять ты озвѣрѣешь теперь... эхъ, ты!

— Озвѣрѣю? Это... къ дѣлу не идетъ... Я говорю: простишь? Ты что̀ думаешь? Нужно мнѣ оно, твое прощенье? Превосходно обойдусь и безъ него... но однако хочу вотъ, чтобъ ты меня простила... Поняла?

— Уйди ты отъ меня, Григорій!—тоскливо воскликнула женщина, отвертываясь отъ него.

— Уйти?—зло засмѣялся Гришка.—Уйти, а ты чтобы осталась на волѣ? Ну, нѣ-ѣтъ! А ты это видѣла?

Онъ схватилъ ее за плечо, рванулъ къ себѣ и поднесъ къ ея лицу ножъ—короткій, толстый и острый кусокъ ржаваго желѣза

— Н-ну?

— Эхъ, кабы ты меня зарѣзалъ,—глубоко вздохнувъ, сказала Матрена, и, освободясь изъ-подъ его руки, вновь отвернулась отъ него. Тогда и онъ отшатнулся отъ нея, пораженный не ея словами, а тономъ ихъ. Онъ слыхалъ изъ ея устъ эти слова, не разъ слыхалъ, но такъ—она никогда не говорила ихъ. И то, что она, не боясь ножа, отвернулась отъ него, усилило его изумленіе и растерянность. Нѣсколько секундъ тому назадъ для него было бы легко ударить ее, но теперь онъ не могъ и не хотѣлъ этого. Почти испуганный ея равнодушіемъ къ угрозѣ, онъ бросилъ ножъ на столъ и съ тупой злобой спросилъ жену:

— Дьяволъ! Чего тебѣ нужно?

— Ничего мнѣ не надо, ничего!—задыхаясь, крикнула Матрена.—А ты что̀? Убить пришелъ? Ну и убей!

Григорій смотрѣлъ на нее и молчалъ, не зная, что̀ ему теперь дѣлать, и не видя ничего яснаго въ своихъ спутанныхъ чувствахъ. Онъ пришелъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ побѣдить жену. Вчера, во время столкновенія, она была сильнѣе его, онъ это чувствовалъ, и это унижало его въ своихъ глазахъ. Непремѣнно нужно было, чтобы она опять подчинилась ему, онъ не понималъ—зачѣмъ, но твердо зналъ—нужно. Натура страстная, онъ много пережилъ и передумалъ за эти сутки и—темный человѣкъ—не умѣлъ разобраться въ хаосѣ тѣхъ чувствъ, которыя возбудила въ немъ жена смѣло

брошеннымъ ему правдивымъ обвиненіемъ. Онъ понималъ, что это возстаніе противъ него, и принесъ съ собой ножъ, чтобъ испугать Матрену: онъ убилъ бы ее, если бъ она не такъ пассивно сопротивлялась его желанію подчинить ее. Но вотъ она была предъ нимъ, беззащитная, убитая тоской и все-таки сильнѣе его. Ему было обидно видѣть это, и обида дѣйствовала на него отрезвляюще.

— Слушай!—сказалъ онъ,—ты не фордыбачь! Ты знаешь, я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... ахну вотъ тебя въ бокъ—и шабашъ! И всей исторіи будетъ точка!.. Очень просто...

Почувствовавъ, что онъ говоритъ не то, что̀ нужно, Григорій замолчалъ. Матрена не двигалась, отвернувшись отъ него. Въ ней происходилъ лихорадочно-быстрый подсчетъ всего пережитаго съ мужемъ и бился этотъ неотвязный вопросъ: „Что-то теперь будетъ?“.

— Мотря!—вдругъ тихо заговорилъ Григорій, опираясь на столъ рукой и наклоняясь къ женѣ.—Али я виноватъ, что... все не тово... не въ порядкѣ?.. Вѣдь очень ужъ тошно мнѣ!

Онъ покручилъ головой и вздохнулъ.

— Такъ мнѣ тошно! Такъ мнѣ тѣсно на землѣ! Вѣдь развѣ это жизнь? Ну, скажемъ, холерные,—что̀ они? Развѣ они мнѣ поддержка? Одни помрутъ, другіе выздоровѣютъ... а я опять долженъ буду жить. Какъ жить? Не жизнь—однѣ судороги... развѣ не обидно это? Вѣдь я все понимаю, только мнѣ трудно сказать, что я не могу такъ жить... а какъ мнѣ надо—не знаю! Ихъ, вонъ, лѣчатъ и всякое имъ вниманіе... а я здоровый, но ежели у меня душа болитъ, развѣ я ихъ дешевле? Ты подумай—вѣдь я хуже холернаго... у меня въ сердцѣ судороги—вотъ въ чемъ гвоздь!.. А ты на меня кричишь!.. Ты думаешь, я звѣрь? Пьяница—и все тутъ? Эхъ, ты... баба ты! Деревянная...

Онъ говорилъ тихо и вразумительно, но она плохо слышала его рѣчь, занятая строгимъ смотромъ прошлаго.

— Ты вотъ молчишь...—говорилъ Гришка, прислушиваясь, какъ въ немъ растетъ что-то новое и сильное.—А что̀ ты молчишь? Чего ты хочешь?

— Ничего я отъ тебя не хочу!—воскликнула Матрена.—Что̀ ты гвоздишь меня? Что̀ мучишь? Чего тебѣ надо?

— Чего! А того... чтобы, стало-быть...

Но тутъ Орловъ почувствовалъ, что не можетъ сказать ей, чего именно ему нужно,—такъ сказать, чтобъ все сразу было ясно и ему и ей. Онъ понялъ, что между ними образовалось что-то, чего уже не разберешь никакими словами...

Тогда въ немъ вдругъ и ярко вспыхнула дикая злоба. Онъ

съ размаха ударилъ жену кулакомъ по затылку и звѣремъ зарычалъ:

— Ты что̀, вѣдьма, а? Ты что̀ играешь? Убью, стерва!

Она отъ удара ткнулась лицомъ въ столъ, но тотчасъ же вскочила на ноги и, глядя въ лицо мужа взглядомъ ненависти, твердо, громко и кратко сказала:

— Бей!

— Цыцъ!

— Бей! Ну?

— Ахъ, ты, дьяволъ!

— Нѣтъ ужъ, Григорій, будетъ! Не хочу я больше этого...

— Цыцъ!

— Не дамъ я тебѣ измываться надо мной...

Онъ заскрипѣлъ зубами и отступилъ отъ нея на шагъ— быть-можетъ, для того, чтобы удобнѣе ударить ее.

Но въ этотъ моментъ дверь отворилась, и на порогѣ явился докторъ Ващенко.

— Эт-то что̀ такое? Вы гдѣ, а? Вы что̀ это тутъ разыгрываете?

Лицо у него было строгое и изумленное. Орловъ нимало не смутился при видѣ его и даже поклонился ему, говоря:

— А такъ это... дезинфекція промежду мужемъ и женой...

И онъ судорожно усмѣхнулся въ лицо доктору...

— Ты почему не явился на дежурство?—рѣзко крикнулъ докторъ, раздраженный усмѣшкой.

Гришка пожалъ плечами и спокойно объявилъ:

— Занятъ былъ... по своимъ дѣламъ...

— Такъ... да! А скандалилъ тутъ вчера—кто?

— Мы...

— Вы? Очень хорошо... Вы ведете себя по-домашнему... безъ спроса шляетесь...

— Не крѣпостные, потому что...

— Молчать! Кабакъ вы тутъ устроили... скоты! Я покажу вамъ, гдѣ вы...

Приливъ дикой удали, страстнаго желанія все опрокинуть, вырваться изъ гнетущей душу путаницы, горячей волной охватилъ Гришку. Ему показалось, что вотъ сейчасъ онъ сдѣлаетъ что-то необыкновенное и сразу разрѣшитъ свою темную душу отъ путъ, связавшихъ ее. Онъ вздрогнулъ, почувствовалъ пріятный холодокъ въ сердцѣ и, съ какой-то кошачьей ужимкой повернувшись къ доктору, сказалъ ему:

— Вы не безпокойте глотку, не орите... я знаю, гдѣ я— въ морильнѣ!

— Что-о? Какъ ты сказалъ?—нагнулся къ нему пораженный докторъ.

Гришка понялъ, что сказалъ дикое слово, но не охладѣлъ отъ этого, а еще болѣе распалился.

— Ничего, сойдетъ! Скушаете... Матрена! Собирайся.

— Нѣтъ, голубчикъ, постой! Ты мнѣ отвѣть...—съ зловѣщимъ спокойствіемъ произнесъ докторъ.—Я тебя, мерзавецъ, за это...

Гришка въ упоръ смотрѣлъ на него и заговорилъ, чувствуя себя такъ, точно онъ прыгаетъ куда-то и съ каждымъ прыжкомъ ему дышится все легче...

— Вы, Андрей Степановичъ, не кричите... не ругайтесь... Вы думаете, ежели холера, то вы и можете надо мной командовать? Напрасная мечта... Что вы лѣчите, такъ это даже и не нужно никому... А что я сказалъ—морилка, это, конечно, пустое слово, и я дразнился... Но вы все-таки не очень орите...

— Нѣтъ, врешь!—спокойно сказалъ докторъ.—Я тебя проучу... Эй, подите сюда!

Въ коридорѣ уже столпились люди... Гришка прищурилъ глаза и сцѣпилъ зубы.

— Я не вру и не боюсь... а коли вамъ нужно проучить меня, то я для вашего удобства и еще скажу...

— Н-ну? Скажи...

— Я пойду въ городъ и цыкну: „Ребята! А знаете, какъ холеру лѣчатъ?“

— Что-о?—широко раскрылъ глаза докторъ.

— Такъ тогда мы тутъ такую дезинфекцію съ лиминаціей..

— Что̀ ты говоришь, чортъ тебя возьми!—глухо вскричалъ докторъ. Раздраженіе уступило въ немъ мѣсто изумленію предъ этимъ парнемъ, котораго онъ зналъ, какъ трудолюбиваго и неглупаго работника, и который теперь, неизвѣстно зачѣмъ, безтолково и нелѣпо лѣзъ въ петлю...

— Что̀ ты мелешь дуракъ?

— Дуракъ!—отозвалось эхомъ во всемъ существѣ Гришки. Онъ понялъ, что этотъ приговоръ справедливъ, и еще болѣе обидѣлся.

— Что̀ я говорю! Я знаю... Мнѣ все равно...—говорилъ онъ, дико сверкая глазами.—Я такъ понимаю теперь, что нашему брату всегда все равно... и совсѣмъ напрасно стѣсняемся мы въ нашихъ чувствахъ... Матрена, собирайся!

— Я не пойду!—твердо заявила Матрена.

Докторъ смотрѣлъ на нихъ круглыми глазами и теръ себѣ лобъ, ничего не понимая.

— Ты... пьяный или сумасшедшій человѣкъ! Понимаешь ты, что̀ дѣлаешь?

Гришка не сдавался, не могъ сдаться. И въ отвѣтъ доктору онъ говорилъ иронически:

— А вы какъ понимаете? Вы-то что дѣлаете? Дезинфекцію, ха-ха! Больныхъ лѣчите... а здоровые помираютъ отъ тѣсноты жизни... Матрена! Башку разобью! Иди...

— Я съ тобой не пойду!

Она была блѣдна и неестественно неподвижна, но глаза ея смотрѣли въ лицо мужа твердо и холодно. Гришка, несмотря на весь свой геройскій куражъ, отвернулся отъ нея и, опустивъ голову, замолчалъ.

— Тьфу!—плюнулъ докторъ.—Самъ дьяволъ не разберетъ, что это такое... Ты! Пошелъ вонъ! Ступай и благодари, что тебя не приструнилъ... Тебя бы слѣдовало подъ судъ... болванъ! Пошелъ!

Григорій молча взглянулъ на доктора и опять поникъ. Ему было бы лучше, если бы его побили или хоть отправили въ полицію... Но докторъ былъ добрый человѣкъ и видѣлъ, что Орловъ почти невмѣняемъ...

— Послѣдній разъ говорю—идешь ты?—сипло спросилъ Гришка жену.

— Нѣтъ, не пойду,—отвѣтила она и немножко согнулась, точно ожидая удара.

Гришка махнулъ рукой.

— Ну... чортъ васъ всѣхъ возьми!.. да и на кой дьяволъ вы нужны мнѣ?

— Ты, дубина дикая...—урезонивающе началъ докторъ.

— Не лайтесь!—крикнулъ Гришка.—Ну, шлюха проклятая,—ухожу я! Чай, не увидимся... а можетъ, увидимся... это ужъ какъ я захочу! Но ежели увидимся—нехорошо тебѣ будетъ, такъ и знай!

И Орловъ двинулся къ двери.

— Прощай... трагикъ! — сардонически сказалъ докторъ, когда Гришка поровнялся съ нимъ.

Григорій остановился и, поднявъ на доктора тоскливо сверкавшіе глаза, сдержанно и негромко заявилъ:

— А вы меня не троньте... не заводите пружину съ начала... развернулась она, никого не задѣла... ну, и ладно.

Онъ поднялъ съ пола картузъ, налѣпилъ его себѣ на голову, поежился и ушелъ, не взглянувъ на жену.

На нее пытливо смотрѣлъ докторъ. Она стояла предъ нимъ, блѣдная, съ какимъ-то безчувственнымъ лицомъ. Докторъ кивнулъ головой вслѣдъ Григорію и спросилъ ее:

— Что съ нимъ?

— Не знаю...

— Гм... А куда онъ теперь?

— Пьянствовать!—твердо отвѣтила Орлова.

Докторъ повелъ бровями и ушелъ.

Матрена посмотрѣла въ окно. Отъ барака къ городу, въ вечернемъ сумракѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ быстро двигалась фигура мужчины. Одна, среди мокраго, сѣраго поля...

...Лицо Матрены Орловой поблѣднѣло еще болѣе, она оборотилась въ уголъ, стала на колѣни и начала молиться, усердно отбивая земные поклоны, задыхаясь въ страстномъ шопотѣ своей молитвы и растирая грудь и горло дрожащими отъ возбужденія руками.

Однажды я осматривалъ ремесленную школу въ N. Моимъ чичероне былъ знакомый человѣкъ, одинъ изъ основателей ея. Онъ водилъ меня по образцово устроенной школѣ и разсказывалъ:

— Какъ видите, мы можемъ похвалиться... чадо наше растетъ и развивается на славу. Учительскій персоналъ на удивленіе подобрался. Въ сапожной и башмачной мастерской, напримѣръ, учительница — простая сапожница, баба, т.-е. даже бабеночка, вкусная такая, шельма, но безупречнѣйшаго поведенія. Впрочемъ, это къ чорту... н-да. Такъ вотъ, эта бабочка—простая, говорю, сапожница, но какъ она работаетъ!.. какъ умѣло преподаетъ свое ремесло, съ какою любовью относится къ ребятишкамъ—изумительно! Безцѣнная работница... работаетъ за 12 р. и квартиру при школѣ... и еще двухъ сиротъ содержитъ на свои убогія средства! Это, я вамъ скажу, преинтересная фигура.

Онъ такъ усердно расхваливалъ сапожницу, что вызвалъ во мнѣ желаніе познакомиться съ ней.

Это скоро устроилось, и вотъ однажды Матрена Ивановна Орлова разсказывала мнѣ свою печальную жизнь. Первое время послѣ того, какъ она разошлась съ мужемъ, онъ не давалъ ей покоя: приходилъ къ ней пьяный, устраивалъ скандалы, подстерегалъ ее всюду и билъ нещадно. Она терпѣла.

Когда баракъ закрыли, докторша предложила Матренѣ Ивановнѣ устроить ее при школѣ и оградить отъ мужа. И то и другое удалось, и Орлова зажила спокойною, трудовою жизнью; выучилась подъ руководствомъ знакомыхъ фельдшерицъ грамотѣ, взяла себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ изъ пріюта—дѣвочку и мальчика—и работаетъ, довольная собой, съ грустью и со страхомъ вспоминая свое прошлое. Въ воспитанникахъ своихъ она души не чаетъ, значеніе своей дѣятельности понимаетъ широко, относится къ ней сознательно и среди заправилъ школы заслужила всеобщій интересъ и

уваженіе къ себѣ. Но она кашляетъ сухимъ, подозрительнымъ кашлемъ, на впалыхъ щекахъ ея горитъ зловѣщій румянецъ, и въ сѣрыхъ глазахъ ютится много грусти. Отозвалось супружество съ безпокойнымъ Гришкой.

А онъ махнулъ рукой на жену и вотъ уже третій годъ не безпокоитъ ея. Онъ иногда является въ N., но не показываетъ своихъ глазъ Матренѣ. Онъ „босячитъ", какъ опредѣлила она мнѣ родъ его жизни.

Мнѣ удалось познакомиться и съ нимъ. Я нашелъ его въ одной изъ городскихъ трущобъ, и въ два-три свиданія мы съ нимъ были друзьями. Повторивъ исторію, разсказанную мнѣ его женой, онъ задумался ненадолго и потомъ сказалъ:

— Вотъ такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей... Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: „Ахъ, вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего!" И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... въ дребезги! Н-да-а! Чортъ те возьми... скучно! И ахъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!.. Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку: н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднятъ! Анъ не тутъ-то было—фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ чертямъ! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ, ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!

Тяжелая дверь кабака, въ которомъ сидѣлъ я съ Орловымъ, то и дѣло отворялась и при этомъ какъ-то сладострастно повизгивала. И внутренность кабака возбуждала представленіе о какой-то пасти, которая медленно, но неизбѣжно поглощаетъ одного за другимъ бѣдныхъ русскихъ людей, безпокойныхъ и иныхъ...

1897.

БЫВШІЕ ЛЮДИ.

I.

Въѣзжая улица—это два ряда одноэтажныхъ лачужекъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу, ветхихъ, съ кривыми стѣнами и перекошенными окнами; дырявыя крыши этихъ изувѣченныхъ временемъ человѣческихъ жилищъ испещрены заплатами изъ лубковъ и поросли мхомъ; надъ ними кое-гдѣ торчатъ высокіе шесты со скворечницами, и ихъ осѣняетъ пыльная зелень бузины и корявыхъ ветелъ—жалкая флора городскихъ окраинъ, населенныхъ бѣднотою.

Мутно-зеленыя отъ старости стекла оконъ домишекъ смотрятъ другъ на друга взглядами трусливыхъ жуликовъ. Посреди улицы ползетъ въ гору извилистая колея, лавируя между глубокихъ рытвинъ, промытыхъ дождями. Кое-гдѣ лежатъ поросшія бурьяномъ кучи щебня и разнаго мусора—это остатки или начала тѣхъ сооруженій, которыя безуспѣшно предпринимались обывателями въ борьбѣ съ потоками дождевой воды, стремительно стекавшей изъ города. Вверху, на горѣ, въ пышной зелени густыхъ садовъ прячутся красивые каменные дома, колокольни церквей гордо вздымаются въ голубое небо, ихъ золотые кресты ослѣпительно блестятъ на солнцѣ.

Въ дожди городъ спускаетъ на Въѣзжую улицу свою грязь, въ сухое время осыпаетъ ее пылью,—и всѣ эти уродливые домики кажутся тоже сброшенными оттуда, сверху, сметенными, какъ мусоръ, чьей-то могучей рукой.

Приплюснутые къ землѣ, они усѣяли собой всю гору, полугнилые, немощные и окрашенные солнцемъ, пылью и дождями въ тотъ неуловимый для опредѣленія сѣровато-грязный колоритъ, который принимаетъ дерево въ старости.

Въ концѣ этой жалкой улицы, выброшенный изъ города

подъ гору, стоялъ длинный двухъэтажный выморочный домъ, купленный у города купцомъ Петунниковымъ. Онъ былъ крайнимъ въ порядкѣ, находясь уже подъ горой, и дальше за нимъ широко развертывалось поле, обрѣзанное въ полуверстѣ отъ дома крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ.

Большой и очень старый домъ имѣлъ самую мрачную физіономію среди своихъ сосѣдей. Весь онъ покривился, въ двухъ рядахъ его оконъ не было ни одного, сохранившаго правильную форму, и осколки стеколъ въ изломанныхъ рамахъ имѣли зеленовато-мутный цвѣтъ болотной воды.

Простѣнки между оконъ испещряли трещины и темныя пятна отвалившейся штукатурки—точно время этими іероглифами написало на стѣнахъ дома его біографію. Крыша, наклонившаяся на улицу, еще болѣе увеличивала его плачевный видъ—казалось, что домъ нагнулся къ землѣ и покорно ждетъ отъ судьбы послѣдняго удара, который превратитъ его въ прахъ, въ безформенную груду полугнилыхъ обломковъ.

Ворота были отворены—одна половинка ихъ, сорванная съ петель, лежала на землѣ, и въ щели между ея досками проросла трава, густо покрывавшая большой и пустынный дворъ дома. Въ глубинѣ двора стояло низенькое закопченное зданіе съ желѣзной крышей на одинъ скатъ. Самый домъ, конечно, былъ необитаемъ, но въ этомъ зданіи, раньше представлявшемъ собою кузницу, теперь помѣщалась „ночлежка“, содержимая ротмистромъ въ отставкѣ Аристидомъ Ѳомичемъ Кувалдой.

Внутри ночлежка была длинной и мрачной норой, размѣромъ въ четыре и десять саженъ; она освѣщалась съ одной стороны четырьмя маленькими квадратными окнами и широкой дверью. Кирпичныя, нештукатуренныя стѣны ея были черны отъ копоти, потолокъ изъ барочнаго дницца тоже прокоптѣлъ до черноты, посреди ея помѣщалась громадная печь, основаніемъ которой служилъ горнъ, а вокругъ печи и по стѣнамъ шли широкія нары съ кучками всякой рухляди, служившей ночлежникамъ постелями. Отъ стѣнъ пахло дымомъ, отъ земляного пола — сыростью, отъ наръ — потнымъ и гніющимъ тряпьемъ.

Помѣщеніе хозяина ночлежки находилось на печи, нары вокругъ печи были почетнымъ мѣстомъ, и на нихъ размѣщались тѣ ночлежники, которые пользовались благоволеніемъ и дружбой хозяина.

День ротмистръ всегда проводилъ у двери въ ночлежку, сидя въ нѣкоторомъ подобіи кресла, собственноручно сложеннаго имъ изъ кирпичей, или же въ харчевнѣ Егора Вавилова,

находившейся наискось отъ дома Петушникова; тамъ ротмистр обѣдалъ и пилъ водку.

Передъ тѣмъ, какъ снять это помѣщеніе, Аристидъ Кувалд имѣлъ въ городѣ бюро для рекомендаціи прислуги; восход выше въ его прошлое, можно было узнать, что онъ имѣл типографію, а до типографіи онъ, по его словамъ,—„просто-жилъ! И славно жилъ, чортъ возьми! Умѣючи жилъ, мог сказать!“

Это былъ широкоплечій, высокій человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ рябымъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ, въ широко грязно-желтой бородѣ. Глаза у него были сѣрые, огромные дерзко-веселые; говорилъ онъ басомъ съ рокотаньемъ въ горлѣ и почти всегда въ зубахъ у него торчала нѣмецкая фарфо ровая трубка съ выгнутымъ чубукомъ. Когда онъ сердился ноздри его большого, горбатаго и ярко-краснаго носа широко раздувались и губы вздрагивали, обнажая два ряда крупныхъ какъ у волка, желтыхъ зубовъ. Длиннорукій, колченогій, всегда одѣтый въ грязную и рваную офицерскую шинель, въ сальной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, но безъ козырька, и въ худыхъ валенкахъ, доходившихъ ему до колѣнъ,—поутру онъ неизмѣнно былъ въ тяжеломъ состояніи похмелья, а вечеромъ—навеселѣ. Допьяна онъ не могъ напиться, сколько бы ни выпилъ, и веселаго расположенія духа никогда не терялъ.

Вечерами, сидя въ своемъ кирпичномъ креслѣ съ трубкой въ зубахъ, онъ принималъ постояльцевъ.

— Что̀ за человѣкъ?—спрашивалъ онъ у подходившаго къ нему рваного и угнетеннаго субъекта, сброшеннаго изъ города за пьянство или по какой-нибудь другой, не менѣе основательной причинѣ опустившагося внизъ.

Человѣкъ отвѣчалъ.

— Представь въ подтвержденіе твоего вранья законную бумагу.

Бумага представлялась, если была. Ротмистръ совалъ ее за пазуху, рѣдко интересуясь ея содержаніемъ, и говорилъ:

— Все въ порядкѣ. За ночь двѣ копейки, за недѣлю гривенникъ, за мѣсяцъ—три гривенника. Ступай и займи себѣ мѣсто, да смотри, не чужое, а то тебя вздуютъ. У меня живутъ люди строгіе...

Новички спрашивали его:

— А чаемъ, хлѣбомъ или чѣмъ съѣстнымъ не торгуете?

— Я торгую только стѣной и крышей, за что самъ плачу мошеннику-хозяину этой дыры, купцу 2-й гильдіи Іудѣ Петушникову, пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ,—объяснялъ Кувалда дѣловымъ тономъ:—ко мнѣ идетъ народъ, къ роскоши непри-

вычный... а если ты привыкъ каждый день жрать—вонъ напротивъ харчевня. Но лучше, если ты, обломокъ, отучишься отъ этой дурной привычки. Вѣдь ты не баринъ—значитъ, что ты ѣшь? Самъ себя ѣшь!

За такія и подобныя рѣчи, произносимыя дѣланно-строгимъ тономъ и всегда со смѣющимися глазами, и за внимательное отношеніе къ своимъ постояльцамъ ротмистръ пользовался среди городской голи широкой популярностью. Часто случалось, что бывшій кліентъ ротмистра являлся на дворъ къ нему уже не рваный и угнетенный, а въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ и съ бодрымъ лицомъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе! Каковенько поживаете?

— Здорово. Живъ. Говори дальше.

— Не узнали?

— Не узналъ.

— А помните, я у васъ зимой жилъ съ мѣсяцъ... когда еще облава-то была и трехъ забрали?

— Н-ну, братъ, подъ моей гостепріимной кровлей то и дѣло полиція бываетъ!

— Ахъ, ты, Господи! Еще вы тогда частному приставу кукишъ показали!

— Погоди, ты плюнь на воспоминанія и говори просто, что тебѣ нужно?

— Не желаете ли принять отъ меня угощеніе махонькое? Какъ я о ту пору у васъ жилъ, и вы мнѣ, значитъ...

— Благодарность должна быть поощряема, другъ мой, ибо она у людей рѣдко встрѣчается. Ты, должно-быть, славный малый, и хоть я совсѣмъ тебя не помню, но въ кабакъ съ тобой пойду съ удовольствіемъ и напьюсь за твои успѣхи въ жизни съ наслажденіемъ.

— А вы все такой же... все шутите?

— Да что же еще можно дѣлать, живя среди васъ, горюновъ?

Они шли. Иногда бывшій кліентъ ротмистра, весь развинченный и расшатанный угощеніемъ, возвращался въ ночлежку; на другой день они снова угощались, и въ одно прекрасное утро бывшій кліентъ просыпался съ сознаніемъ, что онъ вновь пропился до тла.

— Ваше благородіе! Вотъ те и разъ! Опять я къ вамъ въ команду попалъ? Какъ же теперь?

— Положеніе, которымъ нельзя похвалиться, но, находясь въ немъ, не слѣдуетъ и скулить,—резонировалъ ротмистръ.— Нужно, другъ мой, ко всему относиться равнодушно, не портя себѣ жизни философіей и не ставя никакихъ вопросовъ. Философствовать всегда глупо, философствовать съ похмелья—

невыразимо глупо. Похмелье требуетъ водки, а не угрызенія совѣсти и скрежета зубовнаго... зубы береги, а то тебя бить не по чему будетъ. На-ка вотъ тебѣ двугривенный,—иди и принеси косушку водки, на пятачокъ горячаго рубца или легкаго, фунтъ хлѣба и два огурца. Когда мы опохмелимся тогда и взвѣсимъ положеніе дѣлъ...

Положеніе дѣлъ опредѣлялось вполнѣ точно дня черезъ два, когда у ротмистра не оказывалось ни гроша отъ трешницы или пятишницы, которая была у него въ карманѣ въ день появленія благодарнаго кліента.

— Пріѣхали! Баста!—говорилъ ротмистръ,—теперь, когда мы съ тобой, дуракъ, пропились вполнѣ совершенно, попытаемся снова вступить на путь трезвости и добродѣтели. Какъ справедливо сказано: не согрѣшивъ—не покаешься, не покаявшись—не спасешься. Первое мы исполнили, но каяться безполезно, давай же прямо спасаться. Отправляйся на рѣку и работай. Если не ручаешься за себя—скажи подрядчику чтобъ онъ твои деньги удерживалъ, а то отдавай ихъ мнѣ. Когда накопимъ капиталъ, я куплю тебѣ штаны и прочее что нужно для того, чтобы ты вновь могъ сойти за порядочнаго человѣка и скромнаго труженика, гонимаго судьбой. Въ хорошихъ штанахъ ты снова можешь далеко уйти. Маршъ!

Кліентъ отправлялся крючничать на рѣку, посмѣиваясь надъ длинными и мудрыми рѣчами ротмистра. Онъ неясно понималъ ихъ соль, но видѣлъ предъ собой веселые глаза, чувствовалъ бодрый духъ и зналъ, что въ краснорѣчивомъ ротмистрѣ онъ имѣлъ руку, которая, въ случаѣ надобности, можетъ поддержать его.

И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ-другой какой-нибудь каторжной работы кліентъ, по милости строгаго надзора за его поведеніемъ со стороны ротмистра, имѣлъ матеріальную возможность вновь подняться на ступеньку выше того мѣста, куда онъ опустился при благосклонномъ участіи того же ротмистра.

— Н-ну, другъ мой,—критически осматривая реставрированнаго кліента, говорилъ Кувалда,—штаны и пиджакъ у насъ есть. Это вещи громаднаго значенія—вѣрь моему опыту. Пока у меня были приличные штаны, я жилъ въ городѣ на роли порядочнаго человѣка, но, чортъ возьми, какъ только штаны съ меня слѣзли, такъ и я упалъ въ мнѣніи людей и самъ долженъ былъ слѣзть сюда, внизъ, изъ города. Люди, мой прекрасный болванъ, судятъ о всѣхъ вещахъ по ихъ формѣ, сущность же вещей имъ недоступна по причинѣ врожденной людямъ глупости. Заруби это себѣ на носу и, уплативъ мнѣ

оть половину твоего долга, съ миромъ иди и ищи, и да брящешь!

— Я вамъ, Аристидъ Ѳомичъ, сколько состою?—смущенно свѣдомлялся кліентъ.

— Рубль и семь гривенъ... Теперь дай мнѣ рубль или семь ривенъ, а остальныя я подожду на тебѣ до поры, пока ты е украдешь или не заработаешь больше того, что̀ ты теперь мѣешь.

— Покорнѣйше благодарю за ласку!—говоритъ тронутый ліентъ.—Экій вы... какой добряга! право! Эхъ, напрасно васъ изнь скрутила... какой, чай, вы орелъ были на своемъ-то мѣстѣ?!

Ротмистръ жить не можетъ безъ витіеватыхъ рѣчей.

— Что̀ значитъ на своемъ мѣстѣ? Никто не знаетъ своего астоящаго мѣста въ жизни, и каждый изъ насъ лѣзетъ не ъ свой хомутъ. Купцу Іудѣ Петушникову мѣсто въ каоржныхъ работахъ, а онъ ходитъ среди бѣла дня по улиамъ и даже хочетъ строить какой-то заводъ. Учителю наему мѣсто около хорошей бабы и среди полдюжины ребятъ, онъ валяется у Вавилова въ кабакѣ. Вотъ и ты—ты идешь скать мѣсто лакея или коридорнаго, а я вижу, что твое мѣсто ъ солдатахъ, ибо ты не глупъ, выносливъ и понимаешь исциплину. Видишь, какая штука? Насъ жизнь тасуетъ, какъ арты, и только случайно—и то не надолго—мы попадаемъ а свое мѣсто.

Иногда подобныя прощальныя бесѣды служили предисловіемъ къ продолженію знакомства, которое снова начиналось оброй выпивкой и снова доходило до того, что кліентъ проивался и изумлялся, ротмистръ давалъ ему реваншъ и... проивались оба.

Такія повторенія предыдущаго ничуть не портили добрыхъ тношеній между сторонами. Упомянутый ротмистромъ учиель былъ именно однимъ изъ тѣхъ кліентовъ, которые чинись лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ же разрушиться. По своему нтеллекту это былъ человѣкъ, ближе всѣхъ другихъ стоявшій ъ ротмистру, и, быть-можетъ, именно этой причинѣ онъ былъ бязанъ тѣмъ, что, опустившись до ночлежки, уже болѣе не огъ подняться.

Съ нимъ однимъ Аристидъ Кувалда могъ философствовать ъ увѣренности, что его понимаютъ. Онъ цѣнилъ это, и когда оправленный учитель готовился оставить ночлежку, заработавъ деньжонокъ и имѣя намѣреніе снять себѣ въ городѣ голъ, Аристидъ Кувалда такъ грустно провожалъ его, такъ ного изрекалъ меланхолическихъ тирадъ, что оба они непре-

мѣнно напивались и пропивались. Вѣроятно, Кувалда созн
тельно ставилъ дѣло такъ, что учитель при всемъ желаніи н
могъ выбраться изъ его почлежки. Можно ли было Аристи
Кувалдѣ, дворянину съ образованіемъ, осколки котораго
теперь еще порой блестѣли въ его рѣчахъ, съ развитой пр
вратностями судьбы привычкой мыслить, можно ли было ем
не желать и не стараться всегда видѣть рядомъ съ собо
человѣка такого же, какъ и онъ самъ? Мы умѣемъ жалѣ
себя.

Этотъ учитель когда-то что-то преподавалъ въ учител
скомъ институтѣ одного приволжскаго города, но вслѣдств
нѣкоторой исторіи былъ устраненъ изъ института. Потом
онъ былъ конторщикомъ на кожевенномъ заводѣ и тоже пр
нужденъ былъ уйти. Былъ библіотекаремъ въ какой-то час
ной библіотекѣ, извѣдалъ еще нѣсколько профессій и нак
нецъ, сдавъ экзаменъ на частнаго повѣреннаго по судебным
дѣламъ, запилъ горькую и попалъ къ ротмистру. Былъ он
высокій, сутулый, съ длиннымъ и острымъ носомъ и сове
шенно лысой головой. На его костлявомъ и желтомъ ли
съ клинообразной бородкой блестѣли большіе, безпокойн
тоскливые глаза, глубоко ввалившіеся въ орбиты, и углы е
рта были печально опущены книзу. Средства къ жизн
или, вѣрнѣе, къ пьянству, онъ добывалъ репортерствомъ
мѣстныхъ газетахъ. Случалось, что онъ зарабатывалъ въ н
дѣлю рублей пятнадцать. Тогда онъ отдавалъ ихъ ротмистр
и говорилъ:

— Будетъ! Я возвращаюсь въ лоно культуры. Еще недѣл
работы—и я одѣнусь прилично—и addio, mio caro!

— Похвально! Сочувствуя отъ души твоему, Филиппъ, р
шенію, я не дамъ тебѣ ни рюмки за всю эту недѣлю, —
строго предупреждалъ его ротмистръ.

— Буду благодаренъ!.. Ни единой капли не дашь?

Ротмистръ слышалъ въ его словахъ что-то близкое къ ро
кой мольбѣ о послабленіи и еще строже говорилъ:

— Хоть реви—не дамъ!

— Ну, и кончено, — вздыхалъ учитель и отправлялся
репортажъ. А черезъ день, много черезъ два, онъ, разбиты
утомленный и жаждущій, уже смотрѣлъ на ротмистра откуд
нибудь изъ угла тоскливыми и умоляющими глазами и тр
петно ждалъ, когда смягчится сердце друга. Ротмистръ пр
нималъ суровый видъ и произносилъ пропитанныя убійстве
ной ироніей рѣчи на тему о позорѣ слабохарактерности,
скотскомъ наслажденіи пьянства и на всѣ другія, прили
ныя случаю темы. Надо отдать ему справедливость — он

полнѣ искренно увлекался своей ролью ментора и моралиста; о завсегдатаи ночлежки, настроенные скептически, слѣдя за ротмистромъ и слушая его карающія рѣчи, говорили другъ другу, подмигивая въ его сторону:

— Химикъ! Ловко отбояривается! Дескать, я тебѣ говорилъ, ты меня не слушалъ—пеняй на себя!

— Его благородіе настоящій воинъ—впередъ идетъ, а уже назадъ дорогу ищетъ!

А учитель ловилъ своего друга опять-таки гдѣ-нибудь въ темномъ углу и, крѣпко вцѣпившись въ его грязную шинель, весь дрожащій, облизывая сухія губы, невыразимымъ словами, глубоко-трагическимъ взглядомъ смотрѣлъ въ его лицо.

— Не можешь?—угрюмо спрашивалъ ротмистръ.

Учитель молча и утвердительно кивалъ головой и затѣмъ тихо опускалъ ее на грудь, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ, длиннымъ и худымъ.

— Потерпи еще день... можетъ-быть, справишься?—предлагалъ Кувалда.

Учитель вздыхалъ и трясъ головой отрицательно, безнадежно. Ротмистръ видѣлъ, что худое тѣло друга все трепещетъ отъ жажды яда, и доставалъ изъ кармана деньги.

— Въ большинствѣ случаевъ безполезно спорить съ ромъ,—говорилъ онъ при этомъ, точно желая оправдать себя передъ кѣмъ-то.

А если учитель выдерживалъ всю недѣлю, между нимъ и ротмистромъ разыгрывалась трогательная сцена прощанія друзей, и финалъ ея обыкновенно происходилъ въ харчевнѣ Валова.

Учитель не всѣ свои деньги пропивалъ: по крайней мѣрѣ половину ихъ онъ тратилъ на дѣтей Въѣзжей улицы. Бѣдняки всегда дѣтьми богаты, и на этой улицѣ, въ ея пыли и ямахъ, цѣлые дни съ утра до вечера шумно возились кучи оборванныхъ, грязныхъ и полуголодныхъ ребятишекъ.

Дѣти—это живые цвѣты земли, но на Въѣзжей улицѣ они имѣли видъ цвѣтовъ, преждевременно увядшихъ, должно-быть, потому, что росли на почвѣ, скудной здоровыми соками.

И вотъ учитель часто собиралъ ихъ вокругъ себя и, накупивъ булокъ, яицъ, яблокъ и орѣховъ, шелъ съ ними въ поле, къ рѣкѣ. Тамъ они располагались на землѣ и сначала жадно поѣдали все, что предлагалъ имъ учитель, а потомъ начинали играть, наполняя воздухъ на цѣлую версту вокругъ себя беззаботнымъ шумомъ и смѣхомъ. Худая и длинная фигура пьяницы какъ-то съеживалась среди этихъ маленькихъ людей, относившихся къ нему съ полной фамильяр-

постью, какъ къ своему однолѣтку. Они даже и звали с
просто Филиппомъ, не добавляя къ его имени „дядя“ или „д
дюшка“. Вертясь около него, какъ вьюны, они толкали е
вскакивали къ нему на спину, хлопали его по лысинѣ, хв
тали за носъ. Все это, должно-быть, нравилось ему, ибо о
не протестовалъ противъ такихъ вольностей. Онъ вооб
мало разговаривалъ съ ними, а если и говорилъ, то какъ-
такъ осторожно и даже робко, точно боялся, что его сло
могутъ выпачкать ихъ или вообще повредить имъ. Онъ пр
водилъ съ ними въ роли ихъ игрушки и товарища по п
скольку часовъ кряду, разсматривая оживленныя ихъ р
жицы своими тоскливо-грустными глазами, а потомъ заду
чиво и медленно шелъ онъ отъ нихъ въ харчевню Вавило
и тамъ быстро и молча напивался до потери сознанія.

Почти каждый день, возвращаясь съ репортажа, учите
приносилъ съ собой газету, и около него устраивалось общ
собраніе всѣхъ бывшихъ людей. Они, увидѣвъ его, двигали
къ нему изъ разныхъ угловъ двора, выпившіе или страд
вшіе съ похмелья, разнообразно растрепанные, но одинако
жалкіе и грязные.

Шелъ толстый, какъ бочка, Алексѣй Максимовичъ Си
цовъ, бывшій лѣсничій удѣльнаго вѣдомства, а нынѣ торг
вецъ спичками, чернилами, ваксой и бракованными лим
нами. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ парусиновом
пальто и въ широкой шляпѣ, прикрывавшей своими изм
тыми полями его толстое и красное лицо съ бѣлой густ
бородой, изъ которой на свѣтъ Божій весело смотрѣлъ м
ленькій пунцовый носъ, толстыя губы такого же цвѣта и сл
зящіеся циничные глазки. Его звали Кубарь, и это прозви
мѣтко очерчивало его круглую фигуру и рѣчь, похожую
жужжаніе.

Вылѣзалъ откуда-нибудь изъ угла Конецъ—мрачный, мо
чаливый и черный пьяница, бывшій тюремный смотрите
Лука Антоновичъ Мартьяновъ, человѣкъ, существовавш
игрой „въ ремешокъ“, „въ три листика“, „въ банковку“
прочими искусствами, столь же остроумными и такъ же н
любимыми полиціей. Онъ грузно опускалъ свое большое,
разъ жестоко битое тѣло на траву, рядомъ съ учителем
сверкалъ черными глазами и, простирая руку къ бутылк
хриплымъ басомъ спрашивалъ:

— Могу?

Являлся механикъ Павелъ Солнцевъ, чахоточный человѣ
лѣтъ тридцати. Лѣвый бокъ у него былъ перебитъ въ дра

лицо, желтое и острое, какъ у лисицы, постоянно кривилось въ ехидную улыбку. Тонкія губы открывали два ряда ерныхъ, разрушенныхъ болѣзнью зубовъ, и лохмотья на его зкихъ и костлявыхъ плечахъ болтались, какъ на вѣшалкѣ. го прозвали Объѣдокъ. Онъ промышлялъ торговлей мочальными щетками собственной фабрикаціи и вѣниками изъ какой-то особенной травы, очень удобными для чистки платья.

Приходилъ высокій, костлявый и кривой на лѣвый глазъ, еизвѣстнаго происхожденія человѣкъ, съ испуганнымъ выраженіемъ въ большихъ круглыхъ глазахъ, молчаливый, робкій, трижды сидѣвшій за кражи по приговорамъ мирового и кружнаго судовъ. Фамилія его была Кисельниковъ, но его вали Полтора Тараса, потому что онъ былъ какъ разъ на олроста выше своего неразлучнаго друга дьякона Тараса, азстриженнаго за пьянство и развратное поведеніе. Дьяконъ ылъ низенькій и коренастый человѣкъ съ богатырской грудью круглой, кудластой головой. Онъ удивительно хорошо пляалъ и еще удивительнѣе сквернословилъ. Они вмѣстѣ съ олтора Тарасомъ избрали своей спеціальностью пилку ровъ на берегу рѣки, а въ свободные часы дьяконъ разказывалъ своему другу и всякому желающему слушать сказки собственнаго сочиненія", какъ онъ заявлялъ. Слушая эти казки, героями которыхъ всегда являлись святые, короли, вященники и генералы, даже обитатели ночлежки брезгливо левались и таращили глаза въ изумленіи передъ фантазіей ьякона, разсказывавшаго, прищуривъ глаза и съ безстрастымъ лицомъ, поразительно-безстыдныя вещи и грязно-фантатическія приключенія. Воображеніе этого человѣка было несякаемо и могуче — онъ могъ сочинять и говорить цѣлый ень съ утра и до вечера и никогда не повторялся. Въ лицѣ о погибъ, быть-можетъ, крупный поэтъ, въ крайнемъ слудѣ недюжинный разсказчикъ, умѣвшій все оживлять и даже ь камни влагавшій душу своими скверными, но образными сильными словами.

Былъ тутъ еще какой-то нелѣпый юноша, прозванный Кулдой Метеоромъ. Однажды онъ явился ночевать и съ той ры остался среди этихъ людей, къ ихъ удивленію. Сначала о не замѣчали—днемъ онъ, какъ и всѣ, уходилъ изыскиать пропитаніе, но вечеромъ постоянно торчалъ около этой ружной компаніи, и наконецъ ротмистръ замѣтилъ его.

— Мальчишка! Ты что̀ такое на сей землѣ?

Мальчишка храбро и кратко отвѣтилъ:

— Я—босякъ...

Ротмистръ критически посмотрѣлъ на него. Парень былъ

какой-то длинноволосый, съ глуповатой скуластой рожей украшенной вздернутымъ носомъ. На немъ была надѣта синяя блуза безъ пояса, а на головѣ торчалъ остатокъ соломенной шляпы. Ноги были босы.

— Ты—дуракъ!—рѣшилъ Аристидъ Кувалда.—Что ты тут околачиваешься? Никуда ты намъ не годенъ... Водку пьешь Нѣтъ... Ну, а воровать умѣешь? Тоже нѣтъ. Иди, научись приходи тогда, когда уже человѣкомъ будешь...

Парень засмѣялся.

— Нѣтъ, ужъ я поживу съ вами.

— Для чего?

— А такъ...

— Ахъ, ты... метеоръ!—сказалъ ротмистръ.

— Вотъ я ему сейчасъ зубы вышибу,—предложилъ Мартьяновъ.

— А за что?—освѣдомился парень.

— Такъ...

— А я возьму камень и по головѣ васъ трепну, — почтительно объявилъ парень.

Мартьяновъ избилъ бы его, если бъ не вступился Кувалда

— Оставь его... Это, братъ, какая-то родня тебѣ, да всѣмъ намъ, пожалуй. Ты безъ достаточнаго основанія хочешь ему зубы выбить; онъ, какъ и ты, безъ основанія хочетъ жить съ нами. Ну, и чортъ съ нимъ... мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія... Живемъ, а для чего Такъ! Онъ тоже такъ... пускай его...

— Но лучше бъ вамъ, молодой человѣкъ, удалиться отъ насъ,—посовѣтовалъ учитель, оглядывая этого парня своими печальными глазами.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и остался. Потомъ къ нему привыкли и перестали замѣчать его. А онъ жилъ среди нихъ и все замѣчалъ.

Всѣ перечисленные субъекты составляли главный штабъ ротмистра, и онъ съ добродушной ироніей называлъ ихъ „бывшими людьми“. Помимо ихъ, въ ночлежкѣ постоянно обитало человѣкъ пять-шесть рядовыхъ босяковъ. Это были люди деревни, они не могли похвастаться такимъ прошлымъ какъ „бывшіе люди“, и хотя не менѣе ихъ испытали превратностей судьбы, но были болѣе цѣльными людьми, чѣмъ тѣ не такъ страшно изломанными. Быть-можетъ, порядочный человѣкъ культурнаго класса и выше такого же человѣка изъ мужиковъ, но всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка деревни. Это правило рѣзко бросалось въ глаза изъ сопоставленія бывшихъ

нтеллигентовъ и бывшихъ мужиковъ, населявшихъ убѣжище Куваллы.

Виднымъ представителемъ бывшихъ мужиковъ являлся старикъ-тряпичникъ по имени Тяпа. Длинный и безобразно худой, онъ держалъ голову такъ, что подбородокъ упирался ему въ грудь, и отъ этого его тѣнь напоминала своей формой кочергу. Въ фасъ лица его не было видно, въ профиль можно было видѣть только горбатый носъ, отвисшую нижнюю губу и мохнатыя сѣдыя брови. Онъ былъ первымъ по времени постояльцемъ ротмистра, и про него говорили, что гдѣ-то тамъ спрятаны большія деньги. Именно изъ-за этихъ денегъ года два тому назадъ его „шаркнули“ ножомъ по горлу, и съ той поры онъ наклонилъ такъ странно голову. Онъ отрицалъ существованіе у него денегъ, говорилъ, что „шаркнули его просто такъ, изъ-за озорства“, и что съ той поры ему очень удобно собирать тряпки и кости — голова постоянно наклонена къ землѣ. Когда онъ шелъ качающейся, невѣрной походкой, безъ палки въ рукахъ и безъ мѣшка за спиной,— признаковъ его профессіи,—онъ казался человѣкомъ, задумавшимся почти до утраты сознанія, а Кувалда въ такіе моменты говорилъ, указывая на него пальцемъ:

— Смотрите, вотъ ищетъ себѣ пристанища совѣсть купца Худы Петунникова, удравшая отъ него въ бѣга. Смотрите, какая она потрепанная, скверная, грязная, эта бѣглая совѣсть!

Говорилъ Тяпа хрипящимъ голосомъ, едва позволявшимъ понимать его рѣчь, и, должно-быть, поэтому онъ вообще мало говорилъ и очень любилъ уединеніе. Но каждый разъ, когда въ ночлежку являлся какой-нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого-нибудь злющаго босяка, грозилъ наконецъ собственноручно избить и ограбить его ночью и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужичокъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не появлялся въ ней.

Тогда Тяпа успокаивался и забивался куда-нибудь въ уголъ, гдѣ чинилъ свои лохмотья или же читалъ Библію, тоже старую, грязную и рваную, какъ самъ онъ. Еще онъ вылѣзалъ изъ своего угла тогда, когда учитель приносилъ газету и читалъ ее. Обыкновенно Тяпа молча слушалъ все, что читалось, и глубоко вздыхалъ, ни о чемъ не спрашивая. Но когда, прочитавъ газету, учитель складывалъ ее, Тяпа протягивалъ свою костлявую руку и говорилъ:

— Дай-ка...

— На что тебѣ?

— Дай... можетъ, про насъ есть что̀...

— Про кого это?

— Про деревню.

Надъ нимъ смѣялись и бросали ему газету. Онъ брал ее и читалъ въ ней о томъ, что въ какой-то деревнѣ гра домъ побило хлѣбъ, а въ другой сгорѣло тридцать дворовъ а въ третьей баба отравила свою семью — все, что̀ принят писать о деревнѣ и что̀ рисуетъ ее только несчастной, глу ной и злой. Тяпа читалъ все это глухо и мычалъ, выража этимъ звукомъ, быть-можетъ, состраданіе, быть-можетъ, уд вольствіе.

Бо̀льшую часть воскресенья, въ которое онъ никогда н выходилъ за сборомъ тряпокъ, онъ употреблялъ именно н чтеніе своей Библіи. Читая, онъ мычалъ и вздыхалъ. Книг онъ держалъ, упирая ее въ грудь себѣ, и сердился, когд кто-нибудь трогалъ ее или мѣшалъ ему читать.

— Эй, ты, чернокнижникъ,—говорилъ ему Кувалда,—чт ты понимаешь? Брось!

— А что̀ ты понимаешь?

— Такъ, колдунъ! И я ничего не понимаю, но я вѣдь н читаю книгъ...

— А я вотъ читаю...

— Ну, и глупъ...—рѣшалъ ротмистръ.—Когда въ голов заведутся насѣкомыя—и это безпокойно, но если въ нее запол зутъ еще и мысли—какъ же ты будешь жить, старая жаба

— Ну, мнѣ недолго ужъ,—говорилъ спокойно Тяпа.

Однажды учитель захотѣлъ узнать, гдѣ онъ выучился гра мотѣ. Тяпа кратко отвѣтилъ ему:

— А въ тюрьмѣ...

— Ты развѣ былъ тамъ?

— Былъ...

— За что?

— Такъ... Ошибся... Вотъ и Библію оттуда вынесъ. Б рыня одна дала... Въ тюрьмѣ-то, братъ, хорошо...

— Н-ну? Чѣмъ это?

— Вразумляетъ... Грамотѣ вотъ научился... книгу досталъ. Все—даромъ..

Когда въ ночлежку явился учитель, Тяпа уже давно жил въ ней. Онъ долго присматривался къ учителю,—чтобы по смотрѣть въ лицо человѣку, Тяпа сгибалъ весь свой корпус на бокъ,—долго прислушивался къ его разговорамъ и какъ-т разъ подсѣлъ къ нему.

— Вотъ ты этакій... ученый былъ... Библію-то ты читалъ?
— Читалъ...
— То-то... Помнишь ее?
— Ну... помню...
Старикъ согнулъ корпусъ на бокъ и посмотрѣлъ на учителя сѣрымъ, суровымъ и недовѣрчивымъ глазомъ.
— А помнишь, были тамъ амалекитяне?
— Ну?
— Гдѣ они теперь?
— Исчезли, Тяпа... вымерли...
Старикъ помолчалъ и снова спросилъ:
— А филистимляне?
— И эти тоже...
— Всѣ вымерли?
— Да... всѣ...
— Такъ... А мы тоже вымремъ?
— Придетъ время—и мы вымремъ, — равнодушно пообѣщалъ учитель.
— А отъ котораго мы изъ колѣнъ израилевыхъ?
Учитель посмотрѣлъ на него, подумалъ и сталъ разсказывать о киммерійцахъ, скиѳахъ, славянахъ... Старикъ еще больше сгорбился и какими-то испуганными глазами смотрѣлъ на него.
— Врешь ты все!—захрипѣлъ онъ, когда учитель кончилъ.
— Почему вру? — изумился тотъ.
— Какіе ты мнѣ народы назвалъ? Нѣтъ ихъ въ Библіи.
Онъ всталъ и пошелъ прочь, глубоко оскорбленный и злобно ворчащій.
— Изъ ума ты выживаешь, Тяпа, — убѣжденно сказалъ вслѣдъ ему учитель.
Тогда старикъ снова обернулся къ нему и, протянувъ руку, погрозилъ ему крючковатымъ и грязнымъ пальцемъ.
— Отъ Господа—Адамъ, отъ Адама—евреи, значитъ, всѣ люди отъ евреевъ... И мы тоже...
— Ну?
— Татары отъ Измаила... а онъ отъ еврея...
— Да тебѣ-то чего надо?
— Ничего! Зачѣмъ врешь?
И онъ ушелъ, оставивъ своего собесѣдника въ недоумѣніи.
Но дня черезъ два снова подсѣлъ къ нему.
— Былъ ты ученый... ну и долженъ знать—кто мы?
— Славяне, Тяпа,—отвѣтилъ учитель и внимательно сталъ ждать словъ Тяпы, желая понять его.
— Говори по Библіи—тамъ такихъ нѣтъ. Кто мы—вавилоняне, что ли? Или—эдомъ?

Учитель пустился въ критику Библіи. Старикъ долго, вн мательно слушалъ его и перебилъ:

— Погоди... брось! Значитъ, въ народахъ, Богу извѣст ныхъ,—русскихъ нѣтъ? Неизвѣстные мы Богу люди? Такъ ли Которые въ Библіи записаны—Господь тѣхъ зналъ... Сокру шалъ ихъ огнемъ и мечомъ, разрушалъ города и сёла ихъ но и пророковъ посылалъ имъ для поученія... жалѣлъ, значитъ Евреевъ и татаръ разсѣялъ, но сохранилъ... А мы какъ же Почему у насъ пророковъ нѣтъ?

— Н-не знаю!—протянулъ учитель, стараясь понять старика А онъ положилъ руку на плечо учителя, сталъ тихонько то кать его взадъ и впередъ и захрипѣлъ, будто глотая что-то.

— Такъ и скажи!.. А то говоришь ты больно много. будто все знаешь. Слушать мнѣ тебя тошно... душу ты мн мутишь... Молчалъ бы лучше!.. Кто мы? То-то! Почему у нас нѣтъ пророковъ? Ага!.. А гдѣ мы были, когда Христосъ н землѣ ходилъ? Видишь? Эхъ, ты! И врешь еще... развѣ на родъ цѣлый можетъ умереть? Народъ русскій не может исчезнуть — врешь ты... онъ въ Библіи записанъ, только не извѣстно подъ какимъ словомъ... Ты народъ-то знаешь, како онъ? Онъ—огромный... Сколько деревень на землѣ? Все на родъ тамъ живетъ... настоящій, большой народъ. А ты гово ришь — вымретъ... Народъ не можетъ умереть, человѣкъ мо жетъ... а народъ нуженъ Богу, онъ строитель земли. Амал китяне не умерли — они нѣмцы или французы... а ты... эхъ ты!.. Ну, скажи вотъ, почему мы Богомъ обойдены? Нѣту нам ни казней ни пророковъ отъ Господа? Кто насъ научитъ?

Рѣчь Тяпы была страшно сильна; насмѣшка и укоризн и глубокая вѣра звучали въ ней. Онъ долго говорилъ, и учи телю, который по обыкновенію былъ выпивши и въ мирном настроеніи, стало наконецъ такъ скверно слушать его, точн его распиливали деревянной пилой. Онъ слушалъ старика смотрѣлъ на его исковерканное тѣло, чувствовалъ эту стран ную, давившую силу словъ, и вдругъ ему стало до боли жалк себя и грустно о чемъ-то. Ему тоже захотѣлось сказать ста рику что-нибудь сильное, увѣренное, что-нибудь такое, чт расположило бы Тяпу въ его пользу, заставило бы говорит не этимъ укоризненно-суровымъ тономъ, а другимъ— мягкимъ отечески-ласковымъ. И учитель ощущалъ, какъ въ груди него что-то клокочетъ, подступаетъ ему къ горлу... но ника кихъ сильныхъ словъ онъ въ себѣ не нашелъ.

— Какой ты человѣкъ?.. Душа у тебя изорванная... разныя слова говоришь ты тутъ... Будто что знаешь... Мол чалъ бы...

— Эхъ, Тяпа, — тоскливо воскликнулъ учитель, — ты это вѣрно говоришь... И народъ... вѣрно!.. Онъ огромный... но я ему чужой... и онъ мнѣ чужой... Вотъ въ чемъ трагедія моей жизни... Но — пускай! Буду страдать... И пророковъ нѣтъ... нѣтъ!.. Я, дѣйствительно, говорю много... и это не нужно никому... но я буду молчать... Только ты не говори со мной такъ... Эхъ, старикъ! Ты не знаешь... не знаешь... не можешь понять...

Учитель заплакалъ наконецъ. Онъ заплакалъ такъ легко и свободно, такими обильными слезами, что ему стало ужасно пріятно отъ этихъ слезъ.

— Шелъ бы ты въ деревню... просился бы тамъ въ учителя или въ писаря... и былъ бы сытъ и провѣтрился бы. А то чего маешься?—сурово хрипѣлъ Тяпа.

А учитель все плакалъ, наслаждаясь своими слезами.

Съ этихъ поръ они стали друзьями, и бывшіе люди, видя ихъ вмѣстѣ, говорили:

— Учитель охаживаетъ Тяпу... къ деньгамъ его держитъ курсъ.

— Это его Кувалда подучилъ... развѣдать, дескать, гдѣ тариковы капиталы...

Могло быть, что, говоря такъ, думали иначе. У этихъ людей была одна смѣшная черта: они любили показать себя другъ другу хуже, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

Человѣкъ, не имѣя въ себѣ ничего хорошаго, иногда не прочь порисоваться и своимъ дурнымъ.

Когда всѣ эти люди соберутся вокругъ учителя съ его газетой—начинается чтеніе.

— Ну-съ, — говоритъ ротмистръ, — о чемъ сегодня разсуждаетъ газетина? Фельетонъ есть?

— Нѣтъ,—сообщаетъ учитель.

— Жадничаетъ вашъ издатель... А передовица имѣется?

— Сегодня есть... Гуляева, кажется.

— Ага! Валяй ее; онъ, шельма, толково пишетъ, гвоздь ему въ глазъ.

— Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ,—читаетъ учитель,— произведенная болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, и понынѣ продолжаетъ служить основаніемъ ко взиманію оцѣночнаго, въ пользу города, сбора...

— Это наивно,—комментируетъ ротмистръ Кувалда,—продолжаетъ служить! Это смѣшно! Купцу, ворочающему дѣлами города, выгодно, чтобъ она продолжала служить, ну, она и продолжаетъ...

— Статья и написана на эту тему,—говоритъ учитель.

— Да? Странно! Это фельетонная тема... объ этомъ нужн писать съ перцемъ...

Возгорается маленькій споръ. Публика слушаетъ его вни мательно, ибо водки выпита пока только одна бутылка. Посл передовой читаютъ мѣстную хронику, потомъ судебную. Есл въ этихъ криминальныхъ отдѣлахъ дѣйствующимъ и страдаю щимъ лицомъ является купецъ—Аристидъ Кувалда искренн ликуетъ. Обворовали купца — прекрасно, только жаль, чт мало. Лошади его разбили—пріятно слышать, но прискорбно что онъ остался живъ. Искъ въ судѣ проигралъ купецъ—не ликолѣпно, но печально, что судебныя издержки не возложил на него въ удвоенномъ количествѣ.

— Это было бы незаконно,—замѣчаетъ учитель.

— Незаконно? Но законенъ ли самъ купецъ?—горько спра шиваетъ Кувалда.—Что̀ есть купецъ? Разсмотримъ это грубо и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ — мужикъ Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времен дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужн имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Как извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ—мо шенникъ-мужикъ!

— Ловко!—одобряетъ публика выводъ оратора.

А Тяпа мычитъ, потирая себѣ грудь. Такъ же точно онъ мы читъ, когда съ похмелья выпиваетъ первую рюмку водки. Рот мистръ сіяетъ. Читаютъ корреспонденціи. Тутъ для ротмистра— „разливное море“, по его словамъ. Онъ всюду видитъ, какъ ку пецъ скверно дѣлаетъ жизнь и какъ онъ ловко мнетъ и портитъ ее. Его рѣчи громятъ и уничтожаютъ купца. Его слушают съ удовольствіемъ въ глазахъ, потому что онъ зло ругается

— Если бъ я писалъ въ газетахъ!—восклицаетъ онъ.—О я бы показалъ купца въ его настоящемъ видѣ... я бы пока залъ, что онъ только животное, временно исполняющее долж ность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ не имѣетъ вкуса въ жизни, не имѣетъ представленія об отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ.

Объѣдокъ, зная слабую струну ротмистра и любя злит людей, ехидно вставляетъ:

— Да, съ той поры, какъ дворяне начали дружно поми рать съ голода—исчезаютъ люди изъ жизни...

— Ты правъ, сынъ паука и жабы; да, съ той поры, как дворяне пали, людей нѣтъ! Есть только купцы... и я их не-на-вижу!

— Оно и понятно, потому что и ты, братъ, попранъ во прахъ ими же...

— Я? Я погибъ отъ любви къ жизни... дуракъ! Я жизнь любилъ... а купецъ ее обираетъ. Я не выношу его именно за это... а не потому, что я дворянинъ. Я, если хочешь знать, не дворянинъ, а просто бывшій человѣкъ. Мнѣ теперь наплевать на все и на всѣхъ... и вся жизнь для меня—любовница, которая меня бросила, за что я презираю ее и глубоко равнодушенъ къ ней.

— Врешь!—говоритъ Объѣдокъ.

— Я вру!—оретъ Аристидъ Кувалда, красный отъ гнѣва.

— Зачѣмъ кричать,—раздается холодный и мрачный басъ Мартьянова. — Зачѣмъ разсуждать? Купецъ... дворянинъ... намъ какое дѣло?

— Поелику мы ни бэ, ни мэ, ни ку-ку-ре-ку...—вставляетъ дьяконъ Тарасъ.

— Отстаньте, Объѣдокъ, — примирительно говоритъ учитель.—Зачѣмъ солить селедку?

Онъ не любитъ спора и вообще не любитъ шума. Когда вокругъ него разгораются страсти, его губы складываются въ болѣзненную гримасу, и онъ разсудительно и спокойно старается помирить всѣхъ со всѣми, а если это не удается ему, онъ уходитъ отъ компаніи. Зная это, ротмистръ, если онъ не особенно пьянъ, сдерживается, не желая терять въ лицѣ учителя лучшаго слушателя своихъ рѣчей.

— Я повторяю,—болѣе спокойно продолжаетъ онъ,—я вижу жизнь въ рукахъ враговъ, не враговъ только дворянина, но враговъ всего благороднаго, алчныхъ, неспособныхъ украсить жизнь чѣмъ-либо...

— Однако, братъ,—говоритъ учитель,—купцы создали Геную, Венецію, Голландію, — это купцы, купцы Англіи завоевали своей странѣ Индію, купцы Строгановы...

— Какое мнѣ дѣло до тѣхъ купцовъ? Я имѣю въ виду Іуду Петунникова и иже съ нимъ...

— А до этихъ тебѣ какое дѣло?—тихо спрашиваетъ учитель.

— А развѣ я не живу? Ага! Живу, — значитъ, долженъ негодовать при видѣ того, какъ жизнь портятъ дикіе люди, полонившіе ее.

— И смѣются надъ благороднымъ негодованіемъ ротмистра и человѣка въ отставкѣ,—задираетъ Объѣдокъ.

— Хорошо! Это глупо, я согласенъ... Какъ бывшій человѣкъ, я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно... Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства?

— Вотъ ты начинаешь говорить умно, — поощряетъ его учитель.

— Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... намъ нужно что-то такое новое... ибо и мы въ жизни погость...

— Несомнѣнно намъ нужно это,—говоритъ учитель.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Конецъ.—Не все ли равно, что говорить и думать? Намъ недолго жить... мнѣ сорокъ, тебѣ пятьдесятъ... моложе тридцати нѣтъ среди насъ. И даже въ двадцать долго не проживешь такою жизнью.

— И какая мы новость?—усмѣхается Объѣдокъ,—гольтепа всегда была.

— И она создала Римъ,—говоритъ учитель.

— Да, конечно,—ликуетъ ротмистръ, — Ромулъ и Ремъ — развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ...

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія — перебиваетъ Объѣдокъ.

Онъ хохочетъ, довольный собой. Смѣхъ у него скверный, разъѣдающій душу. Ему вторитъ Симцовъ, дьяконъ, Полтора Тараса. Наивные глаза мальчишки Метеора горятъ яркимъ огнемъ, и щеки у него краснѣютъ. Конецъ говоритъ, точно молотомъ бьетъ по головамъ:

— Все это глупости... мечты... ерунда!

Странно было видѣть такъ разсуждающими этихъ людей, изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью.

Для ротмистра такія бесѣды были положительно праздникомъ сердца. Онъ говорилъ больше всѣхъ, и это давало ему возможность считать себя лучше всѣхъ. А какъ бы низко ни палъ человѣкъ—онъ никогда не откажетъ себѣ въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сытѣе своего ближняго. Аристидъ Кувалда злоупотреблялъ этимъ наслажденіемъ, но не пресыщался имъ, къ неудовольствію Объѣдка, Кубаря и другихъ бывшихъ людей, мало интересовавшихся подобными вопросами.

Но зато политика была общей любимицей. Разговоръ на тему о необходимости завоеванія Индіи или объ укрощеніи Англіи могъ затянуться безконечно. Съ неменьшей страстью говорили о способахъ радикальнаго искорененія евреевъ съ лица земли, но въ этомъ вопросѣ верхъ всегда бралъ Объѣдокъ, сочинявшій изумительно жестокіе проекты, и ротмистръ, желавшій вездѣ быть первымъ, избѣгалъ этой темы. Охотно, много и скверно говорили о женщинахъ, но въ за-

щиту ихъ всегда выступалъ учитель, сердившійся, если очень ужъ пересаливали. Ему уступали, ибо всѣ смотрѣли на него, какъ на человѣка недюжиннаго, и у него по субботамъ занимали деньги, заработанныя имъ за недѣлю.

Онъ вообще пользовался многими привилегіями: его, напримѣръ, не били въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда бесѣда заканчивалась всеобщей потасовкой. Ему было разрѣшено приводить въ ночлежку женщинъ; больше никто не пользовался этимъ правомъ, ибо ротмистръ всѣхъ предупреждалъ:

— Бабъ ко мнѣ не водить... Бабы, купцы и философія— три причины моихъ неудачъ. Изобью, если увижу кого-нибудь, явившагося съ бабой... бабу тоже изобью... За философію— оторву голову...

Онъ могъ оторвать голову: несмотря на свои года, онъ обладалъ удивительной силой. Затѣмъ, каждый разъ, когда онъ дрался, ему помогалъ Мартьяновъ. Мрачный и молчаливый, точно надгробный памятникъ, во время общаго боя онъ всегда становился спиной къ спинѣ Кувалды, и тогда они изображали собой всесокрушавшую и несокрушимую машину.

Однажды пьяный Симцовъ ни за что ни про что вцѣпился въ волосы учителя и выдралъ клокъ ихъ. Кувалда ударомъ кулака въ грудь уложилъ его на полчаса въ обморокъ, а когда онъ очнулся, заставилъ его съѣсть волосы учителя. Тотъ съѣлъ, боясь быть избитымъ до смерти.

Кромѣ чтенія газеты, разговоровъ и дракъ, развлеченіемъ служила еще игра въ карты. Играли безъ Мартьянова, ибо онъ не могъ играть честно, о чемъ, послѣ нѣсколькихъ уличеній въ мошенничествѣ, самъ же откровенно и заявилъ:

— Я не могу не передергивать... Это у меня привычка.

— Это бываетъ, — подтвердилъ дьяконъ Тарасъ. — Я привыкъ дьяконицу свою по воскресеньямъ послѣ обѣдни бить; такъ, знаете, когда умерла она — такая тоска на меня по воскресеньямъ нападала, что даже невѣроятно. Одно воскресенье прожилъ—вижу, плохо! Другое—стерпѣлъ. Третье—кухарку свою ударилъ разъ... Обидѣлась она... Подамъ, говоритъ, мировому. Представьте себѣ мое положеніе! На четвертое воскресенье — вздулъ ее, какъ жену! Потомъ заплатилъ ей десять цѣлковыхъ и ужъ билъ по заведенному порядку, пока опять не женился...

— Дьяконъ, врешь! Какъ ты могъ въ другой разъ жениться?—оборвалъ его Объѣдокъ.

— А? А я такъ... она у меня за хозяйствомъ смотрѣла.

— У васъ были дѣти?—спросилъ его учитель.

— Пять штукъ... Одинъ утонулъ... Старшій... забавный

былъ мальчишка! Двое умерли отъ дифтерита... Одна дочь вышла замужъ за какого-то студента и поѣхала съ нимъ въ Сибирь, а другая захотѣла учиться и умерла въ Питерѣ... отъ чахотки, говорятъ... Д-да... пять было... какъ же! Мы, духовенство, плодовитые...

Онъ сталъ объяснять, почему это именно такъ, возбуждая гомерическій хохотъ своимъ разсказомъ. Когда хохотать устали, Алексѣй Максимовичъ Симцовъ вспомнилъ, что у него тоже была дочь.

— Лидкой звали... Толстая такая...

И больше онъ, должно-быть, не помнилъ ничего, потому что посмотрѣлъ на всѣхъ, улыбнулся виновато и... умолкъ.

О своемъ прошломъ эти люди мало говорили другъ съ другомъ, вспоминали о немъ крайне рѣдко, всегда въ общихъ чертахъ и въ болѣе или менѣе насмѣшливомъ тонѣ. Пожалуй, что такое отношеніе къ прошлому и было умно, ибо для большинства людей память о прошломъ ослабляетъ энергію въ настоящемъ и подрываетъ надежды на будущее.

А въ дождливые, сѣрые, холодные дни поздней осени бывшіе люди собирались въ трактирѣ Вавилова. Тамъ ихъ знали, немножко боялись, какъ воровъ и драчуновъ, немножко презирали, какъ горькихъ пьяницъ, но все-таки уважали и слушали ихъ, считая умными людьми. Трактиръ Вавилова былъ клубомъ Въѣзжей улицы, а бывшіе люди—интеллигенціей клуба.

По субботамъ вечерами, въ воскресенье съ утра до ночи трактиръ былъ полонъ, и бывшіе люди являлись въ немъ желанными гостями. Они вносили съ собой въ среду забитыхъ бѣдностью и горемъ обывателей улицы свой духъ, въ которомъ было что-то, облегчавшее жизнь людей, истомленныхъ и растерявшихся въ погонѣ за кускомъ хлѣба, такихъ же пьяницъ, какъ обитатели убѣжища Кувалды, и такъ же сброшенныхъ изъ города, какъ и они. Умѣнье обо всемъ говорить и все осмѣивать, безбоязненность мнѣній, рѣзкость рѣчи, отсутствіе страха передъ тѣмъ, чего вся улица боялась, безшабашная, бравирующая удаль этихъ людей — не могли не нравиться улицѣ. Затѣмъ, почти всѣ они знали законы, могли дать любой совѣтъ, написать прошеніе, помочь безнаказанно смошенничать. За все это имъ платили водкой и лестнымъ удивленіемъ предъ ихъ талантами.

По своимъ симпатіямъ улица дѣлилась на двѣ, почти равныя партіи: одна полагала, что „ротмистръ куда забористѣй учителя, настоящій воинъ! Храбрость и умъ у него большущіе“. Другая была убѣждена, что учитель во всѣхъ

отношеніяхъ „перевѣсилъ“ Кувалду. Поклонниками Кувалды являлись тѣ изъ мѣщанства, которые были извѣстны въ улицѣ, какъ записные пьяницы, воры и сорви-головы, для которыхъ путь отъ сумы до тюрьмы былъ неизбѣженъ. Учителя уважали люди болѣе степенные, на что-то надѣявшіеся, чего-то ожидавшіе, вѣчно чѣмъ-то занятые и рѣдко сытые.

Характеръ отношеній Кувалды и учителя къ улицѣ точно опредѣлился слѣдующимъ примѣромъ. Однажды въ трактирѣ обсуждалось постановленіе городской думы, коимъ обыватели Въѣзжей улицы обязывались: рытвины и промоины въ своей улицѣ засыпать, но навоза и труповъ домашнихъ животныхъ для сей цѣли не употреблять, а примѣнять къ дѣлу только щебень и мусоръ съ мѣстъ постройки какихъ-либо зданій.

— Откуда же я долженъ взять этотъ самый щебень, ежели я за всю свою жизнь одну только скворечницу хотѣлъ строить, да и то вотъ еще не собрался? — жалобно заявилъ Мокей Анисимовъ, человѣкъ, промышлявшій торговлей тертыми калачами, которые пекла его жена.

Ротмистръ нашелъ, что ему слѣдуетъ высказаться по данному вопросу, и грохнулъ кулакомъ по столу, привлекая къ себѣ вниманіе.

— Откуда взять щебень и мусоръ? Иди, ребята, всей улицей въ городъ и разбирай думу. Больше она по своей ветхости ни на что не годится. Такимъ образомъ вы дважды послужите украшенію города—и Въѣзжую сдѣлаете приличной, и новую думу заставите построить. Лошадей для возки возьмите у головы, да захватите и его трехъ дочекъ—дѣвицы для упряжи вполнѣ годныя. А то разрушьте домъ купца Іуды Петунникова и вымостите улицу деревомъ. Кстати, я знаю, Мокей, на чемъ твоя жена сегодня калачи пекла: на ставняхъ съ третьяго окна и двухъ ступенькахъ съ крыльца Іудина дома.

Когда публика вдоволь нахохоталась и поострила надъ предложеніемъ ротмистра, степенный огородникъ Павлюгинъ спросилъ:

— А какъ же все-таки быть-то, ваше благородіе?.. А? Какъ ты разсудишь?

— Я? Ни рукой ни ногой не двигать! Размываетъ улицу—пу и пускай!

— Нѣкоторые дома попадать хотятъ...

— Не мѣшайте имъ, пускай падаютъ! Упадутъ—дери съ города вспомоществованіе; не дастъ—валяй къ нему искъ! Вода-то откуда течетъ? Изъ города? Ну, городъ и виновенъ въ разрушеніи домовъ...

— Вода отъ дождя—скажутъ...

— Да вѣдь въ городѣ дома отъ нея не валятся? А? Онъ съ васъ налоги деретъ, а голоса вамъ для разговора о вашихъ правахъ не даетъ! Онъ вамъ жизнь и имущество портитъ, да васъ же и чинить заставляетъ! Катай его спереди и сзади!

И половина улицы, убѣжденная радикаломъ Кувалдой, рѣшила ждать, когда ея домишки смоетъ дождевой водой изъ города.

Болѣе степенные люди нашли въ учителѣ человѣка, который составилъ имъ превосходную и убѣдительную реляцію думѣ.

Въ этой реляціи отказъ улицы выполнить постановленія думы былъ мотивированъ настолько солидно, что дума вняла. Улицѣ разрѣшили воспользоваться мусоромъ, оставшимся отъ ремонта казармъ, и дали ей для возки пять лошадей отъ пожарнаго обоза. Даже болѣе—признали необходимымъ проложить со временемъ по улицѣ сточную трубу. Это и многое другое создало учителю широкую популярность въ улицѣ. Онъ писалъ прошенія, печаталъ замѣтки въ газетахъ. Такъ, напримѣръ, однажды гости Вавилова замѣтили, что селедки и другія снѣди въ трактирѣ Вавилова совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. И вотъ дня черезъ два Вавиловъ, стоя за буфетомъ съ газетой въ рукахъ, публично каялся.

— Справедливо—одно могу сказать! Дѣйствительно, селедки купилъ я ржавыя, не совсѣмъ хорошія селедки. И капуста... вѣрно!.. задумалась она немножко. Извѣстно, вѣдь каждый человѣкъ хочетъ какъ можно больше въ свой карманъ пятаковъ нагнать. Ну, и что же? Вышло совсѣмъ наоборотъ: я посягнулъ, а умный человѣкъ предалъ меня позору за жадность мою... Квитъ!

Это покаяніе произвело на публику очень хорошее впечатлѣніе и дало возможность Вавилову скормить ей и селедку и капусту, и все это публика, подъ приправой своего впечатлѣнія, незамѣтно скушала. Фактъ весьма значительный, ибо онъ не только увеличивалъ престижъ учителя, но и знакомилъ обывателя съ силой печатнаго слова. Случалось, что учитель читалъ въ трактирѣ лекціи практической морали.

— Видѣлъ я,—говорилъ онъ, обращаясь къ маляру Яшкѣ Тюрину, — видѣлъ я, Яковъ, какъ ты билъ свою жену...

Яшка уже „подмалевался“ двумя стаканами водки и находится въ ухарски-развязномъ настроеніи. Публика смотритъ на него, ожидая, что вотъ сейчасъ онъ „выкинетъ колѣнце“, и въ харчевнѣ воцаряется тишина.

— Видѣлъ? А что, понравилось?—спрашиваетъ Яшка.

Публика сдержанно смѣется.

— Нѣтъ, не понравилось,—отвѣчаетъ учитель. Тонъ его такъ внушительно серьезенъ, что публика молчитъ.

— Кажись бы, я старался,—бравируетъ Яшка, предчувствующій, что учитель его „срѣжетъ". — Жена довольна... не встаетъ сегодня...

Учитель задумчиво на столѣ пальцемъ чертитъ какія-то фигуры и, разглядывая ихъ, говоритъ:

- Видишь ли, Яковъ, почему мнѣ не нравится это... Разберемъ основательно, что̀ именно ты дѣлаешь и чего можно тебѣ отъ этого ждать. Жена у тебя беременна; ты билъ ее вчера по животу и по бокамъ—значитъ, ты билъ не только ее, но и ребенка. Ты могъ его убить, и при родахъ жена твоя умерла бы отъ этого или сильно захворала. Возиться съ больной женой и непріятно и хлопотно, и дорого это будетъ тебѣ стоить, потому что болѣзни требуютъ лѣкарствъ, а лѣкарства денегъ. Если же ты ребенка не убилъ еще, то ужъ навѣрное изувѣчилъ, и онъ, быть-можетъ, родится уродомъ: кривобокимъ, горбатымъ. Значитъ, онъ не будетъ способенъ къ работѣ, а для тебя важно, чтобы онъ былъ работникомъ. Даже если онъ родится только больнымъ—и то скверно: свяжетъ мать и потребуетъ лѣченія. Видишь ли, что̀ ты себѣ готовишь? Люди, живущіе трудомъ своихъ рукъ, должны рождаться здоровыми и рождать здоровыхъ дѣтей... Вѣрно я говорю?

— Вѣрно,—подтверждаетъ публика.

— Ну, это, чай, тово... не случится,—говоритъ Яшка, нѣсколько робѣя передъ перспективой, нарисованной учителемъ. — Она здоровая... сквозь ее до ребенка не дойдешь, поди-ка? Вѣдь она, дьяволъ, больно ужъ вѣдьма!—восклицаетъ онъ съ огорченіемъ. — Чуть я что̀... и пойдетъ меня ѣсть, какъ ржа желѣзо!

— Я понимаю, Яковъ, что тебѣ нельзя не бить жену,— снова раздается спокойный и вдумчивый голосъ учителя,— у тебя на это много причинъ... Не характеръ твоей жены причина того, что ты ее такъ неосторожно бьешь... а вся твоя темная и печальная жизнь...

— Вотъ это вѣрно, — восклицаетъ Яковъ,— живемъ, дѣйствительно, въ темнотѣ, какъ у трубочиста за пазухой.

— Ты злишься на всю жизнь, а терпитъ твоя жена... самый близкій къ тебѣ человѣкъ—и терпитъ безъ вины передъ тобой только потому, что ты ея сильнѣе; она у тебя всегда подъ рукой, и дѣваться ей отъ тебя некуда. Видишь, какъ это... нелѣпо!

— Оно такъ... чортъ ее возьми! Да вѣдь что же мнѣ дѣлать-то? Али я не человѣкъ?

— Такъ, ты человѣкъ!.. Ну, вотъ я тебѣ хочу сказать: бить ты ее бей, если безъ этого ужъ не можешь, но бей осторожно: помни, что можешь повредить ея здоровью или здоровью ребенка. Никогда вообще не слѣдуетъ бить беременныхъ женщинъ... по животу, по груди и бокамъ... бей по шеѣ или возьми веревку и... по мягкимъ мѣстамъ...

Ораторъ кончилъ свою рѣчь, и его глубоко ввалившіеся темные глаза смотрятъ на публику и, кажется, въ чемъ-то извиняются передъ ней и о чемъ-то виновато спрашиваютъ ее.

Она же оживленно шумитъ. Ей понятна эта мораль бывшаго человѣка, мораль кабака и несчастія.

— Что, братъ Яша, понялъ ли?

— Вотъ она какая правда-то бываетъ!

Яковъ понялъ: неосторожно бить жену—вредно для него.

Онъ молчитъ, отвѣчая смущенными улыбками на шутки товарищей.

— И опять же, что такое жена?—философствуетъ калачникъ Мокей Анисимовъ, —жена—другъ, ежели правильно вникнуть въ дѣло. Она къ тебѣ въ родѣ какъ цѣпью на всю жизнь прикована... и оба вы съ ней на манеръ каторжниковъ. И старайся итти съ ней стройно въ ногу... а не сумѣешь—цѣпь почуешь...

— Погоди,—говоритъ Яковъ,—вѣдь и ты свою бьешь?

— А я развѣ говорю — нѣтъ! Бью... Иначе невозможно... Кого же мнѣ—стѣну, что ли, дуть кулаками, когда невтерпежъ приходитъ?

— Ну вотъ, и я тоже... — говоритъ Яковъ.

— Ну, какая же у насъ жизнь тѣсная и аховая, братцы мои! Нѣтъ тебѣ нигдѣ настоящаго размаха!

— Даже жену бей съ оглядкой!—юмористически скорбитъ кто-то. И такъ они бесѣдуютъ до поздней ночи или до драки, возникающей на почвѣ опьяненія и тѣхъ настроеній, какія навѣваютъ на нихъ эти бесѣды.

За окнами трактира дождь идетъ, и дико воетъ холодный вѣтеръ. Въ трактирѣ душно, накурено, но тепло; на улицѣ мокро, холодно и темно. Вѣтеръ такъ стучитъ въ окна, точно дерзко вызываетъ всѣхъ этихъ людей изъ трактира и грозитъ разнести ихъ по землѣ, какъ пыль. Иногда въ его воѣ слышится подавленный, безнадежный стонъ и потомъ раздается холодный, жесткій хохотъ. Эта музыка наводитъ на унылыя мысли о близости зимы, о проклятыхъ короткихъ

дняхъ безъ солнца и о длинныхъ ночахъ, о необходимости имѣть теплую одежду и много ѣсть. На пустой желудокъ такъ плохо спится въ безконечныя зимнія ночи. Идетъ зима, идетъ... Какъ жить?

Эти невеселыя думы вызывали усиленную жажду обывателей Въѣзжей, и у бывшихъ людей увеличивалось количество вздоховъ въ ихъ рѣчахъ и количество морщинъ на лицахъ, голоса становились глуше, отношенія другъ къ другу тупѣе. И вдругъ среди нихъ вспыхивала звѣрская злоба, пробуждалось ожесточеніе людей загнанныхъ, измученныхъ своей суровой судьбой. Или ощущалась близость того неумолимаго врага, который всю жизнь ихъ превратилъ въ одну жестокую нелѣпость. Но этотъ врагъ былъ неуловимъ, ибо невѣдомъ.

И тогда они били другъ друга; били жестоко, звѣрски били и снова, помирившись, напивались, пропивая все, что могъ принять въ закладъ нетребовательный Вавиловъ. Такъ, въ тупой злобѣ, въ тоскѣ, сжимавшей имъ сердца, въ невѣдѣніи исхода изъ этой подлой жизни, они проводили дни осени, ожидая еще болѣе суровыхъ дней зимы.

Кувалда въ такія времена приходилъ къ нимъ на помощь съ философіей.

— Не горюй, братцы! Все имѣетъ свой конецъ—это самое главное достоинство жизни. Пройдетъ зима, и снова будетъ лѣто... Славное время, когда, говорятъ, и у воробья есть пиво.

Но его рѣчи не дѣйствовали,—глотокъ самой чистой воды не насытитъ голоднаго.

Дьяконъ Тарасъ тоже пробовалъ развлечь публику, распѣвая пѣсни и разсказывая свои сказки. Онъ имѣлъ болѣе успѣха. Иногда его усилія приводили къ тому, что вдругъ отчаянное, удалое веселье вскипало въ трактирѣ: пѣли, плясали, хохотали и на нѣсколько часовъ становились похожими на безумныхъ.

И потомъ опять впадали въ тупое, равнодушное отчаяніе и сидѣли за столами трактира въ копоти лампъ, въ табачномъ дыму, угрюмые, оборванные, лѣниво переговариваясь другъ съ другомъ, слушая торжествующій вой вѣтра и думая о томъ, какъ бы напиться водки, напиться до потери чувствъ.

И всѣ были глубоко противны каждому, и каждый таилъ въ себѣ безсмысленную злобу противъ всѣхъ.

II.

Все относительно на этомъ свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ для человѣка того положенія, хуже котораго не могло бы уже ничего быть.

Однажды въ концѣ сентября, ясным днемъ, ротмистръ Аристидъ Кувалда сидѣлъ, по обыкновенію, въ своемъ креслѣ у дверей ночлежки и, глядя на возведенное купцомъ Петунниковымъ каменное зданіе рядомъ съ трактиромъ Вавилова, думалъ.

Зданіе, еще окруженное лѣсами, предназначалось подъ свѣчной заводъ и давно уже кололо глаза ротмистру пустыми и темными впадинами длиннаго ряда своихъ оконъ и этой паутиной дерева, окружавшей его отъ основанія до крыши. Красное, точно кровью обмазанное, оно походило на какую-то жестокую машину, еще не дѣйствующую, но уже разинувшую рядъ глубокихъ, жадно зіяющихъ пастей и готовую что-то поглощать, жевать и пожирать. Сѣрый деревянный трактиръ Вавилова, съ кривой крышей, поросшей мхомъ, оперся на одну изъ кирпичныхъ стѣнъ завода и казался какимъ-то большимъ паразитомъ, присосавшимся къ ней.

Ротмистръ думалъ о томъ, что скоро и на мѣстѣ стараго дома начнутъ строить. Сломаютъ и ночлежку. Придется искать другое помѣщеніе, а такого удобнаго и дешеваго не найдешь. Жалко, грустно какъ-то уходить съ насиженнаго мѣста. Уходить же придется только потому, что нѣкій купецъ пожелалъ производить свѣчи и мыло. И ротмистръ чувствовалъ, что если бъ ему представился случай чѣмъ-нибудь хоть на время испортить жизнь этому врагу—о! съ какимъ наслажденіемъ онъ испортилъ бы ее!

Вчера купецъ Иванъ Андреевичъ Петунниковъ былъ на дворѣ ночлежки съ архитекторомъ и своимъ сыномъ. Измѣряли дворъ и всюду натыкали въ землю какихъ-то палочекъ, которыя, по уходѣ Петунникова, ротмистръ приказалъ Метеору вытаскать изъ земли и разбросать.

Передъ глазами ротмистра стоялъ этотъ купецъ—маленькій, сухонькій, въ длиннополомъ одѣяніи, похожемъ одновременно на сюртукъ и на поддевку, въ бархатномъ картузѣ и высокихъ, ярко начищенныхъ сапогахъ. Костлявое скуластое лицо съ сѣдой, клинообразной бородой, съ высокимъ, изрѣзаннымъ морщинами лбомъ, и изъ-подъ него сверкали узкіе, сѣрые глазки, прищуренные, всегда что-то высматривающіе... Острый хрящеватый носъ, маленькій ротъ съ тонкими губами... Въ общемъ у купца видъ благочестиво-хищный и почтенно-злой.

— Проклятая помѣсь лисицы и свиньи!—выругался про себя ротмистръ и вспомнилъ первую фразу Петунникова, касавшуюся его. Купецъ пришелъ съ членомъ городской управы покупать домъ и, увидѣвъ ротмистра, спросилъ у своего провожатаго бойкимъ костромскимъ говоромъ:

— Энто тотъ самый огарокъ... квартирантъ-то вашъ?

И съ той поры вотъ уже почти полтора года они состязаются другъ съ другомъ въ своемъ умѣньи оскорблять человѣка.

И вчера между ними произошло легонькое „упражненіе въ буесловіи“, какъ называлъ ротмистръ свои разговоры съ купцомъ. Проводивъ архитектора, купецъ подошелъ къ ротмистру.

— Сидишь? — спросилъ онъ, дергая рукой за козырекъ картуза, такъ что нельзя было понять, поправляетъ ли онъ его или же хочетъ изобразить поклонъ.

— Мыкаешься?—въ тонъ ему сказалъ ротмистръ и сдѣлалъ движеніе нижней челюстью, отчего борода его вздрогнула и что̀ нетребовательный человѣкъ могъ принять за поклонъ или за желаніе ротмистра пересунуть свою трубку изъ одного угла рта въ другой.

— Денегъ у меня много—вотъ и мыкаюсь. Деньги хотятъ, чтобъ ихъ въ жизнь пускали, вотъ я и даю имъ ходъ... — немножко дразнитъ ротмистра купецъ, лукаво прищуривая свои глазки.

— Не тебѣ, значитъ, рубль служитъ, а ты рублю,—комментируетъ Кувалда, борясь съ желаніемъ дать пинка въ животъ купцу.

— Али это не все равно? Съ ними, съ деньгами-то, всяко пріятно... А вотъ ежели безъ нихъ...

И купецъ съ нахально-поддѣланнымъ состраданіемъ оглядываетъ ротмистра. У того верхняя губа прыгаетъ, обнажая крупные волчьи зубы.

— Имѣя умъ и совѣсть, можно жить и безъ нихъ... Деньги обыкновенно являются какъ разъ въ то время, когда у человѣка совѣсть усыхать начинаетъ... Совѣсти меньше—денегъ больше.

— Это вѣрно... А то есть люди, у которыхъ ни денегъ ни совѣсти...

— Ты смолоду-то такимъ и былъ?—простодушно спрашиваетъ Кувалда. Теперь у Петунникова вздрагиваетъ носъ. Иванъ Андреевичъ вздыхаетъ, щуритъ глазки и говоритъ:

— Мнѣ смолоду, о-охъ, большія тяжести поднять пришлось!

— Я думаю...

— Работалъ я, охъ, какъ работалъ!

— А многихъ обработалъ!

— Такихъ, какъ ты? Дворянъ-то? Ничего... достаточно ихъ отъ меня Христовой молитвѣ выучились...

— Не убивалъ, только грабилъ?—рѣжетъ ротмистръ.

Петушниковъ зеленѣетъ и находитъ нужнымъ измѣнить тему.

— А хозяинъ ты плохой—сидишь, а гость стоитъ...

— Пусть и онъ сядетъ,—разрѣшаетъ Кувалда.

— Да не на что, вишь...

— На землю... земля всякую дрянь принимаетъ...

— Я это по тебѣ вижу... Однако пойти отъ тебя, ругателя,—ровно и спокойно сказалъ Петушниковъ, но глаза его излили на ротмистра холодный ядъ.

И онъ ушелъ, оставивъ Кувалду въ пріятномъ сознаніи, что купецъ боится его. Если бъ онъ не боялся, такъ уже давно бы выгналъ изъ ночлежки. Не изъ-за пяти же рублей въ мѣсяцъ онъ не гонитъ его! И ротмистру пріятно смотрѣть въ спину Петушникова, медленно удаляющагося со двора. Потомъ ротмистръ слѣдитъ, какъ купецъ ходитъ около своего завода, ходитъ по лѣсамъ вверхъ и внизъ. И ему очень хочется, чтобъ купецъ упалъ и изломалъ себѣ кости. Сколько уже онъ создалъ остроумныхъ комбинацій паденія и всяческихъ увѣчій, глядя на Петушникова, лазившаго по лѣсамъ своего завода, какъ паукъ по своей вѣткѣ. Вчера ему даже показалось, что вотъ одна доска дрогнула подъ ногами купца, и ротмистръ въ волненіи вскочилъ со своего мѣста. Но ничего не вышло

И сегодня, какъ всегда, передъ глазами Аристида Кувалды торчитъ это красное зданіе, такое прочное, плотное, такъ крѣпко вцѣпившееся въ землю, точно уже высасывающее изъ нея соки. И кажется, что оно холодно и темно смѣется надъ ротмистромъ зіяющими дырами своихъ стѣнъ. Солнце льетъ на него свои осенніе лучи такъ же щедро. какъ и на уродливые домики Въѣзжей улицы.

„А вдругъ! — мысленно воскликнулъ ротмистръ, измѣряя глазами стѣну завода.—Ахъ, ты, чортъ возьми! Если бы...“— Весь встрепенувшись, возбужденный своей мыслью, Аристидъ Кувалда вскочилъ и торопливо пошелъ въ трактиръ Вавилова, улыбаясь и бормоча что-то про себя.

Вавиловъ встрѣтилъ его за буфетомъ дружескимъ восклицаніемъ:

— Вашему благородію здравія желаемъ!

Средняго роста, съ лысой головой, въ вѣнчикѣ сѣдыхъ кудрявыхъ волосъ, съ бритыми щеками и съ прямо торчащими усами, похожими на зубныя щетки, прямой и ловкій, въ кожаной курткѣ, онъ каждымъ своимъ движеніемъ позволялъ узнать въ немъ стараго унтеръ-офицера.

— Егоръ! У тебя вводный листъ и планъ на домъ есть?— торопливо спросилъ Кувалда.

— Имѣю

Вавиловъ подозрительно сузилъ свои вороватые глаза и пристально уставился ими въ лицо ротмистра, въ которомъ онъ видѣлъ что-то особенное.

— Покажи мнѣ!—воскликнулъ ротмистръ, стукая кулакомъ по стойкѣ и опускаясь на табуретъ около нея.

— А зачѣмъ?—спросилъ Вавиловъ, рѣшившійся при видѣ возбужденія Кувалды держать ухо востро.

— Болванъ, неси скорѣй!

Вавиловъ наморщилъ лобъ и испытующе поднялъ глаза къ потолку.

— Гдѣ онѣ у меня, эти самыя бумаги?

На потолкѣ не нашлось никакихъ указаній по этому вопросу; тогда унтеръ устремилъ глаза на свой животъ и съ видомъ озабоченной задумчивости сталъ барабанить пальцемъ по стойкѣ.

— Будетъ тебѣ кобениться,—прикрикнулъ на него ротмистръ, не любившій его, находя, что бывшему солдату привычнѣе быть воромъ, чѣмъ трактирщикомъ.

— Да я, Ристидъ Ѳомичъ, ужъ вспомнилъ. Кажись, онѣ въ окружномъ судѣ остались. Какъ я вводился во владѣніе...

— Егорка, брось! Въ виду твоей же пользы, покажи мнѣ сейчасъ планъ, купчую и все, что̀ есть. Можетъ-быть, ты не одну сотню рублей выиграешь отъ этого,—понялъ?

Вавиловъ ничего не понялъ, но ротмистръ говорилъ такъ внушительно, съ такимъ серьезнымъ видомъ, что глаза унтера загорѣлись пылкимъ любопытствомъ, и, сказавъ, что посмотритъ, нѣтъ ли этихъ бумагъ у него въ укладкѣ, онъ ушелъ въ дверь за буфетомъ. Черезъ двѣ минуты онъ возвратился съ бумагами въ рукахъ и съ выраженіемъ крайняго изумленія на рожѣ.

— Анъ онѣ, проклятыя, дома!

— Эхъ, ты... паяцъ изъ балагана! А еще солдатъ былъ...— не преминулъ укорить его Кувалда, выхвативъ изъ его рукъ коленкоровую папку съ синей актовой бумагой. Затѣмъ, развернувъ передъ собой бумаги и все болѣе возбуждая любопытство Вавилова, ротмистръ сталъ читать, разсматривать и при этомъ многозначительно мычалъ. Вотъ наконецъ онъ рѣшительно всталъ и пошелъ къ двери, оставивъ бумаги на стойкѣ и кинувъ Вавилову:

— Погоди... не прячь ихъ...

Вавиловъ собралъ бумаги, положилъ ихъ въ ящикъ выручки, заперъ его и подергалъ рукой—хорошо ли заперлось? Потомъ онъ, задумчиво потирая лысину, вышелъ на крыльцо

харчевни. Тамъ онъ увидалъ, что ротмистръ, измѣривъ шагами фасадъ харчевни, щелкнулъ пальцами и снова началъ измѣрять ту же линію, озабоченный, но довольный.

Лицо Вавилова какъ-то напряглось, потомъ вытянулось потомъ вдругъ радостно просіяло.

— Ристидъ Ѳомичъ! Неужто? — воскликнулъ онъ, когда ротмистръ поровнялся съ нимъ.

— Вотъ-те и неужто! Больше аршина отрѣзано. Это по фасаду, а вглубь сейчасъ узнаю...

— Вглубь?.. Десять саженъ два аршина!

— Что, догадался, бритая харя?

— Какъ же, Ристидъ Ѳомичъ! Ну и глазокъ у васъ—въ землю вы на три аршина видите!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Вавиловъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли другъ противъ друга въ комнатѣ Вавилова, и ротмистръ, большими глотками уничтожая пиво, говорилъ трактирщику:

— Итакъ, вся стѣна завода стоитъ на твоей землѣ. Дѣйствуй безъ всякой пощады. Придетъ учитель, и мы накатаемъ прошеніе въ окружной. Цѣну иска, чтобы не тратиться на гербовыя, назначимъ самую скромную, а просить будемъ о сломкѣ. Это, дуракъ ты мой, называется нарушеніемъ границъ чужого владѣнія... очень пріятное событіе для тебя! Ломай! А ломать такую махину да подвигать ее—дорого стоитъ. Мировую! Тутъ ты и прижми Іуду. Мы разсчитаемъ, сколько будетъ стоить сломка, самымъ точнымъ образомъ—съ битымъ кирпичомъ, съ ямой подъ новый фундаментъ... все высчитаемъ! Даже время примемъ въ счетъ! И—позвольте, благочестивый Іуда, двѣ ты-ся-чи рублей!

— Не дастъ! — тревожно моргая глазами, сверкавшими жаднымъ огнемъ, вытянулъ Вавиловъ.

— Врешь! Дастъ! Ты пошевели мозгами—что ему дѣлать? Ломать? Но—смотри, Егорка, не продешеви! Покупать тебя будутъ—не продавайся дешево! Пугать будутъ—не бойся! Положись на насъ...

Глаза у ротмистра горѣли свирѣпой радостью, и лицо, красное отъ возбужденія, судорожно подергивалось. Онъ разжегъ алчность трактирщика и, убѣдивъ его дѣйствовать возможно скорѣе, ушелъ торжествующій и непреклонно-свирѣпый.

Вечеромъ всѣ бывшіе люди узнали объ открытіи ротмистра и, горячо обсуждая будущія дѣйствія Петушникова, изображали въ яркихъ краскахъ его изумленіе и злобу въ тотъ день, когда судебный разсыльный вручитъ ему копію иска.

Ротмистръ чувствовалъ себя героемъ. Онъ былъ счастливъ, и всѣ вокругъ него были довольны. Большая куча темныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья фигуръ лежала на дворѣ и шумѣла и ликовала, оживленная событіемъ. Всѣ они знали купца Петунникова, проходившаго много разъ мимо нихъ. Презрительно щуря глаза, онъ дарилъ ихъ такимъ же вниманіемъ, какъ и весь другой мусоръ, валявшійся на дворѣ. Отъ него вѣяло сытостью, раздражавшей ихъ, и даже сапоги его блестѣли пренебреженіемъ ко всѣмъ имъ. И вотъ теперь одинъ изъ нихъ сильно ударитъ этого купца по его карману и самолюбію. Развѣ это не хорошо?

Зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много привлекательнаго. Оно было единственнымъ орудіемъ по рукѣ и по силѣ имъ. Каждый изъ нихъ давно уже воспиталъ въ себѣ полусознательное, смутное чувство острой непріязни ко всѣмъ людямъ сытымъ и одѣтымъ не въ лохмотья, и въ каждомъ изъ нихъ было это чувство въ разныхъ степеняхъ его развитія. Оно-то и вызывало у всѣхъ бывшихъ людей жгучій интересъ къ войнѣ, объявленной Кувалдой купцу Петунникову.

Двѣ недѣли жила ночлежка ожиданіемъ новыхъ событій, и за все это время Петунниковъ ни разу не явился на постройку. Дознано было, что его нѣтъ въ городѣ, и что копія прошенія еще не вручена ему. Кувалда громилъ практику гражданскаго судопроизводства. Едва ли когда-нибудь и кто-либо ждалъ этого купца съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ, съ которымъ ожидали его босяки.

„Не идетъ, не идетъ мой ненаглядный-й...
Эхъ, знать, не любитъ онъ м-меня-а!“—

пѣлъ дьяконъ Тарасъ, поджавъ щеку и юмористически-скорбно глядя въ гору.

И вотъ однажды подъ вечеръ Петунниковъ явился. Онъ пріѣхалъ въ солидной телѣжкѣ съ сыномъ въ роли кучера—краснощекимъ малымъ, въ длинномъ клѣтчатомъ пальто и въ темныхъ очкахъ. Они привязали лошадь къ лѣсамъ; сынъ вынулъ изъ кармана рулетку, подалъ конецъ ея отцу, и они начали мѣрить землю, оба молчаливые и озабоченные.

— Ага-а!—торжествуя, возгласилъ ротмистръ.

Всѣ, кто былъ налицо въ ночлежкѣ, высыпали къ воротамъ и смотрѣли, вслухъ выражая свои мнѣнія по поводу происходившаго.

— Что̀ значитъ привычка воровать—человѣкъ воруетъ даже и по ошибкѣ, не желая украсть, рискуя потерять больше того, сколько украдетъ... — соболѣзновалъ ротмистръ, вызывая у своего штаба смѣхъ и рядъ подобныхъ замѣчаній.

— Ой, малый!—воскликнулъ наконецъ Петунниковъ, взо-

рванный насмѣшками,—гляди, какъ бы я тебя за твои слова къ мировому не потянулъ!

— Безъ свидѣтелей ничего не выйдетъ... Родной сынъ не можетъ свидѣтельствовать со стороны отца...—предупредилъ ротмистръ.

Ну, гляди же! Атаманъ-то ты храбрый, да вѣдь и на тебя найдется управа!

И Петунниковъ грозилъ пальцемъ... Сынъ его, спокойный и погруженный въ расчеты, не обращалъ вниманія на эту кучку темныхъ людей, зло потѣшавшихся надъ его отцомъ. Онъ даже не взглянулъ ни разу въ ихъ сторону.

— Молоденькій паучокъ имѣетъ хорошую выдержку,—замѣтилъ Объѣдокъ, подробно прослѣдивъ всѣ дѣйствія и движенія Петунникова младшаго.

Обмѣривъ все, что̀ было нужно, Иванъ Андреевичъ нахмурился, молча сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ, а его сынъ твердыми шагами пошелъ къ трактиру Вавилова и скрылся въ номъ.

— Ого! рѣшительный молодой воръ... да! Ну-ка, что̀ будетъ дальше?—спросилъ Кувалда.

— А дальше Петунниковъ младшій купитъ Егора Вавилова...—увѣренно сказалъ Объѣдокъ и вкусно чмокнулъ губами, выражая полное удовольствіе на своемъ остромъ лицѣ.

— А ты этому радъ, что ли?—сурово спросилъ Кувалда.

— А мнѣ пріятно видѣть, какъ людскіе расчеты не оправдываются,—съ наслажденіемъ объяснилъ Объѣдокъ, щуря глаза и потирая руки.

Ротмистръ сердито плюнулъ и промолчалъ. И всѣ они, стоя у воротъ полуразрушеннаго дома, молчали и смотрѣли на дверь харчевни. Прошелъ часъ и болѣе въ этомъ ожидающемъ молчаніи. Потомъ дверь харчевни отворилась, и Петунниковъ вышелъ изъ нея такой же спокойный, какимъ вошелъ въ нее. Онъ остановился на минуту, кашлянулъ, приподнялъ воротникъ пальто, посмотрѣлъ на людей, наблюдавшихъ за нимъ, и пошелъ вверхъ по улицѣ въ городъ.

Ротмистръ проводилъ его глазами и, обращаясь къ Объѣдку, усмѣхнулся.

— А вѣдь, пожалуй, ты правъ, сынъ скорпіона и мокрицы... У тебя есть нюхъ на все подлое... да... Ужъ по харѣ этого юнаго жулика видно, что онъ добился своего... Сколько взялъ съ нихъ Егорка? Онъ взялъ... Онъ ихъ же поля ягода. Онъ взялъ, будь я трижды проклятъ! Это я устроилъ ему. Горько мнѣ понимать мою глупость. Да, жизнь вся противъ насъ, братцы мои, мерзавцы! И даже когда плюнешь въ рожу ближняго, плевокъ летитъ въ твои же глаза.

Утѣшивъ себя этой сентенціей, почтенный ротмистръ посмотрѣлъ на свой штабъ. Всѣ были разочарованы, ибо всѣ чувствовали, что то, что произошло между Вавиловымъ и Петунниковымъ, произошло не такъ, какъ они ждали. И всѣмъ было обидно это. Сознаніе неумѣнья причинить зло болѣе оскорбительно для человѣка, чѣмъ сознаніе невозможности сдѣлать добро, потому что зло дѣлать такъ легко и просто.

— Итакъ, чего же мы тутъ торчимъ? Намъ нечего больше ждать... кромѣ могарыча, который я сдерну съ Егорки...— сказалъ ротмистръ, хмуро посматривая на харчевню.—Благоденственному и мирному житію нашему подъ кровлей Іуды—пришелъ конецъ. Попретъ насъ Іуда вонъ... О чемъ и объявляю по ввѣренному мнѣ департаменту санкюлотовъ.

Конецъ мрачно засмѣялся.

— Тюремщикъ, ты чего?—спросилъ Кувалда.

— Куда жъ я пойду?

— Это, душа моя, вопросище... Судьба твоя отвѣтитъ на него, не безпокойся,—задумчиво сказалъ ротмистръ, идя въ ночлежку. Бывшіе люди лѣниво двинулись за нимъ.

— Мы подождемъ критическаго момента,—говорилъ ротмистръ, шагая среди нихъ.—Когда насъ вытурятъ вонъ, тогда мы и поищемъ новой норы для себя. А пока не стоитъ портить жизнь такими думами... Въ критическіе моменты человѣкъ становится энергичнѣе... и если бъ жизнь, во всей ея совокупности, сдѣлать сплошнымъ критическимъ моментомъ, если бъ каждую секунду человѣкъ принужденъ былъ дрожать за цѣлость своей башки... ей-Богу, жизнь была бы болѣе живой, а люди болѣе интересными!

— То-есть съ большей яростью грызли бы глотки другъ другу,—пояснилъ Объѣдокъ, улыбаясь.

— Ну, такъ что же?—задорно воскликнулъ ротмистръ, не любившій, чтобы его мысли пояснялись.

— А ничего... это хорошо. Когда хотятъ скорѣе куда-нибудь доѣхать, лошадей бьютъ кнутомъ, а машины раздражаютъ огнемъ.

— Ну да! Пусть все скачетъ къ чорту на кулички! Мнѣ было бы пріятно, если бъ земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы въ дребезги... Лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ...

— Свирѣпо!—усмѣхнулся Объѣдокъ.

— Такъ что? Я—бывшій человѣкъ... такъ? Я отверженъ— значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значитъ, я могу наплевать на все! Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и пріемы от-

ношеній къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ... и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое,— понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущіе господа жизни, въ родѣ Іуды Петушникова, при видѣ моей представительной фигуры—трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали.

— Экій у тебя языкъ храбрый,—смѣялся Объѣдокъ...

— Эхъ, ты!.. мизеръ...—презрительно оглядѣлъ его Кувалда.—Что ты понимаешь? Что ты знаешь? Умѣешь ли ты думать? А я думалъ... и читалъ книги, въ которыхъ ты не понялъ бы ни слова.

— Еще бы! Гдѣ мнѣ щи лаптемъ хлебать... Но хотя ты читалъ и думалъ, а я не дѣлалъ ни того ни другого, однако недалеко же мы другъ отъ друга ушли...

— Пошелъ къ чорту!—вскричалъ Кувалда.

Его разговоры съ Объѣдкомъ всегда такъ кончались. Вообще безъ учителя его рѣчи,—онъ самъ это зналъ,—только воздухъ портили и расплывались въ немъ безъ оцѣнки и вниманія къ нимъ; но не говорить онъ не могъ. И теперь, обругавъ своего собесѣдника, онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди своихъ людей. А говорить ему хотѣлось, и потому онъ обратился къ Симцову съ вопросомъ:

— Ну, а ты, Алексѣй Максимовичъ, куда преклонишь свою сѣдую голову?

Старикъ добродушно улыбнулся, потеръ рукои свои носъ и объявилъ:

— Не знаю... увижу! Наше дѣло маленькое: выпилъ да еще

— Почтенная, хотя и простая задача!—похвалилъ его ротмистръ.

Симцовъ, помолчавъ, добавилъ, что онъ устроится скорѣ всѣхъ ихъ, потому что его женщины очень любятъ. Это была правда: старикъ всегда имѣлъ двухъ-трехъ любовницъ изъ проститутокъ, содержавшихъ его по два и три дня кряду на свои скудные заработки. Онѣ часто били его, но онъ относился къ этому стоически; сильно избить его онѣ почему-то не могли—можетъ-быть, жалѣли. Онъ былъ страстный женолюбецъ и разсказывалъ, что женщины—причина всѣхъ несчастій его жизни. Близость его отношеній къ женщинамъ и характеръ ихъ отношеній къ нему подтверждались и частыми болѣзнями его, и костюмомъ, всегда хорошо починеннымъ и болѣе чистымъ, чѣмъ костюмы товарищей. И теперь, сидя на землѣ у дверей ночлежки въ кругу своихъ товарищей, онъ хвастливо началъ разсказывать, что его давно уже зоветъ Рѣдька жить съ ней, но онъ не идетъ къ ней, не хочетъ уйти изъ компаніи.

Его слушали съ интересомъ и не безъ зависти. Рѣдьку всѣ знали—она жила недалеко подъ горой и недавно только отсидѣла нѣсколько мѣсяцевъ за вторую кражу. Это была „бывшая“ кормилица, высокая и дородная деревенская баба, съ рябымъ лицомъ и очень красивыми, хотя всегда пьяными глазами.

— Ишь ты, старый чортъ!—выругался Объѣдокъ, глядя на самодовольно улыбавшагося Симцова.

— А почему онѣ меня любятъ? Потому что я знаю, чѣмъ жива ихъ душа...

— Н-да?—вопросительно воскликнулъ Кувалда.

— Умѣю заставить ихъ жалѣть меня. А женщина, когда она пожалѣетъ, хоть зарѣжетъ изъ жалости. Плачь передъ ней, проси ее убить тебя, пожалѣетъ и—убьетъ...

— Это я убью!—рѣшительно заявилъ Мартьяновъ, усмѣхаясь своей мрачной усмѣшкой.

— Кого?—спросилъ Объѣдокъ, отодвигаясь отъ него въ сторону.

— Все равно... Петунникова... Егорку... хоть тебя!

— Зачѣмъ?—освѣдомился Кувалда.

— Хочу въ Сибирь... Мнѣ надоѣло это... подлая жизнь... А тамъ ужъ будешь знать, какъ нужно жить...

— Д-да, тамъ укажутъ подробно,—меланхолически согласился ротмистръ.

О Петунниковѣ и грядущемъ выселеніи изъ ночлежки больше не говорили. Всѣ уже были увѣрены, что выселеніе близко къ нимъ, и считали излишнимъ утруждать себя разсужденіями на эту тему. Отъ разговоровъ положеніе не улучшилось бы, да наконецъ было еще не холодно, хотя и начинались дожди—можно было спать на любомъ клочкѣ земли за городомъ.

Расположившись кружкомъ на травѣ, эти люди лѣниво вели безконечную бесѣду о разныхъ разностяхъ, свободно переходя отъ одной темы къ другой и тратя столько вниманія къ чужимъ словамъ, сколько нужно было его для того, чтобы продолжать бесѣду, не прерывая. Молчать было скучно, но и внимательно слушать тоже скучно. Это общество бывшихъ людей имѣло одно великое достоинство: въ немъ никто не насиловалъ себя, стараясь казаться лучше, чѣмъ онъ есть, и не возбуждалъ другихъ къ такому насилію надъ собой.

Августовское солнце старательно прокаливало лохмотья этихъ людей, подставившихъ ему свои спины и нечесанныя головы—хаотическое соединеніе царства растительнаго съ минеральнымъ и животнымъ. Въ углахъ двора росъ пышный

бурьянъ—высокіе лопухи, усѣянные цѣпкими рѣпьями, и еще какія-то никому ненужныя растенія услаждали взоры никому ненужныхъ людей...

А въ харчевнѣ Вавилова разыгралась слѣдующая сцена.

Петунниковъ младшій вошелъ въ нее не торопясь, осмотрѣлся, поморщился брезгливо и, медленно снявъ съ головы сѣрую шляпу, спросилъ у трактирщика, встрѣтившаго его почтительнымъ поклономъ и любезной усмѣшкой:

— Егоръ Терентьевичъ Вавиловъ—это вы и есть?

— Точно такъ!—отвѣтилъ унтеръ, опираясь о прилавокъ обѣими руками, какъ бы готовый перепрыгнуть черезъ него.

— Имѣю къ вамъ дѣло,—заявилъ Петунниковъ.

— Вполнѣ пріятно... Пожалуйте въ комнаты!

Они прошли въ комнаты и сѣли—гость на клеенчатый диванъ передъ круглымъ столомъ, хозяинъ на стулъ противъ него. Въ одномъ углу комнаты горѣла лампада передъ громаднымъ трехстворчатымъ кіотомъ, на стѣнѣ около него тоже висѣли иконы. Ризы ихъ были ярко вычищены и блестѣли, какъ новыя. Въ комнатѣ, тѣсно заставленной сундуками и старой разнообразной мебелью, пахло деревяннымъ масломъ, табакомъ и кислой капустой. Петунниковъ осмотрѣлся и снова скорчилъ гримасу. Вавиловъ со вздохомъ взглянулъ на иконы, а потомъ они пристально осмотрѣли другъ друга и оба взаимно произвели хорошее впечатлѣніе. Петунникову понравились откровенно-вороватые глаза Вавилова, Вавилову—открытое, холодное и рѣшительное лицо Петунникова съ широкими крѣпкими скулами и частыми бѣлыми зубами.

— Ну-съ, вы, конечно, знаете меня и догадываетесь, насчетъ чего я буду говорить,—началъ Петунниковъ.

— Насчетъ иску... я такъ полагаю,—почтительно сказалъ унтеръ.

— Именно. Пріятно видѣть, что вы не ломаетесь, а идете къ дѣлу, какъ человѣкъ прямой души,—поощрилъ Петунниковъ собесѣдника.

— Солдатъ-съ я...—скромно сказалъ тотъ.

— Это видно. Итакъ, будемъ вести дѣло просто и прямо, чтобы скорѣе кончить его.

— Вотъ именно.

— Хорошо-съ. Вашъ искъ вполнѣ законенъ, и вы его, конечно, выиграете—это прежде всего я считаю нужнымъ сообщить вамъ.

— Покорно благодарю,—сказалъ унтеръ, моргнувъ глазами, чтобы скрыть въ нихъ улыбку.

— Но, скажите, зачѣмъ же вамъ понадобилось начинать акомство съ нами, вашими будущими сосѣдями, такъ рѣзко... ямо съ суда?

Вавиловъ пожалъ плечами и смолчалъ.

— Было бы проще прійти къ намъ и устроить все миромъ... Какъ вы думаете?

— Это, конечно, пріятнѣе. Да видите ли... тутъ есть одна корючка... не своей волей я дѣйствовалъ... а по наущенію... ослѣ понялъ, какъ бы лучше-то, ну, ужъ поздно.

— Такъ... Васъ, полагаю, адвокатъ какой-нибудь на-илъ?

— Въ этомъ родѣ...

— Ага! Ну-съ, такъ желаете кончить дѣло миромъ?

— Съ полнымъ удовольствіемъ!—воскликнулъ солдатъ.

Петунниковъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него и вдругъ лодно и сухо спросилъ:

— А почему вы этого желаете?

Вавиловъ не ожидалъ такого вопроса и сразу не могъ вѣтить. По его мнѣнію, это былъ пустой вопросъ, и солтъ, съ сознаніемъ превосходства, усмѣхнулся въ лицо Пенникова-сына.

— Извѣстно почему... съ людьми надо стараться жить въ ірѣ.

— Ну,—перебилъ его Петунниковъ,—это не совсѣмъ такъ. ы, какъ я вижу, неясно понимаете, почему вамъ хотѣлось ı помириться съ нами... Я разскажу вамъ это.

Солдатъ удивился немного. Этотъ парень, весь одѣтый въ ѣтчатую матерію и довольно смѣшной въ ней, говорилъ къ, какъ, бывало, говорилъ ротный командиръ Ракшинъ, дъ сердитую руку выбивавшій у рядовыхъ сразу по три ба.

— Вамъ нужно помириться съ нами потому, что наше содство вамъ очень выгодно! А выгодно оно потому, что у съ на заводѣ будетъ рабочихъ не менѣе полутораста чевѣкъ, со временемъ—болѣе. Если сто изъ нихъ послѣ ждаго недѣльнаго расчета выпьютъ у васъ по стакану, ачитъ, въ мѣсяцъ вы продадите на четыреста стакановъ льше, чѣмъ продаете теперь. Это я взялъ самое меньшее. тѣмъ у васъ харчевня. Вы, кажется, неглупый и бывалый ловѣкъ, сообразите-ка сами выгодность нашего сосѣдства.

— Это вѣрно-съ...—кивнулъ головой Вавиловъ,—это я алъ.

— И что же?—громко освѣдомился купецъ.

— Ничего-съ... Давайте помиримся...

— Очень пріятно, что вы такъ скоро рѣшаете. Вотъ припасъ заявленіе въ судъ о прекращеніи вами претен: противъ отца. Прочитайте и подпишите.

Вавиловъ круглыми глазами посмотрѣлъ на своего со сѣдника и вздрогнулъ, предчувствуя что-то крайне скверн

— Позвольте... подписать? А какъ же это?

— Просто, вотъ напишите имя и фамилію и больше чего,—обязательно указывая пальцемъ, гдѣ подписать, об яснилъ Петушниковъ.

— Нѣтъ—это что-о! Я не про это... Я насчетъ того, ка же мнѣ вознагражденіе за землю вы дадите?

— Да вѣдь вамъ эта земля ни къ чему!—успокоител сказалъ Петушниковъ.

— Однако она моя!—воскликнулъ солдатъ.

— Конечно... А сколько вы хотѣли бы?

— Да хоть бы—по иску... Какъ тамъ прописано,—роб заявилъ Вавиловъ.

— Шестьсотъ?—Петушниковъ мягко засмѣялся.—Ахъ, чудакъ!

— Я имѣю право... Я могу хоть двѣ тысячи требоват Могу настоять, чтобы вы сломали... Я такъ и хочу... Пото и цѣна иска такая малая. Я требую—ломать!

— Валяйте... Мы, можетъ-быть, и сломаемъ... года чере три, втянувъ васъ въ большія издержки по суду. А зап тивъ, откроемъ свой кабачокъ и харчевню получше вашей вы и пропадете, какъ шведъ подъ Полтавой, Пропадете, лубчикъ, ужъ мы объ этомъ позаботимся. Мы могли теперь начать хлопоты насчетъ кабака, да возня это, а па время дорого. Да жалко и васъ—зачѣмъ же у человѣка за что ни про что хлѣбъ отбивать!

Егоръ Терентьевичъ, крѣпко сцѣпивъ зубы, смотрѣлъ своего гостя и чувствовалъ, что гость—владыка его судьб Жалко стало Вавилову себя предъ лицомъ этой холодно-с койной, неумолимой фигуры въ клѣтчатомъ костюмѣ.

— А въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нами находясь въ согласіи живя, вы, служивый, хорошо могли бы зара тать. Объ этомъ мы тоже бы позаботились. Я, напримѣ даже сейчасъ порекомендую вамъ лавочку маленькую откры Знаете—табачокъ, спички, хлѣбъ, огурцы и такъ далѣ Все это будетъ имѣть хорошій сбытъ.

Вавиловъ слушалъ и, какъ неглупый малый, понима что отдаться на великодушіе врага—всего лучше. Собствен съ этого и надо бы начать. И не зная, куда дѣвать с обиду и злобу, солдатъ вслухъ обругалъ Кувалду:

— Пьяница, ан-аѳема, чортъ тебя задави!

— Это вы того адвоката, который сочинялъ вамъ проше-
е?—спокойно спросилъ Петунниковъ и, вздохнувъ, доба-
лъ:—дѣйствительно, онъ могъ сыграть съ вами скверную
тку... если бъ мы не пожалѣли васъ.

— Эхъ!—махнулъ рукой огорченный солдатъ,—ихъ двое
тъ... Одинъ нашелъ, другой писалъ... Корреспондентъ про-
ятый!

— Это почему же корреспондентъ?

— Пишетъ въ газеты... Все ваши постояльцы... Вотъ
оди! Уберите вы ихъ, гоните, Христа ради! Разбойники!
ѣхъ здѣсь въ улицѣ мутятъ, настраиваютъ. Житья нѣтъ
ъ нихъ... отчаянные люди—того гляди, ограбятъ или по-
жгутъ...

— А этотъ корреспондентъ... онъ кто такой?—заинтересо-
лся Петунниковъ.

— Онъ? Пьяница! Учителемъ былъ—выгнали. Пропился
. вотъ пишетъ въ газеты, сочиняетъ прошенія. Очень
длый человѣкъ!

— Гм! Онъ вамъ и писалъ прошеніе? Та-акъ-съ! Оче-
дно, онъ же писалъ и о безпорядкахъ на стройкѣ,—лѣса
мъ, что ли, нашелъ неправильно поставленными.

— Онъ! Я это знаю, онъ, собака! Самъ здѣсь читалъ и
алился—вотъ я, говоритъ, Петунникова въ убытокъ ввелъ.

— Н-да... Ну-съ, такъ какъ же вы—мириться намѣрены?

— Мириться?

Солдатъ опустилъ голову и задумался.

— Эхъ, ты, жизнь наша темная!—съ обидой въ голосѣ
скликнулъ онъ, почесавъ затылокъ.

— Учиться надо,—порекомендовалъ ему Петунниковъ, за-
ривая папиросу.

— Учиться? Не въ этомъ дѣло-съ, сударь вы мой! Сво-
ды нѣтъ, вотъ что! Вѣдь у меня какая жизнь? Въ трепетѣ
иву.... съ постоянной оглядкой... вполнѣ лишенъ свободы
лательныхъ мнѣ движеній! А почему? Боюсь.... этотъ ки-
мора-учитель въ газетахъ пишетъ на меня... санитарный
дзоръ навлекаетъ, штрафы плачу... Постояльцы эти ваши,
го гляди, сожгутъ, убьютъ, ограбятъ... Что я противъ нихъ
гу? Полиціи они не боятся... Посадитъ ихъ—они даже
ды—хлѣбъ имъ даровой.

— А вотъ мы ихъ устранимъ... если сойдемся съ вами,—
обѣщалъ Петунниковъ.

— Какъ же мы сойдемся?—съ тоской и угрюмо спросилъ
авиловъ.

— Говорите ваши условія.

— Да что же? Дайте... шестьсотъ по иску...

— Сто рублей не возьмете?—спокойно спросилъ купец тщательно осмотрѣлъ своего собесѣдника и, мягко улыбн вшись, добавилъ:—больше не дамъ ни рубля...

Послѣ этого онъ снялъ очки и медленно сталъ вытира ихъ стекла вынутымъ изъ кармана платкомъ. Вавиловъ смо рѣлъ на него съ тоской въ сердцѣ и въ то же время пр никался почтеніемъ къ нему. Въ спокойномъ лицѣ молодо Петунникова, въ его сѣрыхъ, большихъ глазахъ, въ шир кихъ скулахъ, во всей его коренастой фигурѣ было мно силы, увѣренной въ себѣ и хорошо дисциплинированн умомъ. Вавилову нравилось и то, какъ Петунниковъ гов ридъ съ нимъ: просто, съ дружескими нотками въ голос безъ всякаго барства, какъ со своимъ братомъ, хотя Вав ловъ понималъ, что онъ, солдатъ, не пара этому человѣ Разсматривая его, почти любуясь имъ, солдатъ наконецъ вытерпѣлъ и, ощутивъ въ себѣ приливъ горячаго любопы ства, на минуту заглушившаго всѣ остальныя его ощущен почтительно спросилъ Петунникова:

— Гдѣ изволили учиться?

— Въ технологическомъ институтѣ. А что?—вскинулъ то на него улыбавшіеся глаза.

— Ничего-съ, это я такъ... извините!—Солдатъ понури голову и вдругъ съ восхищеніемъ, завистью и даже вдохн венно воскликнулъ:—Н-да! Вотъ оно образованіе-то! Од слово, наука—свѣтъ! А нашъ братъ—какъ сова пере солнцемъ въ этомъ свѣтѣ... Эхъ-ма! Ваше благородіе! Д вайте, кончимъ дѣло?

Онъ рѣшительнымъ жестомъ протянулъ руку Петуннико и сдавленно сказалъ:

— Ну... пятьсотъ?

— Не больше ста рублей, Егоръ Терентьевичъ,— какъ сожалѣя, что больше дать не можетъ, пожалъ плечами П тунниковъ, хлопая по волосатой рукѣ солдата своей бѣлой крупной рукой.

Они скоро кончили, потому что солдатъ вдругъ поше навстрѣчу желанію Петунникова крупными скачками, а то былъ непоколебимо твердъ. И когда Вавиловъ получилъ с рублей и подписалъ бумагу,—онъ ожесточенно бросилъ пе на столъ и воскликнулъ:

— Ну, теперь остается мнѣ съ золотой ротой вѣдать Засмѣютъ, застыдятъ они меня, дьяволы!

— А вы скажите имъ, что я заплатилъ вамъ всю сум

иска,—предложилъ Петушниковъ, спокойно пуская изо рта тонкія струйки дыма и слѣдя за ними.

— Да развѣ они этому повѣрятъ? Это тоже умные мошенники, не хуже...

Вавиловъ остановился во-время, смущенный едва не сказаннымъ сравненіемъ, и съ боязнью взглянулъ на купеческаго сына. Тотъ курилъ и весь былъ поглощенъ этимъ занятіемъ. Скоро онъ ушелъ, пообѣщавъ на прощанье Вавилову разорить гнѣздо безпокойныхъ людей. Вавиловъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и вздыхалъ, ощущая сильное желаніе крикнуть что-нибудь злое и обидное въ спину этого человѣка, твердыми шагами поднимавшагося въ гору по дорогѣ, изрытой ямами, засоренной мусоромъ.

Вечеромъ въ харчевню явился ротмистръ. Брови у него были сурово нахмурены и правая рука энергично стиснута въ кулакъ. Вавиловъ виновато улыбался навстрѣчу ему.

— Н-ну, достойный потомокъ Каина и Іуды, разсказывай...

— Порѣшили...—сказалъ Вавиловъ, вздохнувъ и спуская глаза.

— Не сомнѣваюсь. Сколько сребренниковъ получилъ?

— Четыреста цѣлковыхъ...

— Навѣрное врешь.... Но это мнѣ же лучше. Безъ дальнѣйшихъ словъ, Егорка: десять процентовъ мнѣ за открытіе, четвертную учителю за написаніе прошенія, ведро водки всѣмъ намъ и приличное количество закуски. Деньги сейчасъ подай, водку и прочее къ восьми часамъ.

Вавиловъ позеленѣлъ и широко открытыми глазами уставился на Кувалду.

— Это-съ дудки! Это грабежъ! Я не дамъ... Что вы, Аристидъ Ѳомичъ! Нѣтъ, ужъ это вы оставьте вашъ аппетитъ до слѣдующаго праздника! Ишь вы какъ! Нѣтъ, я теперь имѣю возможность не бояться васъ. Я теперь...

Кувалда посмотрѣлъ на часы.

— Даю тебѣ, Егорка, десять минутъ для твоего поганаго разговора. Кончай въ этотъ срокъ блудить языкомъ и давай, что требую. Не дашь—сожру! Конецъ тебѣ кое-что продалъ? Ты въ газетѣ о кражѣ у Басова читалъ? Понимаешь? Спрятать не успѣешь ничего—помѣшаемъ. И сегодня же ночью... Понялъ?

— Аристидъ Ѳомичъ! За что?—взвылъ отставной унтеръ.

— Безъ словъ! Понялъ или нѣтъ?

Высокій, сѣдой и внушительно нахмурившійся Кувалда говорилъ вполголоса, и его хриплый басъ зловѣще гудѣлъ въ

пустой харчевнѣ. Вавиловъ всегда немножко боялся его и какъ бывшаго военнаго, и какъ человѣка, которому нечего терять. Теперь же Кувалда явился передъ нимъ въ новомъ видѣ: онъ не говорилъ много и смѣшно, какъ всегда, а въ томъ, что̀ онъ говорилъ тономъ командира, увѣреннаго въ повиновеніи, звучала не шуточная угроза. И Вавиловъ чувствовалъ, что ротмистръ погубитъ его, если захочетъ, погубитъ съ удовольствіемъ. Нужно было покориться силѣ. Но съ злымъ трепетомъ въ сердцѣ солдатъ еще разъ попробовалъ увернуться отъ кары. Онъ глубоко вздохнулъ и смиренно началъ:

— Видно, вѣрно сказано: сама себя баба бьетъ, коли нечисто жнетъ... Навралъ я на себя вамъ, Аристидъ Ѳомичъ... хотѣлъ умнѣе показаться, чѣмъ я есть... Сто рублей я получилъ только...

— Дальше...—бросилъ ему Кувалда.

— А не четыреста, какъ сказалъ вамъ... Значитъ...

— Ничего не значитъ. Мнѣ неизвѣстно, когда ты вралъ, давеча или теперь. Я получаю съ тебя шестьдесятъ пять рублей. Это скромно... Ну?

— Эхъ, Господи Боже мой! Аристидъ Ѳомичъ! Я вашему благородію всегда, сколько могъ, оказывалъ вниманія.

— Ну? Брось слова, Егорка, правнукъ Іуды!

— Извольте... я дамъ... Только васъ Богъ накажетъ за это.

— Молчать, ты, гнойный прыщъ на землѣ!—гаркнулъ ротмистръ, свирѣпо вращая глазами.—Я наказанъ Богомъ... Онъ меня поставилъ въ необходимость видѣть тебя, говорить съ тобой... Пришибу на мѣстѣ, какъ муху!

Онъ потрясъ кулакомъ у носа Вавилова и скрипнулъ зубами, оскаливъ ихъ.

Когда онъ ушелъ, Вавиловъ началъ криво усмѣхаться и учащенно моргать глазами. Потомъ по щекамъ его покатились двѣ крупныя слезы. Онѣ были какія-то сѣрыя, и когда скрылись въ его устахъ, двѣ другія явились на ихъ мѣсто. Тогда Вавиловъ ушелъ къ себѣ въ комнату, сталъ тамъ передъ образами и такъ стоялъ долго, не молясь, не двигаясь и не вытирая слезъ со своихъ морщинистыхъ коричневыхъ щекъ.

Дьяконъ Тарасъ, всегда тяготѣвшій къ лѣсамъ и лугамъ, предложилъ бывшимъ людямъ итти въ поле, въ одинъ оврагъ, и тамъ, на лонѣ природы, распить водку Вавилова. Но ротмистръ и всѣ остальные единодушно обругали и дьякона и природу, рѣшивъ пить у себя на дворѣ.

— Одинъ, два три...—считалъ Аристидъ Ѳомичъ,—итого насъ тринадцать; нѣтъ учителя... ну, да еще кое-какіе архаровцы подойдутъ. Будемъ считать двадцать персонъ. По два съ половиной огурца на брата, по фунту хлѣба и мяса... недурно! Водки приходится по бутылкѣ... есть кислая капуста, яблоки и три арбуза. Спрашивается, какого дьявола еще нужно вамъ, друзья мои, мерзавцы? Итакъ, приготовимся же пожирать Егорку Вавилова, ибо все это—кровь и плоть его!

На землѣ разостлали какіе-то остатки одеждъ, на нихъ разложили питія и яства и усѣлись вокругъ нихъ, усѣлись чинно и молча, едва сдерживая жадное желаніе пить, сверкавшее у всѣхъ на глазахъ.

Наступилъ вечеръ, тѣни его опускались на обезображенную отбросами землю двора почлежки, и послѣдніе лучи солнца освѣщали крышу полуразвалившагося дома. Было прохладно и тихо.

— Приступимъ, братія!—скомандовалъ ротмистръ.—Сколько чашъ имѣемъ мы? Шесть... а насъ тринадцать... Алексѣй Максимовичъ! наливай! Готово? Н-ну, перррвый взводъ... пли!

Выпили, крякнули и стали ѣсть.

— А учителя нѣтъ... вотъ уже третьи сутки я не вижу его. Никто не видалъ?—спросилъ Кувалда.

— Никто...

— Это не въ его характерѣ! Ну, все равно. Выпьемъ еще! Выпьемъ за здоровье Аристида Кувалды, единственнаго моего друга, который всю мою жизнь ни на минуту не оставлялъ меня одного. Хотя, чортъ его побери, можетъ-быть, я и выигралъ бы что-нибудь, если бъ онъ на нѣкоторое время лишилъ меня своего общества.

— Это остроумно,—сказалъ Объѣдокъ и закашлялся.

Ротмистръ съ сознаніемъ своего превосходства посмотрѣлъ на товарищей, но не сказалъ ничего, ибо ѣлъ.

Выпивъ дважды, компанія сразу оживилась—порціи были внушительныя. Полтора Тараса выразилъ робкое желаніе послушать сказку, но дьяконъ вступилъ въ споръ съ Кубаремъ о преимуществахъ худыхъ женщинъ предъ толстыми и не обратилъ вниманія на слова друга, доказывая Кубарю свой взглядъ съ ожесточеніемъ и горячностью человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своихъ взглядовъ. Наивная рожа Метеора, лежавшаго на животѣ около него, выражала умиленіе, смакуя забористыя словечки дьякона. Мартьяновъ, обнявъ свои колѣни громадными руками, поросшими черной шерстью, молча и мрачно смотрѣлъ на бутылку съ водкой и

ловилъ языкомъ свой усъ, старался закусить его зубами. Объѣдокъ дразнилъ Тяпу.

— Я уже подсмотрѣлъ, куда ты, колдунъ, деньги прячешь!

— Твое счастье...—хрипѣлъ Тяпа.

— Я, братъ, у тебя ихъ поддедюлю!

— Бери...

Кувалдѣ было скучно съ этими людьми: среди нихъ не было ни одного собесѣдника, достойнаго слушать его краснорѣчіе и способнаго понимать его.

— Гдѣ бы это могъ быть учитель?—вслухъ подумалъ онъ.

Мартьяновъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Придетъ...

— Я увѣренъ, что онъ именно придетъ, а не въ кареть пріѣдетъ. Выпьемъ, будущій каторжникъ, за твое будущее. Если ты убьешь денежнаго человѣка, подѣлись со мной... Я, братъ, поѣду тогда въ Америку въ эти... какъ ихъ?.. лампасы... пампасы! Поѣду туда и достукаюсь тамъ до президента штатовъ. Потомъ объявлю всей Европѣ войну и вздую ее. Армію куплю... въ Европѣ же... Приглашу французовъ, нѣмцевъ, турокъ и т. д. и буду бить ими ихнихъ родственниковъ... какъ Илья Муромецъ билъ татаръ татариномъ. Съ деньгами можно быть и Ильей... и уничтожить Европу, и нанять къ себѣ въ лакеи Іуду Петунникова... Онъ пойдетъ... дать ему сто рублей въ мѣсяцъ—и пойдетъ! Но лакеемъ будетъ скверным, ибо станетъ воровать...

— И еще тѣмъ худая женщина лучше толстой, что она дешевле стоитъ,—убѣдительно говорилъ дьяконъ.—Первая дьяконица моя покупала на платье двѣнадцать аршинъ, а вторая десять... Такъ же и въ пищѣ.

Полтора Тараса виновато засмѣялся, повернулъ голову къ дьякону, уставился своимъ глазомъ ему въ лицо и сконфуженно заявилъ:

— У меня тоже была жена...

— Это со всякимъ можетъ случиться,—замѣтилъ Кувалда.—Ври дальше...

— Была худая, но ѣла много... И даже отъ этого померла...

— Ты отравилъ ее, кривой,—убѣжденно сказалъ Объѣдокъ.

— Нѣтъ, ей-Богу! Она севрюги объѣлась,—разсказывалъ Полтора Тараса.

— А я тебѣ говорю—ты ее отравилъ!—рѣшительно утверждалъ Объѣдокъ.

Съ нимъ часто это бывало: сказавъ какую-нибудь нелѣ-

ность, онъ начиналъ повторять ее, не приводя никакихъ основаній въ подтвержденіе, и, говоря сначала какимъ-то капризно-дѣтскимъ тономъ, постепенно доходилъ почти до бѣшенства.

Дьяконъ вступился за друга.

— Нѣтъ, онъ отравить не могъ... не было причины...

— А я говорю—отравилъ!—взвизгнулъ Объѣдокъ.

— Молчать!—грозно крикнулъ ротмистръ. Скука у него перерождалась въ тоскливое озлобленіе. Онъ свирѣпыми глазами осмотрѣлъ своихъ пріятелей и, не найдя въ ихъ рожахъ, уже полупьяныхъ, ничего, что̀ могло бы дать дальнѣйшую пищу его озлобленію,—опустилъ голову на грудь, посидѣлъ такъ нѣсколько минутъ и потомъ легъ на землю кверху лицомъ. Метеоръ грызъ огурцы. Онъ бралъ огурецъ въ руку, не глядя на него, засовывалъ его до половины въ ротъ и сразу перекусывалъ большими желтыми зубами, такъ что разсолъ изъ огурца брызгалъ во всѣ стороны, орошая его щеки. Ѣсть ему, очевидно, не хотѣлось, но этотъ процессъ развлекалъ его. Мартьяновъ сидѣлъ неподвижно, какъ изваяніе, въ той же позѣ, въ которой усѣлся на землю, и такъ же сосредоточенно и мрачно смотрѣлъ на полуведерную бутыль водки, уже наполовину пустую. Тяпа смотрѣлъ на землю и громко жевалъ мясо, не поддававшееся его старымъ зубамъ. Объѣдокъ лежалъ на животѣ и кашлялъ, съеживая все свое маленькое тѣло. Остальные—все молчаливыя и темныя фигуры—сидѣли и лежали въ разнообразныхъ позахъ, и лохмотья дѣлали ихъ похожими на безобразныхъ животныхъ, созданныхъ силой, грубой и фантастической, для насмѣшки надъ человѣкомъ.

„Жила-была въ Суздалѣ
Барыня незнатная,
И съ ней случилась судорога,
Оч-чень непріятная!“—

вполголоса напѣвалъ дьяконъ, обнимая Алексѣя Максимовича, блаженно улыбавшагося ему въ лицо. Полтора́ Тараса сладострастно хихикалъ.

Ночь приближалась. Въ небѣ тихо вспыхивали звѣзды, на горѣ въ городѣ—огни фонарей. Заунывные свистки пароходовъ неслись съ рѣки, съ визгомъ и дребезгомъ стеколъ отворялась дверь харчевни Вавилова. На дворъ вошли двѣ темныя фигуры, приблизились къ группѣ людей около бутылки, и одна изъ нихъ хрипло спросила:

— Пьете?

А другая вполголоса, съ завистью и радостью, произнесла:

— Ишь какіе черти!

Затѣмъ черезъ голову дьякона протянулась рука, взяла бутылку, и раздалось характерное бульканье водки, наливаемой изъ бутылки въ чашку. Потомъ громко крякнули...

— Ну, и тоска же!—воскликнулъ дьяконъ.—Кривой! Давай вспомнимъ старину, споемъ—„На рѣкахъ вавилонскихъ“!

— Онъ развѣ умѣетъ?—спросилъ Симцовъ.

— Онъ? Онъ, братъ, въ архіерейскомъ хорѣ солистомъ былъ... Ну, Кривой... На-а рѣ-ѣ-ѣ-ка-а...

Голосъ у дьякона былъ дикій, хриплый, прерывающійся, а его другъ пѣлъ визгливымъ фальцетомъ.

Объятый тьмою, выморочный домъ, казалось, увеличился въ объемѣ или подвинулся всей массой полусгнившаго дерева ближе къ этимъ людямъ, будившимъ въ немъ глухое эхо своимъ дикимъ воемъ. Облако, пышное и темное, медленно двигалось по небу надъ нимъ. Кто-то изъ бывшихъ людей храпѣлъ, остальные, все еще недостаточно пьяные, или молча пили и ѣли, или же разговаривали вполголоса съ длинными паузами. Всѣмъ было непривычно это подавленное настроеніе на пирѣ, рѣдкомъ по обилію водки и яствъ. Почему-то сегодня долго не разгоралось буйное оживленіе, свойственное обитателямъ ночлежки за бутылкой.

— Вы... собаки! Погодите выть...—сказалъ ротмистръ пѣвцамъ, поднимая голову съ земли и прислушиваясь.—Кто-то ѣдетъ... на пролеткѣ...

Пролетка на Въѣзжей улицѣ и въ эту пору не могла не возбудить общаго вниманія. Кто это изъ города могъ рискнуть поѣхать по рытвинамъ и ухабамъ улицы, кто и зачѣмъ? Всѣ подняли головы и слушали. Въ тишинѣ ночи ясно разносилось шуршаніе колесъ, задѣвавшихъ за крылья пролетки. Оно все приближалось. Раздался чей-то голосъ, грубо спрашивавшій:

— Ну, гдѣ же?

Кто-то отвѣтилъ:

— А вонъ къ тому дому, должно-быть.

— Дальше не поѣду...

— Это къ намъ!—воскликнулъ ротмистръ.

— Полиція!—прозвучалъ тревожный шопотъ.

— На пролеткѣ-то! Дуракъ!—глухо сказалъ Мартьяновъ.

Кувалда всталъ и пошелъ къ воротамъ.

Объѣдокъ, склонивъ голову вслѣдъ ему, сталъ слушать.

— Это ночлежный домъ?—спрашивалъ кто-то дребезжащимъ голосомъ.

— Да, Аристида Кувалды...—прогудѣлъ недовольный басъ ротмистра.

— Вотъ, вотъ... здѣсь жилъ репортеръ Титовъ?

— Ага! Это вы его привезли?

— Да...

— Пьяный?

— Боленъ!

— Значитъ, сильно пьяный. Эй, учитель! Ну-ка, вставай!

— Подождите! Я помогу вамъ... онъ сильно боленъ. Онъ двое сутокъ лежалъ у меня. Берите подъ мышки... Былъ докторъ. Очень скверно...

Тяпа всталъ и медленно пошелъ къ воротамъ, а Объѣдокъ усмѣхнулся и выпилъ.

— Зажгите-ка огонь тамъ!—крикнулъ ротмистръ.

Метеоръ пошелъ въ ночлежку и зажегъ въ ней лампу. Тогда изъ двери ночлежки протянулась во дворъ широкая полоса свѣта, и ротмистръ вмѣстѣ съ какимъ-то маленькимъ человѣкомъ вели по ней учителя въ ночлежку. Голова у него дрябло повисла на грудь, ноги волочились по землѣ, и руки висѣли въ воздухѣ, какъ изломанныя. При помощи Тяпы его свалили на нары, и онъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, съ тихимъ стономъ вытянулся на нихъ.

— Мы съ нимъ въ одной газетѣ работали... Очень несчастный. Я говорю: — пожалуйста, лежите у меня, вы меня не стѣсняете... Но онъ молитъ меня — отправьте домой! Волнуется... Я подумалъ, что ему вредно, и вотъ привезъ его... домой! Вѣдь это именно здѣсь... да?

— А по-вашему, у него еще гдѣ-нибудь есть домъ?—грубо спросилъ Кувалда, пристально разсматривая своего друга.— Тяпа, ступай принеси холодной воды!

— Такъ вотъ...—смущенно помялся человѣчекъ.—Я полагаю... я не нуженъ ему?

— Вы?—ротмистръ критически посмотрѣлъ на него.

Человѣчекъ былъ одѣтъ въ пиджакъ, сильно потертый и тщательно застегнутый вплоть до подбородка. Брюки на немъ были съ бахромой, шляпа рыжая отъ старости, смятая, какъ и его худое, голодное лицо.

— Нѣтъ, вы не нужны... здѣсь такихъ, какъ вы, много...— сказалъ ротмистръ, отворачиваясь отъ человѣчка.

— Значитъ, до свиданія!—Человѣчекъ пошелъ къ двери и оттуда тихо попросилъ: — Ежели что случится... вы извѣстите въ редакцію... Моя фамилія — Рыжовъ. Я написалъ бы маленькій некрологъ... вѣдь все-таки онъ былъ, знаете, дѣятель прессы...

— Гм! Некрологъ, говорите? Двадцать строкъ—сорокъ копеекъ? Я лучше сдѣлаю: когда онъ умретъ, я отрѣжу ему одну ногу и пришлю въ редакцію на ваше имя. Это для васъ выгоднѣе, чѣмъ некрологъ, дня на три хватитъ... у него ноги толстыя... Или же вы его всѣ тамъ живого, навѣрное, поѣдите и мертваго...

Человѣчекъ какъ-то странно фыркнулъ и исчезъ. Ротмистръ сѣлъ на нары рядомъ съ учителемъ, пощупалъ рукой его лобъ, грудь и позвалъ его:

— Филиппъ!

Звукъ глухо отдался въ грязныхъ стѣнахъ ночлежки и замеръ.

— Это, братъ, нелѣпо!—сказалъ ротмистръ, тихонько приглаживая рукой растрепанные волосы неподвижнаго учителя. Потомъ ротмистръ прислушался къ его дыханію, горячему и прерывистому, посмотрѣлъ въ лицо, осунувшееся и землистое, вздохнулъ и, строго нахмуривъ брови, осмотрѣлся вокругъ. Лампа была скверная: огонь въ ней дрожалъ, и по стѣнамъ ночлежки молча прыгали черныя тѣни. Ротмистръ сталъ упорно смотрѣть на ихъ безмолвную игру и разглаживать себѣ бороду.

Пришелъ Тяпа съ ведромъ воды, поставилъ его на нары рядомъ съ головой учителя и, взявъ его руку, поднялъ на своей рукѣ, какъ бы взвѣшивая.

— Не надо воды,—махнулъ рукой ротмистръ.

— Попа надо,—увѣренно сообщилъ старый тряпичникъ.

— Ничего не надо,—рѣшилъ ротмистръ.

Они помолчали, глядя на учителя.

— Пойдемъ, выпьемъ, старый чортъ!

— А онъ?

— Ты ему поможешь?

Тяпа повернулся къ учителю спиной, и они оба вышли на дворъ къ своей компаніи.

— Что тамъ?—спросилъ Объѣдокъ, обращая къ ротмистру свою острую морду.

— Ничего особеннаго... Умираетъ человѣкъ...—кратко сообщилъ ротмистръ.

— Избили его?—поинтересовался Объѣдокъ.

Ротмистръ не отвѣтилъ, ибо пилъ водку въ это время.

— Какъ будто онъ зналъ, что у насъ есть чѣмъ поминки о немъ справить,—сказалъ Объѣдокъ, закуривая папиросу.

Кто-то засмѣялся, кто-то тяжело вздохнулъ. Вообще же разговоръ ротмистра и Объѣдка не произвелъ на этихъ людей замѣтнаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ не видно было,

что онъ взволновалъ, заинтересовалъ или заставилъ задуматься кого-нибудь. Всѣ относились къ учителю, какъ къ человѣку недюжинному, но теперь многіе были уже пьяны, другіе же оставались наружно спокойны. Лишь дьяконъ вдругъ какъ-то напрягся, пошлепалъ губами, потеръ лобъ и дико взвылъ:

— Иде-же праведніи у-по-ко-я-ются-а!

— Ты!—зашипѣлъ Объѣдокъ,—что орешь?

— Дай ему въ рожу!—посовѣтовалъ ротмистръ.

— Дуракъ!—раздался хрипъ Тяпы.—Когда человѣкъ кончается, нужно молчать... чтобы тихо было.

Было достаточно тихо: и въ небѣ, покрытомъ тучами и грозившемъ дождемъ, и на землѣ, одѣтой мрачной тьмой осенней ночи. Порой раздавался храпъ уснувшихъ, бульканье наливаемой водки, чавканье. Дьяконъ что-то бормоталъ. Тучи плыли такъ низко, что казалось—вотъ онѣ задѣнутъ за крышу стараго дома и опрокинутъ его на группу этихъ людей.

— А... скверно на душѣ, когда умираетъ человѣкъ близкій...—заикаясь, проговорилъ ротмистръ и склонилъ голову на грудь.

Никто ему не отвѣтилъ.

— Среди васъ—онъ былъ лучшій... самый умный и порядочный... Мнѣ жалко его...

— Со-о святы-ыми упоко-ой... Пой, кривая шельма!—забурлилъ дьяконъ, толкая въ бокъ своего друга, дремавшаго рядомъ съ нимъ.

— Молчать!.. ты!—злымъ шопотомъ воскликнулъ Объѣдокъ, вскакивая на ноги.

— Я его ударю по башкѣ,—предложилъ Мартьяновъ, поднимая голову съ земли.

— А ты не спишь?—необычайно ласково сказалъ Аристидъ Ѳомичъ.—Слышалъ? Учитель-то у насъ...

Мартьяновъ тяжело завозился на землѣ, всталъ, посмотрѣлъ на полосы свѣта, исходившаго изъ двери и оконъ ночлежки, качнулъ головой и молча сѣлъ рядомъ съ ротмистромъ.

— Выпьемъ?—предложилъ тотъ.

Ощупью отыскавъ стаканъ, они выпили.

— Пойду, посмотрю...—сказалъ Тяпа,—можетъ, ему надо чего.

— Гробъ надо...—усмѣхнулся ротмистръ.

— Не говорите вы про это,—глухимъ голосомъ попросилъ Объѣдокъ.

За Тяпой всталъ съ земли Метеоръ. Дьяконъ тоже хотѣлъ встать, но свалился на бокъ и громко выругался.

Когда Тяпа ушелъ, ротмистръ ударилъ по плечу Мартьянова и вполголоса заговорилъ:

— Такъ-то, Мартьяновъ... Ты бы лучше другихъ долженъ чувствовать... Ты былъ... Впрочемъ, къ чорту это. Жалко тебѣ Филиппа?

— Нѣтъ,—помолчавъ, отвѣтилъ бывшій тюремщикъ.—Я, братъ, ничего такого не чувствую... разучился... Мерзко такъ жить. Я серьезно говорю, что убью кого-нибудь...

— Да?—неопредѣленно произнесъ ротмистръ.—Ну... что же? Выпьемъ еще!

— Н-наше дѣл-ло маленькое... выпилъ—да еще-о!

Это проснулся и блаженнымъ тономъ пропѣлъ Симцовъ.

— Братцы? Кто тутъ? Налейте старику чарку!

Ему налили и подали. Выпивъ, онъ снова свалился, ткнувшись головой въ чей-то бокъ.

Минуты двѣ продолжалось молчаніе, такое же темное и жуткое, какъ эта осенняя ночь. Потомъ кто-то зашепталъ...

— Что?—раздался вопросъ.

— Я говорю, славный онъ парень... былъ. Голова, тихій такой...—говорили вполголоса.

— Да, деньги тоже имѣлъ... и не жалѣлъ ихъ для своего брата...

И опять наступило молчаніе.

— Кончается!—раздался хрипъ Тяпы надъ головой ротмистра.

Аристидъ Ѳомичъ всталъ и, усиленно-твердо ступая ногами, пошелъ въ ночлежку.

— Пошто идешь?—остановилъ его Тяпа.—Не ходи. Пьяный вѣдь ты... нехорошо!

Ротмистръ остановился и подумалъ:

— А что хорошо на этой землѣ? Пошелъ ты къ чорту!—И онъ толкнулъ Тяпу.

По стѣнамъ ночлежки все прыгали тѣни, какъ бы молча борясь другъ съ другомъ. На нарахъ, вытянувшись во весь ростъ, лежалъ учитель и хрипѣлъ. Глаза у него были широко открыты, обнаженная грудь сильно колыхалась, въ углахъ губъ кипѣла пѣна, и на лицѣ было такое напряженное выраженіе, какъ будто онъ силился сказать что-то большое, трудное и—не могъ, и невыразимо страдалъ отъ этого.

Ротмистръ сталъ передъ нимъ, заложивъ руки за спину, и съ минуту молча смотрѣлъ на него. Потомъ заговорилъ, болѣзненно наморщивъ лобъ:

— Филиппъ! Скажи мнѣ что-нибудь... слово утѣшенія другу... брось!.. Я, братъ, люблю тебя... Всѣ люди—скоты, ты былъ

ія меня—человѣкъ... хотя ты пьяница! Ахъ, какъ ты пилъ одку, Филиппъ! Именно это тебя и погубило... А почему? ужно было умѣть владѣть собою... и слушать меня. Р-развѣ не говорилъ тебѣ, бывало...

Таинственная, все уничтожающая сила, именуемая смертью, акъ бы оскорбленная присутствіемъ этого пьянаго человѣка ри мрачномъ и торжественномъ актѣ ея борьбы съ жизнью, ѣшила скорѣе кончить свое безстрастное дѣло, и учитель, лубоко вздохнувъ, тихо простоналъ, вздрогнулъ, вытянулся замеръ.

Ротмистръ качнулся на ногахъ, продолжая свою рѣчь.

— Ты что̀? Хочешь, я принесу тебѣ водки? Но лучше не эй, Филиппъ... Сдержись, побѣди себя... А то выпей! Зачѣмъ, оворя прямо, сдерживать себя... Чего ради, Филиппъ? Вѣрно? его ради?..

Онъ взялъ его за ногу и потянулъ къ себѣ.

— А, ты уснулъ, Филиппъ? Ну... спи... Покойной ночи... автра я все это разъясню тебѣ, и ты убѣдишься, что ничего е надо запрещать себѣ... А теперь спи... если ты не умеръ...

Онъ вышелъ, сопровождаемый молчаніемъ, и, придя къ воимъ, объявилъ:

— Уснулъ... или умеръ... Не знаю... Я н-немножко пьянъ...

Тяпа еще болѣе согнулся, осѣняя свою грудь крестнымъ наменіемъ. Мартьяновъ молча поёжился и легъ на землю. бъѣдокъ сталъ быстро возиться на землѣ, вполголоса, злымъ тоскливымъ тономъ говоря:

— Чортъ васъ всѣхъ возьми! Мучители... Ну, умеръ! Ну то̀ же? Меня-то... мнѣ зачѣмъ знать это? Зачѣмъ мнѣ объ томъ разсказывать? Придетъ время—я самъ умру... не хуже го... Не хуже я другихъ.

— Это вѣрно!—громко говорилъ ротмистръ, грузно опукаясь на землю.—Придетъ время, и всѣ мы умремъ не хуже ругихъ... ха-ха! Какъ мы проживемъ.., это пустяки! Но мы мремъ—какъ всѣ. Въ этомъ—цѣль жизни, вѣрьте моему лову. Ибо человѣкъ живетъ, чтобъ умереть. И умираетъ... И если это такъ—не все ли равно, отчего и какъ онъ умираетъ и какъ онъ жилъ? Мартьяновъ, я правъ? Выпьемъ же еще... и еще, пока живы...

Накрапывалъ дождь. Густая, душная тьма покрывала фигуры людей, валявшіяся на землѣ, скомканныя сномъ или опьяненіемъ. Полоса свѣта, исходившая изъ ночлежки, поблѣднѣвъ, задрожала и вдругъ исчезла. Очевидно, лампу задулъ вѣтеръ или въ ней догорѣлъ керосинъ. Падая на желѣзную крышу ночлежки, капли дождя стучали робко и нерѣшительно.

Съ горы изъ города неслись унылые, рѣдкіе удары въ коло колъ—это сторожили церковь.

Мѣдный звукъ, слетая съ колокольни, тихо плылъ во тм и медленно замиралъ въ ней, но раньше, чѣмъ тьма усп вала заглушить его послѣднюю, трепетно вздыхавшую нот рождался другой ударъ, и снова въ тишинѣ ночи разносилс меланхолическій вздохъ металла.

На утро первымъ проснулся Тяпа.

Повернувшись на спину, онъ посмотрѣлъ на небо—изуро дованная шея его только въ этомъ положеніи позволяла ем видѣть небо надъ головой.

Въ это утро небо было однообразно сѣрое. Тамъ, вверху сгустился сырой и холодный сумракъ, онъ погасилъ солнц и, скрывъ собою голубую безпредѣльность, изливалъ на земл уныніе. Тяпа перекрестился и привсталъ на локтѣ, чтоб посмотрѣть, не осталось ли гдѣ водки. Бутылка была тут но пустая. Перелѣзая черезъ товарищей, Тяпа сталъ осматри вать чашки, изъ которыхъ пили. Одну изъ нихъ онъ нашел почти полной, выпилъ ее, вытеръ губы рукавомъ и стал трясти за плечо ротмистра.

— Вставай... эй! Слышь?

Ротмистръ поднялъ голову, глядя на него тусклыми глазами

— Надо полиціи заявить... ну, вставай!

— А что?—сонно и сердито спросилъ ротмистръ.

— Что умеръ онъ...

— Это кто?

— Ученый-то...

— Филиппъ? Да-а!

— А ты забылъ... эхма!—укоризненно хрипѣлъ Тяпа.

Ротмистръ всталъ на ноги, зычно зѣвнулъ и потянулс такъ, что у него кости хрустнули.

— Такъ иди ты, объяви...

— Я не пойду... не люблю я ихъ,—угрюмо сказалъ Тяпа

— Ну, разбуди вонъ дьякона... А я пойду посмотрю.

— Такъ-то вотъ... Дьяконъ, вставай!

Ротмистръ вошелъ въ ночлежку и сталъ въ ногахъ учи теля. Мертвый лежалъ, вытянувшись во всю длину; лѣва рука была у него на груди, правая откинута такъ, точн онъ размахнулся, чтобъ ударить кого-то. Ротмистръ подумалъ что, если бъ учитель всталъ теперь, онъ былъ бы такой ж высокій, какъ Полтора Тараса. Потомъ онъ сѣлъ на нар въ ногахъ своего пріятеля и, вспомнивъ, что они прожил вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, вздохнулъ. Вошелъ Тяпа, держ

голову, какъ козелъ, собравшійся бодаться. Онъ сѣлъ по другую сторону ногъ учителя, посмотрѣлъ на его темное лицо, спокойное и серьезное, съ плотно сжатыми губами, и захрипѣлъ:

— Да... вотъ и умеръ... И я умру скоро...

— Тебѣ пора,—хмуро сказалъ ротмистръ.

— Пора ужъ!—согласился Тяпа.—И тебѣ тоже надо бы умереть... Все лучше, чѣмъ такъ-то...

— А можетъ, хуже? Ты почемъ знаешь?

— Хуже не будетъ. Помрешь—съ Богомъ будешь имѣть дѣло... А тутъ съ людьми... А люди—что̀ они значатъ?

— Ну ладно, не хрипи...—сердито оборвалъ его Кувалда.

И въ сумракѣ, наполнявшемъ ночлежку, стало внушительно-тихо.

Долго они молча сидѣли у ногъ мертваго сотоварища и изрѣдка поглядывали на него, оба погруженные въ думы. Потомъ Тяпа спросилъ:

— Хоронить его ты будешь?

— Я? Нѣтъ! Полиція пускай хоронитъ.

— Ну! Чай, ты схорони... вѣдь за прошеніе-то съ Вавилова взялъ его деньги... Я дамъ, коли не хватитъ...

— Деньги его у меня... а хоронитъ не стану.

— Нехорошо это. Мертваго грабишь. Я вотъ скажу всѣмъ, что ты его деньги заѣсть хочешь...—пригрозилъ Тяпа.

— Глупъ ты, старый чортъ,—презрительно сказалъ Кувалда.

— Не глупъ я... а только нехорошо, молъ, не по-дружески.

— Ну и ладно. Отвяжись!

— Ишь! А сколько денегъ-то?

— Четвертная...—разсѣянно сказалъ Кувалда.

— Вона!.. Далъ бы мнѣ хоть пятерочку...

— Экій ты мерзавецъ, старикъ...—равнодушно посмотрѣвъ въ лицо Тяпы, выругался ротмистръ.

— А что̀? Право, дай...

— Пошелъ къ чорту!.. Я ему на эти деньги памятникъ устрою.

— На что ему?

— Куплю жерновъ и якорь. Жерновъ положу на могилу, а якорь цѣпью прикую къ нему... Это будетъ очень тяжело...

— Зачѣмъ? Чудишь ты...

— Ну... не твое дѣло.

— Я, смотри, скажу...—снова пригрозилъ Тяпа.

Аристидъ Ѳомичъ тупо посмотрѣлъ на него и промолчалъ. И опять они сидѣли долго въ молчаніи, всегда въ присут-

ствіи мертвыхъ принимающемъ внушительный и таинственный колоритъ.

— Слышь, вонъ... ѣдутъ!—сказалъ Тяпа, всталъ и ушелъ изъ ночлежки.

Скоро въ дверяхъ ея явился частный приставъ, слѣдователь и докторъ. Всѣ трое поочередно подходили къ учителю и, взглянувъ на него, выходили вонъ, награждая Кувалду косыми и подозрительными взглядами. Онъ сидѣлъ, не обращая на нихъ вниманія, пока приставъ не спросилъ его, кивая головой на учителя:

— Отчего онъ умеръ?

— Спросите у него... Я думаю, отъ непривычки...

— Что̀ такое?—спросилъ слѣдователь.

— Я говорю—умеръ, молъ, онъ, по моему мнѣнію, отъ непривычки къ той болѣзни, которой захворалъ...

— Гм... да! А онъ давно хворалъ?

— Вытащить бы его сюда, не видно тамъ ничего,—предложилъ докторъ скучнымъ тономъ.—Можетъ-быть, есть знаки...

— Ну-те-ка, позовите кого-нибудь вынести его,—приказалъ приставъ Кувалдѣ.

— Зовите сами... Онъ мнѣ не мѣшаетъ и тутъ...—равнодушно отозвался ротмистръ.

— Ну!—крикнулъ полицейскій, дѣлая свирѣпое лицо.

— Тпру!—отпарировалъ Кувалда, не трогаясь съ мѣста, спокойно-злой и оскалившій зубы.

— Я, чортъ возьми!..—крикнулъ приставъ, взбѣшенный до того, что лицо у него налилось кровью.—Я вамъ этого не спущу! Я...

— Добренькаго здоровьица, господа честные! — сладкимъ голосомъ сказалъ купецъ Петунниковъ, являясь въ дверяхъ.

Окинувъ острымъ взглядомъ всѣхъ сразу, онъ вздрогнулъ, отступилъ шагъ назадъ и, снявъ картузъ, истово перекрестился. Затѣмъ по лицу его расплылась улыбка злораднаго торжества, и, въ упоръ глядя на ротмистра, онъ почтительно спросилъ:

— Что̀ это здѣсь? никакъ человѣка убили?

— Да вотъ что-то въ этомъ родѣ,—отвѣтилъ ему слѣдователь.

Петунниковъ глубоко вздохнулъ, опять перекрестился и тономъ огорченія заговорилъ:

— А, Господи Боже мой! Какъ я этого боялся! Всегда, бывало, зайдешь сюда, посмотришь... ай-ай-ай! Потомъ придешь домой, и все такое начинаетъ мерещиться—Боже упаси всякаго!.. Сколько разъ я господину этому вотъ... главно-

командующему золотой ротой хотѣлъ отказать отъ квартиры, но боюсь все... знаете... народъ такой.... лучше уступить, думаю, а то какъ бы не того...

Онъ плавно повелъ рукой въ воздухѣ, потомъ провелъ ею по лицу, собралъ въ горсть бороду и снова вздохнулъ.

— Опасные люди. И господинъ этотъ въ родѣ начальника у нихъ... совершенно атаманъ разбойниковъ.

— А вотъ мы его пощупаемъ,—многообѣщающимъ тономъ сказалъ приставъ, глядя на ротмистра мстительными глазами.—Онъ мнѣ тоже хорошо извѣстенъ!..

— Да, мы съ тобой, братъ, старые знакомые...—подтвердилъ Кувалда фамильярнымъ тономъ.—Сколько я тебѣ и приснымъ твоимъ взятокъ за молчаніе переплатилъ!

— Господа,—воскликнулъ приставъ,—вы слышали? Прошу запомнить! Я этого не спущу... А...а! Такъ вотъ что? Ну, ты у меня помни это! Я тебя... сокр-ращу, мой другъ...

— Не хвались на рать идучи... мой другъ,—спокойно говорилъ Аристидъ Ѳомичъ.

Докторъ, молодой человѣкъ въ очкахъ, смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, слѣдователь со зловѣщимъ вниманіемъ, Петунниковъ съ торжествомъ, а приставъ кричалъ и метался, наскакивая на него.

Въ дверяхъ ночлежки явилась мрачная фигура Мартьянова. Онъ подошелъ тихо и сталъ сзади Петунникова, такъ что его подбородокъ приходился подъ теменемъ купца. Сбоку изъ-за него выглядывалъ дьяконъ, широко раскрывая свои маленькіе, опухшіе и красные глазки.

— Однако давайте же что-нибудь дѣлать, господа!—предложилъ докторъ.

Мартьяновъ скорчилъ страшную гримасу и вдругъ—чихнулъ прямо на голову Петунникова. Тотъ вскрикнулъ, присѣлъ и прыгнулъ въ сторону, чуть не сбивъ съ ногъ пристава, который едва удержалъ его, раскрывъ ему объятія.

— Видите?—тревожно сказалъ купецъ, указывая на Мартьянова.—Вотъ какіе люди! а?

Кувалда хохоталъ. Докторъ и слѣдователь смѣялись, а къ дверямъ ночлежки подходили все новыя и новыя фигуры. Полусонныя, опухшія физіономіи съ красными, воспаленными глазами, съ растрепанными волосами на головахъ, безцеремонно разглядывали доктора, слѣдователя и пристава.

— Куда лѣзете!—усовѣщевалъ ихъ городовой, дергая за лохмотья и отталкивая отъ двери. Но онъ былъ одинъ, а ихъ много, и они, не обращая на него вниманія, лѣзли, дыша перегорѣлой водкой, молчаливые и зловѣщіе. Кувалда посмотрѣлъ

на нихъ, потомъ на начальство, нѣсколько смущенное обиліемъ этой нехорошей публики, и, усмѣхаясь, сказалъ начальству:

— Господа! Можетъ, вы хотите познакомиться съ моими квартирантами и пріятелями? Хотите? Все равно—рано или поздно, вамъ придется же по обязанностямъ службы знакомиться съ ними...

Докторъ смущенно засмѣялся. Слѣдователь плотно сжалъ губы, а приставъ догадался, что нужно было сдѣлать, и крикнулъ на дворъ:

— Сидоровъ! Свисти... скажи, когда придутъ сюда, чтобъ достали телѣгу...

— Ну, а я пойду!—сказалъ Петунниковъ, выдвигаясь откуда-то изъ-за угла.—Квартирку вы мнѣ сегодня ослободите, господинъ... Я ломать буду эту хибарочку... Позаботьтесь... а то я обращусь къ полиціи...

На дворѣ пронзительно рокоталъ свистокъ полицейскаго, у дверей ночлежки тѣсной толпой стояли ея обитатели, позѣвывая и почесываясь.

— Итакъ, не хотите знакомиться?.. Невѣжливо!..—смѣялся Аристидъ Кувалда.

Петунниковъ досталъ изъ кармана кошелекъ, порылся въ немъ, вытащилъ два пятака и, крестясь, положилъ ихъ въ ноги покойника.

— Господи, благослови... на погребеніе грѣшнаго праха...

— Что-о?—гаркнулъ ротмистръ.—Ты на погребеніе? Возьми прочь! Прочь возьми, я тебѣ говорю... мер-рзавецъ! Ты смѣешь давать на погребеніе честнаго человѣка твои воровскіе гроши... разражу!

— Ваше благородіе!—испуганно крикнулъ купецъ, хватая пристава за локти. Докторъ и слѣдователь выскочили вонъ, приставъ громко звалъ:

— Сидоровъ, сюда!

Бывшіе люди стали въ дверяхъ стѣной и съ интересомъ, оживлявшимъ ихъ смятыя рожи, смотрѣли и слушали.

Кувалда, потрясая кулакомъ надъ головою Петунникова, ревѣлъ, звѣрски вращая налитыми кровью глазами:

— Подлецъ и воръ! Возьми деньги! Гнусная тварь—бери, говорю... а то я въ зѣнки твои вобью эти пятаки, бери!

Петунниковъ протянулъ дрожащую руку къ своей лентѣ и, защищаясь другой рукой отъ кулака Кувалды, говорилъ:

— Будьте свидѣтелемъ, господинъ приставъ, и вы, добрые люди.

— Мы, купецъ, недобрые люди,—раздался дребезжащій голосъ Объѣдка.

Приставъ, надувъ лицо, какъ пузырь, отчаянно свистѣлъ, другую руку держалъ въ воздухѣ надъ головою Петунни-ова, извивавшагося передъ нимъ такъ, точно онъ хотѣлъ лѣзть ему въ животъ.

— Хочешь, я заставлю тебя, ехидна подлая, ноги цѣло-ать у этого трупа? Х-хочешь?

И, вцѣпившись въ воротъ Петунникова, Кувалда швыр-улъ его, какъ котенка, къ двери.

Бывшіе люди быстро разступились, чтобы дать купцу мѣ-то для паденія. И онъ растянулся у ихъ ногъ, испуганно и ѣшено воя:

— Убиваютъ! Караулъ... Убили-и!

Мартьяновъ медленно поднялъ свою ногу, прицѣливаясь ею ъ голову купца. Объѣдокъ со сладострастнымъ выраженіемъ а своей физіономіи плюнулъ въ лицо Петунникова. Купецъ жался въ маленькій комокъ и, упираясь въ землю ногами и уками, покатился на дворъ, поощряемый хохотомъ. А на ворѣ уже появились двое полицейскихъ, и приставъ, ука-ывая имъ на Кувалду, торжествуя, кричалъ:

— Арестовать! Связать!

— Вяжите его, голубчики!—умолялъ Петунниковъ.

— Не смѣй! Я не бѣгу... я самъ пойду, куда надо...—го-орилъ Кувалда, отмахиваясь отъ городовыхъ, подбѣжавшихъ ъ нему.

Бывшіе люди исчезали одинъ по одному. Телѣга въѣхала о дворъ. Какіе-то унылые оборванцы уже тащили изъ ноч-ежки учителя.

— Я т-тебя, голубчикъ... погоди!—грозилъ приставъ Кувалдѣ.

— Что̀, атаманъ!—ехидно спрашивалъ Петунниковъ, воз-бужденный и счастливый при видѣ врага, которому вязали уки.—Что̀? Попалъ? Погоди! То ли еще будетъ!..

Но Кувалда молчалъ. Онъ стоялъ между двухъ полицей-скихъ, страшный и прямой, и смотрѣлъ, какъ учителя взва-ивали на телѣгу. Человѣкъ, державшій трупъ подъ мышки, ылъ низенькаго роста и не могъ положить головы учителя въ отъ моментъ, когда ноги его уже были брошены въ телѣгу. Съ минуту учитель былъ въ такой позѣ, точно онъ хотѣлъ инуться съ телѣги внизъ головой и спрятаться въ землѣ отъ всѣхъ этихъ злыхъ и глупыхъ людей, не дававшихъ ему покоя.

— Веди его,—скомандовалъ приставъ, указывая на рот-истра.

Кувалда, не протестуя, молчаливый и насупившійся, дви-нулся со двора и, проходя мимо учителя, наклонилъ голову, но не взглянулъ на него. Мартьяновъ съ своимъ окаменѣ-

лымъ лицомъ пошелъ за нимъ. Дворъ купца Петунникова быстро пустѣлъ.

— П-но, поѣхали!—взмахнулъ извозчикъ вожжами надъ крупомъ лошади.

Телѣга тронулась, затряслась по неровной землѣ двора. Учитель, покрытый какимъ-то тряпьемъ, вытянулся на ней вверхъ грудью, и животъ его дрожалъ. Казалось, что учитель тихо и довольно смѣется, обрадованный тѣмъ, что вотъ наконецъ онъ уѣзжаетъ изъ ночлежки и болѣе ужъ не воротится въ нее, никогда не воротится... Петунниковъ, провожая его взглядомъ, благочестиво перекрестился и потомъ тщательно началъ обивать своимъ картузомъ пыль и соръ, приставшіе къ его одеждѣ. И по мѣрѣ того, какъ пыль исчезала съ его поддевки, на лицѣ его являлось спокойное выраженіе довольства собой и увѣренности въ себѣ. Со двора ему видно было, какъ по улицѣ въ гору шелъ ротмистръ Аристидъ Ѳомичъ Кувалда, съ прикрученными на спинѣ руками, высокій, сѣрый, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, похожимъ на полосу крови.

Петунниковъ улыбнулся улыбкой побѣдителя и пошелъ къ ночлежкѣ, но вдругъ остановился, вздрогнувъ. Въ дверяхъ противъ него стоялъ съ палкой въ рукѣ и съ большимъ мѣшкомъ за плечами страшный старикъ, ершистый отъ лохмотьевъ, прикрывавшихъ его длинное тѣло, согнутый тяжестью ноши и наклонившій голову на грудь такъ, точно онъ хотѣлъ броситься на купца.

— Ты что?—крикнулъ Петунниковъ.—Ты кто?

— Человѣкъ...—раздался глухой хрипъ.

Петунникова этотъ хрипъ обрадовалъ и успокоилъ. Онъ даже улыбнулся.

— Человѣкъ! Ахъ, ты... такіе развѣ люди бываютъ?

И, посторонившись, онъ пропустилъ мимо себя старика, который шелъ прямо на него и глухо ворчалъ:

— Разные бываютъ... какъ Богъ захочетъ... Есть хуже меня... еще хуже есть... да!

Хмурое небо молча смотрѣло на грязный дворъ и на чистенькаго человѣка съ острой сѣдой бородкой, ходившаго по землѣ, что-то измѣряя своими шагами и острыми глазками. На крышѣ стараго дома сидѣла ворона и торжественно каркала, вытягивая шею и покачиваясь.

Въ сѣрыхъ, строгихъ тучахъ, сплошь покрывшихъ небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно онѣ, собираясь разразиться ливнемъ, твердо рѣшили смыть всю грязь съ этой несчастной, измученной, печальной земли.

1897.

ВЪ СТЕПИ.

...Мы вышли изъ Перекопа въ самомъ сквернѣйшемъ настроеніи духа—голодные, какъ волки, и злые на весь міръ. Въ продолженіе цѣлой половины сутокъ мы безуспѣшно употребляли въ дѣло всѣ наши таланты и усилія для того, чтобы украсть или заработать что-нибудь, и, когда убѣдились наконецъ, что ни то ни другое намъ не удастся, рѣшили итти дальше. Куда? Вообще—дальше.

Мы готовы были пойти и во всѣхъ отношеніяхъ дальше по той жизненной тропѣ, по которой давно уже шли,—это было молча рѣшено каждымъ изъ насъ и ясно сверкало въ угрюмомъ блескѣ нашихъ голодныхъ глазъ.

Насъ было трое; мы всѣ недавно познакомились, столкнувшись другъ съ другомъ въ Херсонѣ, въ кабачкѣ на берегу Днѣпра.

Одинъ изъ насъ былъ солдатъ желѣзнодорожнаго батальона, потомъ—якобы—дорожный мастеръ на одной изъ привислинскихъ дорогъ, рыжій и мускулистый человѣкъ, съ холодными, сѣрыми глазами; онъ умѣлъ говорить по-нѣмецки и обладалъ очень подробнымъ знаніемъ тюремной жизни.

Нашъ братъ не любитъ много говорить о своемъ прошломъ, всегда имѣя на это болѣе или менѣе основательныя причины, и потому всѣ мы вѣрили другъ другу—по крайней мѣрѣ, наружно вѣрили, ибо внутренно каждый изъ насъ и самъ-то себѣ плохо вѣрилъ.

Когда второй нашъ товарищъ, сухонькій и маленькій человѣчекъ съ тонкими губами, всегда скептически поджатыми, говорилъ о себѣ, что онъ бывшій студентъ московскаго университета,—я и солдатъ принимали это за фактъ. Въ сущности, намъ было рѣшительно все равно, былъ ли онъ когда-то студентомъ, сыщикомъ или воромъ—важно было лишь то,

что въ моментъ нашего знакомства онъ былъ равенъ намъ: голодалъ, пользовался особымъ вниманіемъ полиціи въ городахъ и подозрительнымъ отношеніемъ мужиковъ въ деревняхъ, ненавидѣлъ и ту и другихъ ненавистью безвольнаго, загнаннаго и голоднаго звѣря, мечталъ объ универсальной мести всѣмъ и всему,—однимъ словомъ, и по своему положенію среди царей природы и владыкъ жизни, и по настроенію—былъ нашего поля ягода.

Третій былъ я. По скромности, со временъ младыхъ ногтей моихъ присущей мнѣ, я ни слова не скажу о моихъ достоинствахъ и, не желая показаться вамъ наивнымъ, умолчу о своихъ недостаткахъ. Но, пожалуй, въ видѣ матеріала для моей характеристики, я скажу, что всегда считалъ себя лучше другихъ, и успѣшно продолжаю заниматься этимъ до сего дня.

Итакъ, мы вышли изъ Перекопа и шли дальше, имѣя въ виду на этотъ день чабановъ, у которыхъ всегда можно попросить хлѣба и которые очень рѣдко отказываютъ въ этомъ прохожимъ людямъ.

Я шелъ рядомъ съ солдатомъ, „студентъ“ шагалъ сзади насъ. На плечахъ у него висѣло нѣчто, напоминавшее собой пиджакъ; на головѣ, острой, угловатой и гладко остриженной, покоился остатокъ широкополой шляпы; сѣрыя брюки въ разноцвѣтныхъ заплатахъ обтягивали его тонкія ножки, а къ ступнямъ онъ пристроилъ веревочками, свитыми изъ подкладки его костюма, найденное на дорогѣ голенище сапога, назвалъ это сооруженіе сандаліями и шагалъ себѣ молча, поднимая много пыли и поблескивая своими зеленоватыми, маленькими глазками. Солдатъ былъ одѣтъ въ красную кумачевую рубаху, которую, по его словамъ, онъ „собственноручно“ пріобрѣлъ въ Херсонѣ; сверхъ рубахи на немъ былъ еще теплый ватный жилетъ; на головѣ, по воинскому уставу,—„съ заломомъ верхняго круга на правую бровь“, надѣта была солдатская фуражка неопредѣленнаго цвѣта; на ногахъ болтались широкіе чумацкіе шаровары. Онъ былъ босъ.

Я тоже былъ одѣтъ и босъ.

Мы шли, а вокругъ насъ во всѣ стороны богатырскимъ размахомъ распростерлась степь и, покрытая синимъ знойнымъ куполомъ безоблачнаго лѣтняго неба, лежала, какъ громадное, круглое, черное блюдо. Сѣрая, пыльная дорога рѣзала ее широкой полосой и жгла намъ ноги. Мѣстами попадались щетинистыя полосы сжатаго хлѣба, имѣвшія странное сходство съ давно небритыми щеками солдата.

Солдатъ шелъ и пѣлъ сиповатымъ басомъ:

—...И святое воскресеніе Твое поемъ и хва-алимъ...

Во время своей службы онъ несъ что-то въ родѣ должности дьячка въ батальонной церкви и зналъ безчисленное множество тропарей, ирмосовъ и кондаковъ, знаніемъ которыхъ и злоупотреблялъ каждый разъ, когда бесѣда наша почему-либо не вязалась.

Впереди, на горизонтѣ, росли какія-то фигуры мягкихъ очертаній и ласковыхъ оттѣнковъ отъ лиловаго до нѣжно-розоваго.

— Очевидно, это и есть Крымскія горы,—сказалъ „студентъ“ сухимъ голосомъ.

— Горы?—воскликнулъ солдатъ,—больно рано, другъ, увидалъ ты ихъ. Облака это... просто облака. Видишь, какія—точно клюквенный кисель съ молокомъ...

Я замѣтилъ, что было бы въ высшей степени пріятно, если бы облака и въ самомъ дѣлѣ состояли изъ киселя. Это сразу возбудило нашъ голодъ—злобу нашихъ дней.

— Ахъ, дьяволъ!—выругался солдатъ, сплевывая,—хоть бы одна живая душа попалась! Никого... Приходится, какъ медвѣдямъ зимой, собственныя лапы сосать...

— Я говорилъ, что надо было къ заселеннымъ мѣстамъ двигаться,—поучительно заявилъ „студентъ“.

— Ты говорилъ!—возмутился солдатъ.—На то ты и ученый, чтобы говорить. Какія тутъ заселенныя мѣста? Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они?

Студентъ замолчалъ, поджавъ губы. Солнце садилось, и облака на горизонтѣ играли разнообразными, неуловимыми словомъ красками. Пахло землей и солью.

И отъ этого сухого и вкуснаго запаха наши аппетиты еще болѣе усиливались.

Въ желудкахъ сосало. Это было странное и непріятное ощущеніе: казалось, что изъ всѣхъ мускуловъ тѣла соки медленно вытекаютъ куда-то, испаряются, и мускулы теряютъ свою живую гибкость. Ощущеніе колющей сухости наполняло полость рта и глотку, въ головѣ мутилось, а передъ глазами то и дѣло вставали и мелькали темныя пятна. Иногда они принимали видъ дымящихся кусковъ мяса, короваевъ хлѣба; воспоминаніе снабжало эти „видѣнья былого, видѣнья нѣмыя“ свойственными имъ запахами, и тогда въ желудкѣ точно ножъ повертывался.

Мы все-таки шли, дѣлясь другъ съ другомъ описаніемъ нашихъ ощущеній, зорко посматривая по сторонамъ—не видать ли гдѣ-либо отары овецъ, и слушая, не раздается ли рѣзкій скрипъ арбы татарина, везущаго фрукты на Армянскій базаръ.

Но степь была пуста и безмолвна.

Накануне этого тяжелаго дня мы втроемъ съѣли четыре фунта ржаного хлѣба и штукъ пять арбузовъ, а прошли около сорока верстъ—расходъ не по приходу!—и, заснувъ на базарной площади Перекопа, мы проснулись отъ голода.

„Студентъ“ справедливо совѣтовалъ намъ не ложиться спать, а въ теченіе ночи заняться... но въ порядочномъ обществѣ не принято вслухъ говорить о проектахъ нарушенія права собственности, и я молчу. Я хочу быть только правдивымъ, и не въ моихъ интересахъ быть грубымъ. Я знаю, что люди становятся все мягче душой въ наши высоко-культурные дни и даже, когда берутъ за глотку своего ближняго съ явной цѣлью удушить его,—такъ стараются сдѣлать это съ возможной любезностью и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ данномъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ увѣренности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этомъ свѣтѣ. Въ частности, этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости...

Итакъ, глотая голодную слюну и стараясь дружеской бесѣдой подавить боли въ желудкахъ, мы шли по пустынной и безмолвной степи, шли въ красноватыхъ лучахъ заката, полные смутной надежды на что-то; предъ нами закатывалось солнце, тихо опускаясь въ мягкія облака, щедро окрашенныя его лучами, а сзади насъ и съ боковъ голубоватая мгла, поднимаясь со степи въ небо, суживала непривѣтливые горизонты, окружавшіе насъ.

— Собирайте, братцы, матеріалъ для костра,—сказалъ солдатъ, поднимая съ дороги какую-то чурбашку.—Придется ночевать въ степи... роса. Кизяки, всякій прутъ—все бери!

Мы разошлись по сторонамъ дороги и стали собирать сухой бурьянъ и все, что̀ могло сгорѣть. Каждый разъ, какъ приходилось наклоняться къ землѣ, во всемъ тѣлѣ возникало страстное желаніе упасть на нее, лежать неподвижно и ѣсть ее, черную и жирную, много ѣсть, ѣсть до изнеможенія и потомъ заснуть. Хоть навсегда заснуть, только бы ѣсть, жевать и чувствовать, какъ теплая и густая кашица изо рта медленно опускается по ссохшемуся пищеводу въ алчущій, сжавшійся желудокъ, горящій отъ желанія впитать въ себя что-либо.

— Хоть бы коренья какіе-нибудь найти...—вздохнулъ солдатъ.—Есть этакіе съѣдобные коренья...

Но въ черной вспаханной землѣ не было никакихъ ко-

реньевъ. Южная ночь наступала быстро, и еще не успѣлъ угаснуть послѣдній лучъ солнца, какъ уже въ темно-синемъ небѣ заблестѣли звѣзды, а вокругъ насъ все плотнѣе сливались темныя тѣни, суживая безконечную гладь степи...

— Братцы,—вполголоса сказалъ „студентъ",—тамъ влѣво человѣкъ лежитъ...

— Человѣкъ?—усомнился солдатъ.—А чего ему тамъ лежать?

— Иди и спроси. Навѣрное, у него есть хлѣбъ, коли онъ расположился въ степи...—пояснилъ „студентъ".

Солдатъ посмотрѣлъ въ сторону, гдѣ лежалъ человѣкъ, и, рѣшительно сплюнувъ, сказалъ:

— Идемъ къ нему!

Только зеленые и острые глаза „студента" могли разобрать, что темная куча, возвышавшаяся саженяхъ въ пятидесяти влѣво отъ дороги, есть человѣкъ. Мы шли къ нему, быстро шагая по комьямъ пашни, и чувствовали, какъ зародившаяся въ насъ надежда на ѣду обостряетъ боли голода. Мы были уже близко,—человѣкъ не двигался.

— А можетъ, это не человѣкъ,—угрюмо выразилъ солдатъ общую всѣмъ намъ мысль.

Но наше сомнѣніе разсѣялось въ тотъ же моментъ, ибо куча на землѣ вдругъ зашевелилась, выросла, и мы увидали, что это—самый настоящій, живой человѣкъ, который стоялъ на колѣняхъ, простирая къ намъ руку.

И онъ говорилъ намъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ:

— Не подходи,—застрѣлю!

Въ мутномъ воздухѣ раздался сухой и краткій щелчокъ.

Мы остановились, какъ по командѣ, и нѣсколько секундъ молчали, ошеломленные такой нелюбезной встрѣчей.

— Вотъ такъ мер-рзавецъ!—выразительно пробормоталъ солдатъ.

— Н-да,—задумчиво сказалъ „студентъ".— Съ револьверомъ ходитъ... видно, икряная рыба...

— Эй!—крикнулъ солдатъ, очевидно, рѣшивъ что-то.

Человѣкъ, не измѣняя позы, молчалъ.

— Эй, ты! Мы не тронемъ тебя... дай намъ только хлѣба... есть, чай? Дай, братъ, Христа ради!.. будь ты, анаѳема, проклятъ!

Послѣднія слова солдатъ произнесъ себѣ въ усы.

Человѣкъ молчалъ.

— Слышишь?—съ дрожью злобы и отчаянія снова заговорилъ солдатъ.—Дай, молъ, хлѣба. Мы не подойдемъ къ тебѣ... брось намъ его...

— Ладно...—кратко сказалъ человѣкъ.

Онъ могъ бы сказать намъ: „дорогіе братья мои!“, и если бъ онъ влилъ въ эти три христіанскія слова всѣ самыя святыя и чистыя чувства, они не возбудили бы насъ такъ и не очеловѣчили бы настолько, какъ это глухое и краткое:

— Ладно!

— Ты не бойся насъ, добрый человѣкъ,—мягко и со сладкой улыбкой на лицѣ заговорилъ солдатъ, хотя человѣкъ не могъ видѣть его улыбки, ибо былъ отдѣленъ отъ насъ разстояніемъ по крайней мѣрѣ въ двадцать шаговъ.—Мы люди смирные... идемъ изъ Россіи въ Кубань... подшиблись деньгой въ дорогѣ, все съ себя проѣли... а теперь вотъ ужъ вторыя сутки не жрамши...

— Держи!—сказалъ добрый человѣкъ, взмахнувъ рукой въ воздухѣ. Черный кусокъ мелькнулъ и упалъ неподалеку отъ насъ на пашню. „Студентъ“ бросился за нимъ.

— Еще держи! Еще! Больше нѣтъ...

Когда „студентъ“ собралъ эту оригинальную подачку, оказалось, что мы имѣемъ фунта четыре пшеничнаго черстваго хлѣба. Онъ былъ вывалянъ въ землѣ и очень черствъ. Черствый хлѣбъ сытнѣе мягкаго: въ немъ меньше влаги.

— Такъ... и такъ... и такъ!—сосредоточенно распредѣлялъ солдатъ куски.—Стой... не ровно! У тебя, ученый, надо ущипнуть кусочекъ, а то ему мало...

„Студентъ“ безпрекословно подчинился утратѣ кусочка хлѣба золотниковъ въ пять вѣсомъ; я получилъ его и положилъ въ ротъ.

И сталъ жевать его, медленно жевать, едва сдерживая судорожное движеніе челюстей, готовыхъ искрошить камень. Мнѣ доставляло острое наслажденіе чувствовать торопливыя судороги пищевода и понемножку, капельками удовлетворять его. Глотокъ за глоткомъ, теплые и неизъяснимо, неописуемо вкусные, проникали въ желудокъ и, казалось, тотчасъ же превращались въ кровь и мозгъ. Радость, такая странная, тихая и оживляющая радость, грѣла сердце по мѣрѣ того, какъ наполнялся желудокъ, и общее состояніе мое было сходно съ какимъ-то полусномъ. Я позабылъ объ этихъ проклятыхъ дняхъ хроническаго голода и позабылъ о моихъ товарищахъ, весь погруженный въ наслажденіе тѣми ощущеніями, которыя я переживалъ.

Но, когда я сбросилъ съ ладони въ ротъ послѣднія крошки хлѣба, то почувствовалъ, что смертельно хочу ѣсть.

— У него, анаѳемы, сало тамъ еще осталось, или мясо какое-то...—ворчалъ солдатъ, сидя на землѣ противъ меня и потирая руками желудокъ.

— Навѣрное, потому хлѣбъ имѣлъ запахъ мяса... Да и хлѣбъ, чай, остался еще...—сказалъ „студентъ“ и тихонько добавилъ:

— Если бы не револьверъ...

— Кто онъ такой? а?

— Видно, нашъ же братъ Исакій...

— Собака!—рѣшилъ солдатъ.

Мы сидѣли тѣсной группой и искоса посматривали туда, гдѣ сидѣлъ нашъ благодѣтель съ револьверомъ. Оттуда до насъ не доносилось ни звука, ни признака жизни.

Ночь собирала вокругъ насъ свои темныя силы. Мертвенно-тихо было въ степи,—мы слышали дыханіе другъ друга. Иногда гдѣ-то раздавался меланхолическій свистъ суслика... Звѣзды, живые цвѣты неба, горѣли надъ нами... Мы хотѣли ѣсть.

Съ гордостью говорю—я былъ не хуже и не лучше моихъ случайныхъ товарищей въ эту нѣсколько странную ночь. Я предложилъ имъ встать и итти на этого человѣка. Не нужно трогать его, но мы съѣдимъ у него все, что найдемъ. Онъ будетъ стрѣлять,—пускай! Изъ троихъ попадетъ только въ одного, если попадетъ; а если и попадетъ, такъ едва ли револьверная пуля убьетъ на смерть.

— Идемъ!—сказалъ солдатъ, вскочивъ на ноги.

„Студентъ“ поднялся медленнѣе его.

И мы пошли, почти побѣжали. „Студентъ“ держался сзади насъ.

— Товарищъ!—укоризненно крикнулъ ему солдатъ.

Навстрѣчу намъ неслось глухое бормотаніе и рѣзкій звукъ щелкающаго курка. Вотъ сверкнулъ огонь, раздался сухой звукъ выстрѣла.

— Мимо!—радостно воскликнулъ солдатъ, однимъ прыжкомъ достигая до человѣка.—Ну, дьяволъ, я жъ тебѣ теперь задамъ...

„Студентъ“ бросился къ котомкѣ.

А дьяволъ упалъ съ колѣнъ на спину и, разметавъ руки, хрипѣлъ...

— Что за чортъ!—изумился солдатъ, уже поднявшій ногу, чтобы дать пинка этому человѣку.—Неужто онъ въ себя ахнулъ? Ты! Что ты? Эй! Застрѣлился, что ли?

— И мясо, и какія-то лепешки, и хлѣбъ... много, братцы!—раздался ликующій голосъ „студента“.

— Ну, чортъ съ тобой, издыхай... Ѣдимъ, дружки!—крикнулъ солдатъ. Я вынулъ револьверъ изъ руки человѣка, который уже пересталъ хрипѣть и лежалъ теперь неподвижно. Въ барабанѣ былъ еще одинъ патронъ.

Мы снова ѣли, ѣли молча. Человѣкъ тоже лежалъ и молчалъ, не двигая ни однимъ членомъ. Мы не обращали на него вниманія.

— Неужто, братцы мои родные, вы это все только изъ-за хлѣба?—вдругъ раздался хриплый и дрожащій голосъ.

Мы всѣ вздрогнули. „Студентъ“ даже поперхнулся и, согнувшись къ землѣ, сталъ кашлять.

Солдатъ, прожевавъ кусокъ, началъ ругаться.

— Собачья ты душа, чтобъ те треснуть, какъ сухой колодѣ! Шкуру, что ли, мы съ тебя сдеремъ? На кой она намъ нужна? Дурье твое рыло, поганый духъ! На-ка!—вооружился и палитъ въ людей! Анаѳема ты...

Онъ ругался и ѣлъ, отчего ругань его теряла всю выразительность и силу...

— Погоди, вотъ мы поѣдимъ, такъ разсчитаемся съ тобой,— зловѣще пообѣщалъ „студентъ“.

Тогда въ тишинѣ ночи раздались воющія рыданія, испугавшія насъ.

— Братцы... развѣ я зналъ? Стрѣлялъ... потому что боюсь. Иду изъ Новаго Аѳона... въ Смоленскую губернію... о-охъ, Господи! Лихорадка смаяла... какъ солнце зайдетъ—бѣда моя! Отъ лихорадки и съ Аѳона ушелъ... столярилъ тамъ... столяръ я... Дома жена... двѣ дѣвочки... три года четвертый не видалъ ихъ... братцы! Все ѣшьте...

— Съѣдимъ, не проси,—сказалъ „студентъ“.

— Господи Боже! кабы я зналъ, что вы мирные, хорошіе люди... развѣ бы я сталъ стрѣлять? А тутъ, братцы, степь, ночь... виноватъ я? а?

Онъ говорилъ и плакалъ, вѣрнѣе—издавалъ какой-то дрожащій, пугливый вой.

— Вотъ скулитъ!—презрительно сказалъ солдатъ.

— У него должны быть деньги съ собой,—заявилъ „студентъ“.

Солдатъ прищурилъ глаза, посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— А ты догадливый... Вотъ что, давайте-ка костеръ запалимъ, да и спать...

— А онъ?—освѣдомился „студентъ“.

— А чортъ съ нимъ! Жарить намъ его, что ли?

— Слѣдовало бы, — сказалъ „студентъ“, качнувъ своей острой головой.

Мы сходили за набранными нами матеріалами, которые бросили тамъ, гдѣ остановилъ насъ столяръ своимъ окрикомъ, принесли ихъ и скоро сидѣли вокругъ костра. Онъ тихо теплился въ безвѣтреную ночь и освѣщалъ въ ней маленькое

пространство, занятое нами. Насъ клонило ко сну, хотя мы все-таки могли бы еще разъ поужинать.

— Братцы!—окликнулъ насъ столяръ. Онъ лежалъ въ трехъ шагахъ отъ насъ, и порой мнѣ казалось, что онъ что-то шепчетъ.

— Да?—сказалъ солдатъ.

— Можно мнѣ къ вамъ... къ огню? Смерть моя приходитъ... кости мои ломитъ всѣ... Господи! не дойду я, видно, домой-то...

— Ползи сюда,—разрѣшилъ „студентъ“.

Столяръ медленно, точно боясь потерять руку или ногу, подвинулся по землѣ къ костру. Это былъ высокій и страшно исхудавшій человѣкъ; все на немъ какъ-то страшно болталось, и большіе, мутные глаза отражали снѣдавшую его боль. Искривленное его лицо было костляво и даже при освѣщеніи костра имѣло какой-то желтовато-землистый мертвенный цвѣтъ. Онъ весь дрожалъ и возбуждалъ презрительную жалость. Простирая къ огню костра свои длинныя, худыя руки, онъ потиралъ свои костлявые пальцы, и суставы ихъ гнулись вяло, медленно. Въ концѣ концовъ на него было противно смотрѣть.

— Что же ты это въ такомъ видѣ—и пѣшкомъ идешь? скупъ, что ли?—угрюмо спросилъ солдатъ.

— Посовѣтовали мнѣ... не ѣзди, говорятъ, по водѣ... а иди Крымомъ,—воздухъ, говорятъ. А я вотъ не могу итти... помираю, братцы! Помру одинъ въ степи... птицы расклюютъ, и не узнаетъ никто... Жена... дочки будутъ ждать—написалъ я имъ... а мои кости дожди будутъ степные мыть... Господи, Господи!

Онъ завылъ тоскливымъ воемъ раненаго волка.

— О, дьяволъ!—взбѣсился солдатъ, вскочивъ на ноги.— Чего ты скулишь? Что ты не даешь покоя людямъ? Издыхаешь? Ну, и издыхай, да молчи... Кому ты нуженъ? Молчи!

— Дай ему по башкѣ,—предложилъ „студентъ“.

— Ляжемте спать,—сказалъ я.—А ты, коли хочешь быть у огня, такъ не вой, въ самомъ дѣлѣ...

— Слышалъ?—свирѣпо сказалъ солдатъ.—Ну, и понимай. Ты думаешь, мы тебя жалѣть да возиться съ тобой будемъ за то, что ты въ насъ хлѣбомъ швырялъ да пули пускалъ? Кислый ты чортъ! Другіе бы... тьфу!..

Солдатъ замолчалъ и вытянулся на землѣ.

Студентъ уже лежалъ. Я тоже легъ. Напуганный столяръ съежился въ комокъ и, подвинувшись къ огню, молча сталъ смотрѣть на него. Я лежалъ справа отъ него и слышалъ, какъ стучали его зубы. „Студентъ“ легъ слѣва и, кажется, сразу заснулъ, свернувшись въ комокъ. Солдатъ, заложивъ руки подъ голову, лежалъ вверхъ лицомъ и смотрѣлъ въ небо.

— Экая ночь, а? Звѣздъ сколько... теплынь...—обратился онъ ко мнѣ спустя нѣкоторое время.—Небо-то какое—одѣяло, а не небо. Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь. Оно и холодно и голодно, но свободно ужъ очень... Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ... Хоть голову себѣ откуси—никто тебѣ слова не можетъ сказать... Хорошо... Наголодался я за эти дни, назлился... а вотъ теперь лежу, смотрю въ небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ... ровно говорятъ:—ничего, Лакутинъ, ходи, знай, по землѣ и никому не поддавайся... Н-да... И хорошо на сердцѣ... А ты... какъ тебя? эй, столяръ! Ты не сердись на меня и ничего не бойся... Что мы хлѣбъ твой съѣли, это ничего: у тебя былъ хлѣбъ, а у насъ не было, мы твой и съѣли... А ты, дикій человѣкъ, пули пускаешь... Неужто ты не понимаешь, что пулей вредъ человѣку можно сдѣлать? Очень я на тебя давеча разсердился, и ежели бы ты не упалъ, вздулъ бы я тебя, братъ, за твою дерзость. А насчетъ хлѣба—дойдешь ты завтра до Перекопа и купишь тамъ,—деньги у тебя есть... я знаю... Давно ты схватилъ лихорадку-то?

Долго еще въ моихъ ушахъ гудѣлъ басъ солдата и дрожащій голосъ больного столяра. Ночь—темная, почти черная—спускалась все ниже на землю, и въ грудь лился свѣжій сочный воздухъ.

Отъ костра исходилъ ровный свѣтъ и живительное тепло... Глаза слипались.

. . . . . .

— Вставай! Живо! Идемъ!

Я съ чувствомъ испуга открылъ глаза и быстро вскочилъ на ноги, чему помогъ солдатъ, сильно дернувъ меня съ земли за руку.

— Ну, живо! Шагай!

Лицо у него было сурово и тревожно. Я оглянулся вокругъ. Всходило солнце, и уже розовый лучъ его лежалъ на неподвижномъ и синемъ лицѣ столяра. Ротъ у него былъ открытъ, глаза далеко вышли изъ впадинъ и смотрѣли стеклянпымъ взглядомъ, выражавшимъ ужасъ. Одежда на его груди была вся изорвана, и онъ лежалъ въ неестественно-изломанной позѣ. „Студента“ не было.

— Ну, заглядѣлся! Иди, говорю! — внушительно сказалъ солдатъ, таща меня за руку.

— Онъ умеръ? — спросилъ я, вздрагивая отъ утренней свѣжести.

— Конечно. И тебя удушить, такъ и ты умрешь,—объяснилъ солдатъ.

— Его... „студентъ“?—воскликнулъ я.

— Ну, а кто же? Ты, можетъ? А то я? Н-да. Вотъ-те и ленный... Ловко управился съ человѣкомъ... и товарищей воихъ въ рюху всадилъ. Знай я это, я бы вчера этого студента убилъ. Убилъ бы съ одного разу. Трахъ его кулакомъ ь високъ... и нѣтъ на свѣтѣ одного мерзавца! Вѣдь что онъ дѣлалъ, ты понимаешь? Теперь мы должны такъ итти, чтобы и одинъ глазъ человѣческій не видалъ насъ въ степи. Понялъ? Потому—столяра сегодня найдутъ и увидятъ—удушенъ ограбленъ. И будутъ смотрѣть за нашимъ братомъ... откуда дешь, гдѣ ночевалъ? Н-ну, и словятъ насъ... Хотя при насъ ь тобой и нѣтъ ничего... а револьверъ-то его у меня за пахой! Штука!

— Ты его брось,—посовѣтовалъ я солдату.

— Бросить?—задумчиво сказалъ онъ... Вещь-то цѣнная... можетъ, насъ и не словятъ еще... Нѣтъ, я не брошу... кто даетъ, что у столяра оружіе было? Не брошу... Онъ рубля ри стоитъ. Пуля въ немъ есть... эхъ-ма! Какъ бы эту я амую пулю милому товарищу нашему въ ухо выпустилъ! колько онъ, собака, денегъ огребъ,—а? Анаѳема!

— Вотъ-те и дочки столяровы...—сказалъ я.

— Дочки? Какія? А, у этого... Ну, онѣ вырастутъ, замужъ-то е за насъ выйдутъ, объ нихъ и разговору нѣтъ... Идемъ же, ратъ, скорѣе... Куда намъ итти?

— Я не знаю... Все равно.

— И я не знаю, и знаю, что все равно. Идемъ вправо: амъ должно море быть.

Мы пошли вправо.

Я обернулся назадъ. Далеко отъ насъ въ степи возвышался емный бугорокъ, а надъ нимъ сіяло солнце.

— Смотришь, не воскресъ ли? Не бойсь, догонять насъ не станетъ... Ученый-то, видно, со сноровкой парень, основательно управился... Ну, и товарищъ! Здорово онъ насъ всадилъ! Эхъ, братъ! Портятся люди, изъ года въ годъ все больше ортятся!—печально сказалъ солдатъ.

Степь, безмолвная и пустынная, вся залитая яркимъ солнцемъ тра, развертывалась вокругъ насъ, сливаясь на горизонтѣ съ ебомъ, такимъ яснымъ, такимъ ласковымъ и щедрымъ свѣомъ, что всякое черное и несправедливое дѣло казалось неозможнымъ среди великаго простора этой свободной равнины, окрытой голубымъ куполомъ небесъ.

— А жрать-то хочется, братъ!—сказалъ мой товарищъ, вертывая папироску.

— Чего мы сегодня поѣдимъ, и гдѣ, и какъ?

Задача!

. . . . . .

На этомъ разсказчикъ—мой сосѣдъ по больничной койкѣ—кончилъ свою повѣсть, сказавъ мнѣ:

— Вотъ и все. Я очень подружился съ этимъ солдатомъ и мы съ нимъ вмѣстѣ дошли до Карской области. Это былъ добрый и очень опытный малый, типичный бродяга-босякъ. Я уважалъ его. До самой Малой Азіи шли мы вмѣстѣ, а тамъ потеряли другъ друга...

— Вы вспоминаете иногда о столярѣ?—спросилъ я.

— Какъ видите, или—какъ слышали...

— И... ничего?

Онъ засмѣялся.

— А что̀ я долженъ чувствовать при этомъ? Я не виноватъ въ томъ, что̀ съ нимъ случилось, какъ вы не виноваты въ томъ, что̀ случилось со мной... И никто ни въ чемъ не виноватъ, ибо всѣ мы одинаково—скоты.

1897.

Оглавленіе

I тома.

	стр.
Макаръ Чудра	3
О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ—любителѣ истины	15
Емельянъ Пиляй	22
Дѣдъ Архипъ и Ленька	34
Челкашъ	53
Старуха Изергиль	86
Однажды осенью	107
Ошибка	115
Мой спутникъ	139
Дѣло съ застежками	167
Пѣсня о соколѣ	178
На плотахъ	185
Болесь	193
Тоска	200
Коноваловъ	240
Ханъ и его сынъ	288
Выводъ	294
Супруги Орловы	296
Бывшіе люди	350
Въ степи	400

Duke University Libraries
D04103667R